4 апреля: беседа продолжена в виду неисчерпанного списка ораторов и по просьбе собравшихся. Воскресенье, 4-ш апреля беседа будет иметь место в „Палас-театре“ (Итальянская, 13) в 3 часа дня[8]. Мы были бы очень рады и было бы очень важно выслушать Ваше слово. Присоединяю и свою личную просьбу к просьбе Совета»[9].

Ориентируясь на участие Горького, устроители заседания предполагали, что главным образом в дискуссии «столкнутся лбами» традиционный (общечеловеческий) и ортодоксально-марксистский (классовый) взгляды на культуру. Однако спора по существу не получилось. Все выступления, за небольшим исключением, представляли первую точку зрения. Более того, разговор неожиданно ушел в сторону от темы «пролетарской» культуры в область широко понимаемого творчества, когда из уст авангардистски настроенного В. Б. Шкловского (по словам, А. З. Штейнберга, «он держался в стороне по особым литературно-историческим причинам»[10]) прозвучал тезис о независимости искусства от политики. На этом заседании присутствовало нескольких тысяч человек. О растущей популярности Вольфилы свидетельствовало также и то, что петроградские «Известия» впервые откликнулись на заседание Ассоциации подробным и, в целом, весьма благожелательным отчетом.

8 Вероятно, во время этого заседания выступали также П. П. Гайдебуров и А. С. Лурье, о чем свидетельствует проспект сборника «О пролетарской культуре», подготавливавшегося к печати в 1920-1922 гг. М. Горький участия в беседе не принимал.

9 Цит. по изд.: *А. Крюкова.* М. Горький и Андрей Белый. С. 296.

10 *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 61.

Беседа о пролетарской культуре[11]

Несмотря на все неблагоприятные условия современной действительности, зал «Дома Искусств» (Мойка, 59), где должна была произойти беседа о пролетарской культуре, задолго до назначенного срока уже набит битком. Буквально некуда упасть яблоку.

Нельзя не поставить в вину устроителям беседы, что они заранее не учли этого обстоятельства, результатом чего и явилась необходимость всей аудиторией перекочевывать под дождем в Зимний дворец, куда была перенесена беседа из-за тесноты назначенного помещения, смогшего вместить лишь половину собравшихся.

Начавшаяся из-за последнего обстоятельства с большим опозданием беседа открылась докладом Андрея Белого, который взял темой положение: как ставить вопрос о пролетарской культуре?

Будущее свободной культуры

По мнению докладчика, ответов на этот вопрос много. В общем, тот скачок, который ведет к будущему царству свободы – неопределим. Но с другой стороны, если царство будущей свободной культуры неопределимо условиями нашей свободной действительности, то во всяком случае оно звучит как нечто такое, при помощи чего мы отрицательно определяем свое отношение к настоящему. Другими словами – царство свободы предполагает противоположность нынешнему царству необходимости, которое, следовательно, подлежит уничтожению.

К царству свободы и ведет пролетариат. Сам будучи порождением необходимости, он ликвидирует эту необходимость, а с нею – и себя. Но все же он является зиждительной силой, которая проводит нас в царство свободы чрез Фермопильское ущелье действительности.

Двойственность природы пролетариата

По природе своей пролетариат двойственен: оставаясь классом, он является в то же время носителем всечеловеческого идеала. Он высвобождает человечество из пут необходимости, приближая его к царству свободы.

Социальная революция – последний этап человеческой эволюции. Пролетариат уничтожает то, что обречено на гибель. Отсюда

[11] Известия Петроградского Совета. 1920. 22 марта. № 63. С. 2.

и пролетарская культура – это этап следующий за разлагающейся буржуазной культурой, за каковым этапом начнется новая неведомая еще нам история.

Он не ставит крест на организованной человечеством культурой, а останавливается перед ней, стремясь высвободить ее из оков. Пролетариат ставит своей задачей вызвать то всечеловеческое, что есть в старой культуре. Он поможет вскрыть ту сторону культуры, которая остается человеческой, а не буржуазной или пролетарской.

Пролетарская культура – основа для грядущего творчества

Переходя затем к будущему царству свободы, А. Белый характеризует его как царство творческое. Пролетарская же культура – импульс к этому новому творчеству. Поскольку пролетариат является носителем чего-то динамического, постольку и культура его носит в себе признак динамичности, она движет нас все вперед и вперед.

Вывод из длинного доклада А. Белого один: скачка из царства необходимости в царство свободы, в сущности говоря, нет, а есть освобождение из царства необходимости тех зачатков творчества, которые существуют в нас.

Пролетарская цивилизация

Следующим выступал критик Иванов-Разумник. Разбирая существо вопроса о пролетарской культуре, он заявляет, что ни пролетарской, ни буржуазной культуры нет и не будет, а таковой может быть лишь цивилизация; ибо пролетариат и буржуазия – понятия классовые, понятие же культуры – внеклассовое и народное, в противоположность классовому понятию цивилизации, которая в то же время является интернациональной.

По мнению Иванова-Разумника – пролетариату как классу будет доступно сокрушить старые формы и построить новые, в которые будет влито содержание, но не пролетарское, а народное.

Всенародное творчество

В связи с этим он заявляет, что не велит в пролетарскую культуру и не знает ее, в пролетарскую же цивилизацию верит, Но вообще верит в культуру как в творчество, которое пойдет не по пролетарским

и не по буржуазным путям, а по путям народным. Дальнейший же этап этого пути – творчество всенародное.

Выступающий затем А. Мейер подходит к вопросу о пролетарской культуре с точки зрения воли и пытается выяснить, какова воля пролетариата.

Классовой культуры не существует

Он не согласен с разделением цивилизации и культуры. Конечно, классовой культуры быть не может. Но буржуазия в период своего господства наложила печать и на культуру и на цивилизацию, ибо она была деятелем и той и другой.

Низшие классы не были такими деятелями, но их достоянием было то, что гораздо глубже. Культура – наследство. И вот, когда выступают на историческую арену те слои, которые раньше в культуре не участвовали, то пред ними встает вопрос: принять это наследство или действовать вне культуры? Поэтому сочетание слов – пролетарская культура – таит в себе противоречие. Но это со стороны логической, а не со стороны воли, которая иногда выражает себя и в неправильном словоупотреблении, в символе, который нужно вскрыть.

Пролетарская культура – символ высшей правды

Пролетарская культура – символ, который говорит нам от какой-то высшей правде. А о какой – сказать нельзя: содержания за этим символом пока еще нет, – оно еще не раскрыто.

В заключение А. Мейер говорит, что сама по себе культура не существует, а есть только правда жизни, голос которой звучит в истории, призывая к выявлению ее. И задача пролетариата – выявить эту правду, которая должна быть выявлена в данный момент.

Вечное и человеческое в будущих формах творчества

Далее выступил тов. Штейнберг, который, вспоминая о золотом веке, когда человечество говорило одним языком, указывает на то, что в будущем человечество также будет единообразно, и национальность не будет играть никакой роли. Когда в людях будет преодолено существующее теперь многообразие, когда выступит то, что есть вечного в человечестве, и только тогда люди смогут приняться за строительство.

Цивилизация и культура – это формы, которые поставлены над человеческим сознанием. Пролетариат – это то человеческое, что

поглощено этими историческим формами. Культура – пролетарская форма прогресса человечества, цивилизация – форма классовая, цель которой – изживание жизни; цель же культуры – творчество, желание создавать.

После этого сильную речь произнес тов. Пунин. Он полемизирует с предшествующими ораторами и к разбиравшимся ими вопросам подходит с новой точки зрения. По его мнению, пролетариат – говорит далее оратор, – пришел доказать, что в нем живет воля к творчеству.

Культура и наука

Переходя к определению характера пролетарской культуры, он говорит, что коль скоро культура есть наращение творчества – она должна быть, по существу, строго научной. Многие пытались раскрывать научную ценность цивилизации, но характерный признак культуры – наука – не является признаком цивилизации.

Цивилизованные слои сделали науку предметом роскоши; для культуры же наука – ось развития, основание. Культура должна принять науку, растворить ее в себе. А раз так, то принцип организации – признак пролетарского общества.

Механизация – экономия энергии. И пролетарская культура решает вопрос о механическом понимании развития истории человечества. В дальнейшем оратор старается выяснить, как мы понимаем пролетарскую культуру по отношению к искусству и какова роль последнего?

Новое искусство – футуризм

Выступавшие затем ораторы (Петров-Водкин и др.) все говорили о новом искусстве, имеющем создать новые формы, которые не будут напоминать формы художников цивилизованных стран.

Тут ораторы подошли к вопросу о футуризме, который и объявили истинной механизацией, дорогой пролетариату.

В зале слышны протесты, даже свистки. Поднимается шум, который мешает дальше слушать.

Большинство собравшихся прокидает зал под протесты и иронические замечания сторонников футуризма.

Вольная Философская Ассоциация[12]

Беседа о пролетарской культуре 21 Марта 1920 года

Председатель (Андрей Белый)[13]: Объявляю заседание открытым. В начале заседания я хотел бы сказать несколько вводительных слов и соединить эти вводительные слова с темою, которую я взял на себя.

Наша сегодняшняя беседа является продолжением целого ряда бесед, где проблема культуры играла значительную роль. Тема сегодняшней беседы, «пролетариат и культура», является насущной; со стороны одной части общества мы слышим: пролетарская культура есть именно та культура грядущего, которая раскроет нам то, что в условиях современной действительности, пока в мире существует буржуазный строй, невскрываемо; а со стороны другой части общества мы имеем целый ряд категорических утверждений, отрицающих самую постановку вопроса о пролетарской культуре, потому что пролетариат есть класс, и как класс среди классов развивает свое отношение к действительности; между тем культура мыслится многими как нечто общечеловеческое, как нечто, выходящее из рамок класса. Думается мне, что в зависимости от того, как будем мы брать тему «пролетарская культура», как будем ставить самый вопрос о пролетариате и культуре, мы придем к многообразной серии ответов.

[12] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 2. В левом верхнем углу имеется помета Иванова-Разумника: «Копия (машинопись) и подлинник стенограммы речей Андрея Белого и И.-Р., правленная ими самими». Публикация стенограммы впервые осуществлена Е. В. Ивановой (De Visu. 1993. № 7. С. 7–26) с некоторыми неточностями. См. также: *В. Г. Белоус.* К публикации «Беседы о пролетарской культуре в Вольфиле». De Visu. 1993. № 7 // De Visu. 1994. № 1/2. С. 139–140.

[13] Выступление Андрея Белого было переработано в статью, которая под заглавием «Прыжок в царство свободы» впервые увидела свет в московском журнале «Знамя» (1920. Ноябрь. № 5 (7). Стлб. 42–48).

Мои слова не будут касаться утверждения или отрицания пролетарской культуры; они будут касаться скорее целого ряда недоразумений, которые в нашей предстоящей беседе и следовало бы вырешить. Все мы знаем утверждения, которые делаются многими теоретиками пролетариата и которые сводятся к тому, что пролетариат несет нам царство свободы и что переход к будущему социалистическому строю есть переход от необходимости к свободе, что весь наш строй обусловлен необходимостью, так что мы не можем представить себе свободного развития того строя, который должен сменить существующий строй. Таким образом все то, что встает перед нами как картина будущего социалистического человечества, все это, встающее перед нами, является нам как бы скрытым флером представлений о необходимости, вписанных нашей собственной кровью и плотью; и таким образом, это царство свободы, скачок к которому рисует нам, например, Энгельс[14], *является никак не вскрываемым, никак не определяемым*. Уже при такой постановке проблемы встает ряд вопросов, которые мы имеем право себе поставить. Если царство свободы неопределяемо в условиях нашей действительности, то оно звучит нам не как нечто реально раскрывающееся, а как нечто, при помощи чего мы отрицательно определяем свое отношение к современной действительности; и первый вопрос тут встающий – таков: есть ли царство свободы нечто реальное, конкретное, что имеет свое действительное содержание, или это, как говорят в философии, постулат, т. е. последнее завершение наших представлений и притом совершенно абстрактное. Царство свободы противополагается необходимости; вся старая культура, породившая уродства буржуазной культуры, признается царством необходимости, царством

[14] Речь идет о заключительном разделе работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (1880). См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961. С. 227–228.

несвободы, и упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы. И вот спрашивается, откуда разовьется эта свобода? Есть ли культура свободы действительно нечто конкретное, а не теоретический ход мысли, показующий, что здесь обрываются наши представления? – Из ничего ничто и разовьется. Стало быть, если мы полагаем царство свободы, в которое нас ведет пролетариат, мы должны положить, что некоторые начатки этого конкретного царства в нас заложены. Это один вопрос, который возникает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на свободе. Другой вопрос встает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости: если в современном строе господствует необходимость, то ведь и пролетариат является следствием этой необходимости; он есть показатель распада и разложений, внесенных буржуазной культурою, – стало быть, пролетариат не является вовсе тем классом, который *нас вводит в раскрывающуюся* свободу; или – пролетариат, упраздняя необходимость, но сам являясь порождением необходимости, упраздняет сам себя: необходимость ликвидирует в пролетариате сама себя. Так ли это? Думается мне: оба решения при всей их ясности страдают абстрактностью. Прежде всего представление о необходимости и свободе, рождаемой из ничего, не может нас удовлетворить. Если действительно пролетариат проводит нас через Фермопильское ущелье периода диктатуры пролетариата, то он все же выводит нас в долину, где человечество встречается уж<е> по-иному: для позитивной работы и для культурного творчества; стало быть: в пролетариате есть зиждительная сила, какие-то особые, благоприятные условия совершить мучительный переход к раскрытию человеческой свободы; свобода и в нашем строе как-то загадана, но связана условиями механической жизни, т. е. ненормальным ростом промышленности. Таким образом следует полагать: пролетариат в силу классовых условий приближается к всечеловечеству; он является

носителем всечеловеческого идеала, оставаясь классом. При такой постановке вопроса следует представить себе двойственность пролетариата: с одной стороны, в пролетариате есть нечто противоположное классам; с другой — пролетариат есть класс среди классов; взятие пролетариата как класса не является ли порождением царства необходимости, которое упраздняется? Следует остановиться на черте, характеризующей теоретиков социализма: они говорят про организующие способности пролетариата (история есть процесс организации[15]). С этой точки зрения, разные исторические периоды суть периоды организаторские, и все человечество в конце исторического процесса явится организованным коллективом; такой коллектив и кладется в основу представления о социалистическом строе. Организация, связь индивидуумов полагается теоретиками пролетариата в основу будущего строя: но тут же в основу истории кладется представление о механической необходимости. Механика есть нечто, диаметрально противоположное организму[16]. В организме мы имеем индивидуумов, коллектив индивидуумов, где каждый индивидуум, оставаясь на своем месте, тем не менее в человеческом коллективе играет свою роль. Только такая мыслима организация; иначе организация была

[15] Здесь и далее Андрей Белый подвергает критике взгляды ведущего идеолога Пролеткульта Александра Александровича Богданова (наст. фам. Малиновский; 1873–1928). См.: *А. А. Богданов.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. I. СПб., 1913.

[16] Ср.: «Что же касается продуктов стихийных сил природы, то здесь живой „организации" противопоставляется мертвый „механизм" как нечто по существу иное, отделенное непереходимой пропастью. Между тем если внимательно исследовать, как применяется в самой же науке понятие „механизм", то пропасть немедленно исчезает. Всякий раз, как в живом организме удается *объяснить* какую-нибудь его функцию, она уже рассматривается как „механическая". <...> „Механизм" — *понятая организация*, и только. „Механическая точка зрения" и есть единая организационная точка зрения — в ее *развитии*, в ее *победах над разрозненностью науки*» (*А. А. Богданов.* Тектология. Единая организационная наука. Кн. 1. М., 1989. С. 99).

бы механизацией. Таким образом, если пролетариат несет в себе идеал свободы, которая мыслима как органическое развитие человеческих способностей к свободному соединению человеческих индивидуальностей в общебратском деле труда и творчества, тогда как раз представление о человечестве, как механизме, будет представлением, внесенным из царства необходимости, из буржуазной культуры, создавшей картину истории как какого-то индивидуальность пожирающего механизма. Мы должны сказать: у многих идеологов, рисующих пролетариат как символ будущего, ярко выражен взгляд на развитие человечества как механизма; законы исторической необходимости, будучи определяемы чисто материальными потребностями человека, механически подвигают к свободе нас; в идеологии марксизма, кладущей механический метод в основу своих представлений, многое заимствовано у буржуазной культуры, которую опрокинет пролетариат; идея необходимости, рока, связанности в различных мировоззрениях современности вынашивает культуру, обреченную на гибель; возникает недоумение (его и было бы желательно выдвинуть): — в какой мере взгляд на историю как на процесс постепенной организации соединим с детерминистическими представлениями некоторых идеологов пролетариата? Если мы положим необходимость в основу наших представлений, то мы должны заявить: в необходимости не может быть революции; эволюция есть основа самой революции; революция — эпизод эволюционной истории; если капиталистическое производство, развиваясь с необходимостью, порождает свою ликвидацию, то смысл социальной революции, т. е. обобществление орудий производства, является лишь эволюционным завершением некоторого огромного периода, последним этапом эволюции; тогда почему же мы называем социальную революцию — революцией, когда мыслим ее эволюционно? При таком взгляде социальная революция не может нам вскрыть положительно культуру свободы; и таким образом пролетариат как последнее звено в эволюции челове-

чества есть лишь разъедающий все гнилое; и – не созидающий нового Но идеологи социализма не так говорят; они говорят, что история начинается после этого акта исторической драмы. Кто начинает ее? Итак, если мы положим механический взгляд на человека и на историю человечества, то мы должны будем сказать, что пролетарская культура не есть культура открывающая, а последний этап культуры кончающей. Я не разделяю этого взгляда; я только подчеркиваю: такая точка зрения выявляется из намеченных идеологических предпосылок; у идеологов пролетариата встречает нас расхождение. Одни подчеркивают ликвидирующий смысл его, как класса, который путем организационной борьбы ликвидирует наши представления о культуре. Такой взгляд влагает в пролетарскую культуру чисто милитантный смысл, – пролетарская культура есть та, которая заканчивает борьбу; она – ликвидирует, кончает, оттачивает орудия борьбы; в таком случае пролетарская культура противоречит общим представлениям о культуре, как о начале организующем и соединяющем; тогда пролетарский милитаризм, ограничивающий и суживающий представления о пролетарской культуре как культуре класса, ныне существующего, не может связать себя с представлением о культуре будущего: о той культуре, которая развиваема только тогда, когда человечество будет высвобождено из классовых предрассудков. Некоторые из пролетарских критиков выдвигают другой взгляд, противополагающий себя взгляду, только что высказанному. Они указывают на то, что задачей пролетарской культуры не является ликвидация продуктов нашей культуры; если всю культуру, организованную буржуазией, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства; должны ликвидировать и Бетховена, и Шекспира; и – придти к парадоксальному утверждению: дважды два четыре есть аксиома математики; математика является порождением науки буржуазной; в будущей культуре дважды

два будет не четыре, а может быть пять. Вот, к какому абсурду мы приходим. Характеризуемое течение указывает: задача пролетариата не в том, чтобы быть культурою милитантной, ликвидирующей нашу культуру; пролетариат должен остановиться перед этой культурой и высвободить ее из буржуазных оков. С точки зрения этих представлений, буржуй это тот, у которого верхняя одежда и нижняя, пролетарий тот, у которого нижняя одежда, но и под нижней одеждой есть человеческое тело без одежды. Так вот, может быть там, где начинается человеческое, по существу человеческое, там и начинаются представления о подлинной, не извращенной необходимостью, свободной культуре; пролетариат и ставит задачей себе выявить эту свободу; она в нас загадана и, может быть, не имеет еще своих выражений, поднимаясь, как музыка в душе. Я полагаю, что многое в устремлениях пролетарского сознания следует отнести к свободе, высвобождающей в человеке – человека по существу: пролетариат, имея свой смысл, как класс боевой, имеет, может быть, другой, второй смысл, воистину человеческий смысл. Царство свободы, прыжок в которую из необходимости изображает Энгельс, это-то царство в нас нашими предвзятыми догматами задавлено. Пролетариат в устремлении к всечеловеческой культуре является дверью, вскрывающей как раз сторону культуры, которая до сих пор остается не буржуазной, не дворянской и не пролетарской, а человеческой. В пролетарском мировоззрении нас встречает нечто динамическое; трудовое царство, противополагаемое царству капитала, есть царство динамики, энергии, действия, а не царство золотых вещей. Произведения культуры динамичны: картина имеет не три измерения; четвертое измерение ее есть все то, что она взрывает в душе: она – динамический круговорот переживаний; трудовая идеология, как динамическая, противополагается идеологии статической, но в трудовой идеологии еще не выяснено понятие действия; человек есть человек трудящийся, активный, не почиющий на вещах; нужно

вскрыть теперь трудовое действие: в чем оно проявляется? Есть ли труд бремя, связывающее человека, или, наоборот, будущее раскрытие труда преображает его в творчество? Мировоззрение трудовое должно еще вырешить, углубить понятие трудовых действий; на них ведь оно строит царство свое. Есть ли трудовое действие общеобязательный государственный труд, который всех одинаково приневоливает, или же, наоборот, оно есть свободное излучение человеческого творчества? А если – последнее, то будущее царство культуры нами и мыслимо как царство творчества, где индивидуумы соединяются в коллектив для всеобщего творения бесконечных ценностей. Представление о таком творчестве, о такой культуре противополагается другим взглядам на культуру так, как в искусствах музыка противополагается другим искусствам: в музыке мы имеем нечто, возбуждающее нашу душу, нечто, говорящее нам; в других искусствах мы имеем те или иные образы, то или иное, связанное с материей. Когда мы слушаем музыкальное произведение, мы должны сказать, что музыка не связана ни с какими образными, конкретными представлениями; пролетарская культура, если она несет в себе свободу, еще не имеет своих творческих ценностей, образов, но, как музыка, она есть импульс к какому-то новому творению. Выявить эту музыку, разбить скорлупу на творчестве, высвободить творчество из обязательного труда это и значит превратить человека в свободного гиганта, которого вся жизнь претворится в музыку; поскольку пролетариат есть носитель чего-то динамического, вечно ищущего и не останавливающегося, постольку и культура его есть динамическая, творческая культура; лишь начатки ее мы носим в себе; эти начатки еще не раскрыты, они нам загаданы как невнятная музыка, движущая вперед и вперед. Но тогда мы не можем сказать, что будущее пролетарской культуры связано именно со скачком из царства необходимости, как чего-то конкретного, в царство свободы, как чего-то аб-

стрaктного, – а это есть высвобождение из смутно загаданных человечеству устремлений к творчеству, освобождение этих зачатков творчества, уже в нас во всяком строе существующих, выявление их и организация жизни по закону этого творчества.

Вот, собственно, какие, товарищи, разные представления возникают в нас, когда мы сосредоточиваем наше внимание на вопросе о пролетарской культуре. Я не пытался, как непролетарий, разрешить эти вопросы в каком-либо догматическом смысле; я только выявляю вопросы, и было бы хорошо, если бы наша дальнейшая беседа была посвящена всестороннему обмену мнений и выявлению как объема, так и содержания понятия «пролетарий» и понятия «культура».

Иванов-Разумник[17]: Я ограничусь очень немногим, более постановкой вопросов, чем каким бы то ни было решением их. Тема, которую я хотел бы затронуть, сосредоточивается на двух словах, на двух понятиях, на возможности их соединения: *на словах «пролетарская» и «культура»*. Позвольте подойти мне к этому вопросу, казалось бы, несколько формально, – но этот формальный подход введет нас в самое существо вопроса. Мы говорим: «буржуазная культура», «пролетарская культура», – никогда не задумываясь, не есть ли это то, что в логике называется contradictio in adjecto[18], противоречие двух соединенных понятий, как, например, «круглый квадрат». На этот вопрос я хотел бы ответить в отрицательном смысле. Я думаю, что соединение этих двух слов есть именно «круглый квадрат», что ни «буржуаз-

[17] Выступление Иванова-Разумника под заглавием «Пролетарская культура и *пролетарская цивилизация*» (с небольшими сокращениями) впервые было опубликовано в московском журнале «Знамя» (1920. Ноябрь. № 5 (7). Стлб. 37–42), а позже перепечатано в берлинском временнике литературы и политики под ред. А. Шрейдера «Знамя» с подзаголовком «Речь на заседании Вольной Философской Академии в Петрограде» (1921. Август. № 2. С. 24–26).

[18] противоречие в определении (*лат.*).

ной культуры» нет, ни «пролетарской культуры» нет и не будет[19], а есть нечто другое. Казалось бы, здесь спор о словах, но за «словами» иногда бывает скрыто глубокое содержание. Те из присутствующих, которые знакомы с первыми заседаниями Вольфилы и знают направление наших работ с самого начала докладов, – с доклада Александра Блока о «Кризисе гуманизма», — вероятно вспомнят, что мы с самого начала останавливались на проблеме двух понятий, давно разграниченных и в социологии, и в философии культуры: именно — на «культуре» и «цивилизации». Этому вопросу был посвящен доклад Александра Блока; этому вопросу уже давно посвящены были статьи П. Л. Лаврова[20]. Цивилизация – внешние формы, культура – внутреннее содержание: это очень грубое, очень лубочное определение, но можно условно на этом определении временно остановиться. Подходя теперь к вопросу о «пролетарской культуре», я хотел бы сразу сказать: я понимаю, когда говорят «буржуазная цивилизация», «пролетарская цивилизация», но я совершенно не в состоянии понять сочетания понятий, когда речь идет о «буржуазной культуре» или «пролетарской культуре».

[19] Свое отрицательное отношение к классовому подходу к культуре Иванов-Разумник высказал еще в августе 1917 г. в статье «Искусство и демократия»: «...подлинное искусство всегда в конечном счете „демократично", общенародно, общечеловечно, <...> нет искусства „буржуазного" и „пролетарского", а есть лишь подделки под него, <...> живое искусство — едино, <...> живое искусство — вечно революционно и ведет за собою всех. Всех — кто хочет идти» (*Иванов-Разумник*. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 155).

[20] На отличие своей интерпретации понятий «цивилизация» и «культура» от позиции Лаврова указывал сам Блок: «Слова „цивилизация" и „культура" вообще различались у нас не строго, некоторые, например, П. Л. Лавров, употребляли их наоборот» (Цит. по изд.: *Д. Е. Максимов*. Поэзия и проза Ал. Блока. С. 382). Ср. также: «Культура должна быть взята в соображение при работе мысли как исторически данная среда, но не как неизменный закон. Если сравним культуру разных эпох, то легко заметим, насколько самые основные элементы культуры подлежат изменчивости» (*П. Л. Лавров*. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 109).

В чем же, собственно, разница между этими двумя, казалось бы, такими однозначными понятиями, и почему невозможно соединить слова «буржуазия» и «пролетариат», с одной стороны, и «культура», с другой, в одну общую фразу? Да просто потому, что «буржуазия» и «пролетариат» суть понятия «классовые», а «классовой» может быть только «цивилизация». Определенный класс создает определенную цивилизацию, и цивилизация эта становится «интернациональной», потому что общий уровень европейской цивилизации приблизительно один и тот же, как вода в сообщающихся сосудах. Но когда мы говорили, что определенный *класс* создает *культуру*, то тут уже появляются всяческие сомнения. Когда мы говорим о «дворянской культуре» эпохи, например, Пушкина или Льва Толстого, то я позволяю себе очень в этом усомниться, потому что я знаю: дворянский класс создал в России определенную цивилизацию; но когда мне говорят о творчестве Пушкина или Льва Толстого, то я чувствую, думаю и знаю, что творчество[21] Пушкина и Льва Толстого идет из глубоких народных корней, что здесь идет речь о культуре не классовой, не дворянской, не буржуазной, а народной. Итак, понятие «цивилизация» является классовым и в то же самое время интернациональным, понятие же «культура» – внеклассовым и в то же самое время народным. Долгое время считалось признаком дурного научного тона в социологии говорить о «народном», потому что «народа» нет, народ есть суммарная масса, понятие без содержания. Научная социология в корне отрицала это понятие: говорить о «душе народа» – это-де такое произвольное словосочетание, с каким настоящая, подлинная «наука» оперировать не может. Однако это, столько раз отрицавшееся, понятие в настоящее время все больше и больше начи-

[21] Далее вместо одной утраченной страницы стенограммы приводится текст из статьи Иванова-Разумника «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация» (Знамя. 1920. Ноябрь. № 5. Стлб. 38–39) без разделения на абзацы.

нает получать права гражданства. Мы чувствуем, что «народная душа» не есть пустое слово; когда мы говорим о различиях революции в Германии и революции в России, о возможной революции в Англии и Франции, – мы знаем, что не только социальные условия будут тут действовать, но какие-то тончайшие нити протянуты от социальных условий к тому, что мы называем «душой народа». И когда мы говорим о культуре, мы говорим именно о душе народа; класс только случайный выразитель этой культуры (как класс среднего дворянства был выразителем русской культуры и русской литературы XIX-го века). В то время, как цивилизация растекается приблизительно ровным слоем по лицу всей земли, всей страны, всего мира, культура глубоко народна, глубоко индивидуальна, глубоко национальна. В этом заключается и постановка вопроса о «пролетарской культуре» и определенный ответ на него. Однако здесь надо сразу устранить возможность ряда недоразумений. Прежде всего, когда мы говорим о «пролетарской культуре», мы говорим только о возможности, но не о реальном осуществлении. Самые жаркие и горячие сторонники пролетариата, ломающие копья за «пролетарскую культуру», все-таки прекрасно знают, что она – дело грядущих дней, грядущих возможностей, что сегодня ни о какой «пролетарской культуре» и речи быть не может, потому что прошло всего три дня мировой истории с тех пор, как пролетариат начал себя проявлять, и было бы смешно требовать, чтобы это проявление стало реальным в течение такой трехдневной истории. Когда в первые века христианства какому-нибудь утонченному римлянину сказали бы, что будет существовать христианское искусство, христианская культура, он, вероятно, пожал бы плечами. Но ведь христианская культура слагалась, строилась в течение веков, и какой-нибудь готический собор XIII и XIV столетия был отражением того, что произошло в первый век по Р<ождестве> Х<ристовом>. – Каковы дальнейшие перспективы того, что мы можем назвать народной культурой,

никто из нас не знает. Мы только знаем, что случилось «что-то» в мире, и это «что-то» вылилось в формы социальной революции и потрясло старый фундамент, старые устои. Пошатнулось – что? – цивилизация или культура? Трамвай не ходит, телеграф не действует, печи не топятся – «цивилизация» нарушена. Но с другой стороны, рухнула и культура определенного европейского уклада, – опять сошлюсь на те же самые наши беседы о «кризисе культуры», которые уже несколько месяцев ведутся на заседаниях Вольной Философской Ассоциации. Но так или иначе, каково бы ни было дальнейшее развитие и цивилизации и культуры, – ясно, что пролетариату как классу доступно будет только то, что было доступно как классу буржуазии. Буржуазия как класс не строила культуры, но строила определенные формы цивилизации, и эта цивилизация была классовой и интернациональной. Пролетариату в будущем может предстоять только та же самая роль: сокрушив старые формы, он будет иметь возможность, он будет принужден построить новые формы цивилизации, и эти новые формы цивилизации тоже будут интернациональны и классовы. Но в них должно быть влито некоторое творческое содержание. Кто его вольет? Определенный класс, который идет за пролетариатом? Нет. Содержание это вливается не классом, а народом, и пролетариат как часть этого народа, как часть громадного целого, вливает и выявляет в новых формах культуру, которая для нас еще не ясна и которую представить себе мы можем только очень приблизительно. – Очень часто, когда с высоты определенной теории и с высоты исторических перспектив, переходишь к вопросу сегодняшнего дня, приходится слышать самые шипящие речи о будущей цивилизации, о будущей культуре. Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что из ста человек девяносто шипят. И невольно напрашивается деление массы на людей, по Гейне, на «шипящих» и «пыхтящих». Шипящие – это змеи, которые ненавидят все окружающее, ненавидят

все, что совершилось; они шипят (как шипит один большой русский писатель, Максим Горький[22]): «пус-с-стое мес-с-сто», все провалилось, все рухнуло, место пусто, мрак и ночь. Этих шипящих очень много среди нас, мы ими окружены, и новое творчество, новый строй форм культуры идет под этот шип непрерывный. Но относясь совершенно определенно к этому шипу и свисту, нужно столь же определенно отнестись и к тем, которых можно назвать «пыхтящими». Пыхтящие – это те «идеологи пролетариата», те лягушки из басни Крылова, которые хотят раздуться до буржуазного вола. «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» – «Нет, кумушка, далеко» – и вот – «пыхтела да пыхтела»... – конец басни Крылова[23] не будет ли концом современных «идеологов пролетариата», которые думают, что творчество культурных ценностей уже в настоящее время чуть ли не достигло апогея? Все это – попытки сравняться с буржуазным волом, который, по мнению таких представителей пролетарской цивилизации, уже подыхает, если уже совсем не сдох во всей Европе. Но зачем же надуваться, пыхтеть и сравниваться с тем, что, может быть, является уже мертвым телом? Это пыхтение и желание раздуться до размеров буржуазного вола есть другая сторона змеиного шипения и тоже подлежит самому решительному осуждению, ибо мы должны признать, что

[22] Рассчитывая на очную полемику с Горьким, Иванов-Разумник, безусловно, не предполагал, что эти слова прозвучат в адрес *отсутствующего* классика пролетарской литературы. Позже, в журнальной публикации выступления, они были заменены эвфемизмом — «один русский писатель». Подробнее об отношениях писателя и критика см.: Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 706–726.

[23] История, описанная в басне Ивана Андреевича Крылова (1769–1844) «Лягушка и вол», завершается следующими словами: «И кончила моя затейница на том, / Что, не сравнявшись с Волом, / С натуги лопнула и — околела».

раздуться в настоящее время до вола этим людям нет никакой возможности и никаких надежд на ближайшее будущее. Ибо посмотрите, в какие формы вливается все то, что считается в настоящее время «пролетарским искусством»? Это – самый последний сорт всего того, что когда-то ютилось на задворках самых захудалых буржуазных журналов и газет. Есть отрадные исключения, есть несколько подлинно даровитых поэтов, есть несколько талантливых даровитых людей, – но они не «раздуваются», раздуваются всегда только те, которые по величине своей не могут сравняться с волом. – Вот та сторона вопроса, которую мне хотелось бы поставить для дальнейших бесед. Резюмируя вкратце, скажу следующее: в «пролетарскую культуру» я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и «культуры буржуазной»; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смытом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить себе не можем. Но в культуру, не буржуазную и не пролетарскую, я глубоко верю, верю в то творчество, которое пойдет не по классовым рубрикам, а которое вольно, ибо дух дышит, где хочет; творчество это будет и не пролетарским, и не буржуазным, оно будет народным. А дальнейший этап, который мы еще и предвидеть не можем, который так далек, что мы теряемся в исторических перспективах, – творчество, уже не народное, а творчество всенародное, в буквальном смысле интернациональное, творчество не русское, не немецкое, не французское, творчество объединенного человечества. К этому история мира идет, к этому, может быть, когда-нибудь она и придет. – Вот какая постановка вопроса мне представляется интересной для наших последующих бесед. Вместе с тем, когда мы будем говорить о пролетарской культуре или цивилизации (это слова, а за слова стоять не нужно), – желательно все-таки помнить одно: о чем идет речь? Если речь идет о внешних формах строительства, то для

пролетариата тут такая же широкая дорога, какая была в свое время у буржуазии; пролетариат эту дорогу себе пробьет. Если же речь идет о внутреннем содержании строительства, то и здесь пролетариату открыт широкий путь, но не как классу, а как творческому началу одного общего великого целого – великого народа.

А. А. Мейер. Андрей Белый и Иванов-Разумник, как они выразились, ставили вопросы и предлагали участникам беседы ответить на эти вопросы. Но в их вопросах таились ведь и некоторые ответы, и нельзя думать, что эта постановка вопросов была только формальной постановкой, – были и ответы, которые имеют несомненно большое положительное содержание, но я хотел бы пока только остановиться на вопросах, оставляя в стороне ответы, не касаясь этих ответов. Скажу только, что я во многом должен был бы согласиться с тем, что говорили Андрей Белый и Иванов-Разумник, поскольку речь идет об ответах, но самый вопрос, вопрос о том, является ли в действительности пролетарская культура высвобождением общечеловеческой культуры, или это действенное зачинание какой-то новой культуры после полного разрушения какой-то старой культуры, действительно ли речь идет о новой культуре, действительно творится новая культура или только цивилизация, – вот о каких вещах спрашивается, т. е. спрашивается о фактах. Мне хотелось бы самый вопрос поставить иначе, перевести его в другую плоскость, в плоскость воли, потому что ведь история не только факты, она есть и делание и в конечном деле таит в себе волю. Каждый из нас в своих действиях приобщен к этой воле, наша воля называется иногда историческим правом, иногда историческим неправом, в зависимости от того, действительно ли она слита внутренне с некоторой живой исторической волей, волей, которая таится в историческом деле. Поэтому всякий вопрос о будущем есть не только вопрос гадания, есть не только предсказание, есть не только теоретический вопрос о том, что будет, а есть в большей степени вопрос

воли. Когда спрашивают, какова будет роль пролетариата, то хотелось бы к этому прибавить еще такое слово – какова она должна быть, какова должна быть здесь воля самого пролетариата, ибо если это нечто живое, то оно должно обладать волей, а если это только механически складывающаяся вещь, то, конечно, тогда ни о какой культуре говорить не приходится. И вот мне бы и хотелось так этот вопрос и поставить. Но тут возникает недоумение. Говорят, нужно разобраться еще в самом словосочетании, действительно ли можно говорить о пролетарской культуре. Собственно, этот вопрос ставили и Андрей Белый и Иванов-Разумник. Андрей Белый прямо на этом вопросе не останавливался, но ведь он его, в сущности, разрешил, говоря о том, как нужно понимать возможное словосочетание «пролетарская культура» и как его не нужно понимать. А Иванов-Разумник, тот определенно и прямо ставит этот вопрос и говорит – пролетарской культуры не может быть, может быть только пролетарская цивилизация. Мне несколько трудно говорить об этом в таких терминах, потому что не совсем согласен с таким разделением цивилизации и культуры и, конечно, если бы нужно было делать поправки с моей точки зрения, пришлось бы очень долго на этом вопросе останавливаться. Но вопрос этот во всяком случае стоит, и я знаю, что обычно его решают так, что самое это словосочетание невозможно, что это есть «круглый квадрат». Это верно. Верно не потому, что нужно вместо слова культура говорить слово цивилизация, а просто совершенно очевидно, что классовой культуры не может быть и классовой цивилизации в строгом смысле этого слова не может быть. Не существовало собственно буржуазной культуры и буржуазной цивилизации, но тем не менее буржуазия в эпоху своего господства как некоторый господствующий класс наложила определенную печать на культуру и цивилизацию человечества, но именно в период своего господства, потому что господствующий класс получает в свои руки культуру и цивилизацию и действительно

является деятелем культуры и цивилизации. Однако классы не господствующие, те, которые назывались до сих пор классами низшими, конечно, участвовали в общечеловеческом творчестве, но не в качестве деятелей культуры или цивилизации, а как-то глубже, потому что глубже культуры и цивилизации есть еще нечто, то, без чего культура и цивилизация не могут вообще быть. И вот это более глубокое было всегда достоянием тех слоев человечества, которые не были делателями культуры и цивилизации в строгом смысле этого слова. Культура никогда не зачинается так совсем заново, – тот, кто понимает, что значит культура, знает, что прежде всего это есть преемство, прежде всего это есть наследство, без этого признака вообще самое понятие культуры не может существовать. Высшие классы, господствующие классы, всегда получали друг от друга некоторое наследство, могли брать в свои руки культуру и накладывать на нее свою печать. Когда выступают на историческую арену те слои человечества, которые до сих пор в этом делании не участвовали, то им приходится или принять наследие высших господствующих классов, или выйти на арену без всякой культуры. Здесь может таиться большая опасность. Если начнет человечество действовать, так сказать, вне культуры, тогда, говорят, возникнет опасность для культуры. Дело может обстоять так: или принять наследие и установить это преемство, но выйти на сцену совсем откровенно без культуры и тогда, может быть, действительно нанести удар человеческой культуре. Поэтому верно, что самое это словосочетание «пролетарская культура» таит в себе некоторое противоречие. Это так, если мы будем рассматривать вопрос формально, со стороны логической, со стороны правильных словосочетаний. Но мне бы хотелось сказать, что когда мы рассматриваем вопрос, который поставлен, со стороны воли, то часто неправильное сочетание слов, неправильное обозначение может иметь значение, которое превосходит во много раз все правильные сочетания, потому что воля

выражает иногда себя в таких лозунгах, в таких словах, которые не особенно, может быть, считаются с правильностью употребления самих принятых понятий. Тут дело не в том, правильно ли употребляется слово «культура» и правильно ли оно сочетается с прилагательным «пролетарская», а дело в том, чтобы установить какой-то символ, за которым чувствуется человеческая воля, – нужно вскрыть содержание этой воли, ее направление, и тогда сказать – этим, может быть неточным, обозначением называется вот что, и то, что этим называется, и нужно рассмотреть. С этой точки зрения я бы сказал: пролетарская культура есть символ, это словосочетание есть символ, который о чем-то говорит. Это есть миф, – только не нужно понимать слово «миф» как что-то отрицательное, как что-то недостаточное, как что-то такое, чем указуется какая-то внутренняя неправда. Миф – это есть высшая правда, мифы часто бывают внутренне противоречивы, для выражения мифа часто прибегают к словам, которые трудно объяснить с точки зрения логического сочетания, но тем не менее мифы оказываются действительностью, более действительной, чем та действительность, которую мы часто называем данной нам действительностью, и это потому что в мифе всегда есть та сторона действительности, которая именуется волей, потому что воля есть действительность. Миф описывает действительность, но так, что в это описание включается не только описание факта, но и некоторое описание воли. И вот поэтому он бывает иногда внутренне противоречив с точки зрения логики. И вот как некоторый миф я бы и хотел рассматривать то, что называется пролетарской культурой, – есть право на этот миф или нет права на этот миф у современного человечества? Вот как вопрос мог бы быть поставлен[24]. Это вопрос,

[24] Мейер подробно развивает эту тему в своей статье «О праве на миф» (1918). См.: *А. А. Мейер.* Философские сочинения. С. 96–100.

конечно, не логического рассмотрения тех или иных понятий, это вопрос ощущения жизни, и на него нельзя ответить иначе, как только прислушавшись к голосу жизни в себе и в окружающем, – и, конечно, этот голос есть голос воли, и в зависимости от того или иного направления воли мы начинаем или шипеть на этот миф, или, может быть, пыхтеть, что гораздо, я думаю, все-таки почтеннее. На это приходится ответить, пожалуй, без доказательств, по крайней мере сейчас еще рано приводить доказательства, нужно просто сказать – есть это право на миф или нет. Если бы меня спросили, я бы должен был ответить – да, такое право у человечества есть – и только. Но затем возникает вопрос, каково содержание этого мифа, – неужели оно только в этих двух словах? Конечно, нет. Тут не только о пролетариате и культуре надо говорить – содержание должно быть гораздо богаче. Мы видим, что сейчас за этими словами, за этими символами нет никакого определенного содержания, т. е. сейчас миф этот только назван, только выражено право человечества на этот миф, – это название есть только еще ощущение этого права, но содержание самого мифа еще не раскрыто. Правда, его пытаются раскрыть и каждый вкладывает в него свое содержание. Мы еще недавно видели, как в этот миф пытались вложить содержание, связанное в области искусства с так называемым футуризмом. Оказывалось, что вся пролетарская культура в области искусства сводится к футуристическому, механическому пониманию жизни и деятельности, а вот сейчас Андрей Белый говорил о полной противоположности этому механическому пониманию, говорил о необходимости органического понимания жизни. Под теми словами, которые говорил по этому поводу Андрей Белый, мне хотелось бы обеими руками подписаться, потому что это, может быть, есть самое важное, самое существенное, что нам сейчас надо слушать, о чем надо думать. Нужно вдуматься в то противопоставление органического и механического, к которому приходит

Андрей Белый, нужно сейчас на этом остановиться. Это громадный вопрос, чреватый невероятно большими выводами и последствиями, ему следовало бы посвятить специальное собрание, специальный ряд докладов, ибо, как это не может показаться парадоксальным некоторым, это самая жизненная, самая настоятельная сейчас тема. Так хотелось бы поверить Андрею Белому, что содержание того мифа, о котором я говорю, действительно есть переход к органической жизни, что действительно в этом заключается дело пролетариата. С этим, конечно, связана еще другая ценность, о которой говорил также А. Белый. Он говорил о свободе. Да, только органическое миропонимание может быть связано с чувством и с введением свободы, – кто стоит в плоскости механического представления жизни, тот совсем свободы не знает, там о свободе нет и помину, там, говоря грубо, не пахнет свободой. Поэтому переход к этой органической жизни от механической есть переход к свободе, есть, пожалуй, высвобождение человеческой свободы. Вот, я говорю, хотелось бы поверить, что содержание этого мифа именно таково, но ведь здесь дело не только в том, чтобы верить в то, каков факт, ибо, я говорю, мы еще не видим, каков факт, факта еще пока нет. А вот воля имеется, и воли имеются разные. Когда я говорю – мне хотелось бы верить, этим самым я хочу выразить и направление воли. Но мне хотелось бы, чтобы и вообще этот вопрос был так поставлен, чтобы он был перенесен в плоскость некоторой борьбы, ибо ведь не только просто придет какая-то культура или какая-то цивилизация как факт, но ее кто-то принесет и нужно, чтобы теперь начало становиться ясным, что и кто должен нести, нужно, чтобы теперь пролетариат посмотрел на себя как на носителя какой-то, скажем, правды, пока еще, а не культуры и не цивилизации. Но тогда он... <...>[25]

[25] Последующие 6 страниц стенограммы утрачены.

<Н. Н. Пунин[26]> ...Ленина[27]. Исходя из этого и я позволю себе обосновать строительство новой пролетарской культуры на основании механического понимания истории и механического понимания культурного строительства. Отбрасывая в сторону всякого рода мифы, как фикции, в которых нет реального материального содержания, которые не имеют никакой материальной оболочки, перейду прямо к разграничению тех понятий, которые поставлены как формы над общим историческим развитием человечества. До сих пор мы знали две таких формы – формы, определяющие всякого рода правды и религиозные мифы, формы, вне которых нет никаких правд и религиозных мифов. Такими формами мы называем форму культуры и форму цивилизации. Мы противопоставляем эти два понятия как две диаметрально противоположные формы, определяющие собой диаметрально противоположные содержания, настроения и правды. Как, однако, определить эти две формы? Товарищ Иванов-Разумник говорил, что пролетариат числит за собой трехдневную историю. Не буду историческими справками утруждать вашего внимания. Мы знаем, что ныне борющаяся за свое освобождение спартаковская партия в Германии приняла названия от вождя Спартака, существовавшего еще в классическом мире. Если для товарища Иванова-Разумника весь исторический путь европейского человечества три дня, – дело его мер и его соотношений, для нас

[26] Авторство доклада устанавливается по содержанию.

[27] Ср.: «Шкловский, человек остроумный, был склонен иронизировать, но на совсем иной лад, чем, скажем, Карсавин. Когда перед нами на трибуне появился Пунин, теоретик живописи и художник, приглашенный Эрбергом, ценившим его эстетические взгляды, Шкловский сказал мне: «Смотрите, смотрите, даже коммунисты у вас стали выступать». — „С каких это пор Пунин стал коммунистом? Я знал его всегда как свободного критика". — „Ах, вы не знаете, он уже обрезался". Среди нас в то время был такой термин, который указывал, что человек перешел в басурманскую веру» (*А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 61).

это вековая история, история, в которой мы знаем зарождение пролетариата почти у колыбели человеческого развития, знаем его вековую борьбу и вековое рабство. Пролетариат существовал всегда, и именно потому, что он существовал всегда, мы и определяем пролетариат как то человеческое, что было подавлено, было порабощено теми условными государственными формами, которые существовали с самых ранних лет исторического развития человечества. И пролетариат, как человечество, нес в себе свою волю и свой инстинкт через долгие века развития европейской истории. Так понимая задачи и понятие пролетариата, мы явственно указуем на то, что все, что было противопоставлено этому, по существу своему, человеческому классу, все это до известной степени было или служило орудием его порабощения и его эксплуатации в самых разнообразных формах. Когда Андрей Белый говорил о культурных задачах пролетариата, он одно упустил из вида, что слишком часто упускают из вида и многие, пытающиеся говорить о культурных задачах нового класса. Он упустил из вида его всемерные стремления не быть классом. Именно так понимал пролетариат Маркс, так понимают его и сейчас коммунистические вожди пролетариата – пролетариат не пришел для того, чтобы кого-то сместить и кого-то заменить, но чтобы проявить человеческое в нас по существу, того голого человека, о котором так удачно говорил Андрей Белый. И поскольку пролетариат имеет такую задачу, постольку и мы готовы связать его с понятием культуры, противопоставив ему, этому понятию, все остальные классовые группирования, с их формами бытия и прогресса с так называемыми цивилизациями. Так разграничиваем мы эти два понятия. Культура есть форма прогресса человеческого, а потому и пролетарского, цивилизации есть формы прогрессов различных классов, различных одежд. Поскольку мы противополагаем эти два понятия, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать их. Цивилизации –

случай, более или менее удачный случай в истории человечества. Цивилизаций много, столько, сколько было форм эксплуатации человека, и все они характеризуются одним отношением к жизни, языком тов. Мейера, одной правдой, – стремлением изжить жизнь, стремлением получить от жизни как можно больше счастья, довольства и благ, и тем самым обеспечить себе пышное, торжественное и легкое существование. Другое дело формы культуры. Культура имеет в виду не изживание жизни, не стремление к благоденствию, счастию и наслаждению. Культура – это оформленный инстинкт к наращению и умножению сил и качеств. Мы знаем, что неотъемлемой чертой человеческого существования была и будет в той или иной форме борьба. Если до сих пор эта борьба была борьбой за существование или борьбой за господство, то в будущем эта борьба примет формы борьбы за качество борьбы, за лучшее состояние, за лучшую фактуру, как мы часто говорим. И это стремление к лучшему, к творческому, к наращению, оно характеризует культуру и вместе с тем совпадает с основными стремлениями пролетариата. Пролетариат пришел не для того, чтобы поглотить цивилизацию тех или иных классов, но чтобы раз навсегда доказать всем классам, что в нем живет организованная воля к творчеству, к творчеству все новых и новых форм бытия, к творчеству все более сложных и качественно все более прекрасных ценностей, показать, доказать и тем самым навсегда разрушить и смыть всякие попытки тех или иных классов процвести чудными и роскошными ростками на плечах человечества. Вот так понимаю я задачу пролетариата, и так связываю я эту задачу с его культурным строительством. Культура есть наращение творчества, она по самому существу должна быть научна. Очень многие из представителей цивилизованных и так называемых социал-демократических идеологов пытались раскрыть научную ценность ци<вилизации>. Характерной особенностью культуры наряду

с цивилизацией... <...>[28] ...милитаризмом в течение войны, до известной степени, как форма, приемлемы и коммунистической революцией. И в этом преемстве смежных форм сказывается один из основных исторических законов человечества. Когда мы обратимся к искусству, мы найдем образцы того, как смежные формы воспринимаются. И вот, рассматривая во всем масштабе и многообразии существующие сейчас художественные ценности, мы видим, что последняя, заключительная эра буржуазии создала такой художественный метод, который, как форма, близок и может быть принят пролетариатом. Один из докладчиков ссылался на футуризм, – не хочу употреблять этого заезженного, ничего не обозначающего слова, но, несомненно, у некоторых молодых художников есть та организованная и научная механизация, которая сделала их искусство близким и должна сделать дорогим пролетариату. В этих основных положениях мыслю я себе художественное культурное строительство пролетариата. В заключение должен сказать, что многое из того, что намечено сейчас некоторыми идеологами пролетарской культуры, может оказаться несостоятельным. Многие из нас, действительно, может быть, пыхтят, но я предпочитаю пыхтеть, чем представлять из себя ту свистящую змею, которыми мы в нашем строительстве окружены. И я думаю, что уже за одно то, что многие из молодых художников не оказались в многочисленном лагере свистящих или шипящих, тем самым они заслужили известное внимание со стороны идеологов пролетариата и тем самым они обеспечили себе путь к художественному творчеству пролетарских масс, указывая им на то, какими путями должно идти новое культурное строительство и в каком направлении должна работать наша воля, чтобы создать в результате ту великую, не

[28] Последующие 2 страницы стенограммы утрачены.

новую, но теперь вырванную из недр человечества, теперь взорвавшуюся ценность – пролетарскую культуру (аплодисменты).

Шкловский[29]. Я с большим удовольствием принимаю участие в том Вавилонском столпотворении, которое творится на этой эстраде. Покамест я встретил здесь два мнения. Мнение людей, которые считают, что будущая пролетарская культура будет культурой органической, и второе – что она будет культурой механической. Я не боюсь остаться в меньшинстве и буду говорить о третьем: я принадлежу к числу футуристов. Когда мои товарищи начали утверждать, что наше творчество есть творчество пролетарское, что нам и пролетариату по пути, я сказал – товарищи, вы ошибаетесь, нам туда идти не нужно. И мои товарищи были так любезны, что мою статью напечатали[30]. Почему я так говорил? Дело в том, что параллельными могут быть только те линии, которые находятся в одной плоскости. Искусство и культура не находятся в одной плоскости. Многоуважаемые товарищи, которые говорили передо мной, об этом забыли. Та предпосылка, которая лежит у них у всех без различия, что искусство есть не что иное, как одно из явлений природы, ложна. Человеческий ум привык постулировать, т. е. предполагать во всем связь причинности. На этом основании полагали, например, что люди должны стремиться найти связь, непосредственную, живую связь между положением звезд и судьбой отдельного человека. Великий астролог Кеплер говорил: да, известно, что кометы не могут оказать влияния на несчастие и счастие человечества, но хвосты комет могут влиять, –

[29] Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) — критик, теоретик литературы. Подробнее о его литературно-художественных взглядах см.: *О. Панченко.* Виктор Шкловский: Текст — миф — реальность (К проблеме литературной и языковой личности). Szczecin, 1997.

[30] См.: *В. Шкловский.* Об искусстве и революции // Искусство коммуны. 1919. 30 марта. № 17. С. 2.

настолько трудно разорвать даже несуществующую причинную связь. Такой же ошибкой является общепринятое утверждение, что государственный переворот, социальный переворот должен найти себе выражение в искусстве. Это так же неверно, как то, что, как мы привыкли, стена ограждает от холода, или что этот кусок бумаги непроницаем для лучей света, если мы будем утверждать, что он непроницаем для Рейдгеновских лучей. Искусство идет своими путями, и эти пути сменяются не так, как полагают некоторые исследователи. Многие предполагают так: совершилась социальная революция, в той или иной форме, и выражением ее содержания должны явиться новые формы искусства. Новые формы искусства являются вовсе не для того, чтобы выразить новое содержание. Новые формы являются для того, чтобы заменить старое содержание, переставшее быть художественным. Я не могу здесь читать лекции по истории искусства, но скажу, что чтобы следить по этому вопросу, достаточно посмотреть историю рифмы или историю эпитетов. Возьму несколько неожиданный пример: вы все, вероятно, знаете песнь «Маруся отравилась», песнь, несомненно, фабричного происхождения. В этой песне соблюдены все законы общерусской эпической поэзии, и здесь новый класс с новой идеологией не выразил ничего нового в своих формах. И в данный момент, когда не только хотят сделать пролетарское искусство, но когда пролетарское искусство даже заказано, несмотря на заказчиков, пролетарское искусство в отведенных ему помещениях оказывается в бегах и нетях. Есть талантливые люди, но они творят в стиле Надсона, более талантливые продолжают нас, футуристов, в частности Маяковского, а он сам повторяет Хлебникова. То, что произошло в Москве, – бегство пролетарских поэтов из Пролеткульта учиться старым писателям, из которых большинство мне не мило и не дорого, доказывает, что пролетарское искусство из пролетарской революции не выйдет. Теперь я собираюсь кончать и хочу формулировать так: то, какой флаг

развивается над Петропавловской крепостью, не имеет никакого отношения к художественным системам; искусство развивается так, что в то время, как самые ничтожные формальные завоевания целиком переделывают искусство, никакое, ни эмоциональное, ни политическое содержание не может войти в искусство. Теперь, в частности, по отношению к футуризму и пролетарскому искусству я кончаю так: если пролетарские писатели будут развиваться и если у них хватит сил, то они придут к тому, что уже сделано нами, футуристами.

Петров-Водкин. Я очень приветствую предыдущего оратора, который сказал большую половину того, что я хотел сказать, относительно того, что, конечно, искусство не соблюдает никаких параллелей с видимой, чисто внешней политической жизнью, привязывать его к какому-нибудь моменту или к какому-нибудь классу нельзя, ибо из-за этого получается очень большая некрасивость, хотя бы подобная тому, что случилось у нас в начале революции, когда сразу решили, что искусство должно быть совершенно другое, и тогда, с одной стороны, выступили футуристы и стали в свою лавочку зазывать новый правящий класс, а с другой стороны выступила партия других художников, которые говорили – мы ближе всего к пролетариату, мы писали смазные сапоги и тулупы и т. д. Получилась такая нелепость – искусство свелось к такому маленькому и случайному явлению. Мне кажется вообще, что раньше, чем характеризовать искусство, нужно выяснить, что такое искусство и почему оно не входит ни в ту, ни в другую рамку. Существовала буржуазия, существует пролетариат, существуют бездарности и существуют талантливые люди. Бездарности глохнут, исчезают, испаряются с моментом смерти, а таланты выживают и остаются общим достоянием. Тут есть какой-то общий закон, который не подчиняется ничему временному. Это совсем не та механизация, о которой говорят многие разговариватели об искусстве, не то убиение человеческой души, чтобы человек, как машина,

творил какие-то вещи: ни один обескровленный, оскопленный человек никакого искусства не сделает. Это вздор. Он будет, может быть, петь в унисон с общим настроением, которое преходяще, он будет нечто, приспособляющееся к тому или иному моменту. Но дело не в этом. Искусство не в бархатном воротничке, как раньше думали, и не в механизации, – искусство есть органическое творчество. Об этом никто здесь определенно не сказал, – искусство есть органическое творчество, искусство пересоздает мой организм, как художника, прежде всего, во мне каждый ноготь руки и ноги меняется, не в переносном смысле, а в буквальном, и я пересоздаю то, что рука человеческая создала. Это пересоздание организма не то, что какое-то механическое улучшение способов производства, фактуры, как говорят, и т. д. Я могу великолепно отмеривать разные поверхности, рисовать, чеканить стихи, но это будет нелепость, если не будет духа живого, той правды жизни, о которой Мейер говорил, – у человека узко религиозного она построена на сектантской религии, у другого – на широкой, общечеловеческой религии, но эта правда жизни, открывающая жизнь, и заставляет мой организм переделываться не по случаю, не по закону научному, который в кабинете своем какой-нибудь ученый дурак выдумал, а внутри меня самого пересоздается, потому что я живу, слышу жизнь, вижу – ходит ребенок, строится стена, растет человек. Я для того рожден, чтобы воспринять в себя, переработать, органически переработать это и выразить. А выразив это, я меняю свой организм, меняя организм, я меняю организмы, впитывающие в себя искусство. Такое понятие искусства ни в какие рамки не втиснешь. Что будет завтра, совершенно гадательно, но ясно, что оно будет той силой, которая движет человечество. Настоящее искусство не пойдет ни в какое служение, ни к каким правящим классам, потому что искусство не развлекает, как говорили переевшие, искусство не учит, как говорили недоевшие, искусство – светит, никаких теорий не предсказывает и не создает, – теории со-

здаются постфактум, а творчество ново, рождено только сегодня, искусство – тот свет, который в каждом есть и который один, пересоздав организм, другому дает жизнь, переделав свой организм, переделывает общий организм и создает дорогу в тот мир, к которому все стремятся. Искусство не ошибается, искусство строит не одежды, не формы, искусство создает настоящую жизнь без всяких мишур, которые навязли в зубах теперешнего и прошлого искусства, то новое, что публика еще не понимает и о чем история еще ничего не сказала (аплодисменты).

Гизетти. Последние ораторы несколько сузили предмет нашего диспута. По естественным причинам, как представители искусства, они свели его к вопросу об отношении пролетариата к искусству. Мне предстоит снова вернуться к первоначальной теме, к теме о пролетарской культуре в целом, совершенно не касаясь специального вопроса об искусстве. Культура и цивилизация – эти два понятия тут не раз противопоставлялись. Не будем спорить о словах, но все мы инстинктивно как-то, по привычке, подразумеваем под цивилизацией изменение внешнего быта, а под культурой более глубокую и серьезную работу творчества новых ценностей. Конечно, в этой работе отдельные формы, отдельные исторические фазы, я бы сказал, не только классовые, но и всех социальных групп и влияний и даже национальные формы – это лишь преходящие формы преемственной общечеловеческой культурной традиции живого творчества, которое никогда, вопреки упомянутому здесь слову – «голому человеку», из ничего создастся не может, а всегда опирается на прошлое, перекидывая живой мост к будущему. Вот, что такое культура. Культура в каждом историческом своем фазисе подвергается опасности окостенения, когда своеобразные ее формы, создаваемые определенными историческими влияниями среды и эпохи, класса и народа, в известном фазисе развития могут превратиться в антитезу, быть чем-то абсолютным, и тогда она начнет вырождаться, окостеневать, и вместо того, чтобы

являться творческой силою, явится тормозящей развитие человечества силою. Другая опасность культуры – ее слабость, оторванность от широких масс народа. Культура до сих пор, к сожалению, была работою только передовых и первых слоев человечества. Такою работою она будет до некоторой степени и всегда, но возможно, что в далеком будущем мы увидим человечество, в котором не будет роковой розни между героем и толпой, между личностью и массой, в котором действительно каждый будет личностью, каждый будет достойным имени человека творцом. Разумеется, и в этом будущем известная разница между гениальными, превосходящими обычный уровень творцами и средними будет, но она не будет ощущаться болезненно, потому что до некоторой степени каждый из нас в известной степени в известной сфере может быть творцом, и когда эти творческие способности условиями жизни смогут быть раскрыты, тогда не будет розни, тогда не будет мучительного противоречия между культурой и цивилизацией. До сих пор культура была больше внутренней, в сфере науки, в сфере искусства – меньше всего она отражалась на массовых формах социального и политического существования, истинной цивилизации, культурной цивилизации, если можно так выразиться, до сих пор не было, потому что в массы эта культура не проникала. Теперь мы стоим несомненно на рубеже эпохи, когда пасынки цивилизации, эти народные массы, угнетенные до сего времени ярмом физического труда, пытаются властно вмешаться в историю, сказать свое слово, потребовать себе места на жизненном пиру и выступить деятелем истории, самостоятельным творцом культуры. Если такой период наступает, и если это дело удастся, то мы, действительно, можем узреть новую эру свободного и благородного человечества. Но тут-то и заключается роковой вопрос: можно ли верить в успех этого дела, можно ли верить в победоносный результат этого выступления масс на арену истории? В настоящее время массы выступают главным образом как

пролетариат, как определенный класс развитого капиталистического общества, класс, лишенный доселе орудий производства, класс фабрично-заводских работников и вообще представителей физического труда, обреченных служить капиталу. Спрашивается, быт этого пролетариата, формы его существования до сих пор, содействовали ли тому, чтобы он смог выступить таким творческим высвобождающим агентом? Действительно, некоторые черты, некоторые свойства этого пролетариата его идеологами, и, конечно, ярче всего Карлом Марксом, были выдвинуты как залог его творческой роли. Указывалось, что фабрично-заводской пролетариат, объединенный механическим объединением капиталистического производства, является могущественной творческой силой; указывалось затем на то, что сама его работа, хотя и подневольная и мучительная, все-таки связана с известными техническими и научными знаниями, с необходимостью известного образования, что уже делает его и в настоящем порабощенном положении культурною силой; указывалось дальше на то, что пролетариат носитель культуры потому, что, живя в больших городах, он не может порвать связь с отгороженной от него рамками классов господствующих, кипящей вокруг него многоцветной культурой других групп этого города. Указывалось также на то, что современный пролетариат не то, что пролетариат античного мира, пролетариат паразитирующий, живущий только желаниями хлеба и зрелищ, что современный пролетариат это действительно творец, создатель ценностей, это действительно трудящийся класс, который может создать культуру. Я не буду говорить о том, что сейчас наступило время делать уже какие-нибудь выводы об удаче или неудаче этого дела. Не приходится говорить об этом потому, что та победа пролетариата, о которой так много говорят у нас в России, еще, в сущности говоря, не есть победа пролетариата, потому что та революция, которая произошла в России, очень во многом отличается от той социальной революции, которую

представлял себе в будущем Карл Маркс. У нас все было иначе и сложнее, и много других фактов играло роль, и даже, может быть, та революция, которая у нас произошла, не может быть названа пролетарской в строгом смысле этого слова, а тем более социалистической. Я об этом сейчас спорить не буду. Я поставлю вопрос в более общей форме: является ли пролетариат проводником не классовой культуры, а общечеловеческой, действительно ли идеи рабочего класса – идеи всего человечества, действительно ли это тот класс, которому не нужно господства, которому нужно только освобождение. Так ли это? Несомненно, здесь есть некий соблазн на пути пролетариата. Пролетариат, обездоленный, лишенный богатств, лишенный собственности, может в момент получения власти стать новым господином, новым деспотом, четвертым сословием, которое таит под собой возможность новых взрывов, новых обездоленных. Вот первый соблазн, первое искушение, *лишающее пролетариат <возможности> создать* ту культуру будущего, которую отождествляют с культурой пролетариата. Что же тогда мы увидим? Мы увидим, что этот пролетарский класс, этот новый господствующий класс изменит до некоторой степени формы буржуазной культуры, наложит на нее новый отпечаток, даже, может быть, в этой новой культуре будет больше проявляться душа коллектива, поглощение личности коллективом во всех формах, – но что же, это будет новое слово, высвобождение? Нет, это будет та же преходящая форма, которая быстро заменит место, как предсказал гениальный Герцен, прежнего консерватизма[31]. Вот опасность, которая грозит

[31] Ср.: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией...» (*А. И. Герцен.* Собр. соч. Т. 6. С. 110).

пролетарской культуре. Тут еще есть одно: ведь пролетариат гордится тем, что он волен, как птица, что он действительно пролетариат, – ну, а что же в этом будущем обществе ему предстоит? Если он останется пролетариатом, то тогда, как говорил Штирнер, перед лицом верховного собственника мы все равно будем оборванцами[32], и тогда личность ничего не получит в этом новом обществе, а получит только страшное чудовище – государство. Цель общества будет давить личность, и в колесики, в пальцы громадного организма превратит эту личность. Если же пролетариат в будущем что-нибудь приобретет и на что-то <сможет> опереться, то он перестанет быть пролетариатом, и культуру его мы не сможем тогда назвать пролетарской. В этом отношении будет громадная разница, когда мы сравним буржуазию с пролетариатом. Буржуазия, когда она не господствовала, в некотором смысле буржуазией уже была, боролась за расширение своей власти, боролась за политическое свое значение, боролась за усиление экономической своей мощи, но самая собственность, самая основа буржуазного быта была дана, так что коренного перелома не произошло. А пролетариат борется за освобождение, так что в будущем ему предстоит или стать новой какой-то буржуазией, если хотите, даже грядущим мещанином, или отдать себя на жертву и на растерзание молоху государственности, будет служаком у целого, а не у отдельного хозяина, только членом громадной механической машины, той механической культуры, которую здесь идеализировал

[32] Теория «индивидуалистического анархизма» была изложена немецким философом Максом Штирнером (наст. имя Каспар Шмидт; 1806–1856) в книге «Единственный и его собственность» (1844; русск. пер. 1907). Ср.: «Перед высшим *собственником* мы все становимся одинаковыми — *нищими*. <...> Если пролетарий действительно осуществит предполагаемое им „общество“, в котором будет устранено различие между богатым и бедным, то он будет нищим, но тогда он будет нищим с сознанием, что это нечто значительное...» (*М. Штирнер.* Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 110).

Н. Н. Пунин, образец которой он видит в Германии. Но эта культура будущего, если она наступит, должна нам представляться не высвобождением и не радостью, и на вопрос, должна ли она быть, я бы не колеблясь ответил – если это так, с этим нужно бороться до последних сил (аплодисменты), потому что это картины такого будущего, когда страшное существо с многочисленными щупальцами, у которых ум отнял душу, у которых есть только одна техника, одно умение организации для выращивания будущего человечества, потому что эта культура жестокая, бездушная, убивающая личность. Вот опасность, которая может предстоять пролетариату, и об этом надо очень задуматься. Такая ли культура будущего стоит перед нами? Человечеству нужно коренное обновление, нового слова ждет мир, и новое слово должен принести в мир высвободившийся творческий класс. Но кто будет этой новой силой? Сможет ли ею явиться оторванный от культурных корней пролетариат? Говорилось здесь, что пролетариат пошел учиться, что он сам понимает, что ему нужно усвоить прежнюю культуру, чтобы переработать ее в новые формы. Но тогда он не будет стоять на голой земле – пролетариату самому по себе в отдельности этой новой культуры не создать. О новой культуре, если только она придет, можно говорить, как о культуре трудовой, культуре рабочей, это будет несколько ближе, но и эту культуру, как очередную задачу, как сближение человека с природой и с трудом, как сближение ее с нуждами жизни и с требованиями мощного развития всех сил человеческой личности, – и эту культуру не нужно принимать за выражение абсолютной ценности. Две заповеди, два начала, две истины нужно твердо помнить тому классу, который пытается обновить человеческую культуру и творить новую. Нужно помнить, что та творческая работа, которая будет теперь сделана, есть лишь этап в развитии человечества, а не завершение человеческого развития с земным раем; нужно помнить, что в этой работе все подлинно творческие,

жизненно освобождающиеся личные силы должны в разнообразных формах, национально разнообразных и профессионально разнообразных, дружно объединиться под знаменем труда и человечности, под знаменем подлинно человеческой свободы. Только дружное соединение трудовых сил работников физического и умственного труда, пролетариата и всех близких ему тружеников с элементами умственного труда, с интеллигенцией в широком смысле слова, принесет это освобождение человечеству. И вот эта новая демократия нового свободного государства благородных индивидуальностей, равных в разнообразии своем, действительно может создать новую культуру, подлинную общечеловеческую культуру. Но для того, чтобы ее создать, нужно и самому пролетариату, как одной из сил, ее создающих, высвободиться, очиститься от тех уродующих личность навыков, которые привило ему его прежнее ненормальное порабощенное положение, нужно, чтобы родилось поколение свободных людей, а не вчерашних рабов, которые могут быть только новыми господами, и не тех вчерашних рабов, которые всегда могут поддаться соблазну могущества или соблазну голого разрушения. Только тогда, когда мы работой над собой создадим такую культуру, мы сможем смело и гордо говорить о выполнении исторической очередной миссии продолжения человеческой работы прошлого, а пока эта задача воспитания и организации стоит перед нами, до тех пор прежде всего и больше всего нужно остерегаться слишком легко выкидывать за борт старые культурные ценности, потому что только с прочною связью с ними можно продолжать работу творчества будущего. Только живою связью творится это будущее и только те, кто личность и свободу ее дороже и выше всего ценит, поймут душу творчества этого будущего, не механической машины, а живого свободного человека на свободной земле, самого располагающего своими силами. Вот идеал культуры будущего (аплодисменты, возгласы: браво).

Председатель. Меня просят сделать перерыв очень краткий. Но прежде чем объявить перерыв, позвольте мне сделать одно личное заявление (голоса: просим). Я бы хотел внести поправку к словам товарища Шкловского о кружке пролетарских писателей, которые, выйдя из Пролеткульта в Наркомпрос, собираются заняться изучением старых писателей, которым не сочувствует тов. Шкловский. Должен оговориться, что я как раз очень близко соприкасался с кружком писателей пролетарских, которые вышли из Пролеткульта не для того, чтобы заниматься старыми писателями, которых не любит тов. Шкловский, а для того, чтобы развивать свои взгляды на искусство, которые не совпадают с футуризмом. Если бы я имел здесь время передать сущность тех интересных, чисто практических заданий, которые ставит себе этот кружок, то мы бы, может быть, имели некоторый конкретный материал для того, чтобы нам стало ясно, как интересно и совершенно конкретно некоторые из товарищей пролетариев относятся к вопросу о пролетарском искусстве и как они далеки от тех широковещательных лозунгов, которые тов. футуристы вкладывают от имени пролетариата в пролетариат. Следовало бы познакомиться с теми конкретными заданиями, которые ставит себе пролетариат, а не с теми, которые вносят те или другие идеологи (голоса: просим сегодня рассказать, в следующий раз).

Перерыв.

Чертков[33]. Иванов-Разумник цитировал Гейне, его разделение людей на пыхтящих и шипящих. Мне хотелось бы спросить Иванова-Разумника, к какой категории относит он самого Гейне. Он не шипящий в сторону будущего, в сторону роста человеческого, хотя иногда и шипел, ядовито шипел, говоря, что, кто знает, может быть будущие

[33] Давид Константинович Чертков (1885–?) — литератор, социал-демократ, член Бунда. Его автобиографию, а также изложение социально-политических взглядов см.: *Д. К. Чертков.* Черты из революционно-социалистической деятельности. М., 1918.

пролетарии будут делать цигарки для курения из его стихотворений. Он не пыхтящий, – не лягушка, которая хочет превратиться в вола.

Он принадлежит к людям Гейневской складки, – пошипеть, посмеяться хотя бы над самим собой, хотя бы над самым дорогим делом, усомниться в нем, и в то же самое время Гейне был барабанщик лихой передового человечества. Он сам себя таковым назвал, и мы, деятели современной культуры, также заносим его в свой лагерь, – он и наш барабанщик лихой. Таким образом, есть шипящие, есть пыхтящие, и есть, быть может, третьего рода люди, люди Гейневской складки. Я слушал с большим вниманием и интересом А. Белого и скажу, что он поставил его <вопрос> так, как он, собственно, и должен стоять перед нами. Были попытки здесь поставить вопрос иначе, попытки, по-моему, неудачные. Была попытка разделить культуру и цивилизацию, попытка Иванова-Разумника, которому до известной степени подал руку и Пунин. Цивилизация одно, культура другое. И Пунин указал, что до сих пор не было культуры, была цивилизация, было желание изжить жизнь, а вот пролетариат создаст нечто новое, будет творить ценности. Я думаю, что это поклеп на историю человечества, поклеп на все старые классы, до сих пор боровшиеся на передовых постах истории. Культура была давно у человечества: и пирамиды, которые делали египетские фараоны руками рабов, и сфинксы, и готические соборы, и картины Ренессанса, и Тициан, и Шекспир – все это создание не пролетариата, но это не изживание жизни, нет, это подлинный порыв к культурному строительству, к созданию великих ценностей для человечества. Я думаю, товарищи, это не только поклеп, но это указывает, как бледно, как бедно содержание души того, кто думает, что до сих пор не было никакой культуры, а была только одна цивилизация. А затем – была ли цивилизация отдельно, и культура отдельно? Я думаю, товарищи, эти два слова есть два понятия, но чрезвычайно близкие и неразрывные между собой, как тело

и душа. Мы, люди современной науки, полагаем, что это нечто неразрывное: душа не улетает куда-то в виде птички, когда тело кончается, – без души нет тела, без тела нет души. Цивилизация есть тело человечества, культура – душа этой цивилизации, и каждая цивилизация имела свою культуру, как каждое тело имеет свою душу. Трамвай – современная цивилизация, но она создает новую душу. Мчится нечто таинственное, не видно, кто тащит, что тащит, – мчится. Это несомненно создает новую душу, новую эмоцию, новое настроение человеческой души. Несомненно, когда висел над куполом церкви крест и только крест – это была душа данной культуры, христианской культуры, а когда над крестом появился громоотвод, то не только новая цивилизация появилась – металлическая проволочка, но и новая душа, новое ощущение, что только верой нельзя оградиться от небесных сфер. Это, конечно, создает новую душу, новое ощущение природы, новое ощущение человека самого себя и всего окружающего мира. Можно привести бесконечное количество примеров, как всякая цивилизация, всякая материальная культура формирует заново душу, создает новые ощущения, углубляет их, создает таким образом новую культуру. Есть смысл деления этих двух слов – цивилизация и культура, но постольку, поскольку есть смысл деления тела и души, но это неразрывное целое и поскольку мне кажется неудобным говорить аудитории, которая здесь собирается, об элементарных вещах, постольку можно категорически утверждать, что цивилизация неразрывно связана с культурой на протяжении всей человеческой истории. В истории человечества нет одного круга, – было много кругов, которыми жизнь очерчивала психейную жизнь, очерчивала сознание человечества, был круг христианской культуры, – кто станет спорить, что это была разнообразная культура, говорят, и это верно, что в этом есть огромный размах от античной культуры. Говорят о культуре средних веков, о национальной культуре, о германской культуре. Были круги, которые описывали

более жизнь природы, биологические своеобразия в рамках одной национальности, которые постепенно переставали быть биологическими явлениями, а становились явлениями социологическими, выходя из первобытного положения. И вот новое явление – класс, группа людей, идеологи которых, вожди которых, мыслители которых очерчивают себя определенными границами от других классов и говорят – мы класс, социологическая группа. Скажут, вы не правы, вы ошибаетесь. Но факт тот, что есть группа людей, огромная группа, идеологи которой очерчивают этот класс огнем и мечом и говорят – это есть класс, это особая группа людей. Когда мы говорим об этом новом круге в истории, не биологическом, а социологическом, сознательно нами очерченном и очерченном какими-то контурами, обозначенными самою жизнью, тогда мы ставим вопрос, как мы подходим к этому кругу. Недавно мне пришлось быть на религиозном диспуте, мы спорили там о Боге с<о> священником, и часть верующих все время останавливала тех, кто говорил против священника, возгласами: хлеба, хлеба, хлеба, подразумевая, что у того, кто говорит против священника, надо просить хлеба и говорить о хлебе, как об аргументе против того, что он говорит. Это, товарищи, не аргумент. Мы, собравшись сюда, доказываем, что не единым хлеб<ом> жив будет человек. Если есть товарищи, которые даже в вопросе о Боге в тот момент, когда поднимается такой глубокий великий вопрос, если не говорят, то внутри себя чувствуют – хлеба, хлеба, то они напоминают мне часть этих верующих. С ними трудно говорить. Я хотел бы говорить с теми, кто бы мог преодолеть это мучительное желание хлеба в широком смысле этого слова и поговорить о чем-то другом. Так вот, очерченный круг – класс, о котором Андрей Белый говорил, что он должен принести и что он может принести, и Александр Мейер говорил, что он должен принести и что мы хотим, чтобы он принес, что условиями жизни он должен волей-неволей принести в мировую культуру. И мы говорили: посмотрите на этот класс,

основные условия его жизни таковы – это класс трудящихся, трудовой класс, класс, создающий ценности, класс труда, можно заменить слово «пролетариат» словом «производитель», но стоящий в особых условиях, не так, как когда-то стояли трудящиеся вплоть до тех, представителем которых был Спартак, это класс трудящихся, стоящий на особых условиях, играющий исключительную роль в современной буржуазной культуре, могущий, скрестив руки, остановить всю жизнь, но не имеющий ничего из орудий труда, из орудий производства. Это новое явление, небывалое во всей мировой истории, – не рабы, представителем которых был Спартак, не от них ведет начало пролетариат, это явление нынешнего буржуазного капиталистического хозяйства, здесь он родился как особый класс трудящихся, все производящий, но не имеющий ничего, чем все совершается. Таков этот класс, таково его классовое положение. Вот слова, которые вам, вероятно, надоели. Отсюда некий вывод – идеология его и культура его не может быть иной, как культурой труда. Культура труда и есть культура пролетариата, но вопрос – какого труда, и как пролетариат хочет этот труд вложить в процесс культуры. Это вопрос второй. Андрей Белый говорил о свободе, о творчестве, о свободном творчестве. Я, товарищи, перегну вопрос, перей<дя> к тому, как каждый из вас, если он трудящийся производитель, хотел бы поставить себя и свой труд, в какие условия? Конечно, не в рабские условия, не только в худшем смысле этого слова, но и в лучшем, – он хотел бы поставить свой труд в условия свободного творчества, хотел бы любить этот труд, вложить в него свою душу. Каковы же должны быть первые ощущения нового класса, на первых детских ступенях исторической лестницы, – это желание свободы труда, желание превратить свой труд в свободный, творческий труд, в артистический труд, создающий огромные ценности, благородный, всеми ценимый и остающийся в истории. Вот быстрый анализ того, к чему стремится пролетариат, – в его классовом положении заложены именно те течения,

которые ведут его туда, куда хочет вести его Андрей Белый и я вместе с ним, к свободному творческому человечеству, к тому творчеству, какое обрисовал тов. Гизетти, когда говорил о свободных индивидуумах, которые ходят по земле и творят. Но под этим какой фундамент? Принцип организации есть исходный принцип. Мы не только витаем в области грез, но хотим стоять на почве действительности. Для этого нам нужно организовать прежде всего труд. Я не говорю о Фермопильском ущелье, о диктатуре пролетариата. Я думаю, что нужно это принять и признать, что пролетариат стремится к этим исходным положениям, к тому, чтобы создать свободное организованное творчество. Да, это есть прыжок из царства необходимости в царство свободы. А теперь чуточку выше поднимемся по тому пути, по которому шел Андрей Белый. Андрей Белый говорил о механическом мировоззрении и об органическом. Вам, вероятно, знакомы некоторые течения в современной философии, которые не совсем так грубо делят мировоззрения человечества, не так схематично. Уважаемый Андрей Белый, вероятно, знает об одном явлении современной философии, которое считает, что есть процессы взрыва. Как из разрывной гранаты вырывается новая граната, так идет жизнь в истории природы. Это так называемый Бьерксоновский процесс[34]. Этот Бьерксоновский процесс не механическое понимание по Пунину и не то органическое, о котором здесь говорил хотя бы Мейер. Это нечто иное. И я думаю, что у пролетариата именно есть эта цель, эта дорога, по которой он освободится от механического процесса, став свободным творцом своих целей. К этому он стремится, к этому он неизбежно должен стремиться. Позвольте поговорить об этой идеологии. В этой идеологии нет теологии, нет цели, которая тянет к себе, нет толчка позади, который

[34] Речь идет о французском философе Анри Бергсоне (1859–1941). Подробнее о его взглядах см.: *И. И. Блауберг.* Анри Бергсон и философия длительности // *А. Бергсон.* Собр. соч. Т. 1. М., 1992. С. 6–44.

нас толкнул, как думает А. Мейер и толкает вперед, и нам нужно или освободить культуру из какого-то плена, или зачинать новую. Ни то, ни другое не нужно, – ни высвобождать что-то, в плену находящееся, ни зачинать нечто новое. Там, позади нас, не было толчков из того, где были бы зачатки всей будущей культуры. У человеческой истории есть процесс становления, все время творящего новое. И впереди нет сияния, к которому мы тянемся и не можем дотянуться, – мы продолжаем развивать процесс культуры в истории человечества. Подходя к вопросу пролетарской культуры, я думаю, я удовлетворю А. Мейера – среди тех, кто считает себя людьми близкими рабочему классу, есть уже разные воли, Пунинская воля, которая рисует человека без души, и ваш покорнейший слуга – совсем не Пунинская воля. И между этими волями будет долгая борьба и большая борьба. Как же будет строиться пролетарская культура? Из ничего ничего и не выйдет, но мы не ничего берем за исходную, мы берем все прошлое мировой культуры, ни одной страницы мировой культуры мы не желаем вырвать и уничтожить, ни одного шага человечества, даже заблуждавшегося, мы не хотим забыть, ни одного листочка мы не хотим предать проклятию и аутодафе, – напротив, мы хотим все забрать с собой, и правду, и даже ложь, и подвиги, и даже преступления – все нам дорого, ибо все это были муки искания, подвиги и провалы человечества, – все заберем с собой, и даже Великого Инквизитора Достоевского из его легенды, и его заберем, ибо там муки человечества, нам близкие. Вот тому, под нашей шубой и нижним бельем, голому человеку, который чувствует связь на протяжении веков, эпох и народов, мы и говорим – прости. А теперь мы с ним встретимся впервые по-человечески, и впервые, Александр Мейер, прозвучат подлинно исторически, а не риторически только слова Христа – полюбите врагов своих. Только мы можем понять эту фразу, потому что мы знаем, почему он нам враг, – не потому, что он плох, а мы хороши, не потому, что он зол, а мы добры, он глуп,

а мы умны, а потому, что суровая жизнь природы и общественная борьба ставили нас все время в разные условия, но заставляли нас плакать одними и теми же человеческими слезами. Вот почему мы можем понять эту фразу и сделать ее действительно звучной струной сейчас, в эпоху столь суровую, столь полную борьбы, столь полную жестокостей, в эпоху, когда мы выходим из Фермопильского ущелья. Быть может, скажут, что не наступил еще момент, чтобы говорить эти слова, но они живут в лице рабочего класса, который, действительно, самый человеческий класс. Он не только суров в лице спорящих различных копий, между собой скрестившихся, но в нем и улыбчивость трудового человека, в нем милость человека, знающего всю суровую борьбу за жизнь, борьбу с природой. Но пролетариат несет в себе и старое, он не с неба свалился, он вырос в царской России и т. д. и т. д., он несет в себе прошлое, не только будущее... Нужно чуточку успокоить в себе эту истому, эту жажду по хлебу, встать не в плоскость пыхтящих и не в плоскость шипящих, а в плоскость людей немного Гейневской складки, немножко ближе к Андрею Белому, и вместе с ним искать. Итак, есть класс, который себя ощущает как великую новую силу, у которой, в лице передовых вождей ее, нет единства воли, а есть несколько воль — между ними-то идет борьба. Я лично имею честь принадлежать к деятелям рабочего класса, не находящихся сейчас в лагере правящих, но я говорю — если вы будете говорить на ангельском языке и не будете иметь любви в себе, то ваши слова будут как меч бряцающий, или как кимвал звенящий. Чуточку любви к этому огромному новому классу, чуточку желания понять его, понять его внутренние противоречия в нем в самом и в политической жизни. Тогда только начнется освобождение от старой идеологии, от старых рамок, — с этой кучкой людей мы скорее его поймем. Вот стихи Самобытника, прочитайте его стихотворение «Под красным знаменем», — очень робко он подходит к задачам своих собратьев пролетарских по-

этов[35]. Мы только скромные предтечи будущих писателей, мы только первые ласточки будущей весны. Пыхтят как раз не пролетарские поэты, пыхтят пришедшие к ним недавно, очень мало с ними знакомые. Пролетариат есть демиург, его миссия осуществлять свою историю, и все те поэты и творцы старых классов, которые хотят ощущать биение истории, дыхание истории, рано или поздно придут к этому классу и помогут ему направить свою добрую волю, стать наследником всего лучшего в прошлом и творцом новой всеединой, всечеловеческой культуры (аплодисменты).

Гурлянд-Эльяшева. Здесь много занимались вопросом о том, что такое пролетарская культура, с разных сторон пытались выяснить, есть ли противоречия между этими двумя понятиями – пролетариат и культура, можно ли соединить их таким образом. И одним из ответов на этот вопрос был ответ Иванова-Разумника – нет, нельзя говорить «пролетарская культура», можно в крайнем случае говорить о пролетарской цивилизации. Мне кажется, здесь некоторое недоразумение. Когда мы имеем дело с понятием культура, мы вступаем в сферу свободы. Тут были высказаны опасения, что в тот момент, когда пролетариат сделается хозяином жизни, начнет чувствовать себя полновластным, он отметет все прошлое, а поскольку он создаст нечто новое, он не оценит значение личности, не оценит тех достояний, которыми человечество гордилось до сих пор. Мне кажется, что здесь некоторое недоразумение, что здесь не принимают во внимание того, что культура создается внутренними достижениями, что культура есть результат внутреннего сознания тех побед единичных, отдельных,

[35] Вероятно, подразумевается стихотворение «Не говори в живом признанье...», открывавшее сборник «Под красным знаменем». Ср.: «Разрушив черные оконца, / Мы жаждем миром опьянеть. / Еще не нам, не знавшим солнца, / Вершиной гордою шуметь» (*Самобытник.* Под красным знаменем. Пг., 1919. С. [5]). Самобытник — псевдоним поэта Алексея Ивановича Маширова (1884–1943).

которые делаются человеком на пути его завоеваний себе места достойного здесь на земле. Ведь если отдать себе отчет в том, каково положение пролетариата, то ведь это мощная организация, которая совершенно выброшена из жизни, стоит на краю ее, видит богатства окружающей жизни и не может принять в ней участие, – мощными усилиями выбивается она из этих недостойных, нечеловеческих условий. И после того, как этой громадной части человечества, наконец, удается твердой ногой занять какое-нибудь <место>в жизни, неужели она не усвоит того, что сделано всеми теми, кто жил в уютных условиях жизни. Ведь на этом пути эти массы открывают многое, – открывают и ужасы, открывают и такие ценности, которые человеку, пребывающему в таких благоприятных условиях, совершенно непонятны, – все те героические усилия, которые приходится делать этой части человечества на пути к освобождению, на пути к более достойному существованию. Эти усилия несомненно сопровождаются осознанием того строя жизни, который обрекает человека, абсолютно невинного, той отверженности, той несправедливости, тех бедствий, которые приходилось этим массам переживать. Если только эти массы попытаются отдать себе в этом отчет и сказать что-то, то скажут они ценные слова, которые нам не удалось слышать до сих пор, потому что понять все это, понять и оценить, понять то ужасное положение, в котором находится всякий человек, выброшенный из жизни, понять те усилия, которые делаются для того, чтобы вырваться из этого недостойного человека существования и высказать это, может только тот человек, который глубоко внутренне пережил это. Если пролетариат поделится с нами этим исключительным опытом, несомненно, он не только скажет важное и нужное слово, но и поймет, что значит действительное внутреннее глубокое индивидуальное творчество. Поэтому нам нечего бояться того, о чем говорил тов. Гизетти, что личность не будет понята мас<сами>, что пролетарская культура может угрожать

тем, что не оценит индивидуальных творческих усилий отдельных личностей. Указываю на одно – здесь смешивают понятие цивилизации и понятие культуры. Цивилизация есть внешние формы, в которых проявляются внешние условия нашей жизни. Культура же – внутреннее свободное достижение, а там, где царит свобода, там возможно полное понимание и там возможно шествие вперед к вечному царству отдельных личностей и широких масс.

Маширин[36]. Товарищи, я не буду долго утомлять вас своей речью. Вопросы, которые здесь затрагиваются, для нас чрезвычайно интересны и требуют сугубо серьезного к ним отношения, и в несколько минут определить свое отношение к ним, постараться разрешить их совершенно невозможно, тем более теперь, когда все уже утомлены. Поэтому я сегодня вовсе не буду подробно останавливаться на тех положениях, которые выдвигались здесь, но попробую кратко, чуть-чуть поделиться теми впечатлениями, которые они на меня произвели. Прежде всего мы видим здесь те же интеллигентские размышления, те же интеллигентские споры, большей частью оторванные от самой жизни, от самой практики. Например – такая постановка вопроса – что такое пролетариат. Нам чрезвычайно удивительно, как это лучшие люди, соль, так сказать, земли, которые мечтают о полноте личности, о гармоническом развитии человека, как они до сих пор не уяснили на практике из опыта живой действительности, что такое представляет из себя пролетариат, культурное или антикультурное явление, как они, очень тонко разбирающиеся во всех экономических и социальных вопросах, делающие тщательный анализ всех общественных явлений, до сих пор еще спорят, до сих пор еще ищут какую-либо новую группу, какой-нибудь новый класс, какой-нибудь новый слой людей, которых можно было бы признать в качестве фактора

[36] А. М. Маширов.

культуры. Они все время колеблются – для меня это очень удивительно. Затем удивительно и то, что многие из интеллигенции пытаются говорить за тот же рабочий класс, за тот же пролетариат и пытаются говорить очень развязно. Говорят – пролетарская культура заключается в том, что мы даем, это и есть пролетарская культура, без этого пролетариат ни шагу не двинется. Для нас это тоже очень странно. Странно также и то, что выходят наши единомышленники и говорят, что пролетариату нужно забрать с собой все, что было сделано до него. Они называют себя марксистами и говорят – возьмите все, даже плохое. Можно подумать, что пролетариат и капитализм должен взять с собой. Очень странно, что лица, называющие себя марксистами, <утверждают> что пролетариат, не оценивая с классовой точки зрения, забирает все, что было до него в культуре и признает своим, пролетарским. Это, конечно, не так. Кроме того, товарищи, для меня интересной новостью является, что когда делают обозрение старой культуры, то усматривают в ней нечто цельное, нечто гармоническое. Мы все знаем, товарищи, как только начинаем приступать к практической действительности, что люди живут в классовом обществе, что общество делится на классы, что классовая борьба имеет за собой слишком большую историческую давность. А потому все то, что мы с вами имеем, наши привычки, наши желания, наши взгляды, наша, наконец, материальная культура – все это слагалось в классовых отношениях. И ясно, что все господствующие классы, которые сменяли друг друга, приспособляли эту культуру для себя. Но отсюда мы не делаем вывода, что эта культура им целиком принадлежит. Мы знаем, что в создании этой культуры, может быть, в двух третях принимали участие те же са<мые...>[37]

[37] Стенограмма обрывается.

Что такое Вольфила?
16 мая 1920

С первых дней своего существования Вольная Философская Ассоциация стремилась решать самые животрепещущие общественно-политические, философско-исторические и литературно-публицистические вопросы, невзирая ни на какие организационные трудности или идеологические препоны. Накопив начальный опыт, ее руководители сочли необходимым подвести и первые итоги – сделать предметом пристального интеллектуального анализа деятельность самой Вольфилы ровно полгода спустя после знаменитого доклада А. Блока «Крушение гуманизма». В ходе свободной дискуссии предполагалось выяснить, насколько эффективно Ассоциация выполняет поставленные перед собой задачи, насколько ее деятельность соответствует потребностям и настроениям членов-соревнователей и слушателей.

О необычайной популярности, которую в послереволюционном Петрограде приобрела Вольфила, свидетельствовала прежде всего многотысячная аудитория ее воскресных заседаний. Однако такое признание имело и свою оборотную сторону. Пользуясь открытым характером философского сообщества, на собрания потянулась весьма случайная и разномастная по своему социальному составу публика – не только без определенной философской, но даже и без общекультурной подготовки, из-за чего некоторые заседания превращались в уличный балаган. В конце концов возникла

вполне реальная опасность, что высокая интенция «интеллектуального братства» будет сведена к профанации. Возможно, наиболее остро несовместимость философских поисков и так называемых «запросов жизни» обозначилась 28 марта 1920 года на XX заседании ВФА. Скандальное обсуждение доклада Н. О. Лосского «Бог в системе органического миропонимания», само название которого звучало для послереволюционного времени откровенно эпатирующе, вынудило одного из слушателей, Э. Ф. Голлербаха, обратиться в Совет Ассоциации со следующим письмом:

Открытое письмо
членам Вольной Философской Ассоциации[1]

12 апреля 1920 года

Я хотел бы поделиться с деятелями В<ольной> Ф<илософской> Ассоциации некоторыми соображениями по поводу публичных лекций, устраиваемых В<ольной> Ф<илософской> Ассоциацией. Я далек от желания поучать и наставлять руководителей Ассоциации, но полагаю, всякий «голос из аудитории» заслуживает внимания уже потому, что раздается из той среды, предметом внимания которой является деятельность Ассоциации.

Мне неизвестно, устраивает ли Ассоциация закрытые заседания; может быть эти заседания носят характер чисто организационный, посвящены «текущим делам», а не философским диспутам? Что же касается открытых заседаний, каковыми являются лекции с последующими прениями, то спрашивается, – достигают ли они своей цели? Насыщают ли они голодных? Многочисленность аудитории не есть еще показатель успеха. Полагаю, что глубина тем, взятых А. Белым и Н. Лосским, и сложная, проникновенная разработка этих тем слишком превышают культурный уровень среднего слушателя. Выступления таких оппонентов, как Шапиро[2], Белов, Пигулевский и др., выкрики «довольно» и пр. не достаточно ли ясно показывают,

[1] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 59. Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) – поэт, критик, искусствовед.

[2] Бернард Маркович Шапиро (1859–?) – врач, специалист в области фармакологии и вегетарианства. См.: *Б. М. Шапиро.* Нравственность и вегетари-

перед кем мечет бисер В<ольная> Ф<илософская> Ассоциация. Если Ассоциация собирается *популяризировать* философские знания, то для этой цели нужны другие темы, другое изложение, может быть – даже другие лекторы. Если же она хочет обнажать величайшие глубины мысли, вскрывать сокровеннейшие истоки духовного бытия, не только *ставить*, но и *решать* острейшие философские проблемы, *она не должна профанировать своей работы* выносом ее на улицу, где торжествует дешевое любопытство и низколобая критика. Профанация *великого* и *святого* недопустима. Разве нельзя устраивать закрытые заседания, с правом входа по рекомендации? Это производило бы отбор, фильтрацию слушателей и участников. Не знаю, как понравился А. Белому выкрик «довольно» во время его глубоко интересной и содержательной речи (на докладе Лосского). Меня этот выкрик больно задел, хлестнул по душе и стало мне жаль Белого, растрачающего бисер...

Итак, первое мое пожелание состоит в предложении разделить собрание на закрытые и открытые, и в связи с этим разделить и философские темы на 1) «безотносительные» и «самодовлеющие» и 2) «приспособленные» и «общедоступные». Тогда не будет жалоб, что Ассоциация дает публике камень вместо хлеба, и никто не швырнет этот камень обратно, в голову... Белого или кого иного. Вспомните слова Ницше об искусстве быть услышанным: «нужно не только уметь хорошо играть, но и хорошо заставлять себя слушать. Скрипка в руках величайшего мастера производит только пиликанье, если помещение слишком велико, тогда мастера нельзя отличить от любого ремесленника»[3].

Другое мое пожелание относится к учреждению постоянной «открытой» корреспонденции слушателей с докладчиками. В виду того, что у Ассоциации нет своего печатного органа, было бы желательно, чтобы те, кто по разным причинам не хотят или не могут выступать перед аудиторией, имели бы возможность высказаться. Ведать этой корреспонденцией мог бы секретарь Ассоциации (докладывать о письмах на собраниях, давать на них краткие ответы по указанию докладчика). Может быть и сами докладчики нашли бы возможным отвечать письменно на запросы и полемику.

анство при свете дарвинизма: Вопросы личной и общественной нравственности в психофизиологическом освещении. СПб., 1901.

[3] Цитируется глава «Искусство быть услышанным» из книги Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878). См.: *Ф. Ницше.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1911. С. 138.

Обращаюсь еще с одним вопросом-пожеланием: нельзя ли завести еще одного секретаря (кроме того, который записывает возражения, составляет протоколы и пр.), со специальным назначением: читать доклады лиц, почему-либо не желающих выступать публично[4]. Такой порядок был в Рел<игиозно->Фил<ософских> Собраниях, где прочитывались иногда доклады Философова, Розанова, – не самими авторами[5]. Если это возможно, я покорнейше просил бы принять меня в число членов В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации> и предложил бы доклад на одну из следующих тем: «В. В. Розанов как человек и мыслитель», «Лев Толстой и Розанов», «Психология безумия и гениальности», «Искусство в свете мистического мировосприятия».

Неизвестно, обсуждалось ли письмо Голлербаха непосредственно на заседании Совета (протоколы весны 1920 года не сохранились), однако так или иначе затронутые в нем вопросы послужили толчком к вынесению дискуссии о целях и характере Вольной Философской Ассоциации на суд более широкой аудитории. XXVI открытое заседание «Вольфила (Задачи Вольной Философской Ассоциации). Речи и прения», назначенное на воскресенье 16-го мая в 2 часа дня (по адресу: Чернышева площадь, д. 2, подъезд № 1), анонсировала афиша[6]. Хотя конкретные докладчики и не были здесь названы, однако на диспуте сочли нужным выступить все руководители философского содружества:

[4] Главной причиной такого предложения Э. Голлербаха бы[ли] собственные проблемы с речью. Ср.: «Я заикался не всегда, но при малейшем волнении начинал «спотыкаться», а при сильном волнении еле мог говорить и терзался этим невыразимо. <...> Усилия опытного врача <...>, лечение дыхательной гимнастикой и гипнозом отчасти улучшили мою речь, но т[олько] в начале двадцатых годов, когда я стал постепенно выступать с речами [и] докладами, мне удалось постепенно, хотя далеко не окончательно, побор[оть] этот недостаток и связанную с ним робость и наоборот» (*Э. Голлерба[х]* [о] речи и размышления. С. 324).

[5] См.: *Записки* Религиозно-Философских Собраний (19[02] [–] гг.). СПб., 1906.

[6] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 11.

заседание вел Андрей Белый; помимо членов Совета (Конст. Эрберга, Иванова-Разумника и А. З. Штейнберга) в дискуссии впервые принял участие и М. П. Кристи – петроградский «куратор» ВФА от Наркомпроса.

На заседании обсуждался целый ряд насущных проблем: каково соотношение теоретических и идеологических, научных и просветительских, учебных и практических задач в деятельности Ассоциации; возможно ли соединение философии с жизнью не в «плоскости практической политики», а в высоком духовном поиске; совместим ли «идеологический подход», к которому склонялись руководители Вольфилы, с официальной идеологией и др. Вероятно, ответы на эти во многом риторические вопросы нужны были в первую очередь не лицам, определявшим позицию ВФА, но самой публике, во имя просвещения которой совершалась эта работа. По свидетельству Штейнберга, Вольфила собирала многотысячную аудиторию в первую очередь потому, что ее заседания олицетворяли «протест против мертвящей силы режима»: «...далекие от толпы, так называемые философы и академики, попали в самую живую точку народного интереса. <...> ...дошло даже до того, что правительственные круги стали перед дилеммой: а не прекратить ли всю эту затею? – или наблюдать, что будет дальше? Очевидно, пришли к заключению, что лучше оставить нас как отдушину. Трудно сказать, кто стоял за этим мудрым решением. Если в Петрограде сотни, а может быть и тысячи, людей хотят собираться раз в неделю, чтобы послушать не казенную правду, о которой пишут официально в газетах, а живых людей, с живым умом и сердцем, с потребностью самим понять живую правду, то очевидно, именно эти люди – очень нужные люди в этот период. С тех пор так и повелось, что не было воскресенья без публичного заседания Вольной Философской ассоциации. Это явилось вполне неожиданно и наложило на нас особое бремя обязанности. Мы вдруг обнаружили, что нужны людям Петрограда,

мы – теоретики, совершенно лишенные каких-либо практических средств к действию»[7].

Что такое Вольфила?[8]
Беседа 16 мая 1920 года

Председатель (Андрей Белый). Объявляю заседание открытым. Сегодняшнее наше собрание несколько отличается от всех бывших собраний; они освещалися какой-нибудь опосредованной темой, которую мы выставляли; но наше задание заключалось не <в> том, чтоб одна только тема прошла перед сознанием здесь собравшихся, сколько в том, чтобы серия тем в ряде наших собраний была бы исчерпана; так в концерте мы слышим романсы, прекрасное и не прекрасное исполнение их; но существует другое заданье концертной программы – программа романсов, умелое расположение их; и я думаю, что задачей Ассоциации явля<ется> разработка не столько одной только темы, сколько серии <тем>, подбора, градации их. Сегодняшний день посвящаем мы <... по>пытке, которую, может быть, следовало бы и ранее про<вести. Эта> попытка предполагает присутствие того круга лю<дей, котор>ые, нас посещая, освоились с нами. Сегодня хотим <постави>ть на обсуждение так сказать семейную тему: неко<торые из> посещающих по воскресеньям Вольфилу записаны в <круж>ки; нам хотелось бы знать, как они понимают за<дачи Вольф>илы и как понимаете эти задачи вы все; хотелось бы <зна>ть: какие поправки могли бы внести в задания организации нашей, какие вы видите в ней недочеты,

[7] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 47.

[8] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 18. Стенограмма воспроизведена В. С. Федоровым в книге «Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы» (Кн. 1. СПб., 2002. С. 250–260) под заглавием «„Задачи Вольной философской ассоциации“ (1920 г.)».

в каком направлении нам расширять наше дело и т. д.; все это было бы желательным сделать предметом обсуждения.

Я предлагаю, товарищи, следующий порядок собрания. Вначале мы выскажем взгляд на задания наши – мы, члены Совета Вольфилы и действительные члены Вольфилы; но главное наше желание выяснить ваш взгляд на нас, и потому центром беседы, надеюсь я, будет то, что вы скажете нам в любой форме: в форме ли речи, записки, вопроса. Сейчас я дам слово ораторам, ранее записавшимся, но в течение этого времени я буду вносить всех желающих говорить вот на этот лист, а затем я прошу присылать и записки с вопросами, пожеланиями и т. п.; очень прошу не стесняться вас формою изложения их. Мы записки потом разберем в перерыве; дадим на них наши ответы, как можем. Затем дадим слово всем записавшимся. – Слово предоставляется Иванову-Разумнику.

Иванов-Разумник. Я хотел бы поделиться с вами теми мыслями, которые однажды были сказаны у нас, в самом начале нашего <обра>зования, в ноябре месяце 1919 г., когда Вольфила воз<никла в о>чень маленьком помещении на углу Литейного и Панте<леймоновско>го: тогда мы говорили, как возникла Вольфила и <как собрала? о>чень разнородных людей в единую, дружную, общую <семью?>.

Те, которые были на заседании тогда, не посе<туют, что им> придется то же самое выслушать во второй раз...

<...>[9]

<Конст. Эрберг> ...сопровождает нечто творческое. (Этим я, впрочем, ничуть не хочу сказать, что в спокойном течении нет творческого начала). Я бы определил эти два *принципа, как принцип теоретического подхода* и принцип идеологического подхода. Об этом часто приходилось мне говорить в среде моих товарищей. Теоретик исследует

[9] Здесь и далее купюрами отмечены отсутствующие в стенограмме листы.

что бы то ни было объективно, идеолог исследует субъективно. Теоретик подходит sine ira[10], тогда как идеолог и гневается, и ненавидит, а настоящая ненависть всегда одним краем своим – любовь. Мне всегда хочется эти начала соединить в одно: в ненависть-любовь. Раз что-нибудь люблю, стремлюсь к чему-нибудь, тем самым я ненавижу все то, что мешает росту моего стремления. Идеолог относится к вопросам страстно, я бы сказал – даже пристрастно; ибо он всегда стремится во что бы то ни стало провести *свою* линию, свою идею.

Вольфила имеет две задачи: научную и просветительную. Когда я подхожу к какой-нибудь научной теме как теоретик, а подхожу я критикой имманентной и объективно исследую то, что подлежит моему философскому исследованию. Идеолог подходит с критикой трансцендентной; он говорит: да, все это хорошо, но так как я верю в нечто другое, то, следовательно, не принимаю того, что противоречит моей вере. И тут, разумеется, есть начало, которое в полной мере может быть названо началом философским. Но недаром, – и вы это замечаете, – все симпатии Вольфилы склоняются к принципу идеологического подхода. Теоретик объективно исследует, строго глядит и старается быть холодным; он стремится к абсолюту, к истине. Но вот здесь-то у меня сомнение, которое, быть может, исходит из личных чувств; и оно мне говорит: да возможно ли, в конце концов, добиться абсолютной истины. Я отвечаю так: сомневаюсь, а раз это имеется, то следовательно одного только теоретического подхода к вопросу мне недостаточно. Если я постулирую такое скептическое зерно, оно сейчас же вырастает в целое дерево, а дерево в лес, который заслонит <для> меня возможность пройти через чащу, через дебри, пройти туда, куда я <стремлюсь>. Куда же я стремлюсь? Стремлюсь не к истине, потому что я отчаялся

[10] без гнева (*лат.*).

<отыскать> абсолютную истину. Но я не отчаялся в том, что приду к друго<му: к пониманию св>ободы.

<...>

Андрей Белый. Объявляется небольшой перерыв, после которого я дам слово всем оставшимся записанным ораторам, а затем мы дадим ответы на все поставленные нами вопросы.

Перерыв.

Андрей Белый. Поступило еще несколько записок, на которые и будет дан ответ после того, как список ораторов будет исчерпан. Осталось только три оратора, Ввиду того, что времени осталось очень мало, просьба к ораторам быть краткими, говорить не более 10, 15 минут.

Гребнев. Я постараюсь, товарищи, высказаться в пределах 10-ти или 15-ти минут. Основываясь на том, что сказал т. Лавров, мне кажется, что в настоящее время задачей Вольфилы и будет конкретно поставить вопрос о том, как облегчить наше отношение к современным условиям. Т. Лавров говорит верно, что сразу мы ничего создать не можем, но мы можем и должны поставить вопросы: в порядке ли наша психическая конструкция, достаточно ли строен наш способ жизнепонимания, взаимодействия, нельзя <ли> в нем произвести крупные изменения, которые от нас, интересующихся философией, может быть, потребуют мало времени, но которые дадут громадные результаты. Мы все, в конце концов, действуем, думаем на основании привычки, 99% основаны на привычной повседневности. Разобрав это наше повседневное мышление, что наиболее удобно делать коллективно, мы найдем массу старых пережитков.

Теперь на общественное строительство нам нужны силы, они у нас есть, но есть внутри нас, но для того, чтобы их выявить, нам нужно себя очистить от старых привычек, старых способов мышления. Говорят: тратим силы, стоим в очередях. А почему не берем с собой книги? Ругаемся. Великолепно, но, если бы мы поняли, что, ругаясь, мы еще

более нелепо тратим свои силы, еще более расстраиваем себя, благодаря чему съедаем свои полфунта хлеба в злом настроении, а потому они мало принесут нам пользы, тогда как съеденные в добром настроении они пойдут нам на пользу.

Если задачей нашей ассоциации будет конкретный разбор вопрос<а> о том, как улучшить повседневность, то тогда перед нами откроются широкие горизонты, которые могут быть конкретно использованы, как опытное поле, чтобы мы, подобно тому, как оратор рассчитывает свой голос в зависимости от величины здания, так чтобы и мы научились соразмерять наши силы по отношению к общественному строительству. Ведь мы не излучаем энергию, а поглощаем ее.

У меня есть ряд докладов, касающихся анализа повседневной жизни и в отношении художества, как наиболее яркого проявления проблемы нашего «я» и в отношении науки. Со своей стороны я утверждаю, что в старом обществе каждый человек находился в разладе: думал одно, а делал другое. Вот здесь я отступлю от односторонней лекционной системы и продемонстрирую новый способ, который заключается в том, что я задаю вопрос, а вы отвечаете. Вот прав я был, когда говорил, что большинство людей живет в разладе?

Голос. Живут на авось.

Гребнев. Тут перед нами возникает еще следующий вопрос, нам надо познакомиться друг с другом. Товарищи, только научаясь узнавать каждого, узнавать, что он представляет, мы сможем коллективно работать, коллективно заниматься общественным строительством, пользуясь опытом друг друга. Тут надо еще отметить следующее. Т. Эрберг говорил, что есть спокойная философия и есть идеология, которая подходит субъективно, горячо. Но есть еще третий тип, синтетический. Есть способ саморазвития; и вот Вольфила должна указать способы саморазвития, способы организации культурных сил во всех

проявлениях. Для этого нужно пройти все проявления от субъективного до объективного, тренируя самого себя. Каждый должен упражняться в этом. Когда же мы найдем, наконец, способ, то этот способ будет приемлем для всех, нужно только довести его до надлежащей степени общности, *т. е. нужно выработать общий способ саморазвития*, что и является насущной задачей сегодняшнего дня. Поэтому я бы и предложил для посторонних сотрудников ввести анкету, в которой каждый бы отвечал, в какой области он согласен работать, в художественной или научной, как высок его научный стаж и т. д. И вот при просмотре таких анкет мы могли бы знакомиться друг с другом. Потому что иначе нам договориться невозможно, а нам важно знать друг друга, поэтому я бы и предложил анкетный способ беседы. И вот при таких условиях мы постарались бы понять друг друга, чтобы не было таких странных явлений, когда художник не понимает ученого и обратно, причем мы должны слово *понимать* отделить от слова *согласиться*.

Когда холоднейший ученый будет понимать пылкого художника, объективист будет понимать субъективиста, тогда мы добьемся конкретных результатов, тогда увеличим наши силы, тогда выработаем ряд докладов, которые сумеем распространить среди масс. Словом, Вольфила должна явиться техническим центром развития духовных сил (*аплодисменты*).

Мищенко[1]. «Пусть не знающие геометрии не входят сюда». Так было написано на той академии, которая была основана Платоном. Вопрос, которым мы занимаемся *теперь, мог бы быть комментирован таким изречением*: «пусть не знающие философии, не дерзают философствовать». Центральный вопрос из всех тех, которые подымались в течении нашего заседания, есть вопрос о методе,

[1] Леонид Леонидович Мищенко (1882–?) – профессор, специалист в области общей и специальной (военной) психологии

об умении известным образом и, наконец, о праве философствовать.

Я очень приветствую в названии данного общества слова «вольная», очень поддерживаю слово «философская», но режет мне ухо последнее слово «ассоциация». Я еще более приветствую сокращенное название Вольфила, как вольную философию, но не Вольную Философскую Ассоциацию. Еще Фридрих Великий сказал, что общество, как войско, никогда не рассуждает. В этом отношении у нас имеется опыт, в некоторых областях весьма и весьма почтенный, опыт религиозно-философского общества, построенного, правда, несколько иначе. Центральным вопросом для нас будет в данном случае вопрос о том, является ли это общество дополнением к официальной науке, или же это будет какое-то общество, в которое мы пойдем философствовать, раскрывая методы философствования и обмениваясь таковыми методами. Сегодня мы пытаемся установить задачи общества нашего, некоторые из нас, разбирая эти задачи, ставят конкретные обоснования для этих задач. Несомненно надо вопрос поставить на конкретную почву и раз навсегда ясно отметить те цели, к которым хотим идти. Цели эти будут освещающими прожекторами того пути, на котором будут вставать те или другие задачи. И вот одна из главных целей, именно – вольно философствовать в самом широком смысле, в самом неограниченном отношении. Я не боюсь слов, я бы сказал резче. Мне часто приходилось на этой почве сталкиваться с людьми суровой системы немецкой школы. Они всегда говорят: русские и дилетантизм. Да, вот к этому дилетантизму я и призываю. Может быть, это страшно, а может и совсем не страшно.

Т. Штейнберг говорил, что каждый из нас философ. Да, софист Протагор, говорил, что человек – мера всех вещей, раньше всего мера всех вещей в отношении своего внутреннего порядка, и вот в этом отношении на какой бы то ни было ступени развития человек является философом. В этом отношении я поддерживаю точку зрения т. Штейнберга,

отнюдь не дожидаясь того, чтобы достигнуть той высоты, на которой стоят специалисты, делающие из философии сухую и узкую материю, все эти наши глубокоуважаемые представители специальной науки. И дилетантизм в этом отношении должен получить в Вольфиле вольное признание и должен иметь право философствовать, наводя порядок во внутреннем мире.

Во всех речах ораторов существовало недовольство внутренними несогласиями. И вот, оглянитесь на себя, сумейте у себя навести порядок, привести себя на ту высшую ступень, которую мы называем мировоззрением. Вот так как это самая главная задача, то мне и казалось здесь полезным поставить так же конкретно вопросы, как они ставились на первом собеседовании лицами, которые записались в кружки Вольфилы, и которые сегодня были отрицательно определены. Я позволю себе напомнить эти отрицательные определения: Вольфила не ставит своей *целью систематическое изучение научной философии;* Вольфила не ставит своей целью академическое преподавание философии; Вольфила не собирается преподавать какую-нибудь определенную систему философии. Вот, кажется, все, что я успел схватить, но мне помнится был еще один пункт, против которого многие возражают. В этом пункте говорилось так: Вольфила не ставит себе целью проповедовать философию современной жизни. Кажется так, если не ошибаюсь.

Мне осталось сказать очень мало, и это малое будет заключаться в следующем. Я всецело присоединяюсь к протесту Н. С. Лаврова против слов Гизетти, который хотел ввести разделение на лиц, имеющих право мнения и не имеющих права мнения. Но такого разделения вносить нельзя. Т. Гизетти смешал технику выработки философских воззрений, технику внутренней работы, которая может производиться за стенами этой залы, когда будут выковываться те или другие воззрения, от тех общих собраний, на которые мы не только приносим эти мнения

для того, чтобы по ним поспорить, а для того, чтобы с ними ознакомиться. И здесь вопрос совершенно ясен, и я не думаю, чтобы в многоглагольном собрании могли бы быть выработаны основания философских систем. Этого я не думаю, я думаю, что техника этой работы будет совершаться за пределами этой залы.

Что мы стоим на такой точке зрения, которая отделяет нас от официальной и официозной науки, то это чувствуется даже в самом составе ассоциации, даже в введении сегодняшнего собрания и в самом председательствующем, что и вызвало упрек по отношению к лицам, стоящим в совете и правлении ассоциации. Ведь люди идут всевозможными путями в направлении к этой философии. Еще Ренан говорил, что идея подобна маяку с перемежающимися огнями. Еще на заре философии системы философские строились не только логическими выкладками, о чем мечтал Лейбниц, который хотел мыслить математическими формулами, против которых споров быть не может, но и другими путями. И когда говорилось о внутреннем мире, о том, что надо навести внутренний порядок, когда говорилось о свободном философствовании, то я видел, что здесь люди шли разными путями. И когда я слушал вдохновенную импровизацию председателя, то, хотя я и чувствовал, что с точки зрения $a + b^2 =$ и т. д., в ней есть много неправильностей, но, быть может, это то многое и увлекало к той цели, к тому желанному пути, по которому, быть может, мы и пойдем.

Когда ученые в точных науках производят те или открытия, то они подвергаются той же работе чувства, той же работе фантазии и воображения, которая позволяет перескакивать через те заключения, которые не могли бы быть проверены логически. И в этом смысле Вольфила взяла верный тон, она пошла по тому пути, который включает целую гармонию тропинок, которые в единстве своем дают живое наполнение, дают, если можно так выразиться, мясистость такой абстрактной дисциплине, как философия.

И вот с этой точки зрения мне бы и хотелось приветствовать Вольфилу, которая, не стесняясь уклона в профанацию, в вульгарную науку, выставляет такой флаг, как вольное философское единение, куда пускается всякий, а не только тот, кто знает геометрию, сиречь философию (*аплодисменты*).

Гурвич. Я позволю себе дерзнуть объявить те мысли, которыми я был обуреваем, те думы, под властью которых я нахожусь, я хочу все это высказать именно как человек, который пришел с улицы, не имея никакого ценза, ни научного, ни вообще определенного штампа, а единственно, что привлекло сюда, это желание высказаться, как я смотрю на все то, что происходит, на те задачи, которые здесь поставлены. Оговариваюсь, что я не игнорирую то замечание, которое было пущено Гизетти, я безусловно приму его к сведению, но желал бы во всех членах, разделяющих взгляды Вольфилы, видеть не стремление к цензуре, исходящей хотя бы и от председателя, но самим соблюдать чувство меры и не утомлять слушателей. Когда я явился сюда, чтобы послушать о тех задачах, которые ставит себе Вольфила, то мне рисовалось такое положение, что может быть сидящие здесь поставят заранее определенную цель, выскажут ее, наметят и затем нарисуют совершенно определенную картину. Другое положение, если мы не имеем определенной цели, а прибегаем к заявлениям быть может общих коллективных желаний и тем самым проводим эту цель. Я боюсь и не то, что боюсь, а просто не сочувствую внутренне тому, чтобы заранее ставились определенные цели и к этим целям будут стремиться все. Самый верный путь – выслушивание многих, и в этом многом найти ответ на волнующие нас вопросы. Вот <он> и лежит в основе того, чем задалась Вольфила. Но вот в смысле метода, проявления желания, нахождения этой цели мы слишком находимся под влиянием бывшего, прошлого, которое вылилось в определенные термины, определенные штампы, под влиянием определенных философских наук,

и незаметно для себя руководители ассоциации проявляют это. Я думаю, что вообще при высказывании своих мыслей желательно было бы видеть в сочленах Вольфилы не манеру оспаривать, что я считаю известным пережитком прошлой культуры, а известную терпимость. И это проходит красной чертой через все прения, несмотря на желание Андрея Белого освободиться и освободиться. Я это отмечаю, но отнюдь не говорю в смысле упрека.

Т. Штейнберг говорил, что задачи Вольфилы те же самые, какие и я усмотрел, я, пришедший с улицы, что философия только дает успокоение во всем. Т. Эрберг по-моему говорил иначе, он объявлял и выявлял определенные истины путем скептицизма. Он нашел, что это так. Я вполне понимаю людей, поработавших духовно, которые нашли ответы на все вопросы, которые их волнуют, я вполне принимаю ту приверженность, ту искренность, которую они проявляют, защищая свои идеи.

Но вот, когда я прислушался к словам уважаемого проф. Лаврова, указавшего, что в наше время так мало радости и такое желание отдохнуть, моя душа задрожала: отдохнуть, пожалуй, можно отдохнуть. Но в начале же речи проф. Лаврова я подумал: а ведь я не отдыхаю. А потом постепенно душа моя замирала, и я не отдохнул. У меня было только стремление, я бы хотел отдохнуть. Я много увидел в словах профессора Лаврова указаний, а его заключительные слова заставили пробудиться, но отдыха я не нашел. Мы выслушали официальную программу т. Гизетти, предъявившего к Вольфиле определенные требования, как будто она держит публичный экзамен во всем том, что было ею сделано. Я абсолютно не пришел сюда, чтобы подводить итоги. Хорошо это или плохо? Мое мнение – очень хорошо, потому что самая цель такого учреждения, как Вольфила, самое понятие ее не регламентируется. То, что сделано, хорошо, и я безусловно думаю так, что это хорошее завершится впредь, в особенности в виду применения тех приемов, которые нам необходимы ввиду присущего человеческой

душе желания истины, правды, синтеза, т. е. желания найти соответствие между фактами, которые есть, и теми представлениями, которые имеются. Я бы позволил себе привести одно уподобление, как я себе мыслю философскую ассоциацию. Может быть, оно будет вульгарно, плоско, но я этого не боюсь. Я опять-таки подтверждаю, что для меня совершенно не убедительно, когда человек говорит с уверенностью, что, когда его обуревают сомнения, то он вспоминает старика Дарвина и берет себя крепче в руки. Может быть материалистические взгляды, материализм и имеет значение, но человек такое существо, которое не удовлетворяется материализмом. Когда здесь один из товарищей спрашивал, как мы живем, то я ему крикнул одно русское слово «авось». Затем здесь говорили о том, что искательство присуще только русскому человеку, русскому народу, русской душе, то я опять-таки спрашиваю – почему? Это стремление присуще тому, что носит название человека. Так что я возражаю против односторонности. Конечно, половые ученые, такие ученые, которые оперируют с вопросо<м> о простаивании в хвостах, разве эти ученые являют собой истинную ученость, это односторонняя ученость.

Все это я веду к тому, чтобы привести то сравнение Вольной Философской Ассоциации, которое раскроет мою точку зрения на нее. Возьмем шахматный кружок в более широком смысле. И рассматривая, что у нас много таких вопросов, которые волей неволей человечеством вырабатываются в определенную стройную систему, называемую гностицизмом, наукой жизни, эмпирическим опытным понятием о религии и т. д. И мы видим, что все эти отдельные проявления работы мысли как-то окостенели. Но вот опять-таки, присматриваясь к философии, просматривая весь мир, космос, мы замечаем, что какие-то странные явления происходят на той шахматной мировой доске, где фигурами являются отдельные области знания, отдельные области философии, которые на мировой шахматной доске занимают свое место. Не важно, кто

будет турой или пешкой. Но вот в шахматах могут быть самые разнообразные интересы. Одни интересуются самим процессом игры, других интересует изучение всевозможных ходов, напр<имер>, гамбит коня. Так вот я мыслю себе, что Вольфила будет таким учреждением, представляющим из себя собрание людей, которые задались – простите мне это вульгарное сравнение – задались целью вникнуть в процесс мировой шахматной игры... (*голоса: довольно, будет; это называется вольная ассоциация, будет, ваше время прошло*) Хорошо, если мое время истекло, то я подчиняюсь.

Кристи. Мне кажется, что задачи Вольфилы явствуют из самого ее заглавия. За наше время, на наших глазах такие вольные ассоциации уже возникали. Один из предыдущих ораторов указал на Религиозно-Философское Общество, затем у нас существовало Вольно-экономическое Общество, все это имело место до революции, когда существовала Академия Наук, но и тогда среди деятелей науки возникала мысль об образовании вольных академий. Что это значит? Это значит, что возникали стремления, которые не могли найти удовлетворения в официальной науке и требовали создания вольных академий. То же происходит у нас и в настоящее время. Вот наряду с общепризнанной ученостью возникает Вольная Философская Ассоциация, ибо философия интересует широкие круги масс. Как это выявить? Где черпать источник для питания вольной философской мысли? Мне кажется, что большинство лиц в этой Вольно-Философской Ассоциации принадлежит к тем, которые ищут, которые не имеют определенного философского миросозерцания. А те люди, которые во главе стоят этой ассоциации, они представляют в большинстве случаев такое течение философской мысли, которое не признано официальным, академическим. Эти два начала и послужили для создания такой вольной ассоциации, они же и диктуют ее задачи. Повторяю, поскольку мне известно, председатель этой ассоциации придерживается такого

философского мировоззрения, которое с точки зрения академичности, совершенно неприемлемо, и официальным представителям науки даже не известно. Не знаю в подробностях точки зрения других членов Вольфилы, но поскольку они мне представляются, они не являются академическими философами. С другой стороны, аудитория, это именно та ищущая публика, которая только хочет определить свое мировоззрение. И вот на целом ряде ораторов я в этом лишний раз убедился. А раз это так, то понятно, какие задачи возникают, и в каких условиях должна протекать работа Вольфилы. Она, конечно, ни в коем случае не должна идти по тому пути, на который, как я слышал, указывал т. Гизетти, именно, чтобы здесь правом гражданства пользовались только определенные мнения, или руководили бы прениями только общепризнанные патентованные философы. Это противоречит основным задачам нашей Вольной Философской Ассоциации. Но с другой стороны, я бы хотел указать на следующую опасность, какая мне представляется, если наша Вольфила будет очень вольной в том смысле, что мы будем приходить сюда не выяснять, а разговаривать все время, и в конце концов большинство обратится в каких-то гамлетиков, в личности разделенные, рефлективные, которые всю свою жизнь сведут к рассуждениям, самоопределениям, ни к чему в результате не приходя, ничего действенного не делая.

Вот я сейчас вернулся с поучительного зрелища, с поучительной демонстрации с площади Урицкого. Там чествовали моряков и англичан[12]. И присутствующие там, участвующие в этой демонстрации, представляли полную противоположность тому, что мы видели здесь. Это были все люди определенные, у которых ни<ка>кого разлада

[12] В воскресенье 16 мая в 12 часов дня на пл. Урицкого (Дворцовая пл.) состоялся парад красноармейцев и краснофлотцев по случаю праздника Красного флота, на котором присутствовала и делегация английских профсоюзов, гостившая в те дни в Петрограде.

между действиями и чувствами нет. Это был определенный класс с полным мировоззрением, с сознанием, которое диктовалось его положением и теми историческими задачами, которые на нем лежат. Но я был очарован той цельностью и гармоничностью внутренней, которая выражалась на площади Урицкого в действенном состоянии. Вот наша задача и заключается в том, чтобы здесь возможно скорее самоопределиться. В конце концов, тогда получится в результате какое-нибудь действенное отношение к жизни. И для этого необходимо все наши собрания, всю нашу работу в ассоциации вести по определенной системе для того, повторяю, что мы не ограничивались бы только тем, чтобы собираться и разговаривать.

Мне мыслится, что такая система, которая заставила бы людей скорее самоопределиться и выяснить свое мировоззрение, возможна была бы, если бы Вольная Ассоциация проводила бы последовательно какую-нибудь определенную программу своей работы и руководила бы работой также всех тех, которые приходят сюда, они являются наименее сознательными, наименее определившимися и первоначально, разумеется, будут идти за теми членами ассоциации, которые здесь уже работают, которые уже определились и являются активными членами ассоциации. Но такая система необходима. Иначе это будет только проведение времени в разговорах и толку никакого не получится (*аплодисменты*).

Гекаш. Один из говоривших внес очень интересное предложение устраивать анкеты для всех поступающих в Ассоциацию лиц. Да, теперь время регистрации, время паспортной системы. Но я думаю, что, если бы предложили великому Сократу заполнить анкетный лист, то он подал бы его обратно чистым, а если бы его дали Спинозе, то он бы написал: приказчик магазина. Таким образом, эта анкета ничего бы не дала. Но раз мы в *Вольной* Ассоциации, то, казалось бы, таких паспортов быть не должно. Но еще сегодня мы имели случай убедиться в том, что значит

рекомендовать себя. Один из говоривших ораторов рекомендовался как человек, находящийся в хороших отношениях с лицами, имеющими власть, он же указал на то, что является последователем Дарвина. Я считаю, что и то, и то не в его пользу. Как последователь Дарвина он бросил упрек русскому обществу, что оно живет только желудком, что из интересов желудка в этом обществе близкие люди бросаются, но я бы сказал иначе. Тогда, когда интересы желудка на первом плане, тогда бросаются члены семьи, бросаются близкие люди. Но мы, как раз, видим другое, мы видим, как русская интеллигенция голодает, но она никого не бросает, мы видим, как мать, как отец делятся последним куском со своими детьми. И видя все это, видя, какие лишения, какую работу выполняет русская интеллигенция, мы не можем сказать, что это люди только желудка, что это *какие-то двуногие.* Это цвет русской интеллигенции, перед подвигом которой надо было бы преклониться. Этот же оратор указал сегодня на то, что русский народ привык страдать, в страдании он ищет самоутешения. Подумаешь, какой апатичный русский народ, создавший в какую-нибудь тысячу лет такую страну, создавший такую культуру, давший нам великих философов, великих мыслителей. Неужели все это достигнуто только путем самосжигания и ненужных страданий. Здесь была ссылка на татарское иго. Да, но во время татарского ига это был не молчальник, а это был богатырь, который копил силы, который подготавливал себя к подвигу и который, наконец, дождался момента, когда от этого наваждения татарского ничего не осталось.

Наконец, я полагаю, что этот сентиментальный вывод, которым закончил оратор свою речь: грейтесь на солнышке, ибо оно даст радость, что этот вывод не может остаться без ответа. Солнце для всех, мы это прекрасно знаем. Но греться тогда, когда другие не видят луча солнечного, когда другие находятся в оковах, тьме и мраке, любоваться солнечным светом, когда другим даже дышать нечем, это не полагается. Мне кажется, что такие советы давать

в Вольной Философской Ассоциации едва ли можно. Именно сейчас надо всем стоять за одного и одному за всех. Сейчас надо забыть о желудке, сейчас не может быть такого положения, что в то время, как к одним солнечный луч совсем не проникает, ты находишь себе уголок, где тебя одного будет греть солнце (*аплодисменты*).

Андрей Белый. Мы исчерпали список ораторов, и теперь желательно подвести некоторые итоги нашей беседе. Но предварительно придется вкратце ответить на те записки, которые к нам поступили. Слово предоставляется т. Штейнбергу.

Штейнберг. Прежде, чем ответить на записки, я хотел бы вкратце коснуться того, что здесь было высказано т. Кристи относительно нашего плана работ, относительно того, что нельзя ограничиваться только слушанием разговоров. Конечно, нет. Но, с другой стороны, разговор о словах есть дело, и весь вопрос в том, чтобы наши слова не были бы пустыми словами, а они не будут пустыми словами, если наше общество будет философским[13]. Это, во-первых, а во-вторых, что касается плана, т<о> е<сть> того, чтобы наши слова были логичны, для этого есть такой путь, как научное изучение. Вовсе не должно быть оторванности от науки. Мы только исходим из того, что путь

[13] Ср. с оценкой заседаний петербургского Религиозно-философского общества, которая была высказана Ивановым-Разумником еще в 1913 г.: «...*искать* Бога своего в бесконечном толчении слов, в упорном повторении все тех же словесных схем вот, поистине, хула против духа, которая не простится. Когда присутствуешь на заседаниях религиозно-философского общества, слышишь эту толчею „божественных" слов, этот упорный и длительный грех против третьей заповеди, постоянное произнесение имени Божьего всуе, то невольно и с глубоким сочувствием вспоминаешь обычную фразу одного из „старых декадентов", подлинно ушедшего в народ А. Добролюбова. „Помолчим брат!" часто говорит он собеседнику, утомленный обилием ненужных слов. <...> Что, если бы этот нашедший своего Бога человек попал хоть на одно заседание религиозно-философского общества!» (*Иванов-Разумник*. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пб., 1922. С. 111–112).

для изучения философии есть ложный путь, т<о> е<сть> таким изучением мы только ассимилируем какой-то мертвый материал, поэтому, сколько угодно можно знать хронологических дат, сколько угодно можно помнить очерков систем, можно подобным образом знать все эти системы, все то, что известно под названием истории философии, и все это все-таки ни к чему не поведет, если мы не будем активны, а активность в пределах нашего общества есть активность духа человеческого и даже духа мирового. Наша мысль одушевлена волей, но воля без мысли слепа будет, а для того, чтобы *воля была закончена, мы* должны философствовать. Задача нашей философской ассоциации не та, что задача философского факультета. Задача последнего есть подготовка к экзаменам, здесь в конце концов некоторое творчество может проявиться только в пределах распоряжения готовым материалом. Мы ценим самостоятельную мысль. Мы думаем, что путь механического усвоения материала есть путь, один из многих, не самый краткий для того, чтобы осознать в себе свою собственную философию, которую каждый носит, а есть еще множество других путей, более жизненных, весьма практичных; страдание, радость, знание какого-либо отдельного уголка жизни, все это является преддверием для целостности человеческой личности, и эта цельность воплощается в философию, потому что во многообразии своих стремлений создавать единую равнодействующую, это значит стремиться к цели вообще, а эта цель та, о которой говорил т. Белый, – я не нахожу разногласия между моими словами и словами председателя, – единство мысли, как отвлеченное единство именно потому, что философия единство, цельность выставила как последнюю задачу. Только скептицизм конца 19-го века сделал слово метафизика бранным. Нет, мы должны вернуться к истокам метафизики, а истоки метафизики всегда были единством, цельностью, а потому цельностью каждого из нас, цельностью общественной жизни.

Вот почему я могу ответить на вопрос – почему среди секций Вольфилы нет секции Философии действительности? – потому, что всякая философия есть философия действительности, потому что всякая другая философия только бы узурпировала бы это название. Вот почему не секция, а вся Вольфила в целом желает стремиться к философии действительности. Может быть это выяснит наш план работы. Мы стремимся показать, что мы не желаем заниматься отвлеченным философствованием, это не значит, что мы против отвлеченной мысли, считаем ее неправильной, но мы считаем, что нет конкретного вопроса, о котором нельзя было бы философствовать. Для нас философствовать можно о культуре, о труде, о работе, об отдыхе, обо всем можно философствовать только тогда, когда вкладывается положительное содержание, когда осмысливается самое слово философия. Философия значит система философии. Тут возникает ответ на вторую записку, касающуюся духовной революции. Мы верим в духовную революцию. И когда Разумник Васильевич говорит, что социальная революция мыслима только на фундаменте духовной революции, то он верит в нее. Вопрос же в записке поставлен так: «спрашивается, каким образом возникает социальная революция без духовной подкладки, а если таковая была, то как она была утеряна?» Словом, в записке просят выяснить, почему духовная революция не обнаруживается. Тут я позволю себе ответить так, как я понимаю настоящее положение дела. Я не берусь за всех отвечать, но мне представляется, что не только революция, но и война всемирная, в которой были замешаны все части света и которая явилась кризисом всей предшествовавшей истории и в то же время началом новой эры, эта всемирная война показала, что существует, как конкретность, некое планетное сознание, все равно в чем выразившееся, хотя бы и в войне, в пролитии крови. Но когда мне говорят, что в[illegible]овечество участвовало в одном деле, хотя бы это дел[illegible]валось всемирной войной, то отсюда я черпаю увере[illegible]ть, что

все мечты о едином человечестве, о планетном сознании, о том, что человечество будет республикой философов, как мечтали об этом Платон, Кампанелла и др<угие> философы, которые знали, что за стенами их кабинетов шумит та самая жизнь, которую они хотят осмыслить. Все философы мечтали, знали и верили, что в области социальной жизни их философия осуществится только тогда, когда будет единая республика философов. И вот, начиная с этой войны, все, что происходит в каждом государстве, находится под влиянием этой войны всечеловеческой, этого всечеловеческого дела. И наша революция есть великий почин, конечно, это не надо понимать в том смысле, что наш Ком<иссариат> Нар<одного> Просв<ещения> издает такие духовные ценности, которые должны быть поставлены наряду с произведениями Платона и Канта. Не в этом дело; самый факт революции означает духовный сдвиг человечества, и просмотреть это – значит просмотреть духовно текущий момент. Нужно смотреть поверх ближайших десятилетий. Может быть, целые поколения погибнут, блуждая в пустыне. Не беда. Не лучше ли погибнуть в преддверии, чем находиться где-то далеко позади от всяких свободных перспектив. Поэтому смысл нашей революции и смысл ее, как социальной революции, можно только постичь, если брать ее на таком духовном фоне. Что она означает, если поставить на критику отвлеченных начал, – означает, что отвлеченные эти начала обнаружились для того, чтобы они могли органически войти в будущее развитие человечества. Не надо закрывать на это глаза, это великий грех всякой философии. Она думала, что главное – признание материи, но материя должна быть одухотворена. И в этом смысле наша революция, конечно, большой переворот на нашей планете, потом все они будут проходить под знаком этой веры. И в этом смысле наша философская ассоциация является символом самой конкретной современности. Вот в каком смысле я отвечаю на этот вопрос.

Чтобы подвести итог, я скажу, мне кажется, что все мы, каждый по-своему, прошли этот последний год через путь осознания, все мы перестали в каком-то смысле быть наивными. И вот, все равно, художник, ученый, даже философ, специалист, если они действительно живые люди, к сожалению, оно не всегда совпадает, все эти живые люди прошли через этот путь, мы не можем <не> думать о золотом веке. У нас есть средство до конца пройти весь этот путь, а это значит мы должны философствовать... (*не слышно, аплодисменты*).

Эрберг. Записка, которая лежит перед моими глазами, содержит три вопроса. Первый: «Каковы задачи Вольфилы, имеет ли она целью просветить массу, или она хочет дать возможность людям объединиться в философском направлении?» – на это уже был дан ответ. И то, и другое: Вольфила хочет и объединить людей, которые желают выяснить свое отношение к миру, и дать возможность тем, которые имеют определенное миросозерцание, распространять его; т. е. цель просветительная и цель научная. Второй вопрос: «Может ли Вольфила быть всегда вне всякой политики?» На это я отвечу так. Раз задачей Вольфилы является выяснение отношения к миру, а мир проявляет себя также и в политическом разрезе, то как же она может обойтись без политики? Политика не только может, но и должна явиться объектом философского исследования, – об этом уже говорил т. Иванов-Разумник. Мир должен быть объектом исследования и в политическом плане, и в социологическом, и в культурном; и в первом, и во втором, и в третьем; вплоть до того, что мы называем планом всечеловеческим. Наконец, третий вопрос: «Какой *глубокий* смысл заключается в словах „вольная ассоциация“?» В этом вопросе есть ответ. Да глубокий смысл. Вольное – значит не профессиональное отношение. Здесь должно главенствовать дерзновенное творческое начало; живое начало, а не отношение в котором часто погрязают некоторые философские

общества[14]. Я бы даже сказал: не вольная, а своевольная ассоциация.

В связи с этим я хочу сказать еще два слова, и вот по какому поводу. Для того, чтобы присутствующие знали, в каких пределах мы можем ставить вопросы, по каким путям мы имеем возможность идти, мне пришлось подчеркнуть разницу между теоретиком и идеологом; и я стал на субъективную точку зрения идеолога. И вот, я слышал здесь возражения, причем миросозерцание иннормизма характеризовалось как скептицизм. Это не точно. Перед вами мозаика из отдельных догматических камешков, которые и дают картину иннормизма; но эти камешки имеют границы в виде тонких скептических черт. Так вот, только на границы и было обращено внимание. Когда я имею определенно миросозерцание, – вот сейчас, в половине седьмого, – то я стою на точке зрения догматической: я хочу иметь гранит под ногами; но как только мне скажут, что и впредь я обязан иметь это миросозерцание, то я против этого. Я против «должен»: мы не должны, а мы хотим. Если заранее идет речь о такой вере, что дважды два четыре и если я обязал себя всегда в это верить, то, так себя обязавши, что я сделал? – Я пошел против того самого принципа, ради которого живу: против принципа свободы, против моего свободного бытия. Я не свободен, коли должен только в 6, но и в 7 часов верить и думать так, а не иначе. Я не хочу быть обязанным; я за догму, но я против нормы. А норма это червоточина в целом крупном плоде; и вот я хочу это черное пятно вырезать и выбросить, а догму

[14] Аллюзия на полемическую статью Иванова-Разумника «Моховое болото» (Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 106–111), направленную против С. Булгакова и московского Религиозно-философского общества. Подробнее см.: *Е. А. Голлербах.* «Москвичи, конечно, – в ужасе». Иванов-Разумник и религиозно-философское издательство «Путь» // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. II. СПб., 1998. С. 176–186.

оставить. Когда будет нужно, я и ее выкину. Андрей Белый сказал, что надо свергать догматизм, наш собственный догматизм, как только в нем усомнимся. Только в такой мере и являюсь я скептиком; но как только скептическая черточка перейдена, начинается моя каменная догма. Может быть, вся моя жизнь только сегодняшний день. Мы знаем психический опыт некоторых великих людей, которые радикально менялись, которые по несколько раз меняли свою веру, свою догму. И хорошо, что меняли, ибо это означает, что живые люди живут во вселенной.

Что касается того, в каком направлении должна Вольфила свою волю, свое своеволие проявлять, то я бы сказал, что мое разногласие с оными из товарищей обнаружилось потому, что лишь в области подхода к вопросам, в области выбора метода действия у нас есть несогласие. Но мы все хорошо друг друга знаем, и не только знаем и уважаем, но и любим друг друга; и у нас есть цель, которая нас объединяет. Название ей – духовный максимализм.

Иванов-Разумник. В связи с двумя записочками, на которые мне поручено ответить, я скажу несколько общих слов, к сожалению, более формальных, чем предшествующие. Одна записка позволяет огласить ее без всякого ответа. Она показывает, что среди присутствующих есть пожелание, чтобы наши воскресные собрания не принимали митингового характера и не переносили бы вопросов, подлежащих обсуждению, из плоскости философского углубления в плоскость злободневной политики. Конечно, это и наше пожелание. Мы далеки от митингов вовсе не потому, чтобы мы отрицали митинги, как таковые, потому что в своей сфере это есть могучее орудие, а потому, что Вольфила очень далека от тех путей и стремлений. Если мы считаем, как говорил К. А. Эрберг, что в наши задачи входит отравлять своим ядом людей, то отравлен[illegible]то должно идти путем без широкого оповещения, мы[illegible]льствуемся немногими кругами, которые на нашу [illegible]у могут выработать свое собственное противоядие. П[illegible] отрава

эта, по мысли К. А. Эрберга, спасительная отрава, но мы уже говорили о том, что момент...

<...>

Андрей Белый[15]. <Я дол>жен ответить т. Кристи по поводу его замечаний об отсутствии строгой программы у нас. Он видит опасность на этом пути; и опасность, действительно есть. Если мы еще 25, 50, 75 заседаний будем все только беседовать на различные темы, конечно, возникнет вопрос: до какой же поры? Бесконечность всегда есть опасность; я должен сказать: воскресные собрания наши одна лишь задача Вольфилы. Реальным плодом тех собраний является факт сорганизации наших кружков; по мере углубления в них конкретной работы они, вероятно, будут все более и более отвлекать наши силы от этих собраний к внутренне организационной работе; кружки образованы при Вольфиле не по случайному принципу; их многие члены собрались сперва на воскресных собраниях; может быть, очень скоро придем к осознанию мы, что работа, которую ставим себе на воскресных собраниях, уже исчерпана нами; и мы прекратим их тогда; я сказал бы: Вольфила пока еще закоснела: она критикует себя; предложил бы более сильные способы критики: мы должны быть готовы на то, чтоб при случае смело взрывать себя.

Но пока еще ждем результата воскресных собраний: и он – оформление нашей встречи с товарищами, посещающими собрания эти. Что из нашего общения выйдет? Но ставить задания эти должны мы; и вместе с тем мы должны терпеливо учиться: ждать подлинной встречи друг с другом, и – органического роста контакта, могущего здесь возникнуть тогда, когда руководители кружков да и сами кружки свяжутся друг с другом; тогда конкретизируются

[15] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 61. Заключительное слово в дискуссии Андрея Белого впервые опубликовано нами в журнале «Вопросы философии» (1996. № 10. С. 115–117).

и дифференцируются и задания наши. Во что превратятся кружки – не предрешаем мы этого. Может быть, произойдет дифференциация в них: они выделят из себя чисто научные фракции; и при «Вольфиле» возникнет учебное заведение высшего типа; может быть, увлекут нас вопросы технические; мы надеемся, что возникнет и органическое общение душ, соединенных «Вольфилою»; и мы ознакомимся ближе друг с другом, как люди; тогда образуется ассоциация в более внутреннем смысле внутри «Ассоциации» нашей. Если бы в итоге пути «Ассоциация» превратилась в коммуну людей, вынашивающих жизненную культуру, соединенных друг с другом и в праксисе жизни, то, разумеется, мы считали бы, что пришли и к пределу, рекомендованному автором записки, на которую поручено мне отвечать: «Вольфила во имя жизни должна искать „софию“ в горниле той же самой жизни. Скорее, супругой пусть станет „софия“!» Но должен сказать, что горнило той жизни не есть, разумеется, шум ее, возникающий чисто случайно: шум слов; гармоническое умение сопоставить вопросы внешней жизни с вопросами внутренней жизни, пути внешнего самоопределения с путями внутреннего самоопределения есть итог уже нашей работы; и он – не в «сегодня»; об этом возникнет конкретная речь только тогда, когда наша Вольфила, выросшая во всех направлениях, естественно осознает задачи свои; бытие в коллективе возникших сознаний родится не сразу; пусть слова эти служат ответом на вторую записку, которую прочитаю я вам: «В пространстве носится идея воссоединения философии с жизнью. Все яснее и яснее она улавливается отдельными индивидуумами и настоятельно требует своего воплощения. Вы яснее других воспринимаете эту идею, т<ак> к<ак> уже имеете возможность <говорить?> о ней, отсюда вытекает обязанность взять на себя руководительство желающими на деле соединить в одно нераздельное целое „софию“ и „жизнь“». Я должен протестовать против мысли записки, будто я яснее воспринимаю

идею соединения философию с жизнью; идея, подобная этой, является идеалом моих устремлений; я, в меру моих ограниченных сил, ищу почвы конкретного осуществления этой идеи. И первое, на что натыкаюсь: для осуществления во мне мне нужна связь с другими исканиями, с другими путями, сопараллельными мне; в этом смысле я верю, что автор записки – мне брат по пути; при ближайшем общении может он дать, вероятно, мне столько же, сколько я могу дать ему; руководительство наше – не руководство в обычном значении слова; мы, члены Совета, мы можем подчас становиться руководителями курсов, кружков. Другое дело руководительство во внутреннем смысле. Это руководительство заключается лишь <в> извлечении многообразия откликов в душах, в стремлении гармонизировать жизнь этих откликов так, чтоб они, не превращаясь в хаос, составили б дружный аккорд: аккорд душ. Но в этой огромной задаче нам, руководителям, не хватает, конечно, гармонизации наших собственных личностей, углублений самосознания и работы над развитием нашего душевного зрения. Поэтому цели наши двояки: быть органом соединения душ, привлеченных вопросами жизни, здесь выставленными; и постоянно прислушиваться к собственным звукам души, чтобы звуки души соединились с вопросом, поставленным здесь в гармоничном созвучии; руководительство – только в стремлении к созвучию. Но вот третья записка гласит о технике гармонизации: «Полагаете ли вы возможным объяснение всего происходящего или космоса в гармонии „разума и чувства“?» Это есть проблема о том, как раздвоенность самосознания нашего превратить в его цельность. Если технически углубиться в проблему, увидим: ряды путей занимались технически и абстрактно проблемою погружения ума всердце; вопрос предполагает другие вопросы; ответить конкретно сегодня на них не имею возможности я; остается мне высказать пожелание, чтобы эти вопросы вошли в поле зрения наших заданий, «*вольфильских*» заданий; это

есть ряд вопросов о том, как себя ввести в космос; если бы мы пришли к конкретному пониманию гармонизации чувства с умом, если бы ясно осуществили гармонизацию эту, то выявилась бы перед нами наука, которая ныне еще находится in statu nascendi[16]: наука о духе; многие отрицают самую возможность ее; я ее убежденный сторонник.

Заканчивая ответное слово, хочу я сказать в заключение, что опыт публичного собеседования о нашей Вольфиле есть опыт вынесения нашего «*сора из избы*»; этот сор мы бросаем, как в хаос, вам в души, чтоб хаос вопросов, затронутых здесь и возникших в сознании вашем, процвел бы гармонией луга: цветами и жизнью; и вот букет целей сложили бы мы из созревших ответов, расцветших из хаоса: в вашей душе.

Думаю, что этим желанием я могу заключить свое слово и объявить заседание закрытым.

[16] в состоянии зарождения (*лат.*).

Философия творчества
Май–август 1920

Постоянное и целенаправленное общение учителей и учеников, специалистов и профанов в значительной степени стимулирует и развитие общего уровеня культуры в социуме. Когда научное сознание сталкивается в диалоге с обыденным сознанием, а интеллекту оппонирует наивное мышление, процесс творчества заключается не столько в открытии нового, сколько в упорстве самой мысли – *быть*: не пасовать перед отрицанием и сомнением, научиться преодолевать так называемые «круговые» движения[1], иметь возможность вникать в аргументы чужой логики, в конце концов даже стремиться к их приятию, что также требует известного самостояния и мужества. Образ свободной, нередактированной мысли, рождающейся в непосредственном диалогическом общении, и дает наиболее точное представление о том, чем же на самом деле был вольфильский дискурс.

В зависимости от характера собраний полемика – «живая душа» Вольной Философской Ассоциации – принимала различные формы. На открытых заседаниях, где докладчики выступали перед аудиторией в сотни и тысячи

[1] Ср.: «Круг в развитии отрицает мгновение; круг развития вечен. Круговое движение упраздняет субъективизм: так схема развития *в миге* этот миг разрывает; схема развития *в миге* – просто-напросто развитие по окружности» (*А. Белый.* Линия, круг, спираль – символизма // Труды и Дни. 1912. Июль–Октябрь. № 4–5. С. 14).

что докладчику следовало остановиться дольше на моменте *подвига* творца, а также и на то, что не совсем верный подход – судить о творчестве авторов, считаясь с их собственными мнениями[26].

Собрание 3^e^ (25 мая)

(NB На этом собрании был и **Андрей Белый**, кот<орый>, впрочем, мало говорил).

Шдрауф говорит об интуиции, инстинкте и разуме. Он предупреждает, что совершенно не признает особого рода творческой интуиции; по его мнению, интуиция одна и та же для всех людей. Кроме того, он хочет иметь основой рассуждений данные опыта, а не какие-либо предвзятые мнения, и поэтому предлагает всем желающим обосновать понятие интуиции, разума и инстинкта на конкретных данных нашей жизни.

К. А. заинтересовывается этим предложением и просит Шдрауфа высказаться первым.

Шдрауф разумеет под инстинктом исключительно деятельность рефлексов. Разумной он называет всякую сознательную деятельность, которая выражается в форме суждений. Под интуицией – непосредственное, еще не выражающееся в форме суждений смутное сознавание (вроде сознавания больного, кот<орый> не отдает себе отчета, что хочет пить, но смутно чего-то хочет). Возникают прения, в которых небольшое участие принимает и **Андрей Белый**.

В заключ<ение> т. **Виссель**[27] высказывает свое мнение. Она определяет место инстинкта, разума и интуиции в общем потоке человеч<еского> сознания и в творче[illegible]м потоке.

[26] Помета на полях: «Я, собств<енно>, этого и не соб[illegible]делать. То, что я нашла у них по вопросу очень непосредстве[illegible]я указала. Н. М<еринг>».

[27] Екатерина Юстусовна Виссель – педагог, член-корр[illegible]ь ВФА.

На следующий раз предполагается продолжение обсуждения того же вопроса.

Собрание 4ое (1го июня)

(На эт<ом> собр<ании> были и **Ив<анов->Разумник** и **Андрей Белый**).

Начинает Конст. Алекс. Он говорит о подлинной творческой интуиции и о трагической. Конечная цель свобода. Интуиция дает прорывы в своб<одные> дали. Благодаря ей, возможно освобождающееся бытие. Мы здесь пленники, мы в мире чуждом и стремимся на родину (К. А. читает к<а>к иллюстрацию «Аэролит», см. «Плен», стр. 57[28]). Итак, 2 пути – творч<еской> и трагич<еской> интуиции. Возможен путь мистический (противоположение с религиозным). Путь творчества. Момент озарения. Воспоминание. Внешнее и внутр<еннее> творч<ество>. Творения и дела. Кроме того, К. А. говорит о сохранен<ии> индивид<уального> *Я* человеком. Какое отношение человека возможно к тому, что ему предстанет как лучшее, высшее, прекрасное – только одно: свободно полюбить это прекрасное, стать ему равным: «Gegen grosse Vorzüge eines andern gibt es kein Rettungsmittel als die Liebe» (Goethe)[29].

«Я хочу красу твою славить,
Но в величьи твоем расплавить
Душу вольную не хочу».
(см. «Плен», стр. 148–149)[30].

[28] Речь идет о стихотворении «Аэролит» (1913), посвященном Федору Сологубу. Ср.: «В земной родне душе нет нужды: / Из пут земных она летит, / И тела прощуры ей чужды, / Как чужд земле аэролит» (*К. Эрберг.* Плен. Стихотворения. Пб., 1918. С. 59).

[29] Эрберг цитирует афоризм из романа «Избирательное сродство» (1809): «От чужих преимуществ нет иного спасения, кроме любви» (Гете) (*нем.*). См.: *И. В. Гете.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1978. С. 354.

[30] Заключительные строки стихотворения «Не хочу» (1898–1918).

Были некоторые прения. В конце собрания Виссель говорила о своем отношении к творчеству. Она никак не может согласится с тем, что творец преодолевает; по ее мнению, он *создает новые* законы и необходимости.

Тов. **Осокин** говорит о научном творчестве и предлагает сделать доклад.

Собр<ание> 5^oe^ (8 июня), собр<ание> 6^oe^ (15 июня)

Оба, гл<авным> о<бразом>, состоят в чтении и обс<уждении> доклада тов. **Осокина**. Он обещал записать их сам, и они будут записаны в конце II части этой тетрадки[31].

Собр<ание> 7^oe^ (22ro июня)

Сначала говорили о докладе тов. Осокина. Затем читали запись первых 4^x^ заседаний. Потом взяла слово тов. **Виссель**. Она говорила о том различии, кот<орое> сущ<ествует> между гением и талантом. Гений всегда создает свои законы. Он никогда не считается с толпой, он готов ей предписать свои законы. Талант приспособляется[32].

К. А. делает добавления. Он говорит о творениях и делах, о мудрых и умных (пример Ферма́та[33]). Говорит также о начале творческого брожения, о творческих муках. Как важно учуять самое это брожение, самый творческий процесс. «Если бы в области научной мы могли видеть самые *цветы* творчества, как мы видим иногда в искусстве! Ведь в области науки мы обычно воспринимаем только плоды (результаты). Человечество пожирает эти плоды,

[31] Доклад не сохранился.

[32] Помета на полях: «По-моему, это нельзя принять как сообщение; зависит от индивидуальности талантл<ивого> человека <Примечание> Н. М<еринг>».

[33] Речь идет о французском математике Пьере Ферма (1601–1665), известном, главным образом, своей теоремой, решение которой было найдено лишь в конце XX столетия.

пожравши, складывает руки на животе и омещанивается». Мечта о воспринимании запаха цветов науки. Кроме того, К. А. намечает тему: Сколько искусств? и поясняет ее, а также тему о гипотезе и опыте в научном творчестве.

Виссель говорит еще раз о том, что, по ее мнению, *все символ*, а художник и творец раскрывают содержание символов.

Собр<ание> оканчивается небольшими прениями. След<ующее> собр<ание> 8ое (29го июня), доклад т. Виссель, запись т. Виссель.

<Собрание> 8ое (29го июня)[34]

Собр<ание> 9ое (6го июля)

(Примеч<ание:> это собр<ание> я мало слушала и скверно записывала, потому что это был день прощального чаепития Андрея Белого[35]).

К. А. говорит о том, с каким критерием мы должны подходить к творч<еству> художника. Каждого худ<ожника> нужно ценить в зависимости от тех условий, в кот<орых> он творил – необходима истор<ическая> перспектива. Важно взвесить – какая сила преодоления нужна была ему для достижения своего творения (Примеры). Заключ<ение>. «Произв<едение> иск<усства> измеряется запасом вложенной творч<еской> энергии».

На собр<ании> был<и> Ив<анов->Раз<умник> и Штейнберг. **Штейнберг** возражал: во 1) Какой м<ожет> б<ыть> коэф<фициент> изменения творч<еской> энергии. 2) Не считать ли «Воскресение» Толстого самым его гениальн<ым> произвед<ением> в виду того, что оно написано в период отказа его от своей худож<ественной>

[34] Записи доклада и прений по нему не сохранились.

[35] Андрей Белый вернулся в Москву 10 июля.

Памяти Ф. М. Достоевского. Октябрь 1921

Подготовка к юбилею выдающегося русского прозаика и мыслителя Федора Михайловича Достоевского (1821–1881), столетие со дня рождения которого исполнялось 11 ноября (30 октября) 1921 года, началась в Вольфиле еще в середине сентября. На своем очередном «понедельнике» Совет Ассоциации принял решение отметить это событие максимально широко и, помимо обычных воскресных дневных заседаний, проводить в течение всего октября еще и вечерние собрания[1]. Первый набросок плана юбилейных мероприятий, подготовленный Ивановым-Разумником, сохранился на оборотной стороне записки Д. М. Пинеса, датированной 12 сентября: «1. Достоевский и Толстой – А. Белый. 2. Достоевский как юрист – А. Кони[2]. 3. Достоевский и Данте – Пумпянский. 4. Достоевский и женщина. Свидригайлов и Зосима – Форш. 5. Достоевский и Пушкин – ? 6. Достоевский и социализм – Р. Иванов. 7. Достоевский и Леонтьев – ? 8. Достоевский как рел<игиозный> мыслитель – А. Мейер. 9. Теория познания Достоевского – Штейнберг. <...> 10. Достоевский как художник – ?

[1] Все заседания проходили в зале Географического общества; дневные начинались в 14½; вечерние — в 19½ час.

[2] Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — юрист, мемуарист, профессор Петербургского университета.

11. Проблема истории у Достоевского – Векслер. Обратиться к Долинину[3]».

Вероятно, лишь неделю спустя, 19 сентября, был утвержден окончательный план, зафиксированный на листе той же самой записки (чуть позже, уезжая в Москву на открытие отделения Вольфилы и вечер памяти Блока, Иванов-Разумник передал ее Конст. Эрбергу)[4]. Названиям тем и фамилиям докладчиков уже соответствовали конкретные даты: «*Октябрь*. 2. Достоевский как философ – А. Штейнберг. 5. Проблема истории у Достоевского – А. Векслер. 9. Достоевский и античность – Л. Пумп<янский>. 12. Данте, Достоевский и Блок – О. Форш. 16. Достоевский и Толстой – А. Белый. 19. Достоевский... – А. Чебышев-Дм<итриев>. 23. Достоевский и Леонтьев – Р. Иванов. 26. Достоевский и революция – Р. Иванов. 30. Религия Достоевского – А. Мейер». Кроме того, был составлен и так называемый «академический» список из тринадцати авторитетных ученых, чьи выступления Ассоциация считала бы желательными[5]: *Эрберг*: 1. Кони – Достоевский и суд; *Гурвич*: 2. Лосский; *Векслер*: 3. Лапшин; *Мейер*: 4. Карсавин; *Иванов-Разумник*: 5. Волынский; *Эрберг*: 6. Эйхенбаум; *Иванов-Разумник*: 7. Сорокин – Достоевский как социолог. Дост<оевский> и суд; *Векслер*: 8. Шкловский; *Н. Меринг, Д. Пинес*: 9. Зелинский; *Векслер*:

[3] Аркадий Семенович Долинин (наст. фам. Искоз; 1880–1968) — критик, историк русской литературы.

[4] ИРЛИ. Ф. 474. № 523.

[5] Слева, рядом с фамилиями предполагаемых докладчиков и названиями возможных докладов были приписаны фамилии приглашающих (выделенные нами курсивом). Некоторые профессора, вошедшие в список, не смогли или не сочли нужным принимать участие в заседаниях ВФА, однако опубликовали свои статьи на страницах сборника «Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы» (Пб., 1922), подготовленного под ред. А. С. Долинина. См., напр.: *Л. Карсавин*. Достоевский и католичество (С. 35–66); *Н. Лосский*. О природе сатанинской (по Достоевскому) (С. 67–94); *И. Лапшин*. Эстетика Достоевского (С. 95–154).

именно, или у Агеева во 2-м томе работы о Леонтьеве[329], или в работе Франка, в рецензии на работу Агеева[330], или в двух статьях о Леонтьеве Булгакова[331]. Точно смогу установить это через пару дней, но тут другой вопрос – запретил ему Амвросий писать сразу или через некоторый промежуток времени. На этот вопрос я затрудняюсь ответить.

Председатель. За поздним временем позвольте закрыть заседание.

[329] См.: *К. М. Аггеев.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. О каком «втором томе» вел речь Гордин, установить не удалось.

[330] См.: *С. Л. Франк.* Миросозерцание Константина Леонтьева // Критическое обозрение. 1909. Ноябрь. Вып. VII. С. 79–85.

[331] Вероятно, подразумевается речь С. Н. Булгакова на заседании Московского Религиозно-философского общества 13 ноября 1916 г., посвященном 25-летней годовщине со дня кончины мыслителя, опубликованная в трех номерах газеты «Биржевые ведомости» (1916. 9 декабря. № 15973. С. 7; 16 декабря. № 15987. С. 7 — под назв. «Победитель — побежденный»; 22 декабря. № 15999. С. 5 — под назв. «Судьба Леонтьева»).

Беседа о формальном методе. 10 декабря 1922

Одним из наиболее ярких явлений в культурной жизни послереволюционного Петрограда была так называемая «формальная школа». Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский и другие их коллеги – молодые, энергичные, не отягощенные идейными или методологическими предрассудками литературоведы – заявили о возникновении нового направления в литературной науке и лингвистике еще в середине 1910-х годов. В конце октября 1919 года на страницах «Жизни искусства» появилась программная статья В. Б. Шкловского «Изучение теории поэтического языка»[1]. В статье сообщалось о том, что 2 октября 1919 года участники «Сборников по теории поэтического языка» (С. Бернштейн, А. Векслер, Б. Ларин, В. Пяст, Е. Полонская, А. Пиотровский, М. Слонимский, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский, Вл. Шкловский, Л. Якубинский и другие) организовали «Общество изучения теории поэтического языка»[2]. За первые полтора месяца

[1] Жизнь искусства. 1919. 21 октября. № 273. С. 2. Хотя «формалистский манифест» и не был подписан, нет никаких сомнений, что его автором являлся В. Б. Шкловский. На это обстоятельство впервые указал А. Ю. Галушкин в статье «„И так, ставши на костях, будем трубить сбор...“ К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928–1930 гг.» (Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 150).

[2] Общество изучения теории поэтического языка было зарегистрировано органами НКВД в декабре 1919 г. (См.: Там же. С. 136).

своего существования Общество провело два заседания: на первом с докладом о повести Андрея Белого «Котик Летаев» выступила совсем юная А. Векслер[3], на втором Б. М. Эйхенбаум сделал доклад о построении Шиллеровской трилогии[4]. Здесь же говорилось и о предстоящих выступлениях: Е. Полонской о «Петербурге» Андрея Белого; Б. Ларина – «Индусские поэтики»; Б. Эйхенбаума о «Повестях Белкина»; В. Шкловского – «А. Н. Веселовский»; С. Бонди – «Ритм русского стиха»; С. Бернштейна – «Очерки истории литературного языка»[5]. Новое объединение, родившееся «под знаком революции», которая, по словам Шкловского, «обновила умы и освободила науку об искусстве от гнета традиции»[6], поставило перед собой задачу создать «научную поэтику» – в ее основу и предпо-

[3] См.: *А. Векслер.* Кризис творчества Андрея Белого // Жизнь искусства. 1919. 24–25 октября. № 276–277. С. 1; 30–31 октября. № 280–281. С. 3.

[4] Структуре шиллеровских трагедий посвящен один из разделов статьи Б. Эйхенбаума «Трагедии Шиллера в свете его теории трагического», написанной в апреле 1917 г. и опубликованной в первом сборнике «Искусство старое и новое», который вышел под редакцией Конст. Эрберга в петроградском издательстве «Алконост» в 1921 г. (С. 94–148).

[5] В день открытия Вольфилы состоялось очередное заседание Опояза. Ср. с дневниковой записью К. И. Чуковского от 17 ноября 1919 г.: «Оттуда <из квартиры книгоиздательства «Колос», где ВФА открылась докладом А. Блока «Крушение гуманизма». — *В. Б.*> с Глазановым и Познером — на квартиру д-ра (забыл фамилию) — там Жирмунский читал свой доклад о „Поэтике“ Шкловского. Были: Эйхенбаум в шарфе до полу, Шкловский (в обмотках ноги), — Сергей Бонди, артист Бахта, Векслер, Чудовский, Гумилев, Полонская с братом и др. Жирмунский произвел впечатление умного, образованного, но тривиального человека, который ни с чем не спорит, все понимает, все одобряет — и доводит свои мысли до тусклости. Шкловский возражал — угловато, задорно и очень талантливо. Векслер заподозрила Жирмунского, что он где-то упомянул *душу писателя*, — и сделала ему за это нагоняй. Какая же у писателя душа? К чему нам душа писателя? Нам нужна композиционная основа, а не душа. — Теперь все эти девочки, натасканные Шкловским, больше всего боятся, чтобы, не дай Бог, не сказалась душа. <...> Но все же собрание произвело впечатление будоражащее, освежающее» (*К. Чуковский.* Дневник. 1901–1929. С. 125).

[6] Жизнь искусства. 1919. 21 октября. № 273. С. 2.

лагалось положить так называемый «формальный принцип».

Декларативная революционность Опояза не только соответствовала духу времени, но и казалась близкой задачам Вольной Философской Ассоциации. Возможно, поэтому на одном из заседаний Совета Вольфилы в январе 1920 года были запланированы на ближайшее время доклады В. Шкловского («Искусство и жизнь») и Б. М. Эйхенбаума, а также принято «предложение Викт. Шкловского – вести занятия с членами организуемого им клуба»[7]. Однако ни в тот момент, ни позже «союз» Вольфилы и Опояза не сложился, и на это были свои причины. Спустя некоторое время, в начале 1920-х, большинство из организаторов Общества изучения теории поэтического языка работали на профессорских должностях Петроградского университета и словесного факультета Института истории искусств. Основной печатной трибуной «формалистов» являлась газета «Жизнь искусства», они участвовали в многочисленных диспутах, вели кружки и курсы[8]. Афишируемая большинством их них аполитичность по крайней мере до поры до времени не могла не импонировать правительству, и официальные власти благосклонно наблюдали за методологическими исканиями молодых литературоведов[9].

[7] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 4 об. В Совете ВФА поддержку «опоязовцам», очевидно, оказывал Конст. Эрберг; кроме того, «связующим звеном» между Вольфилой и Опоязом мог быть критик-футурист Б. А. Кушнер — один из членов-учредителей ВФА и, одновременно, автор статей «О звуковой стороне поэтической речи» в первом выпуске «Сборников по теории поэтического языка» (Пг., 1916. С. 42–49) и «Сонирующие аккорды» во втором выпуске «Сборников...» (Пг., 1917. С. 71– 86).

[8] См.: Разработка поэтики в последние годы // Летопись Дома литераторов. 1921. 20 декабря. № 4. С. 5.

[9] Ср.: «Накануне революции небольшая, но ярко талантливая группа отдаленных учеников Потебни подняла бунт. „Формалисты“ рассматривают идеи и сюжет как „явления стиля“. Анти-гуманизм и анти-идеализм новой школы создал для нее известную неуязвимость со стороны академической Че-Ка. Большевики их терпят, хотя предпочитают им пролетарских Венгеро-

Новое, как правило, утверждается отрицанием старого: «опоязовцы» не стали в этом смысле исключением. По их собственному признанию одним из источников формального метода явилась книга Андрея Белого «Символизм» (1910). Однако в конце 1910-х годов работы Белого в области стихотворного языка рассматривались ими уже как анахронизм. В статье «Изучение теории поэтического языка» В. Шкловский писал: «Символисты сумели обратить внимание на форму в искусстве, но они видели в искусстве высказывание. В искусстве они увидели „что“ и „как“, и Андрей Белый в своих статьях, утонченно ритмизированных, бьется в треугольниках теософии. Развитие науки лингвистики не отразилось в поэтике символистов, их система – это английская блоха, подкованная тульскими оружейниками – эта блоха не могла прыгать. Символисты и тульские оружейники не знают арифметики. Отдельные страницы Белого-теоретика войдут в учебники, как доказательство невозможности работать, не имея подготовки. Поэтика символистов только матерьял для построений»[10].

«Путь Белого неверен, – безапелляционно заявлял другой признанный лидер формализма, Б. Эйхенбаум, анализируя статью “Жезл Аарона”. – Это игра со старыми понятиями, от которых он не может отделаться, потому что ищет “соответствий”, которые, конечно, есть во всяком стихотворении, но не в них дело. Белый осуждает эстетов, которые, “упиваясь сладостью звука, погребают в ней смысл”, и не видит иного пути, кроме материализации звуков или их психологизации. Он приведен к этому своей основной предпосылкой – о целостности, о слиянии. Тут

вых с социологическим подходом. Фактически формалисты господствуют. Они развивают огромную рабочую энергию, которой соответствует не меньшая литературная продукция» (*Г. П. Федотов.* Новая Россия // Современные записки. 1930. XLI. С. 294).

[10] Жизнь искусства. 1919. 21 октября. № 273. С. 2.

кроется роковая ошибка теоретиков. В искусстве нет простой мирной гармонии элементов, художественное произведение – сложный комплекс. Оно всегда – результат *борьбы* элементов, всегда своего рода компромисс. Наши эстетические представления чрезвычайно примитивны. Мы успокаиваемся на „гармонии формы и содержания". Всякое "содержание" (идейное, психологическое и т. д.), превращаясь в форму, поглощается ею, уничтожается как таковое и становится материалом. Превращение в форму заключается в том, что над ним (т. е. над содержанием) возникает художественно-абстрактный замысел, который и есть организующее начало всего произведения – ему подчинены другие элементы. Эта *художественная абстракция* не есть ни слово, ни тема, ни сюжет – она главенствует над ними и им не тождественна. Они – реализация. Они образуют градацию подчинения, часто тесня друг друга. Кажущаяся "гармония" классических произведений – лишь частный случай. Это – моменты канонизации ранее приготовленных форм; потому и скрыта в них эта борьба. Наша эстетика прекраснодушна – она не замечает, как все шевелится и движется в искусстве, как все там неспокойно, нецелостно, какое давление изнутри»[11].

Очевидно, именно эти полемические выпады против «традиционной» эстетики и лично Андрея Белого стали основным препятствием для сближения Опояза с Вольфилой. Руководителям Вольной Философской Ассоциации был брошен принципиальный вызов, и они приняли его. Поначалу спор двух школ и двух поколений в литературоведении проходил без участия ведущих «формалистов» – в кружках Конст. Эрберга и Иванова-Разумника, где с начала лета

[11] *Б. Эйхенбаум.* О звуках в стихе // Жизнь искусства. 1920. 23 января. № 349–350. С. 2–3. Полемику продолжил Б. Томашевский критическим анализом книги Андрея Белого «О художественном языке» (Андрей Белый и художественная поэзия // Жизнь искусства. 1920. 18 мая. № 454. С. 3; 25 мая. № 460. С. 4).

1920 года представители «традиционной» эстетики вели полемику с самыми молодыми «опоязовцами» – А. Л. Векслер и Л. Н. Лунцем. Сохранилась протокольная запись прений на третьем заседании кружка «Русская литература XX века», которое состоялось 24 июня 1920 года[12]. Эта дискуссия особенно примечательна тем, что Андрей Белый – основной объект нападок «формалистов» – напрямую высказался здесь по поводу «формального метода»:

«Резюмируя сказанное на 2 предыдущих заседаниях, **Разумник Васильевич** отмечает, что на них были вкратце охарактеризованы 3 подхода к литературе XX в.: методологический, историко-литературный и философский.

Сомненья и возраженья вызвали вопросы методологического характера <...>. На теме методологического характера останавливается т. **А. Л. Векслер**, кот<орая> протестует против смешивания формального метода с философским подходом. Она считает невозможным искать мировоззрение художника там, где находятся формальные элементы. Творчество, по ее мнению, величайшая неволя, и только первый, наименее характерный момент для него – момент свободы.

Иванов-Разумник говорит, что в курсе своем он хочет сделать попытку изучения перехода форм в связи с переплавленьем миросозерцания.

Векслер считает, что найти в произведении искусства то, что было до его создания, можно только его разрушив.

А. Белый находит, что оба метода не противоположны. То, что принято в художественном произведении называть содержанием, не что иное, как углубление формального элемента, и обратно: форма: кристаллизация содержания. Когда мы берем произведение искусства как живую цельность, то путем анализа приходим к факту, кот<орый> не можем объяснить, не прибегнув к философии. Мы устанавливаем соответствие между образом и его временным выражением. Каждое художественное произведение выносит стадию личинную, из кот<орой> выходит звуковая метафора, потом миф. Из мифа как зерна вырастает в одну сторону звукообраз, в другую – сюжет с заключенным в нем содержанием. Когда мы рассматриваем форму и содержание не как ставшее, а как нечто динамическое, то можем установить некое

[12] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 7. Л. 1–3. Протокольная запись предположительно рукой Е. Ю. Фехнер.

единство, где обе проблемы пересекаются. Литературная школа символизма не могла выявить этого основного ядра. Мы стоим тут уже перед философской проблемой, и из области искусства переходим в область цельной личности. Символизм и пришел к оценке человеческого момента. История литературы – наука об индивидуальном, неразрывном и цельном.

Векслер находит, что центр тяжести переносится на психологию творчества.

А. Белый. Художественное произведение без процесса творчества рассматриваться не может. Если биография писателя не ставится в связь с тем, что он дал, то этому виной формальный метод. Анализ разрезает живую действительность. Душевный процесс художника ищет выраженья, он болеет желаньем высказаться. И отрезать прием от того, что его породило, грех против живой литературы. Теперь научной полагают только метеорологию.

Иванов-Разумник. История литературы должна быть гуманитарной наукой, а не стоять на стадии метеорологии, не имея возможности обобщать, и превращаясь таким образом в историю развития литературных форм. К истории литературы возможен творческий подход, и она не должна быть только бессвязным соединением факторов. Этот элемент творчества и должен быть в изучении литературы XX в. Мы будем пытаться брать цельность, не опасаясь того, что это не научно. Путь формального изучения от нас далек.

Тов. **Лунц**[13] считает нужным приступить к точной методологии. Восхождение к звукообразу от приема, по его мнению, есть такое предсказывание.

А. Белый. Вопрос идет о том, является ли история литературы наукой гуманитарной или историей методов, благодаря которым мы разрезаем данный объект. У Иванова-Разумника методологического разрезывания не будет.

Иванов-Разумник находит вопросы методологического характера выясненными постольку, поскольку с ними надо будет считаться. Характерно, что вопросы методологические разрабатываются теперь

[13] В заметке «Опояз» в обзоре «По России» (Печать и революция. 1922. № 5. С. 393) критик Лев Натанович Лунц (1901–1924) назван среди принимающих участие в работе Общества изучения поэтического языка. Заявление о вступлении Лунца в число членов-соревнователей Вольфилы от 8 июня 1920 г. см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 6. Л. 76; см. также: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 68.

людьми, имеющими мало отношения к вопросам гносеологии, тогда как как раз эти вопросы требуют глубокого обоснования. Предлагается интересующимся реферат на эту тему. <...>».

Позже дискуссия руководителей Вольфилы с «формалистами» велась уже «очно» – непосредственно во время открытых заседаний Ассоциации. В воспоминаниях А. З. Штейнберга есть указание на некое собрание, где «лицом к лицу» столкнулись представители формальной школы, (В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов), которые считали, «что художественная литературная критика должна ограничиться анализом фактуры, языкового построения и организации художественного произведения» и оставлявшие «без внимания его идею», и руководители Ассоциации – представители «более традиционной литературной критики» (Андрей Белый, Иванов-Разумник, Конст. Эрберг и другие), «которые никак не могли согласиться с тем, что идея не играет решающей роли в произведении»[14]. На самом же деле рассказ мемуариста о подобном собрании носит собирательный характер. Андрей Белый, скорее всего, полемизировал с «формалистами» во время своего последнего выступления с трибуны петроградской Вольфилы 9 октября 1921 г. на LXXXVII заседании ВФА «Достоевский и Толстой», стенограмма которого не сохранилась. С другой стороны, известны несколько дискуссий, где ведущую роль играли как раз «формалисты»: выступления В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума на заседаниях памяти Достоевского (в прениях приняли участие и другие «опоязовцы»); два тематических диспута 1922 года (февральский и декабрьский): «Формалисты о „Евгении Онегине“»[15] и «Беседа о формальном методе».

[14] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 81–82.

[15] Сохранилась обложка от стенограммы этого заседания (ошибочно присоединенная архивохранителями к материалам «Беседы о формальном методе»). Рукой Иванова-Разумника в верхнем левом углу записано: «Стенограм-

Штейнберг касается содержания февральской дискуссии еще в одном фрагменте своих мемуаров: «Борис Михайлович Эйхенбаум упрекал нас в том, что мы придаем слишком большое значение личности писателя. Эйхенбаум сделал у нас доклад о ритмике прозы Пушкина, очень умело показав, как Пушкин в «Повестях Белкина» строил рисунок своей прозы наподобие персидского ковра[16]. Но Эйхенбаум не придавал никакого значения тому, что это было создано Пушкиным. Не буду входить в подробности нашего спора, но, вопреки учению Шкловского и его школы, все мы полагали, что невозможно превращать литературное произведение в нечто независимое от исторической обстановки, периода творчества автора, его отношения как к современникам, так и предшественникам, его влияния на будущее развитие литературы. Изолировать художественное произведение от исторической обстановки и его автора – значит, отрывать все художественное творчество от истории, что должно, в конце концов, привести к искажению не только правильного понимания литературы, но и жизни»[17].

ма»; в правом верхнем углу: «Вольфила. 19–II–1922»; в центре: «Формалисты об "Евгении Онегине". *Докладчики*: Тынянов, Эйхенбаум, Шкловский. *Оппоненты*: Чертков, Кузнецов, Векслер, Гордин, Петров-Водкин, Пинес, Иванов-Разумник» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 17. Л. 1). Сохранился текст статьи Ю. Тынянова «О композиции "Евгения Онегина"» (*Ю. Н. Тынянов*. Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. Е. А. Тодеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. М., 1977. С. 52–77), датированной 1921–1922 гг., по-видимому, имеющий непосредственное отношение к его выступлению в Вольфиле.

[16] Вероятно, в одном из своих выступлений в Вольфиле Эйхенбаум развил взгляды на поэтику пушкинской прозы, первоначально изложенные на Пушкинском вечере в Доме Литераторов в речи «Проблемы поэтики Пушкина» 13 февраля 1921 г.: «Чрезвычайно интересно было бы исследовать архитектонику прозаической и стихотворной фразы Пушкина — между ними есть какое-то родство, благодаря которому проза Пушкина производит особое впечатление, непохожее на впечатления от прозы прозаиков. Есть какие-то математические отношения в частях фразы — наследие стихотворной речи. Возьму для примера начало „Выстрела"...» (*Б. М. Эйхенбаум*. «Сквозь литературу»: Сборник статей. Л., 1924. С. 168).

[17] *А. Штейнберг*. Друзья моих ранних лет. С. 91–92.

Во второй половине 1922 года публичная дискуссия «традиционной» эстетики с «формалистами» приняла особо острый характер: «Споры эти происходили не только на наших открытых собраниях, они разнеслись по всему Петербургу, не только между литературными группами, но и между отдельными поэтами и критиками»[18]. Заметим, что полемика руководителей Вольфилы с представителями «формальной школы» имела и внутренний политический подтекст; в этих спорах часто задевалась, по словам А. З. Штейнберга, «связь идей литературной критики с политикой существующего строя»: «Разногласия между представителями формальной школы и нами выявлялись не только в толковании литературных форм, но и в понимании самой жизни, в понимании судьбы революции»[19]. Впрочем, подчеркнем, что в целом дискуссии в Вольной Философской Ассоциации носили научно-методологический[20], а не идеологический характер, — такого рода полемика еще предстояла «формальной школе» с марксистами.

Подводя итоги спорам между представителями Опояза и Вольфилы, Штейнберг заключал: «Как водится, обе сто-

[18] Там же. С. 82.

[19] Там же. С. 91.

[20] Ср. с обзорной заметкой в разделе «Литературная хроника» журнала «Родной язык в школе» (Кн. II. М., 1923. С. 142): «Последнее заседание „Вольной философской ассоциации“ было посвящено докладам „Опояза“. Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Л. Якубинский и Б. Томашевский указывали, что единственно правильный путь в истории литературы и литературной критики — это изучение самого материала, данного в литературном произведении (так наз. „формальный метод“) и отвергали возможность каких бы то ни было социологических и психологических домыслов, не имеющих никакого отношения к литературе. С возражениями „формалистам“ выступили Иванов-Разумник, Гизетти, К. Эрберг и другие. Оппоненты, признавая научность и плодотворность работ „Опояза“, отстаивали вместе с тем необходимость социологического, психологического и географического подхода при изучении литературы, вскрытия интуиции и облика поэта, поскольку они отразились в его творчестве, и предостерегали от эксцессов одного лишь морфологического подхода».

роны считали себя победительницами в этом диспуте»[21]. Однако «последнее слово» прозвучало лишь спустя два года со страниц сборника «Современная литература», редактор которого – Иванов-Разумник – не только опубликовал выступление Б. Томашевского, но и сам выступил с рядом критических замечаний в адрес «формальной школы». Свой итоговый вывод товарищ председателя ВФА (к этому времени уже бывший) зафиксировал в написанном им от лица редакции анонимном предисловии: «Вопрос о методах – вопрос особый и заслуживает отдельного рассмотрения; но об одном из них – о „формальном методе“ – помещены здесь две полемические (pro и contra) статьи именно ввиду того, что метод этот – литературное „сегодня“, уже на наших глазах переходящее во „вчера“»[22].

Беседа о формальном методе[23]

Докладчики: Томашевский[24], Тынянов, Эйхенбаум, Якубинский[25] (приложены тезисы докладов Тынянова и Эйхенбаума[26]).

[21] Там же. С. 82.

[22] Современная литература: Сборник статей <под ред. Иванова-Разумника>. Л., 1925. С. 3.

[23] **ИРЛИ**. Ф. 79. Оп. 5. № 3. На обложке, заполненной Ивановым-Разумником, слева: «Протокол»; справа — ошибочная датировка: «Вольфила. III–1922». В правом верхнем углу листа позднейшая помета также рукой Иванова-Разумника: «1922 г. (Записано Н. М. Мерингг, правлено докладчиками и оппонентами). Правлено А. Л. Векслер».

[24] Борис Викторович Томашевский (1890–1957) — литературовед.

[25] Лев Петрович Якубинский (1892–1941) — языковед.

[26] Тезисы докладов Тынянова и Эйхенбаума не сохранились. Свою принципиальную позицию Б. М. Эйхенбаум кратко выразил в «Предисловии» (1923) к сборнику статей «Сквозь литературу». Ср.: «...все статьи объединяются одним стремлением — найти новые методологические основания для изучения литературы как искусства. Отсюда — напряженность именно теоретических проблем и их заострение. Совершенно ясно, что вне того или

Оппоненты: Векслер, Гордин, Иванов-Разумник, Эрберг, Петров-Водкин, Смирнов, Рабинович, Александровская.

Б. В. Томашевский

Формальный метод[27]
(*Вместо некролога*)

Формальный метод умер.

Об этом мир оповещен альманахами, журналами и «предисловиями». Формальный метод истощился. Он умер. Оставим эту тему очередному «предисловию». Пусть мертвые хоронят мертвых.

Но эта неожиданная смерть позволит мне сказать несколько слов о покойнике.

Будущие его биографы и библиографы точно определят время его рождения и смерти. Я не запасся выписками из родословных, чтобы прагматически изложить события его бурной и быстротечной жизни. Я буду говорить о нем по личным воспоминаниям.

Покойник едва ли достиг совершеннолетия. Первые младенческие его игры относятся к концу девятисотых годов, к той эпохе, когда символизм достиг кульминации и оседал в общественном сознании и толстых жур-

иного решения этих проблем история литературы не может развиваться. Вопрос — не столько в методах, сколько в принципах. Не от „содержания к форме", а от скептического и беспринципного „объективизма" к уяснению основных вопросов поэтики как науки — таково органическое движение современной филологии» (*Б. М. Эйхенбаум.* «Сквозь литературу». С. 3–4). Более пространное изложение его позиции в дискуссии о формальном методе см. в статье «Вокруг спора о „формалистах"» (Печать и революция. 1924. Кн. 5. С. 1–12).

[27] Настоящая статья была прочитана в виде реферата осенью 1922 года (*Примеч. авт.*). Данный «реферат», перекликающийся с текстом публикуемой ниже стенограммы, был зачитан перед аудиторией Вольной Философской Ассоциации, не называемой прямо по цензурным соображениям. Публикуется по изданию: Современная литература. С. 144–153.

налах, и за успешность был переведен из класса мещан в класс индивидуалистов.

А. Белый писал свой «Символизм», а Западная Европа, восхищенная зрелищем кровавой борьбы мистического анархизма с Валерием Брюсовым, готовилась к восприятию первых манифестов акмеизма.

И в эти годы великого раздумья, охватившего победоносный символизм, в обществе появилось тяготение к вопросам литературы, но не «прикладной», а «чистой».

Откуда пошел «Формализм»? Из статей Белого, из семинария Венгерова, из Тенишевского зала, где футуристы шумели под председательством Бодуена де Куртене? Это решит биограф покойника. Но несомненно, что крики младенца слышались везде.

С. А. Венгеров, услышавший крики младенца в недрах своего семинария, где неожиданно для него раздались звуки рефератов о цезуре[28] «пятистопного ямба» и кольцеобразном строении Пушкинской «Осени», сокрушенно поглядывал на новорожденного, но потом, скрепя сердце, благословил его.

В эту эпоху формализм еще никому не противоставлял себя. Годы эти ознаменованы психологическим перемещением центра внимания с идеологических моментов поэзии на ее «конкретность», каковы бы эти конкретности ни были. В одной обложке уживались биографические изыскания о происхождении Фета с анализом его обонятельных способностей и описанием их в его поэзии, с анализом его «зоологического» словаря и т. д.

Появилась недифференцированная тяга к конкретности. И об этом сокрушаются до самой смерти формализма: «логические несообразности, – писал С. Бобров в 1922 году, – с которыми Опоязу придется встречаться все в большем количестве, заставят их изменить в некоторой мере их

[28] Наборщики и корректора не успевали за эволюцией русской истории литературы и упорно печатали «цензуру» (элемент «содержания») вместо «цезуры» (элемент «формы») (*Примеч. авт.*).

метод и выведут их из порочного круга конкретностей, где они заблудились ровным счетом в трех соснах»[29]. Но в эту пору эти конкретности еще не выкристаллизовались из общего круга «конкретностей», ознаменовавших писания этих годов. «Курил ли Пушкин» была такая же конкретность, как анализ формы «дневной и дневный», или «эпитеты луны у Пушкина».

Формализм возник из этого «конеретностного» эссеизма, крошечных миниатюр, монографий о чем угодно. Употребляя формальный термин, формализм канонизировал младшую линию историко-литературных изучений – «пушкинизм».

Но затем настал второй период самоосознания, отграничения. В начале этого периода формализм... – а теперь понятно, почему его назвали формализмом. Ведь все, что не покрывалось идеологической стороной, – все было «формой». Ясно, что большинство конкретностей – конкретности биографические быстро отпали – касались формы. Формализм так назван не потому, что он предложил новый метод, а потому, что он замкнулся в круге вопросов, определявшихся старым термином «форма» (термином, по существу, отрицательным). Название это изобретено не по признаку метода, а по признаку материала.

Итак, в начале второго периода своей жизни, у «формалистов в литературе» произошло сближение с любителями

[29] Речь идет о рецензии С. Боброва на «журнал истории ли[illegible]туры и истории общественности, под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга, акад. С. Ф. Платонова, проф. Э. Л. Радлова и А. С. Николаева» «[illegible]кала» (1921. № 1), где наряду с многочисленными замечаниями в адрес ст[illegible]й В. Жирмунского, В. Виноградова и др. деятельности Опояза в целом [illegible]дана положительная оценка. Ср.: «Несмотря на все это, все же мы скл[illegible]ны, что работа „Опояза“ интересна и полезна. Надо надеяться, [illegible]тические несообразности, с которыми им придется встречаться все в б[illegible] количестве, заставят их изменить в некоторой мере их метод и выве[illegible]з порочного круга конкретностей, где они заблудились ровным сче[illegible]х соснах» (Красная новь. 1922. № 1. С. 319–320).

иных искусств, главным образом изобразительных. В стенах редакции журнала «Аполлон» и в иных им родственных стенах бывали эти сходки.

Так постепенно из всех возможных конкретностей стали, благодаря объединению теоретиков искусств, устремляться чужеродные элементы, и круг конкретностей замкнулся на конкретностях, специфически свойственных словесному искусству,

Конец этого второго периода ознаменован революционизированием формализма. Передовая его часть образует группу сборников «Поэтики», сближается с футуристами (акмеизм немного отстал – не доскакал), намечает свое методологическое значение в манифестах Шкловского[30]. С этого момента начинается официальная история формализма.

Официальная история его была очень бурной. Еще бы, – развивалась она под гул орудий Гинденбурга и артиллерийской перестрелки тысячеверстного фронта, под треск уличных пулеметов, свергавших одно правительство за другим, среди ропота голодных очередей – развивалась в бытовой обстановке гиперболизма, когда говорили радиограммами в мировом масштабе, когда в человеческом голосе сохранилась лишь одна интонация крика.

Кричал, кипел и шумел формализм. Он нашел и имя себе «Опояз». В Москве его называли Лингвистическим Кружком (кстати, московские лингвисты никогда себя формалистами не называли, это – петербургское).

Об имени стоит поговорить. Кто его назвал «формальным методом» – пусть решит его будущий биограф.

[30] Подразумеваются ранние статьи В. Б. Шкловского: «Воскрешение слова» (1914), «О поэзии и заумном языке» (1916) и, главным образом, работа «Искусство как прием» (1915–1916), впервые опубликованная во втором выпуске «Сборников по теории поэтического языка» (С. 3–14). Эйхенбаум также называл ее «манифестом формальной школы». См.: *Б. М. Эйхенбаум.* О литературе. М., 1987. С. 385.

Может быть, в эти годы треска он и сам накликал на себя это название, которое к нему так плохо идет. Формалисты – отрицающие самое понятие формы, как чего-то противостоящего содержанию, как будто не совсем соответствуют этой формуле. Но о словах спорить де будем.

В эти годы круг его сторонников сплотился. Кого только не было в Опоязе! Сколь многие ныне хотели бы повернуть бег времени вспять, чтобы уничтожить сочетание своих имен с Опоязом!

Будущий биограф Опояза, вероятно, будет рисовать себе этот период по одной хроникерской заметке, где заседания Опояза описывались так (заметка эта, обошедшая Москву и Петроград, появилась в ту пору, когда хроника наших журналов изобиловала свежими новостями о событиях минувшего пятилетия). – Итак, в этой заметке сообщалось приблизительно следующее: члены Опояза собираются еженедельно, при чем каждый читает по своей специальности: Шкловский – о сюжетосложении, Жирмунский – о композиции, Эйхенбаум – о мелодике (в некоторых органах говорилось «о методике» и даже «о мелонихе»), Виноградов – о носологии, Томашевский – о ритмике и Тынянов – о пародии[31]. Мне не удалось присутствовать на этих заседаниях многоголосой деклама-

[31] Ср. с фрагментом заметки из московских «Известий» (раздел «Культура и искусство», рубрика «Литературная хроника»): «„Опояз“ собирается еженедельно по воскресеньям в Доме Искусств, где члены его читают доклады каждый по своей специальности: Викт. Шкловский, главным образом, по теории сюжетов сложения <так!> и теории романа, Б. М. Эйхенбаум и В. М. Жирмунский по вопросу мелодики и композиции лирических стихотворений, Б. В. Томашевский по вопросам метрики, О. М. Брик по вопросам звуковой инструментовки стиха. Кроме вышеупомянутых исследователей литературы, в работах „Опояза“ принимает еще участие Л. Якубинский, Роман Якобсон, Сергей Бонди, М. Клеман, А. Слонимский, Л. Лунц и др. (1922. 10 марта. № 56. С. 5). Заметка была перепечатана в харьковском журнале «Художественная мысль» под заглавием «Петербург» (1922. 18–25 марта. № 5), а также в обзоре «По России» под заглавием «Опояз» в журнале «Печать и революция» (1922. Кн. 2 (5). Апрель–июнь. С. 393).

ции, а потому я принужден пополнить мои воспоминания этой хроникерской заметкой.

Но эта заметка знаменательна. Она знаменует, что формальные голоса слились в какой-то хор, звучавший довольно согласно как в стенах Опояза, так и на словесном факультете Института Истории Искусств[32]. В это время печатались отдельные выпуски сборников Опояза и раздавались песни из Уголка, так возмутившие чинную литературную братию своими интонациями.

Официальная история обогащалась. О формалистах писали даже в Харькове, а в благочинных Утренниках новая молодежь формально разбирала самого В. Брюсова[33]. Молодежь эта, в некоторой части, не только не придала славы Опоязу, но и до некоторой степени дискредитировала его, оперируя извлеченными из архива А. Белого «ковшами» и «опрокинутыми крышами», подвергавшимися статистической (с позволения сказать) обработке.

Эти годы ознаменованы тем, что формалисты образовали «школу», создали историко-литературное направление.

Этот тип формализма и является именно тем «формальным методом», который обсуждается на страницах вечерней прессы и в студенческих семинариях.

Почему метод?

Вероятно, потому, что вопросы литературной методологии были выдвигаемы в полемике формалистов и иными; и совершилась обычная контаминация, Появилось неуклюжее прозвище «формальный метод».

Да, формализм выдвигал проблему методологии, но в форме конкретного испытания историко-литературных

[32] Факультет истории словесных искусств ГИИИ открылся в ноябре 1920 г.

[33] См.: *Б. Анибал.* [Рец.] Валерий Брюсов. «В такие дни», стихи 1919–1920 г. Госиздат. 1921 г. // Утренники. Кн. 1. Пб., 1922. Апрель. С. 120–122; *его же.* [Рец.] Валерий Брюсов. «Миг», стихи 1920–1921 г. Изд. Гржебина, Берлин; Петербург, 1922. С. 80. 2200 экз. // Утренники. Кн. 2. Пб., 1922. Июнь. С. 155–156.

методов в работе, а не в форме той методологии, которой прикрываются по существу праздные разговоры о том, что такое литература, в каком отношении находится она к общим вопросам духа, гносеологии и метафизики. Нас обвиняли в том, что мы уклоняемся от обсуждения, что такое литература, и не освещаем «литературу – миросозерцанием».

Отвечу сравнением. Можно не знать, что такое электричество, и изучать его. Да и что значит этот вопрос: «что такое электричество?» Я бы ответил: «это такое, что если ввернуть электрическую лампочку, то она загорится». При изучении явлений вовсе не нужно априорное определение сущностей. Важно различить его проявления и сознавать их связи. Такому изучению литературы посвящают свои труды формалисты. Именно как науку, изучающую явления литературы, а не как «сущность», мыслят они поэтику.

Но возникает вопрос: самое ли «нужное» они делают – и многие склоняются к тому, что изучение общественных течений нужнее. Но и это – самое ли нужное? Может быть, многим еще нужнее фунт хлеба. Это не снимает с очереди затрагиваемых научных проблем.

Да, Опояз не метод, а направление, школа, объединяющая людей, пользующихся разными методами, на идущих согласно, в ногу.

Развившись из острого интереса к литературным конкретностям, Опояз ограничил круг изучаемого материала литературными данностями, подлежащими изучению. Изучать в литературе то, что дано, будь это тот же самый идеологический момент, которого, между прочим, ни один формалист не игнорирует, но именно то, что дано и дано в литературном памятнике, в специфически литературном порядке – вот основное, связывающее формалистов начало.

Начало это потребовало борьбы, полемического задора, выкриков, может быть, и неосторожных, но таких, за которые не приходится краснеть.

И результаты этой полемики указывают на определенный сдвиг в общей литературе. Во-первых, понятие литературы стало более строго отграничиваться от понятия быта и общественности, чем это делалось раньше.

Правда, и сейчас мы можем встретить произведения, где переживания Пушкина ставятся на одну доску с переживаниями Чацкого, – но это все более становится уделом безответственных еженедельников и Sertum Bibliologicum[34].

С другой стороны, авторы, работающие по вопросам смежным с литературой, чувствуют необходимость доказывать, что и их работа для чего-нибудь нужна. Только влиянием деятельности формалистов можно объяснить те обширные методологические введения – по существу никому на нужные – которые так часто встречали мы перед современными биографическими работами. Не будем говорить о мировом масштабе, но в нашей русской среде именно формалистам обязаны мы повышением требований к историко-литературным работам и популяризацией самой идеи о возможности научного изучения литературы, именно формалистам обязаны мы уточнением и дифференциацией научных проблем, возникающих в сфере истории и поэтики.

Но ясно, что это уточнение вопросов и требование их конкретной постановки (а не наивное оперирование элементарными конкретностями, которые формализм уже перерос) лишило читателей модных и популярных разглагольствований по поводу литературы, выкинуло из оборота историко-литературную Пинкертоновщину, услаждавшую рядового читателя. И рядовой читатель зашевелился.

Он помнил, что формализм окреп в революционные годы, и в слепом обывательской гневе соединил представление о формальном методе и революционном быте в одно пугающее слово «максимализм».

[34] См.: Sertum Bibliologicum. В честь Президента Русского Библиологического Общества проф. А. И. Мелеина. Пб., 1922.

Формалисты – максималисты. Да, формальный метод сыграл, может быть, революционную роль, и мы не стыдимся этого. Но о революционной его роли не следует говорить тоном трамвайных и «очередных» разговоров донэповского периода.

Говорилось, что замена «идеологического» момента «формальным» не революционна. Но ведь это программный вопрос. Никакая программа не революционна. Революционна бывает деятельность, роль, сыгранная формализме в науке. Толчок, данный формальным методом современной науке о литературе, достаточно значителен, чтобы термин «революционный» его характеризовал.

Рядовой читатель, имя ему – Ирецкий, очень удачно сравнил себя с чеховской акушеркой, которая кричала: «Дайте мне атмосферы» и «Махайте на меня, махайте»![35] Эмоции иного порядка чужды ему. У формалистов встречает его душная скука. Их «деловитость» напоминает ему евнухов, а рядовой читатель хочет, по крайней мере, простого вожделения, эротики д'Аннунцио, Реми де Гурмона, Пьер Луиса, Гофмансталя, Пшибышевского. И этот эротоман протестует против «холодных чертежей, схем», которых он «не понимает»[36].

Впрочем, «заграничных» формалистов он признает. Он хвалит Бернсона за указание на то, что могли бы найти в Рафаэле азиатские народы, незнакомые с еврейско-эллинской римской культурой, если бы они, скажем,

[35] Реплики акушерки Анны Мартыновны Змеюкиной — одного из персонажей пьесы А. П. Чехова «Свадьба» (1889).

[36] Ср.: «Кажется есть только одно объяснение той душной скуке, которая исходит от попыток привить у нас формальный метод: он не вырос у нас органически, он грубо перенесен извне. А попав на примитивно-прямолинейную и бесчинствующую почву, нелепо утрируется и искривляется как в кривом зеркале. <...> Ныне мы присутствуем при том, как формальный метод превращается в скучное анатомирование, а критик становится евнухом» (*В. Ирецкий.* Максимализм // Литературные записки. 1922. 1 августа. № 3. С. 4). Виктор Яковлевич Ирецкий (наст. фам. Гликман; 1882–1936) — литературный критик.

завладели Европой. Это «показывание» читатель приветствует, ибо, по его мнению, здесь «критическое исследование соприкасается с философией».

Доводы Ирецкого были забракованы редакцией того органа, который их поместил, и спорить с ним неуместно. Редакция устами Горнфельда решила под его выводы подвести другие доводы[37]. Очевидно, важны выводы, а доводы изобретает каждый по-своему.

И эти доводы нашлись. Опояз – общество нехорошего тона. «Вопросы чисто-научного метода они сделали темами для крикливой публицистики, приемы давно известные западной науке изобразили, как открытие смелых российских Невтонов, свой кружковый жаргон они представили как научную терминологию». Вот три пункта, которыми почтенный автор характеризовал, весьма метко, деятельность Опояза.

Да. Опояз говорил тоном крикливой публицистики[38]. И говорил он именно потому, что этот тон есть тон современности. Пусть «читатель» убеждается в том, какой хороший тон царит в «заграницах». Приемы западной науки Опояз, правда, не выдавал за свои – это доказывается документальным реферированием на страницах «Сборников по теории поэтического языка» западноевропейских работ по поэтике[39] и библиографией, прилагавшейся к этим

[37] См.: *А. Горнфельд.* Формалисты и их противники // Литературные записки. 1922. 1 августа. № 3. С. 5–6).

[38] Впрочем, приводимый Горнфельдом отзыв Эйхенбаума об университетской науке совершенно напрасно был понят как отрицание всей предшествовавшей науки. Речь шла лишь о ближайшем к нам времени оскудения соответствующих кафедр в университете. К сожалению, это место из статьи Эйхенбаума ввело в заблуждение многих читателей. Это, конечно, очень прискорбно (*Примеч. авт.*).

[39] См., например, переводы и обзоры Вл. Б. Шкловского «Граммон: Звук как средство выразительности речи. Нироп. Звук и его значение» (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1. Пг., 1916. С. 50–71) и «О ритмико-мелодических опытах проф. Сиверса» (Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2. С. 87–94).

сборникам. Если же действительно бывали независимые совпадения хода мысли представителей Опояза с западноевропейскими исследователями поэтики, то почему это инкриминируется Опоязу? Ведь никто не инкриминировал Менделееву открытие периодической системы элементов, совпавшее с аналогичным открытием Мейера[40].

Что касается третьего пункта, то почтенный исследователь новых словечек и старых слов[41] отлично знает, что всякая научная терминология вырастает из «кружкового жаргона». За этими незначительными поправками характеристика Опояза справедлива. Он агрессивен (по тону), он нескромен, он не придерживается хорошего тона аристократических салонов, и к нему можно предъявить те же обвинения, что и ко всякому научному направлению – обвинения в желании отстоять свою позицию и сохранить свою индивидуальную физиономию.

И вот из другого лагеря раздается обвинение формального метода в том, что он научен: «бедные, наивные спецы, потерявшие последние остатки чутья современности! Как понять им, что желанная для них ликвидация (всех господствовавших недавно литературных приемов, от социологии и культурной истории до библиографии и психологии) совершается только в умирающих кругах бесплодной схоластической науки. Suum cuique[42]. Кому социология, кому носология»[43].

[40] В 1870 г. немецкий химик Юлиус Лотар Мейер (1830–1895) высказал мысль о периодическом законе, хотя и в менее обобщенном виде, чем это сделал в то же самое время русский химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). В 1882 г. Лондонское королевское общество присудило за это открытие обоим исследователям золотые медали.

[41] Подразумевается А. Г. Горнфельд — автор книги «Новые словечки и старые слова. Речь на Съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г.» (Пб., 1922).

[42] Каждому свое (*лат.*)

[43] Контаминация различных цитат из статьи П. С. Когана «Письма о литературе. Письмо второе» (Известия. 1922. 27 июля. № 16[1]. С. 5), которые,

Удачно примененная латинская цитата показывает, что мы имеем дело с профессором из органа Стеклова[44].

С ним спорить нельзя. Направление Когана диктуется «директивами»[45] и, может быть, в ближайшее время будет дан новый лозунг по фронту и на четырех языках будет возвещено, что в пределах науки есть своя преемственность, и наука будущего общества все же наука, и со схоластической наукой, преследующей цели изучения точных фактов, а не декларирование «миросозерцании», ее связывают какие-то традиции.

Противники сошлись в одном. Формальный метод деловито-научен. Но, с одной стороны, в этом видят связь с современностью, «с безликим царством полного учета, статистикой, анкетами и регистрацией», а монополисты современной современности не находят в ней сходства с собой. В глазах одних он порывает с научной традицией, в глазах других виновен в сохранении традиций.

Да, формалисты «спецы» в том смысле, что мечтают о создании специфической науки о литературе, науки, связанной с примыкающими к литературе отраслями человеческих знаний. Спецификация литературных вопросов, дифференциация историко-литературных проблем и освещение их светом положительных знаний, в том числе хотя бы и светом социологии, вот задача формалистов.

кроме последней, не имеют прямого отношения к представителям формального метода. Ср.: «Бедные наивные спецы, потерявшие последние остатки чутья современности. Как понять им, что желанная для них ликвидация <речь идет о декларируемой Л. Гроссманом ликвидации всех господствовавших недавно литературных приемов от социологии и культурной истории до биографии и психологии. — *В. Б.*> совершается только в умирающих кругах бесплодной схоластической науки... <...> Suum cuique. Кому социология, кому носология».

[44] Подразумеваются газета «Известия», главным редактором которой начиная с 1917 г. был Юрий Михайлович Стеклов (наст. фам. Нахамкис; 1873–1941).

[45] Иронический намек на марксистскую идеологию, которая к этому времени уже начала подчинять себе гуманитарные науки.

Но, чтобы осознать себя в окружении наук, надо осознать себя, как самостоятельную дисциплину.

А впрочем, зачем говорить об этом, ведь это все доводы, заготовленные для одинаково приемлемых всеми выводов – формализм должен пасть, формализм подлежит казни.

Опровергните один довод, вырастут другие. Отрицание формализма стало психологическим лейтмотивом. Полемизировать бесполезно. Про полемику формалистов со своими противниками говорится, что она недостаточно «питательна». Требование «питательности» напоминает мне героя Сирано де Бержерака, который выплавил из магнита его магнетизм и при помощи такого извлечения из материи магнетизма отправился на луну. Если в формальном методе есть питательность, то ее нельзя отвлечь от конкретной работы. Питательность вне материала – это то, чем оперируют другие школы. Формалисты же на это требование могут ответить: «вам нужна питательность – обратитесь к нашим работам».

Что же остается делать формалистам? – Умереть.

И формальный метод умер.

<Прения>

<...> Слово предоставляется **А. Л. Векслер**. Векслер задает несколько вопросов **Б. М. Эйхенбауму** и **Ю. Н. Тынянову**. Первые вопросы предлагаются Б. М. Эйхенбауму.

...местом в построениях Шкловского, который, разбирая произведение, – одни элементы произвольно *называл формальными, другие мотивировкой.* Откуда <он> брал <кри>терии различения формы и содержания? <...>

[46] Примерно в то же самое время, когда в Петрограде проходило заседание ВФА, посвященное «формальному методу», Шкловский, находясь в Берлине, завершал работу над своей мемуарной книгой «Сентиментальное путешествие» (вышла в январе 1923 г.). Страницы, на которых автор объясняет суть формального метода, вполне можно назвать *программным* словом в вольфильской полемике:

...мировоззрения, если вы не хотите базироваться на мировоззрении, связанном с наукой, то вы базируетесь на вашей домашней <философии?>...

...но как раз от позитивистского мировоззрения Веселовского исходит предлагаемые им ест<ественно>научные методы исследования произведений, и это отзывается, например, на его учении о сюжете, основная ошибка которого построена...

Дальнейшие вопросы Векслер задает Ю. Н. Тынянову.

Прежде всего по поводу живой курицы[47]. Докладчик[48] отождествляет живую курицу с психологическим сознанием, говоря, что это неверно; дело идет не о том, – живую курицу надо понимать <как> эстетическую форму (психо-

«В основе формальный метод прост. Возвращение к мастерству. Самое замечательное в нем то, что он не отрицает идейного содержания искусства, но считает так называемое содержание одним из явлений формы.

Мысль так же противопоставляется мысли, как слово слову, образ образу.

Искусство в основе иронично и разрушительно. Оно оживляет мир. Задача его — создание неравенств. Оно создает их путем сопоставлений.

Новые формы в искусстве создаются путем канонизации форм низкого искусства.

Пушкин произошел от малого искусства альбомов, роман из рассказов ужаса, вроде современных Пинкертонов. Некрасов — из водевиля. Блок — из цыганского романса. Маяковский — из юмористической поэзии.

Все: и судьба героев, и эпоха, в которой совершается действие, все — мотивировка форм.

Мотивировка форм изменяется быстрей самой формы. <...>

Вопроса о беспредметном искусстве не существует; есть вопрос о мотивированном и о немотивированном искусстве. Искусство развивается разумом своей техники. Техника романа создала „тип". Гамлет создан техникой сцены.

Я ненавижу Иванова-Разумника, Горнфельда, Василевских всех сортов, убийцу русской литературы (неудачного) Белинского.

Я ненавижу всю газетную мелочь — критиков современности. Если бы у меня была лошадь, я ездил бы на ней и ею топтал бы их. Теперь стопчу их ножками своего письменного стола» (*В. Шкловский.* Сентиментальное путешествие. С. 235–236).

[47] Слова Иванова-Разумника, полемически адресованные В. Шкловскому, которые прозвучали на заседании «Герои Достоевского».

[48] Далее следуют два абзаца, внесенные в стенограмму А. Л. Векслер.

логическое сознание ничего общего не имеет с эстетическим). Или же, говоря проще, «жив<ую> к<урицу>» надо понимать как органическое единство художеств<енного> произведения.

Если же обходиться без «живой курицы», то и перьев не останется, т<ак> к<ак> данные приемы существуют только в данном произведении. Природа каждого элемента художественного произведения определяется законом индивидуального сочетания элементов – законом построения произведения. И приходится снова строить родовые понятия и гоняться за абстракциями.

Далее задается вопрос о динамической форме. Каким образом можно говорить о динамической форме, самый закон движения (форму) рассматривать как один из моментов движения? Ведь тогда не будет движения и худ<ожественное> произведение потеряет свою природу и <станет?> бесформенным... <...>

Затем оппонентка спрашивает[49], не ломится ли докладчик в открытую дверь, говоря о том, что биография литературного героя не то же, что биогр<афия> живого человека. Кто же может сомневаться в том, что биогр<афия> лит<ературного> героя определяется законом построения литературного произведения. Но как раз на этом последнем моменте она должна сделать ударение и помнить о том, что биографией героя (не строя ее по типу биографии живых людей) мы не вправе пренебрегать, но должны рассматривать в ней <необ>ходимые формальные элементы. Если же не будет <рассмотрена> природа каждого лит<ературного> героя (природа, определяемая законом построения данного худож<ественного> произв<едения>), то невозможно будет осуществить движения худож<ественного> построения, и построение распадется на кусочки.

[49] Далее следует абзац, дописанный А. Л. Векслер.

Слово предоставляется Б. М. Эйхенбауму для ответа А. Л. Векслер.

По мнению Эйхенбаума, здесь спор идет только о словах. Что касается термина «формальный метод», то слово «метод» неправильно, потому, что вопрос идет не о методе, а о самом построении науки; устанавливается самый предмет этой науки, и потому одинаково неправильны термины «формальный» метод, биографический, социальный, психологический и др. Это – не методы, а разные определения того, что должно <быть> предметом литературной науки.

«Что же касается соотносительности формы и материала и того, почему Виктор Борисович разделял элементы на два сорта и одни называл мотивировкой, то здесь никакого дуализма нет. Дифференциация определенных понятий, касающихся предмета – не есть дуализм. Я возражаю против единства формы и материала, ибо постоянно можно видеть замечательное отсутствие этого единства в литерат<урных> произведениях; впечатление единства получается только от согласованности формы и материала; между тем, когда выпячивается форма, <исчезает?> материал.

Векслер (см<еясь?>). «Откуда вы знаете, что такое форма и что материал?»

Тынянов (вмешиваясь). «Как вы различаете, что это (берет в руку шапку) шапка, а это литературное произведение?»

Векслер. «Мы приходим к тому, что у вас есть идеология».

Эйхенбаум. «Каким образом различать, это вопрос соф<исти>ческий. В конце концов различаем теми способностями различения, кот<орые> у нас есть: слухом, зрением и т. д.».

Гордин: «Я повторяю вопрос, что такое форма и что <есть> материал».

Эрберг вмешивается и указывает, что происходит смешение 2^x вопросов, первого – что такое литературное

произведение, и второго, как возможна литературная наука.

Векслер. «Литературное произведение оно само и те элементы, которые входят в него, есть элементы литературного произведения»...

Эрберг вмешивается уже как председатель и говорит, что не может дальше поддерживать диалога.

Эйхенбаум. «В таком коротеньком заседании невозможно обучать тому, как изучать литературное произведение. Какие существуют способы различения?»

Векслер. Какое право различать?..

Эрберг не дает ей говорить.

Эйхенбаум (продолжает). «Явление подлежит расчленению. Основные явления мы называем формой и материалом. Дальше могут идти и другие различения».

Векслер пытается вмешаться, Эрберг не дает ей говорить.

Эйхенбаум продолжает <и> поясняет, почему термин *формальный метод* понадобилось снабдить поясняющим эпитетом – динамический. Самый термин неточен и требует уже какой-то замены.

Что же касается вопроса о мировоззрении, то здесь спор о словах. «Разумеется, элементы мировоззрения руководят нами, но вопрос в том, иметь ли его, как человеческую потребность или вводить в науку. Я против того, чтобы конкретную науку обосновывать домашней философией.

Мы ведь не занимаемся гносеологией.

Я против тех работ по эстетике, которые начинаются, например, такими словами: «есть 2 рода познания: интуитивное и рассудочное...»

Слово предоставляется **Ю. Н. Тынянову** для ответа **Векслер**.

Ю. Н. объясняет, что он совершенно не понимал под *живой курицей* того, что хочет понимать Але[к]сандра> Л<азаревна>, считая, что Разумник Васильевич говорит об идеологии.

Ю. Н. напоминает известное изречение Д[остоевс]кого о том, что когда сойдутся 2, 3 русских мальчик[а] непре-

менно начинают говорить о Боге[50]. Между тем идеология не дает ничего для конкретной науки. Для того, чтобы *знать*, надо изучать. Как различать? Конкретно, – изучая предмет. Из того и бьемся. Понятие формального элемента и элемента вещественного (материала) давно существует в лингвистике. В слове окна различаются вещественная сторона – *окн*, и формальная – *а*.

Ив<анов>-Разумник, как «автор *живой курицы*» вмешивается в споры[51] и рассказывает о происхождении курицы, о споре с Шкловским и о высказанном им (Раз<умником> Вас<ильевичем>) мнении о том, что формальный метод не дает возможности подходить к литературн<ому> произведению как к живому организму.

Тынянов. «Под словом живой организм можно разуметь, что угодно».

Векслер пытается что-то сказать, **Эрберг** останавливает и предоставляет слово **А. А. Гизетти**.

А. А. Гизетти – речь его переписывается отдельно, будет приложена.

[**А. А. Гизетти.** <...> Каждая из отраслей единой науки литературно-художественное произведение рассматривает с какой-нибудь *одной* точки зрения. Ошибка представите-

[50] Подразумеваются слова Ивана Карамазова, адресованные брату Алеше: «Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, всё те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время» (*Ф. М. Достоевский.* Полн. собр. соч. Т. 14. Л., 1976. С. 213).

[51] Сохранилась записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу, председательствовавшему на заседании: «Можно ли мне сказать не в очередь 2 слова о живой курице?» (ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 53).

лей формализма именно та, что они при<нимают?> *свой* метод за всю науку, считают <себя> единственными представителями науки о литературе. Пока они говорят о своих частных задачах, они правы, но когда они говорят, что таковы задания истории литературы, когда они претендуют на то, что их метод есть вся наука, что только у них истина – они не правы. То, что они делают – интересно для специалистов, но для «профанов», для людей вообще «старая» история литературы интереснее и нужнее, ибо «новая» пока ни с чем общечеловеческим не связана. И если новая наука о литературе признана всею наукою, придется сказать, в некоторых отношениях «ненаучное» нужнее, чем «научное».

Каждый художник слова – один из живых соучастников истории культуры. На этом основании, на основании связи с общей историей культуры производился до сих пор историками *литературы* как составного элемента культуры, выбор и расценка художников. История литературы говорила только о тех художниках слова, которые принимали участие в общем развитии культуры. Пусть ныне существует новая история литературы как история художественных «приемов», старая история литературы как художественного воплощения идей не потеряла для нас интереса. Правда, в этой «старой» науке ударение падает на понятие истории.][52]

После Гизетти слово предоставляется **Ю. Н. Тынянову** для ответа. Ю. Н. начинает с благодарности Гизетти за то, что тот признал «новую науку о литературе» и обещал постараться о том, чтобы его и его единомышленников не постигла жестокая кара, постигшая героя драмы Верфеля «Der Spiegelmensch»[53]. Разумеется, и история, и история

[52] Начало выступления А. А. Гизетти, которое авторизует[illegible] одержанию, не сохранилось.

[53] Речь идет о «магической трилогии» австрийского прозаи[illegible]ета-экспрессиониста Франца Верфеля (1890–1945) «Человек из [illegible]» (1920; русск. пер. В. А. Зоргенфрея: Пб.; М., 1922), двойник главн[illegible]я кото-

культуры имеют право на существование, и был бы безумец тот, кто бы это стал отрицать, но если ист<орию> литературы рассматривать как элемент культуры и пытаться по ней изучать культуру, то может получиться недоразумение вроде того, как если бы мы стали изучать свет по картинам Рубенса (ссылка на замечание Гете о картине Рубенса, где свет падает по обе стороны предмета[54]).

Что же касается империализма Опояза, то империализм этот вовсе не распространяется на историю культуры. Но несомненно то, что подстановка биографического материала в произведения литературы, часто только затемняет изучение этих произведений. Ю. Н. приводит еще пример из Державина, следующие стихи из оды «Изображение Фелицы»:

Как искры огненны, дождились
Златые б зерна в снедь птенцам:
Орлы младые разбудились
И воскресились бы к лучам.
Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды приняли вид лилей;

рой — Spiegelmensch — появляется из зеркала, совершает различные метаморфозы и в конечном итоге разрушается и погибает. Первоначальное сравнение «формализма» с «человеком из зеркала» также, по всей видимости, принадлежало А. Пизетти, который, вероятно, в самом начале 1923 г. выступил на одном из вольфильских «понедельников» с обзором драмы Верфеля, а некоторое время спустя откликнулся на нее рецензией в «Записках Передвижного театра» (1923. 5 марта. № 52. С. 2–3).

[54] Возможно, речь идет о примере, приведенном в заметках «Из записной книжки Гете» (1775): «Я хочу сказать здесь несколько слов о светотени <...>. Упорная работа над одной и той же фигурой, всегда одинаково освещенной, не может в конце не привести того, кто умеет смотреть, к открытию всех секретов, а тогда уж объект работы художника неминуемо предстанет таким, каков он в действительности. Теперь представь себе работу над одной формой под самым разным светом, она будет делаться все живее, правдоподобнее, округлее и, наконец, станет тобою самим. Но тут же вспомни, что любой человеческой силе поставлен предел. Многое ли ты в состоянии так воспринять, чтобы оно, однажды сотворенное тобою, родилось заново? Спроси себя об этом! Исходя из простого, домашнего, попробуй, если сможешь, объять вселенную» (*И. В. Гете.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1980. С. 20).

Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей...

К стихам: «Яви искусством чудотв<орным>, Чтоб льды прияли вид лилей» есть примечание: «на заселение колонистам<и> северного края». Читая произведение с точки зрения этого примечания, мы увидим гораздо меньше, увидим его хуже, чем оно есть.

Так же вредят страстные споры о том, к какому лицу написано то или другое стихотворение. Пример – к кому написано Пушкинское «С Гомером долго ты беседовал один». Одна версия (Гоголя) о том, что стихотворение относится к императору Николаю, другая – к Гнедичу[55]. «И Николай, и Гнедич – тот багаж, с которым мы ничего не поймем в стихотворении».

(Здесь несколько еще слов, которые не удалось записать или запомнить по технич<еским> причинам.)

Слово предоставляется **Б. М. Эйхенбауму** для ответа Гизетти. Б. М. удивляется высказанной Ал<ександром> Ал<ексеевичем> мысли, что новая наука имеет право на существование, но старая *нужнее*, потому что *интереснее*. «Получается, что людям нужна не наука, а что-то более веселое». Далее Б. М. оспаривает мнение о том, что философия какая-то высшая наука, объединяющая частные – в настоящее время такое мнение о философии невозможно.

[55] Речь идет о стихотворении «<Гнедичу>» (1832). Адресат стихотворения впервые был раскрыт в статье В. Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья 3-ья» (Отечественные записки. 1843. Кн. X. С. 81–82). В то же время Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (СПб., 1847. С. 73–75) заявил, что стихотворение обращено к «монарху вообще», а в рукописи назвал адресатом Николая I (См.: *П. Б<артенев>*. Неизданные места из писем Н. В. Гоголя к друзьям // Русский архив. 1866. Стлб. 1732–1733). Концепция Гоголя была опровергнута В. Ф. Саводником в заметке о Пушкине (Русский архив. 1904. № 5. С. 140–148) и Н. О. Лернером в примечании к публикации этого стихотворения в Собр. соч. Пушкина под ред. Венгерова (Т. VI. СПб., 1915. С. 461–464). См. также: *Н. Ф. Бельчиков.* Николай и Гнедич в 1832 году // Пушкин. Сб. 1. М., 1924. С. 179–213.

Что же касается того, что «представителям новой науки» неинтересны, будто бы, другие подходы к изучению литературы, то, разумеется, интересны все подходы, если они научны. Но нельзя не протестовать когда, например, романы Тургенева берутся, как отражение жизни 60-х годов.

Слово предоставляется **Я. И. Гордину**.

Речь **Гордина** записана отдельно и будет приложена.

[**Я. И. Гордин.** <...Социолог, если и руководствуется> объективным естественнонаучным методом, то все же вносит в него коренные изменения, принципиально модернизирует его, усматривая, что «общество» «сделано» не так, как «сделан» биологический организм, тем более, как какая-нибудь молекула водорода. Эстетические же явления представляют еще и особую значимость по сравнению с природными и социальными, что безусловно должно отложить отпечаток и на научном рассмотрении их. Объясняется это, как я вначале уже указал, двойственностью положения явлений эстетического мира и в особенности литературы, где художественный материал – слово – очевидно и неразрывно связан с мыслью. Тема эта выходит из рамок нашего заседания. Вкратце я дал бы ей такую формулировку. Эстетическая сфера сознания, получая содержание из иных частных областей культуры и формируя его, сочетает отдельные содержания в единство, сплавляет частности культуры в некую целостность, в живой организм культуры и тем самым осуществляет предварительную задачу осознания культуры как целого, задачу самосознания культуры. Иными словами, художественное произведение являет потенциальное философствование, дает в живой конкретной форме миросозерцательные переживания. Явления искусства в их органичности и системности суть истолкования смыслов мира и жизни. Жизненность и конкретность миросозерцательного элемента в искусстве представляет даже некоторое преимущество искусства перед философией, хотя в то же время и некую опасность, ибо здесь мы имеем дело не с самими философскими

смыслами, а <с ис>толкованием их. Но опасность эта неизбежна и ценна, так как конкретные истолкования смыслов жизненно необходимы. Все это в особой мере применимо к литературе по вполне понятным причинам. Естественно, что центральным отношением к литературным произведениям должно быть миросозерцательное осмысление их. Потому-то литература, искусство вообще является для каждого более важным, чем какая-либо иная частная сфера культуры, и потому-то вопрос о сознательном отношении к ней особо интересен для всех, чего не было бы, если бы речь шла только о методах какой-либо отдельной специальной науки. Миросозерцательное же отношение к литературе есть тема литературной критики, тема Белинского. Белинский не был «ученый» в частном специальном смысле наших докладчиков, но вряд ли они станут отрицать его общенаучно-культурную значимость, вряд ли возможен принципиальный отказ от литературной критики в духе Белинского. Я подчеркиваю, что литературная критика не представляет какого-либо особого, частного метода изучения литературы, тем менее только «социологического» метода. Литературная критика означает пан-архическое, всевластное миросозерцательное истолкование под углом единства культуры. И критическое творчество Иванова-Разумника не есть, конечно, применение социологических критериев, а прежде всего культурно-философское рассмотрение, и понятие хотя бы «мещанина» у него играет роль, главным образом, не исключительно, не социальной, а культурно-философской категории[56]. Я кончаю: основной задачей по отношению к литературе должно быть миросозерцательное осмысление ее, тема критики, тема Белинского. И если формальная

[56] Ср.: «Определяя возможно широко сущность этическ[ого] мещанства, мы скажем, что мещанство это — узость, плоскость и безл[ичность] узость формы, плоскость содержания и безличность духа...» (*Иванов[-Разумник]*, История русской общественной мысли. Т. 1. С. 15).

школа, как говорилось последним докладчиком, помимо всего, стремится также и к борьбе с миросозерцательным отношением к литературе, причем даже усматривает в том признак своей «современности», своей «революционности», то остается лишь иронически усомниться, ибо всякая борьба с миросозерцательностью, в каких формах она бы не выражалась и чем бы она не прикрывалась, есть объективно, по существу своему и своим последствиям, явление глубоко реакционного порядка, а не революционного.][57]

Р. В. Иванов-Разумник – тоже.

[**Раз. В. Иванов-Разумник.** Читает несколько страниц из кн<иги> Чернышевск<ого> о Пушкине[58], указывая на то, что формальный подход к произведению не нов. «Но можно ли ограничиваться таким подходом?» Р. В. интересует 2 вопроса:

1) существует ли «ценностное» отношение к произведению у представ<ителей> форм<ального> (матерьяльного) метода и

2) «цельностное».

Почему Ю. Н. занимается Державиным, а не Потапенко, Андреем Белым, а не Чириковым, стих<отворениями> Блока, а не Галиной. «С т<очки> зрения формального метода все равно, что разбирать, стих<отворения> Галиной или Алекс<андра> Блока».

Эйхенбайм (с места). Ничего подобного.

Р. В. (продолж<ает>). Ценностное отношение есть (отзыв Эйхенбаума о 12 Блока[59]) «цельностное» отношение

[57] Сохранилось лишь окончание (3–4 стр.) выступления Я. И. Гордина (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 61); несколько слов реконструируются по смыслу.

[58] Имеется в виду очерк Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889) «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения», впервые изданный без указания имени автора в Санкт-Петербурге, в 1856 г.

[59] Подразумевается речь Б. М. Эйхенбаума на вечере памяти Блока в Доме литераторов, вошедшая в сборник «Об Александре Блоке» (Пб., 1921) под названием «Судьба Блока», которая содержала антисимволистские и антискифские выпады. Ср.: «В смерти Блока и в исступленных криках Андрея

(Онегин 1 и 7 гг.[60]). Если нет отношения к произв<едению> как <к> целому, то нельзя говорить о творчестве. Разумеется, ответ на эти 2 вопроса – не сейчас, это покажет будущее этой школы. Читает, рассказывает отзыв о статье «Eh, bien – mais rien» Пуанкаре, считает, что нет науки, где не было бы общих выводов.

Не соглашается, что форм<альный> («матерьяльный) метод – революционный. Не варвары, а Вагнеры[61]

Белого — судьба целого поколения, судьба всего символизма, изживающего себя среди ужасов нашего железного века. И трагична судьба эта потому, что не случайна она, не обрушилась извне, а давно готовилась и надвигалась изнутри. Мы теряемся в обступающем нас со всех сторон количестве фактов и событий, не умеем связать их воедино, но чувствуем неразрывную органическую связь между ними. Основных причин, все собой определяющих, мы не знаем, но видим, что исторические наши судьбы внутренне связаны с символизмом как принципом духовной культуры. Идеологи символизма, смотревшие на себя как на миссионеров, как на провозвестников новой истины, и на искусство свое как на мистическое ей служение, сами чувствуют эту связь и не отказываются от нее. Не случайно „скифство" символистов, не случайно их увлечение „максимализмом", которое иных привело к цензорскому стулу, иных — к идиллической философии перманентного бунта, иных — к антропософии, а иных, как Блока, — к отчаянию и смерти: „жизнь потеряла смысл". Пророки революции — они теперь мрачные ее созерцатели» (С. 220–221). «Является поэма „Двенадцать" — попытка <...> окончательно преодолеть трагическое сознание неслиянности искусства, жизни и политики, найти между ними новую мистическую связь. Неожиданно появляющийся в конце Христос должен слить все противоречия в одном Символе. Это — последняя попытка спастись от своей трагической судьбы. Последний возглас умирающего символизма. И как всегда — развязка наступает именно в тот момент, когда герой трагедии думает, что он спасен» (С. 227–228)

[60] Вероятно, речь идет о выступлении Б. М. Эйхенбаума 19 февраля 1922 г. на CXVII открытом заседании ВФА, посвященном «Евгению Онегину».

[61] Впервые образ ученого Вагнера, заимствованный из «Фауста» Гете и полемически обращенный против представителей современной науки, был использован Н. К. Михайловским в «Записках профана» (1875). Иронизируя содержание статьи в «Истории русской общественной мысли [illegible]ов-Разумник писал: «...я не могу признать за людей науки (продолжает от лица „профана") тех трудолюбивых Вагнеров, которые готовы всю жизнь с радостью изучать дождевого червя и десятки лет посвящать [illegible]нибудь

(в см<ысле?> форм<ального> ст<иля?> Вагнера).][62]

Эрберг – тоже[63].

К. С. Петров-Водкин – тоже.

[К. С. Петров-Водкин. Микеланджело начал вскрывать трупы для изучения челов<еческого> тела тогда, когда культ

разновидность такого-то вида такого-то рода такого-то семейства жесткокрылых (III, 341); это не люди науки, это жалкие ремесленники, это жертвы жизни, жертвы органического типа развития общества, жертвы разделения труда; это безличные, плоские и ограниченные мещане науки, продавшие свою индивидуальность за чечевичную похлебку кухонной науки» (*Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Т. 2. С. 174).

[62] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 150. Протокольная запись рукой Н. М. Меринг. В статье «Петербург» (март — апрель 1923 г.), делая небольшое отступление от заглавной темы, Иванов-Разумник охарактеризовал формальный метод как «статический момент» науки о литературе: «...изучение художественного произведения возможно лишь в процессе динамического подхода к творчеству автора, при установлении функциональной зависимости не только между теми же элементами различных произведений этого автора. Ньютон называл функцию и производную гораздо ярче и образнее — „флюэнтой" и „флюксией", подчеркивая этим момент динамичности нового учения в противовес статике классической алгебры. Так и в изучении художественных произведений есть вполне законный самозамкнутый, „алгебраический", статический момент: изучение произведения как самодовлеющего эстетического целого. Но это лишь первый шаг, остающийся бесплодным без второго — момента „флюксионного", динамического, изучающего связь этого художественного произведения с „текущим" рядом предшествовавших и последующих произведений. Статическое изучение творчества автора по разрозненным его произведениям — эстетический тупик, эстетический нигилизм, теперь модный, но уже вырождающийся, своего рода „ариманическая пелена" над историей литературы. А эта история ведет от связи произведений автора к связи произведений авторов, по восходящим ступеням все более и более обобщающегося „целого", завершая свой путь в философии культуры и философии истории» (*Иванов-Разумник.* Вершины. С. 155–156).

[63] Выступление Эрберга не сохранилось. В своей «Βιβλο ὑπομνηματιδμγ» («Тетрадь припоминаний») за 1920–1940 гг. К. А. Сюннерберг пишет, что в конце 1922 г. он начал работу над статьей о формальном методе (ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24 об.), однако в настоящее время каких-либо следов ее обнаружить не удалось. В «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга (К. А. Сюннерберга)», написанных в 1940–1941 гг., он, тем не менее, коснулся своей позиции в дискуссии «о формальном методе» — в пространной характеристике В. Б. Шкловско-

греческой телесной красоты перестал удовлетворять требованиям искусства, когда обнаружилась мертвенность греческого творчества, его фальшивость. Искусство – это то естественное, процесса действия которого мы не замечаем, как не замечаем воздуха, которым дышим. Получать действия, не замечая процесса действия, это нормально, если же замечаем самый способ, процесс самый, значит, что-то неладно в восприятии <?> моего произведения. Критика является тогда, когда искусство зачахнет. Пожалуй, начиная с греков, искусство потеряло свою живую силу. Спасибо формальной критике, что она многую кажущуюся блесткость произведений проверяет слева и справа; это необходимо для тех, у кого нет художественного чутья. Разумеется, если человек чувствует искусство, то, ища искусство, он на 2й странице

го, творческий потенциал которого на фоне других «формалистов» оценил необычайно высоко: «Викт. Бор. Шкловский, вышедший из недр „Опояза“ (общество поэтического языка) — самый талантливый из всех членов этого литературного объединения. <...> Философский подход к материалу всегда был для него чужд, как и для всех русских формалистов (подчеркиваю: *русских*). Не отечественная формалистическая школа и суть свою, и название свое берет из теории. В глазах русских же формалистов всякое теоретизированное всегда было пугалом: народ это робкий. Судьба русских формалистов — вернуться к разбитому корыту эстетства (Ганслик, Фолль, „Не надпись, а узор“ и т. д.). Дальше русским формалистам идти некуда. Недаром на одном из заседаний Вольфилы они торжественно отказались от своего имени „формалистов“, заменив его ничего не говорящей вывеской „наука о литературе“. Сняв „фуражку“, надели головной убор „вообще“. Этот отказ, между прочим, дал мне повод тогда же сделать небольшую характеристику наших „опоязовцев-формалистов“ в их отличие от деятелей формалистической эстетики запада. Но если русским формалистам дальше идти некуда, то это не значит, что и Шкловскому также судьба остаться в тупике. Этот полный бодрых творческих сил мужественный человек ищет путей вперед» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 115–117). Откликаясь на комментарий Конст. Эрберга, Иванов-Разумник язвительно писал автору 4 июня 1941 г.: «Панегирик Шкловскому, ныне совершенно и навсегда исчерпавшему себя и вообще писателю конченному — звучит анахронизмом. А [illegible]няя фраза панегирика воспринимается лишь юмористически тем [illegible]итает нынешние печатные упражнения Шкловского на затасканны[illegible] (Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой).

бросит читать Некрасова и не станет в нем доискиваться художника, но для тех, у кого чутья нет, для тех необходимо препари<ро>вать как самое искусство, так особенно вещи, называющие себя искусством. И слава Богу, что представители формального метода умеют вскрывать те приемы, которыми создается действие от произведения. И спасибо, что они сами стихов не пишут. Пушкина ни от каких анализов не убудет. Но знать, чем хорош Пушкин, чем же он создает впечатление щемящей боли кризиса XIX века, чем он действует на человека, – это полезно... Живопись весь XIXй в<ек> занималась саморазвитием, и это прояснили ее пути. Опасность биографического метода в том, что мы часто судим о произведениях хорошо только потому, что знаем, что хороший человек их автор, и подводим такую базу, которая через 5 лет уже не база, ибо хорошее в то время становится подозрительно устар<евшим>. Но у формального метода та опасность, что по его указке могут найтись искусники, которые изучат приемы и будут нас и дальше обманывать, создавая впечатление искусства, подделываясь под настоящих мастеров. Это опасно. (А вот подсчитать, сколько у Пушкина ямбов, сколько хореев – 24 ямба, 34 хорея – это хорошо, молодцы, ребята, так и надо дальше, но подсчитали и баста, больше ничего не нужно[64].)][65]

А. А. Смирнов – тоже[66].

[64] В круглых скобках приведен вычеркнутый текст. Под ним написано: «Всё. Насчет 24 ямбов как-нибудь надо. Прим<ечание> Н. М<еринг>».

[65] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 3.

[66] Свою позицию по отношению к формальному методу А. А. Смирнов подробно изложил в статье «Пути и задачи науки о литературе» (Литературная мысль. Альманах II. Пг., 1923. С. 91–109). Статья вышла с редакционным предуведомлением, автор которого — А. С. Долинин писал: «Методология истории литературы в последнее время снова как бы приближается к моменту критическому. Формальный метод, одержав несомненную победу и заняв-ши положение как будто бы господствующее, сам, по-видимому, не особенно радуется этой победой своей, и определенно ясны симптомы новых исканий у последователей его и к ним примыкающих. Чувствуется прежде

Рабинович – тоже.

Н. В. Александровская – тоже.

Заключительное слово предоставляется Б. М. Эйхенбауму, Ю. Н. Тынянову и Томашевскому.

Эйхенбаум. «Нас, как всегда, и поругали и похвалили...» Ответы на вопросы о ценности и о «Двенадцати» Блока старый долг Разумнику Васильевичу. Вопрос: существует ли выбор при изучении художественных произведений? Б. М. утверждает, что если была бы фактическая возможность, то изучались бы *все* произведения литературы. «Каждый из нас мечтает заняться Галиной или Потапенко». Вопрос идет не в выборе, а в расположении художественных произведений по тем категориям, по которым могут изучаться эти произведения и их взаимоотношение.

По поводу «eh bien – mais rien», Б. М. удивляется, что Разумник Вас. так относится к работам Опояза. Неужели изучение мелодики русского стиха дает только *rien*? С другой стороны, Б. М. должен сказать, что читая работы Разумн. Вас. с теми требованиями, которые у него есть, он мог бы тоже сказать mais rien. Петрову-Водкину Б. М. отвечает, что работа формалистов состоит вовсе не в том, чтобы подсчитывать 22 ямба или 34 хорея у Пушкина. Возражая А. А. Смирнову, Б. М. говорит, что странно было бы ожидать в сегодняшних докладах философское обоснование; если это будет делаться, то в печати.

Далее Б. М. указывает А. А.[67] на характерное недоразумение, которое произошло. Ю. Н. оговорился к стихам

всего необходимость подведения под вопросы методологичес[illegible]е основы более глубокой в философском смысле. Статья А. А. Смирнов[illegible]елает такую попытку, приближаясь отчасти, в общей своей концепции, [illegible]тядам Риккерта на методологию исторических наук, отчасти к непрагм[illegible]ескому интуитивизму. В этом и заключается ее своеобразие и ценность[illegible]ившие редакцию к помещению статьи в настоящем сборнике, нес[illegible]на то, что редакция расходится с ее автором по целому ряду принципи[illegible]вопросов, в ней поставленных» (С. 91).

[67] А. А. Смирнов.

«яви искусством чудотворным...» примечание *не* «на заселение Сев<ерного> края», а здесь разумеется «поселение колонистов <в> Саратовских степях»[68] (Ю. Н. извиняется с места). Между тем А. А. обрадовался и построил *на этом* возражение.

Слово предоставляется **Ю. Н. Тынянову**, который поясняет понятие динамической формы. Затем он возражает А. А. Смирнову против того, что в сегодняшнем заседании формалисты будто ломятся в открытые двери[69]. Ю. Н. представляется обратное: «мы ломимся в закрытые двери».

Что касается биографического метода, то иногда биограф<ические> данные полезны для того, чтобы знать, каким материалом располагал писатель. Но следует протестовать против подхода к литературному произведению как <1 нрзб.>.

[68] Имеются в виду «Объяснения...» Державина к собственным стихам, опубликованные Я. П. Гротом в третьем томе собрания сочинений Державина (СПб., 1866. С. 615).

[69] Ср. с письмом Ю. Н. Тынянова к Б. М. Эйхенбауму от 9 июля 1922 г.: «Сегодня сюда приехал из Симферополя А. А. Смирнов. Вечером сошлись у Жирмунского, и А. А. стал делиться с нами докладом, который он хочет прочитать у нас в обществе <имеется в виду доклад «Введение в методологию науки о литературе», который Смирнов прочитал в Обществе изучения художественной словесности при ГИИИ 19 июля 1922 г. — *В. Б.*>. <...> Легкомысленная, провинциальная философия дурного вкуса, которую можно было слушать с некоторым вниманием только лет 10 назад. <...> Еще немного по поводу разговора со Смирновым и Жирмунским. Они настаивают на осознании философских предпосылок. Я отвечаю, что необходимо и плодотворно осознание методологических предпосылок, а от этого до философии в настоящем смысле слова очень далеко. Конкретная наука не есть прямой и непосредственный вывод из философии» (Цит. по изд.: *Ю. Н. Тынянов*. Поэтика. История литературы. Кино. С. 454). Продолжение полемики со Смирновым см. в рецензии Тынянова на «Литературную мысль. Альманах II»: «Этих-то основ, более глубоких в философском смысле, и этой-то связи с живой научной мыслью в области методологии — в статье как раз и не чувствуется. Статья представляет собою не столько попытку разобраться в методе литературного изучения, сколько попытку *определить* понятие литературы» (Там же. С. 139).

Слово предоставляется **Томашевскому**, который поясняет свое отношение к литер<атурному> произв<едению> аналогией: «На вопрос, что такое электричество – я отвечу: это такое, что если ввернуть лампочку, то загорится» или «Что нужнее электрификация или динамо?..... (не знаю слова) ж<елезных> дорог – ответ: фунт хлеба». Формалисты не изучают природы явлений, но изучают их самих по себе.

Затем относительно революционности или реакционности их деятельности: ни одна программа не революционна и не реакционна, революционной может быть деятельность. Относительно же *питательности* (термин А. А. Смирнова) Томашевский говорит, что тот, который хочет питания, будет искать его в работах представителей новой школы.

Секретарь **Н. Меринг.**

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

Под общей редакцией М.А.Колерова

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ
[В ДВУХ КНИГАХ]

Москва 2005

ВЛАДИМИР БЕЛОУС

ВОЛЬФИЛА

[ПЕТРОГРАДСКАЯ ВОЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ]

1919–1924

КНИГА ВТОРАЯ:
ХРОНИКА. ПОРТРЕТЫ

МОДЕСТ КОЛЕРОВ И «ТРИ КВАДРАТА»
Москва 2005

ББК 87.3 (2) 6
УДК 1(091)
Б 435

Под редакцией М. А. Колерова

В. Г. Белоус. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. — М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ и «ТРИ КВАДРАТА», 2005.— 800 с. (Серия: «Исследования по истории русской мысли», том 11, кн. 2)

© В. Г. Белоус, 2005
© М. А. Колеров, со[illegible]ии, 2005
© «Три квадрата», [illegible]

ISBN 5-94607-023-1

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

ХРОНИКА

Петроград. 1919–1921 ..... *9*
Москва. 1921–1922 ..... *193*
Берлин. 1921–1922 ..... *233*
Петроград–Ленинград. 1922–1924 ..... *350*

ПОРТРЕТЫ

Андрей Белый *421*
Иванов-Разумник *465*
Конст. Эрберг *548*
А.З.Штейнберг *581*
Н.М.Меринг *648*
А.Л.Векслер *661*
Л.В.Пумпянский *703*
Я.И.Гордин *720*

Содержание

Г.П.Зотов .....

Поэтическая галерея .....

Указатель имен к книге I .....

Указатель имен к книге II .....

726
739

775
787

Хроника

Петроград.
1919–1921

Из общего обзора деятельности Вольной Философской Ассоциации за первые два года – с регулярными открытыми заседаниями, грандиозными планами по развитию в стране «сети» ее отделений, перспективами проведения под эгидой Ассоциации первого Всероссийского философского съезда и многим другим – складывается впечатляющая картина. Главенствовавшая на заседаниях тема кризиса современной европейской культуры вскоре перерастает в самые разнообразные конкретные вопросы функционирования науки, искусства, религии, философии, общественности в условиях трансформирующегося социума. В работе Вольфилы отчетливо просматриваются и характерные для отечественной культуры предреволюционной эпохи особенности философских собраний, и наметки новой «культуры духа», значение которых становится понятным лишь в исторической перспективе.

Руководители Вольной Философской Ассоциации не искали простых решений и не давали очевидных ответов. Они упорно ориентировались на инициативу «снизу», надеясь, что «органическое общение душ» приведет людей, посещавших открытые заседания, к потребности объединиться вокруг кружков, и в результате внутри Ассоциации образуется нечто вроде «интимного содружества» – своего

рода прообраз «коммуны мечтателей»[1]. Начавшись в маленькой комнате (правда, при стечении относительно большого количества народа), Вольфила вскоре перешла в огромные залы, которые посещали по нескольку тысяч слушателей. Уже к концу весны 1920 года определилась структура философского содружества: вокруг членов-учредителей – руководителей кружков – группировались члены-соревнователи; общую массу, насчитывавшую тысячу и более человек, составляли слушатели; из них в основном складывалась публика воскресных «публичных собраний», формально называвшихся «открытыми заседаниями»[2]. Даже когда весной 1921-го руководители Вольфилы заговорили о необходимости ее реорганизации, такой поворот был продиктован не столько внутренним кризисом Ассоциации, сколько желанием освоить институционально новые формы применительно к изменяющейся общественно-политической и экономической ситуации в стране.

Все эти годы основным материальным источником существования Вольфилы была постоянная субсидия от государства, однако до определенного момента государственные инстанции почти не вмешивались в ее внутренние дела. Даже зафиксированная в уставных документах ВФА связь философских исканий с ориентацией на социалистические ценности не предполагала какой-либо унификации мнений и взглядов: как следует из содержания публикуемых ниже документов, «буква» этого параграфа никогда не оказывала давления ни на характер открытых заседаний, ни на содержание отдельных выступлений[3].

[1] Ср.: «...только из братства рождается душа с[illegible]ы в коммуне деревьев; из равенства голых стволов не родит[illegible]ода» (*А. Белый.* «Записки Мечтателей» // Записки мечтателей [illegible] № 1. С. 6).

[2] Там же. С. 57.

[3] Этот факт дает нам основание не соглашаться [illegible]нием, будто «подобная социалистическая направленность [illegible]полагала

Инициаторы содружества «вольных философов» воспринимали идею социализма достаточно широко и, главным образом, – как условие для максимально полного проявления гражданского самосознания личности. Поэтому они считали, что живой голос общественности может и должен свободно высказывать с трибуны Вольфилы все, что за столетия безмолвия накопила народная мудрость.

Собранная по крупицам хроника повседневной деятельности Вольной Философской Ассоциации[4] позволяет воссоздать тот реальный исторический контекст, в котором функционировала культура в послереволюционном обществе, а также представить подлинные масштабы работы Вольфилы в интеллектуальном пространстве Петрограда, Москвы и «Русского Берлина» за все время ее существования. Безусловно, подобная хроника создает впечатление еще большей мозаичности, чем хор голосов, который был представлен в протоколах, однако без этих разрозненных фрагментов утратившая свои целостные очертания картина явно оказалась бы малопонятной и неполной.

Вольфилу другим религиозно-философским объединениям по идейным устремлениям, хотя организационно она строилась на тех же основаниях» (*Е. В. Иванова.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 6).

[4] Нам пришлось ограничиться лишь наиболее характерными документами, оставляя в стороне бóльшую часть материалов, имеющих отношение к хозяйственной или финансовой стороне деятельности Вольфилы.

Протокол № 1 заседания Совета ВФА[5]

1-е заседание, 7-го ноября 1919 года.

Присутствовали: Р. В. Иванов, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, Эрберг, секретарь Вл. Бакрылов.

Слушали:

1. Считать В.Ф.А. существующей с 1-го ноября 1919 год<а>.

2. Заказать печать по кругу «Вольная Философская Ассоциация».

3. Иметь для В.Ф.А. два помещения: зал в квартире книгоиздательства «Колос» (Пр. Володарского, 21) и квартиру в доме Мурузи (Пр. Володарского, 24), где помещалась студия «Всемирной Литературы».

4. Установить размер членского взноса для действительных членов в 25 руб.

Члены-соревнователи размер членского взноса определяют на заседании своего совета.

5. Назначить 16-го ноября открытое заседание, где А. А. Блок прочтет доклад на тему «Гибель гуманизма».

Выработать к назначенному заседанию программу открыт<ия> В.Ф.А. и список лиц, которому надлежит разослать приглашения.

6. Обязать докладчиков – представлять доклады в совет не менее как в двух печатных экземплярах.

7. Предложить докладчикам и лекторам, выступающим от В.Ф.А., предварительно делать совету сообщения о характере предполагаемых докладов и лекций.

8. Тезисы докладов рассылать действительным членам при повестках.

9. Следующее заседание назначить 9-го ноября.

Заседание началось в 2 часа, кончилось в 5 час. 30 м

Члены <Подписи>.

Секретарь <Подпись>.

Протокол № 2 заседания Совета ВФА[6]

9-го ноября 1919 г.

Присутствовали: Р. В. Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

[5] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 1. Здесь и далее наименования документов (за исключением заголовков статей и рукописей) унифицированы или же озаглавлены нами для удобства восприятия.

[6] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 2.

Постановили:

1. Утвердить текст повестки на 1-е открытое заседание Ассоциации, предложенный Р. В. Ивановым-Разумником и А. З. Штейнбергом.

2. Докладу Блока «Крушение гуманизма» предпослать вступительное слово: 1) Р. В. Иванова-Разумника об общих началах В.Ф.А.; 2) К. А. Эрберга о начале вольности в Ассоциации; 3) А. З. Штейнберга о сопоставлении «Философия и социализм» в № 6 положения об Ассоциации.

3. Возложить на ученого секретаря А. З. Штейнберга сделать отчет об истории возникновения Ассоциации.

4. Утвердить программу ближайших открытых воскресных заседаний в следующем порядке: Иванов-Разумник: «Эллин и скиф»; А. З. Штейнберг «Развитие и разложение в искусстве»; Б. А. Кушнер: «Культура в эпоху социалистической революции».

5. Устроить в воскресенье 14-го декабря заседание памяти декабристов, на котором основной темой обсуждения о «преждевременном подвиге».

Члены.

Секретарь.

Протокол № 3 заседания Совета ВФА[7]

Заседание 3-е, ноября 12-го 1919 г.

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, секретарь Вл. Бакрылов.

Постановили послать извещения о первом заседании В.Ф.А. в 1) Петроградский университет, 2) Всемирную литературу, 3) Книжную палату, 4) Дом писателей, 5) Институт живого слова, 6) Университет имени Латугима, 7) Наркомпрос, 8) Академию искусств, 9) Тео, 10) Институт истории искусств, 11) Университет Раб.-Кр. Армии и Флота.

Повестками известить об открытом заседании:

1. Ф. К. Сологуба –	В. О., 10 линия, д. 5, кв. 23.
2. С. П. Ремизова[8] –	В. О., 14 линия, д. 31, кв. 48.
3. Д. С. Мережковского –	Сергиевская, 83.
4. З. Н. Гиппиус[9] –	– « –

[7] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 3–4.

[8] Имеются в виду супруги Ремизовы: Алексей Михайлович и Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876–1943) — специалист по палеологии.

[9] Зинаида Николаевна Гиппиус (в замуж. Мережковская; 1869–1945) — поэтесса, критик, прозаик.

5. В. В. Гиппиус – Меловая, Тенишевское уч.
6. А. А. Мейера – Публичная библиотека.
7. Д. В. Философова[10] – Публичная библиотека.
8. А. Н. Римского-Корсакова – Публичная библиотека.
9. Ф. Д. Батюшкова[11] – Рыночная, 4.
10. Е. П. Султанову[12] – Кирочная, 3.
11. Л. Я. Гуревич[13] – Знаменская, 36, кв. 53.
12. С. А. Венгерова[14] – Загородный, 21, кв. 56.
13. А. Г. Горнфельда – Бассейная, 58, кв. 26.
14. А. Л. Волынского – Моховая, 36, Всемирная литература.
15. П. П. Гайдебурова[15] – Бассейная, 10.
16. Э. Л. Радлова – Публичная библиотека.
17. Б. М. Эйхенбаума – Институт живого слова.
18. Н. О. Лосского – Кабинетная, 20.
19. И. И. Лапшина[16] – Кирочная, 7.
20. Е. П. Иванова[17]
21. Свящ. Егорова[18] – Тамбовская 8/10.
22. Проф. Жебелев<а>[19] – Университет.

[10] Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — публицист, литературный критик; близкий друг семьи Мережковских.

[11] Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920) — литературный и театральный критик, историк литературы; в 1919–1920 гг. принимал активное участие в деятельности издательства «Всемирная литература».

[12] Екатерина Павловна Леткова (в замуж. Султанова; 185[illegible]–1937) — прозаик, переводчица.

[13] Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) — литературный и театральный критик, прозаик, переводчица.

[14] Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) — историк [illegible]кой литературы, библиограф.

[15] Павел Павлович Гайдебуров (1877–1960) — режиссер, р[illegible]ководитель Передвижного театра в Петрограде.

[16] Иван Иванович Лапшин (1870–1952) — философ, исто[illegible] литературы и музыки, профессор Петербургского университета.

[17] Евгений Павлович Иванов (1879–1942) — публицист [illegible] писатель, близкий друг А. Блока.

[18] Ефим Александрович Егоров (1861–1935) — журна[illegible]ретарь Религиозно-философских собраний (1901–1903), секретарь [illegible]ки журнала «Новый Путь» (1903–1904).

[19] Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) — ис[illegible]тичности, профессор Петербургского университета.

23. Л. П. Карсавина –	– « –
24. А. А. Блока	– « –
25. Брима[20]	– « –
26. Н. И. Кареева[21]	– « –
27. А. И. Введенского[22]	– « –
28. М. Горького –	Моховая, 36, Всемирная литература.
29. М. П. Кристи –	Английская наб., д. 6.
30. З. Г. Гринберга[23] –	Чернышев пер., Компрос.
31. Е. Пол<е>таев<а>[24].	
32. М. Ф. Андрееву[25] –	Литейный, 46, Отд. театров и зрелищ.
33. П. А. Сорокина –	В. О., 8 линия, 31.
34. Ф. А. Браун<а>[26] –	Петр. Университет.
35. С. Ф. Ольденбург<а>[27] –	Академия наук.
36. А. С. Лурье –	Дворцовая наб., 6.
37. С. О. Жихарева –	Английская наб., 6.
38. С. В. Дмитриева	– « –
39. М. А. Сильвина[28]	– « –

В газеты: «Правда», «Красная» и «Известия» дать сообщение о дне I-го открытого заседания В.Ф.А.

Члены.

Секретарь.

[20] Вероятно, Эрвин Давидович Гримм (1870–1940) — историк; в 1911–1918 гг. ректор Петербургского университета; в 1918–1920 гг. участник Белого движения на юге России.

[21] Николай Иванович Кареев (1850–1931) — историк, социолог, профессор Петербургского университета.

[22] Александр Иванович Введенский (1856–1925) — философ, профессор Петербургского университета.

[23] Захарий Григорьевич Гринберг (1889–1949) — ответственный работник петроградского Наркомпроса.

[24] Евгений Алексеевич Полетаев — публицист.

[25] Мария Федоровна Андреева (1868–1953) — актриса, комиссар театров и зрелищ Петрограда.

[26] Федор Александрович Браун (1862–1942) — историк и филолог, профессор Петербургского университета.

[27] Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, в 1904–1929 гг. секретарь Академии Наук.

[28] Михаил Александрович Сильвин (1874–1955) — историк, ответственный работник Наркомпроса.

Повестка[29]

Вольная Философская Ассоциация

Первое открытое заседание в воскресенье 16-го ноября 1919 г. в 1 ч. дня. Сообщение о задачах Ассоциации. Доклад Александра Блока: Крушение гуманизма. Прения по докладу.

Вход свободный.

На ближайшие заседания намечены доклады:

2. Иванов-Разумник. – Эллин и скиф.
3. А. З. Штейнберг. – Развитие и разложение.
4. Б. А. Кушнер. – Культура эпохи социалистической революции.
5. Памяти декабристов.
6. Александр Блок. – Романтизм.
7. К. А. Эрберг. – Религия и мистика.
8. Андрей Белый. – Глоссолалия.

Запись в члены-соревнователи Вольной Философской Ассоциации, а также все справки – у секретаря:

по вторникам – от 12 до 3-х ч. дня,
по четвергам – от 3 » 6-ти ч. веч.
по субботам – от 12 » 3-х ч. дня.

Вольная Философская Ассоциация временно помещается: пр. Володарского (б. Литейный), д. 21, кв. 14.

Извещения[30]

– 23 нояб., в 1 ч. д., состоится второе открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочтен доклад Иванова-Разумника «Эллин и скиф». Вход свободный. Вольная философская ассоциация временно помещается пр. Володарского, 21, кв. 14.

[29] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 1.

[30] Известия Петроградского Совета. 1919. 20 нояб. № 264. С. 2. См. также: Красная газета. 20 ноября. № 266. С. 2. Повестка заседания см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 2.

К. Эрберг

Конспект прений на II открытом заседании ВФА[31]

Ив<анов>-Раз<умник>

Элл<ин>
романт<изм>
эволюц<ионность>
норма

Скиф
реализм
революц<ионность>
иннормизм
дух<овный> максимализм

Возр<ажения> **Гидони** (эллин-марксист)
1) нет связи между 1 и 2 частью
2) скифофильство
3) *не верю* соц<иальной?> революции
4) максимализм (*духовный*)

Гизетти (эллин)
ск<ифство> = низшее начало

Райков[32] (натуралист – не социалист)

Штейнберг (фил<ософ>)
телеология
нрав<ственная> норма

Гольдановский <?>

Гурлянд<-Эльяшева>

Письмо В. Чешихина в ВФА[33]

Петроград. 20 XI 1919.
Здесь. Пр. Володарского (б. Литейный), № 21.
Правление «Вольной Философской Ассоциации»
Председателю Андрею Белому.

Имею честь предложить прочесть в Ассоциации лекцию «*Христианский социализм о соединении государства и церкви*» – повторение моей публичной лекции, прочитанной в Петрограде в 1917–18 гг. 7 раз и вызывавшей всегда живые и интересные прения. Могу представить подробную программу.

Всев. Чешихин[34].

[31] ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 15.

[32] Борис Евгеньевич Райков (1880–?) — биолог, профессор, член-соревнователь ВФА.

[33] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 133. На почтовой открытке помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 2».

Заявление[35]

О вступлении в число членов

1. Михаил
2. Михайлович
3. Зощенко
4. 24 г.
5. Студент ун<иверсите>та
6.
7. В. О. 4 лин. 3, кв. 17
8. Обще философск<ие> <так!>

23/XI 19 г. М. Зощенко.

Извещения[36]

Завтра

– В 1 ч. дня состоится третье открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочитан доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение»[37]. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

К. Эрберг

Конспект прений на III открытом заседании ВФА[38]

Докл<ад> Штейнберга

распад / разложение > = < развитие (эволюция)

революция

«распад есть истинный критерий развития»

«Коперник поглощает Птоломея, но Шекспир не уничт<ожает> Эсхила»

[34] Рядом с подписью печать: «Всеволод Евграфович Чет[illegible]кин, Петроград, Вас. Остр. 10 лин., № 29, кв. 4».

[35] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 6. Л. 12.

[36] Известия Петроградского Совета. 1919. 29 ноября № [illegible]. С. 2. См. также: Красная газета. 29 ноября. № 272. С. 2. Повестку с ук[illegible]м начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 3.

[37] Полное название доклада — «Развитие и разложен[illegible]временном искусстве».

[38] ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 15.

творч<еская> личность
Смысл истории – самоуничтожение
для чего?

Письмо В. Чешихина в ВФА[39]

Правлению Вольной Философской Ассоциации

1 дек<абря> 1919.

В ответ на письмо Ваше от 27 ноября с<его> г<ода> посылаю программу и тезисы своей лекции «Христианский социализм (о соединении государства и церкви)». Связного цельного текста у меня нет; читаю я по этой программе, в порядке которой у меня расположены цитаты (преимущественно из Влад. Соловьева).

Я согласен и на бесплатную, и платную лекции; в последнем случае прошу гонорара по соглашению: 5 бесплатных билетов 1-го ряда и 15 бесплатных печатных программ. Для небольшой бесплатной лекции, конечно, бесплатной программы не надо; достаточно у дверей аудитории <...> прило<жить?> листок (программа и тезисы). <...>

С совершеннейшим уважением В. Чешихин.

Извещения[40]

Завтра

– В 1 ч. д. состоится 4-е открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочитан доклад Б. А. Кушнера «Культура эпохи социалистической революции». Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

[39] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 136–136об.

[40] Известия Петроградского Совета. 1919. 6 декабря. № 278. С. 2. См. также: Красная газета. 6 декабря. № 280. С. 2. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 4. В отчете Иванова-Разумника об «открытых заседаниях за четверть года» (с 16–XI–1919 по 8–II–1920) рядом с темой доклада Б. А. Кушнера отмечается: «Доклад по болезни автора не состоялся. Вместо него было общее собрание членов-сорев-

Извещения[41]

Завтра

– В 1 ч. д. состоится 5-е открытое заседание вольной философской ассоциации, посвященное памяти декабристов. Речи произнесут Иванов-Разумник, П. Е. Щеголев и др. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Хроника[42]

– **Вольная философская ассоциация.** 21 дек. в 1 ч. д. состоится 6-е открытое заседание В.Ф.А. Будет прочтен доклад Андрея Белого «Кризис культуры»[43]. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Извещения[44]

Завтра

– В 2 ч. д. сост. 7 открытое заседание вольной философской ассоциации. Повестка дня: доклад Эрберга «Религия и мистика». Прения по докладу. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

нователей» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 190. Л. 22). Черновой вариант этого отчета, где также имеется упоминание о несостоявшемся докладе Кушнера, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 7.

[41] Известия Петроградского Совета. 1919. 13 декабря. № 284. С. 2. См. также: Красная газета. 13 декабря. № 286. С. 2. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня и без упоминания фамилий докладчиков см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 5.

[42] Известия Петроградского Совета. 1919. 20 декабря. № 290. С. 2. См. также: Красная газета. 20 декабря. № 292. С. 3. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 6

[43] Доклад был прочитан за отсутствовавшего Андрея Белого Ивановым-Разумником (См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 200).

[44] Известия Петроградского Совета. 1919. 27 декабря. № 296. С. 2.

Повестка[45]

В воскресенье 4-го января 1920 г. в часа дня состоится 8-ое открытое заседание В.Ф.А.

Повестка дня:

Доклад А. З. Штейнберга: «Время и пространство в философии истории».

Прения по докладу.

Вход свободный.

До открытого заседания в час дня состоится общее собрание чл<енов>-сор<евнователей> для обсуждения текущих дел.

Доводится до сведения членов-соревнователей, что на общем собрании чл<енов>-сор<евнователей>, состоявшемся в четверг 25/XII–19 г. были произведены выборы Совета чл<енов>-сор<евнователей> в составе 3-х человек: П. П. Лошкарева, Э. З. Гурлянд-Эльяшевой, А. Е. Кроль, а также одного представителя в Совет Ассоциации: – А. Е. Кроль.

Кроме еженедельных воскресных собраний в Ассоциации ведутся групповые занятия в следующие дни:

По вторникам от 4 до 6 ч.

Кружок А. З. Штейнберга: «Основные вопросы философии».

По средам от 6 до 8 ч.

Кружок Конст. Эрберга «Философия творчества».

По четвергам от 5 до 7 ч.

Кружок Иванова-Разумника «Вопросы философии культуры».

По пятницам от 5 до 7 ч.

Кружок А. А. Мейера «Философия религии».

Запись в кружки производится у секретаря (в дежурное время), а также по воскресеньям.

Пр. Володарского, 21, кв. 14.

[45] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 8.

Письмо в редакцию[46]

Товарищ редактор!

Не откажите поместить на страницах «Правды» следующее открытое письмо:

Член Совета Вольной Философской Ассоциации, состоящий одновременно и членом Совета Дома Искусств[47], сообщил, что на заседании Совета Дома Искусств 9 декабря 1919 г. один из членов, просивший, чтобы его имя не было оглашено, выступил с обвинением против лица, постоянно работающего в Вольной Философской Ассоциации, но не состоящего ее членом. Обвинение состояло в том, что лицо это явилось «в дни революции растратчиком казенных денег и дворцового имущества».

Выступить с этим заявлением открыто храбрый аноним из Совета Дома Искусств опасается потому, что обвиняемое им лицо является «коммунистом», а потому, мол, борьба с ним «опасна».

Так как единственным постоянным работником Вольной Философской Ассоциации, не состоящим при том ее членом, являюсь я — нижеподписавшийся, то в ответ на это пятнающее меня обвинение я предлагаю анониму не прятаться за спину Совета Д. И., а выступить открыто, чтобы я имел возможность привлечь его к суду за клевету.

Что касается страха перед опасностью выступления с обвинением против коммуниста, то, не говоря вообще о странности такого понимания вещей, могу успокоить его тем, что в партии коммунистов я не состоял и не состою.

В течение недельного срока со дня напечатания этого письма я буду ожидать на него ответа, оставив вместе с тем на это время мою работу в Вольной Философской Ассоциации.

Молчание трусливого анонима из Совета Д. И. будет мною сочтено за знак признания им ложности возведенного на меня тяжелого обвинения, что дает мне полное основание всем тем, для кого обвинитель анонимом не является, считать его клеветником.

Вл. Бакрылов.

[46] Петроградская правда. 1920. 10 января. № 6. С. 2.

[47] Вероятно, А. Блок, о чем свидетельствует его запись [illegible] кабря 1919 г.: «Заседание Дома искусств... <...> — Большая неприятность [illegible] Бакрылове» (*А. Блок.* Записные книжки. С. 482).

Повестка[48]

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 11-го января 1920 г. в 2 часа дня состоится 9-ое открытое заседание В.Ф.А.

Повестка дня:

1. Доклад К. С. Петрова-Водкина: «О науке видеть»[49].
2. Прения по докладу.

Вход свободный.

Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Письмо в редакцию[50]

В ответ на письмо Вл. Бакрылова, помещенное в № 6 от 10-го января сего года в газете «Правда», Совет «Дома Искусств» просит заявить, что ни на одном из заседаний Совета «Дома Искусств» никогда не упоминалось имя Вл. Бакрылова, а следовательно не могло быть выдвинуто по отношению к нему какого-либо обвинения. При обсуждении вопроса о предоставлении помещения Вольной философской ассоциации на заседании 9-го декабря были возражения, почему вопрос был снят представителем Вольной философской ассоциации, причем никто из членов Совета никаких заявлений о сокрытии своего имени при обмене мнений по данному вопросу не возбуждал.

Что же касается частных бесед членов Совета «Дома Искусств» с членом Совета Вольной философской ассоциации, сообщившего Вл. Бакрылову материалы для его письма, то эти беседы не имеют отношения к Высшему Совету «Дома Искусств» и последний за таковые не может принимать на себя какой-либо ответственности.

Совет «Дома Искусств».

[48] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 9.

[49] Конспект выступления Петрова-Водкина 11 января 1920 г., а также конспекты последующих его выступления на ту же тему см.: РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 1. № 102. Публикацию наиболее завершенных вариантов доклада и схем к нему см.: *К. С. Петров-Водкин.* Наука видеть / Публ., предисл. и комм. Р. М. Гутиной // Советское искусствознание. Вып. 27. – М., 1991. С. 449–471.

[50] Петроградская правда. 1920. 16 января. № 11. С. 4.

Протокол заседания Совета № 4 ВФА[51]

22-го января 1920 года.

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. Е. Кроль, К. Алек. Эрберг, А. З. Штейнберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы: 1) О помещении, 2) Ближайшие воскресники, 3) Члены-соревнователи и кружки, 4) Выборы действительных членов и председателя В.Ф.А., 5) Текущие дела.

Постановили:

I. Принять предложение Дома Искусств на следующих условиях: а) В.Ф.А. пользуется помещением в Д<оме> И<скусств>, не входя в него как секция; б) члены В.Ф.А. не подлежат баллотировке в члены Д<ома> И<скусств>; в) помещения, необходимые для В.Ф.А. – зал для воскресников средней величины, две комнаты для занятий кружков и право пользоваться большим залом для собраний с числом участников – 1000 человек и больше.

II. На 1-е февраля назначить доклад Иванова-Разумника: «Три искушения». На 8-е февраля – утро, посвященное памяти П. Л. Лаврова. Могут состояться доклады: Я. С. Гуревича[52], Викт. Шкловского: «Искусство и жизнь», А. Л. Волынского, Э. Л. Радлова, В. В. Гиппиуса: «О Достоевском», Ф. К. Сологуба, А. Лурье, Б. А. Кушнера, А. А. Мейера, А. Н. Римского-Корсакова, Б. М. Эйхенбаума. Одно из воскресений посвятить памяти Л. Андреева[53]. Предлагают прочесть доклады Браудо[54] и Каган[55].

III. Сообщить членам-соревнователям, интересующимся вопросами философии религии о 1 заседании кружка А. А. Мейера, которое состоится 30/I в пятницу; настоятельно просить Совет членов-соревнователей обсудить вопросы самоорганизации членов-соревнователей и как наладить работу намеченных кружков.

IV. Вопрос может быть разрешен, когда выяснится – приедет ли в Петербург Андрей Белый или нет. В случае отъезда Андрея Белого заграницу[56] – председателем В.Ф.А. намечается Александр Блок.

[51] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 4–4об.

[52] Яков Самуилович Гуревич. См. его «Проект положения об Институте живого слова»: ИРЛИ. Ф. 474. № 463.

[53] Леонид Николаевич Андреев (1871–1919) – прозаик, драматург, публицист; скончался в Финляндии 12 сентября.

[54] Евгений Максимович (Моисеевич) Браудо (1882–) – музыковед.

[55] Матвей Исаевич Каган (1889–1937) – философ.

[56] В начале января 1920 г. Андрей Белый предпринимал отчаянные усилия к отъезду в Швейцарию к жене. См., в частности, его письмо к М. Горь-

V. Вступить с товарищем Книжником[57] в переговоры об устроистве в Петербургском районе вечера, посвященного памяти А. И. Герцена, о его участии в работе В.Ф.А. Принять предложение Викт. Шкловского – вести занятия с членами организуемого им клуба.

Члены. А. З. Штейнберг; А. Кроль.

Секретарь. Вл. Бакрылов.

Петербург 22/I – 20 года.

Извещения[58]

Разные

– 25 янв. в 2 ч. д. состоится XI открытое заседание вольной философской ассоциации. Порядок дня: 1) Доклад Андрея Белого. 2) Прения по докладу. Вход свободный. В случае неприезда Андрея Белого из Москвы[59] вместо открытого заседания состоится *общее собрание членов-соревнователей В.Ф.А.* по организационным вопросам, пр. Володарского, 21, кв. 14.

Извещения[60]

Завтра

– В 2 ч. д. состоится XII открытое заседание вольной философской ассоциации. Порядок дня: 1) Доклад Иванова-Разумника «Три искушения» (Христианство и социализм). 2) Прения по докладу. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14. Тел. 83–82.

кому от 4 января и ответное письмо Горького от 5 января с дополнительной запиской: «Свидетельствую, что известнейший литератор русский Андрей Белый к политике никакого отношения не имеет и членом какой-либо политической партии не состоит. Верю, что Финляндское правительство не воспрепятствует проезду Андрея Белого через Финляндию в Швейцарию. М. Горький. Петроград. 13. I. 1920» (Цит. по изд.: *А. Крюкова.* М. Горький и Андрей Белый. С. 296). Отъезд за рубеж не состоялся.

[57] Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст имя и фам. Израиль Соломонович Бланк; 1878–1965) — историк, библиограф, книговед.

[58] Известия Петроградского Совета. 1920. 24 января. № 16. С. 2.

[59] К указанному дню Андрей Белый в Петроград не приехал.

[60] Известия Петроградского Совета. 1920. 31 января. № 22. С. 2. Объявление о докладе рукой Иванова-Разумника с указанием адреса Дома Искусств

Гонорарная ведомость[61]

Копия

Вольная Философская Ассоциация

Ведомость на уплату гонорара за доклады
о А. И. Герцене и П. Л. Лаврове
В январе и феврале 1920 г.

Председатель *Борис Бугаев*
Секретарь *Вл. Бакрылов*

№	Фамилия. Имя и отчество	Число докладов	Плата за доклад	Причитается к выдаче	Расписка
1.	Васильев Александр Васильевич	1	500	500.–	
2.	Венгеров Семен Афанасьевич	2	500	1000.–	
3.	Витязев Петр	1	500	500.–	
4.	Гизетти Александр Алексеевич	2	500	1000.–	
5.	Сорокин Питирим Александрович	1	500	500.–	
			Итого Р<у>бл<ей>	3.500.–	

Итого к выдаче три тысячи пятьсот рублей
Председатель
Секретарь

как места проведения заседания: «Мойка, д. 59 (угол [illegible] кого пр.)» см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 10.

[61] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 16. Л. 12–13.

Извещения[62]

Завтра

– XIV открытое заседание вольной философской ассоциации. Повестка дня: 1. Доклад Б. Е. Райкова «Русские эволюционисты до Дарвина». 2. Прения по докладу. Начало в 2 ч. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14. Тел. 83–82.

Письмо В. Чешихина в ВФА[63]

18 фев<раля> 1920.

Мног<оуважаемый> А<арон> З<ахарович>! – В письме от 12 декабря 1919 г. Вы сообщили, что В.Ф.А. принимает мое предложение прочитать лекцию «Христианский социализм и *теократия* (о соединении государства и церкви)», – дополняю заголовок подчеркнутым словом, – и что В.Ф.А. сговорится со мною о дне и условиях, когда больше сорганизуется. Ну что, теперь В.Ф.А. сорганизовалась? С почтением, В. Чешихин.

Извещения[64]

Разные

В воскресенье, 22 февраля, в 2 ч. дня состоится XV открытое заседание Вольной философской ассоциации (Дом Искусств, Мойка, 59). Порядок дня: 1) Доклад А. А. Мейера «Гуманизм или христианство». 2) Прения по докладу. Вход свободный.

[62] Известия Петроградского Совета. 1920. 14 февраля. № 34. С. 2. Аналогичное сообщение в рубрике «Извещения. Разные» опубликовала «Петроградская правда» (1920. 15 февраля. № 35. С. 4). Повестку заседания см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 24.

[63] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 139.

[64] Петроградская правда. 1920. 21 февраля. № 40. С. 2. Афишу заседания «Гуманизм или христианство?» см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 4.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[65]

22/II <1920[66]>

У нас нет ничего на следующее Воскресенье. Не устроить ли чтение социально-философской комедии Аристофана «Богатство»? Я как раз поставил последнюю точку на своем переводе «размером подлинника»[67]. Обмен мнений мог бы быть интересным.

А если не это, то тогда – проф. Васильев о Демокрите?[68]

Самое бы лучшее – Эрберг «Искусство – бунт»[69].

[65] ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 32–32об.

[66] Год написания записки (позднее ошибочно атрибутированный Эрбергом как 1922-ой) устанавливается по ее содержанию.

[67] Отдельной книгой комедия была опубликована в издательстве «Колос» (Л., 1924) с указанием: «Перев. размером подлинника Вл. Холмского». Псевдонимом Вл. Холмский Иванов-Разумник впервые воспользовался в 1916–1917 гг., подписывая им свои очерки в «Русских Ведомостях». Ср. также с заметкой «„Богатство" Аристофана»: «Р. В. Иванов-Разумник ознакомил сотрудников Гос. Передвижного Театра с комедией Аристофана „Богатство". Пьеса переведена В. В. Холмским с наивозможным приближением к греческому оригиналу, что в своей чрезмерной точности, по мнению проф. Ф. Ф. Зелинского, составляет единственный недостаток перевода; сделан он в ямбах (с вплетающимся анапестом). Пьеса представляет большой литературный интерес; в отношении же сценического ее воспроизведения возникают значительные трудности в связи с необходимостью оправдать не комические положения (каковых в пьесе нет), а лишь юмор, заложенный в словесном диалоге (а не в действии)» (Записки Передвижного Театра. 1923. 20 ноября. № 65. С. 8).

[68] Доклад не состоялся. Атомизму Демокрита посвящен один из разделов книги А. В. Васильева «Пространство, время, движение. Историческое введение в общую теорию относительности» (Берлин, 1922). Ср. [illegible] атомы Демокрита являются <...> «материализацией» чисел. <...> Демокрит, как это видно из недавно открытого в Константинополе сочинения Архимеда «Эфодикон», первый открыл теоремы, относящиеся к объему конуса и пирамиды, и если мы сопоставим это известие с единственною дошедшею до нас [illegible] математических сочинений Демокрита фразою, то несомненно должны прийти к заключению, что именно Демокрит должен считаться изобретателем [illegible] неделимых, которым после него пользовался Евдокс Книдский и Архимед, который снова был открыт уже только в XVII веке итальянскими геометрами <...>, т. е. почти через двадцать одно столетие после Демокрита» (С. [illegible] для выдающегося математика Демокрита атомы были несомненно [illegible] на те вопросы о делимости и неделимости, прерывности и непрерывности, которые были подняты в Пифагорейской школе открытием иррационального числа» (С. 131).

[69] Доклад был прочитан 6 июня 1920 г. на XXIX откр[illegible] [illegible]ании ВФА.

Хорошо бы сегодня это решить и объявить в конце заседания — о заседании ближайшем.

Повестка[70]

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 29-го февраля 1920 г. состоится XVI-е открытое заседание.

Порядок дня:

1. Доклад Иванова-Разумника: «Скиф в Европе»[71].
2. Прения по докладу.

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

«Дом искусств», Мойка, 59 (Угол б. Невского).

Производится запись на два курса Андрея Белого:

1. Философия духовной культуры.
2. Культура духа.

Запись производится у секретаря: по вторникам и субботам от 12 до 3 и по четвергам от 3 до 6.

[70] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 1. Извещение о заседании было опубликовано «Петроградской правдой (1920. 29 февраля. № 47. С. 4); накануне «Известия Петроградского Совета» (1920. 28 февраля. № 46. С. 2) в рубрике «Извещения. Культурно-просветительные» дали более общую информацию: «29 февр. в 2 ч. д. состоится XVI открытое заседание вольной философской ассоциации. Вход свободный».

[71] Очевидно, Иванов-Разумник выступил с изложением своей статьи «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованной в «Заветах» (1912. № 6. Отд. II. С. 46–68) под псевдонимом «Скиф». Ее текст, написанный в Берлине в июне 1912 г. и озаглавленный «Скиф в Европе», сохранился в архиве Иванова-Разумника в виде наборной машинописи с незначительной авторской правкой (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 123). Основной пафос выступления Иванова-Разумника заключался в отрицании продуктов европейской цивилизации: «...*когда-нибудь в веке пятидесятом, наши далекие* потомки, которые произведут раскопки в развалинах Берлина или любого такого же города и восстановят историю нашей современной культуры, когда-нибудь они с сожалением будут говорить о глубокой ненормальности такой городской жизни двадцатого века... <...> И я не знаю лучшего способа вновь и вновь убедиться в том, что строй подобной жизни неизбежно будет разрушен, как такое знакомство, хотя бы налету, с жизнью большого промышленного и «культурного» города. Будет разрушен – *стало быть*, есть к чему стре-

Протокол № 5 соединенного заседания Совета ВФА и Совета членов-соревнователей[72]

7 марта 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иванов-Разумник, А. Е. Кроль, П. П. Лошкарев, К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы:	Постановления:
1. Выбор действительных членов.	<1.> В число действительных членов избираются: 1. Васильев А. В. – Петроград<ский> ун<иверситет>. Химический институт. 2. А. Л. Волынский – Мойка, 59, «Дом Искусств». 3. П. П. Гайдебуров – Бассейная, 11. 4. В. В. Гиппиус – Моховая, 33, Тенишевское учил<ище>. <5. Н. О. Лосский – Кабинетская, 20 – зчркн.> 6. А. С. Лурье – Фонтанка, 18. 7. М. В. Матюшин[73] – Песочная, 10, кв. 2. 8. А. А. Мейер – Публичная библиот<ека>. <9. Павлов[74] – зчркн.> 10. Н. Н. Пунин – пл. Лассаля, Рус<ский> м<узей>. 11. Э. Л. Радлов – Публичная библиот<ека>.
2. Отчет о деятельности Ассоциации.	2. Проект отчета, прочитанного А. З. Штейнбергом, утверждается. Отчет поместить в органах печати: «Наука и ее работники».

миться, за что бороться, радоваться и страдать, ибо delenda est Carthago, ибо, разрушая его, мы одновременно строим лучшее будущее для наших правнуков пятидесятого века» (Л. 21). ...delenda est Carthago – Карфаген надо разрушить (*лат.*).

[72] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 6–6об.

[73] Михаил Васильевич Матюшин (1861–1934) – художник.

[74] О намерении руководства Вольфилы вовлечь в ее [illegible] академика, физиолога Ивана Петровича Павлова (1849–1936) см.: *А. [illegible]инберг.* Друзья моих ранних лет. С. 92–93.

	«Вестник литературы». «Труды и дни». «Жизнь искусства».
3. План дальнейших работ Ассоциации.	3. На ближайшие 2 недели утверждается: Курс лекций Андрея Белого: «Культура мысли». На воскресенье 14-го марта 1920 г. доклад Андрея Белого «Лев Толстой и культура». На воскресенье 21-го марта 19 открытое заседание, посвященное о пролетарской культуре. К участию в беседе привлечь: Андрея Белого, Александра Блока, П. П. Гайдебурова, Максима Горького, Иванова-Разумника, Артура Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга и всех желающих.
4. Доклады С. С. Гарта[75] и Ф. Парчевского.	4. Предоставленные С. С. Гартом и Ф. Парчевским тезисы, передать на рассмотрение ученому секретарю.

Председатель.
Члены
Секретарь — Вл. Бакрылов.

Афиша[76]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 14 Марта 1920 года
Состоится XVIII открытое заседание:
Андрей Белый. Лев Толстой и культура.
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
«Дом Искусств», Мойка, 59, уг. б. Невского.

[75] Самуил Соломонович Гарт (наст. фам. Зуеман; 1880 – не ранее 1937) – публицист, издатель, сотрудник Публичной библиотеки.
[76] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Продолжается запись на курс лекций Андрея Белого Культура мысли.
Лекции по Вторникам, Четвергам и Субботам от 5 до 7 часов вечера
в помещении Вольной Философской Ассоциации
пр. Володарского д. 21, кв. 14.
Прием у Секретаря по Вторникам и Субботам, от 12 до 3
и по Четвергам от 3 до 6 ч.

Список действительных членов ВФА[77]

№№ по пор.	Фамилия, имя, отчество.	Адрес.
учр. 1.	АВРААМОВ.	
учр. 2.	БУГАЕВ (Андрей Белый) Борис Николаевич.	Пл. Урицкого, 6.
учр. 2.	БЛОК Александр Александрович.	Офицерская, 57, кв. 21.
3.	ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич.	Петр<оградский> Унив<ерситет>, Химический Инст<итут>.
4.	ВОЛЫНСКИЙ А. Л.	Мойки, 59, Дом Искусств.
5.	ГАЙДЕБУРОВ П. П.	Бассейная, 11.
6.	ГИППИУС Владимир Васильевич.	Моховая, 33. Тениш<евское> учил<ище>.
учр. 7.	КУШНЕР Борис Анисимович.	Чернышев пр., 12, кв. 31.
учр. 8.	ИВАНОВ Разумник Васильевич.	Чернышев пр., 20, кв. 50.
9.	ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич.	Кабинетская, 30

[77] ИРЛИ. Ф. 474. № 567. Л. 1. Машинописный список с правкой рукой Конст. Эрберга был составлен в начале марта, а затем, в конце марта – начале апреля 1920 г., завизирован председателем Вольфилы. К концу марта Андрей Белый проживал в Петрограде по адресу, отмеченному в списке). Фамилии Авраамова и Шестова вписаны позже, как и по[след]ующие «учр<едитель>», а фамилии Блока и Лосского зачеркнуты, также, вероятно, позднее; соответственно этим исправлениям была изменена и первоначальная нумерация. Кроме того, фамилия Радлова, допечатанная на той же странице, что и фамилия Петрова-Водкина, фигурирует как в списке действительных членов, так и в списке членов-соревнователей.

учр. 9.	ЛУНДБЕРГ Евгений Германович.	
10.	ЛУРЬЕ Артур Сергеевич.	Фонтанка, 13.
11.	МАТЮШИН Михаил Васильевич.	Песочная, 10, кв. 12.
12.	МЕЙЕР Александр Александрович.	Публичная библиотека.
учр. 13.	МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич.	6 рота, 3, кв. 5.
учр. 14.	ПУНИН Николай Николаевич.	
учр. 15.	ПЕТРОВ-ВОДКИН Козьма Сергеевич[78].	Пл. Лассаля, Русский музей.
16.	РАДЛОВ Эрнест Львович.	В. О., 18-я линия, 9, кв. 22.
учр. 17.	СЮННЕРБЕРГ (ЭРБЕРГ) Константин Александрович.	Забайкальский, 40, кв. 26.
учр. 18.	ШТЕЙНБЕРГ Аарон Захарович.	В. О., 8-я линия, 41, кв. 44.
учр. 19.	ШЕСТОВ	

12[79]

Председатель Борис Бугаев
Секретарь Вл. Бакрылов

[78] Удостоверение, выданное К. С. Петрову-Водкину за подписью председателя ВФА Андрея Белого и секретаря Вл. Бакрылова, «о том, что он состоит членом Совета Вольной Философской Ассоциации», см.: РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 1. № 8. Л. 7.

[79] Приписанное позже суммарное число учредителей намеренно отражает желание руководителей Вольфилы соответствовать блоковским «Двенадцати».

Список членов-соревнователей ВФА[80]

№№ по пор.	Фамилия, имя, отчество.	Адрес.	Род занятий
1.	БЕНДЕРСКИЙ Григорий Александрович.	Литейный, 57, кв. 16.	Кооператор.
2.	ЦВИЛИН Яков Борисович.	Фонтанка, 54, кв. 164.	
3.	ГАЦКЕВИЧ Зоя Александровна.	Захарьевская, 9, кв. 9.	Студент I Петр<о-градского> Ун<иверситета>.
4.	МУДРОЛЮБОВ Петр Васильевич.	Офицерская, 5, кв. 25.	Служащий Железкома Сев.-Зап. ж. д.
5.	РАЙКОВ Борис Евгеньевич.	Коломенская, 13.	Профессор 3-го Ун<иверситета>.
6.	РОТТЕР Сергей Федорович.	Фурштадская, 1.	Служащий в земельн<ом> отделе.
7.	СЛОВАК Эсфирь Давидовна.	Бронницкая, 7, кв. 7.	Инструктор Дошк<ольного> Восп<итания>
8.	ПОТУЛОВ Василий Николаевич	Шпалерная, 24, кв. 1.	Учащийся.

[80] ИРЛИ. Ф. 474. № 567. Л. 2–3. Сохранился еще один список членов-соревнователей ВФА из 134 человек, без указания их профессий и адресов, предположительно относящийся ко второй половине 1920 г. и подписанный за председателя ВФА – К. Эрбергом и секретарем Вл. Бакрыловым (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 15. Л. 3–4). Первоначально он повторяет более ранний список (за исключением фамилий Гизетти, Гурлянд-Эльяшевой, Радлова, Попова, Векслер, Цинберг и Цейтлин); кроме того, здесь названы следующие лица: Сквозников Семен Григорьевич, Оттенс Вера Артуровна, Гаврилов Александр Ефимович, Смирнова Ольга Евгеньевна, Кууль София Михайловна, Ярошевский Борис Григорьевич, Васильев Николай Георгиевич, Маевская Эльза Борисовна, Ярышна Александра Николаевна, Чернявский Владимир Степанович, Гребнев Владимир Владимирович, Тимонов Георгий Николаевич, Сеславинская <так!>, Иванова Татьяна Александровна, Курдиновский Борис Евгеньевич, Иванов Георгий Михайлович, Головина Мария Евгеньевна, Знаменский Александр Павлович, Макарчук Иван Павлович, Змеев Георгий Яковлевич, Книпович Евгения Федоровна, Мейснер Борис

9.	ГИЗЕТТИ Александр Алексеевич	Английский просп., 31, кв. 19.	Литератор.
10.	ТИМОФЕЕВСКИЙ Тимофей Павлович	Советский просп., 63, кв. 2.	Учащийся.
11.	АНДЕРСОН Евгений Николаевич	Екатерининская ул., 3, кв. 46.	Врач.
12.	СОРОКИН Григорий Эммануилович[81]	Каменноостровский, 66.	Студент гуман<итарного> факул<ьтета>.
13.	ЛУПУЛ Павел Николаевич	Конная, 19, кв. 8.	Железнодорожник.
14.	МЕДЕННИКОВ Дмитрий Матвеевич	Литейный, 31, кв. 55.	Служитель Артил<лерийской> Акад<емии>.
15.	КАРАНДАШОВ Петр Викторович	Пушкинская, 10, кв. 35.	Бухгалтер.
16.	ПОРОШИН Зотек Афанасьевич	Литейный, 31, кв. 55.	Служитель Артил<лерийской> Акад<емии>.

Александрович, Арайс Мильда Мартыновна, Мухин Алексей Николаевич, Янковская Надежда Платоновна, Бенедиктова Александра Геннадиевна, Герарди Нина Иосифовна, Герарди Ирина Борисовна, Виссель Екатерина Юстусовна, Назаров Павел Васильевич, Бенедиктова Екатерина Геннадиевна, Арбенина Ольга Николаевна, Сумбулов Сергей Михайлович, Новотенова Екатерина Родионовна, Янковская Варвара Платоновна, Хординайнен Александр Матвеевич, Каплун Софья Гитмановна, Мейер Лидия Александровна, Гизе Эрнест Августович, Фрог Елизавета Михайловна, Абш Юлиана Петровна. Горлов Василий Евдокимович, Штолль Евгений Юльевич, Коялович Николай Михайлович, Финкельштейн Александр Николаевич, Штигельглаз Александр Наумович, Чеснокова Анна Тимофеевна, Шубина Вера Алексеевна, Фрейгина Надежда Давыдовна, Егорова Наталья Федоровна, Андреева Глафира Андреевна, Тихонова Анастасия Павловна, Гурвич Исаак Михайлович, Лурье София Абрамовна, Гиринский Леонид Иванович, Рогаль Анастасия Николаевна, Росс Кари Юрьевич, Рапопорт Максия Юльевич, Йогансон Эдуард Петрович, Пушкина Мария Дмитриевна, Иванов Лев Разумникович.

[81] Член-соревнователь ВФА Григорий Эммануилович Сорокин (1898–1953), впоследствии прозаик.

17.	СЛИОЗБЕРГ Сарра Генриховна		
18.	СМОРОДИН Александр Антонович		
19.	БОБРИК Александр Александрович	Литейный, 19, кв. 13.	Преподаватель.
20.	ЖЕРЕБЦОВ Александр Аполлонович	М.-Московская, 2, кв. 18.	Служитель Арт<илл-ерийской> Акад<емии>.
21.	ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович	В. О., 4-я линия, 3, кв. 17.	Студент Ун<иверсите>та.
22.	ГРУЗДЕВ Илья Александрович	Невский, 69, кв. 6.	
23.	ШАРИКОВ Иван Киприанович	22 рота, д. 6, кв. 8.	Техник-строитель.
24.	ЦВЕТКОВ Иван Львович	Университетская наб., 11, комн. 17.	Педагог.
25.	РУСИН Петр Иванович	Гагаринская, 26, кв. 20.	Красноармеец.
26.	ГУРЛЯНД-ЭЛЬЯШЕВА Эсфирь Захаровна	В. О., 8 линия, 48, кв. 44.	Преподаватель В.У.З.
27.	ФЛЕККЕЛЬ-ГИЗЕТТИ Елена Осиповна	Английский пр., 31, кв. 19.	Лектор и библио-граф.
28.	ПАВИЛЬ Онисим Семенович	Николаевская, 30, кв. 10.	Мобилизован.
29.	ФЛОРОВСКИЙ Михаил Николаевич	Лиговка, 21-а, кв. 7.	
30.	ЧУДНОВСКАЯ Фанни Яковлевна	Суворовский, 40-б, кв. 7.	Статистик.
31.	ХАРМАЯ Анна Борисовна	Преображенская, 32, кв. 7.	Государственная служба.
32.	КРОЛЬ Александра Ефимовна	Б.-Охтинский пр., 53, кв. 8.	Студент.

33.	ШКЛОВСКАЯ Наталья Александровна	Бассейная, 60, кв. 15.	
34.	ЛАРОШ Анастасия Германовна	Лиговка, 9, кв. 13	Работник Тео.
35.	ЭЙЧЕР Юлия Яковлевна	Пантелеймонов-<ская>, 7, кв. 19.	Лектор и библиограф.
36.	ВАЛЬКОВ Александр Васильевич	2-я Рождественская, 27, кв. 11.	Врач-психиатр.
37.	ЛОШКАРЕВ Петр Петрович	В. О., Кадетская лин<ия>, 3, кв. 25.	Научн<ый> сотрудник.
38.	ЕРОФЕЕВ Владимир Владимирович	Литейный, 24, кв. 21.	Литератор.
39.	ГРИНБЕРГ Моисей Григорьевич	Пушкинская, 11, кв. 44.	Зубной врач.
40.	КОРД Александр Каспарович	Фурштадская, 64, кв. 10.	Инвалид.
41.	РАДЛОВ Эрнест Львович	В. О., 1-я линия, 40, кв. 4.	Профессор.
42.	ЛАРИОНОВ Федосий Тимофеевич	Фонтанка, 36.	
43.	АЛАПИН Евгений Яковлевич	Басков пер, 19, кв. 6.	Студент.
44.	ВЕРДИ Лев Георгиевич	Ст.-Парголовский, 53б.	Учитель.
45.	ОРЛОВ Виктор Алексеевич	Каменноостровский, 20, кв. 7.	Студент.
46.	БОСАЦКИЙ Алексей Никитич	Садовая, 26.	Курсант.
47.	ПОЛОНСКАЯ Елизавета Григорьевна	Загородный, 12, кв. 6.	Врач.
48.	ХАБУКОВ Николай Алексеевич	П. С., М.-Разночинная, д. 1-34, кв. 14.	Учитель.

49.	МОВШЕНСОН Александр Григорьевич	Загородный, 12, кв. 6.	Библ<иотекарь> отд<ела> Компроса.
50.	ПОПОВ		
51.	ВЕКСЛЕР Александра Лазаревна	Загородный, 30, кв. 11.	Инструктор Н. У.
52.	БИРКИНА Наталья Львовна	Кирочная, 32, кв. 13.	Преподавательница.
53.	ЛИСЕНКО Евгений Григорьевич	Английский пр., 29, кв. 9.	Ассистент Эрмит<ажа>.
54.	ЛЮБЛИНСКИЙ Борис Ионович	Стремянная, 3, кв. 5.	Служит.
55.	УХАНОВА Анна Васильевна	Суворовский, 23, кв. 4.	Художница.
56.	ВТОРОВ Сергей Иванович	Преображенская, 42/26, кв. 60.	Счетовод.
57.	МОТРЕНИНСКАЯ Вера Михайловна	Фурштадская, 12/4, кв. 20.	Руководитель д<етского> с<ада>.
58.	МОТРЕНИНСКАЯ Серафима Дементьевна		
59.	НОВИКОВА Берта Владимировна	Шпалерная, 50, кв. 9.	Педагог.
60.	КИПИАНИ Гѣоргий Николаевич	Невский, 35/12, кв. 22.	Студент.
61.	ЕРМАКОВ Клесиофий Ефремович	В. О., 27 линия, 10а, кв. 10.	Слесарь.
62.	МАВШИН Дмитрий Игнатьевич	В. О., Большой пр., 56, кв. 46.	Счетовод.
63.	СЫЩИКОВ Сергей Васильевич	Дмитров, 7, кв. 19.	Чл<ен> Вегетар<ианского> О<бщест>ва.
64.	КОРСАКОВ Михаил Михайлович	Саперный, 16, кв. 1.	Студент.
65.	РЕХОВСКИЙ Анатолий Михайлович	Спасская, 20, кв. 17.	Артист Б. О. Т.

66.	ЗНАМЕНСКИЙ Александр Павлович	Бассейная, 40, кв. 2.	Студент.
67.	ЦИНБЕРГ С<емен> Л<азаревич>	Усачев пр., 6, кв. 6.	
68.	ЦЕЙТЛИН Надежда Львовна	Усачев пр., 6, кв. 9.	
69.	МОСЯГИН Сергей Павлович	Екатерининский канал, 65, кв. 2	Статистик.
70.	КОВАЛЕВСКАЯ Екатерина Владиславовна	Кирочная, 30, кв. 17.	Которщица.
71.	ПУАЧНИКОВ Дмитрий Петрович	Ул. Марата, 28, кв. 6.	На военной службе.
72.	ГУЛЛИВЕР Варвара Михайловна		Студент.
73.	ВЕТРОВА-КНИЖНИК Вера Исаевна		Врач.
74.	ЛЕЙКИНА Вера Романовна	Лесной пр., 5/6, кв. 29.	Сотрудник Музея Революции.
75.	ГАВРИЛИ Георгий Антонович	Кирочная, 48, кв. 13.	Студент.
76.	ОСИПОВ Дмитрий Лаврентьевич		
77.	УСПЕНСКИЙ Алексей Александрович	Коломенская, 30, кв. 6.	Художник.
78.	ДМИТРЕНКО Нина Викторовна	М. Посадская, 10, кв. 4.	Учащаяся.
79.	ГОЛЕТЕТСКАЯ Юдифь Григорьевна	Невский, 34, кв. 3.	

Председатель Борис Бугаев
Секретарь Вл. Бакрылов

<А. З. Штейнберг>

Вольная Философская Ассоциация[82]

Возникшее в Петербурге, в начале прошлого года, новое философское общество отличается от обычного типа философских обществ, прежде всего, тем, что философию оно не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общественности, и общественность эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной вольности. В этом, именно, смысле устав Ассоциации говорит об осуществлении ее задач в духе философии и социализма, которые понимаются во всем многообразии их возможных углублений, так в самом ее названии неразрывно соединены начала свободного и соборного стремлений к истинности.

Философия не есть специальная наука, одна из многих, хотя бы и первая среди равных — такова отрицательная сторона положительных определений Вольной Философской Ассоциации.

Новая Ассоциация ставит себе задачи неизмеримой важности и столь же неизмеримой широты: реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действенна.

Отсюда стремление Вольной Философской Ассоциации объединить не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквенности, сколько людей живых и глубоких интересов, все равно, теоретики ли они, или практики, ученые или художники, ученики или учителя. Отсюда же стремление Ассоциации к наибольшей свободе от всяких обычных и внешних форм проявления корпоративного уклада: Философская Ассоциация не была бы Вольной, если бы не смотрела на все внешние организационные формы, как на неизбежное зло.

Основной темой большинства открытых заседаний, соответственно общему духу Ассоциации, является проблема переживаемого кризиса культуры. Этой именно теме были посвящены доклады Александра Блока, Р. В. Иванова-Разумника, А. А. Мейера, Андрея Белого и др.

Вместе с тем Ассоциация пользовалась юбилейными днями и памятными годовщинами, чтобы связать свою работу, сохранившим свою ценность наследием былого. Таково собра[illegible]-го декабря,

[82] Отчет печатается по изд.: Наука и ее работники. [illegible] С. 26–27.

посвященное памяти декабристов, основной темой которого являлась проблема «ненужного подвига», и два больших собрания памяти Герцена и Лаврова.

Наряду с этим были заслушаны более специальные доклады, как, например, доклад Б. Е. Райкова: «Русские эволюционисты до Дарвина» и доклад К. А. Эрберга: «Религия и мистика».

Афиша[83]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 28 Марта 1920 г.,
Состоится XX открытое заседание:
Н. О. Лосский. Бог в системе органического миропонимания.
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
«Дом Искусств», Мойка, 59, уг. б. Невского.

Н. О. Лосский

Из книги «Воспоминания. Жизнь и философский путь»[84]

Приблизительно в 1919 г. Андрей Белый позвонил мне по телефону[85] и предложил прочитать публичную лекцию в основанной им Вольной Философской Академии, которая сокращенно называлась Вольфила. Условлено было, что я прочитаю лекцию на тему «Бог в системе органического миропонимания»[86]. По всему Петербургу были расклеены объявления о ней. Она состоялась у «обдисков»; так назывались «обитатели дома искусства». Это был громадный дом, отнятый, кажется, у Елисеева и предоставленный деятелям искусства. Большой зал был полон народа. В первых рядах сидели интеллигенты, жаждавшие услы-

[83] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 6.

[84] *Н. О. Лосский.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. – München, 1968. С. 216–217.

[85] Обращение Андрея Белого к Н. О. Лосскому могло состояться не ранее середины марта 1920 г.

[86] Основные принципы «органического миропонимания» подробно изложены Лосским в работе «Мир как органическое целое» (1915), в пятой главе которой содержатся рассуждения о природе Абсолютного. См.: *Н. О. Лосский.* Избранное. – М., 1991. С. 382–397.

шать лекцию против атеизма; у выхода из зала стояли матросы и красноармейцы, пришедшие поздно и не нашедшие уже свободных стульев. После лекции состоялись прения. Андрей Белый расхвалил мою лекцию, сказав, что он со мною вполне согласен и начал излагать, в чем состоит это согласие. Он преподнес свое понимание Бога, конечно, в духе пантеизма, следовательно, глубоко искажая смысл моей лекции. После него говорил доктор медицины Шапиро. «Профессор Лосский», сказал он, «излагал туманные мистические учения о Боге. К чему все это? Вопрос решается очень просто: материя есть Бог. В самом деле, подумайте только, какими удивительными свойствами она обладает. Ласточка, например, вьет свое гнездо инстинктивно, не обучаясь этому искусству; своих птенцов она вместе с самцом кормит, не жалея своих сил». Слушая это упрощенное решение вопроса о Боге, интеллигенты, сидевшие в первых рядах, не могли удержаться от смеха. Доктор Шапиро обиделся и сказал: «Я много читал лекций в народных университетах, и никто не встречал их смехом».

В заключение попросил слова матрос, один из тех, кого Троцкий называл «краса и гордость революции». Это был мужчина высокого роста и могучего сложения. Он стоял в группе таких же, как он, молодцов матросов. «Профессор Лосский говорит о Боге что-то непонятное и ненужное. Где Бог? — Бог — это я», провозгласил он, тыкая себя рукою в грудь. «Боги — это они», указал он на своих товарищей. <...>

Через несколько дней после моей лекции ко мне позвонили из правления Вольфилы и предложили стать членом этого общества. Я спросил о цели Вольфилы. Мне ответили, что задача Вольфилы — разрабатывать идеи социализма и содействовать распространению их. Я сказал, что я не социалист и поэтому не могу быть членом Вольфилы. Меня попросили придти в правление, чтобы обстоятельно обсудить вопрос. В правлении меня встретила моя бывшая слушательница Эсфирь Захарьевна Гурлянд и выразила удивление, как можно найти какие-либо возражения против социализма. «К тому же», сказала она, «вы сами писали в Вестнике партии народной свободы, что сочувствуете фабианскому социализму». — «Да», ответил я, «но в своей статье я пояснил, что сочувствую эволюционному фабианскому социализму потому, что по пути эволюции он приведет нас к социализму, а к более сложному экономическому строю, сочетающему ценные стороны индивидуалистического и социалистического хозяйства»[87]. Таким образом мне удалось избежать включения в Вольфилу.

[87] Ср.: «Поскольку социализм одушевлен желанием [illegible] вечеству эти блага <речь в первую очередь шла об «устранении несправ[illegible]стей капита-

Ю. Тынянов

Бог как органическое целое[88]

В Доме искусств профессор Н. О. Лосский, положив на стол часы, беспредметно улыбнулся и прочел лекцию о боге как системе органического целого.

Встал человек в поддевке, толстый и белый, и признался, что бог для него любовь. Это был толстовец. Бог улыбался небольшими простыми глазами цвета морской воды и осторожно отпил из стакана. Его безволосое мягкое темя мелко вспотело, и он со счастливой улыбкой утирал его. Бог детской и морских побережий не смотрел на другого. Другой, в поддевке, из закута, нагрешил за день и теплым кухонным голосом говорил теперь о любви. Встал маленький старик, покрытый, как власяницей, огромным башлыком. Он был в форме военного врача и дрожал как ребенок. Он крикнул, повернувшись к залу:

— Товарищи!

Дряхлым деревянным голосом семидесятых годов старик закричал о Бюхнере. Тотчас начался скандал. Осыпаемый свистом и хлопками как листьями, квадратный как идол, старик моргал плотными веками и с мужеством, все реже и реже, кричал. Его детский башлык был обшит позументом. Тогда-то и послышался крик, тонкий и женственный. Повиснув на шпингалете, плавая одною рукою по воздуху, человек просил слова, жалобно и громко.

— Фамилию!

— Пискаревский, — кричал человек.

— Как?

— Пискаревский!

Он раскачивался в воздухе над толпой, то нырял, то опять показывался.

— Товарищи, — крикнул он певуче, — я сам был социал-демократом...

листического строя». — *В. Б.*> и в самом деле явным образом подталкивает человечество в направлении к осуществлению их, нельзя не питать глубокой симпатии к нему и к его сознательным вождям. Все же однако ясно, что не социалистический хозяйственный строй создает ту среду, в которой человек будет пользоваться наибольшею возможною на земле свободою и проявлять наиболее напряженное творчество» (*Н. О. Лосский.* социализме // Вестник партии Народной Свободы. 1917. 20 июля. № 8–10. С. 4).

[88] Звезда. 1930. № 6. С. 26–28 (третий рассказ из цикла «Исторические рассказы»).

Он нырнул. Ему тихонько свистнули, и сразу многие зашумели, требуя соблюдения тишины.

Пискаревский всплыл.

— Товарищи! — протяжно и быстро прокричал он. — Когда-то я и сам был...

— Долой, — сказал кто-то нерешительно.

Ему закричали: — Безобразие!

Быстро вращаясь вокруг своей оси — шпингалета, Пискаревский колебался.

— Я тоже был социал-демократом, — прокричал он в последний раз и поник. Он нырнул и исчез навсегда. Его более не было.

Профессор Н. О. Лосский, забытый всеми, пил воду.

У колонны стоял человек, высокий, в черном пиджаке. Под черным пиджаком был у него белый свитр. Он окружал его шею как круглый флорентийский воротник XVI столетия. Опираясь ладонями о колонну, человек стоял совершенно неподвижно. Лицо его было ровно-розовое, неживое, как у актеров, кожа которых стянута от частого грима, волосы жесткие. Он был похож на портреты Лассаля. Уходя, я притронулся к колонне рукой. Она была безобразно холодна, как никогда не бывает холоден человек или зверь, или растение, или дикий шероховатый камень. Полировка спасала мрамор от разрушения и тепла. Бог полированной мебели, стряхнув посетителей, выпрямился в зале. Так я в первый раз увидел Блока.

Б. Н. Лосский

Из воспоминаний «Наша семья в пору лихолетья 1914–1922 годов»[89]

В перерыве желавшие взять слово подходили к председателю[90], заносившему их имена на список, по которому им давалось слово во второй части сеанса. Первым оппонентом выступил некий молодой, элегантно по времени выглядевший Штейн[91], и, блистая мудреными философскими терминами, пришел к заключению, что кроме недоумения у такого, как он, мыслящего человека лекция вызвать ничего

[89] Минувшее. Исторический альманах. 12. М.–СПб., [illegible] 58–60.

[90] На заседании председательствовал Андрей Белый – [illegible]ной ермолке вроде татарской тюбетейки, которому недоедание и <... [illegible]ивые личные переживания придавали аскетический вид» (Там же. С. 5[illegible]

[91] А. З. Штейнберг.

не могла. Затем выразил свое недоумение и другой слушатель, кажется, инженер: как возможно, чтобы «царь философии» опустился до обскурантизма? Потом литературовед Иванов-Разумник (с которым мы еще знакомы не были), встав на позицию не то байроновского героя, не то Ивана Карамазова, высказался в направлении не отрицания Бога, а его неприятия в случае, если бы он захотел низойти на него, не спросивши на то предварительного разрешения. Не помню позабавившего Тынянова «толстого и белого» толстовца, который «признался, что Бог для него любовь». Зато позабавил нас всех, как и его, официозный идеологический агитатор, доктор Шапиро, у которого недоумение переходило в негодование: как же, ведь он пришел слушать лекцию о Боге в системе «материалистического» миропонимания и что же услышал? Но тут же услышал от слушателей поправку: «органического», конечно, не дошедшую до его явно посредственного понимания, и пошел нести ерунду, вроде «что же до пресловутой любви к ближнему, разве вы проявите ее, смотря на волка, попавшего под поезд?» Следом за этим и подобными высказываниями по залу стали пробегать волны смеха, что привело незадачливого оратора к печальному заключительному заявлению, смысл которого был: «Товарищи, я говорил во многих собраниях и еще нигде меня не держали за дурака». Знаю, что моя формулировка его сетования грешит карикатурностью, приближаясь к духу рассказа Тынянова о том же докторе Шапиро и о сменившем его оппоненте, о котором скажу свое слово потом... <...>

Заявлю прежде всего, что до такой бурной степени возбуждения атмосфера диспута не дошла. Она, по всей видимости, была нужна Тынянову для динамики его повествования, для лучшего контраста с его заключением, как нужны композитору crescendo и diminuendo. В более конкретном порядке замечу, что общепринятая в пору творчества Тынянова форма обращения лектора или оратора к слушателями словом «товарищи» не нашла еще в те годы употребления среди интеллигентной публики. На собрании в Доме Искусств я это слово слышал только из уст комичного доктора Шапиро и никак не от сменившего его кандидата на выступление. Свою фамилию произнес не он сам, а давший ему по списку слово Андрей Белый, причем бьюсь об заклад, что она мне в память запала вернее, чем Тынянову: не Пискаревский, а Пигулевский. Тоже хорошо помню небольшую и довольно тщедушную фигурку повисшего на шпингалете симпатичного полячка. Свое обращение к собравшимся он начал, подняв согнутую в локте левую руку и собрав ее короткие пальцы наподобие чашечки тюльпана, вопросом: «Что привело вас сюда?» и повел речь, конечно, желая дать на это ответ, предваряя его заявлением, удержанным Тыняновым, что «он

тоже был социал-демократом», но возжаждал общения с ценностями высшего порядка, как наверно и все пришедшие на лекцию. Но из их рядов стали доноситься приглашенья говорить ближе к теме, к ним присоединился председатель, и одухотворенный оратор, пожав плечами, согласился замолчать. Что же до отца, то «забытым всеми» ему быть не приходилось, потому что прения продолжались. Он вспоминает сам о нескольких рослых молодцах-матросах, из которых один заявил, что Бог и боги это он и его товарищи. Может быть, кому-нибудь из них, если не из им подобных, и принадлежал появившийся вскоре на столбцах «Известий» или «Правды» глупый репортаж[92], где говорилось о публике, аплодировавшей лекции «профессора» (в кавычках) и смеявшихся над ней авторов, хорошо сознающих, что веры заслуживают только пять внешних чувств.

Говорил, конечно, и сам Андрей Белый, дополняя свои слова (пережиток антропософского периода?) какой-то необычной жестикуляцией. Так, например, глагол «писать» у него сопровождался горизонтальным движением в воздухе воображаемого пера. Из его заумных построений помню только перпендикуляр, опускаемый с вершины пятиконечной звезды на прямую, соединяющую противолежащие ей углы...

Протокол № 8 заседания Совета ВФА[93]

7-го апреля 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь Вл. Бакрылов.

Члены.

Вопросы.	Постановления.
1. Ближайшие заседания.	Назначить на 18-е апреля доклад Ф. Я. Парчевского «Мессианизм Гене-Вронского и Мицкевича» (4 рота, 14, кв. 5). В случае отказа Ф. Я. Парчевского – доклад С. А. Венгерова «Евгений Онегин – декабрист»[94].

[92] Указанные издания не опубликовали отчеты об этом заседании Вольфилы.

[93] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 8.

[94] 18 апреля был прочитан доклад С.А. Венгерова

2. Доклады.	2 мая устроить беседу «Солнечный град-интернационал». Привлечь к участию в беседе: В. Н. Фигнер[95], Г. Е. Зиновьева[96], Научное общество марксистов, Зорина.
3. Гонорары за лекции и доклады.	Выплатить Андрею Белому за курс лекций «Культура мысли» 8000 руб. (Восемь тысяч рубл.). Выплатить за доклады: С. А. Венгерову – «Евгений Онегин – декабрист»: 1500.00. Лаврову – «Философия труда в произ<водственном> процессе»: 1500.00. Н. О. Лосскому – «Бог в системе органического миропонимания»: 1500.00. А. А. Мейеру – «Гуманизм или христианство»: 1500.00

Секретарь

Афиша[97]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 25-го Апреля 1920 года,
Состоится XXIII открытое заседание

I

А. А. Мейер. Философия труда

II

Н. С. Лавров. Философия труда в производственном процессе[98]

Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
«Дом Искусств», Мойка, 59, угол бывш. Невского пр.

[95] Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – народоволка.

[96] Григорий Евсеевич Зиновьев (наст. фам. Радомысльский; 1883–1936) – председатель Петроградского Совета.

[97] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 8. Доклад А. А. Мейера не состоялся и был перенесен на 9 мая.

[98] Свои взгляды по проблемам научной организации труда и производства, изложенные с трибуны Вольфилы, проф. Н. С. Лавров позже обобщил в книге «Основы организации труда и производства» (Л., 1926).

Записка А. А. Бобрика председателю собрания[99]

<25 апреля 1920 г.[100]>

Председателю.

Вместо личного выступления прошу прочесть прилагаемое.

Бобрик.

Доклад проф. Лаврова пришелся бы весьма кстати на собрании во время «недели производства», но в стенах Вольфилы он напоминает бред спящего, не осознающего окружающей обстановки, положения во времени и т. п., потому высказывающего фразы, весьма ценные при наличие известных условий, при отсутствии же их, являющиеся по меньшей мере наивными. «Вольфила» каждый вопрос старается офилософствовать, в крайнем случае высказываемые положения всегда вытекают из определенного миросознания, что же касается проф. Лаврова — то никак не видно, чтобы его тезисы вытекали из сколько-нибудь стройного миропонимания.

Совершенно не понятно:

1) для чего человечеству нужно заботиться об интенсивности производства, не выгоднее ли ему просто оказаться от всякой машины и вести борьбу внутри себя в плоскости ограничения до minimum'а своих потребностей;

2) не является ли величайшим преступлением (хищничеством) по отношению к природе эта тракторная обработка земли?

3) имеет ли этическое право воля одного человека, играя на слабых сторонах других людей, навязывать им свои социальные взгляды, если вообще вопрос о целях и смысле жизни, о сущности самого человека и т. п. сколько-нибудь сносно не решены;

4) не думаете ли Вы, что неосторожность односторонне образованных людей, смело зовущих за собою других, приводила и приводит и может быть будет приводить к социальным катастрофам, к гибели культур, наций и т. д.

[99] ИРЛИ. Ф. 474. № 80.

[100] Датируется на основании содержания.

Письмо в Совет ВФА[101]

В Совет Вольной Философской Ассоциации
Невский, 59. Дом Искусства.
27 апреля 1920 г. № 132.

Правление Объединенного Совета Научных Учреждений и Высших Учебных Заведений, заслушав в заседании 22-го апреля 1920-го года отношение Вольной Философской Ассоциации от 8-го апреля за № 58, не нашло возможным признать Ассоциацию Научным учреждением, ибо представленные материалы не дают понятия о ее научно-теоретической деятельности, а характеризуют лишь деятельность просветительную.

Член правления <Подпись>.

Заведующая канцелярией <Подпись>.

С подлинным верно <Подпись>.

Афиша[102]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 2 Мая 1920 г.,
Состоится XXIV открытое заседание:
Солнечный град
(Беседа об Интернационале).
При участии

Андрея Белого,	М. В. Орехова,
С. А. Венгерова,	К. С. Петрова-Водкина,
Льва Дейча[103],	Н. Н. Пунина,
Иванова-Разумника,	П. А. Сорокина,
В. Л. Кибальчича[104],	А. З. Штейнберга,
А. А. Мейера,	Конст. Эрберга

и всех желающих
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Николаевский зал Дворца Искусств (б. Зимний Дворец).
(Вход с Невы с Иорданского подъезда).

[101] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 148. На письме помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 9. Копия».

[102] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 9.

[103] Лев Григорьевич Дейч (1855–1941) – деятель российского освободительного движения.

[104] Виктор Львович Кибальчич (псевд. Виктор Серж; 1889–1947) – французский анархист русского происхождения, литератор, публицист.

Выписка из протокола[105]

I. Отделение IV Секции Государственного Архивного Фонда предоставляет в пользование Вольной Философской Ассоциации часть находящегося в распоряжении Отделения здания по Чернышевой площади (д. № 2), а именно Белый зал и выходящие в него комнаты (№№ 37, 38 и 39) с тем, чтобы расходы по необходимому ремонту, освещению, отоплению, за пользование телефоном и по найму младших служащих, в количестве 5 человек, с месячным окладом 1го — в 2550 р. и 4^х — в 2310 р., были возложены на Вольную Философскую Ассоциацию. Она же должна озаботиться приобретением необходимой мебели. Сверх того, Отделение оставляет за собой право, по предварительному соглашению с Ассоциацией, пользоваться двумя из предоставленных комнат, — Белым залом и комнатой № 39.

За Управляющего Отделением IV Секции Л. Полянская.
Секретарь Вольной Философской Ассоциации Вл. Бакрылов
Печать. 3/V — <19>20 года. Петербург.

Афиша[106]

Вольная Философская Ассоциация

Открыта запись в постоянные кружки членов-соревнователей

Кружок **Иванова-Разумника** **Философия Культуры**	Кружок **Константина Эрберга** **Философия Творчества**	Кружок **К. С. Петрова-Водкина** **Изобразительное Творчество**
Понедельники от 6 до 8 ч. веч.	Вторники от 6 до 8 ч. веч.	Среды от 6 до 8 ч. веч.
Кружок **А. З. Штейнберга** **Основные вопросы Философии**	Кружок **А. А. Мейера** **Философия Религии**	Кружок **Андрея Белого** **Антропософия как путь самопознания**
Четверги от 6 до 8 ч. веч.	Пятницы от 6 до 8 ч. веч.	Субботы от 6 до 8 ч. веч.

[105] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 164.
[106] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Начало занятий 10-го Мая 1920 года.
Запись у секретаря ежедневно с 1–3 и по субботам с 4 до 6 час. веч.
В помещении Вольной Философской Ассоциации:
Чернышевская площ., дом 2, подъезд № 1.

А. К. [А. Крайский]

Дискуссия об интернационализме[107]

Вчера, в воскресенье, в 2 часа дня, во дворце Искусства при значительном количестве публики состоялась дискуссия об интернационализме. Цель ее, как это подчеркнул председательствовавший на собрании т. Андрей Белый, — углубление в понимание сущности интернационализма и культурно-философское его обоснование.

Как известно, по Марксу, обоснование осуществления интернационализма, т. е. объединение деклассированного человечества на почве труда, зиждется на все растущей концентрации капитала и производства и, как неизбежной спутнице ее, концентрации труда и рабочего класса.

Экспроприация последним орудий и средств производства есть начало уничтожения классов и установления одного класса — трудящихся.

Отсюда одно — обоснование и неизбежность интернационализма как синтеза жизни человечества надо искать только в экономически-производственных отношениях, отбросив в сторону и философию, и культуру, поскольку в них не входят экономические и производственные факторы. Но для философствующих из лагеря метафизического, знакомого и нашим «дискуссантам», — отчеканенные Марксом положения, в которых воплощена сама жизнь, — не могут служить доказательствами. Привычка исходить от метафизики продолжает тяготеть над ними, — оттого вспышкам реальных мыслей (у Андр. Белого) сопутствовали разные выверты и метафизическая игра слов, в которой подлинный пафос чередовался с деланностью и фальшью. В общем же получилась неразбериха, кружение вокруг одной точки без надежды выхода на реалистический путь.

Следовавшие один за другим собеседники не внесли ничего уясняющего метафизическую эквилибристику «старшего», и вместо культурно-философских обоснований интернационализма рассказали — историю интернационализма (т. Иванов-Разумник), конечно, с промахами

[107] Известия Петроградского Совета. 1920. 3 мая. № 94. С. 1.

и ошибками, исправленными потом т. Дейчем. Т. Штейнберг, говоривший вслед за Андр. Белым — вместе с глубокой верой в интернационализм высказал совсем неглубокие мысли о нем и в общем переложил, конечно, не совсем удачно метафизику А. Белого на реальный язык.

Удивительно, за исходную точку беседы устроители ее взяли образы и идеи города Солнца (Солнечного града в афишах) сомнительного интернационалиста — монаха Томаса Кампанеллы.

Не есть ли это показатель психологического сходства!

Блуждание в тумане метафизики главных участников дискуссии было озарено простым общедоступным рассказом маститого Л. Дейча.

Письмо в редакцию[108]

Тов. редактор!

В петроградских «Известиях» от 3 мая с. г. появилась заметка: «Дискуссия об Интернационализме».

С величайшим недоумением прочел я эту заметку. Не касаясь выступления А. Белого, Штейнберга, Иванова-Разумника и пр. ораторов, не могу не изумляться выступлению маститого Л. Дейча, который, в отличие от всех других ораторов, вовсе не касался философского мировоззрения об Интернационале, а передавал лишь воспоминания из прошлого, о гигантском перепроизводстве в Америке, недопущении анархистов во II Интернационал и прочую белиберду. Самое главное в выступлении Л. Дейча то, что он, будучи, очевидно, обижен своей судьбой, закончил неожиданной репликой по адресу нынешних руководителей Советской власти, что он не может быть на их стороне, покуда у него сохранился здравый смысл, так как, по его убеждению, не настало время замены общественного порядка коммунистическим. Конечно, ни слова об III Интернационале. Лишь [illegible]ов. Стоянов (из партии анархистов) дал отпор демагогическому выступлению Л. Дейча. Мне приходилось бывать и в ученом «о-ве марксистов», где выступления членов о-ва сопровождаются плохо скрытым недоброжелательством по отношению нынешнего положения вещей.

В виду изложенного я считаю необходимым обратить внимание кого следует, чтобы на все выступления о-ва марксистов и других логичные собрания делегировался представитель от коммунистической партии, вполне опытный в полемике с профессорами «Марксизма» и великолепно изучивший теорию революционного мар[illegible]

[108] Известия Петроградского Совета. 1920. 7 мая. № 98. С. 2.

этим будет достигнуто громадное значение в деле перевоспитания той интеллигенции, которая ищет настоящую правду, интересуется переживаемым моментом, но не видит достаточно научного отпора тем заключениям, которые пропитаны насквозь пессимистическими настроениями меньшевиков.

М. Соколов.

От редакции. Неправильный отчет лежит на совести репортера.

Афиша[109]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 9 Мая 1920 г.,
Состоится XXV открытое заседание:
А. А. Мейер. Философия труда.
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
«Дом Искусств», Мойка, 59, угол бывш. Невского пр.
В Субботу, 8-го Мая 1920 года, в 7 час. вечера, Общее Собрание членов-соревнователей Вольной Философской Ассоциации и лиц, записавшихся в кружки.
Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1.

Заявление[110]

О вступлении в число членов-соревнователей В.Ф.А.

1. Имя *Яков*
2. Отчество *Семенович*
3. Фамилия *Друскин*
4. Возраст *18*
5. Образование *Студент*
6. Род занятий
7. Адрес *Пр. Либкнехта, 17, кв. 5*
8. Какие вопросы наиболее интересуют *Философия марксизма*

Подпись *Я. Друскин*

Петроград 10 мая 1920 г.

[109] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 10.
[110] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 6. Л. 9.

К. Эрберг

Конспект выступления на XXVI открытом заседании 16 мая 1920 г. «Вольфила (Задачи Вольной Философской Ассоциации)»[111]

Теоретик	**Идеолог**
obj<ect>	subj<ect> (Личность)
имман<ентное>	трансц<ендентное>
беспристр<астное> (тепл<ое>)	пристрастн<ое> (хол<одное> – горяч<ее>)
констатир<ование>	проповедь
sine ira (терпимость)	бунт (нен<ависть> – люб<овь>)
(норма)	(не против догмы, а *против нормы*) ради → свобода
ТЕЛЕОЛОГ кон<ечная> цель – истина	против узости спасение: «иннормизм»
	1) скепт<ицизм> вольная
	2) догм<атизм>
верность	измена
	скиф

Дух<овный> максим<ализм>
Дух<овная> рев<олюция> (тв<орчест>во)
научн<ый> просветит<ельский>

Афиша[112]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 23-го Мая 1920 г.,
Состоится XXVII открытое заседание

I

А. З. Штейнберг. Иудаизм и христианство.

[111] ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 22.
[112] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 12.

II

А. А. Мейер. Язычество.
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1.

Письмо Н. Н. Розенталя в ВФА[113]

Ник<олай> Ник<олаевич> *Розенталь*, магистрант Пет<ербургского> унив<ерситета>[114], учитель истории в Тенищ<евском> учил<ище>, предлагает для В.Ф.А. доклад на тему:

«Религиозная личность Юлиана Отступника» или «Религиозная трагедия реставрации язычества»[115]. (Рекомендует Лосский).

Афиша[116]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 23-го Мая 1920 г.,
Состоится XXIX открытое заседание:
Конст. Эрберг. Искусство — бунт
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 158–26.
Открыта запись на кружок **Иванова-Разумника**
Русская литература XX века.
Занятия по Четвергам от 6 до 8 ч. веч. Начало занятий 10-го Июня.
Запись ежедневно от 5 до 6 ч. вечера.

[113] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 142.

[114] Примечание автора записки: «ученик Гревса».

[115] Ср.: «Трагедия Юлиана – трагедия человека, лишенного творческой свободы. В эпоху кризиса побеждает тот, кто творит. Сочетать религиозное служение божеству с личной свободой можно лишь в чувстве богосыновства. <...> Пассивность, косность, недвижное стояние на камне Петровом – таковы причины трагедии, извечно переживаемой и религиозной личностью, и религиозным обществом» (*Н. Н. Розенталь.* Юлиан Отсупник: Трагедия религиозной личности. – Пг., 1923). Судя по датировке предисловия, работа над книгой была завершена в мае 1922 г.

[116] *ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 13.*

Хроника[117]

<...> Возникшее в Петербурге новое философское общество – Вольная Философская Ассоциация, – организаторами которого явились Андрей Белый, Александр Блок, Б. Кушнер, Е. Лундберг, В. Мейерхольд, К. Петров-Водкин, А. Штейнберг и К. Эрберг, с середины минувшей зимы постепенно расширяло свою деятельность и организовало целый ряд открытых заседаний и занятий в отдельных кружках. Новая ассоциация ставит себе чрезвычайно важные и широкие задачи: «реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия наживую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действенна. Историк философии легко откроет в таких формулировках древнейшие и освященнейшие традиции философствовавших не только умом и по букве, на и сердцем и душою». Исходя из таких основных положений, Вольная Философская Ассоциация стремится «объединить не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквальности, сколько людей живых и широких интересов, стремящихся к единству и цельности своею <так!> историческою, космическою и запредельного бытия, все равно теоретики ли они или практики, ученые или художники, ученики или учителя». Отсюда же стремление ассоциации к «наибольшей свободе от всяких обычных и внешних форм проявления корпоративного уклада: философская ассоциация не была бывольной, если бы не смотрела на все внешние организационные формы, как на неизбежное зло».

Основной темой большинства открытых заседаний Вольной Философской Ассоциации явилась проблема переживаемого кризиса культуры. Этой теме был посвящен доклад Александра Блока: «Крушение гуманизма», три доклада Р. Иванова-Разумника: «Эллин и скиф», «Скиф в Европе» и «Три искушения» (о христианстве и социализме), доклад А. Мейера: «Гуманизм или христианство?» и доклад К. Петрова-Водкина: «О науке видеть». А. Штейн берг прочел два доклада: «Развитие и разложение в современном искусстве» и «О времени и пространстве в философии истории», – эти доклады представляли из себя «попытку свести ту же проблему к ее онтологическим

[117] Дела и дни: Исторический журнал. Пб., 1920. Кн. 1. С. 541-542 (Общая хроника культурно-просветительной работы в Петрограде первых послереволюционных лет была подготовлена под ред. Н. П. Черепнина).

основам». Андрей Белый прочел доклады на темы: «Философия культуры», «Лев Толстой и культура»; «Кризис культуры». Одно из заседаний, в котором приняли участие Андрей Белый, А. Блок, П. Гайдебуров, М. Горький, Р. Иванов-Разумник, А. Лурье, А. Мейер, К. Петров-Водкин, Н. Пунин, А. Штейнберг, К. Эрберг и др., было посвящено «Пролетарской культуре». Н. О. Лосский сделал доклад на тему: «Бог в системе органического миропонимания»; С. А. Аскольдов «Проблема чуда в философии»; К. Эрберг: «Искусство – бунт», А. Мейер: «Философия труда», С. А. Венгеров: «Евгений Онегин – декабрист» и т. д. Одно из заседаний под общим названием «Солнечный град» – было посвящено беседе об Интернационале. В заседании приняли участие: Андрей Белый, С. Венгеров, Л. Дейч, Р. Иванов-Разумник, В. Кибальчич, А. Мейер, М. Орехов, К. Петров-Водкин, Н. Пунин, П. Сорокин, А. Штейнберг, К. Эрберг. Открытые заседания Ассоциации очень многолюдны и привлекают людей самого различного духовного и материального прошлого. В обсуждении докладов принимают участие и профессиональные ученые и люди труда, не прошедшие никакой школы. Выступают и резкие критики основных задач Ассоциации, тем самым способствуя более ясному и отчетливому определению этих задач. Вокруг Ассоциации образовалось небольшое ядро членов-соревнователей, избравших свой совет, во главе которого стоит Андрей Белый; работа совета происходит совместно с Советом Ассоциации.

Вместе с тем Вольная Философская Ассоциация пользовалась юбилейными днями и памятными годовщинами, чтобы связать свою работу с сохранившим свою ценность наследием былого. Так состоялось собрание, посвященное памяти декабристов, основной темой которого явилась проблема «Ненужного подвига»; были собрания, посвященные памяти Герцена, Лаврова и др. Б. Е. Райков сделал доклад на специальную тему – «Русские эволюционисты до Дарвина». Такой же специальный характер имел и доклад К. Эрберга «Религия и мистика». Некоторые заседания были посвящены выяснению задач самой Ассоциации.

Помимо открытых заседаний при Вольной Философской Ассоциации происходит работа в отдельных более тесных кружках. Каждый кружок имеет своего постоянного руководителя и занимается разработкой того или иного вопроса. Так, кружок А. Штейнберга имеет своим предметом «Основные вопросы философии»; кружок К. Эрберга – «Философию творчества»; кружок Р. Иванова-Разумника – «Вопросы философии культуры»; кружок А. Мейера – «Философию религии». Андрей Белый провел два курса на темы: «Философия духовной культуры» и «Культура духа».

Все доклады, а также и другие работы членов Ассоциации подготовляются к печати и будут появляться первое время в виде непериодических сборников. При первой возможности, Ассоциация приступит к изданию своего постоянного органа. <...>

Протокол № 12 заседания Совета ВФА[118]

<7 июня 1920 г.[119]>

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь Вл. Бакрылов.

Вопросы.	Постановления.
1. Ближайшие открытые заседания.	Назначить на воскресенье 13-го июня XXX открытое заседание. Доклад А. А. Гизетти: «Общество и космос». На воскресенье 20-го июня XXXI-е открытое заседание. Доклад Н. Н. Розенталя «Драма религиозной личности». Снестись с Н. Н. Розенталем через Н. О. Лосского.
2. Устав клуба.	Был заслушан и утвержден устав клуба. (Устав прилагается).
3. Кружки.	С 10-го июня начать занятия кружка «Русская литература XX века». Руководитель Р. В. Иванов-Разумник. С 7-го июня начать занятия кружка по философии Анархизма. Руководитель Б. С. Стоянов. Сделать предложение Оранскому[120] и Федорову руководить кружками по философии Марксизма и Коммунизма; А. А. Гизетти – кружком по философии народничества.

Председатель.
Члены.
Секретарь.

[118] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 9.

[119] Дата устанавливается предположительно по содержанию.

[120] Сергей Александрович Оранский – специалист в области социальной философии, один из учредителей Научного Общества Марксистов при Петроградском университете.

Устав клуба ВФА[121]

Цель и задачи клуба.

1. Клуб В.Ф.А. ставит своей целью сближение всех участников Ассоциации (действительных членов, членов-сотрудник<ов>, членов-соревнователей) на почве их общего устремления к осуществлению задач В.Ф.А. Для этого, служа местом постоянного общения между его членами, клуб в согласии с задачами Ассоциации открывает библиотеку, устраивает лекции, собеседования, литературные и музыкальные вечера.

Состав клуба.

2. Членами клуба могут быть все члены Вольной Философской Ассоциации (члены-соревнователи, сотрудники и действительные члены).

Кружки.

3. Клуб должен отвечать на запросы его членов 1) путем постановки кружковых работ; путем консультации и выдачи справок.

Члены клуба, интересующиеся каким-либо предметом или видом труда, объединяются для его изучения или применения своих знаний в кружки.

Управление клубом.

Управляет и руководит клубом общее собрание членов клуба и Правление.

I. Функции общего собрания.

а) Общее собрание руководит деятельностью клуба: оно обсуждает текущую работу, утверждает смету расходов и приходов, отчеты Правления, утверждает членов Правления и Ревизионной Комиссии, вырабатывает инструкции для членов Правления, решает вопросы об изменении устава и закрытии клуба.

Примечание: Каждое изменение пункта устава общее собрание представляет на утверждение районной клубной секции и клубной секции центра.

б) Общее собрание членов клуба бывает очередное и чрезвычайное. Общее собрание считается законным при наличности не менее 1/3 членов клуба.

в) В случае неприбытия должного числа членов собрание созывается вторично и считается законным при всяком числе явившихся.

г) Обсуждению вторично созванного общего собрания подлежат только те вопросы, которые стояли в повестке дня несостоявшегося собрания.

[121] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 12. Л. 10–10об.

д) Общее собрание очередное бывает не реже одного раза в три месяца.

е) Общее собрание чрезвычайное созывается по постановлению Правления, Ревизионной Комиссии или 5 членов клуба.

II. Функции Правления.

а) Правление ведет всю текущую работу и <несет> ответственность за всю деятельность клуба перед общим собранием.

б) Правление состоит из 5 человек: 1) председателя, 2) заведующего клубом, 3) его помощника, 4) члена художественно-просветительной комиссии, 5) члена хозяйственной комиссии.

Примечание: Председатель Правления и член художественно-просветительной комиссии избираются Советом В.Ф.А. и утверждаются Общим Собранием; прочие члены Правления избираются Общим Собранием и распределяют между собою обязанности.

в) Правление выбирается на 6 месяцев.

1) Художественно-просветительная Комиссия.

Общее руководство всей художественно-просветительной деятельностью клуба лежит на художественно-просветительной комиссии, в состав которой входят 2 члена Правления (председатель и член художественно-просветительной комиссии) и по одному представителю от каждого кружка.

2) Хозяйственная комиссия.

Хозяйственная комиссия состоит из одного члена Правле<ния> <...>[122]

Протокол № 14 заседания Совета ВФА[123]

20-го июня 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы.	Постановления.
1. Повестка.	а) Общее собрание членов-соревнов<ателей>.
	б) Воскресные заседания.
	в) О кружках.
	г) Издательство «Сборники».
	д) Библиотека.

[122] Окончание документа отсутствует.

[123] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 10–10об.

е) Постоянная стенографистка.
ж) Клуб.
з) О дровах.
и) Телефон.
к) Рояль.

2. Собрание членов-соревнователей. На общем собрании членов-сорев<нователей> сделать доклад Совета о кружках, о клубе, о воскресных открытых заседаниях. Выяснить, как чл<ены>-сор<евнователи> смотрят на задачи Вольфилы, что они, чл<ены>-сор<евнователи>, могли бы предложить в целях углубления и расширения работ Ассоциации.
Как собрание чл<енов>-сор<евнователей> отнеслось бы к постановке на воскресных заседаниях таких вопросов, как «Кризис культуры и книга», «Кризис культуры и высшая школа».

3. Воскресные заседания. Назначить на воскресенье 4-го июля XXXIII открытое заседание: доклад Андрея Белого: «Кризис культуры».
Поставить на очередь доклады:
Александра Блока: «Молнии искусства».
Н. О. Лосского: «О преодолении материи духом».
И. И. Лапшина «Вечный мир».

4. О кружках. Отпочковавшийся от кружка «Антропософия как путь самопознания» кружок тов. Навашина не считать самостоятельным кружком.

5. Издательство «Сборники». Уполномочить Р. В. Иванова-Разумника, Андрея Белого и представителя издательства «Алконост» С. М. Алянского – переговорить с М. П. Кристи о возможности выпустить ряд сборников Вольфилы.
Испросить у М. П. Кристи на включение в программу «Алконоста» сборник «Кризис культуры» кредит в размере 2[illegible]000 рублей.

Остальные вопросы повестки дня ввиду позднего времени не обсуждались.

Члены.

Секретарь.

Хроника[125]

— Организовано Петербургское Отделение Всероссийского Союза Поэтов[126]. Состав президиума: председатель — Ал. Ал. Блок; товарищи председателя — К. А. Эрберг и Н. А. Оцуп[127]; секретари — Н. А. Павлович[128] и Вс. А. Рождественский[129]; казначей — С. Е. Нельдихен-Ауслендер. Желающие вступить в Союз должны представить на рассмотрение приемной комиссии (А. А. Блок, Н. С. Гумилев[130], М. А. Кузмин[131], М. Л. Лозинский[132]) книгу или 10 стихотворений в рукописи. За всеми справками и разъяснениями обращаться к секретарю Вс. Ал. Рождественскому — Симеоновская ул., 3, кв. 4 — письменно; по пятницам от 4–5 — лично. Тел. 145–73.

[125] *Жизнь искусства.* 1920. 30 *июля.* № 517. С. 1.

[126] По свидетельству Конст. Эрберга, петербургский «Союз поэтов образовался в недрах Вольфилы около 1920 г.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 89). Ср. с записями его первого председателя: «*27 июня.* <...> Вольфила. – Организационное заседание Союза поэтов в Вольфиле» (*А. Блок.* Записные книжки. 1901–1920. С. 495); «*4 июля.* <...> Общее собрание Союза поэтов в Вольфиле. Людей еще меньше, чем в прошлый раз» (Там же. С. 496); «*27 июля.* <...> Заседание Союза поэтов» (Там же. С. 497); «*6 августа.* <...> 8 час. – заседание президиума Союза поэтов в Вольфиле» (Там же. С. 498); «*13 августа.* <...> Президиум и общее собрание Союза поэтов в Вольфиле» (Там же); «*22 августа.* <...> Заседание Союза поэтов в Вольфиле» (Там же. С. 499). С начала сентября Союз поэтов располагался уже в собственном помещении по адресу: Литейный пр., 30, кв. 7.

[127] Николай Авдиевич Оцуп (1894–1959) – поэт.

[128] Надежда Александровна Павлович (1895–1980) – поэтесса. Ее воспоминания о петроградском Союзе поэтов см.: *Н. Павлович.* Воспоминания об Александре Блоке // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 11. – М., 1977. С. 222–239.

[129] Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) – поэт.

[130] Николай Степанович Гумилев (1886–1921) – поэт, переводчик, критик.

[131] Михаил Александрович Кузмин (1875–1936) – поэт, прозаик, переводчик.

[132] Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) – поэт, переводчик.

Протокол № 15 заседания Совета ВФА[133]

27 июня 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Конст. Эрберг, Иванов-Разумник, А. Блок.

Председатель: Андрей Белый.

Вопросы:	Постановления:
1. О воскресных докладах.	1. Назначены доклады: 4 июля. Андрей Белый. Кризис культуры. 11 июля. Н. Н. Розенталь. Драма религиозной личности.
2. О кружках.	2. Постановления: а) устроить заседание всех руководителей кружков в воскресенье 4/VII в 12½ ч<аса> дня. Пригласить на это заседание членов-соревнователей (представителей кружков). б) предложить руководителям кружков вести протоколы заседаний и точную регистрацию присутствующих (лист подписей). в) организовать 2 новых кружка: *Введение в философию* (предложить Н. О. Лосскому) и *Философию математики* (предл<ожить> А. В. Васильеву).
3. О стенографистке.	3. Найти постоянную стенографистку для воскресных заседаний и для кружков (просить заняться этим Вл. В. Бакрылова и С. Г. Каплун).
4. Библиотека.	4. Просить А. З. Штейнберга осмотреть библиотеку Койгена[134] и доложить о ней к следующему заседанию Совета.

Председатель.
Секретарь.

[133] ИРЛИ. Ф. 291.

[134] Давид Маркович Койген (1877–1933) – публицист; в 1917 г. редактировал в Петрограде «Вестник культуры и политики»; в 1920 г. эмигрировал в Германию.

Афиша[135]

Вольная Философская Ассоциация

Июль – Сентябрь

Постоянные кружки

Понедельники	**Вторники**	**Среды**
от 6 до 8 ч. веч.	от 6 до 8 ч. веч.	от 6 до 8 ч. веч.
Иванов-Разумник **Философия Культуры**	Конст. Эрберг **Философия Творчества**	Петров-Водкин **Изобразительное Творчество**
от 8 до 10 ч. веч.	от 8 до 10 ч. веч.	от 7 до 9 ч. веч.
Стонов **Философия Анархизма**	А. А. Гизетти **Философия Народничества**	А. З. Штейнберг **Основные вопросы метафизики**

[135] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Четверги от 6 до 8 ч. веч.	**Пятницы** от 6 до 8 ч. веч.	**Субботы** от 6 ч. веч.
Иванов-Разумник **Критическая История Современной Литературы**	С. А. Оранский **Философия Марксизма**	**Междукружковые собрания с участием руководителей кружков**
от 8 до 10 ч. веч.	от 8 до 10 ч. веч.	
И. А. Боричевский **Философия Коммунизма**	А. А. Мейер **Философия Религии**	

В ближайшем будущем предполагается открытие кружков: «Введение в философию», «Философия истории», «Философия математики», «Философия естествознания» и др. Запись и справки у заведующего организацией кружков ежедневно от 5 до 6 ч. веч. Тел. 159–26. Чернышева площадь, дом 2, подъезд № 1.

Афиша[136]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 4-го Июля 1920 года,
Состоится XXXIII открытое заседание:
Андрей Белый. Кризис культуры.
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева площ. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.
В Воскресенье, 11 Июля состоится XXXIV открытое заседание
Н. Н. Розенталь — Драма религиозной личности (Юлиан Отступник).

[136] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1

Афиша[137]

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)
В Среду, 7-го Июля 1920 года,
состоится
Вечер Андрея Белого
по следующей программе:
Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово, **Андрей Белый** прочтет: 1) «В лопнувшем Лондоне», отрывки из «Записок чудака», 2) отрывки из «Котика Летаева» и 3) стихи.
Начало в 7½ часов вечера.
Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52) ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер от 4 час. дня.

Протокол № 16 заседания Совета ВФА[138]

4 июля 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, Конст. Эрберг, Коялович.

Вопросы:	Постановления:
1. Воскресенья.	Назначены а) на воскресенье 11 июля XXXIV о<ткрытое> засед<ание>. Доклад Ю. Н. Данзас[139]. Философия, религия, наука. б) на воскресенье 18 июля назначена экскурсия в Шлиссельбург.
2. ...их кружках	2. Руководительство кружком по введению в философию предложить или Лапшину, или Мейеру, или Франковскому, или А. З. Штейнбергу. Руков<одительство> кр<ужком> по введению в философию предложить А. В. Васильеву.

Председатель.
Секретарь.

[137] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 16. Информацию о вечере см. также в «Хронике» «Жизни искусства» (1920. 1 июля. № 492. С. 1).
[138] ИРЛИ. Ф. 291.
[139] Юлия Николаевна Данзас (псевд. Ю. Николаев; 1879–1942) – историк, литератор, преподаватель петроградского Педагического института.

Афиша[140]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 11-го Июля 1920 года,
Состоится XXXIV открытое заседание:
Ю. Н. Данзас. Философия, религия, наука.
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол № 17 заседания Совета ВФА[141]

11/VII — 20 г.

Председ<атель> Иванов-Разумник.
Секретарь. Вл. Бакрылов.
Присутств<овали>: Иванов-Разумник, Штейнберг, Эрберг, Бакрылов и президиум старостата: Коялович, Виссель, Векслер, Фехнер.

Вопросы:	Постановления:
1. Запрос старостата[142], сводящийся к протесту против выступления несведующих <так!> ораторов.	1. Усилить власть председателя воскресного заседания, который бы регулировал ход прений.
2. Заявление Н. М. Кояловича об изменении § 27 устава В.Ф.А. (в смысле увеличения числа членов-соревнов<ателей> в совете с *решающ<им>* голосом).	2. Совет В.Ф.А. считает изменение § 27 устава невозможным.
3. Воскресные засед<ания>	3. Назначены на 18/VII–20 доклад Мищенко: Философия материальной культ<уры>; на очередь заседание памяти Вл. Соловьева с выступлением

[140] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 17.

[141] ИРЛИ. Ф. 291.

[142] «Примечание: *Текст запроса*, написанный рукой Фехнер и Векслер: "1. Считает ли президиум В. Ф. А. своей основной задачей проведение в широкие массы популярного обоснования философии? Президиум ста-

след<ующих> ораторов: Э. Л. Радлова, Мейера, Гизетти, Блока, Бердяева[143], Штейнберга, Конст. Эрберга и др.

Предс<едатель>.
Секр<етарь>.

А. К. [А. Крайский]

«Философия, наука и религия»[144]

(Доклад гр. Данзас в вольной философской ассоциации)

Уже давно ходили слухи, что в Вольной философской ассоциации метафизически религиозные вопросы занимают центральное место, их с удовольствием и часто докладывают члены-соревнователи и, да не будет почтенной ассоциации обидно, даже пропагандируют... Вчерашний доклад гр. Данзас, пожалуй, можно отнести к этого рода вещам. Я не знаю, насколько гр. Данзас прикосновенна к философии, но ее доклад доказал, что она бралась за трудную задачу, которую даже не могла изложить более или менее удовлетворительно, и вообще, кроме отдельных тезисов — связного у нее ничего не вышло. Такова уже судьба всех витающих в области терминологии, красивых слов без содержания, всех оторванных от реалистического мышления.

Гр. Данзас утверждала, что философия, наука и религия — неотъемлемы и по содержанию и конечной цели — равноценны. Если же они, по методу исследования, и отмежевались, то это — явление чисто произвольное, и сделано оно без достаточных оснований. Однако гр. Данзас тоже не привела достаточных оснований для доказательства своего положения, кроме утверждения о тождестве богословских споров в продолжение первых десяти веков христианства с философией. Если согласиться с мнением докладчицы, то выходит,

рост<ата> высказывает пожелание, чтобы обсуждаемые доклады находились *на уровне современных философских достижений. 2. Считает ли президиум* В.Ф.А. настоящий порядок выступления несведущих ораторов желательным? Президиум старостата высказыв<ает> пожелание о повышении уровня и урегулирования порядка прений средствами, кот<орые> найдет нужным президиум В.Ф.А.". Пояснение: протест вызван неудачным докладом Ю. Н. Данзас и скандальным выступлением т. Мищенко».

[143] Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ.

[144] Известия Петроградского Совета. 1920. 13 июля. № 153. С. 2.

что она в своем докладе имела в виду, говоря о философии, только часть ее, которая, как негодный хлам, давно отброшена реалистической мыслью, а именно — метафизику и ее практически-учебную часть — схоластику. Но тогда — при чем же тут наука? Ведь под наукой мы подразумеваем совокупность наших познаний о явлениях мира, данных нам в опыте, т. е. о предметах имманентных. Между тем устранение религиозного познания, как докладчица понимает его, как раз касается предметов трансцендентных, и так как последние недоказуемы и недоступны для опыта, то религиозные познания сводятся к вере. Следовательно, утверждения о неотделимости науки, религии, философии — это плод какой-то, бьющей на оригинальность, фантазии или, если хотите, недомыслия. Не сознавая этой зияющей пропасти между наукой и религией, гр. Данзас заключила свой доклад комическим прогнозом будущего взаимоотношения науки, философии и религии — в соотношениях сторон равностороннего треугольника, отдав науке основание как прикасающейся к земным явлениям, а философии и религии — боковые, как сходящихся в основных своих чертах человеческих устремлений, причем *схождение боковых в одной вершине* — в выси — как она говорила, по ее толкованию, означает — возможность полного слияния философии и религии — и постижение мира и вещей через обновленное религиозное сознание.

После такой постановки, вывод напрашивался сам собой: спасенье в религии, будьте религиозны!

А. [А. Г. Мовшенсон]

Литературные вечера[145]

(К вечеру Андрея Белого в Вольн. Философской Ассоциации)

Большая посещаемость литературных вечеров, устраиваемых за последнее время, является прекрасным показателем начала расцвета культурной и художественной жизни. Было бы только желательно, чтобы характер этих вечеров не носил отпечатка *отжитого нами времени*. Как и раньше, программы литературных вечеров часто носят случайный характер, как и раньше, публике часто показывается «в на-

[145] Жизнь искусства. 1920. 13 июля. № 502. С. 1. Александр Григорьевич Мовшенсон (1895–1965) – член-соревнователь ВФА, театровед, переводчик.

туральную величину» «знаменитый» поэт, «талантливый» писатель, и устроителей мало беспокоит вопрос о том, что будет читать этот «знаменитый» или «талантливый», лишь бы он вышел на эстраду и что-нибудь прочел.

Нынешний посетитель лекций в лучшем случае слышал только фамилию «знаменитого», очень часто с творчеством «знаменитого» не знаком и приходит на вечер не из простого любопытства. Такому новому посетителю, не развращенному прошлым обществом, надо дать возможность уйти с вечера обогащенным художественно-ценным, а не подносить ему миниатюрки, небрежно разбросанные в беспорядке. Вопрос этот не маловажен, и к нему нужно отнестись с большим вниманием.

Отчетный вечер Андрея Белого, состоявшийся в помещении Вольной Философской Ассоциации, прошел с большим успехом, именно благодаря тому, что отношение к публике оказалось очень серьезным. Тема вечера «Восток и Запад» или, вернее, «Россия и Запад», как ее Иванов-Разумник определил во вступительном слове, была строго выдержана и благодаря этому от вечера осталось цельное, глубокое впечатление.

Автором были прочитаны отрывки из «Котика Летаева», цикл стихов о России и отрывки о Лондоне из «записок Чудака».

В рамках газетной заметки трудно дать оценку прочитанных произведений, так как тема очень уж обширна, и нельзя, серьезно относясь к творчеству Андрея Белого, в нескольких строках говорить о нем. Нужно только упомянуть здесь о большом уменьи автора читать свои произведения. Когда слушаешь Андрея Белого, кажется, что ни один из много обучавшихся искусству художественного слова актеров никогда не прочтет художественное произведение так, как прочтет его автор...

Афиша[146]

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)
В Четверг, 15-го Июля 1920 года,
состоится
Вечер Алексея Ремизова

[146] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 18.

по следующей программе:
1) Вступительное слово **Р. В. Иванова-Разумника.** 2) Три главы из повести «Ров львиный»[147] прочтет **автор**; 3) Посолонный круг: при участии Заслуженного арт<иста> Акад<емического> Госуд<арственного> т<еатра> **Ивана Васильевича Ершова**[148], композитора **Анатолия Канкаровича**[149] и **автора** (пение, музыка и чтение). 4) Сказки прочтет **автор**.
Начало в 7½ часов вечера.
Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52) ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер от 4 час. дня.

Список субботних докладов ВФА[150]

16/VII

I. «Религия и Мистика». Тезисы К. А. Эрберга.

24/VII

II. «Проблема хаоса»[151].

31/VII

III. «Божественный Интернационал» (Современное течение в философии). Докладывал Н. М. Коялович.

7/VIII

IV. «Религия и социализм». Вступительное слово А. А. Мейер. (Вопрос не был исчерпан, а перенесен на Пятницу 6 ч.).

14/VIII

V. «Добро и Зло». Вступительное слово К. А. Эрберга и Н. М. Кояловича<а>. (Добро и Зло с точки зрения утилитаризма).

21/VIII

VI. «Добро и Зло» (Продолжение). Прения между А. А. Навашиным и Н. М. Кояловичем.

[147] Подразумевается роман, написанный Ремизовым в период с 1914–1918 гг. (другие названия: «Канава», «Плачужная канава») и публиковавшийся лишь отдельными частями и главами в 1923–1926 гг. Полный текст см.: *А. М. Ремизов.* Избранное / Сост. А. А. Данилевский. – Л., 1991. С. 389–546.

[148] Иван Васильевич Ершов (1867–1943) – певец.

[149] Анатолий Исаакович Канкарович (1885–1956) – композитор.

[150] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 55. Вероятно, отчет о занятиях в одном из кружков в течение июля – августа 1920 г., предположительно написанный рукой Г. Змеева.

Афиша[152]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 18-го Июля 1920 года,
Состоится XXXV открытое заседание:
Л. Л. Мищенко. Философия материальной культуры
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол заседания Совета ВФА[153]

18/VII–20 года

Заседание Совета

Раз. Вас. Ив<анов>, Шт<ейнберг>, Эрб<ерг>, Мейер, Петров-Водкин, Виссел<ь>, Векслер, Змеев, Коялович, Бакрылов.

I. § 27 на кружки Предст<авители> в Совет вх<одят> с реш<ающим> ли голосом? Пред<ставители> кружков. Совет в 5 чел<овек>.

II. Воскресенье. 25/VII. XXVI. Доклад А. В. Луначарского. 15/VIII. Вл. Соловьев. 1/VIII. А. А. Мейер.

III. Библиот<ека>.

IV. Издательство.

V. Клуб.

VI. И. А. Боричевский. 7/VIII — 20 года. Две интеллигенции. <...>

VII. Суббота.

А. К. [А. Крайский]

«Философия материальной культуры» и Карл Маркс[154]

Представьте себе комичное положение. Человек полтора-два часа говорит громко, с апломбом, доказывает, цитирует разных мыслителей, философов для обоснования своей мысли, и... вдруг ему деликатно указывают: вы, мол, говорите хорошо, голос тоже у вас есть, много читали..., но, увы, нового ничего нет в том, что вы говорите.

[152] Объявление об этом занятии см: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 69.
[153] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 19.
[154] ИРЛИ. Ф. 291.

Такой эпизод случился с гр. Мищенко в воскресенье, 18 июля, в «Вольной философской ассоциации». Гр. Мищенко читал доклад: «Философия материальной культуры». Неправда ли — обязующая тема? Это не то, что «история» той же культуры, а сама «философия», т. е. общие принципы, задачи и т. д., и разбирая их, гр. Мищенко, ничтоже сумляшеся, «открыл», что материальная культура, т. е. техника, производство в широком смысле — есть основа всей культуры, а так называемая духовная культа — лишь отражение первой. Прекрасно! Но причем тут Аристотель, Шопенгауэр, Кант, Гартман и пр., и пр. разнотемпераментные и противоречивые философы, на которых так часто ссылался гр. Мищенко для доказательства своей основной мысли. Ну а о Марксе, об его экономическом материализме, которого в сущности, ведь и изложил гр. Мищенко! Об этом ни слова в докладе.

А. Мовшенсон

Вечер Алексея Ремизова[155]

В пределах газетной рецензии о вечере Алексея Ремизова, состоявшемся в помещении Вольной философской ассоциации, трудно говорить по существу о самом, быть может, блестящем, наряду с Андреем Белым, русском стилисте.

Не трогая поэтому вовсе невольно напрашивающейся темы о традициях Достоевского и Гоголя в ремизовской психологии действующих лиц и в лирическом пафосе отступлений — вся последняя глава из прочитанной повести «Ров львиный» одно сплошное отступление, обращенное к читателю — хочется отметить еще и еще раз ремизовское отношение к слову и самое качество слова в писаниях его.

Даже когда сам про себя, а не вслух — читаешь Ремизова, испытываешь ощущение какой-то крепости каждого слова, значительности и полновесности, ни одно слово не выскакивает из общего ряда, но все они спаяны, и каждое все-таки глубоко значительно само по себе, и неожиданность хорошего русского слова там, где нас приучили ждать слово иностранное, с искаженным часто к тому же смыслом, чарует и радует. — Слова плетут вязь, жемчужную вязь как мелкие жемчужины вышитых на вологодских кокошниках и шугаях узоров, хитро и ловко сплетенных, так что ни начала, ни конца не найти, и каждое слово еще крепче, чем жемчужина — ударь — не расколется.

Но особенно чувствуешь это свойство ремизовской речи, когда

[155] Известия Петроградского Совета. 1920. 21 июля. № 159. С. 2.

слышишь самого его читающим. Вот у кого надо учиться утерявшим уважение к слову, глотающим, выплевывающим и мычащим слова актерам. Мало их есть, у кого так ясна речь, так значительна и разнообразна, так чиста и свежа.

И наряду с этим обаяние ремизовского юмора, того самого, который брызжет и с висевших в зале его плакатов, с калечиной-малечиной, *крокодилой, забавнейшим автопортретом и разными другими чудищами*. Но жизнь разнообразна, и горе ее тоже знает Ремизов, всего больше горя, всего больше трудности, и молит он Бога об освобождении нас из Рва львиного, из канавы плачужной — жизни нашей; но вдруг, остановившись, вспомнит, что не только есть горе у человека, а что и солнце для него светит, и весна с цветиками идет, и расскажет он вдруг про костромушку, как она брюшком переливчатым на солнце нежится.

Прекрасно пел «Посолонный круг» Ершов. Редко приходится слышать такое тонкое исполнение столь трудных и словесного и музыкального текстов. И даже такой опасный прием, как актерская игра на эстраде, игра, иллюстрирующая исполняемый вокальный текст, не шокировал, как это часто бывает.

И игра, и вокальное исполнение, и выразительность фразировки, все сливалось с полновесностью и ритмичностью ремизовской прозы, такой гибкой и такой русской.

Афиша[156]

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)
В Четверг, 29-го Июля 1920 года,

[156] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 20. Извещение о вечере было опубликовано в разделе «Хроника» газеты «Жизнь искусства» (1920. 27 июля. № 514. С. 1): «В четверг, 29-го июля, в помещении Вольной Философской Ассоциации состоится 3-ий литературный вечер, посвященный творчеству Александру Блока, который прочтет только что законченную и не появившуюся еще в печати поэму "Возмездие" и ряд своих стихов. Вступительное слово скажет Р. В. Иванов-Разумник». Ср.: «Мой вечер в Вольфиле (вступительное слово Иванова-Разумника). Были мама и Люба. Хорошо» (*А. Блок.* Записные книжки. С. 497). См. также: *Н. В. Скворцова.* Р. В. Иванов-Разумник: опыт реконструкции и продолжения II-ой главы поэмы Александра Блока «Возмездие» // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. 2. – СПб., 1998. С. 7–18.

состоится
Вечер Александра Блока
по следующей программе:
Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово,
Александр Блок прочтет:
1) **Поэму «Возмездие»** и 2) **Стихи**.
Начало в 7½ часов вечера.
Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52) ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер от 4 час. дня.

Анна Радлова

Вечер Александра Блока[157]

Когда вчера вечером в переполненном белом зале на Чернышевой площади, 2 я слушала Блока, я вспоминала строки другого великого поэта, Баратынского:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира,
Твое согласье захотел[158].

Не олимпийски прекрасная ясность Пушкина, а мучительная, объемлющая огромный очерк мира мысль Баратынского таинственно и пышно расцвела через сто лет в Блоке, ибо Баратынский был одним из тех мучеников искусства, которым дано *все видеть и все знать*, а Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное.

И этим поэзия Блока всегда откровеннее для тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

На вечере, устроенном «Алконост<ом>», Блок читал фрагменты поэмы «Возмездие», первая песня которой была напечатана в «Русской Мысли»[159]. Написана поэма четырехстопными ямбами и содер-

[157] Жизнь искусства. 1920. 3 августа. № 520. С. 1. Анна Дмитриевна Радлова (1891–1949) – поэтесса, переводчица.

[158] Из стихотворения Е. А. Баратынского «В дни безграничных увлечений...» (1831; опубликовано в 1832 г. под названием «Элегия»).

[159] В журнале «Русская мысль» (1917. № 1. С. 1–26) были опубликованы пролог и первая глава поэмы «Возмездие».

жание ее — история трех поколений одной русской семьи, начиная с семидесятых годов.

Со времени Евгения Онегина в русской поэзии не было такого мастерского изображения *эпохи*, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет самое действие.

Война, 1-е марта, потом времена Александра III, страшные отсутствием страшных событий, Россия, завороженная стеклянным взором колдуна Победоносцева:

В те годы дальние, глухие
В сердцах царила сон и мгла,
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

— все сулит «невиданные перемены, неслыханные мятежи».

Вся поэма напоена тяжелой и душной предгрозовой тишиной, пророческим предчувствием революции.

И если бы знали мы «Возмездие», то поняли бы, что «Двенадцать» лишь разрешение аккорда, ужас и радость наконец грянувшей бури.

И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-ые годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать «Возмездие», «Скифы» и «Двенадцать», назовут наши бушующие годы временем Блоковским.

1 августа 1920 г.

Научная жизнь[160]

— **«Вольная философская ассоциация»** (сокращенно — «Вольфила»), задуманная еще в 1918 году, начала свое существование в ноябре 1919 года. Члены-учредители Андрей Белый, Александр Блок, Иванов-Разумник, В. Э. Мейерхольд, К. С. Петров-Водкин, Лев Шестов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др.) положили в основу «Вольфилы» мысль о синтезе философии и социализма при отклике на все волнующие современность вопросы. Отклики эти даются — во-первых, в еженедельных воскресных «открытых заседаниях» с докладами на разные темы и с свободным обменом мнений после них, и во-вторых — в работе различных ежедневных кружков «членов-соревнователей» под руководством основателей «Вольфилы» и приглашаемых ими лиц.

[160] Книга и революция. 1920. № 2. С. 91–92. Предположительно заметка написана Ивановым-Разумником в начале августа 1920 г.

Воскресные «открытые заседания» начались 16 ноября 1919 года докладом Александра Блока «Крушение гуманизма», и тема эта, тема *кризиса современной европейской культуры*, стала основной в ряде последующих докладов и чтений: Андрей Белый — «Кризис культуры» (21–XII), «Философия культуры» (7–III–1920 г.) и «Лев Толстой и культура» (14–III); Иванов-Разумник — «Эллин и Скиф» (23–XI), «Три искушения» (1–II) и «Скиф в Европе» (29–II); А. Штейнберг — «Развитие и разложение» (30–XI); в связи с этой же общей темой были устроены два больших публичных собрания в Николаевском зале бывшего Зимнего дворца: «Беседа о пролетарской культуре» (21–III) и «Солнечный Град — беседа об Интернационале» (2–V). В этой же связи стояли и доклады Н. С. Лаврова «Философия труда в производственном отношении» и А. А. Мейера «Философия труда» (последний, по болезни докладчика, не состоялся). Несколько особняком по своей теме стояли научные и историко-литературные доклады проф. Б. Е. Райкова — «Русские эволюционисты до Дарвина» (15–II) и проф. С. А. Венгерова — «Евгений Онегин–декабрист» (18–IV), но тесно были связаны с постоянной темой «кризиса культуры» доклады, посвященные вопросу об искусстве и его задачах: К. С. Петрова-Водкина — «Наука видеть» (11–I) и Конст. Эрберга — «Искусство — бунт» (6–VI). Кризис культуры, рассматриваемый и как кризис религии, вызвал ряд докладов на родственные между собою темы: А. А. Мейер — «Гуманизм иди христианство?» (22–II) и «Язычество» (23–V), А. З. Штейнберг — «Иудаизм и христианство» (23–V), Андрей Белый — «Ветхий и Новый Завет» (30–V), Н. Н. Розенталь — «Драма религиозной личности — Юлиан-Отступник» (4–VII); примыкали к этим темам и доклады более теоретически-философского содержания: проф. Н. О. Лосский — «Бог в системе органической философии» (28–III), проф. С. А. Аскольдов — «Проблема чуда в философии» (27–VI), Конст. Эрберг — «Религия и мистика» (28–XII), А. А. Гизетти — «Общество и Космос» (13–VI), А. З. Штейнберг — «Время и пространство в философии истории» (4–I), Ю. Н. Данзас — «Философия, религия, наука» (11–VII). Кроме всех этих отдельных докладов, ряд заседаний был посвящен социально-философскому освещению деятельности исторических лиц и чествованию памяти Герцена (пятидесятилетие со дня его смерти, заседание 18–I), Лаврова (двадцатилетие со дня смерти, заседание 8–II), декабристов (заседание 14–XII). В начале августа предположено такое же заседание памяти В. С. Соловьева (31 июля ст. стиля исполняется со дня его смерти двадцать дет). Наконец, еще одно заседание (16–V) было посвящено беседе «О задачах Вольной Философской Ассоциации».

Таков сухой перечень одних воскресных, заседаний Вольфилы за первые восемь месяцев ее существования; но главная работа ежедневно происходит в кружках, доступ в которые так же открыт, как и на воскресные собрания. С июля действуют или предполагаются к ближайшему открытию следующие кружки: «Философия культуры», «Философия творчества», «Изобразительное творчество», «Философия марксизма», «Философия коммунизма», «Философия анархизма», «Философия народничества», «Введение в философию», «Основные вопросы метафизики», «Философия религии», «Философия математики», «Введение в философию истории» «Критическая история современной литературы» «Антропософия как путь самопознания». Руководителями в занятиях этих кружков являются: Андрей Белый, проф. А. В. Васильев, А. А. Гизетти, Иванов Разумник, А. А. Мейер, проф. Оранский, К. С. Петров Водкин, Стоянов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др. Кроме того, в марте и апреле Андрей Белый вел кружок «Культура мысли». Предполагается к открытию в ближайшее время ряд новых кружков по вопросам теории, истории и философии искусства и науки («Основы звукописи» — Артура Лурье, «Теория относительности» и др.). Наконец, в помещении Вольной Философской Ассоциации (Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1) изд-вом «Алконост» устраиваются литературно-художественные вечера современных поэтов, близко стоящих к «Вольфиле»; первыми были — «Вечер Андрея Белого» (7—VII), «Вечер Алексея Ремизова» (15—VII), «Вечер Александра Блока» (29—VII), со вступительными словами Иванова-Разумника.

Предполагавшееся издание «Сборников Вольфилы» с наиболее интересными из воскресных докладов, соединенных в серии по темам, до сих пор не могло быть осуществлено в виду общих типографских условий. «Вольфила» соединяет в своих стенах лишь 350 членов-соревнователей (по воскресеньям — иногда до тысячи посетителей) — самых разнообразных возрастов, званий, состояний, но объединенных теми стремлениями и идеалами, которые легли в основание Вольфилы.

Афиша[161]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 8-го августа 1920 года,
Состоится XXXVII открытое заседание:
Доклад **И. А. Боричевского. Две интеллигенции**

[161] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 21.

Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол заседания Совета ВФА[162]

в воскресенье 8-го Августа

в составе Р. В. Иванова-Разумника, К. А. Эрберга и представителей кружков Е. И. Виссель, А. Л. Векслер, Е. Ю. Фехнер, Н. М. Кояловича и П. Я. Данилевского.

Председательствует К. А. Эрберг.

1) Первым стоит вопрос о Московском Отделении Вольфилы, открытие которого признается очень желательным. Вносится предложение поручить устройство его Андрею Белому и <о> делегировании каждую неделю одного члена из Петербурга для возможного соответствия в работах и установлении более тесной связи обеими Вольфила<ми>.

2) Вторым рассматривается вопрос о подготовительных курсах и предполагается устройство именно курсовых занятий, а не кружковых. Для разработки программы выбирается комиссия, в которую входят: К. А. Эрберг, А. З. Штейнберг, А. Л. Векслер и Н. М. Кояловичь.

3) Вопрос о философии точных наук. Иванов-Разумник, ведший переговоры с проф. Васильевым говорит, что этот последний думает пригласить для ведения занятий в кружках по филос<офии> точных наук Хвольсона[163], Фредерикса[164] и еще 2 профессоров, при чем после 15 Авг<уста>, переселяясь в Петербург, решил приняться за выполнение своих планов. Признается желательным получение программы организуемых кружков и вносится предложение об устройстве доклада, могущего познакомить публику с теорией относительности.

4) Вопрос о клубе. В виду невозможности получения разрешения о<б> открытии клуба и денег на него, предполагается организовать его своими силами, при чем в первую очередь необходимо позаботиться о самоваре и посуде

5) В связи с предполагающимся 22<VIII> доклада проф. Лапшина просят Е. И. Виссель известить его об этом.

[162] ИРЛИ. Ф. 291.

[163] Орест Данилович Хв[illegible]852–1934) – физик.

[164] Всеволод Данилович [illegible]кс (1885–1944) – физик.

6) П. Я. Данилевский вносит предложение об обращении в Институт Мозга и, в частности, к Бехтереву[165] с предложением устроить у нас доклад.

7) Иванов-Разумник читает записки Л. Мищенко. Высказывается пожелание получения тезисов доклада «Механизм и Организм» для того, чтоб<ы> решить, приемлем ли он.

Письмо Л. Л. Мищенко в ВФА[166]

<От> Леонида Леонидовича Мищенко,
Пгр., Невский пр., 156, кв. 12.
Т. 4–23–12.

Заявление

В дополнение к уже заявленному докладу «Механизм и организм» предлагаю следующие, вполне самостоятельные доклады из того же цикла в порядке желательной постепенности:

1) Философия культуры и философия войны;
2) Культура и цивилизация на переломе;
3) Творчество техническое и художественное.

Об одобрении и назначении докладов прошу заблаговременно уведомить меня.

Леонид Мищенко.

8 августа 1920 г.
№ 379.
Петроград.

Протокол заседание Совета ВФА[167]

15/VIII–20 года

Присутствуют: Андерсон, А. Векслер, Эрберг — председатель, П. Осокин, Ал. Блок, Н. Меринг, Н. Коялович, Е. Виссель, Штейнберг, Е. Фехнер, А. Гизетти.

[165] Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – невролог, психиатр, организатор и руководитель Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности.

[166] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 158. На письме помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 19. 10/VIII 20 г.».

[167] ИРЛИ. Ф. 291.

Вопросы:
I. Вопрос. Письмо Р. Иванова.
II. Суббота.
III. Доклад старостата.
22/VIII. И. И. Лапшин. Творческая воля. XXXIX. 2 ч.
29/VIII. Конст. Эрберг. Эстетика В. С. Соловьева. 3 ч.
5/IX. Иванов-Разумник. Проблема зла.
12/IX. А. З. Штейнберг. Веселая наука. <...>

Хроника[168]

В Вольной философской ассоциации

В воскресенье, 22 августа 1920 года, состоится 39-ое открытое заседание вольной философской ассоциации. Доклад И. И. Лапшина «Интуиция в научном и философском творчестве». Начало в 2 ч. дня. Вход свободный.

Протокол XXXIX открытого заседания ВФА[169]

Лапшин «Интуиция в научном и философском творчестве»

Присутств<овали>: Лапшин, Ив<анов->Раз<умник> (председ<атель>), Штейнберг, Векслер, Меринг, Коялович и др.

Доклад[170]

(краткое содержание)

Докладчик говорит только об интуиции в научном и философском творчестве (а не в художественном), и поэтому ни о каком «вдохнове-

[168] Известия Петроградского Совета. 1920. 21 августа. № 185. С. 2. Аналогичное сообщение опубликовано в «Жизни искусства» (1920. 21–22 августа. № 536–537. С. 3).

[169] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № [illegible]. Позже Иванов-Разумник поместил протокол в обложку, в левом верхнем углу которой отметил: «Протокол. Запись Н. М. Меринг»; в правом верхнем углу: «Вольфила. XXXIX заседание»; в центре: «И. И. Лапшин. И[illegible]ция в научном и философском творчестве. Прения: Штейнберг, Векслер, Иванов-Разумник».

[170] Помета на полях: «Д[illegible]ть часть печатающейся книги Лапшина. Тезисы он обещал сам пре[illegible]но забыл, поэтому приходится мне восстан<авливать> по черновик[illegible] (Прим. Н. М. Меринг)». Речь идет о гла-

нии», «озарении», «свете» и ни о какой мистической интуиции говорить не собирается.

Научное творчество есть живой организм и *интуиция* всегда появляется в естественном росте этого организма[171]. Свое понимание интуиции докладчик основывает на конкретных данных — автобиографич<еских> показаниях различных ученых.

Поэтому большая часть доклада состоит из примеров научных догадок или построений, появляющихся внезапно, но после упорной кабинетной работы.

Примеры: Остроградского, писавшего мелом на спине парты внезапно пришедшие ему в голову готовые формулы; Пуанкаре (известн<ый> пример с подножкой кареты); Менделеева, во сне увидевшего в существ<енных> чертах свою систему; Эдисона, Гельмгольца, Кропоткина, Репина, Сореля, Шамполлиона, Раймунда Луллия, Руссо и множ<ество> других — все примеры, показывающие, что все существенное, как гипотеза, открытие, формула появляется в тех или иных условиях в сознании целиком и частью после упорной работы, но внезапно, как, действит<ельно>, некое озарение свыше.

Из этого следует, что научное творчество несомненно идет от целого к частям (т. е. обработка частностей приводит к какому-то скрытому ранее целому). К интересным примерам интуиции следует отнести предвосхищение научных открытий за множество лет, иногда за века (пример Платон, Тимей 56 — почти что дана формула воды[172]) и др.

ве IV – «Творческая интуиция» второго тома книги И. И. Лапшина «Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии)» (<Пб.,> 1922).

[171] Помета на полях: «Хотя определить творчество нельзя "просто как бонжур" (Прим. Н. М. Меринг)». Ср. также: «Я поставил это заглавие <"Творческая интуиция"> в кавычки, так как полагаю, что *не существует никакой творческой интуиции* как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на описанные мною переживания *чуткости* (т. е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), *проницательности* (т. е. уменья пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессах) и *чувства целостной концепции* (т. е. опять же способностью учуять по эмоциональным подголоскам *сродство* между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели)» (*И. И. Лапшин.* Философия изобретения и изобретение в философии. Т. 2. С. 74).

[172] Ср.: «...когда воздух претерпевает насилие и разрушение, из двух его тел с половиной оказывается составлен один цельный вид воды» (*Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М., 1971. С. 499).

Выводы докладчик делает следующие:

1. Нельзя разделять рассудочн<ое> мышление от интуитивного, как качеств<енно> различное.

2. Интуиция результат рассудочной работы многих лет (копится годами, выражается в одно мгновение). Поэтому для интуиции так характерно то, что докладчик называет *чувство целостности концепции* и острота проникновения в самую суть научной проблемы. Ибо это есть мгновенный результат многолетней систематической работы.

Прения.

Штейнберг говорит, что если стать на точку зрения докладчика и согласиться с тем, что каждая психика есть нечто в себе замкнутое, то все приведенные примеры будут только любопытными фактами, но подлинного интереса не представят. Между тем мы стоим перед очень значительными фактами сознания. Самая проблема сокровенности (того, что в скрытом виде есть то, что ищется) показывает на то, что факты больше, чем мы сами, и все, что говорит Ив<ан> Ив<анович> интересно и понятно только тогда, когда мы признаем факт Единства Сознания.

Векслер спрашивает, как представляет себе Иван Иванович творческий процесс — психологически или философски, когда говорит о философском творчестве.

Лапшин по-видимому удивлен резким отделением психологического процесса от философского и говорит, что ему непонятны разделения на обособленные департаменты, когда дело касается творчества. В том смысле, в каком нынче модно бояться «психологизма» — он сам антипсихологист, но в докладе, выбирая примеры, он мало думал о психологии: «Великие открытия — разве это психология?» В выборе примеров, разумеется, преобладал момент оценочный, а не психологический.

Векслер опять возражает. Она не согласна, пот<ому> что для нее ясно, что, описывая процесс научного творчества, Ив<ан> Ив<анович> брал моменты психолог<ические>. (Другими словами: обо всем, что относится к моментам творчества с филос<офской> т<очки> зрения не стоит говорить).

Лапшин повторяет, что оценка некот<орых> моментов творчества не есть психология творче[illegible]

Затем говорили дядя [illegible]олой (кажется, Скоромолотов) и еще неск<олько> неизвестны[illegible], что всякое мышление рассудочно.

Резюме дал председат[illegible]ливший наиболее ценные моменты доклада И<вана> И<ва[illegible] (радость творчества и всех творческ<их> переживаний, в [illegible] момент «мыслей без речи и чувств без названия» играет бол[illegible]ь; т<ем> не менее моменты созна-

тельн<ые> и бессознат<ельные> перемежаются, оттого так трудно уловить моменты интуиции).

Скриба просит прощения, что скверно написала проток<ол> этого засед<ания>.

Н. Мер<инг>.

Письмо В. Е. Чешихина в Совет ВФА[173]

<19 сентября 1920 г.>

Мил<остивые> граждане!

15 авг<уста> с<его> г<ода> я выступил в Вольфиле с речью о Владимире Соловьеве и понятие обо мне, как лекторе Вы имеете. — Повторяю свое предложение прочесть лекцию на тему: «Христианский социализм и вселенская теократия (о соединении государства и церкви». Программа лекции — у Вас. С совершеннейшим уважением —

Всев. Чешихин.

Афиша[174]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 29-го Августа,
Состоится XL-е открытое заседание.
Доклад А. З. Штейнберга Веселая наука
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева пл., дом 2, телефон 159–26.

Афиша[175]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 5-го Сентября 1920 г.
Состоится XLI-е открытое заседание.

[173] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 254. На почтовой открытке пометы рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 24»; «А. З. Штейнбергу». С докладом на заявленную тему В. Е. Чешихин в Вольфиле не выступал.

[174] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 22.

[175] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 23.

Иванов-Разумник. Социализм в учении Вл. Соловьева[176]
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол заседания Совета ВФА № 23[177]

5/IX–20 года.

Меринг, Коялович, Змеев, Векслер, Ив<анов>-Раз<умник>, Эрберг, Мейер, Бакрылов.

Вопросы:

I. Воскресенье 12/IX–20. XLII. А. А. Мейер и Иванов-Разумник. Проблема личности.

Бехтерев. Ф. Ф. Зелинский.

Музыкальный вечер — Браудо.

II. Кружки. Э. З. Гурлянд-Эльяшевой. Курс введения в философию. Лосский.

III. Субботы.

Протокол прений на XLI открытом заседании ВФА[178]

Иванов-Разумник «Социализм в учении Вл. Соловьева»

Доклад у Раз<умника> Вас<ильевича>[179].

[176] Информация о предстоящем докладе была опубликована «Известиями Петроградского Совета» в рубрике «Просвещение и культура» под заголовком «В Вольной философской ассоциации»: «В воскресенье, 5 сентября, состоится 41-ое открытое заседание вольной философской ассоциации. Доклад Иванова-Разумника „Социализм в учении Владимира Соловьева". Начало в 2 часа дня, вход свободный (Чернышева площадь, дом 2, подъезд № 1)» (*1920. 3 сентября.* № 195. С. 2).

[177] ИРЛИ. Ф. 291.

[178] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № [illegible]. Запись Н. М. Меринг.

[179] Текст доклада не сохра[illegible]. В 1922 г. издательство «Колос» анонсировало книгу Иванова-Разумника «Владимир Соловьев и социализм», однако издание так и не состоялось. [illegible]ября 1923 г. Иванов-Разумник выступал на заседании ВФА с докладом [illegible]ловьев о Софии», где впервые обнародовал работу мыслителя «Sop[illegible]». Сохранились четыре схемы к докладу Иванова-Разумника, воспр[illegible]тие рисунки и схемы самого В. С. Соловьева из «Sophie» и «Фи[illegible]» начал цельного знания» (ИРЛИ. Ф. 79.

Прения.

Мейер (А. А.) Много и подробно говорил о том, что в социализме есть больше правды, но, что при выборе между христианством и социализмом, если только встает задача этого выбора, — он, конечно, не выберет социализма. Неправда социализма в том, что он думает, что путем осуществления человеческой воли можно сделать какое-то добро, тогда как его можно сделать только тогда, когда исполняешь волю Бога.

Губер говорит о том, что его очень неудовлетворило освещение социализма у Р<азумника> В<асильевича>. Вопросы поставлены не дост<аточно> конкретно. Ему непонятен разговор об истинном социализме. Мы можем иметь дело только с историческим. Еще менее понятен ему разговор об истинном христианстве со стороны человека, стоящего вне христианства.

Демчинский говорит, что в социализме сказывается космическая воля, которая стремится к выравнению всего, об экстропии и энтропии.

Мищенко, стараясь говорить о социализме, по существу — говорит о человеч<еской> личности, на кот<орую> надо смотреть не как на средство, а как на цель.

Заключает собрание **Эрберг**, т. к. Раз<умник> В<асильевич> уехал. Он говорит, что доклад интересен именно тем, что докладчик умеет читать между строк и у Влад<имира> Соловьева прочел наиболее жгучее и ценное»[180].

Оп. 1. № 158). См.: *С. М. Соловьев.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 120; 130; 136.

[180] В «Чтениях о Богочеловечестве» В. С. Соловьев доказывал правду социализма как «необходимого следствия» и «последнего слова» «предшествовавшего ему западного исторического развития». По его мнению, «...социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях, логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т. е. к признанию религии» (*В. С. Соловьев.* Собр. соч. Т. 3. С. 11). Во «Второй речи в память Достоевского» Соловьев говорил уже об «истинном», «русском социализме», соотнося его с всемирно-исторической миссией («всечеловеческой задачей») «истинного христианства»: «русский социализм» есть «духовное братство», которое «требует одухотворения всего государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины и жизни Христовой» (Там же. С. 197).

Афиша[181]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 12-го Сентября 1920 г.
Состоится XLII-е открытое заседание
А. А. Мейер и Иванов-Разумник. Проблема личности
Начало в 2 часа дня
Вход свободный.
Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

К. Эрберг

Конспект докладов на XLII заседании ВФА[182]

А. А. Мейер и Иванов-Разумник. «Проблема личности»

11–IX–1920

Доклад Мейера.

Доклад Иванова-Разумника.

Оппоненты: Эрберг, Векслер, Меринг, Мищенко, Чебышев-Дмитр<иев>, *Оттенс*, *Гиринский*, *Мейер*, *Ив<анов>-Раз<умник>*.

Мейер.

Личность есть самоопределяющийся тв<орческий> акт.
Личность есть *ценность*, потому *посл<едняя> цель*. (Бог).
Тв<орческий> акт определяющийся в своем { выявл<ении> / бытии.
[Uhr Ich — Пра-Я — Бог][183]
Личность м<ожет> быть только тогда, когда есть то, что вне ее (как ценность).
[Богов д<олжно> быть много.
Или множественность Абсолютов (*принимается*) или отказ от своей Личности.
Мое бытие определяется мною, а Богом?]
Зло: метафизическое / физическое / социальное / моральное.
Общество как расширенная и восполненная личность.
[цветок / кошка / челов<ек> } индивидуумы } индивидуум + личность

[181] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 [illegible] 24.
[182] ИРЛИ. Ф. 474. № 1[illegible] 6; 12–13.
[183] Здесь и далее в квадратных скобках приводится текст, зачеркнутый автором конспекта.

теологич<еское> / метафизич<еское> / психологич<еское> / этич<еское> / социальн<ое> / юридич<еское>
определенное бытие не есть еще огранич<енное> бытие (Бострём)
персонализм]
Лицо — существо, способное к *самоопределению* (одаренное разумом и сознан<ием>).

Атеизм	(Нет: само*утв<ерждение>*)
Антитеизм – самоотрицание	
Мое *бытие* определяется не мною, а Богом	Не тварность
Гордость	Только в обществен<ном>
Uhr Ich = *Пра Я* = Бог	Пра Я = бывший Я. Домой!
Или множественность Абсолютов, или отказ от моего я	Да: первое. *Определ<енное>* бытие не значит *огранич<енное>* б<ытие>.
Свободу можно утверждать *только в борении* со стихийными силами	Да: творч<еское> преодол<ение> борьба с Властью.
Силы для борьбы нахожу в *соединении* с Богом (Своб<одная> Л<ичность>)	Но *не в растворении* моего Я. Силу нахожу в царстве *свободы*
Бессмертие Воскресенье	
Сверхчелов<ек> – не личность	
Ив<анов>-Раз<умник> *сомн<евается>* в бессм<ертии>	Человек может быть смертен, но Я бессмертно. Марк гл. 9, ст. 40[184].
Власть	Пантеизм, политеизм, братья
	«Я сам» педаг<огический>
	принц<ип> act.
	Я природен
	Свобода (искра)

Падение — свобода
За помощью к той власти, с кот<орой> борюсь?
Если будет *распыление*, то не хочу.

Доклад *Иванова-Разумника*.
Бого { отцовство / сыновство → богобратство?
Скифство: «Да будет воля *моя*»
1) доисторич<еская> жизнь
2) история (вчера)

[184] Ср.: «Ибо, кто не против вас, тот за вас».

3) оправдание свободы (сегодня)
4) свободное тв<орчест>во (завтра) освобожд<енное> бытие — ?
5) слияние { антроподицеи / теодицеи своб<одное> бытие — Да
Иудейство — огн<енный> столб — бого-водитель<ство>
Арийство — огонь Прометея — чел<овеко>-водительство
Принцип { рассеяния — Вавил<онская> башня / собирания { Интернац<ионал> / коммунизм
монгол
семит — хамит — иафетид
ариец
1) бого*братство*
2) бытие { освоб<ожденное> / своб<одное>
3) антропо*кратия* (активн<ость?>) творч<еская> ненависть
4) Россия
5) да буд<ет> воля наша
6) скифы до скифов
творч<еское> начало
норма — иннормативн<ое> начало (против Шт<ейнберга?>)
трагедия

Афиша[185]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 19-го Сентября 1920 г.
Состоится XLIII-е открытое заседание
Доклад Гарта. **О смысле жизни**
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева пл., [illegible] подъезд № 1, тел. 159–26.

[185] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. №

Афиша[186]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 26-го Сентября 1920 г.
Состоится XLIV-е открытое заседание
Доклад **В. М. Бехтерева. О непосредственном восприятии (на основании данных эксперимента)**
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Предписание[187]

Р.С.Ф.С.Р.
Комиссариат по Просвещению
Отдел Ученых учреждений и
Высших Учебных Заведений
29/IX 1920 г. № 3798.

В ВОЛЬНО-ФИЛОСОФСКУЮ АССОЦИАЦИЮ.

Чернышева площ<адь>, 2.

Во исполнение постановления Президиума Петросовета от 29-го Августа сего г<ода> за № 130 о передаче дома № 2 по Чернышевой площ. в ведение Совкомхоза[188], Отдел просит, согласно отношения Отдела Благоустройства от 21-го Сентября с<его> г<ода> за № 2215, освободить помещения, занимаемые в этом доме Вольной Философской Ассоциацией.

Заведывающий <так!> Отделом: М. Кристи.
Заведывающий Канцелярией: Подпись.

[186] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 26. Информация о предстоящем заседании (доклад В. М. Бехтерева «О непосредственном восприятии на основании данных эксперимента») была опубликована в «Известиях Петроградского Совета» (1920. 25 сентября. № 214. С. 2) в разделе «Хроника. В Вольной философской ассоциации» с ошибочным указанием даты – 27 сентября.

[187] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 170. На документе помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 29».

[188] 21 сентября в Отдел высших учебных заведений и ученых учреждений на имя М. П. Кристи поступило распоряжение о немедленном освобождении помещений, занимаемых ВФА в доме по Чернышевой пл., д. 2. (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 190. Л. 19).

Письмо Ю. Гюрта в ВФА[189]

Господам Лекторам Вольной Философской Ассоциации.

У меня имеется некоторое количество книг (около 300 томов), преимущественно немецких, — но есть и французские —

по философии (Wundt, Wentscher, Rickert etc)

~ истории

~ географии

~ литературе

беллетристика

по религиозным вопросам

в переплете и брошюрованные.

Если пожелаете приобрести, прошу пожаловать от 6½ час<ов> вечера Вас<ильевский> Остр<ов>, 12 лин<ия>, дом 31[в], кв. 21, ход со двора, через средние ворота.

Петроград

30го Сентября 1920.

В Воскресенье 3го Октября от 2 часов дня.

Афиша[190]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 3-го Октября 1920 г.
Состоится XLV-е открытое заседание
Борис Демчинский. Возмездие за культуру[191]
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева пл., 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

[189] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 2. На письме помета рукой В. В. Бакрылова «Вх. № 25».

[190] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. 27.

[191] Позже на основе этого доклада Б. Н. Демчинским была издана книга «Возмездие за культуру (Движение к общемировому голоду)» (Пг., 1923), где основным конфликтом современности назвалась «безогневая и бесшумная война» между человеком и землей, культурой и природой, предрекалась историческая неизбежность окончательной расплаты человечества за свое господство над окружающей средой: «В течении выкупа за свои дары слагает история свою закономерность. Она [ростовщик: сегодня дары, а расплата не сразу, но зато неумолимая и всегда [возрастающая. Вдруг инквизиция как счет за порыв к непосильной для среднего [жертвенной любви, или жуткое число са-

Протокол заседания Совета ВФА № 24[192]

3/X
Помещение.
Воскресенье.
Смета.
Кружки. <...>
10/X. XLVI. Ф. Ф. Зелинский. Творческая эвфория.
24/X. XLVII. С. А. Аскольдов. Свобода воли.
31/X. XLVIII. Вяч. Иванов и Гершензон[193].

моубийств и безудержный разврат как неведомо откуда выросшие спутники высшей культурности, или небывалая война, соединяющая в страшной панораме своей неисчислимые тени прошлого, которые когда-то, несомненно, возникали от света, но до поры до времени затаились, незаметно загущаясь, – благо и сам человек обнаруживал склонность их не замечать, – пока наконец не поднялись в общем заговоре. В последней войне как-то сразу сплотились и навалились грехи прошлого, содеянные перед культурою духа; в мятежном порыве земли, начавшей свою войну и двинувшей свои дикие орды на культурные посевы, восстали иные тени и другое дано знамение. Природа будет мстить и не отступит от своего замысла и не смягчит приговора» (С. 88).

[192] ИРЛИ. Ф. 291.

[193] Речь идет о рукописи «Переписки из двух углов», которая зачитывалась в на XLVII открытом заседании ВФА 17 октября. Ее содержание составили 12 подлинных *писем Вяч. Иванова и Михаила Осиповича* Гершензона (1869–1925) на тему духовного самоопределения современной эпохи, которыми они обменивались между собой 17 июня – 19 июля 1920 г., оказавшись в общей комнате одной из московских здравниц для работников науки и литературы. См.: *В. Иванов.* Собр. соч. III. С. 383–415; а также: 453–484; 807–818. Книга была издана петроградским издательством «Алконост» летом 1921 г. Ср. также с откликом А. А. Гизетти, возможно, прозвучавшим и на данном заседании Вольфилы: «Эта странная переписка на тему о сущности и противоречиях культуры происходила между двумя корреспондентами – литераторами, *когда они жили вдвоем* (притом без посторонних третьих лиц, что́ видно на содержании переписки) в одной комнате здравницы для работников науки и искусства в Москве. Такое объединение поневоле настраивает скептически: пред нами, очевидно, продукт очень уединенного, специфически-интеллигентского умонастроения и характера; люди разучились задушевно говорить, а могут только литературно, обобщенно писать. Но в этом отчасти и заключается интерес "Переписки". Это своеобразный человеческий документ запутавшейся духовной жизни наших дней. Характерно ее содержание: спор "верующего" в "культуру" Вяч. Иванова со смятенным и усомнившимся в ее успехах Гершензоном. Книжечка прочитывается с волнением, вниманием

17/X. А. З. Штейнберг. Веселая наука.
В четверг от 7 заседание общ<ее> для членов-соревнователей.
Тема:
Заг<ородный>, 30, кв. 11.
Курсы.
Устав.

Афиша[194]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 10-го Октября 1920 г.
Состоится XLVI-е открытое заседание
Ф. Ф. Зелинский. Творческая эвфория
Начало в 3 часа дня.
Вход свободный.
Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Общество изучения Западной Культуры[195]

4-го октября состоялось открытие Общества изучения Западной Культуры. Председателем первого заседания был выбран академик С. Ф. Ольденбург.

Один из инициаторов Общества, А. И. Гидони, ознакомил собрание от имени инициативной группы (А. И. и Г. И. Гидони, В. А. Пяст[196], Андрей Белый[197], В. М. Жирмунский[198]) с задачами и намерениями нового Общества. <...>

и интересом, особенно письма ищущего" М. О. Гершензона. Всю же переписку в общем надо признать растянутой в письмах - по шести с каждой стороны. В ней почти не развиваются "действия", аргументация; позиции авторов определяются с самого начала. Друг друга им не переубедить, и дальнейшее полно скучноватых повторений» (Вестник литературы. 1921. № 10. С. 9).

[194] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № Л. 28.

[195] Жизнь искусства. 192 октября. № 577. С. 1.

[196] Владимир Алексеевич (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) – поэт, переводчик.

[197] Объявленное участ рея Белого в инициативе, принципиально альтернативной Вольфиле ь, по всей видимости, своеобразной «рекламной уловкой» организа скольку осенью 1920 г. председатель ВФА проживал в Москве.

[198] Виктор Максимови ский (1891–1971) – литературовед.

Деятельность нового Общества предполагается разделить на внутренние, закрытые заседания, публичные лекции и диспуты[199].

Доклад А. И. Гидони был дополнен некоторыми мыслями и пожеланиями В. А. Пяста, указавшего, между прочим, что возможна такая постановка и трактовка тем, которая создаст любопытную полемику с Вольной Философской Ассоциацией.

Гидони заметил, что такая возможность не исключается, но что желательно остерегаться бесплодной и напрасной полемики. В новом Обществе не должно быть много вольности и мало философии.

Г. И. Гидони указал на то, что на первых порах явится преимущественная надобность в закрытых заседаниях, так как уже намечен ряд тем, научность и строго специальный характер которых исключает возможность популяризировать их для широкой аудитории. <...>

Протокол заседания Совета ВФА № 26[200]

10/X–20 года.

Векслер, Фехнер, Коял<ович>, Осокин, Георг<ий> Як<овлевич> Змеев.

Объявление о кружках.

Пон<едельник> и среда от 5 ч<ас>ов.

17/X. XLVII. Вяч. Иванов и Гершензон.

24/X. XLVIII. С. А. Аскольдов. Свобода воли.

31/X. XLIX. А. З. Штейнберг. Веселая наука.

7/XI. XL. Платон. А. В. Васильев, Ф. Ф. Зелинский, Н. О. Лосский.

Русс<кое> Геогр<афическое> о<бщест>во. Демидов пер., д. 8а. <...>

Афиша[201]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 24-го Октября 1920 года,
Состоится XLVIII-е открытое заседание:
С. А. Аскольдов. Свобода воли

[199] Сведений о последующей деятельности Общества изучения Западной Культуры не имеется.

[200] ИРЛИ. Ф. 291.

[201] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 29. Информация о XLVIII открытом заседании и вечере поэзии Клюева была опубликована в «Известиях Петроградс-

Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
В том же помещении состоится первый литературный вечер
Вольн. Фил. Ассоциации
Вечер поэзии Николая Клюева
Начало в 7½ часов вечера.
Вход свободный.
В Воскресенье, 31-го Октября 1920 года,
Состоится XLIX открытое заседание
А. З. Штейнберг. Веселая наука (Памяти Ницше)
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.
Демидов пер., 8а Зал Географического О-ва.

Протокол заседания Совета ВФА[202]

21 ноября 1920 г.

Присутствовали: Иванов-Разумник, Эрберг, Штейнберг, Чебышев-Дмитриев, Векслер, Коялович, Меринг, Змеев.

Председатель: Иванов-Разумник.

Вопросы.	Постановления.
1. Обсуждение темы докладов будущих воскресений. (*Предложения*: Лавров: Социализм и современное строительство; Гредескул[203]: Россия и интеллигенция; Чебышев-Дмитриев: Время и бессмертие).	На воскресенье 28 ноября назначается доклад А. А. Чебышева-Дмитриева «Время и бессмертие».
2. Печатанье афиш.	Решили временно отложить печатанье афиш ввиду различных затруднений, объявления сделать в газетах.

кого Совета» (1920. 22 октября
там же 30 октября (№ 244. С
ледний из могикан» о двух ве
ная газета. 1920. 22 октября.

[200] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. №

[201] Николай Андреевич
данского права Политехни

237. С. 2), а о XLIX открытом заседании –
чет Ф. Грошикова [С. Копейкина] «Пос-
эзии Н. Клюева в Петрограде см.: Крас-
4.
2.
(1865 – после 1926) – профессор граж-
ститута, публицист.

3. Открытие клуба.	Намечается литературный вечер Ремизова и Блока. Переговорить с А. А. Блоком до четверга 25 и 25 открыть клуб.
4. Начало чтения курсов.	Намечены дни начала занятий Чебышева-Дмитриева (26) и Кояловича (27).

За Председателя: Р. Иванов.
Секретарь: Н. Меринг.

Объявление[204]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 5го декабря 1920 г.
состоится LIV^-ое открытое заседание:
А. А. Мейер. Творчество символа
Начало в 2 ч. д. Вход свободный
Зал Геогр. О-ва Демидов пер., д. 8а

Расписание занятий[205]

Вольная Философская Ассоциация

(Фонтанка, д. 50, кв. 22).
Занятия с 13 Декабря по 18 Декабря 1920 г.

13 Понедельник	8–10	Кружок **А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики»**
14 Вторник	8–10	Курс **А. В. Васильева «Философия математики»** (Педагогич<еский> инст<итут>, Матем<атический> кабинет)
15 Среда	5–7	Курс **А. А. Мейера «История древней философии»**
	7–9	Кружок **К. А. Эрберга «Философия Творчества»**
16 Четверг	5½–7½	Курс **Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Введение в философию»**

[204] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 25. Текст написан Ивановым-Разумником.
[205] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 12. Текст написан рукой В. В. Бакрыловым.

	7–9	Кружок Иванова-Разумника «Критическая история литературы XX века»
	9–12	Собрание клуба, диспут о Монументе Татлина при участии **Н. Пунина, Бруни**[206] и др.[207]
17 Пятница	8–10	Кружок **А. А. Мейера «Философия религии»**
	« – «	Курс **А. А. Чебышева-Дмитриева «Введение в философию математики»**
18 Суббота	6–8	Курс **Н. М. Кояловича «Логические учения»**

Четверг, Пятница, Суббота, Воскресенье от 9 часов
Собрание шахматистов.
Прием по делам кружков и клуба ежедневно
(кроме понедельников от 5–7).

Объявление[208]

Шахматный кружок
при клубе Вольной Философской Ассоциации

Собрания — по Четвергам, Пятницам, Субботам и Воскресеньям, с 8 до 12 ч. ночи.
Запись у Руководителя — **А. А. Чебышева-Дмитриева**
Вход свободный.
Фонтанка, 50, кв. 22 (После 8 ч. веч. — вход со двора).

Повестка[209]

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 26-го декабря 1920 года
состоится [illegible]-е открытое заседание
О. Д. Форш. Творчество слова
На [illegible] в 2 часа дня.
Вход свободный
Демидов пер., д. № 1, Зал Географического О-ва.

[206] Лев Александрович Бр[illegible] (1894–1948) – художник.
[207] Позже эта тема зач[illegible] сверху приписано: «Наталья Халатьян. Пласт<ика>. Кузьмин. Сти[illegible]
[208] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 [illegible]64. Текст написан Ивановым-Разумником.
[209] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 [illegible]

Расписание занятий[210]

Вольная Философская Ассоциация

Кружки и курсы
Занятия с 27 декабря 1920 по 1 января 1921 г.

	от до часов веч.		Примечание:
Понедельник 27–XII	– – 7–9 ч. в.	**Иванов-Разумник** «Философия культуры»	Доклад **Ф. Ф. Зелинского**. См. особое объявление.
Вторник 28–XII		**А. В. Васильев** «Философия математики»	Университетская наб., д. 11. Матем<ический> Кабинет при Педагог<ическом> Инст<итуте>.
	8–10	**А. З. Штейнберг** «Основные вопросы метафизики»	NB. О новом курсе – «Творчество слова» – см. особое объявление.
Среда 29–XII	5½–7	**А. А. Мейер** «История древней философии»	Четвертая лекция курса.
	7–9	**К. А. Эрберг** «Философия творчества»	
Четверг 30–XII	5½–7	**Э. З. Гурлянд-Эльяшева** «Введение в философию»	Третья лекция курса; в комнате № 1.
	7–9	**Иванов-Разумник** «Критическая история соврем<енной> литературы»	В комнате № 5.
Пятница 31–XII	7–9	**А. А. Мейер** «Философия религии»	
	8–9½	**А. А. Чебышев-Дмитриев** «Введение в философию математики»	Не состоится.
Суббота 1–I–1921	6–8	**Н. М. Коялович** «Логические учения»	Не состоится.

[210] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 14. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Запись и справки — у секретаря и заведующего организацией кружков — ежедневно, кроме понедельника — после 5 ч. вечера
Фонтанка, д. 50, кв. 22. (После 8 ч. веч. — вход со двора).

Объявление[211]

Клуб членов-соревнователей

Вольной Философской Ассоциации

В Понедельник 27го декабря состоится
соединенное собрание клуба и кружка
по «Философии культуры»:
доклад **Ф. Ф. Зелинского «Эллинизм и христианство»**
Начало в 7 ч. веч.
В Четверг 30го декабря
Вечер поэзии
Начало в 8 ч. веч.
В Понедельник 3го января 1921 г.
доклад **Н. С. Лаврова «Будущее России в связи с развитием социализма»**[212]
Начало в 8 ч. веч.
Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8½ ч. веч. — вход со двора.

Объявление[213]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 2 января 1921 г.
состоится VIII-ое открытое заседание:
Ф. Я. Парчевский. «Мессианизм и славянство»
В Воскресенье 9-го января 1921 г.
состоится IX-ое открытое заседание:
К. С. Петров-Водкин. «Красота спасет мир»

[211] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. [illegible] 26. Текст написан рукой Иванова-Разумника.
[212] Доклад был перене[illegible] января 1921 г.
[213] ИРЛИ. Ф. 79. Оп[illegible] 27. Машинописный проект афиши с печатью ВФА.

В Воскресенье 16-го января 1921 г.
состоится LX-ое открытое заседание:
Конст. Эрберг «О догматах и ересях в искусстве»
В Воскресенье 23-го января 1921 г.
состоится LXI-ое открытое заседание:
Н. С. Лавров. «Будущее России и социализм»
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный
Зал Географ. О-ва. Демидов пер., д. 8а.

Объявление[214]

Вольная Философская Ассоциация

Клуб членов-соревнователей
В Понедельник 10-го января 1921 г.
Елка
В Четверг 13-го января 1921 г.
Вечер рассказов А. Терек[215]
В Понедельник 17-го января 1921 г.
Доклад Б. Н. Демчинского: «Пути Христа»
В Четверг 20-го января 1921 г.
Вечер критико-библиографический: «Имажинизм»
В Понедельник 24-го января 1921 г.
Доклад Н. Е. Фельтен[216]**: Л. Н. Толстой и революция**
Начало в 8 ч. вечера. Вход свободный для всех
членов-соревнователей В.Ф.А.
Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8 ч. вечера — вход со двора.

[214] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 16. Текст написан рукой Иванова-Разумника.
[215] Псевдоним О. Д. Форш.
[216] Николай Евгеньевич Фельтен (1884–1940) – литератор, издатель сочинений Л. Н. Толстого. См. рекомендательное письмо С.М. Городецкого к А.А. Блоку от 8 августа 1920 г.: «Дорогой Саша. Рекомендую твоему вольфильскому вниманию Ник<олая> Евг<еньевича> Фельтена, известного толстовца <...>, личного друга Л.Н., обладателя бесценных архивов по Толстому и тонкого знатока его личности и творений. Мне кажется, при Вольфиле студия по Толстому была бы вполне уместна» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 61).

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[217]

16/I 1921

Дорогой Константин Александрович, — Вам расскажет Ольга Дмитриевна, почему я не был всю неделю в городе и не приехал сегодня: болезнь сына (еще не определенная) с t° около 40°-ов. Я не был в Четверг на своем кружке — и очень огорчился, узнав, что по настоянию А. Л. Векслер отменили и клубное заседание — «вечер рассказов Терека». Почему? Этак мы совсем отвадим посетителей от начавших налаживаться клубных заседаний. Завтра (на Демчинского) и в Четверг, вероятно тоже не буду: не возьмете ли Вы на себя попечение, чтобы вечера эти не развалились. (*NB*: расписание клубных вечеров на весь январь я передал О. Д. [Форш] для того, чтобы приколоть его к дверям зала заседаний).

Очень досадую, что не буду на Вашем докладе. Я приеду в город только с вечерним поездом, т<ак> к<ак> мне надо переночевать на моей петербургской квартире. Зайду к Вас в *Понедельник*, часов *в 12 дня*, имея к Вам просьбу и дело, которые тогда и изложу. А теперь привет Вольфиле и до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Я думал: хорошо бы нам «всем, всем, всем» написать письмо Борису Николаевичу, огласить его в Вольфиле на заседании и послать с надписями.

P. S. S. Если сегодня в зале увидите И. Я. Гинсбурга[218] (его Вам покажет Форш), то имейте в виду, что он предлагает доклад «Язык скульптуры». Хорошо бы поговорить.

Расписание занятий[219]

С 17 [illegible] по 23-ье января 1921 г.

17-го (понедельник): в 8 [illegible]брание клуба; доклад **Б. Н. Демчинского**: «Пу[illegible]риста»[220]

18-го (вторник): 6–8 [illegible] **Д. Форш и А. Л. Векслер**: Кру[illegible] «Творчество слова»

8–1[illegible] **З. Штейнберг** «Метафизика»

[217] ИРЛИ. Ф. 474. № 1[illegible]

[218] Илья Яковлевич Ги[illegible] 1859–1939) – скульптор.

[219] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. [illegible] 18.

[220] Позже зачеркнуто [illegible]писано: «вечер памяти Толстого; доклады: И. Я. Гинзбург "Толст[illegible]ество", Н. Е. Фельтен "Толстой и революция"». Первоначально э[illegible]ое было намечено на понедельник, 24 ян-

8–10 (Университетская, 11) !!! 8–10. А. В. Васильев «Философия математики»

19-го (среда): 6–8. Курс истории древней философии. А. А. Мейер
7–9. К. А. Эрберг: Философия творчества

20-го (четверг): 6–8. Э. З. Гурлянд-Эльяшева: Введение в философию
В клубе: В 8 ч. Вечер рассказов А. Терек (О. Форш)[221].

21-ое (пятница): 8–10. А. А. Чебышев-Дмитриев: Введение в философию математики
8–10. А. А. Мейер: Философия религии.

22-го (суббота): 6–8. Н. М. Коялович: Логические учения.

В воскресенье 23-го января в 2 ч. дня (Демидов пер. 8а)
LXI откр<ытое> заседание: **Н. С. Лавров «Будущее России и социализм»**.
По воскресеньям, понедельникам и четвергам в клубе собрания шахматистов.
Фонтанка, 50, кв. 22. Справки ежедневно от 6–7 веч.

<Б. Н. Демчинский>

Любовь как нарушение мировых законов и современных человеческих идеалов[222]

Прогноз науки о судьбах мира. Энтропия. Необратимые процессы. «Часы были заведены только один раз»[223]. Предположение о существовании центров эктропии за пределами нашего астрономического мира. Необоснованность этих предположений. Картина умирания миров. Исчезновение животворящих сил при полном сохранении всего имеющегося запаса сил. Идеал равномерности как признак наступившей смерти. Всеобщее выравнивание, без надежды вернуться

варя. Расписание занятий с 24-го по 29-ое января 1921 г. см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 20.

[221] Позже зачеркнуто; сверху приписано: «Н. Никитин прочтет повесть "Кол"». Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – прозаик, член литературной группы «Серапионовы братья».

[222] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 21. Предположительно тезисы доклада Б. Н. Демчинского в Вольфиле 17 января 1921 г.; авторство устанавливается на основании его выступления в прениях на XLI открытом заседании ВФА «Социализм в учении Вл. Соловьева».

[223] Ср.: «Эта *привычка* [жить. – *В. Б.*] (часы заведены и сами собой продолжают идти) вызывает естественную смерть» (*Г. В. Ф. Гегель.* Лекции по философии истории. – СПб., 1993. С. 121).

к неравенству, включено в космический план. Тоска будущего человечества по неравенству. (На обороте).

Идеал социализма как послушание мировой воле. Неизбежность социализма. Социализм, осуществляющий необратимые процессы. Золото, равномерно растворенное в океанах, обманчивая радость вечного возвращения жизни. Признаки энтропии. Предел жертвы в социализме. Жертва собой и жертва другими. Мечты человечества о равенстве. Под видом одухотворенных человеческих замыслов космос проводит свои бездушные планы.

Бунт против законов космоса. Христианство. Протест Христа против равенства[224]. В идеальном христианстве не может быть равенства. Любовь как обратимый процесс. Единый центр энтропии.

Объявление[225]

Вольная Философская Ассоциация

Клуб членов-соревнователей

Январь Понедельник 17	Доклад **Б. Н. Демчинского** «Пути Христа»	Начало в 8 ч. веч.
Четверг 20	Литературный вечер: **т. Никитин** прочтет рассказ «Кол» Вечер пластики[226]	Начало в 8 ч. веч.

[224] Ср.: «Ты привел Христа в революцию, как идеального, но беспомощного человека, и не предвидел, что земле не нужно Его тела, не нужно Его механического соучастия, а важны Его идеи, которые не покидали людей и по-прежнему насыщают тот воздух, в котором мы движемся, живем и даже враждуем! Может быть, именно в разгар революции пребывание Христа сказывается с наибольшей ясностью, потому что только Его сила, незаметно повсюду развеянная, облагораживает революцию, уменьшая ее животное остервенение и сдерживая ... взгул, который не имел бы границ без благотворного влияния вечно зовущих идей Христа. Если революция не приняла законченного и беспросветного жестокого течения; если из многомиллионного бунта не образовалась ... светопреставления и, значит, революция не несет добивающего удара ... вновным уничтожением враждующих, – то кому же мы этим обязаны ... пребыванию Христа на земле?» (*Б. Демчинский.* Христос в революции (Азия). – СПб., 1907. С. 78).

[225] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. ... Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[226] Позже зачеркнуто.

Понедельник 24	Вечер памяти Л. Н. Толстого: **И. Я. Гинсбург**: Толстой и искусство **Н. Е. Фельтен**: Толстой и революция	Начало в 10 ч. веч. Начало в 8 ч. веч.
Четверг 27	Литературный вечер: **А. Терек** прочтет новые рассказы («Африканский брат» и др.)[227]	Начало в 8 ч. веч.
Понедельник 31	Литературно-библиографический вечер: «Имажинизм», доклад **А. Л. Векслер**	Начало в 8 ч. веч.

Фонтанка, д. 50, кв. 22 (После 8½ ч. веч. — вход со двора)

«Вольфила»[228]

В ноябре 1919 года начала свое существование в Петрограде «Вольная философская ассоциация» (сокращ. «Вольфила»). Члены-учредители: Андрей Белый, А. Блок, Иванов-Разумник, В.Э.Мейерхольд, К. С. Петров-Водкин, Лев Шестов[229], А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др. В основу «Вольфилы» положена мысль о системе философии и социализма при отклике на все современные вопросы. По воскресеньям устраиваются открытые заседания с докладами на разные темы. На этих докладах выступали члены-учредители, а также А. А. Мейер, Н. О. Лосский, С. А. Аскольдов, А. А. Гизетти, Ю. Н. Данзас. Кроме того, организованы кружки членов-соревнователей, под руководством основателей «Вольфилы» и приглашенных ими лиц.

[227] Позже зачеркнуто; рядом написано: «Никитин прочтет расск<аз> "Кол"».

[228] Русская книга. 1921. Январь. № 1. С. 14.

[229] В том же номере журнала ошибочно утверждалось, что «Лев Шестов до осени 1920 г. жил в Петрограде, участвовал в образовании "Вол.-Фил. Асс."» (Там же. С. 34).

Объявление[230]

Вольная Философская Ассоциация

Воскресные доклады на заседаниях с 16-го янв<аря>
по 6-ое февр<аля> 1921 г.
Воскресенье 16-го янв<аря>
Конст. Эрберг. О догматах и ересях в искусстве
Воскресенье 23-го янв<аря>
Н. С. Лавров. Будущее России и социализм[231]
Воскресенье 30-го янв<аря>
Е. М. Браудо. Романтическая психология в музыке[232]
Воскресенье 6-го февр<аля>
Ф. Я. Парчевский. Очередные задачи знания
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный
Зал Геогр. О-ва. Демидов пер., д. 8а.

Объявление[233]

Вольная Философская Ассоциация

Возобновление занятий в кружке по «Философии культуры»
в Понедельник 24-го янв<аря> 1921 г.
Доклад **Иванова-Разумника «Христианство и Социализм»**[234]
Начало в 6 ч. веч.

[230] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 19. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[231] Сохранились 2 повестки на это заседание. На одной их них рукой Бакрылова помечена дата с ошибочным указанием года: «17/I 20 год».

[232] Конспективные заметки Конст. Эрберга, вероятно, председательствовавшего на этом заседании, см.: ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 5–7.

[233] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 31. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[234] Заявленная тема нашла отражение в статье Иванова-Разумника «Россия и Инония» (1918). Ср.: «Христианство – и Социализм. Для одних противопоставление это – кощунственно и плоско, ибо Христианство для них – безмерно больше, чем великая вселенская идея, а Социализм – бесконечно меньше, чем религиозное мировоззрение: лишь социально-политическая программа. Для других сопоставление это – никчемно и *"отстало"*, *ибо* Христос для них – безмерно меньше, чем вечный мировой символ, а Социа-

В Четверг 27-го января 1921 г. в кружке по Русской Литературе XX-го века
доклад **Иванова-Разумника «„Двенадцать“ и „Скифы“ Александра Блока»**
Начало в 6 ч. веч.
Фонтанка, д. 50, кв. 22.

лизм – бесконечно больше, чем мировоззрение: вера их жизни и смерти. Первые – не видят "нового вознесения" человеческого духа за социально-политической схемой исторического социализма. Вторые – заслоняют в своем понимании вечно живую мировую идею мертвым скелетом исторического христианства. И те и другие – не видят за деревьями леса. Ибо есть Христианство и христианство. Есть Социализм и социализм. Не „плоско“ и не "отстало", не "кощунственно" и не "никчемно" сопоставлять и противопоставлять друг другу две вселенские идеи, две мировые волны, идущие одна вслед за другою, сметающие собою мир старый, выносящие нас с собою в мир новый. Исторический социализм – есть и всегда будет тем самым, чем всегда была христианская церковь: социально-культурной силой, которая беспрерывно сменяться будет новыми формами, в связи с изменяющимися историческими условиями. Но все эти многоразличные формы "социализма", "синдикализма", "анархизма" неизбежно нам объединить условной, общей – не боюсь этого слова: – религиозной идеей Социализма, новой верой и новым знанием, идущим на смену старому знанию и старой вере Христианства и его многоразличных исторических форм. Это видят, это знают лучшие даже из профессиональных христианских богословов, не разменявшиеся еще до степени профессиональных антисоциалистических суесловов. "В византизме, католичестве и протестантстве – говорит один из них (проф. Тареев) – мы видим три положительных формы церковно-исторического христианства; социализм решительно идет в сторону от христианства, и его связь с христианством – в его сознательном и прямом анти-христианстве". Если прибавить к этим словам, что христианство в его церковно-исторических формах, все двадцать веков своей жизни было почти сплошь "анти-Христовым", то вопрос будет поставлен правильно и твердо. Но вопрос этот – большой, о нем нельзя говорить мимоходом; пока достаточно его только поставить» (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. С. 207–208).

Проект

Положения о I-ом Всероссийском Философском Съезде в Петрограде[235]

I. Задачи Съезда.

§1. I-ый В<сероссийский> Ф<илософский> С<ъезд> созывается для совместного обсуждения и выяснения вопросов культурного творчества человека с точки зрения основ общего мировоззрения и мировосприятия.

II. Организация Съезда.

А. Организационное бюро.

§2. Для проведения всех необходимых мер по подготовке и созыву съезда учреждается О<рганизационное> Б<юро> по созыву I-го В<сероссийского> Ф<илософского> С<ъезда> в составе: 1) Президиума В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации>, 2) Представителей от Вс<ероссийской> А<кадемии> Наук, Петр<оградского> Госуд<арственного> Унив<ерситета>, Петерб<ургского> Фил<ософско-

[235] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 65. В своих воспоминаниях А. З. Штейнберг называет эту инициативу планом организации в России «Первого международного съезда по философии», к работе которого, по его словам, предполагалось привлечь Б. Рассела, А. Эйнштейна, Г. Лукача и других видных представителей мировой интеллектуальной элиты. Замысел возник осенью 1920 г. по аналогии с довоенными международными философскими съездами, на одном из которых (в Болонье, в 1911 г.) Штейнбергу довелось побывать в качестве корреспондента журнала «Русская мысль» (См.: *А. Штейнберг.* «Парламент философии» // Русская мысль. 1911. Кн. VII. Отд. 3. С. 40–42). Летом 1921 г. Штейнберг был командирован в Москву на переговоры с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Хотя проект понравился наркому, а также получил поддержку со стороны Государственного Ученого Совета (ГУСа), который возглавлял историк-марксист М. Н. Покровский, однако общая политическая атмосфера того времени не располагала к коллективному общению философов. По возвращении Штейнберга в Петроград в газетах появилось сообщение о расстреле по «делу Таганцева» двух предполагаемых участников Съезда – проректора Петроградского университета, профессора права Н. И. Лазаревского и поэта Н. С. Гумилева. В подобных условиях проводить или даже намечать Съезд уже не представлялось возможным. «Таким образом, – заключает Штейнберг свой рассказ об этой инициативе, – Международный философский съезд, который должен был бы впервые собраться в России, не состоялся» (см.: *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 72). Тем не менее руководители Ассоциации и в 1922 г. стремились реализовать свои планы.

го> О<бщест>ва[236], Моск<овского> <Философского?> О<бщест>ва и 3) Представителей Петроградск<ого> Отд<ела> учен<ых> учр<еждений> и высш<их> учебн<ых> зав<едений>.

3. О<рганизационное> Б<юро>.

Организац<ионное> Бюро[237]

1. }
2. } Вольфила[238]
3. }
4. А. В. Васильев
5. П. А. Сорокин
6. С. А. Аскольдов
7. А. И. Введенский
8. И. П. Павлов
9. О. Д. Хвольсон
10. Л. А. Чугаев[239]

[236] Впервые после 1918 г. Философское общество при Петроградском университете возобновило свою деятельность 27 февраля 1921 г. На состоявшемся организационном заседании обязанности председателя Общества (вместо заболевшего А. И. Введенского) взял на себя Э. Л. Радлов. В совет (кроме А. И. Введенского, Э. Л. Радлова, И. И. Лапшина, Я. Н. Колубовского, С. А. Алексеева, В. М. Бехтерева, Н. Г. Добровольского, С. М. Лукьянова и В. С. Серебреникова) были избраны Н. О. Лосский и А. А. Франковский (секретарь). В состав действительных членов Общества тогда же были избраны: К. М. Милорадович, Ю. Н. Данзас, Н. И. Лазаревский, В. В. Леонтьев, М. Н. Маржецкий, И. Я. Колубовский, В. С. Иоф, А. А. Франковский, Ф. К. Андреев, В. А. Беляев, С. С. Зусман, Л. Л. Спасский, Б. В. Казанский, Л. С. Берг, В. Э. Сеземан, В. В. Срезневский, П. А. Останков, И. С. Геллер, В. Ф. Пищулин, А. А. Кроленко, В. В. Болдырев, О. М. Котельникова. Подробнее см.: *А. Франковский.* Философское Общество при Петроградском Университете // Мысль. 1922. № 1. С. 187–188. Докладную записку Совета Философского Общества при Петроградском университете в петроградское отделение Наркомпроса от 26 апреля 1921 г., подписанную Э. Радловым и А. Франковским, см. также: ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. № 1153. Л. 2–3.

[237] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 6. Очевидно, проект составлялся в середине февраля, поскольку на обороте документа, написанного Ивановым-Разумником, имеется помета: «17 февраля. Четверг. 2½».

[238] Вероятно, эти три места были зарезервированы для Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга.

[239] Лев Александрович Чугаев (1873–1922) – химик.

11. Я. М. Магазинер[240]
12. Л. А. Немилов[241]
13. Н. И. Кареев
14. Н. И. Лазаревский[242]
15. Н. А. Рожков[243]
16. К. А. Тахтарев[244]
17. А. О. Буковецкий[245]
18. Л. П. Карсавин
19. А. А. Мейер
20. И. Я. Гинзбург
21. К. С. Петров-Водкин
22. Н. Е. Фельтен
23. М. П. Кристи
24. Э. Радлов

Расписание занятий [246]

Вольная Философская Ассоциация

Расписание занятий с 14–21 / II 1921 г.

Понедельник:	6–8	Кружок **К. А. Эрберга**: «Философия творчества»
		Клубный вечер (**Парчевский** «О храбрости и мужестве»[247])
Вторник:	6–8	Кружок **О. Д. Форш**: «Творчество слова»
	7–9	Кружок **А. В. Васильева**: «Философия математики» (Универ. наб., 11).

[240] Яков Миронович Магазинер (1882–1961) – юрист.

[241] Антон Васильевич Немилов (1879–1942) – биолог.

[242] Николай Иванович Лазаревский (1878–1921) – юрист.

[243] Николай Александрович Рожков (1868–1927) – историк, социолог-марксист.

[244] Константин Михайлович Тахтарев (1871–1925) – социолог.

[245] Антон Иософович Буковецкий (1881–1972) – экономист.

[246] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 23.

[247] Ср.: «Глупый и простой человек скорее будет храбрым, чем интеллигентный (момент – понимания опасности), но мужества у него может не быть. И напротив – интеллигент скорее будет мужественным, чем простой человек, а храбрым может не быть» (*Ф. Парчевский.* Храбрость и мужество: Психологический этюд. – Гельсингфорс, 1916. С. 43).

	8–10	Кружок А. З. Штейнберга: «Основные вопросы метафизики»
Среда:	6–10	**А. А. Мейер**: «История древней философии» и «История средневековой философии»
Четверг:	5½–7	**Э. З. Гурлянд-Эльяшева**: «Введение в философию»[248]
	6–8	**Л. В. Пумпянский**:
Пятница:	6–8	Кружок **Иванова-Разумника**
	8–10	**А. А. Чебышев-Дмитриев**: «Введение в философию математики»
		Клубный вечер (Вечер поэзии)[249]
Суббота:	6–8	Кружок **Иванова-Разумника**
	8–12 ч. н.	Собрание шахматистов-любителей

Кроме того предстоит открытие кружков:
М. В. Сабашниковой: «Антропософия».
Н. Е. Фельтен: «Изучение Толстого».
А. А. Гизетти: «Философия индивидуализма».
И. А. Боричевский: «Философия материализма»[250].

В отдел реклам[251]

Совет В.Ф.А. просит Отдел Реклам напечатать отдельной афишей извещение о 64–67 открытых заседаниях В.Ф.А., за что будет уплаче-

[248] Ошибочно напечатано: «Введение в философию математики».

[249] В расписании занятий с 14 по 19 февраля (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 54) рукой неизвестного лица рядом с клубным собранием написано: «Вечер поэтов при участии Вл. Пяста, Мариэтты Шагинян и др.».

[250] Проф. И. А. Боричевский изложил свои взгляды на природу т. н. «научной философии» в книге «Введение в философию науки (Наука и метафизика)», вышедшей в Государственном издательстве в Петербурге в 1922 г. Ее материалистический пафос заключен в финальных строках: «С презрением отбросив все призывы назад к Канту, Фоме Аквинскому, Августину, Платону и Моисею, она <наука. – *В. Б.*> и впредь останется верной своему победному кличу: „*Вперед – вместе с Эпикуром*“!» (С. 111).

[251] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 16–18. Проект афиши, написанный рукой Иванова-Разумника, с резолюцией «Отпечатать в 4-х экз. Вл. Бакрылов» см. также: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 22.

но переводом на текущий счет «Бюро по производству и распространению реклам и объявлений»[252].

Председатель:

Секретарь:

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 13-го февраля 1921 г.
состоится LXIV-ое открытое заседание:
Л. В. Пумпянский. Философия трагедии

———

В Воскресенье 20-го февраля 1921 г.
состоится LXV-ое открытое заседание:
А. А. Гизетти. Трагедия культуры
(«Прометей» Вяч. Иванова)

———

В Воскресенье 27-го февраля 1921 г.
состоится LXVI-ое открытое заседание:
Ник. Пэрна. О периодичности творчества[253]

———

В Воскресенье 6-го марта 1921 г.
состоится LXVII-ое открытое заседание:
В. В. Гиппиус. Оргиазм
Начало в 2 ч. дня. Вход свободный.
Зал Географического О-ва. Демидов пер., д. 8а.

[252] Афиша была напечатана без объявления о LXVII открытом заседании. См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 31.

[253] Подробное изложение взглядов Николая Яковлевича Пэрна (1878–1923) см. в его книге: «Ритм, жизнь и творчество» (Л.; М., 1925), изданной посмертно под ред. проф. П. Ю. Шмидта. Автор упоминает здесь, в частности, и о своем выступлении в ВФА: «...я делал сообщение об этом еще в Доме Ученых в 1920 г. и в Вольной Философской Ассоциации в 1921 г. И тут, и там также нашел многих сочувствующих и заинтересованных» (С. 14). Сохранилось письмо Н. Я. Пэрна к Конст. Эрбергу от 2 августа 1922 г., из которого следует, что «товарищ председателя» ВФА принимал активное участие и в подготовке рукописи книги Пэрна к печати: «У меня тайная надежда, что может быть с Вашей помощью мне удастся где-нибудь пристроить эти свои писания. Ваше первоначальное милое внимание дает мне некоторый „луч надежды“» (ИРЛИ. Ф. 474. № 22[illegible]. Л. 2–2об.).

Тезисы к докладам на февраль — март 1921 г.

Философия трагедии.

Трагическая культура. Ницше и его понимание трагической культуры. Сократ. Трагедия до Сократа. Еврипид. Новая трагедия. Английские трагики. Философский смысл трагического действа. Современная культура и трагедия.

О периодичности творчества.

Понятие творчества. Ритм в творчестве. Творческая идея. Творчество и искусство. Творчество в мысли. Периодичность и ее значение. Нетворческое состояние. Чередование творческого и нетворческого состояний.

Трагедия культуры.

Вячеслав Иванов и его творчество. Миф о Прометее. Его творческое значение. Прометей в понимании Вяч. Иванова. Культура и Прометей.

Оргиазм.

Оргиазм в античной культуре. Понятие оргии. Связь оргии с идеей смерти. Оргиазм в литературе. Психология оргиазма вообще. Значение оргиазма в культуре.

Список

лиц, читающих в В.Ф.А. доклады и ведущих занятия в кружках[254]

1. АСКОЛЬДОВ Сергей Алексеевич.
2. БЕХТЕРЕВ Владимир Михайлович.
3. БРАУДО Евгений Максимилианович <так!>.
4. БЛОК Александр Александрович.
5. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (БУГАЕВ) Борис Николаевич.
6. ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич.
7. ВЕКСЛЕР Александра Лазаревна.
8. ГИЗЕТТИ Александр Александрович <так!>.
9. ГИНЗБУРГ Илья Николаевич.
10. ГИППИУС Владимир Васильевич.
11. ГУРЛЯНД-ЭЛЬЯШЕВА Эсфирь Захаровна.
12. ДАНЗАС Юлия Николаевна.

[254] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 20. На документе, который предположительно датируется серединой февраля 1921 г., помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 17».

13. ДЕМЧИНСКИЙ Борис Николаевич.
14. ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич.
15. ИВАНОВ-РАЗУМНИК Разумник Васильевич.
16. КАРСАВИН Леонид <так!> Платонович.
17. КОЯЛОВИЧ Николай Михайлович.
18. ЛАВРОВ Николай Степанович.
19. ЛАПШИН Иван Иванович.
20. ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич.
21. МЕЙЕР Александр Александрович.
22. ПАРФЕНОВА Лидия Федоровна.
23. ПАРЧЕВСКИЙ Фома Яковлевич.
24. ПЭРНА Николай Петрович <так!>.
25. ПЕТРОВ-ВОДКИН Козьма Сергеевич.
26. ПУМПЯНСКИЙ Лев Владимирович <так!>
27. РЕМИЗОВ Алексей Михайлович.
28. РОЗЕНТАЛЬ Николай Николаевич.
29. САБАШНИКОВА Маргарита Васильевна.
30. СОРОКИН Питирим Александрович.
31. ФЕЛЬТЕН Николай Евгеньевич.
32. ФОРШ Ольга Дмитриевна.
33. ЧЕБЫШЕВ-ДМИТРИЕВ Алексей Александрович.
34. ШТЕЙНБЕРГ Арон Захарович.
35. ЭРБЕРГ Константин Александрович.

Протокол
первого собрания организационного бюро по созыву Первого Всероссийского философского съезда[255]

17 февраля 1921 г.

Присутствовали: Предс<едатель> К. А. Эрберг, Р. В. Иванов-Разумник, Я. М. Магазинер, П. А. Сорокин, А. З. Штейнберг.

Слушали:	Постановили:
1. Вопрос о постройке Организационного Бюро.	
а. Устроить сначала пленарное заседание или вести работу сразу по секциям.	Созвать сначала пленарное заседание, цель которого выработать общий план работы и приступить к работе по секциям.

[255] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № [illegible]. Л. 14–14об.

б. Обращаться к лицам или к учреждениям.

При постройке Орган<изационного> бюро обращаться к отдельным лицам, предоставив им в дальнейшей работе Съезда приглашать представителей учреждений.

в. Какие наметить секции.

Секции: 1. Общая философия – Метафизика, Гносеология, История философии.

г. Каких лиц пригласить для участия в Орган<изационном> Бюро.

Представители: Андрей Белый, проф. С. А. Аскольдов, проф. А. И. Введенский, проф. Н. О. Лосский, проф. И. И. Лапшин, проф. Л. П. Карсавин, акад. Э. Л. Радлов, С. И. Поварнин[256], А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иоф[257].

2. Психология – Психопатология, Экспериментальная психология, Педагогическая психология, Рефлексология.

Представители: акад. В. М. Бехтерев, проф. Павлов, К. И. Поварнин[258], В. Н. Нарбурт[259], А. А. Крогиус[260], Серебрянников[261], П. О. Эфрусси[262].

3. Философия точных наук – Математика, Физика, Химия, Астрономия.

Представители: проф. А. В. Васильев, проф. Чугаев, проф. Хвольсон, проф. Фредерикс, проф. Крутиков[263].

4. Философия органической природы – Биология, Ботаника.

Представители: акад. В. М. Бехтерев, ак. Бородин[264], проф. Павлов, проф. Филип-

[256] Сергей Иннокентьевич Поварнин (1870–1952) – философ, логик.

[257] Владимир Семенович Иоф (1889–?) – специалист в области педагогики.

[258] Константин Иннокентьевич Поварнин (1877–?) – психолог.

[259] Василий Михайлович Нарбурт (1871–?) – медик.

[260] Август Адольфович Крогиус (1871–1933) – психолог.

[261] Виталий Степанович Серебреников (1863–?) – философ, психолог.

[262] Полина Осиповна Эфрусси (1876–?) – психолог.

[263] Борис Александрович Крутиков (1877–?) – специалист в области геодезии.

[264] Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) – ботаник, основатель (1915) и первый президент Русского ботанического общества.

	ченко[265], проф. Немилов, проф. Шмидт[266]. 5. Философия общественных наук – Социология, Философия культуры, Философия истории, Философия права, Этика. Представители: проф. Я. М. Магазинер, проф. П. А. Сорокин, А. А. Гизетти, проф. Лазаревский, проф. Кареев, проф. Пергамент[267], Рожков, Тахтарев, Оранский, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. 6. Философия искусства – Эстетика, Философия словесного искусства, Философия музыки, Философия изобразительного искусства, Философия театров. Представители: Андрей Белый, Александр Блок, В. В. Гиппиус, Александр Бенуа, проф. В. М. Жирмунский, К. С. Петров-Водкин, Н. Н. Пунин, И. Я. Гинзбург, Л. В. Пумпянский, Каратыгин[268], Римский-Корсаков, Иванов-Разумник, проф. Б. М. Эйхенбаум, Виктор Шкловский, С. Радлов[269], Н. Радлов[270], проф. Гелевани, Евреинов[271].
2. Объяснительную записку А. З. Штейнберга к проекту съезда.	Поручить А. З. Штейнбергу переработать записку в виде воззвания к участникам Съезда.

[265] Юрий Александрович Филиппченко (1882–1930) – биолог.

[266] Петр Юльевич Шмидт (1872–1949) – зоолог.

[267] Михаил Яковлевич Пергамент (1866–1931) – юрист, профессор Петербургского университета.

[268] Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925) – музыкальный критик, композитор.

[269] Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958) – театральный режиссер.

[270] Николай Эрнестович Радлов (1889–1942) – художник-график.

[271] Николай Николаевич Евреинов (1879–1955) – литературовед и драматург.

3. Назначить следующее заседание Орган<изационного> бюро 3 марта, о чем и известить вышеупомянутых лиц.

Председатель
Секретарь А. Векслер.

Объявление[272]

В субботу 26 февраля с. г. от 7 ч. в.
первое собрание кружка
Н. М. Коялович: «Пограничные вопросы теории познания, математики и теоретической физики»
Курс Н. М. Коялович: «Логические учения» переносится га четверг от 7 ч. с 24 февраля

Н. Пэрна

Периодические волны в творчестве человека[273]

(Индивидуальные и исторические периоды творчества)

1. Ритмический, или волнообразный характер жизненных процессов.

2. Жизнь есть творчество. Первая ступень жизненного творчества: биологическое создание организма. Вторая ступень — творчество человеческое.

3. Жизнь человека как ряд последовательных волн. Три волны развития человека — по исследованиям психологов и педагогов.

4. Дальнейшие волны жизни. Анализ биографий Бетховена, Пушкина, Гете, Вагнера, Рембрандта, Канта (и др.).

5. Другие доказательства существования волн. Разбор интимных дневников. Разбор психиатрического материала.

6. Характеристика отдельных жизненных (= творческих) волн.

7. Сравнение жизни (= творчества) человека с жизнью (= творчеством) клетки.

[272] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 57. Текст написан рукой Н. М. Кояловича.
[273] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 138.

8. Исторические волны. Волны живописи.
9. Периодическая повторяемость исторических волн. Волны философского духа. Волны музыкального творчества.
10. Волны периодического возрождения народов.
11. Волны социальных пробуждений.

(с демонстрацией чертежей и таблиц)

Ник. Пэрна.

Фонтанка, 121, кв. 2. Тел. 515–25 (548–05)

Прения на LXVI открытом заседании ВФА[274]

Н. Я. Пэрна. «О периодизации творчества»

<27 февраля 1921 г.>

(Доклад Пэрна все помнят. Планы, схемы диаграммы, наглядные картинки — суетня, беготня, взлезание на доску и на стол. Записать было немыслимо. Основная мысль дана в заглавии. Бульшего докладчик не сумел сказать, только навел цифрового туману и трах-тарараху).

Прения.

Эрберг. Мне хочется пошатать ту позицию, на которой автор стоит так крепко. Я вспомнил поэта:

«Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов»[275].

К чему сводится в сущности дело? К тому, что как-то измерены волны творчества. Но статистика вся в несвоб<одном> бытии, в природе, творчество в свободе. Свободные искры человеческого духа могут ли вмещаться в эти диаграммы? Эрберг прибавляет, что не согласен в очень многих частностях. Т<очка> зрения автора несомненно очень субъективна. Почему в 8 симф<онии> Бетховена «меньше Бетховенск<ого> духа», чем в других, почему *великолепный*, по утверждению К<онстантина> Ал<ександровича>, обрат<но?> т<очке> зр<ения> Лентова, Тьеполо оказывается рядом с Батони в хвосте? Это только показывает, что измерять волны очень трудно. Тут спутано колич<ественное> и кач<ественное> начало.

Штейнберг поддерживает эту мысль и говорит, что интересна самая проблема — найти ритмичность в самой хронологич<еской> канве, но разрешена проблема неудачно. Какая единица интенсивности соответствует экстенсивности?

[271] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4 [illegible]

[272] Начальные строки [illegible]рения А. Н. Майкова «Октава» (1841).

Пэрна. Это и есть проблема, кот<орую> хотелось бы отгадать.

Иванов-Разумник (про себя). «Ничего в волнах не видно».

Штейнберг говорит о том, что с точки зрения целостности сама математика есть проявление человеческого творчества. Но так как эта тема поставлена — она есть результат безличного отношения к творчеству. Эти цифры предполагают нарастание истор<ического> развития, успеха. Но почему сколько-нибудь важно, что человеч<еское> творчество связано с проявл<ением> в числах?

Пэрна говорит о закономерности и о том, что если бы жизнь шла нормально (случайно запинается, ищет слов; Конст<антин> Ал<ександрови>ч, конечно, сейчас же подхватывает).

Эрберг. Жизнь, к счастью, идет ненормально. И как раз творческое начало есть то начало, которое устраивает в жизни скандал.

Форш говорит несколько слов о том, что проблема ритмизации времени интересно освещается в тайноведении (соединение физич<еского> тела с эфирным в 7 л<ет>, с астральным в 14 и т. д.).

Иванов-Разумник советует О<льге> Дм<итриевне> сделать контрдоклад на тему Пэрна с антропософск<ой> т<очки> зрения.

Пэрна не возражает О<льге> Дм<итриевне>, но признается, что ничего не понимает в теософии.

Н. М<еринг>.

Объявление[276]

Вольная Философская Ассоциация

Клуб членов-соревнователей

В Понедельник 28го февр. в 8 ч. веч.

П. П. Лошкарев
«Антроподицея
(Оправдание человека)
у Андрея Белого и Н. Бердяева»

В Пятницу 4го марта в 8 ч. веч.

Литературный вечер
А. Терек (О. Д. Форш)
прочтет рассказ
«Африканский брат»

Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8½ ч. веч. — вход со двора.

[276] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 56. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Расписание занятий[277]

Вольная Философская Ассоциация

Расписание занятий с 14–21 / II 1921 г.

Понедельник	6–8	Кружок **К. А. Эрберга**: «Философия творчества»
	8–10	Клубный вечер
Вторник	6–8	Кружок **О. Д. Форш**: «Творчество слова»
	8–10	– « – **А. З. Штейнберга**: «Основные вопросы метафизики»
Среда	6–8	– « – **А. А. Мейера**: «История древней философии»
	8–10	– « – **А. А. Мейера**: «История средневековой философии»
Четверг	5½–7	– « – **Э. З. Гурлянд-Эльяшевой**: «Введение в философию»
	6–8	– « – **Л. В. Пумпянского**: «Опыт системы нравственной философии»
Пятница:	7–9	– « – **Н. Коялович**: «Логические учения»
	6–8	Кружок **Иванова-Разумника** «Философия культуры»
	8–10	Клубный вечер.
	8–10	Кружок **А. А. Чебышева-Дмитриева**: «Введение в философию математики»
Суббота:	7–9	– « – **Н. М. Кояловича**: «Пограничные вопросы теории познания, математики, теорет<ической> физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба
каждый день, кроме понедельников, с 5 до 7 ч. в.
Наб. р. Фонтанки, д. 50, кв. 22.

[277] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 33.

Расписание занятий[278]

Вольная Философская Ассоциация

Занятия в кружках с 28 февраля — 5 марта

28 Понедельник
6–8 круж<ок> **Конст. Эрберга** «Философия творчества»
8–10 клубное собрание, доклад **П. П. Лошкарева** «Антроподицея Андрея Белого и Бердяева»

1 Вторник
с 8 круж<ок> **О. Д. Форш** «Творчество слова»
8–10 круж<ок> **А. З. Штейнберга** «Основные вопросы метафизики»

2 Среда
6–8 курс **А. А. Мейера** «История древней философии»
8–10 круж<ок> **А. А. Мейера** «История средневековой философии»

3 Четверг
6–8 кружок **Л. В. Пумпянского** «Опыт системы нравственной философии»
7–9 курс **Н. М. Кояловича** «Логич<еские> учения»

4 Пятница
6–8 круж<ок> **Иванова-Разумника** «Русская литература XX века»
8–10 клубное собрание. **А. Терек** прочтет рассказ «Африканский Брат»
8–10 курс **А. А. Чебышева-Дмитриева** «Введение в философию математики»

5 Суббота
6–8 курс **Н. М. Кояловича** «Пограничные вопросы матем<атики>, теор<ии> позн<ания> и теорет<ической> физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба ежедневно (кроме понедельников) 5–7.

Объявление[279]

Вольная Философская Ассоциация

Кружки 28 февр<аля> — 5 марта

Занятия в кружке **Гурлянд-Эльяшевой** (Четверги 5½–7 ч. веч.) временно прекращаются, в виду отъезда руководительницы кружка.

[278] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 51.

[279] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 62. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Кружка по «Философии культуры» в течение настоящей недели не будет.

В кружке по «Русской литературе XX-го века» (в Пятницу, 6 ч. веч.) начало бесед **Иванова-Разумника** об Андрее Белом. Краткое сообщение **А. Л. Векслер** о «Петербурге» Андрея Белого.

Фонтанка, д. 50, кв. 22.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[280]

<Начало марта 1921 г.[28]>

Сегодня после заседания останутся для разговора с нами: Пинес, Форш, Виссель, Фехнер, Чебышев-Дмитриев, Гиринский, Жоржик[279]. Если Вы торопитесь домой — я могу один остаться рассказать им о нашем Четверговом заседании и о необходимости «Молодой Вольфилы» в виду обилия докладов и ограниченности членов Совета (Вы да я).

Расписание занятий[283]

Вольная Философская Ассоциация

Занятия кружков с 7го по 12ое марта

Понедельник 7го марта

Занятия в кружке **К. А. Эрберга** по «Философии Творчества» не состоятся

В 6 ч. веч. состоится клубный вечер:

доклад **П. П. Лошкарева**: «Андрей Белый и Ник. Бердяев»

Вторник 8го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **О. Д. Форш**: «Творчество слова»[284]

[280] Собрание М. С. Лесмана – Н. Г. Князевой.

[281] Датируется предположительно по содержанию. Вероятно, речь идет о первоначальном замысле реорганизации ВФА. Отсутствие двух других членов Совета объясняется пребыванием в этот период Андрея Белого в Москве, а также возможной болезнью [illegible] отсутствием в Петрограде А. З. Штейнберга.

[282] Г. Я. Змеев.

[283] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 [illegible] 52. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[284] Позже зачеркнуто и [illegible] написано: «Не состоится».

Кружок А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики» не состоится

Среда 9го марта

От 6 ч. веч. — кружки А. А. Мейера: «История древней и средневековой философии»

Четверг 10го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **Л. В. Пумпянского**: «Опыт системы нравственной философии»

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **Н. М. Кояловича**: «Логические учения»

Пятница 11го марта

«Клубного вечера» не будет.

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **Иванова-Разумника** «Философия культуры»

Доклад **Иванова-Разумника**: «Проблема власти» («Христианство и социализм»)

Занятий в кружке **А. А. Чебышева-Дмитриева** по «Введение в философию математики» не будет

Суббота 12го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **Н. М. Кояловича**: «Пограничные вопросы математики, теории познания и теоретич<еской> физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба ежедневно (кроме Понед<ельника> и Пятн<ицы>) от 5 до 7 ч. веч.

Из письма Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[285]

21/III 1921.

Дорогой Константин Александрович,

тщетно пытался дозвониться до Вас вчера и сегодня (около 12 ч<асов> дня) из такого места, где телефон плохо работал. Сегодня должен уйти отсюда не позднее 6½ и вряд ли дождусь Вас; сим уведомляю, что совершенно необходимо устроить наконец заседание Совета Вольфилы; все дела стали. Не имея возможности поговорить и решить с Вами и Штейнбергом, самодержавно решил, что надо начать Воскресники с 3го апреля, конечно Кропоткиным. Афишу написал. Как бы известить Штейнберга, что ему необходимо вновь повидать по этому

[285] Собрание М. С. Лесмана – Н. Г. Князевой.

поводу Гольдман[286], Боркмана[287] и Кибальчича; я беру на себя Новомирского[288].

Расписание занятий[289]

Вольная Философская Ассоциация

Занятия в кружках с 21го по 26ое марта

Понедельник 21ое

Кружок **Конст. Эрберга** «Философия творчества» с 6 до 8 ч. в.

Вторник 22ое

— « — **О. Д. Форш** «Творчество слова»[290] — « —

Среда 23ье

— « — **А. А. *Мейера*** *«История древней и средневековой философии»* — « —

Четверг 24ое

— « — **Л. В. Пумпянского** «Опыт системы нравственной философии» — « —

— « — **Э. З. Гурлянд-Эльяшевой** «Введение в философию» — « —

— « — **Н. М. Кояловича** «Логические учения» — « —

Пятница 25ое

— « — **Иванова-Разумника** «Философия культуры» (Беседа на тему «Христианство и социализм») — « —

Суббота 26ое

— « — **Н. М. Кояловича** «Пограничные вопросы теории познания, математики и математич<еской> физики» — « —

[286] Эмма Гольдман (1869–1940) – участница американского и международного анархистского движения.

[287] Александр Беркман (1870–1936) – деятель американского анархистского движения.

[288] Д. И. Новомирский (наст. имя и фам. Яков Исаевич Кирилловский; 1882 – после 1936) – публицист, один из основоположников российского анархо-синдикализма.

[289] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 50. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[290] На обороте запись неустановленного лица: «Вторник. О. Д. Форш ждала с 5¾ до 6¼ в<ечера> и ушла, не прибытием к этому времени кого-либо из членов кружка».

Занятия в вечерних кружках (от 8 до 10 ч. веч.)
тт. Чебышева-Дмитриева и Штейнберга, а также клубные вечера — временно приостановлены.
Фонтанка, д. 50, кв. 22.

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу и А. З. Штейнбергу[291]

1/IV 1921.

Константин Александрович и Арон Захарович!

Сим извещаю Вас (без всякого «1го Апреля»), что я сегодня до 5ти ч<асов> дня глух как дюжина пробок и присутствовать сегодня здесь мне не имеет смысла. В 5ть ч<асов> буду у доктора, а в 6 ч<асов> — надеюсь уже имеющий уши, чтобы слышать — в Вольфиле. Очень прошу кого-либо из Вас зайти в Вольфилу (если раньше 6ти ч<асов> — то оставить мне в секретарской комнате записку), чтобы решить следующие вопросы, — которые Вы между собой обсудите:

1) Вопреки принципу Конст<антина> Ал<ександровича>, что мы слишком торопимся и что не надо торопиться, я думаю, что вся беда наша — в обратном, и что торопиться надо. В частности, — надо торопиться перевести в жизнь то, что мы говорили в Вольфиле третьего дня. Поэтому предлагаю: воспользоваться последним свободным Воскресеньем, послезавтра, и назначит на 2–3 ч<аса> дня в Вольфиле общее собрание всех переименованных и записанных нами лиц. У меня готов и «доклад» и пояснительные бумаги к нему.

2) Если Вы согласны устроить это в Воскресенье, то необходимо оповестить *меня* об этом сегодня *«до 7 ч<асов> в<ечера>* — потому что до этого времени еще не разойдется сегодня мой кружок, в котором ряд лиц из нашего списка, и через которых можно завтра известить о заседании всех остальных. <...>

Хорошо бы увидеться сегодня нам всем троим, а если нельзя всем, то хоть подвое. Я в Вольфиле буду с 6 до 11 ч<асов> вечера.

Привет и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

P. S. С афишей на 10ое все устроено; большая просьба к Вам взять на себя *поскорее (надо торопиться!)* труды по переговорам:

Ар<ону> Зах<арови>чу — с Боркман-Гольдман, Кибальчичем, Берлович;

[291] Собрание М. С. Лесмана – Н. Г. Князевой.

Конст<антину> Ал<ександрови>чу — с Шенбергом и Новомирским (по телефону);

я оповещу Мейера и предлагаю вставить Витязева с докладом на тему «Кропоткин и Лавров».

Протоколы[292] обсуждения реорганизации деят<ельности> Вольфилы в апреле 1921 года

Заседание 1ое 4 апр<еля> 1921.

Председатель: К. А. Эрберг.

Присутствуют: Иванов-Разумник, Андрей Белый, Штейнберг, Гурлянд-Эльяшева, Мейер, Бруни, Форш, Векслер, Меринг, Змеев, Мстиславский, Пинес и др.

Заседание открывается докладом **Иванова-Разумника** о проекте реорганизации деятельности Вольфилы (проект в кратк<ом> виде прилагается к протоколу). Основные положения доклада: нецелесообразность дальнейшей работы кружков и курсов в прежнем виде и новые формы работы коллективов (отделов), объединенных общим интересом подвергаются обсуждению.

Первый вопрос задает **А. А. Мейер** о том, могут ли кружки и курсы существовать в прежнем виде в том отделе, который считает это нужным для своей работы?

К. А. Эрберг отвечает, что, конечно, могут, ибо каждый отдел автономен и автономно вырабатывает программу своей деятельности.

Затем слово по существу дела берет **Андрей Белый**. Отделы, очевидно, дальнейший шаг существования Вольфилы. Кружки нужны были в свое время, но теперь изжили себя. Понадобились новые формы, это естественный процесс роста. Но когда какая-нибудь форма изживает себя, тогда является вопрос о *причинах* изживания. Ведь мы имеем дело не с простой *заменой* кружков отделами или чем-либо другим, дело не в рефератах, докладах, лекциях и пр., дело в жизни самого основного ядра Вольфилы, а жизнь Вольфилы всегда стояла под знаком некоторой катастрофичности. Как мы понимаем жизнь Вольфилы? Это вопрос, который следует поставить ребром, Потому так важны наши общие понедельничные собрания, что здесь могут появиться ответы из

[292] ИРЛИ. Ф. 291. Протоколы сохранились в двух вариантах: частично переписанная беловая рукопись и черновые записи двух заседаний от 4 и 7 апреля 1921 г. рукой Н. М. Мейер и Ю. Фехнер, а также неизвестным лицом.

прежних кружков, от всех, работавших в старых формах, ответы на основные вопросы: кто мы, что мы, как мы должны жить, что делать? В этих вопросах мы должны, что называется столкнуться лбами...

К. А. Эрберг напоминает, что до следующего понедельника следует сговориться и сорганизовать план работы, и спрашивает, нет ли возражений против предложенного плана.

Мстиславский спрашивает о том, кто имеет право присутствовать на закрытых заседаниях.

Иванов-Разумник поясняет, что закрытое заседание не есть тайное, что и на это сегодняшнее заседание, созванное для решения наших внутренних вопросов, пришли люди заинтересованные, и закрытые заседания будут те, на которых такие вопросы (конструктивного характера) будут решаться.

Гурлянд-Эльяшева спрашивает, какую роль будут играть члены-соревнователи? Будут ли они только слушателями? Или активные члены-соревнователи *через подражание* смогут вызвать действенность пассивных, кот<орые> тогда и станут активными.

К. А. Эрберг берет слово «по поводу несчастных членов-соревнователей». Каждый *несчастный* член-соревнователь в любую минуту может стать *счастливым* членом-соревнователем. Для этого он должен *действовать*. Кто такой член-соревнователь? Тот, кто живет интересами Вольфилы, болеет ими...

Векслер возражает против принципа широко раскрытых дверей. Она считает, что то количество инертной массы, которая в последнее время обременяла Вольфилу, и создала необходимость реформы. Нам не нужно бояться слов «закрытые двери», заканчивает Векслер.

Эрберг — «Детей не покупают, их рождают». Рождение в пределах определенной группы людей, объединенных тем же горением и теми же интересами, может произойти только тогда, когда вливается в группу много людей, кот<орые> могли бы найти друг друга. Поэтому не закрывать двери мы должны, а как можно шире открыть.

Гурлянд-Эльяшева выражает сомнение в том, чтобы могли рождаться новые люди; ей неясен метод[293].

Коялович. То, что сказал Борис Николаевич, самое главное. Довольно ясно прозвучало в словах Бориса Николаевича и Константина Александровича, что Вольная Философская Ассоциация определяет

[293] Далее текст стенограммы воспроизводится по черновому варианту протокола. Для удобства восприятия все сокращения расшифровываются без дополнительных указаний; слова в квадратных скобках вставлены нами в качестве необходимых дополнительных пояснений.

идеологию: что соответствует, хорошо, — нет, плохо. Мне представляется — пригласить лиц, которые соответствовали бы названию Вольная Философская Ассоциация, [которых] можно назвать как участников Катастрофы. Так регламентируемое распределение Ассоциации по отделам меняет [название] на Невольную Философскую Ассоциацию. А правление дома Литераторов... Некоторое количество людей смотрит на Вольную Философскую Ассоциацию [как на] единственную организацию, которая объединяет действительных философов в настоящее время, и поэтому меня пугает, [что] аптечные, железнодорожные расписания станут полустанками отдельных идей.

Бруни. Когда дело идет об организации, очень трудно. Все, что намечено, вытекает из прежней жизни Вольной Философской Ассоциации, из кружков, классифицировать жизнь современных людей так очень трудно. Почему мой доклад попадал в философию искусства — потому что я художник. Нехорошее название — философия творчества, надо говорить об отделах как пересекающих нашу современную мысль. Мне, может быть, интересно встретить не только художественную, но религиозную мысль. Об этом вместе надо подумать.

Штейнберг. Я хотел бы сказать о том, почему этот план возник. Мы стали механически размножаться, уходить в дурную бесконечность. Каждый человек, который к нам приходит, [приходит] к нам. Кто мы — мы не знаем, кто мы, но хотим знать. Превращаться <1 нрзб.> в Философское общество с 101 докладом нам нечего. Ни одна из форм, нами выработанных, не отвергается. Мы не против кружков или курсов, надо пересмотреть. Я возражаю против того, что говорил Константин Александрович, — широко распахнуть двери. Важно, чтобы приходящие люди широко ассимилировались. Заглядывать в штору, в окно можно, поселиться в доме может не всякий. Важно, чтобы соревнователи соревновались. Мы приглашаем, чтобы у нас жить, а не сидеть на скамеечке. Это не реформа, а кризис, который доказывает нашу жизнь и рост.

Пинес. Вопрос пошел сейчас не так, как было важно Вольной Философской Ассоциации, в мысль без ярлыка. Сюда могут придти разные люди, если они стукнутся лбом. Для образования Вольфилы и разложения могут быть различные причины, внешние события — холод — кронштадтские события — внешние причины различны, но потребность взрывов всегда [есть] у людей. Если будут искать более активно, участникам все равно [отдел или кружок, [если нет] ничего не выйдет. Дело в том, чтобы [люди], которые заинтересованы в Вольфиле как в организации, вовлекали тогда наибольшее количество людей.

Эрберг. Уместно ли говорить сейчас о том, что такое Вольная Философская Ассоциация?

Белый же понимает, что да.

Штейнберг. Все уместно, но так как об этом можно говорить по понедельникам, а впрочем, сегодня понедельник — все сможем.

Эрберг. Вольная Философская Ассоциация не потому, что все приходят и говорят. У Вольфилы есть своя идеология, и люди, объединенные этой идеологией, идут, и каждый идет, куда знает, каждый ищет самого себя[294]. Вольфила потому, что не на все пуговицы [застегнута]. Каждому члену Вольфилы есть дело до самого себя, до самого своего Кегп[295]. Почему Введенский застегивает на пуговицы профессиональный мундир философии и вольно философствует, но для Вольфилы не годится. Мы говорим, что можно философствовать и стихами, и картинами, чего он не может.

Чебышев-Дмитриев. Вольфила такое место, куда каждый может пойти. Не закрытой надо поддерживать организацию, а открытой. Мы не можем знать, кто прилепится, кто отдаст свое, чтобы притянуть и отдать часть своей кинетической энергии в центр — явились [сюда]. О конструкции никто не говорит.

Иванов-Разумник. Я нарисовал чертеж, каковая должна быть конструкция. Если отделы будут прямолинейными, то лучше им не быть. Понедельники. Я не боюсь, что мы будем жить по расписанию. Графики чисто внешняя форма, без которой строиться невозможно. Понедельник самое существенное.

Бруни. Понедельник — это верховный совет. Нет того момента, когда сюда могли [бы] попасть люди свежие.

Разумник Васильевич. Интересно выслушать мнения с птичьего глаза.

Мстиславский. Я был слишком оторван[296]. Схема — развитие кружков. Мы стоим на новых позициях. Нормальная схема та, которая намечается. [Однако] соотношение между членами-соревнователями и ячейками непропорциональное — слишком много затрачивается работы и слишком мало обмена.

Иванов-Разумник. Каждый день деловое заседание, что не мешает параллельному курсу.

Мстиславский. Вы это не оговорили, и потому получилась та непропорциональность, которая бросается в глаза. Организационная схема единственно возможная.

[294] Сверху вписано одно неразборчивое предложение.

[295] стержень (*нем.*)

[296] С. Д. Мстиславский к этому времени переехал. из Киева в Москву; в Петрограде он не был с весны 1918 г

Андрей Белый. Я думал, что работа по понедельникам важнейшая, но «постоянство» Вольфилы будет в динамичности. Кружки, как естественное отражение, превратились в ракушки. Ракушки не подавили организма. Я поставил основной вопрос, как К. А. В центре у каждого стоит проблема о его индивидуальном Я. В человечности мы сначала отметили *вече*, среднюю часть, <которая должна была расширяться — *зчркн.*>. На кружки собрались многие, и *вече* стали обрастать «*ством*». Но линия руководителей — *чело*, [от] молчащего *ства*. Первая задача укрепить *вече*. Пока мы не ощутим Вольфилу как здание, соединение 3 устремлений, духовных стремлений, коллектива и общественности, нам грозит механизация. В понедельник должна быть работа известного взаимного проникновения.

Сабашникова. Что [такое] вече?

Белый. Тот, кто ощущает себя близким к нашим заданиям.

Эрберг. Мстиславский говорил, что понедельничная работа не проделана, но когда она будет проделана, то Вольфила погибла.

Иванов-Разумник. Гурлянд-Эльяшева указывала на то, что должна быть формальная техника, которая будет организовывать. Есть известный план, если есть какие-нибудь другие предложения, они должны быть высказаны. Надо торопиться, к 1 мая должна быть напечатана афиша. В понедельник, в 6 часов мы собираемся, но независимо, мы должны сконструироваться. К четвергу представят все новые доклады и планы, и в четверг мы должны вопрос решить.

Гурлянд-Эльяшева. Следующее заседание говорить о деятельности. То, что говорили, слишком картинно.

Белый. Лицам, намеченным проблематично Разумником Васильевичем, определить свое отношение к отделам к ближайшему четвергу.

Векслер просит включить О. Д. Форш.

Белый просит изменить название антропософский.

Название условно.

Белый. Я нахожусь в особом положении, так как оторвался. Я мнил себе это под другим названием. Вот тех, которые летом и весною меня слушали, я бы просил сговориться и о названии отдела, [и] обо всем. Я бы не хотел работать под названием антропософии с О. Д. Форш, так как я человек широких культурных устремлений, которые О. Д. Форш называет мертвечиной.

К четвергу то, что проблематично, наметить конкретно. Я предвижу деловой разговор. Что Вольфила в понедельник, так в четверг, только конструктивнее.

Заседание 2е 7/IV — 1921 года[297]

Иванов-Разумник. Реорганизация организации. Следующие меры: ячейки внутренние; план внутренней работы; внешний переучет докладов, выступлений, планов; план месячной кружковой работы.

Белый. Вопрос. Программа: устремлений или расписание приглашаемых лекторов?

Иванов-Разумник. Отвечает. В первом смысле, по существу, практически и то, и другое. Озабочен открытыми заседаниями.

Белый. Продумать 2 майских собрания. Выступил с соответствующей программой.

Эрберг. Не надо предполагать, что закончился кружок.

Штейнберг. Случайное соединение кружков. Понедельник не канцелярия.

Андрей Белый. Тезисы бытия каждого кружка.

Гурвич Семен Наумович. Искание намечено по отделам. Вольная кружковая федерация не определяется философской строгой централизацией. Распыленностью, философские рамки.

Эрберг и **Иванов-Разумник.** Возражают против слов «слишком» вольная, централизация постоянная, те же лица старостат.

Штейнберг. Лицо — центр. Лицо начало расплываться, более определенно, не маска, не персона. Дух гарантирует выявить лицо.

Андрей Белый. Что такое Вольфила? Не для меня перекличка в лозунгах. Кто мы? Что мы? Нехорошо понимать <?> или опасно, не придет, что мы? Как я понимаю Вольфилу: живой лик, профессиональный ракурс. Кризис социальный, моральный, эстетический представляется учредителям <?> на Западе, здесь ставим остро *о* духе, *о* природе в стихии философии. Пресуществованием нащупывает рудименты кружков, бациллы, больше душой как формула.

Иванов-Разумник. В русло. Как быть. Май месяц 1921 г.

Штейнберг. Мы все говорили *за* проект, [если] желающие высказаться против?

Иванов-Разумник. Повторяет то же предложение.

Векслер. Я бы хотела. Если не против. Будут ли собрания кружков или отделов замкнутыми или нет. Я считаю, что это центральный пункт. Если этого не будет...

Иванов-Разумник. Пока работа происходит в замкнутых отделах (тот круг лиц, который берет на себя работу) над отделом [по]является замок, но [он] допускает возможность кооптации, этот самый замок, я думаю.

[297] ИРЛИ. Ф. 291.

Гребнев. Я бы не сказал, что они замкнуты, но определяются известными лицами. Работы добровольцев не должно быть. Добровольцы меняют физиономию кружка. Но замкнутые — не значит закрытые. В Вольфилу приходит всякий, из других ли кружков и откуда угодно.

Векслер. Вы хотели, волки сыты... Дело не в голосовании, не в преимуществе, чтобы не было бы этой темной массы.

Эрберг. Это просто недоразумение. Отдел — известная группа лиц... Андрей Белый, Сабашникова, вы, вы и т. д. Распределяет работу. Но это не запрещает другим лицам приходить слушать. Отдел может пригласить и совсем другого, не Вольфильского человека.

Штейнберг. Тут, к отделу. Автономный отдел чистой философии решает, что кружок Платона, где читают Платона по-гречески, и бывают там те, кто владеет греческим языком. Будет ли это декадентничанье? Каждый отдел автономен устанавливать свои условия.

Эрберг. Конечно, каждый отдел автономен, и искусственно кружки приглашают хотя бы одних брюнетов.

Шимкевич. Деятельность отдела напоминает воскресные заседания.

Разумник Васильевич. Вопрос А. Л. можно так передать: а нельзя ли нам собраться на 8 линии у А. З.[298] и никого туда не пускать, кроме посвященных. Конечно, такая работа есть (**Борис Николаевич**: верно по составу своему здесь будет), но доклады делает общим достоянием. Если А. З. пожелает кружок по Платону, где одни брюнеты (но неправильно *все* брюнеты), право отдела формально обставлять, как угодно, свою работу.

Штейнберг. Некоторые отделы, может быть, совершенно окажутся не нужны.

Гурвич. Ввести в русло наш спор по существу. Если отделы, то нужны ответственные. Если отделы, то заведывание отделами. Делаем ответственными заведующих отделами. Должны ли быть ответственные заведующие <?>

Андрей Белый. Я хотел тов. Гурвичу ответить, как я понимаю. Руководитель отдела — неудачное слово, координатор, выразитель духа отдела. Я понимаю таким образом, так как я мыслю работу отделов — органической — будущее покажет, кто выявит себя как оформитель. Жизнь каждого отдела мне представляется непохожей. Я мню себе такою даже экстенсивность отдела — хотя бы отдела философии культуры, который отложит все курсы, факультативы и прочее. Другой отдел может вести исключительно интенсивную работу, и не день, а напри-

[298] Подразумевается дом и адрес А. З. Штейнберга.

мер на 6 год расцвести целым рядом учреждений <1 нрзб.> не делать. Я представляю только отправной пункт.

Чебышев-Дмитриев. То, что я скажу, кажется, принадлежит в важной практике отделов. Имеют ли право отделы не пускать тех или иных брюнетов, умеющих читать по-гречески...[299]

Эрберг (перебивает). Недоразумение. Работа отдела разделяется на лекцию и прочее — и совещание к членам отдела всего 6, 12 или 3 лицам.

Чебышев-Дмитриев. И на совещания нельзя пускать некоторых лиц.

Иванов-Разумник. Прямой вопрос — прямой ответ. Каждый отдел автономен. Ваше личное дело решать вопросы вашего отдела точных наук у себя на дому на Подольской улице. Но можно и здесь от 5—7.

Чебышев-Дмитриев. Но мне казалось, что принцип вольности не должен нарушаться: на всякое заседание всякий может придти. Я стою и после ваших разъяснений, чтобы автономия кружков не простиралась на запрет всякому посетить всякое собрание. Это все-таки не так опасно. У нас борется аристократизм и демократизм, и, по-моему, дурно не пускать. Конечно, приятно [собраться] у себя и никого не пустить. Я считал, что принадлежу к организации, которая на знамени ставит Вольность. Проблема обоев <?> в этом состоит по-видимому. Может быть роль этих обоев сыграет какое-нибудь заседание.

Белый. Я бы присоединился к вашим словам с одной оговоркой. А ну как отдел превратится в коммуну, тут является вопрос о неприкосновенности жилища.

Разумник Васильевич. К. А. хочет исчерпать вопрос.

Эрберг. Почему мы так много об этом говорим, как будто у нас стоят хвосты на Фонтанке. Мы очень рады будем, если кто-нибудь придет и сядет, но мы можем из-за нашей вольности или не <1 нрзб.> ...

Иванов-Разумник. Мы уже разбираем постановление. Вернемся к основному. Есть проект в целом — принимать его или нет? Я говорил прошлый раз, что так существовать, как мы существуем, нельзя. Вольфила, дойдя до статуса — начала брыкаться. Может быть кто-нибудь захочет возразить в целом — все оставить по-прежнему. Детали будем обсуждать в порядке параграфов. Этот проект в целом принимаем или нет? Если да, то существуют 8 отделов, которые в течение ближайшей недели собираются в ближайшее время. Эти люди должны встретиться.

[299] В архиве К. А. Сюннерберга сохранилась недатированная записка А. А. Чебышева-Дмитриева, адресованная «Председателю собрания»: «Просьба относится ко всем говорящим. Очень просят все цитаты на иностранных языках давать и в русском переводе. А. Ч.-Д.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 548. Л. 1).

Сегодня должно быть намечено, когда и где должны собраться эти люди, чтобы из фантастического листа получилась реальность.

Бруни. Эти 8 отделов, это закреплено?

Иванов-Разумник. Нет, их, может быть, будет 5 и, может быть, 12.

Бруни. Сегодня мы будем обсуждать, да?

Разумник Васильевич. Да.

Эрберг. Кружки уничтожаются как ячейки.

Иванов-Разумник. Я предлагаю решить вопрос. Последний раз ставлю этот вопрос. Будут возражения или нет?

Пумпянский. Я ничего не имею против. В каком положении буду я и любой кружок по отношению к новой конструкции. Я веду длинный курс — натурфилософии. В системе моего чтения нет, а доклад есть. Нужно...

Штейнберг. Negatives kompetens streit[300]. Ваше опасение могло быть только тогда реальным, если бы наши 8 отделов не хотели бы принять ваше дело. Я думаю, что даже 2 отдела будут спорить.

Пумпянский. Я бы хотел читать 2 раза в неделю и помногу часов.

Разумник Васильевич. У нас отделы пересекаются. Если у вас столь интересно, то у вас много материалов.

Эрберг. Материалы встречаются сейчас ежедневно.

Форш. У меня 2 материала и я отвечаю собственным самоопределением. Я хочу сама самоопределяться. Меня поместили в отдел философии искусства и литературы. Я считаю, что могу быть полезна только в антропософии.

Гурлянд-Эльяшева просит слова, но **Эрберг** возвращает к предмету — мы на 2[-ой] ступени, тогда как еще не решили, что на 1[-ой].

Иванов-Разумник. Задает вопрос, будут ли существовать с 8½... отделы?

Пумпянский опять беспокоится о существовании своего кружка. И через 10 минут кружок снова будет существовать <?>

Эрберг. Без 5-ти минут 9 часов. С этой минуты утверждаем отделы.

Борис Николаевич отвечает Ольге Дмитриевне не в очередь. Поставьте меня и вокруг меня несколько очень милых барышень, слушательниц моего кружка. Я не считаю неправильным название антропософии. У меня было желание пригласить Ольгу Дмитриевну Форш работать в наш кружок, если это не будет называться антропософией. Если наш отдел решит, что будет работать в более тесном круге бывшего кружка Антропософия, как и самопознания, и Ольга Дмитриевна не входить в круг интересов не может.

[300] Здесь: спор безосновательный (*нем.*)

Форш. Это не догмат.

Белый. О том, догмат ли, пусть скажут те, кто тогда принимал участие...

Разумник Васильевич, перебивая, указывает, что мы решили первый вопрос — по поводу первого отдела.

Форш. Я бы поддержала Чебышева-Дмитриева. Для Вольности — приятнее немилый член, чем...

Борис Николаевич. Я бы тогда просил сделать руководителем антропософского кружка не меня, [а] Ольгу Дмитриевну Сколько откровенных последователей в этом коллективе, заинтересованных вопросом — я с <2 нрзб.>. Я не могу в вопросах антропософии соприкасаться с Ольгой Дмитриевной.

Разумник Васильевич. Я предлагаю снять, потому что это § не 18, а 17. В отделе духовной культуры вы решите, можете ли работать.

Белый. Я готов выслушать любое пожелание, подтасованное на эти темы. Но если бы образовался антропософский кружок, то мне трудно работать с Ольгой Дмитриевной. Мало того, что вы не понимаете, вы извращаете понятие антропософии[301].

Иванов-Разумник. И все это 17§

Иванов-Разумник. Я значусь в заголовке 3^{x} отделов, это потому, что я вел 3 кружка, но в ближайшее время мы сможем конкретизировать. Мое предложение конкретизировать по отделам и разбиться по группам сегодня же.

Белый. Значит мы вступаем в сферу обсуждения отделов. Количество названий и т. д. Я считаю, что такой отдел, как философия культуры... Никто не станет спорить, что отдел философии культуры есть [отдел] духовной культуры: всякая культура духовна. Я бы с удовольствием работал в зависимости от вашего отдела. Но не является ли искусственной такая рубрика, как философия духовной культуры, не является [ли] искусственным этот отдел [который] есть гипертрофированная философия культуры. Если есть лица с догматической тенденцией, [а] всякий догмат убивает Вольность.

Эрберг. Я стою за догмат, это не смущает моей вольности. Я поволил считать, что это кружок, потому поволил считать, что — учредитель.

Форш. А можно ли...

Иванов-Разумник. Нельзя, потому что раньше <?> Векслер...

Иванов-Разумник. Мы переходим уже не об отделах, а по поводу частного отдела философии культуры. Если Ольга Дмитриевна, Александра Лазаревна хотели говорит вообще...

[301] Последняя фраза адресована О. Д. Форш.

Бруни говорит, что *вообще* нельзя.

Штейнберг просит разъяснить.

Иванов-Разумник поясняет — говорить о каждом в отдельности — поскольку он может существовать как пробел и пр.

Векслер. Я думаю, что при разделении отделов мы должны руководствоваться тематикой. Ни в каком случае кружок Бориса Николаевича культуры сознания не должен сближаться с кружком Разумника Васильевича.

Форш. Константин Александрович сказал о круге желающих; тут всякий, кто обладает кругл[ым?]... Форш спрашивает о состоянии преступить [этот круг] инакомыслящему.

Белый. Entre nous soit dit[302]. Между нами всеми сказано, мой кружок будет называться философия символизма, [это] проблема центральная, и я прошу вас работать, но entre nous soit dit, но не могу я быть с вами в тесном кружке антропософии единым духом, когда вы начинены всякими страхами, химерами.

Векслер. А если мы начинены?

Иванов-Разумник. Товарищ Векслер, вы льете воду на мельницу беспорядка, так как говорите о §17.

Гурлянд-Эльяшева. Относительно всех лиц, которые попали в отделы и могут тормозить дело, мы можем...

Чебышев-Дмитриев. Вопрос о личном составе следует Разумнику Васильевичу, хотя заботит <?> Константина Александровича, и поручить.

Штейнберг. Компетенция настоящего собрания — какие отделы должны быть и выбрать руководителей. Мне представляется так, что primus inter pares[303] должен подобрать людей так, как хочет.

Форш. Но вопрос должен быть формулирован вольфильски.

Иванов-Разумник. Слово Константину Александровичу.

Константин Александрович. В городе — дома — отдельно. Дома нужно построить. Каменщики должны быть такие, что спелись, и знают, как класть кладку. В начале должны быть спевки каменщиков. Из диалога ясно, что люди не спелись. Они нужны, но тогда, когда построены. Я первый говорил, что нужна дезорганизация, но во имя будущей организации. Но нужно положить кладку, фундамент. Когда же намечен доклад, что [такое] антропософия, приходят люди и возражают: или не так — и [не] усматривают недостатки.

Бруни. Решить как от[ношение] говорить о личном составе, так чтобы здесь выбирать личный са[мый].

[302] Между нами будет ск[азано] (*фр.*).

[303] первый среди равны[х]

(Белый уходит, выходят Форш и Константин Александрович, Фехнер. За дверьми скандал[304]. Штейнберг тоже).

Гурвич. Дома, Дом Толстого, Дом Литераторов.

Иванов-Разумник. Мое предложение сводится вот к чему: исправление — дело нашей воли. Я предлагаю перейти немедленно к принятию или к отвержению тех отделов. Я предлагаю немеленно назначить дни. Если есть возражения по поводу отделов, сегодня же условиться.

Товарищ **Бруни** считает, что отдела философии искусства быть не может.

Алексей Александрович спрашивает о своем кружке.

Эрберг говорит, что прежние руководители собирают отделы, а коллективы, собравшись, выбирают руководителей.

Векслер предлагает огласить фактический лист, чтобы сделать его реальным.

Иванов-Разумник читает лист.

Чебышев-Дмитриев на ухо говорит Иванову-Разумнику, что обижен, что не внесен в отдел философии литературы.

I отдел. **Пумпянский** выражает недоумение.

Штейнберг предлагает принять молчание за согласие.

Бруни против философии искусства, так как искусство не ощущается. Если мы скажем, что материальная культура...

Эрберг. А вы кто -- вы художник, скажете: нет, нет.

Штейнберг. Если он считает себя философствующим об искусстве. Даже так, что вы его разрушаете, то ваше место в отделе философии искусства. Вы сейчас философствуете об искусстве.

Бруни. Я не разрушаю, я конструирую.

Эрберг. Вы конструируете, вы что-то сотворяете, то, что вы делаете — творчество.

[304] О причинах и последствиях скандала см. письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 8 апреля 1921 г., комментарий Иванова-Разумника к этому письму, а также недатированное ответное послание Иванова-Разумника к Андрею Белому (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 219–229). Вероятно, в конечном итоге компромисс все же был достигнут, и в образованный отдел духовной культуры, который возглавил Белый, вошли М. В. Сабашникова, О. Д. Форш, Е. Ю. Виссель, А. Л. Векслер, Е. Ю. Фехнер, А. В. Уханова и др. «Программу деятельности кружка сознания (духовной культуры)», «Программу кружка духовной культуры», подготовленные Белым, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 64. Л. 1–2; схематический набросок структуры отдела духовной культуры рукой Андрея Белого см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 73. Л. 1.

Бруни. Нет, нет.

Эрберг. Вы боитесь слов.

Бруни. Если столяр делал парк.

Эрберг. Творил. Тот, кто делал сонату...

Бруни соглашается, что материальная культура не подходящее название.

Эрберг. И о искусстве, но будучи менее серьезными, чем вы. Мы считаем весело, что искусство есть. Но каждый [получает] то, что желает.

Бруни. Тут неверно сконструированы слова — философия искусства, философия творчества.

Значит, названия сырые. Тогда понадобится время, как угодно. Это канцелярские названия.

Философия искусства 12-го вторник в 6 часов.

Духовная культура в субботу в 8 часов.

Чистая философия — вторник 8½.

Философия культуры и литературы — пятница 8 часов.

Философия символизма — <суббота — *зчркн.*> 8 часов.

Точные науки — в пятницу в 8 часов.

Штейнберг. Императивный мандат к следующему понедельнику.

Проект реорганизации ВФА[305]

В.Ф.А.

Отделы

I.

Отдел философии искусства

а) теорет<ический> б) практ<ический>

Конст. Эрберг, А. Л. Векслер, Гиринский, Н. М. Меринг, Д. М. Пинес, О. Д. Форш, Р. В. Иванов, Лев Бруни, Бакрылов, Петров-Водкин.

Собрания по *Вторникам*, от 5 до 7 ч. Вечера по *Вторникам* от 7 до 11 ч.

[305] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № [illegible] Проект подготовлен Ивановым-Разумником.

II.

Отдел истории философии

А. А. Мейер, Смотрицкий, Засыпкин, Мейер Л. А., Барышева, Сидорова, Гиринский.
Собрания по *Средам*, через неделю, от 5 до 7 ч. Вечера по *Средам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

III.

Отдел духовной культуры

Андрей Белый, М. В. Сабашникова, А. Л. Векслер, Е. Ю. Виссель, Н. М. <Меринг>, <...>, Фехнер, Д. М. Пинес, Г. Я. Змеев.
Собрания по *Средам*, через неделю, от 5 до 7 ч. Вечера по *Средам*, через <неделю, от 7 до 11 ч.>

IV.

Отдел чистой философии

А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, А. Л. Векслер, А. А. Бобрик, Каплан, Н. М. Коялович, Ф. Я. Чуднов, <...>.
Собрания по *Четвергам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Четвергам*, через <неделю, от 7 до 11 ч.>

V.

Отдел философии культуры

Р. В. Иванов, С. С. Вивьен, Д. М. Пинес, А. В. Уханова, Шимкевич, А. А. Бобрик, А. А. Чебышев-Дмитриев.
Собрания по *Четвергам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Четвергам*, через неделю, от 7 до 11 ч. в.

VI.

Отдел литературы

а) теорет<ический> б) практ<ический>
Р. В. Иванов, О. Д. Форш, А. Л. Векслер, Г. М. Змеев, Н. М. Меринг, Д. М. Пинес, Фехнер, А. Г. Хлебников, Конст. Эрберг, А. А. Чебышев-Дмитриев, Га<ген>-Торн[306].
Собрания по *Пятницам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Пятницам*, с 7 до 11 ч. в.

VII.

Отдел философии общественных наук

Р. В. Иванов, И. А. Боричевский, А. А. Гизетти, В. Л. Кибальчич[307], Новомирский, Д. М. Пинес.
Собрания по *Субботам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Субботам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

[306] Нина Ивановна Гаген-Торн (1900–1986) – этнограф, поэтесса, писательница.

[307] В письме к Андрею Белому (май 1921 г.) В. Кибальчич, в частности, писал: «По абсолютной невозможности регулярно заниматься и посещать собрания, я не счел возможным записаться в кружки В.Ф.А., несмотря на все желания и интерес. Но я хотел бы получить разрешение посещать, случайно, поскольку найду время, Ваши кружки. Надеюсь, что В.Ф.А. мне в этом не откажет» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 1об.). Ср. также с воспоминаниями Кибальчича: «Я входил в последнее свободомыслящее объединение, Вольную философскую ассоциацию ("Вольфила"); вполне уверен, что был там единственным коммунистом. Вдохновителем являлся другой выдающийся поэт, Андрей Белый. Мы организовывали большие публичные дискуссии, где выступал среди прочих маленький неслушный человечек, с лицом, прорезанным вертикальными складками, косматый, нищенски одетый, один из самых выдающихся умов старой российской революционной интеллигенции, историк и философ Иванов-Разумник. Дискуссия приводила порой к долгим лирическим рассуждениям о проблеме бытия, Космоса и сознания... Также как и Блок, Андрей Белый и Иванов-Разумник чувствовали, что революционный романтизм влечет их скорее к [illegible] и вынужденной молчать партии левых эсеров. По этой причине, а [illegible] тому, что философские порывы поэтов казались ей подозрительным, [illegible] наблюдала за "Вольфилой". Каждый день ее руководители терзались м[illegible] не ждет ли их арест. На наших собраниях в тесном кругу у Андрея Бе[illegible] занимавшего в то время большую комнату

VIII.

Отдел философии точных наук

А. А. Чебышев-Дмитриев, (А. А. Васильев), Н. М. Коялович, П. М. Осокин, А. А. Бобрик, С. С. Вивьен.
Собрания по *Субботам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Субботам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

———————

По *Понедельникам*, каждую неделю, от 6 ч. веч. — *общее собрание всех отделов* (перечисленных выше лиц и лиц особо приглашаемых) — <...за>седания для обсуждения всей деятельности Вольфилы.

<По Воскресенья>м, от 2½ ч. дня — открытые заседания Вольфилы.

Расписание ежедневных занятий в отделах:

<Понедельники>	– Общее собрание отделов (закрытые заседания).	
Вторники	– Отдел философии искусства.	
Среды	– Отдел истории философии	(через
– « –	– Отдел духовной культуры	неделю)
Четверги	– Отдел чистой философии	(через
– « –	– Отдел философии культуры	неделю)
Пятницы	– Отдел литературы	
Субботы	– Отдел философ<ии> обществ<ен-	
– « –	ных> наук	(через
	– Отдел философ<ии> точных наук	неделю)

Доклады мог бы сделать по отделам философии общественных наук I. Государственность и новая общественность <...> II. Философия анархизма. По отделу философии культуры. Культура или эволюция. По отделу философии символизма или философии искусства. Эмоциональное познание. По отделу антропософии «Самосознание».

в здании бывшего генштаба напротив Зимнего Дворца, над бюро уголовного розыска, мы спрашивали себя, как сохранить принцип свободомыслия, как доказать, что он не является контрреволюционным. Белый предлагал созвать в Москве Всемирный конгресс свободной мысли и пригласить на него Ромена Роллана, Анри Барбюса, Ганди. Возражали хором: "Этого никогда не допустят!" Я стоял на том, что апелляцией к иностранным интеллектуалам, разумеется, неспособным правильно понять русскую революцию, российская интеллигенция рискует дискредитировать ее, и так подвергающуюся неслыханным нападкам эмигрантов» (*В. Серж.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – Оренбург, 2001. С. 183).

Афиша[308]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 10-го Апреля 1921 года,
состоится LXVII открытое заседание
Памяти П. А. Кропоткина
Речи и доклады т. т.:
A. Bergmann, Emma Goldmann, Кибальчич, Новомирский,
А. Мейер, Шёнберг, Андрей Белый, Штейнберг,
П. Витязев.
Вход свободный.
Начало с 2½ часа дня.
Зал Географического О-ва. Демидов пер., д. 8-а.

Иванов-Разумник

Памяти Кропоткина[308]

— Два месяца со дня смерти.

— В чем сила и в чем слабость Кропоткина?

1) Слабость и сила — от эпохи его развития:
шестидесятые годы (См. его «Записки революционера»[310])

Точные науки — процветают, философия — в загоне. Религия — миф; этика — утилитарная система морали (Милль).

Сила — от науки: орография[311] Азии.

Но не в науке сила. От эпохи 60[х] годов идет основной дух Кропоткина — *революционный*.

[308] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № [illegible] 32. *На обороте записка Иванова-Разумника к Андрею Белому и схема р[illegible]ложения помещения:* «Борис Николаевич, я здесь, жду Вас до 9 ч. вечер[illegible]ли придете позже, – зайду к Вам в Воскресенье в 12 ч. дня. Р. Иванов»

[309] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. [illegible] Над рукописью более поздние пометы рукой автора: слева – «И. Р.», [illegible] – «Вольфила».

[310] Воспоминания П. А [illegible]кина «Записки революционера» впервые были изданы на русском я[illegible] предисловием Г. Брандеса Фондом вольной русской прессы в 1902 г., в [illegible], и позже неоднократно переиздавались в России.

[311] Наука, изучающая р[illegible]путной поверхности земного шара.

И в этом главная сила его

Записки *революционера* } 2[с] главные
Речи *восставшего*[312] } книги.

Что такое подлинный революционер?

Тот, которого надо повесить на другой день после революции.

В каждой революции есть такие

В 1790[х] годах — Бабеф
В 1848 г. — социалисты.
В 1871 г. — коммунары.
В 1918 г. — Кропоткин.

Que faut-il au republicain? Du fer, du plomb, aussi du pain.

Du fer — pour travailler, du plomb — pour venger, du pain — pour donner à les frères[313]

«republicain» } Все это клетки эпох,
«socialiste» } и в них могут быть и
«anarchiste» } не быть революционеры.

Были срывы и у Кропоткина братья

1) Когда пришла война 1914 г.

2) Когда пришла [социальная — *зчркн.*] октябрьская революция 1917 г.

Но не на слабые стороны его надо обращать внимание, а на сильные. Здесь «взаимодополнительность» его со Л. Толстым (Бакунин).

Князь } от ствола аристократии
и Граф } пришли оба к *анархизму*.

Анархизм теперь идеологически слаб, но за ним великое будущее. Левый социализм все больше и больше будет склоняться к анархизму в своей основе — в отношении к государству. Анархизм есть дальняя веха, к которой мы все идем; и имя Кропоткина всегда будет развиваться знаменем на этом далеком маяке для всего человечества.

[312] Имеется в виду книга П. А. Кропоткина «Paroles d'un révolté» (1885), в русском переводе известная под названиями: «Распадение современного строя» (1896), «Речи революционера» (1906) и «Речи бунтовщика» (1906).

[313] Что нужно республиканцу? Железо, свинец, а также хлеб. Железо — чтобы работать свинец — чтобы мстить, а хлеб — чтобы раздать его братьям (*фр.*).

Протокол организационного заседания Отдела философии искусства[314]

12 апреля 1921 года.

Эрберг, Бруни, П<етров->В<одкин>, Векслер, Меринг, Форш.

Эрберг.

1. Избрание заведующего отд<ела> — избир<ается> К. А. Эрберг.

2. Избр<ание> секретаря — избирается Н. Меринг.

Предложение Эрберга ограничиться 10 человеками. Коллегия состоит из 10 человек в целях сохранения чистоты работы. Работа отдела теоретич<еская> и практич<еская>. Лекции могут быть с иллюстрациями. Кружка и курсов не будет. Будут пока только доклады. Кооптация может быть на *данный* момент, на данную тему, временной для данной работы. *Права и обязанности членов коллегии.* Разрабатывать совместно доклады. Привлекать сотрудников из других отделов. *Предложение* — краткость докладов, т. к. цель не внедрение знаний, а вызывание творческой работы, не больше 1 часу.

Иванов-Разумник.

Предложение — организовать *Союз* поэтов. Белый, Блок, Пяст и др.[315] Также музыкальные имена.

Векс<ер>.

Для организации целого ряда докладов.

Изобразит<ельные> искусства: Бруни, Петров-Водкин, Эрберг.

Пластика: Бакрылов.

Заявл<ение> **Бакрылова** о том, что София Венедиктовна Ауэр собирается дать пластич<еский> вечер.

Эрберг заявляет, что пластический вечер без слов нежелателен.

Музыка: кооптировать человека, подходящего, но неопределенного.

Область поэтики: Векслер.

Отдел эстетики и теории искусства: Эрберг.

Майская программа:

3. *Бруни*. Ребро на врем[illegible]

10. *Пумпянский*. Теория [illegible]едии.

<17. *Форш*. Чистяков и [illegible]ов?>[316] Перегов<орит> Бакрылов

<24. ? *Шимановский. Н[illegible] Радлов*>

Курсы мастеров сцени[illegible]кой> постан<овки?>. Практ<ический> вечер.

[314] ИРЛИ. Ф. 291.

[315] Первое упоминание [illegible]зации, которая позже получит название «Вольное содружество по[illegible]

[316] Здесь и *далее в углов[illegible]* приводится зачеркнутый текст.

Протокол организационного заседания Отдела литературы[317]

Прис<утствуют>: Чеб<ышев->Дм<итриев>, Виссель, Ши<мкевич>, Гаген-Т<орн>, Мер<инг>.

Сообщение **Иванова-Разумника**.

Оба эти отдела[318] — в противопол<ожность> прочим, имеющим возможность им<еть> кружки и курсы. Если темы будут развив<аться> в хронол<огическом> пор<ядке>, то можно сдел<ать> то же самое. Предл<агает> коллегии отделов, хотя бы на май, в кол<ичестве> 10 чел<овек>. Кооптиров<ать> тов. Гаген-Торн в отдел литературы. Работа всех членов кружка, кроме возможн<ости?> нов<ой> самоорг<анизации> кружков, такие вопросы:

1. Чит<альня> и библиотека. Пинес больш<е> труди<тся> по библиотеке. Виссель сговарив<ается> с Пинесом. Просим помоч<ь> в библиот<еке> и читальне.

2. Союз поэтов. А. А. Блок, Андрей Белый, Вл. Пяст, К. А. Эрберг.

3. Деят<ельность> Вольфилы. Возможность, кроме отчета Вольфилы, издавать бюллетень Вольфилы.

4. Библиографический кружок. Книги русск<ие> и загран<ичные> (Ак<адемия> Н<аук> — Ольденбург).

Ив<анов->Р<азумник> просит высказ<аться> и прибавить свои предлож<ения>.

Гаген-Торн — важно начать эту работу, остальное выявится. Вольфила, несм<отря> на свою открыт<ость>, не привлекает массы людей, которые чувств<уют> кризис, и надо бы пошире сделать так, чтобы ударять по лбу тех, кто не видит. Это тогда, когда будет видно, куда идти. Конечно, важнее всего библиограф<ический> круж<ок> — дать возм<ожность> видеть книгу и заграницу.

Пинес — почему о Вольф<иле> не кричат на перекрестках, такое учреждение неширокое, в чем есть преимущество. Что касается намеч<енного> плана. Относительно читальни и библиотеки — сл<едует> большое задание — кажд<ый> рвет книгу, где может, и тащит в Вольфилу.

Гаген-Торн — и пусть.

Пинес. Для меня вопрос в том, придет ли большее колич<ество> людей — активных.

[317] ИРЛИ. Ф. 291. Предположительно заседание состоялось в пятницу 15 апреля 1921 г.

[318] Речь идет об отделах литературы и философии культуры, которые возглавил Иванов-Разумник.

Иванов-Разумник. Вопрос о темах — подождать майск<ого> возрождения — наплыва новых членов.

Гаген-Торн. Всех, кто понимает кризис — тащить в Вольфилу. Смысл — чтобы все, что есть живого, шло в Вольфилу. Тащить книги, Ольденбургов, Тарле, бить по черепу, ударять.

Все. Как ударять по черепу?

Гаген-Т<орн>. Собр<ать> побольше мо́чи.

Доклады на май:

1. Первохристианск<ий> социал<изм>. Ив<анов->Р<азумник>.

2. Христиане и христовы. Форш.

Это предлож<ение>, но прежде зафиксировать — хотят ли предложение кружка и отдел<а>.

Бобрик говорит, кружок. Возраж<ает> — что уже велось как отдел.

Чебышев — темы могут ли отклоняться — является ли, напр<имер>, тема **Форш** связ<анной> с излож<енным>.

Бобрик — инициат<ива> ясно и опр<еделенно> у Разумника Вас<ильевича>.

Р. В. отвечает, что ему важно зн<ать> тему и подх<од> — взгл<яды> разн<ые>. Кроме искл<ючительно> как докл<ада> Бел<ого> о Spengler, он — хронологич<ен>.

Пинес говорит, что в том кружке, кот<орый> был, по целому ряду соприкасающ<ихся> вопрос<ов> — повтор<ения> — у нас во всех перебродили эти вопросы и образов<ались> опред<еленные> мнения и ощущения.

Гаген-Торн — все целиком мож<ет> помест<иться> в форму отдела.

Ив<анов->Раз<умник> — больн<ой> вопрос — мы не знаем, в какую форму выльются тогда отделы. Вдруг — обескр<овят> воскр<есения>.

Иванов-Разумник. Собрать побольше матерьялу, хорошо, практ<ически> осущ<ествимо> библ<иографический> круж<ок>. Интер<есные> книги, Spe[illegible] и ряд других, иск<лючительно?> книги, только ненадолго. Важ[illegible]уловить и прореферировать. К пятнице — собраться и органи[illegible]ать библиогр<афический> кружок — цел<ый> ряд книг по спе[illegible]льностям. Виссель и др. Сл<едующая> пятн<ица> 8 час<ов>.

Шимкев<ич> предл<аг[illegible]е рефер<ировать>, а рецензи<ровать>.

Чебышев-Дмитриев — [illegible]я спец<иальный> отд<ел>, вопр<ос> в понед<ельник>.

Фи[illegible]ия> культ<уры>.

Сообщ<ение> **Ив<ан[illegible]Р<азумника>** о работе. Отмен<ить> кружок — чернов<ая> р[illegible]буд<ут> доклады.

Посл<едняя> с гр<а[illegible]

Гаг<ен-Торн>. После колич<ество> уменьш<ится>.

Ив<анов->Р<азумник>. — Колич<ество> опасн<о> только для начала.

Виссель высказыв<ается>, что кружок по фил<ософии> культ<уры> желат<ельно> сохранить.

Пинес предлагает контрпр<едложение> — на май отдел, а затем образовать кружок.

Принимается.

Обсужд<ается> вопрос о темах. **Виссель** предлагает постав<ить> темы о гуманизме.

Из письма Иванова-Разумника к Ф. И. Витязеву[319]

В Москве, увидев Шпета, сообщите ему, что в ожидании его майского приезда «Вольфила» оставила свободным одно из майских Воскресений. <...>

15/IV 1921.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[320]

<24 апреля 1921 г.[321]>

Что Вы думаете о таких Воскресных майских заседаниях:

8го мая — ? (может быть пропустить, в виду того, что 1го Пасха, а на Пасх<альной> неделе нельзя будет напечатать объявлений).

15го мая — А. В. Васильев: Современные философские системы и теория относительности[322].

[319] РГАЛИ. Ф.106. Оп. 1. № 64. Л. 30.

[320] ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 44–44об.

[321] Датируется предположительно по содержанию.

[322] Философскому значению теории относительности посвящена специальная глава книги А. В. Васильева «Пространство, время, движение. Историческое введение в общую теорию относительности» (Берлин, 1922). Ср.: «Расширение физического опыта, с одной стороны, могущество математического анализа, с другой, откроют уму новые горизонты, подобно тому, как это сделала теория Эйнштейна. Тот царственный путь, по которому пойдет человеческая мысль и впредь, будет одинаково далек и от "антинаучных построений и безответственных мистических исканий" современных неоплатоников и гностиков, и от узкого фанатизма, считающего материализм Геккеля и Энгельса последним словом человеческого мышления» (С. 148). Согласно оценке

23-го мая — «Наполеон» (к 100-летию со дня смерти) кто?
Мнение: Вы, А. Белый, я, О. Форш, Пумпянский, Мейер, и еще, и еще.

Вы предупредили Пумпянского, что 17го Мая он у Вас читает «Теорию комедии»?[323]

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[324]

<24 апреля 1921 г.[325]>

Вчера Пинес был в типографии, правил корректуру (было напечатано, например, вместо «Коялович, Дедукция понятия числа» — «Козлович, Бебукация» и т. д.). Править надо было спешно; поэтому он сообщил мне, что на верху афиши им оставлено:

В.Ф.А.
Занятия членов-соревнователей В.Ф.А.
с 1го Мая по 1ое Июня 1921 г.

а внизу все же «Вход свободный». Сегодня после перерыва Вы мне дайте слово для обычного сообщения; но что мне тогда, как Вы думаете, сказать о технике «входа» на наши будущие доклады?

Пумпянский (о «Ревизоре») у Вас 17го или 24го мая?

Максималист — *др. Штейнер*[326]?

проф. Васильева, теория отн[illegible]тельности А. Эйнштейна «объяснила загадку тяготения метрическими свой[illegible]ами пространственно-временного континуума четырех измерений и таким [illegible]образом проложила путь к геометрии мира», т. е. к созданию «гармоничной [illegible]изической картины мира» (См.: *А. В. Васильев.* От Евклида до Гильберта (В[illegible]ительная статья) // *Д. Гильберт.* Основания геометрии / Пер. под ред. взел[illegible]ф А. В. Васильева. – Пг., 1923. С. XXIX–XXX).

[323] Теория «комического» [illegible]ожена Пумпянским в его лекциях о Гоголе (1922). См.: *Л. В. Пумпянск*[illegible]ссическая традиция. С. 257–342.

[324] Собрание М. С. Лес[illegible]Н. Г. Князевой.

[325] Датируется предпол[illegible]но по содержанию. Упоминаемая в тексте записки тема «максимали[illegible]воляет отнести ее к LXX заседанию ВФА, на котором с докладом «Ч[illegible]максимализм» выступал Андрей Белый.

[326] Рудольф Штейнер ([illegible]) – немецкий философ, основатель и руководитель Антропософс[illegible]тва.

Письмо Е. Ю. Виссель в ВФА[327]

30/IV — 21 г.

Поздравляю дорогую Вольфилу с тройным праздником и самый главный — это майское возрождение ее[328].

Вольфила была и, конечно, будет той живой водой, которая в самое тяжелое время может вернуть желание жить, может влить какую-то силу, стремления и что-то такое, что не скажешь словами.

Я счастлива, что попала в Вольфилу, с тех пор жизнь не кажется уже такою мрачной, и я бесконечно, от всей души, благодарю председателя и всех организаторов Вольфилы за ее существование.

Преданная Вольфилка.

Прения по докладу А. А. Мейера «Итоги античной философии»[329]

<4 мая 1921 г.>

Мейер (конч<ает>). Мы д<олжно> быть, м<ожет> быть, что мы разделимся на 2 *мы*. Там, по ту стор<ону> перев<ала>, счета нет, но по сю сторону могут остаться. По сю сторону перев<ала> 2 пути. Пусть буд<ет> настоящая ссора, кот<орая> лучше худого мира.

Мейер. Хот<ел> видет<ь> 2 линии, а если 1, то подойду с большей осторожност<ью>.

Шт<ейнберг>. Мы это я — в степени я (формула).

М<ейер>. Дело в непосредствен<ном> ощущении.

Кон<стантин> А<лександрович> Э<рберг>. Мы это те, кот<орые> неспокойны.

М<ейер>. Я это приветству<ю>, но иногда, показывают тени, кот<орые> я боюсь. Я чувствую близко беспокоящегося и сам беспокоюсь. Это опыт непосредст<венного> восприятия, и нам нужно остерегаться.

[327] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 219. Л. 1. На конверте помета Иванова-Разумника «О Вольфиле» (Л. 2). Авторство письма устанавливается предположительно, по почерку Е. Ю. Виссель.

[328] Подразумеваются Пасха, День солидарности трудящихся, а также реорганизация ВФА.

[329] ИРЛИ. Ф. 291. На обложке надпись: «Дела «Вольфилы». Речь А. А. Мейера т. Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику от т. Меринг». Полный текст выступления А. А. Мейера не сохранился. Тема и дата доклад устанавливаются предположительно.

Х[330]. Вольфила, Асс<оциация> — собр<ание> людей свободных, но смысл свободы Леши Карам<азова> и Смердякова <различен?>, не одинаковы и форм<ы> понят<ий>.

Э<рберг>. В Вольфиле искренний Смер<дяков> так же приемлем, как и Алеша.

Мей<ер>. Это не асс<оциация> идей, а — людей, и личность Смерд<якова> так же приемлема, и наконец надо опытом постигнуть всю формальность свободы. И если бы вошел Смердяков, то он только помог бы опыту.

Эрб<ерг>. Саша, свобода — есть свобода.

Х. Надо выявить, чем эта свобода есть истинная свобода.

<Иванов->Разум<ник>. Я тоже вижу, что не договариваем. Есть путь христ<ианский> и антихристианский, поэтому Мейер и боится. Эта маленькая степень испуга А<лександра> А<лександровича> неправомерна. Путь антих<ристианский> может казаться христовым и наоборот. И если Вольф<ила>, если загов<орит> так, то нет причины испуга.

М<ейер>. Не об этом говорю. Когда *вы* говорите — христианск<ий>, я увядаю. Можно разделять, и я не боюсь этого — я боюсь, что появится *Мы* с неуловимым отт<енком> — это сов<сем> новый вопрос, и не об этом речь. Я думал об этих разных *Мы*. Дело не в христ<ианском> и антихр<истианском>. Я считаю ненужным выбирать, и метод ненужный. Это старо, а вопрос, когда я говорю о христ<ианских> путях, я не хочу, как вы называете, я отрекаюсь от вкуса ваших слов. Я не боюсь быть в антихр<истианстве>, если оно правильно, но когда *не* правильно *Мы*, я боюсь.

<Иванов->Разум<ник>. Дело в том, что субъект<ивную> окраску несправедливо вносить, я тоже заранее знаю, что от вас услышу. Это факт нашей психологии.

Мей<ер>. Нужно договориться до конца, но сегодня я немного испугался.

Форш. Чего, собст<венно>, вы испугались? Смешения с чем? Что страшно?

Мей<ер>. Я *не* свободы испугался.

Форш. Должна быть вера в свой звук, он не смешается с друг<ими>; у вас страх метафи<зи>ческий. Как будто вы ощущаете предательст<во> как вашу высшую ценность. *Страха* не может быть.

Мей<ер>. Только опасение и нежелание свободы. Там, где свобода, там и мои верования. Я боюсь измены имени.

[330] Очевидно, здесь и далее реплики неизвестного лица.

Векслер. Я нахожу, что нам следует перестать быть откровенными, *так* мы только опустошаем. Надо иметь целомудрие.

Эрб<ерг>. Как можно думать, что искренность нас разъединит? Она не делает разницы я и ты. Ради искренности можно себя потерять.

Мейер. Я поддерживаю т. Векслер. Опыт в тишине накопляется, иногда можно говорить, но не каждый понедельник.

<Иванов->Разум<ник>. Дело в том, что *сегодня* день промежуточный, *будущий* понедельник у нас будет сов<сем> другой разговор, и отдел философии символизма представит свой доклад.

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[331]

Дорогой Константин Александрович,

выяснилось внезапно, что я никак не могу быть сегодня вечером на нашем Вольфильском «Понедельнике», а также не смогу и завтра быть у Вас на докладе Матюшина. И то и другое мне очень досадно, к тому же сегодня мне было бы крайне необходимо присутствовать, в виду целого ряда спешных дел. Пишу о них поэтому Вам, а Вы может быть огласите то, что найдете нужным из этого писания на сегодняшнем собрании.

Во-первых. Совершенно необходимо в *течение этой недели* разработать по отделам *июньскую программу*; афиша должна быть сдана в *Понедельник 16 мая*, чтобы можно было не торопясь сдать ее в набор и прокорректировать.

В виду этого просил бы Вас сообщить членам отделов Литературы и Философии Культуры, что, если им удобно, то хорошо бы собраться для этого дела и ряда других дел — здесь, в *Среду* (послезавтра), в *5½ ч<асов> дня*; до 7 ч<асов> веч<ера> у нас будет полтора часа свободных. Я здесь буду в Среду с 5 часов.

Во-вторых. Предлагаю на следующий Понедельник для нашего Вольфильского собрания следующую тему: есть характернейшая книжка Булгакова «На пиру богов» (издана в Киеве еще в 1918 г.[332]); ее

[331] ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 18–18об.

[332] См.: *С. Н. Булгаков.* На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги. Киев, 1918. Помимо критического анализа поэмы Блока «Двенадцать», книга содержит и полемический выпад в адрес статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» (1918). Ср.: «Довелось мне прочесть такое рассуждение, где 12 большевиков прямехонько в 12 апостолов превращаются, они-то-де настоящее христианство и покажут, а вот то было неудавшееся. Да, покажут, только снежное, с ледяным сердцем и холодной душой. Для меня вообще пе-

знают Д. М. Пинес, давший ее мне, и О. Д. Форш; так вот эту книжку я предлагаю зачитать в Понедельник; она очень Вольфильская и вызовет большие разговоры. А это вот для чего: вношу предложение это самое чтение устроить в одно из ближайших июньских Воскресений.

Есть у меня еще и «в-третьих», и «в-четвертых», и в-пятых», но писать некогда а кроме того думаю, что у Вас, у Бориса Николаевича, и у Арона Захаровича, и у членов Отделов найдется немало еще всяческих вопросов, которым сегодня придется уделить время. Поэтому кончаю, жму Вашу руку и передаю привет всем Вольф<ильцам>.

Ваш Раз. Иванов

9 мая 1921. Спб.

P. S. Только что была здесь Н. Халатова, которая предлагает в ближайший июньский Вторник протанцевать (слово не то, да Вы поймете) «Мистерию» (Adagio 11ой сонаты Моцарта), со вступительным словом перед пластикой и с разговором после. Как член Вашего Отдела вношу предложение — назначить этот вечер на Вторник 7го июня. На афише должно стоять:

Вечер пластики
Натали Халатьян
Adagio Моцарта
(11ая соната)
со вступительным словом

Как Вам кажется? И.-Р.

Письмо Л. Л. Мищенко в Совет ВФА[333]

В Совет ВольФилы
профессора Леонида
Леонидовича Мищенко
– Пгр., Невский, 156,
кв. 12, т. 4–30–89

Заявление

На заседание в воскр[illegible] 22 мая предлагаю доклад «Наполеон в военной истории *и в* [illegible] *психологии*» с особенным развитием

ретряхиванье этого старья давно уже потеряло всякий

о сближении христианства и социализма *М. Булгаков.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 598).

[333] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4

второй части темы. Доклад на время minim<um> от 20 до 30 мин., но м<ожет> б<ыть> — по желанию — и больше. Для сведения: сам — я — военный, военного образования, писал по вопросам этого рода; последнее время в 1917 г. в «Разведчике» и в газетах как обозреватель войны. По психологии общей и военной имею специальные труды[334].

О решении Совета ВФА прошу известить меня заблаговременно.

С сердечным приветом.

Леонид Мищенко.

15 мая 1921 г.
№ 64.
Пгр.[335]

Письмо Н. Павлович к Конст. Эрбергу[336]

<Середина мая 1921 г.[337]>

Многоуважаемый Константин Александрович, я была у Белого. I заседание[338] будет без него, потому что ни на этой, ни на следующей неделе он не может выделить дня (часть след<ующей> нед<ели> он проведет в Царском). Если бы очень насесть на него, то, конечно,

[334] См., напр.: *Л. Л. Мищенко.* Психология воображения. – СПб., 1911.

[335] Далее следует помета рукой Д. М. Пинеса: «Сообщено, что афиша напечатана и в списке содокладчиков Мищенко не может быть помещен, но что ему предоставляется право выступить *первым* "из публики"».

[336] ИРЛИ. Ф. 474. № 213.

[337] Датируется приблизительно на основании содержания.

[338] Речь идет об инициативе Вольфилы по образованию нового литературного объединения – Вольного содружества поэтов, альтернативного третьему Цеху поэтов под руководством Н. С. Гумилева. В ВСП вошли покинувшие Цех поэтов А. А. Ахматова и В. Ф. Ходасевич, а также А. Белый, Конст. Эрберг, М. А. Кузмин, А. Д. Радлова, Н. А. Павлович, В. Пяст, Ф. Сологуб и др. (всего – 16 членов). На первом собрании ВСП 25 мая 1921 г. его секретарем был избран В. Ф. Ходасевич, помощником секретаря – А. Д. Радлова. В письме к А. А. Блоку от 20 мая 1921 г., приглашая его на первое собрание, Радлова писала о целях нового объединения: «Это будет клуб, в котором будут встречаться поэты без всяких председателей, секретарей и прочих атрибутов полицейского участка» (Александр Блок: Переписка: Аннот. кат. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. – М., 1979. С. 380). Содружество распалось не ранее июня 1921 г.. Подробнее см.: *С. Нельдихен.* Общественно-литературная жизнь Петрограда // Накануне. 1922. 17 ноября. № 188. С. 2 (сообщил А. Ю. Галушкин).

можно было бы затянуть его сразу, но по моему это не стоит делать, он опять нервничает, и, придя, стал бы клясть «Содружество».

Давайте назначим собранье в четверг в 9. Хотя Б<елый> и говорит, что в Д<оме> иск<усств> в среду он читать не будет. Но кто его знает, публика сможет пойти его слушать, затем в среду же доклад Форш в Вольф<иле>; сейчас я иду к Ахматовой и Ремизову и скажу им. Мой организац<ионный> совет — доберитесь все-таки сами до Блока, если хотите обеспечить его участье. Если Бел<ого> не будет, необходимо, чтобы на I же собр<ании> был Блок. –

Ваша Н. Павлович.

Афиша[339]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 22-го Мая 1921 г.,
состоится LXXI-е открытое заседание
Наполеон
Речи и доклады:
Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, Л. В. Пумпянский, О. Д. Форш, А. З. Штейнберг и друг.
Начало с 2½ часа дня.
Вход свободный.
Зал Географического О-ва. Демидов пер., д. 8-а.

Письмо Андрея Белого к В. Л. Кибальчичу[340]

Глубокоуважаемый товарищ Кибальчич,

позвольте мне напомнить: сегодня назначили мы встречу с Вашими французскими товарищами в 4 часа у меня. Но по ряду причин удобнее нам встретиться в «Вольно-Филос<офской> Ассоциации» в 4 часа, сегодня. Адрес Ассоциации: Фонтанка № (кажется 53); но во всяком случае рисую план[341].

Ассоциация помещается в Красном здании, выходящем на Фонтанку, где какое-то Санаторное Учреждение; на подъезде надпись Ассоциации; там же — Красный Крест.

Остаюсь искренне преданный Борис Бугаев.

[339] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 33.
[340] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 3.
[341] Слева на письме имеется рисунок местонахождения ВФА.

Письмо В. Л. Кибальчича к Андрею Белому[342]

29.V.21

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Страшно досадно, что пришлось мне выйти — на очень короткое время! — в тот именно день и час, когда мы могли бы о многом побеседовать.

Убедительно прошу Вас передать т. Разумнику Иванову след<ующий> ответ.

Да, если я могу выступить по французский <так!>. Притом главный интерес доклада в тех цитатах новых стихов, которых я могу привести и переводить по русский <так!> я ни в коем случае не осмелюсь.

Нет, если необходимо большей частью употреблять русский язык. — Из-за полной невозможности для меня подготовиться в данный момент по русский.

Сообщите, пожалуйста, Ваш ответ по возможности срочно.

С товарищеским приветом

В. Л. Кибальчич.

Объявление[343]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 19го июня 1921 г.
состоится LXXV открытое заседание:
Беседа о марксизме
Начало в 2½ ч. дня
Вход свободный
Зал Геогр. О-ва Демидов пер., 8а.

[342] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 2.

[343] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 35. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Письмо М. П. Кристи к Андрею Белому[344]

23/VI 1921 г.
Тов. Белому, Морская 3/5
от М. П. Кристи

Дорогой товарищ.

Очень рекомендую Вам Анатолия Ивановича Иванова, человека – родственного нам по духу, который, надеюсь, представит большой интерес и для Вас и для Вольно-Философской Ассоциации. Нужно будет дать ему возможность там работать[345].

С тов<арищеским> приветом. М. Кристи.

Объявление[346]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 26го июня 1921 г.
состоится LXXVI открытое заседание:
Н. Н. Розенталь. Савонарола
Начало в 2½ ч. д.
Вход свободный
Зал Геогр. О-ва Демидов пер., 8а.

Объявление[347]

Вольная Философская Ассоциация

Пятн<ица> 24 июня Отдел литературы Лекция **З. Венгеровой**[348] не состоится

[344] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 322. Л. 3.

[345] Ср. с письмом Андрея Белого к Иванову-Разумнику (датированным приблизительно концом июня): «уже 10 дней тому назад Кристи прислал в "*Вольфилу*" человека, видимо анархиста, с большой просьбой дать ему проявиться в "Вольфиле"...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 231).

[346] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

[347] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[348] Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) – литературный критик, историк западно-европейской литературы, переводчик.

Суб<бота> 25 июня	Отдел филос<офии> символ<изма>	Мариэтта Шагинян[349] – О «Буре» Шекспира

В воскресенье 26 июня открытое заседание отменяется

Вторн<ик> 28 июня	Отдел филос<офии> искусства	**Н. Э. Радлов** – О беспредметном искусстве
Среда 29 июня	Отдел истор<ии> философ<ии>	**А. А. Мейер** – Неоплатонизм
Четверг 30 июня	Отдел чистой философ<ии>	**А. Штейнберг** – Трансцендентальная и догматическая логика

Начало в 7½ ч. в. Чернышев пер. 9.

Воскресенье 3 июля

76ое открытое собрание

Беседа об антропософии

Докладчик **Л. В. Пумпянский**

Начало в 2½ Демидов пер. 8а

<Иванов-Разумник>

Поездка «Вольфилы»[350]

июль–август 1921 года

Июль.

5–6 VII – СПб.–Москва (22 часа пути)	NB За несколько часов до отъезда – командировать одного члена Вольфилы для организации доклада на 10/VII.
7–8–9 VII – Москва	
10 VII – (Воскресенье)	Доклад «**Что такое Вольфила**»
11 VII – Москва–Юрьев-Польский (10 ч.)	
12 VII – Юрьев-Польский	

[346] Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – поэтесса, прозаик, критик.
[347] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 156. Л. 1–1об.

13 VII – (Среда)	Доклад: 1) Утром: Петров-Водкин – «Фрески Георгиевского Собора» 2) Вечером: –
14 VII – Юрьев-Польский–Москва (10 ч.)	NB Командировка 2-х членов Вольфилы – одного во Владимир, другого – в Ростов–Ярославль–Кострому.
15–16 VII – Москва	
17 VII – (Воскресенье)	Доклад – **«Наполеон»**
18 VII – Москва–Владимир (18 ч.)	Доклад: 1) Утром: **Петров-Водкин – «Новооткрытие фрески Рублева во Владимире»** 2) Вечером: –
19 VII – Владимир	
20 VII – (Среда)	
21 VII – Владимир–Москва (18 ч.)	
22–23 VII – Москва	Доклад – **Андрей Белый «Что такое максимализм»**
24 VII – (Воскресенье)	
25 VII – Москва–Ростов (12 ч.)	
26 VII – Ростов	Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Художественные сокровища Востока»** 2) Вечером:
27 VII – Ростов–Ярославль (5 ч.)	
28 VII – Ярославль	Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Ярославские древности и их художественное значение»** 2) Вечером:
29 VII – (Пятница)	
30 VII – Ярославль – Кострома (5 ч.)	
31 VII – Кострома (Воскресенье)	Доклад **«Что такое Вольфила»**

Август.	NB Командировка 2-х членов
1–2	Вольфилы – одного в Новгород,
VIII – Кострома–Москва (20 ч.)	другого – во Псков
3–6	
VIII – Москва	Доклад «Памяти Кропоткина»
7	
VIII – (Воскресенье)	
8–9	
VIII – Москва–Новгород (30 ч.)	
10–13	
VIII – Новгород	Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Значение Новгорода»**
14	
VIII – (Воскресенье)	2) Вечером:
15–16	
VIII – Новгород–Псков (10 ч.)	
17	
VIII – Псков (Среда)	Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Древний Псков»**
18–19	2) Вечером:
VIII – Псков–СПб. (20 ч.)	

Всего 17 лекций и докладов в 1½ месяца.

Объявление[351]

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 10 июля в 2½ дня LXXVII[352]
Доклад тов. **Собецкого**
«Государственность и новая общественность»
В воскресенье 17 июля в 2½ дня LXXVIII
Проф. Н. С. Лавров — Основа новой организацион<ной> науки
В воскресенье 24 июля[353] в 2½ дня LXXX
Предполагается **Беседа о Гете**
Докладчики: **Д. Д. Михайлов. Л. В. Пумпянский.**
Вход свободный. Демидов 8а.

[348] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 74. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.
[349] Здесь и далее номера заседаний проставлены карандашом.
[350] Позже дата исправлена дважды: первоначально на 31-е, затем на 7/VIII.

Афиша[354]

Вольная Философская Ассоциация

LXXIX

В Воскресенье 24-го Июля 1921 года.
Андрей Белый прочтет свою новую поэму **Первое свидание**
Начало в 7 час. веч.
Билеты продаются — Фонтанка (уг. Графского), д. 50, кв. 22,
в Воскресенье при входе.
Зал Географического О-ва Демидов пер., д. 8-а.

Объявление[355]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 31го июля 1921 г.
открытого заседания НЕ будет.
В воскресенье 7го августа 1921 г.
состоится LXXVIII открытое заседание:
Беседа о Гете. Докладчики Д. Михайлов и Л. Пумпянский
Начало в 2½ ч. дня
Вход свободный
Зал Географического Общества Демидов пер., 8а.

П. Самойлов[356]

Поэма Андрея Белого[357]

А. Белый прочитал в Вольно-Философской Ассоциации свою новую поэму «Первое Свидание»[358]. Он превосходный чтец. Когда я видел, как этот пластический художник жестами закругляет слова, непонятное превращает в музыку, музыку вливает в вас широкими и гармо-

[354] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 35. Номер заседания вписан карандашом.
[355] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 37. Текст написан рукой Иванова-Разумника.
[356] М. С. Шагинян.
[357] Жизнь искусства. 1921. 2–7 августа. № 792–797. С. 2.
[358] Отдельным изданием поэма «Первое свидание» вышла в петроградском издательстве «Алконост» в октябре 1921 г.

ничными движениями, я наслаждался сознанием силы подлинного искусства. Когда *оно есть*, оно есть. Тут уж не убьет никакая бацилла скепсиса, недоброжелательства или тупости. А когда его нет, — его нет, хотя бы целые словословия поливали его мнимый росток...

«Первое Свидание» — длинная поэма в классическом ямбе (сколько я мог заметить, без строфической периодичности). Это поэма о Москве, о знаменитой Московской весне с несравненными зорями, вызвавшей когда-то «Драматическую Симфонию»[359] Белого и ряд совсем особых идеологических настроений тогдашней Московской молодежи. Эта «обещающая» весна была, можно сказать, самым злейшим врагом Канта и критической философии, какие только у него были. Она, своими невозможными закатами, невольно сбивала «идеальный момент» на самую земную реальность, заставляла в факте видеть его идею, верить в возможность несбыточного. На нашем трезвом языке эта весна принесла с собой эпидемию «утопизма». Молодые люди думали, что стоит протянуть руку — и дотронешься до «вещи в себе»... И любовь тогда была особенною любовью. Обыкновенная «она» с плотью и кровью превращалась в Нее с большой буквы, в Прекрасную Даму Блока, в Деву Радужных ворот. Об этом исключительном моменте русской духовной культуры, — о моменте сдвига с привычного *мироощущения*, — и *рассказывает нам поэма* Белого. Насыщенная содержанием она почти лишена фабулы. В ней ничего не происходит. Движение дано не в действиях героев, а в психике автора. Это — прием романтиков и, в частности, это излюбленный прием Жана-Поля Рихтера. Только то, что Жан-Поль проделывал в прозе (вспомните хотя бы адвоката Зибенкейза![360]), Белый бросил, бросил как раскаленный металл в сухие, строгие, скованные ямбы, освященные для нас ясным эллинизмом Пушкина.

Отсюда и начинается для меня трагическая особенность этой совершенно ни на что не похожей поэмы. Возьмите огненного Гранэ, коня Вагнеровской Валькирии, и вложите ему под горячие ноздри... английский мундштук. Возьмите извержение Везувия и постройте вокруг его клокочущего кратера галерею Камерона. Что это будет? «Первое Свидание» есть огненная импровизация без всякой архитек-

[359] Речь идет о «Симфонии (2-й, драматической)», которая впервые была издана московским издательством «Скорпион» в 1902 г.

[360] Подразумевается роман немецкого писателя-романтика Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (*псевд. Жан-Поль; 1763–1825*) «Blumen-Frucht und Dornenstücke, oder Ehestand, Tod und Hochzeit des Armen-Advokaten Siebenkäs» (1796–1797). Русск. пер. см.: *Ж.-П. Рихтер.* Зибенкез. – М., 1937.

тоники, без плана (по крайней мере он незрим со стороны), без симметрии, без фабулы; это есть лирическое извержение души, каждый опыт которой так значителен, что превращается в формулу; и эта импровизация, это извержение скованы самым трезвым из размеров, четырехстопным ямбом. Это какой-то художественный парадокс, над которым стоит поломать зубы критику.

Мне же покуда ясно одно: поэма Белого при всей ее значительности не станет *каноном*, как станет им гениальная «Эпопея» того же Белого. Это — не шаг вперед, но шаг в сторону. Мне присутствовавшему на чтении Эпопеи и отметившему этот день крестиком в своем календаре — возрождение подлинной русской классической линии, — мне «Первое Свидание» кажется инерцией его огромного внутреннего разбега. Это... ком из крошек. Когда режут крупную вещь, лепят гиганта, остаются обрезки *материала*, кусочки *сырья*. Гениальная ладонь художника снова сминает эти обрезки и — глядь, — из слепившихся кусочков творец тонкими пальцами, нажимая еще взволнованной от большой работы руки, создает тонкое и странное очертание, парадокс, химеру, подобную химерам Нотр-Дам. Если переход от эскиза к большому полотну естественен, то переход от большого всколыхнутого ритма, от грандиозных масштабов к маленькому заданию всегда парадоксален: инерция большого ритма — и неиспользованные обрезки материала...

Внимательный читатель поймет меня. Он вспомнит сверкающее, гремящее описание концерта, он вспомнит шуршание нотных листов на пюпитре, — все эти жемчужины поэмы, и невольно скажет себе: да ведь это прием его прозы, это описание бала в «Петербурге», краткие периоды симфоний, гекзаметральные периоды Эпопеи. Канона тут нет, тут нет канонической святости Эпопеи; это не «исполненный ямб», а только «наполненный ямб». Великий формотворец, Белый, не нашел тут своего ямба и не сделал его «sine qua non» своей поэмы, не сделал его неизбежной и единственно-возможной здесь формой. Поэтому для меня «Первое Свидание» — шаг в сторону, тупичок, на основной линии его пути. Об этой основной линии и, в частности, об Эпопее, надеюсь поговорить в следующий раз.

Афиша[361]

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 14 Августа 1921 года
состоится LXXXI открытое заседание
Беседа о материалистическом *понимании истории*
Докладчики — от Научного Общества Марксистов
и от Вольной Философской Ассоциации.
Начало с 2½ часа дня.
Вход свободный.
Зал Географического О-ва, Демидов, 8-а.

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 21 Августа 1921 года
состоится LXXXII открытое заседание
А. А. Чебышев-Дмитриев. Не герои (*о русском народе*)[362]
Начало с 2½ часа дня.
Вход свободный.
Зал Географического О-ва, Демидов, 8-а.

Письмо М. Г. Собецкого в ВФА[363]

Член-соревнователь
Вольной Философской Ассоциации
Михаил Георгиевич Собецкий[364]
17 августа 1921 г. № 6.
Улица Красных Зорь 48/2 кв. 7.
Тел. 46–57. Петроград.

Председателю Вольной
Философской Ассоциации

10-го июля 1921 г. на LXXVII открытом заседании Вол<ьной> Фил<ософской> Ас<социации> мною был сделан тезисный доклад

[361] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 37. Аналогичное объявление, написанное рукой Иванова-Разумника, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 38.

[362] Согласно списку летних заседаний 1921 г., составленному рукой неизвестного (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 22), это заседание в указанный день не состоялось и, возможно, было перенесено на сентябрь.

[363] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 147.

[364] Начиная с 1924 г. Михаил Георгиевич Собецкий опубликовал ряд работ в области физической культуры и спорта. См. напр.: Азбука физической культуры / Сост. М. Г. Собецкий. – Л., 1924.

на тему «Государственность и новая общественность». Ныне, представляя конспект доклада на тему «Новейшее течение анархизма» (общественная безгосударственная политическая идеология), прошу поставить доклад на одно из ближайших открытых заседаний В.Ф.А. Доклад может быть поставлен самостоятельно или же в «Беседе об анархизме». Полагал бы желательным и своевременным поставить в Вольной Философской Ассоциации две дискуссивные темы: «Анархизм и марксизм» и «Познание и Культура» и специальный доклад «Философия истории как социология».

Тезисы для дискуссии на тему «*Познание и Культура*» прилагаю. Тезисы для дискуссии «Анархизм и марксизм» и конспект доклада «Философия истории как социология», если желательны, могу представить.

М. Собецкий.

Тезисы для дискуссионной темы «Познание и культура»

для Вольн<ой> Фил<ософской> Асс<оциации>

1. Человечество знает две основные области познания: интеллектуальную и эмоциональную.

2. Организованными формами интеллектуального познания являются: *наука*, основанная на наблюдении, исчислении о опыте, и *философия*, основанная на умозрительном методе рассуждений и умозаключений.

3. Организованными формами эмоционального познания являются: *религия*, основанная на искании и ощущении Истины, Любви, Единства, и *искусство*, основанное на искании, ощущении и нахождении красоты.

4. Метод науки — опыт; метод философии умозрение; метод религии и искусства интуиция и моральное или эстетическое эмоциональное внушение.

5. Интеллект и эмоции являются орудиями познания, причем интеллект является активной стороной каждого сознания, эмоция же пассивной, активно-пассивной или активной, смотря по их высоте (низшие эмоции животных, эмоции полукультурного человека или высшие эмоции культурного человека).

6. У человека рост сознания заключается в росте интеллекта и в сопутствующем ему росте высших эмоций, которые по мере своего роста все более интеллектуализируются, причем одновременно с этим интеллект проникается эмоциональностью.

7. Слияние интеллекта с высшими эмоциями дает духовность; духовность только высший полет интеллектуальности и эмоциональности.

8. *Приложение познания к жизни человека, человеческого общества, человечества дает культуру.*

9. *Наука*, с прикладной отраслью *техникой, философия, религия и искусство являются факторами культуры.*

10. Полный расцвет культуры, сложившейся исторически из материального прогресса, духовного прогресса и социального прогресса возможен лишь при союзе между наукой, философией, религией и искусством.

11. Противоречия, абсурды и уродливость современной действительности являются историческим следствием враждебности, разноустремленности и разъединенности, фальсификацированности — науки, фальсификацированности религии и фальсификацированности искусства.

12. Субъектом науки, науки, философии, религии и искусства и деятелем культуры является человеческая личность (человек).

13. Достижения материальной, духовной и социальной культуры зависят от культуры тела, ума, воли и духа человека.

14. XX век начался войнами и революциями. Начинается новая культурная эра жизни человечества. Задача XX века очистить науку, философию, религию и искусство от фальсификации и синтезировать и координировать их в философии культуры и направить по новому широкому руслу материальный, духовный и социальный прогресс человечества.

15. Задача XX века будет выполнена культурным человеком XX века, гармонически развивающим свое тело, ум волю, дух, создающим новую общественность, новую науку, новую религию, новое искусство, и освобождающим угнетенных от всех исторических форм рабства, насилия и эксплуатации.

М. Собецкий. Петроград. 1921 год.

П. Самойлов

Новая пьеса[365]

Демократическая зала Вольфилы. Много народу и затаенное внимание на лицах. За столом автор новой пьесы «Равви», писательница Ольга Форш), и (редкое качество у писателей) превосходная чтица.

Я не буду сейчас «судить», ибо тема пьесы взывает к суду глубокомысленному и мудрому. Эта — одна из тех вечных тем, которые разрешаются, строго говоря, не нами, а через нас — в ходе мировой истории. Задача моя — дать лишь рецензию на услышанное.

[365] Жизнь искусства. 1921. 6 сентября. № 807. С. 3.

Обратимся же к пьесе. Форш завязывает ее мастерски и сразу завораживает внимание.

Молодой немецкий пастор пережил тяжелую душевную драму: из чаши его на конфирмации отравилось несколько юношей и девушек. Пастор не виноват, виноват кистер, не вычистивший металлической чаши. Старый пастор, совершавший одновременно с молодым, отнесся к происшедшему смиренно: «на все воля Божья».

Но молодой пережил трагедию. Он готовится искупить «вину». Бога нет в церкви, Бога нет в чаше... На следующей конфирмации он создает себе искупительную Голгофу: произносит знаменательные слова «дух дышет, где хочет» и переворачивает чашу на глазах всей паствы; она пуста.

Параллельно с линией пастора-богоборца идет линия революционера-террориста. Он приезжает в городок, чтобы убить губернатора; но неверующий террорист чувствует, что убить другого он может лишь убив и себя; он идет на преступление как на самоубийство. Час Голгофы пастора и террориста совпадает во времени и сближает их даже в пространстве: оба случайно сталкиваются за стенами храма (вне храма); один арестованный и раненный, другой тоже задержанный за оскорбление святыни. И вот здесь, почти на улице, между этими двумя отверженными, девушка, любящая пастора, вдруг видит третьего: «Где двое или трое во имя мое, там и я среди них».

Итак — историческая церковь осуждена; она мертва; чаша с дарами пуста. Но за стенами храма воздвигается новая церковь, основанная на любви к малым сим и на ненависти к насилию и неправде. Этот основной узел распутывается на фоне едкой и талантливой критики исторической церкви, причем образ владыки, — бывшего офицера с французским воспитанием, с бонмо и непристойными анекдотами, умного, скептического политиканта — можно без преувеличения признать блестящим. Он удался Ольге Форш больше всех остальных.

Такова пьеса. Сценичная, современная, не по-женски умная, написанная в натуралистической манере (уже непривычной нашему уху, воспитанному на условности), она является благодарною пищей для театра, где займет место рядом с пьесами Мережковского, родными ей по теме и разработке.

Вот краткий отчет об услышанном. Углубление же по существу, неизбежно вытекающее из оставленных пьесою вопросов, — дело будущего, когда мы увидим «Равви» на сцене театра Гайдебурова, где пьеса назначена к постановке в ближайшее время[366].

[366] Пьеса была опубликована дважды: в 1922 г. берлинским издательством «Скифы», а в 1923 г. московским и петроградским издательством «Круг», однако

Письмо Д. М. Пинеса к Андрею Белому[367]

Дорогой Борис Николаевич,

Вчера Арон Захарович заходил к Вам, чтобы передать «Знамя». Берлинское № 2 (в нем и «Первое свидание») и № 1 «Знамени» немецкого, но не застал.

А я никак сейчас не могу и посылаю через жену.

Разумн<ик> Васил<ьевич> завтра в город не приедет и просит Вас председательствовать на Гетевском собрании Вольфилы (в 2½ ч.)[368].

Я очень рад, Борис Николаевич, вести о том, что Вам разрешен выезд, хотя знаю, что все это не так просто, легко и радостно.

Крепко жму Вашу руку и, *б. м.*, завтра, по дороге, зайду за Вами (но не наверное).

Дм. Пинес.

Когда-то давал В<ам> книжку Лихтенштадта о Гете[369]. Если она Вам не нужна — (но только *если действительно* не нужна) — будьте добры передать ее жене.

Дм. П.

10/IX. 921

на сцене Передвижного театра так и не была поставлена. П. П. Гайдебуров этой темы касается в своем письме к Иванову-Разумнику от 14 января 1924 г.: «...вновь и вновь мне не судьба побывать в Вольфиле, и это куда как грустно. Может быть возможно будет прослушать Ольгу Дмитриевну у нас. Но захочет ли она этого? Она долго сердилась, кажется, на нас за то, что я никак не мог поставить ее Равви, принципиально принятого в театр. Если она сменила гнев на милость, тем отраднее, в особенности теперь, когда считается, по-видимому, хорошим тоном всячески нас поносить и сторониться нас. Мы решительно оказались в немилости у сегодняшнего дня российской действительности» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 251. Л. 1об.–2).

[367] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 246. Л. 1–1об.

[368] Возможно, речь идет о заседании «Беседа о Гете» (докладчики Д. Д. Михайлов и Л. В. Пумпянский), перенесенном на сентябрь с 7 августа – дня смерти А. А. Блока.

[369] Имеется в виду книга В. О. Лихтенштадта «Гете: Борьба за реалистическое мировоззрение: Искания и достижения в области изучения природы и теории познания» (Пб., 1920).

Из письма Иванова-Разумника к М. М. Пришвину[370]

5 октября 1921
Ц<арское> С<ело>
Колпинская, 20, кв. 2
(NB: — живем мы все там же, но
письма сюда ко мне не доходят.
Лучше пишите заказным по адресу:
Спб., Фонтанка, д. 50, кв. 22
Вольная Философская Ассоциация
на мое имя).

Дорогой Вы мой Михалмихалыч, — <...> Пишу на-авось, откликнитесь!

Дел к Вам — миллион, всех не упишешь. Я только что вернулся из Москвы, где мы (Андрей Белый, Мстиславский и еще новые для Вас лица) открывали московское отделение «Вольфилы» — так называется кратко «Вольная Философская Ассоциация», наша «Скифская Академия». Афишу нашу на Октябрь (шестнадцать заседаний памяти Достоевского) посылаю Вам бандеролью отдельно. Жизнь у нас кипит — и не в старых, а в новых формах. Если бы Вы приехали хоть на краткую побывку! На днях высылаю Вам официальную «командировку» от Вольфилы: приезжайте! Дорогу и жизнь здесь (остановитесь у меня) окупим литературным вечером. <...>

Когда приедете — увидите: по новому идет новая духовная жизнь; тени, марионетки старого — плачут, стонут, панихидничуют по-прежнему; живые — живут живым[371].

[370] РГАЛИ. Фонд М. М. Пришвина (Сообщил Я. В. Леонтьев). Вероятно, письмо было получено Пришвиным в начале декабря. См.: *Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. – М. [illegible]. С. 223 (запись от 5 декабря 1921 г.).

[371] Хотя ответное письмо [illegible] сохранилось, развернутый черновик ответа содержит запись в дневнике [illegible]швина от 7 февраля 1922 г.: «Видите что: земля наша лежит без связи <...> ь в нашей жизни какое-то чудище, перед которым всякая попытка связа[illegible]-нибудь, соединить кажется мне, человеку на границе старости, – наив[illegible]. Отчего у меня и перо выпадает из рук, отчего и Ваши Вольфилы и пр[illegible] Ваша Петербургско-эмигрантская жизнь) кажется дымом. Вообще в[illegible] ученых, образованных и истинных людей в Петербурге, я считаю лю[illegible]граничными, и вы меня маните, как заграница, как бегство от чуди[illegible]. Чудище имеет в себе змеиную притягательную силу, всматривае[illegible]го и тянет, а там, за границей – шоколад, чай с сахаром, сигары, в[illegible] издания, щекот свободы и самолюбия и главное, что при госуд[illegible] можность соединять мыслью миры, подумаешь о заграница и как[illegible]но пасьянс сложить. Вы не думайте, что

Копия

Командировочное удостоверение[372]

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации члену-сотруднику Михаилу Михайловичу ПРИШВИНУ (с. Алексино, Дорогобуж, Смоленской губ.) в том, что он действительно вызывается В.Ф.А. на Октябрь месяц с. г. для чтения лекций, докладов и устройства литературных вечеров в Спб. Вольной Философской Ассоциации.

Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать полное содействие М. М. ПРИШВИНУ в его поездке Алексино — Петроград и обратно.

Председатель — /подп<ись>/

Секретарь — /подп<ись>/ Вл. Бакрылов.

Объявление[373]

21го Октября в 7 ч. в. в помещении Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, уг. Графского) состоится 2-ое собрание Кружка по изучению творчества В. В. Розанова[374].

Порядок дня:

1) Выборы организационного комитета (по устройству вечеров, рефератов, семинария и пр.).

2) Выборы редакционной коллегии (по собиранию и изданию материалов).

3) Сообщение В. Р. Ховина[375] о последних днях В. В. Розанова.

в этом состоянии я погиб окончательно, нет! Я надеюсь найти выход в опыте, вот, думаю, поеду к Вам и найду там то "бо́льшее", чего я не вижу здесь, потому что, в конце концов, с головы же мысль идет, а не с брюха. <...> Получишь от Вас письмо, обрадуешься – еду, еду, еду! Потом раздумаешь о Вашей двойственной природе (Андрей Белый и курсистки) – нет! подумаешь, Вольфил, издания – это у него курсистки, а внутри – темно для меня; потом я знаю, что Вы человек практический, пчелиного свойства, и я нужен для Вашего улья, это хорошо и метко и я тут могу: Ваш улей я вижу, но не вижу пасеки. Что, если бы Вы хоть два слова написали о пасеке, как бы Вы меня обрадовали» (Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. С. 234–235).

[369] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 106.

[370] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 58.

[371] Василий Васильевич Розанов (1856–1919) – публицист-философ.

[372] Виктор Романович Ховин – критик, владелец издательства и магазина «Книжный угол».

Смета на 1921 год Вольной Философской Ассоциации[376]

Сводка

	Ассигнов<ано> по смете 1921 г.	Израсходовано на I-ое полугодие 1921 года	Испрашивается на 1922 год	Примечание	Основания исчисления
Литер «А»					
1. Личный состав ВФА	606.900	724.258	10.282.140	Приложен<ие> № 1	Личный Состав, утвержденный для Вольной Философской Ассоциации сохраняется прежний, испрашиваемая сумма увеличилась с повышением ставок.
2. Оплата воскресных дневных открытых заседаний	468.000	180.000	1.647.360		Считая по 8 часов каждый воскресный доклад – следует: 3600×8 плюс 10% = 31680. 31680×52 = 1.647.360
3. На оплату докладов на вечерних открытых заседаниях			1.900.800	Приложен<ие> № 2	Темы, выдвинутые Ассоциацией (см. «месяц Достоевского), требуют более широких рамок, чем 4 доклада по Воскресеньям. – Намеченные темы (Данте, Розанов и др.) предпо-

[376] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 54. Предположительно смета составлялась во второй половине 21 г.

					ложено ставить через месяц в 10 вечерн<их> докл<адов> каждую: 3600×8 плюс 10% = 31680. 31680×60 = 1.900.800
4. На оплату за занятия в кружках	3.110.400	1.004.660	42.768.000		Еженедельно 12-ть кружков при 6 час. (пример текущ<его> года показал, что вечерние заседания в кружках продолжаются в течен<ие> 6 час.) следует в месяц: 1800×6×12×25 = 3.240.000, а с 10% приб<лизительно> 3.564.000, что в год состав<ит> 42.768.000
5. На оплату за занятия на курсах	1.037.800	1.040.080	1.040.080	Приложен<ие> № 3	При 12-ти час. занят<ий> в неделю расход в месяц выразится: 1800×12×4 = 86.400. 10% = 8.640. Всего в месяц 95.040. В год – 1.040.080. – Курсы носят пропедевтический характер и рассчитаны на широкие круги населения. Длительность курсов – год. Подраздел<яются> курсы на 2 отд<ела> – пропедевтический и исторический.

Всего по лит. «А»	5.223.100	1.908.918	57.638.380	
Литер «Б»				
1. Расход на приобретение книг, на ремонт книг	300.000 50.000		15.000.000	Сумма испрашивается для приобретения текущей литературы в России и заграницей и на покупку систематически подобранной библиотеки по вопросам философии.
2. На изготовление чертежей, схем и рисунков к докладам			9.000.000	Считая от 110.000 до 180.000 за один чертеж размером 1/1 при 5–8 чертежах к докладу, а всего за год – 50 листов.
3. На оплату за стенографирование докладов			7.200.000	Интерес заседания обычно лежит не в самом докладе, а в прениях, им вызванных, которые не могут быть сохранены иначе, как путем стенографирования. – На оплату стенографистки за 5 часов работы следует = 30000 час., т. е. 150000 заседание, что в месяц даст 600.000.
4. Расходы на издательство			25.000.000	Уже приготовлен к изданию сборник «Памяти Блока». – В течение 1922 года предпо-

				лагается издать 5 сборников. – Расход по каждому сборнику в среднем исчисляется в 5.000.000 рублей, считая расход на материалы, печатание, на уплату авторских и др.
Всего по лит. «Б»	350.000		56.200.000	
Литер «В» Хозяйственные расходы:				
Печатание и расклейка объявлен<ий>	4.150.000	170.750	24.000.000	По ценам Севцентропечати расклейка одной афиши стоит 500 рублей, печатание и бумага 500–600 руб.; ежемесячно приходится давать 4 афиши по 500 экз. каждой, что составляет расход в месяц (500.000×4) = 2.000.000 рублей.
Переписка специальных трудов и докладов	800.000	250.000	1.600.000	Общее количество материала, перепечатываемого в год составит около 800 листов, что при стоимости переписки одного листа со вставкою различных цитат на латинском и др<угих> язы-

				ках – в 2000 р. за *лист* – составляет 1.600.000 р.
Оплата за помещения. – За пользование залом для воскресных докладов и для ведения занятий по *отделам* (за уборку помещен<ий>, мытье полов, лестниц и за дежурство во время заседан<ий> и пр.	2.000.000	835.000	4.800.000	В. Ф. А. не имеет достаточно большого зала (на 1000 человек) и принуждена пользоваться для устройства открытых заседаний наемным помещением (считая в среднем за 10 заседаний в месяц 400.000 руб.).
Отопление помещений В. Ф. А.	3.240.000		42.000.000	Стоимость дров по цене Петротопа 1.200.000 за куб, расход по распиловке, подвозке и укладке следует считать в такой же сумме, а всего стоимость одного куба дров 2.400.000 р. В помещении В.Ф.А. имеется 14 топок. По топливной смете следует 180 кубов.

Освещение. На оплату за отпуск электрич<еской> энер<гии> для освещ<ения> комн<ат> В. Ф. А.	1.575.000	1.035.000	1.035.000	Стоимость электрической энергии на 35–25 свеч. ламп при горении 4 часа в сутки в месяц выражается в 105.000 р., а весь зимний период в 7 мес. следует 735.000 руб. и на ремонт арматуры за все время 300.000 р.
За пользование телефонами (4 телефона)	1.400.000		1.400.000	
Трамвайн<ые> разъезды	93.200		1.890.000	3 месячн<ых> билета по 75000 и один бил<ет> по 7.500, расх<од> в месяц 157.000 р.
Почтово-телеграфные расходы	1.000.000		2.400.000	Почтово-телегр<афные> расходы в месяц в среднем определяются в сумме 200.000 руб.
На жел<езно>дор<ожные> расх<оды>	2.000.000		2.400.000	На жел<езно>дор<ожные> разъезды для поездки на заседания Моск<овской> В. Ф. А. и др. в месяц испрашивается 200.000 руб.
На канцелярские расходы			1.800.000	На приобретение бумаги, конвертов, чернил и проч<их> канц<елярских> принадл<ежностей> 150.000 в месяц.
Всего по				

Лит. «В» Всего:	16.258.200	1.255.750	113.325.000	
По Лит. «А» на оплату личн<ого> состава	5.223.100	1.908.918	57.630.380	
По Лит. «Б»	350.000		56.200.000	
По Лит. «В» на хоз<яйственные> расходы	16.258.200	1.255.750	113.325.000	
	21.831.300	3.164.668	227.155.380	Всего по смете двести двадцать семь миллионов сто пятьдесят пять тысяч триста рублей

Председатель Р. Иванов
Секретарь Вл. Бакрылов

Афиша[377]

Вольфила
Дневные и вечерние открытые заседания
Вольной Философской Ассоциации

Ноябрь 1921 года

Литературные беседы		**Данте**
Четверги	Воскресенья	Субботы
XCVII	C	XCIX
3 Ноября	6 Ноября	5 Ноября
Вл. Пяст.	**А. В. Васильев**	**Ф. Ф. Зелинский**
О Блоке.	Накануне Нового	Гомер Вергилий
I. Воспоминания (1905–1917).	Канта	Данте
II. Стихи.		
III. О стихах		

[377] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 [illegible] 41.

CI	CIII	CII
10 Ноября	13 Ноября	12 Ноября
Ник. Никитин	Р. В. Иванов-Разумник	И. М. Гревс[378]
Кол. Повесть	Достоевский, Леонтьев и идея мировой революции	Значение Данте
CIV	CVI	CV
17 Ноября	20 Ноября	19 ноября
О. Д. Форш	**П. К. Губер**	**Ю. Н. Данзас**
Равви. Драма	К. Н. Леонтьев[379]	Данте и схоластика
CVII	CIX	CVIII
24 Ноября	27 Ноября	26 Ноября
Вл. Гиппиус	**Артур Лурье**	**Л. В. Пумпянский**
Сон в пустыне. Драматическая поэма[380]	Русская культура и русская музыка[381]	Чистилище и Рай
Начало в 2½ часа дня		Начало в 7½ часов вечера
Зал Географического О-ва	Билеты при входе	Демидов пер., д. 8-а

[378] Иван Михайлович Гревс (1860–1929) – историк, профессор Петербургского университета.

[379] См.: *П. Губер.* Константин Леонтьев (К 40-летию со дня смерти) // Летопись Дома литераторов. 1921. 15 ноября. № 2. С. 5. Обзорная статья (в заглавии которой содержится опечатка: К. Н. Леонтьев скончался в 1891 г.) содержала высокую оценку идейного наследия русского мыслителя: «...Леонтьев нисколько *не состарился и по складу* своего мировоззрения стоит гораздо ближе к нашей эпохе, нежели многие из самых прославленных его современников. <...> Все страницы, написанные Леонтьевым, *густо насыщены* мыслью. Он чрезвычайно выигрывает при внимательном, пристальном, неторопливом ознакомлении с ним. Правда, это писатель не для толпы. Какие бы усилия не делались для пропаганды его литературного наследия, оно, вероятно, навсегда останется уделом тесного круга читателей. Но этот круг всегда будет составлять собою умственную аристократию своего времени». См. также предисловие П. Губера к книге «Страницы воспоминаний Константина Леонтьева» (СПб., 1922. С. 5–6).

[380] Рукописные варианты пьесы «Сон в пустыне. Зрелище в трех действиях» сохранились в архиве Вл. В. Гиппиуса. См.: ИРЛИ. Ф. 77. № 148–149.

[381] Выступление А. Лурье, там было опубликовано в «сборнике третьем и последнем» «Стрелец» под заглавием «На распутьи (Культура и музыка)»

Хроника[382]

– В четверг, 10 ноября, в «Вольфиле» (Демидов пер. 8-а) Ник. Никитин читает повесть «Кол». После чтения дискуссия с участием Б. Эйхенбаума, Иванова-Разумника, Викт. Шкловского и др.

Письмо А. З. Штейнберга к Конст. Эрбергу[383]

25. XI. 1921.
В<асильевский> О<стров>
8-ая лин<ия> 43, кв. 44.

Дорогой Константин Александрович,
Николай Дмитриевич Красильников, представивший нам тезисы «О Боге», интересуется вопросом, когда мы назначим его доклад. Ра-

(С. 146–175). Называя окружающую действительность «безмузыкальной бытийственностью», автор, в частности, писал: «Русская культура дошла до последней точки своего падения. Нужно до конца осознать это. Всякая попытка к *индивидуальному, обособленному исканию* "выхода", разрешению "кризиса" – останется только попыткой, бесцельной и тщетной. Мы пребываем в безысходности, безмузыкальности, в духовно опустошенном пространстве. Трагическое до конца чувство гибели и действенное искание путей к возрождению в духе – единственная реальность нашего сознания, то бытие, в котором мы *существуем* в отношении к собственному живому опыту и *осознаем* себя в отношении к русской культуре. Остальное все призрачно, – действительность, кажущаяся тем, кто мнит себя оправданным в той или иной, жалкой в этом смысле, попытке самоутверждения или *соучастия* в тлении угля, оставшихся от испепеленного русской культуры. Такое пассивное соучастие в кажущемся культурном сознании создает только призрачное марево зеркал, калейдоскопически отражающих: "кризисы", "вопросы", "темы" и пр., назойливо мелькающее бесконечной вереницей в столь же призрачно существующей русской общественности. <...> Последнее событие, имеющее неизмеримый смысл для судьбы всей русской культуры и для передового русского общества, – событие 7 Августа 1921 года – смерть Александра Блока. Как страшно для нас осознать это даже спустя три месяца после этой утраты. Вот последнее завершенной эпохи, пережитой нами, тот рубеж, на котором мы очути все более и более сгущающемся сумраке русской действительности. это еще недостаточно сознают, – не здесь, в тесном кругу близк широком кругу русского общества: русская революция кончилась о Александра Блока» (С. 146–147).

[382] Жизнь искусства. 19 . № 816. С. 4.

[383] ИРЛИ. Ф. 474. № 29

з<умнику> Вас<ильевичу> я уже передал и тезисы, и решение. Ник<олай> Дм<итриевич> хотел бы получить положительный ответ. <...> Раз<умник> Вас<ильевич> передал ему, что теперь тезисы у Вас. Будьте и добры и дайте ответ. Мне это кажется интересным (может быть, в понедельник свободный?). Привет сердечный!

Ваш А. Штейнберг.

Письмо Конст. Эрберга в Учусопетрайона[384]

1921 г.?[385]

В секцию полиграфического производства

На основании приказа учусопетрайона № 60, уведомляю:

а) у меня имеется пишущая машина фирмы *Ремингтон*.

б) фабр<ичный> № *24401*, тип № 5.

в) каретка *малая*.

г) шрифт *закрытый*, русский.

д) модель «Paragon» (одна из самых ранних); куплена в 1884 году.

е) неисправная: заскакивают буквы, но писать *кое-как можно*.

ж) *Эрберг* (*Сюннерберг*) Константин Александрович — профессор, декан, ученый секретарь Института Живого Слова; товарищ председателя Вольной Философской Ассоциации; главн<ый> редактор Театр<альной> Энциклопедии; товарищ председателя Научно-Теоретического отделения Института Театральных Знаний; писатель.

з) Международный просп. № 40/27, кв. 26. Тел. 81–89.

и) по роду деятельности машина эта *необходима* как мне лично, так и тем учреждениям, в которых я работаю, особенно *Вольной Филос<офской> Ассоциации и Театральной Энциклопедии, где пишущих машин не имеется*.

К. Эрберг (Сюннерберг).

Канцелярия Института Живого Слова удостоверяет, что профессору ЭРБЕРГУ по роду его деятельности в качестве ученого Секретаря Института пишущая машина необходима.

Управляющий делами: <Подпись>.

Совет Вольной Философской Ассоциации сим удостоверяет, что машиной тов. председателя Ассоциации Конст. Эрберга Ассоциация пользуется для своих надобностей.

Председатель Р. Иванов.

[384] ИРЛИ. Ф. 474. № 51.

[385] Более поздняя датировка документа рукой Конст. Эрберга.

А. Ракшинский

Переоценка ценностей[386]

Том I

Дерзкий полет мысли не имеет
границ для постижения непостижимого

I

«Переоценка ценностей», в обширном значении этого слова, исторически охватывает своем целом все те знания, в пространстве и во времени, начиная от привычек, предрассудков, обычаев, способностей и легиона законов нравственности, верований и искусств, прикладных и положительных наук, отчасти необходимых, но ложно усвоенных человеком, не для человека, а человеком-зверем для человека-зверя, мыслящего, культурного, цивилизованного[387].

Так как условия жизни различных народов, насколько они нам известны по исследованиям разного рода ученых, антикваров, хроников, философов, бездарных историков и разного рода авантюристов-пророков, святых, полководцев, бродяг-императоров и несчетного количества отъявленных преступников в истории человечества, представляют большой материал для изучения прошлого и современного человечества разных рас и народностей.

Ибо при всем том разнообразии исторической деятельности отдельных личностей, рас и народностей, которые по выражению заслу-

[386] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № [illegible]. На обложке пометы рукой Иванова-Разумника; в левом верхнем углу: [illegible]носы»; в правом верхнем углу: «Вольфила». Свидетельств выступления А. [illegible]чинского в ВФА не имеется.

[387] Тема «человека-зверя» [illegible]одит к одному из фрагментов незавершенной книги Ницше «Воля к [illegible]: опыт переоценки всех ценностей», посмертно изданной в 1901 г. Ср. ***Культура* contra *цивилизация***. Высшие точки подъема культуры и цивили[illegible] не совпадают: не следует обманываться в вопросе о глубочайшем ан[illegible]зме между культурой и цивилизацией. Великие моменты культуры в[illegible]и, морально говоря, эпохами испорченности; и с другой стороны [illegible]преднамеренного и насильственного *укрощения зверя-человека* (цив[illegible]) были временами нетерпимости по отношению к наиболее дух[illegible]наиболее смелым натурам. Цивилизация желает чего-то другого, чем[illegible] быть может даже чего-то прямо противоположного» (*Ф. Ницше*. [illegible]сти: опыт переоценки всех ценностей / Пер. Г. Рачинского. – М., [illegible]

живающих уважения ученых были двигателями мысли в безграничном значении этого слова, культуры и цивилизации, в той мере, в какой они были преемниками тех стадий постепенного развития той же мысли, культуры и цивилизации, как наследия предшествующего — с теми разнообразными стимулами побуждений, направленных на переустройство своего и будущего человечества остаются на протяжении тысячелетий такими же, какими они были вчера, то сомнительно, чтобы это наследие могло быть лучше завтра,. А раз это так, то мы в основу исследования этих начал положим мысль, культуру, цивилизацию от низших рас и народностей вплоть до наших дней, исходя из того глубокого заблуждения, что мы в одну минуту нашего мышления усомнились в том, что мысль есть не процесс критического мышления, — а продукт комбинаций..., культура — не улучшение быта человечества, а способ приспособленности к дурным формам общения..., цивилизация — не раскрепощение человечества от разного рода пороков, хороших или дурных начал, а каземат, в котором томится далеко не свободный дух человека-зверя. Новейшие исследования в области наук разных школ и направлений брали и берут слишком устарелый масштаб своих исследований, определяя это временем от вчера до сегодня, насколько это научно, нас<т>олько же и шарлатански невежественно, пытались и пытаются доказать незыблемость законов, последовательность причин и следствий, отчего каждый факт находится в зависимости от того, что было прежде; рассуждая таким образом, в своих выводах остаются слепыми кротами, так же, как и их предшественники, ослепленные сомнительными фактами прошлого и в недоумении разводят руками над историческим вопросом: что же будет завтра.

Несмотря на то, что мир исторически представлял и представляет собою пошлую трагикомедию, а природа является фоном на котором остаются исторические картинки общения, которые своими ошеломляющими скачками переходов от менее дурных к более дурным оставляют до сих пор много пожеланий в этом дурном начале взаимоотношений оставить дурное не менее дурным предшествующего и т. д., и т. д. Все это имеет свою последовательность в связи с исторически установившимся мнением безграничности человеческой грани дурных и хороших взаимоотношений, к чему человечество стремилось, но ни на один шаг в своих стремлениях пока не подвинулось.

Возьмем ли мы изучение нравов или же исследование низших функций человечества от человека-зверя до человека-зверя, мыслящего, культурного и цивилизованного, эти руководящие идеи остаются пока непоколебимыми... А это объясняется тем, что люди вообще и мыслители, в частности, разных времен и народов, слишком

мало сделали в области изучения человеческих взаимоотношений человека к человечеству; несмотря на многовековой процесс деятельности в области мысли, культуры, цивилизации, построенной на комбинациях, приспособлении и насилии человечества над человечеством, класса над классами и т. д. Если мы этот исторически комбинированный процесс деятельности устройства человечества в безграничных взаимоотношениях всех ко всем, примем на веру от комбинаторов истории человечества как нечто заслуживающее доверия, то мы этим унизим себя во мнении своих современников, мыслящего, культурного и цивилизованного человечества, для которых отрицательные стороны исторического мышления, культуры и цивилизации более чем понятны, так как неудобство и тяжесть цепей, лучше известны человеку, который закован в них, чем кузнецу, который кует их или законодателям, которые издают приказы держать человека в цепях.

Я заранее предрешаю, что многим современным мыслителям покажется такого рода воззрение жестоким предисловием в переоценку ценностей, *и я хотел бы быть нежнее, но не могу*; и не могу не потому, чтобы был лишен этого болезненного чувства нежности, нет, я не *могу лишь потому, что я в своем труде переоценки ценностей на расстоянии тысячелетий переворачиваю страницу за страницей книги крови красной истории, написанную человечеством во время борьбы* с природой, до совершенного устройства человечества, которое ни на *одну минуту не отвлекается от борьбы с природой и занято переустройством* взаимоотношений человечества, постепенно уходя от человека-зверя к человеку-зверю, мыслящему, культурному, цивилизованному, а раз это так, то философ, взявший на себя труд переоценить ценности, то его труд будет более ценным *лишь только в том случае*, если он не впадет в комментарии бесценных ценностей, т. е. фактов и причин, исторически не ценных...

Неопровержимые причины такого состояния человечества с известными интервалами мысли [illegible]ультуры и цивилизации служат основанием признать переоценку ценностей не наукой, а критикой ценностей, которая может показать [illegible]ественное определение начал и доказательств, отрешившись один раз и навсегда от разнообразных систем изучения истории, далеко не отвечающих требованиям критических знаний. Несмотря на [illegible]тивление разного рода ученых, разных школ и направлений в об[illegible]ти мысли, культуры и цивилизации, критическая переоценка цен[illegible]ей рано или поздно проложит себе дорогу к изучению более сущ[illegible]ных вопросов (начала дурных взаимоотношений). В то же вре[illegible]м не сильнее будет оппозиция в этой области, то тем сильнее [illegible]терес человечества для критики спекулятивных философских [illegible]невежественных богословских догм...

Исследования человеческих взаимоотношений, насколько нам известно, то они в большинстве случаев известны нам только с дурных сторон. Везде и всюду, на расстоянии тысячелетий мы видим сплошной дифирамб насилию Господа Бога и Его служителям, за исключением еле слышных ноток отдельных личностей, которые вызывали на бой лакеев Господа Бога...

Исторически принятое мнение о свободе воли допускает в своих суждениях, с одной стороны, свободное действие, возможность удерживать свою волю от свободных проявлений, действий, а, с другой, — побуждает волю свободно насиловать свободу воли той же свободой свободной воли. Владеет ли свободой воли свободное человечество или человек-зверь, все это достигается условно, будет ли это действие направлено на достижение условных свобод постольку, поскольку допускает свобода воли, постоянно же в одно и то же время проявляется насилие над насилием той же свободной воли над человечеством человеком-зверем для человечества и человека-зверя. Это колебание воли происходит в тех случаях, когда нарушается внутреннее соотношение сил человечества и человека-зверя. Лишь потому, что человечество и человек-зверь исторически тиранит, награждает, судит, милует, любит, ненавидит, и все это делается не для того, чтобы это нужно было бы сделать, как нечто необходимое, без чего человечество, человек-зверь не может обходиться, нет, это делается для того, чтобы человечество и человек-зверь знали, что есть такие ненужные и вредные идеи, которые человечество должно пережить. Будущее человечество и человек... будут жить, как люди, в том случае, когда они изживут такие предрассудки, как награды, милости и ненависть.

Изучение же воли есть краеугольный камень для переустройства человечества и перевоспитания человека-зверя в человека. Будущий человек не может быть прототипом Бога или Его богоносцев, лакеев, которые одной рукой призывают в помощь Бога, а другой приказывают казнить людей. Современный Богочеловек-зверь, будущий человек-человек.

Оставляя непоколебимым сверхъестественное вмешательство и предполагаемое существование непрерывной связи Бога с человеком-зверем, каковое существование было выдумано человеком-зверем, в будущем станет невозможным такое уподобление человеку на более высшей ступени развития человечества. Это так же невозможно будет в будущем такого рода раболепие перед выдуманным чудовищем Господа Бога, как невозможно в наше время воздавать божеские почести какой-нибудь бронзовой или каменной статуе полководца, ученого или общественного деятеля, слава которого простиралась хотя бы на весь земной шар. Таким образом понятие о Боге есть изжи-

раемый пережиток наших дней, который, несмотря на всю свою неустойчивость перед безжалостной критикой исторических бесценностей, до сих пор поддерживается и внедряется огнем и мечом тем влиятельным классом меньшинства, который и верит и не верит в существование Бога, но с успехом пользуется Его мнимыми заповедями для эксплуатации большинства человечества на разных ступенях развития человечества, которые в истории будущего человечества будут заклеймены позорным <тавром?>, как торговцы опия, как враги свободного самосовершенствования человечества и как ядовитые змеи, причиняющие своими укусами страдания человечеству на тернистых путях искания себя, своего назначения и своих взаимоотношений в жизни.

II

В этой главе введения в переоценку ценностей я считаю лишним прибавлять к тому, что было сказано о мысли, культуре и цивилизации, о свободе воли... и насилии Господа Бога. Мы, постепенно отстраняясь от беспричинных произвольностей и от предполагаемых причин, пойдем дальше, дальше настолько, насколько это позволит нам временное пребывание в подлунной. В одно и то же время наше сомнение послужит нам основанием опереться на некоторые физические науки, которые нам помогут с постоянно возрастающим интересом продолжать наш труд с<о> свойственным нам сомнением исследовать исторические сомнительные законы общечеловеческих взаимоотношений от человека-зверя до человека... наших дней. Насколько нам удастся, то постараемся углубиться в историческое изучение человечества для того, чтобы обнаружить те отдельные причины, которые до сих пор остаются в этой области довольно спорными. Да и кому верить, когда я сам себе не верю: человек ли я или такой же человек-зверь, как и остальные...

Конечно, по виду, т. е. [illegible] своей организации, способу рассуждений, образу действий, воли и чувств, посредством которых я в одну и ту же минуту по своим отрицательным и положительным качествам характера могу быть более [illegible] спокойно взойти на костер, на котором сожгут мой бренный прах, как барана-мученика, быть государственным деятелем или преступником (не совершая преступления), быть сгноенным в тюрьме или [illegible]ре. Могу любить всеобъемлющей любовью все окружающее и [illegible]ю самоуничтожения самого себя. Разве все те качества, которыми обладаю и которыми обладает каждый человек, могут укладыв[illegible] какие-нибудь рамки подчиненности или законов, которые [illegible]но можно оспаривать, изменять, не

признавая их, подчиняться им постольку, поскольку в частности касается меня, Вас и человечества. Это все не вечно, все меняется, Но характер человека, на какой бы ступени развития он не был, остается таким же, каким он был вчера, если и наблюдается изменение характера посредством нарушения соотношения сил человека, то...[388]

Отчет о деятельности ВФА за 1920–1921 год[389]

Целью В. Ф. А. является разработка проблем культуры в свете систематической философии и распространение в широких массах философских знаний. К выполнению этого было предпринято следующее:

В 1920–1921 году деятельность В.Ф.А., не изменяя своих основных принципов, развернулась значительно шире. Основной темой воскресных открытых заседаний по-прежнему является проблема философии культуры и разрабатывается в четырех направлениях:

1) Кризис современной культуры: этой теме были посвящены доклады А. Белого «Кризис культуры», А. Белого «Что такое максимализм», А. З. Штейнберга «Веселая наука» (целью этого доклада было осветить проблему образования, наметить основные принципы реформы образования), Ф. Я. Парчевского «Основные задачи знания», А. А. Гизетти «Трагедия культуры», Б. Демчинского «Возмездие за культуру». Под знаком этой же проблемы стоит «Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова и Гершензона, прочтенная в рукописи на одном из открытых заседаний.

2) Проблема религии: эту тему затронули следующие доклады: А. Белого «Ветхий и Новый Завет», А. З. Штейнберга «Иудаизм и Христианство», А. А. Мейер<а> «Язычество» и «Творчество и символ», Н. Н. Розенталь «Драма религиозной личности», Ю. Н. Данзас «Философия, религия, наука», Конст. Эрберга «Религия и мистика».

3) Проблема общественности: ее касались доклады: А. А. Гизетти «Общество и космос», Р. В. Иванова-Разумника «Проблема личности», Собецкого «Государственность и новая общественность», Н. С. Лаврова «Основы новой организационной науки», Н. С. Лаврова «Будущее России и социализм», И. А. Боричевского «Две интеллигенции».

4) Проблема творчества: этой темы касаются доклады Конст. Эрберга «Искусство — бунт», Ф. Ф. Зелинского «Творческая эвфория»,

[388] Машинопись обрывается.
[389] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 11.

Ю. Н. Данзас «Задачи творчества», И. И. Лапшина «Интуиция и научно-философское творчество», Н. Пэрна «Периодичность творчества», [illegible] Форш «Творчество слов», Е. М. Браудо «Романтическая психология в музыке», С. Радлова «Романтизм и классицизм на сцене», Конст. Эрберга «О догматах и ересях в искусстве», Л. Л. Мищенко «Философия материальной культуры». Кроме того, на воскресных заседаниях рассматривались общие вопросы теоретической философии; их затронули доклады С. А. Аскольдова «Свобода воли», А. А. Чебышева-Дмитриева «Время и бессмертие», С. Гарта «О смысле жизни», Л. В. Пумпянского «О героической морали», вопросы философии истории: сюда относятся доклады Ф. Я. Парчевского «Мессианизм и славянство», А. А. Чебышева-Дмитриева «Не герои» (о национальном характере русского народа), вопросы эстетики: доклады Л. В. Пумпянского «Философия трагедии», К. С. Петрова-Водкина «Красота спасет мир», вопросы психологии — доклады В. М. Бехтерева «Непосредственное восприятие», Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Творческое подражание».

Кроме того, проф. А. В. Васильев прочел доклад на тему: «Общая теория относительности в связи с современным положением философских школ», пр<офессор> Ф. Ф. Зелинский прочел доклад «Трагедия интеллектуализма у Платона».

Вместе с тем В. Ф. А. устроила ряд публичных заседаний, посвященных памятным годовщинам; так, состоялось заседание, посвященное памяти Владимира Соловьева, в котором приняли участие А. А. Блок, А. А. Гизетти, А. А. Мейер, Э. Л. Радлов, А. З. Штейнберг, Чешихин и др., заседание памяти Л. Толстого, в котором выступили: Р. В. Иванов-Разумник и пр<офессор> Васильев, заседание памяти Наполеона, в котором приняли участие Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер (задачей этого заседания являлось — осветить проблему личности в истории), заседание памяти Платона, совпавшее с празднованием годовщины со дня основания В.Ф.А., в котором заседании приняли участие С. А. Аскольдов, А. В. Васильев, [illegible] П. Карсавин, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, кроме того, выступили от членов-соревнователей и от публики с своих речах, указывавших на значение В.Ф.А. и выражавшие ей [illegible] арность, от имени Наркомпроса сказал несколько слов М. П[illegible]

Празднование годовщины В.Ф.А. было не случайно приурочено к празднованию памяти [illegible], этим В.Ф.А. сознала свою деятельность как явление в сфере [illegible]матической философии во всех проявлениях культуры и с[illegible] <с> традициями Флорентийской Академии.

Заседание памяти Александра Блока при участии Андрея Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника, заседание памяти Кропоткина — при участии А. Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника, А. А. Мейера, Кибальчича, Витязева и др. Кроме того, воскресные заседания наметили новую форму работы: диспуты, беседы, где докладчиками выступают представители противоположных точек зрения: такая форма дает возможность путем столкновений противоположных мнений обострить и углубить постановку проблемы. Так состоялась беседа о марксизме, где со стороны В. Ф. А. выступили Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, А. А. Мейер, оппонентами явились члены научного общества марксистов, беседа об антропософии; докладчик Л. В. Пумпянский, беседа о Гете: докладчики Л. В. Пумпянский и Д. Д. Михайлов, беседа о материалистическом понимании истории[390], докладчик со стороны В. Ф. А. — А. З. Штейнберг, докладчик со стороны научного общества марксистов — И. А. Боричевский.

Помимо открытых заседаний работа В. Ф. А. продолжалась и в кружках. В 1920–1921 г. функционировали следующие кружки: 1) «Антропософия как путь самосознания» под руководством А. Белого, 2) А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики»; 3) Иванова-Разумника «Философия культуры», 4) Иванова-Разумника «Русская литература XX века», 5) Конст. Эрберга «Философия творчества»; 6) О. Д. Форш «Творчество слова»; 7) Л. В. Пумпянского «Опыт системы нравственной философии», 8) проф. Васильева «Философия математики», 9) Н. М. Кояловича «Пограничные вопросы теории познания, математики, теоретической физики», 10) А. А. Мейера «Философия религии»; 11) Стоянова «Философия анархизма», 12) Боричевского «Философия коммунизма». Ввиду того, что работа в кружках требует от участников значительной подготовки, так как предполагает некоторую самостоятельность, и потому потребовала организации курсов учебного характера по некоторым вопросам, были прочтены некоторые курсы для того, чтобы повысить <уровень?> неподготовленной части членов кружков и удовлетворить тех, кто пришел в В. Ф. А. пополнить свое философское образование; А. А. Мейер прочел «Историю древней философии», Э. З. Гурлянд-Эльяшева «Введение в философию», Н. М. Коялович «Логические учения», А. А. Чебышев-

[390] Как свидетельствует список летних заседаний 1921 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп.5. № 14. Л. 22), заседание, назначенное на 14 августа (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 38), в указанный день не состоялось. Вероятно, это и последующее заседания были отменены в связи с кончиной А. А. Блока и проведены уже в сентябре.

Дмитриев «Введение в философию математики». При В.Ф.А. функционирует клуб действительных членов и членов-соревнователей: раз в неделю устраиваются вечера художественной прозы, поэзии, музыки и пластики. Так, состоялись вечера А. Ремизова, Замятина, А. Терек, Мариэтты Шагинян, Владимира Пяста; Ф. Ф. Зелинский читал повесть «Царица вьюг», вечер пластики Н. Халатьян и т. д. Вместе с тем устраивались диспуты на тему об искусстве. Так, Л. Бруни читал доклад «О монументе Татлина», оппонентом выступил Петров-Водкин. Ал. Л. Векслер читала доклад на тему «Лозунг искусства будущего». Оппонентом выступил Виктор Шкловский и т. д. Кроме того, в клубе раз в неделю читались доклады на тему философии культуры; прочел доклад Ф. Ф. Зелинский «Эллинизм и христианство», Б. Демчинский «Пути Христа», П. П. Лошкарев «Андрей Белый и Николай Бердяев», кроме того, состоялось заседание памяти Л. Толстого, где докладчиками выступили И. З. Гинзбург «Л. Толстой и искусство», Н. Е. Фельтен «Л. Толстой и революция».

Весной 1921 года внутренняя работа В.Ф.А. была реформирована: кружки объединились согласно темам в Отделы. Отделы устраивали закрытые заседания, в которых велась научная работа, и публичные заседания, на которых публике предлагался систематический цикл тем, явившихся результатом внутренней работы Отделов. Организованы следующие отделы: 1) Отдел Истории философии А. А. Мейера; этот отдел устроил следующие публичные заседания: «Итоги античной философии» А. А. Мейера, «Неоплатонизм», Гиринский «Леруа и его философская политика».

2) Отдел Философии культуры — Председатель Иванов-Разумник устроил следующие публичные доклады: Иванова-Разумника: «Первохристианский социализм». О. Д. Форш «Христиане и Христовы», Ю. Н. Данзас «Гнозис первых веков»[391], Л. В. Пумпянский «Размышления о блаженном Августине».

3) Отдел чистой философии, председ<атель> А. З. Штейнберг, были прочитаны следующие доклады: А. З. Штейнбергом «Трансцендентальный метод и метафизика», Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Трансцендентализм и психологизм», Чебышевым-Дмитриевым «Кант и неэвклидова геометрия».

4) Отдел философии [illegible] наук, председат<ель> А. В. Васильев[392]: были прочитаны следующие доклады: Н. М. Кояловичем «Де-

[391] См.: *Николаев Ю.* В [illegible] божеством: Очерки истории гностицизма. – СПб., 1913.

[392] Карандашом припи[illegible] пом<ошником> Ч<ебышев>-Д<митриев>».

дукция понятия числа» и «Принципы мыслимости и континуум», А. А. Чебышевым-Дмитриевым «Больцано и парадоксы бесконечности», «Об одном опыте, иллюстрирующем теорию подбора».

5) Отдел философии символизма под председательством Андрея Белого. А. Белым были прочитаны следующие доклады: «Проблема символизма», «Символ и индивидуум», «Символ и культура», «Символизм и антропософия», М. В. Сабашниковой «Сказка Гете о зеленой змее и лилии»[393].

6) Отдел философии творчества, предс<едатель> Конст. Эрберг, на открытых заседаниях были прочитаны следующие доклады: Матюшин<ым> «Художественный опыт нового пространства». Анатолием Канкаровичем «Музыка — сущность театра», Л. В. Пумпянским «Размышление о Ревизоре», Львом Бруни «Ребро на времени» (против искусства)», Виктором Шкловским «Искусство как прием», С. Радловым «Беспредметное творчество», Л. В. Пумпянским «Размышление об архитектуре».

7) Отдел литературы под председательством Иванова-Разумника; устроены следующие открытые заседания, где в качестве иллюстраций к теоретической работе были прочитаны следующие доклады: А. Л. Векслер на тему «"Петербург" Андрея Белого», А. Белым «Чтение отрывков из "Эпопеи"», О. Д. Форш «От "Петербурга" к "Котику

[393] Ср. с воспоминаниями М. В. Сабашниковой об этом заседании ВФА, которое состоялось в субботу 28 мая 1921 г. в рамках кружка «Антропософия как путь самосознания»: «Некоторая духовная свобода сохранившаяся еще в те времена, допускала существование так называемой "Вольной Философской Академии", созданной в первые же дни революции при участии также Андрея Белого. <...> Когда весной меня пригласили выступить в этой Академии с докладом я согласилась с большим страхом, так как никогда не выступала публично. Темой доклада я выбрала Гетевскую сказку "О Зеленой Змее и Прекрасной Лилии", в которой мне в различнейших аспектах открывались все новые духовные истины. <...> Чудесным весенним вечером, с сильно бьющимся сердцем я шла по улицам Петербурга на своей доклад и сквози матерчатые подошвы больно ощущала каждый камешек мостовой. Но когда я вошла в прекрасную аудиторию Академии с ее двумя стеклянными стенами, через которые видны были зеленеющие деревья, и увидела публику, расположившуюся не на стульях – стульев в достаточном количестве для "Вольной Академии" достать не удалось, – а на большом восточном ковре, все мое смущение исчезло, и я могла говорить свободно. <...> По окончании беседы, последовавшей за докладом, группа около двадцати человек обратилась ко мне, выражая желание начать систематические занятия духовной наукой» (*М. Волошина.* Зеленая Змея. С. 285).

Летаеву"», Кибальчич «О новейшей французской поэзии»; вечер стихов Клюева, кроме того, был устроен открытый вечер поэзии А. Белого, на котором он прочел свою новую поэму «Первое свидание».

Два открытых заседания В. Ф. А. были посвящены «Воспоминаниям об Александре Блоке», прочитанных А. Белым.

В. Ф. А. проводит в октябре цикл публичных докладов, посвященных творчеству Достоевского; прочтены следующие доклады:

1) Воскресные открытые заседания: Л. В. Пумпянский «Достоевский и Античность», А. З. Штейнберг «Достоевский как философ», Иванов-Разумник «Достоевский и К. Леонтьев», А. А. Мейер «Князь Мышкин и наше будущее». 2) Вечерние открытые заседания: С. А. Аскольдов «Религиозно-этические взгляды Достоевского», Виктор Шкловский «Герои Достоевского», П. А. Сорокин «Достоевский как социолог», С. А. Адрианов «Карамазовщина», А. Л. Волынский «Верования Достоевского», Б. М. Эйхенбаум «Достоевский и Лесков», О. Д. Форш «Данте, Достоевский и Блок», А. А. Чебышев-Дмитриев «Самоистребители и Достоевский», А. Л. Векслер «Композиция «Бесов» (к проблеме истории у Достоевского)», Иванов-Разумник «Достоевский и революция», Д. И. Абрамович «Достоевский в критике».

Андрей Белый

Вольная философская ассоциация[394]

С начала 1919 года в Петербурге среди кружка писателей и философов возникла мысль основать «Академию Исканий» в области вопросов, подымаемых живой современностью, для уяснения и углубления их в свете философских идей. Идеалом «Академии» служил тип Флорентийской Академии, не завершавшей период, но — открывавшей его. Этим взглядом в будущее «Академия» по замыслу должна была отличаться от обычного типа философских и религиозно-философских обществ, связанных с традицией и часто оторванных от жизни.

«Академия» по ряду причин не могла состояться. Вместо нее в ноябре 1919 года возникла «Вольная Философская Ассоциация», объединившая разнообразные течения мысли; то общее, что группировало вокруг нее писателей, мыслителей и художников, оказалось не догматическим исповеданием той или иной школы, а стремлением нащупать то целое, что, являясь культурною связью людей, оформляется ими по разному. Единству многоразличий здесь противопоставили

[394] Печатается по изд.: Новая Русская книга. 1922. № 1. С. 32–33.

многоразличие единства, морфологическому взгляду на системы философии был противопоставлен взгляд физиологический; историко-философский обзор систем был заменен взглядом на мысль, как на живую, растущую культуру; и в связи с вопросом о культуре мысли возник основной вопрос: вопрос о культуре.

К организационному ядру «Вольной Философской Ассоциации» примкнули: покойный А. А. Блок, Иванов-Разумник, Андрей Белый, А. З. Штейнберг, Эрберг, А. А. Мейер, К. С. Петров-Водкин, впоследствии также проф. Васильев и др.

Темою ряда рефератов, лекций, публичных бесед 1919—1920 годов была тема культуры в многоразличии своих проявлений; культура мысли, культура чувства, культура воли; и в связи с этим возникли доклады, рассматривающие культуру под специальным углом зрения: под углом зрения науки, искусства, религии, философии, общественности. Организаторы В. Ф. А. старались доклады и лекции группировать по вопросам, а потому скоро воскресные заседания В.Ф.А., являясь продолжением друг друга, привлекли к Ассоциации ряд новых сил. Пришлось переменить помещение: сперва заседания «Вольной Философской Ассоциации» происходили в небольшой комнате на Литейном, но уже с начала 20 года пришлось перейти в зал «Дома Искусств». В мае 20 года Ассоциация располагала залом на 1200 человек.

Воскресные диспуты, лекции и беседы происходили с большим воодушевлением с двух до семи-восьми часов вечера при полной аудитории, весьма живо откликавшейся на доклады.

Деятельность Ассоциации открылась докладом А. А. Блока «Крушение гуманизма». Кроме того: был прочитан ряд докладов, как-то: доклад Иванова-Разумника: «Скиф в Европе», доклады А. Белого: «Философия культуры», «Лев Толстой и культура», «Ветхий и Новый Завет»; А. З. Штейнберга: «О юдаизме», А. А. Мейера: «О христианстве», К. А. Эрберга: «Искусство — бунт», К. С. Петрова-Водкина: «Наука видеть», проф. Лаврова: «Труд в производственном процессе», Н. О. Лосского: «Бог в системе органического миропонимания», А. Гизетти: «Личность и общество», проф. С. А. Аскольдова: «О чуде», и т. д. Был проведен ряд диспутов и бесед, как-то: «О Герцене», «О Лаврове», «О пролетарской культуре», с участием А. Белого, Иванова-Разумника, Штейнберга, Эрберга, Шкловского, Черткова и др. (в помещении бывшего Зимнего Дворца); «О солнечном граде» (там же), посвященное 300-летию со дня появления «Солнечного Града» Кампанеллы, и при участии А. Белого, Иванова-Разумника, Льва Дейча, Кибальчича, Стоянова, Штейнберга и др.; «Что такое Вольная Философская Ассоциация», с участием А. Белого, Иванова-Разумника, Демчинского, проф. Лаврова, Штейнберга, проф. Мищенко, Эрберга и др.; «Почему нас интересует религиозная проблема» и т. д.

В течение первого года своего бытия Вольная Философская Ассоциация устроила 50 открытых заседаний; 50-е заседание было посвящено памяти Платона (с участием проф. Зелинского, Карсавина, Э. Л. Радлова, Иванова-Разумника, Штейнберга и др.).

Независимо от воскресных заседаний Вольная Философская Ассоциация открыла ряд курсов для лиц, специально заинтересованных проблемами, затрагиваемыми Ассоциацией. Были прочитаны следующие курсы: Ивановым-Разумником «Философия культуры» и «Русская литература XX века»; А. З. Штейнбергом «Основные проблемы философии»; А. Белым «Культура мысли» и «Антропософия как путь самосознания»; К. Эрбергом «Философия творчества»; А. А. Мейером «Философия религии»; К. С. Петровым-Водкиным «Изобразительное искусство»; при Ассоциации возник ряд кружков, занимавшихся проблемами философии общественности; возник и кружок философии точных наук под руководством проф. Васильева.

К темам открытых заседаний 1921 <года> относятся следующие доклады и беседы: Л. В. Пумпянский «О героической морали», А. Белый «Что такое максимализм», проф. Васильев «Теории Эйнштейна», Боричевский «Материалистическое понимание истории (официальный оппонент А. З. Штейнберг), А. Белый «Воспоминания о Блоке» (2 заседания), Д. Д. Михайлов «Естественнонаучные взгляды Гете» (оф<ициальный> оппонент Л. В. Пумпянский); Л. В. Пумпянский «Достоевский и античность», А. З. Штейнберг «Достоевский как философ»; Иванов-Разумник «Достоевский и К. Леонтьев» и «Достоевский и социализм»; Чебышев-Дмитриев «Не герои», Л. В. Пумпянский «Об антропософии» и т. д. Были заседания, посвященные памяти Кропоткина (участники: Белый, Штейнберг, Новомирский, Витязев, Кибальчич, Иванов-Разумник), беседа «О Наполеоне» (участники: Л. В. Пумпянский, Штейнберг, проф. Мищенко, Иванов-Разумник, А. Белый).

Октябрь 1921 года был посвящен Достоевскому: программа докладов, посвященных Достоевскому, обнимала 17 заседаний.

С весны 1921 года по линии основных курсов, читаемых при Вольной Философской Ассоциации, образовались отделы, посвященные разработке проблем, затронутых курсами; каждый отдел получил автономное развитие; связью между отделами служили заседания всех отделов (интимные вечера «Вольной Философской Ассоциации»).

Жизнь отделов проявлялась частью в интимных заседаниях, посвященных беседам (так было в отделе «Философия символизма»), частью в закрытых курсах, как в философском отделе и отделе точных наук. Кроме того: в мае и июне 1921 года, независимо от воскресников, каждый отдел организовывал открытые заседания Отдела (беседы и лекции). Программа этих заседаний за май такова: отдел фило-

софии искусства (руководитель К. А. Эрберг): 10 мая М. В. Матюшин «Художник в опыте нового пространства»; 17-го мая Л. В. Пумпянский «Размышления о "Ревизоре" Гоголя»; 24-го мая: А. Канкарович «Музыка — сущность театра»; 31-го мая: Л. Бруни «Ребро на времени». Отдел истории философии (руководитель А. А. Мейер): 4-го мая А. Мейер «Итоги античной философии»; 18-го мая А. Мейер «Неоплатонизм». Отдел философии культуры (руководитель Иванов-Разумник): 11-го мая Иванов-Разумник «Первохристианский социализм»; 25-го мая О. Д. Форш «Христиане и Христовы»; отдел философии точных наук (руководитель проф. Васильев): 5-го мая Н. М. Коялович «Дедукция понятия числа»; 19-го мая А. А. Чебышев-Дмитриев «Парадоксы бесконечного». Отдел чистой философии (руководитель А. З. Штейнберг): 12-го мая А. З. Штейнберг «Трансцендентальный метод и метафизика»; 26-го мая Чебышев-Дмитриев «Кант и неэвклидова геометрия». Отдел литературы (руководитель Иванов-Разумник): 8-го мая А. Л. Векслер «Петербург Андрея Белого»; 13-го и 14-го мая Андрей Белый «Эпопея» (чтение отрывков); 20-го мая О. Д. Форш «От "Петербурга" к "Котику Летаеву". 27-го мая Андрей Белый «Эпопея» (чтение отрывков) и Н. Клюев (чтение стихов). Отдел философии символизма (руководитель Андрей Белый): 7-го мая Андрей Белый «Проблема символизма»; 21-го мая Андрей Белый «Символ и индивидуализм»; 28-го мая М. В. Сабашникова «О сказке Гёте». <...>[395]

С лета 1921 года отделение В. Ф. А. возникло в Чите[396], а в декабре 1921 года учреждено также отделение и в Берлине.

Вольная Философская Ассоциация сосредоточивает свое внимание на проблемах философии, религии, культуры, сознания и общественности, взятых в свете кризиса жизни и в свете поисков положительных начал жизни и мысли.

[395] Отдельный абзац, посвященный деятельности московского отделения ВФА, приводится ниже.

[396] В читинской газете «Дальневосточный телеграф» (1921. 5 ноября. № 79. С. 6) было помещено объявление о том, что в воскресение 6 ноября 1921 г. на заседании Вольной Философской Ассоциации состоится открытие выставки работ «живописной культуры» художника Иосифа Левина а также будут прочитаны два доклада: «Искусство на грани» Иосифа Левина и «В борьбе за слово (крушение футуризма)» В. Мечтателя. По информации Я. В. Леонтьева, В. Мечтатель — псевдоним Вениамина Михайловича Левина (1892–1958) — поэта, члена ЦК партии левых эсеров, одного из организаторов Читинской ВФА.

Москва. 1921–1922

Буквально сразу же после того, как Вольфила начала активно действовать в Петрограде, возник проект создания ее московского отделения. В конце марта 1920 года А. З. Штейнберг был командирован в столицу с целью привлечения московских ученых и художественных деятелей для организации филиала ВФА[1]. О том, что идея в целом была москвичами поддержана, свидетельствует его письмо к Иванову-Разумнику от 6 апреля 1920 года: «Дорогой Разумник Васильевич, представьте себе, что отделение В. Ф. А. в Москве здесь многих увлекает, и мне приходится самым серьезным образом вести об этом переговоры[2].

[1] Сохранилось (частично, в виде половины листа) командировочное удостоверение от 26 мар[illegible] 1920 г. за № 46, выданное А. З. Штейнбергу для поездки в Москву с целью организации в Москве отделения ВФА. На обратной стороне документа – мандат, предписывающий органам власти оказывать [illegible]можную поддержку командированному в Москву Штейнбергу, заверенный подписью М. Кристи и зарегистрированный в Наркомпросе 8 апреля 1920 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 2).

[2] Очевидно, одним из [illegible]ых партнеров по этим переговорам был брат ученого секретаря [illegible] petроградской ВФА, один из лидеров левых эсеров, И. З. Штейнберг, [illegible]орый к тому времени занял «примиренческую» позицию по [illegible]шению к советской власти. В апреле 1920 г. редакционная колл[illegible] В. Иванов-Разумник, В. Е. Трутовский, О. Л. Чижиков, И. [illegible]инберг) возобновила издание московского «двухнедельного [illegible] науки, искусства и общественной жизни» «Знамя» – «орган [illegible]оциалистов-революционеров (ин-

Вопрос о централизме и федерации, оказывается, и для нас может стать острым – нашей внутренней конституционной жизни, очевидно, суждено развиваться, подробно доложу в Совете. Сейчас только могу сказать, что, по всей вероятности, Вам вскоре придется совершить путешествие из Петербурга в Москву совсем не как в последний раз[3]. Думаю вернуться в начале Светлой[4], только выбраться отсюда труднее, чем попасть сюда, и удастся ли, как предполагаю, наверно еще сказать не могу. Сердечный привет Вам и всей Вольфиле in corpore[5]. Преданный А. Ш<тейнберг>»[6].

Особую актуальность вопрос приобрел летом 1920 года, когда председатель Вольфилы Андрей Белый вернулся из Петрограда в Москву. На заседании Совета ВФА 1 августа (пункт XI протокола, озаглавленный «Московское Отделение В. Ф. А.»), с целью привлечения москвичей к проекту, решено было письменно связаться с В. А. Карелиным[7], М. И. Каганом, М. М. Бахтиным[8], Вяч. Ивановым,

тернационалистов)», на страницах которого позже впервые были опубликованы «вольфильские» выступления А. Блока, Андрея Белого, Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга, а также другие их произведения.

[3] Намек на арест Иванова-Разумника и его перемещение под конвоем в Москву в феврале 1919 г. Подробнее см.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 120–158. Поездка «товарища председателя» Вольфилы в Москву весной–летом 1920 г. не состоялась.

[4] Имеется в виду праздник Пасхи – Светлое Воскресение Христово.

[5] в полном составе (*лат.*).

[6] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 349.

[7] Владимир Александрович Карелин (1891–1938) – публицист, член ЦК ПЛСР.

[8] Философ Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) в 1920 г. проживал в Невеле и Витебске. Позже, бывая наездами в Петрограде, он, по собственному признанию «бывал» на заседаниях петроградской Вольфилы, «но не выступал» там. В начале 1970-х отвечая на вопросы интервьюера, Бахтин в целом негативно высказался по поводу деятельности ВФА: «Бывал на собраниях, да, бывал на собраниях. Нужно сказать, что я не очень сочувствовал

Г. Г. Шпетом и Н. А. Бердяевым[9]. Спустя неделю, 8 августа, Совет вернулся к этой теме, поставив ее главным пунктом в повестку дня, признавая открытие московского отделения Вольфилы «очень желательным». Было высказано предложение поручить его устройство Андрею Белому, а также делегировать каждую неделю из Петербурга одного члена Совета я «для возможного соответствия в работах и установлении более тесной связи обеими Вольфила<ми>»[10].

Хотя руководство ВФА и приняло «единогласное решение» расширить свою «деятельность и перенести ее за пределы Петербурга, в частности в Москву», однако к началу 1920-х годов столица уже мало подходила для внедрения подобных интеллектуальных новаций: «с переездом правительства из Петербурга в Москву, под давлением наступления немецкой армии, грозившей оккупацией Петербургу, Москва в короткий трехлетний срок переняла неблагоприятные для своего свободного развития черты петербургской чиновничьей атмосферы и стала оплотом бюрократизма, может быть, даже в гораздо большей степени, чем Петербург со времен Петра до революции»[11]. Насколько невозможна в Москве подлинная духовная работа, пришлось убедиться и самому Андрею Белому: «Москва – душна, полна народу, грязи, пыли; мостовая расковырена, а люди расхлябаны, студии культурных учреждений пустуют, – писал он Иванову-Разумнику 17 ию-

этой Вольфиле, не очень [illegible]го типичная русская такая, понимаете, болтовня, болтовня. Научных серьезных докладов не было. Это было такое, знаете... красно[illegible]е, главным образом либерально и отчасти идеально мистическ[illegible]характера. Я застал еще и бывал на заседаниях Философско-[illegible]озного общества. Это было нечто все-таки более значител[illegible] Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С.70).

[9] См.: ИРЛИ. Ф. 291

[10] См.: Наст. изд. Кн

[11] *А. Штейнберг.* Дру[illegible]ранних лет. С. 94–95.

ля; – "Дворец Искусств" устраивает диспуты в театре "*Зон*"; на последнем диспуте "*Преемственность Культур*" было до 1000 человек народу (очевидно, они взяли пример с "*Вольфилы*", но до чего дух... не вольфильский!); публика – сера, малокультурна сравнительно с Петроградом; всюду – Луначарский, который говорит много, красиво, с успехом на какие угодно темы; на вышепоставленную в программе тему говорили: В. Иванов, Луначарский, я, Эйснер, и..., и..., и... профессор Лавров... о резцах, бивнях, мастерских природы вплоть до желудка (всё темы известные!); председательствует... Рачинский (?!) – как же быть без него?»[12]

Лишь год спустя петербуржцам удалось (пусть и на короткое время) объединить в Москве членов разобщенных кружков и сообществ, а также отошедших от политической деятельности разрозненных представителей партии левых эсеров и анархистов. «Петроград, – отмечал в мемуарах Штейнберг, – <...> освободившийся от гнета двора и вместе с тем от административного рвения и усердия, воспринял те элементы московской жизни, которые позволили Петербургу стать во главе развития русской культуры. Как Москва в свое время, Петербург стал как бы собирателем земли русской. По крайней мере, мы так это ощущали. Над нами смеялись. Когда, наконец, в 21-м году, мы приехали в Москву и в одно прекрасное воскресенье встретились с Бердяевым и другими друзьями-единомышленниками, мы вспомнили о том, что когда-то предрекал Мережковский: "Быть Петербургу пусту". Бердяев заметил на это, как и во многих других своих пророчествах, "оказался пророком с другой стороны" – говоря по Гоголю»[13]. Примечательно, что к этому времени Н. А. Бердяев возглавлял в Москве Вольную Академию Духовной Куль-

[12] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 207.
[13] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 95.

туры (ВАДК), которая была образована практически в то же самое время, что и петроградская Вольфила, – 26 сентября 1919 г.[14]. В своих воспоминаниях Бердяев писал: «У меня зародилась мысль о необходимости собрать оставшихся деятелей духовной культуры и создать центр, в котором продолжалась бы жизнь русской духовной культуры. Это не должно было быть возобновлением Религиозно-философских обществ. Объединение должно было быть более широким, охватывающим людей разных направлений, но признающих самостоятельность и ценность духовной культуры. Я был инициатором образования Вольной академии духовной культуры, которая просуществовала три года (19–22 г<оды>). Я был ее председателем, и с моим отъездом она закрылась. Это своеобразное начинание возникло из собеседований в нашем доме. Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры. Мы устраивали курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями»[15]. Ничего удивительно нет в том, что объединение усилий родственных по духу интеллектуальных групп – ВФА и ВАДК казалось петербуржцам вполне естественным.

Новые конкретные шаги по реализации задуманной инициативы руководство Вольфилы стало предпринимать в середине 1921 года. 12 июля Вольная Философская Ассоциация вновь командировала в Москву А. З. Штейнбер-

[14] См.: *А. Галушкин.* П[illegible] Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг. [illegible] следования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год. [illegible], 1997. С. 238.

[15] *Н. А. Бердяев.* Са[illegible]ние (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисл., [illegible]тов и комм. А. В. Вадимова. – М., 1991. С. 237.

[16] Командировочн[illegible] оверение А. З. Штейнберга № 79 «в том, что он действи[illegible] омандируется в г. Москву для органи-

га[16], который, вероятно, и провел предварительные переговоры со всеми потенциальными коллегами, а спустя два месяца, в сентябре, в столицу, уже на учредительное заседание московского филиала, отправились два руководителя петроградской Вольфилы – Р. В. Иванов-Разумник и А. З. Штейнберг[17]. В инициативную группу по созданию московского филиала Вольфилы вошли, в частности, один из соредакторов «Скифов» С. Д. Мстиславский, левые эсеры И. З. Штейнберг и А. А. Шрейдер, анархист Я. И. Новомирский, антропософ М. П. Столяров, философы Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев и Г. Г. Шпет. «Был назначен день и час совещания будущих членов московского отделения совета Вольфилы, которое должно было состояться до первого открытого заседания в Москве, посвя-

зации Всероссийского Философского Съезда сроком до 15 августа с/г», см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 78.

[17] Копии командировочных удостоверений Штейнберга и Иванова-Разумника, в том, что они командируются в столицу «для организации Московского Отдела Вольной Философской Ассоциации и для обсуждения по предложению Заместителя наркома профес<ора> М. Н. Покровского вопроса о созыве первого Всероссийского Философского Съезда сроком до 10 октября с. г. с обязательством вернуться в Петроград не позднее названного срока», см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 91–92. В левом верхнем углу каждого документа пометы рукой В. В. Бакрылова: «№ 104. 21/IX–21 г.» и «№ 105. 21/IX–21 г.».

[18] Уместно заметить, что заседание памяти А. Блока, которое состоялось в московском Политехническом музее 26 сентября, на следующий день после учреждения московского отделения ВФА, вовсе не было «первым открытым заседанием» московской Вольфилы, как об этом пишет А. З. Штейнберг, а проходило по инициативе представителей т. н. «левого народничества» (т. е. левых эсеров). Ср. также со схожей интерпретацией Я. В. Леонтьева: «Воспользовавшись приездом Иванова-Разумника и А. З. Штейнберга, москвичи решили учредить отделение Вольной Философской Ассоциации. 25 сентября 1921, в воскресенье, состоялось учредительное собрание московской Вольфилы. На следующий день под ее эгидой в большом зале Политехнического музея был устроен вечер памяти Блока» (*Я. В. Леонтьев.*

щенного памяти Блока[18]. Одним из этих членов был Николай Александрович Бердяев, который очень рано оценил значение Белого в русской литературе[19]; другой – Густав Густавович Шпет, считавшийся в Московском университете авторитетным философом и бывший учеником немецкого философа Гуссерля в Геттингенском университете. Шпет совмещал в своих работах западноевропейские традиции философии с русскими, он прекрасно знал Лаврова и написал очень дельную работу о польских философах, оказавших большое влияние на Лаврова[20]. <...> Среди москвичей, интересовавшихся нашей работой и желавших сделать Москву опорным пунктом дальнейшего расширения деятельности Вольфилы, был Сергей Соловьев, племянник Владимира Соловьева и друг Блока и Белого»[21]. 25 сентября учредительное собрание приняло решение об открытии московского отделения Вольной Философской Ассоциации, а 15 октября прошло его первое публичное заседание, на котором был заслушан доклад Андрея Белого «Достоевский и кризис культуры».

Казалось бы, ничто не могло препятствовать растущему влиянию и успеху Вольфилы в Москве. Однако совсем скоро новообразованный филиал стали одолевать внутренние идеологические распри, что сделало ситуацию принципиально непохожей на петроградский «первообраз». «Пар-

К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов». С. 453). Публикуемые ниже документы московского отделения ВФА не дают оснований для подобных утверждений.

[19] См.: *Н. А. Бердяев.* Русский соблазн. По поводу «Серебряного голубя» А. Белого // Русская мысль. 1910. № 11. С. 104–115.

[20] А. З. Штейнберг ошибочно подменяет здесь статью Шпета «Антропологизм Лаврова в истории философии», вошедшую в сборник «П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы» (С. 73–138), его же книгой «Философское мировоззрение Герцена» (1921), один из разделов которой посвящен влиянию на Герцена польского философа А. Цешковского.

[21] *А. Штейнберг.* Дружба ранних лет. С. 94–95.

тийные» левые эсеры вступили в конфликт с эсерами и анархистами, отошедшими от политической деятельности; «гуссерлианцы» начали непримиримые дискуссии с «неокантианцами», антропософы – с теми, кто не был знаком со штейнерианством или «тайной доктриной». Фактически дистанцировался от Вольфилы Н. А. Бердяев, принявший участие лишь в первом, организационном заседании; за ним Ассоциацию покинули и другие члены Вольной Академии Духовной Культуры. Некоторое время спустя желание самостоятельной работы возникло среди отдельных участников собраний московского Антропософского общества, которые поначалу примкнули к Ассоциации: «Приблизительно <...> в 1922 году в Обществе возникло начинание <...>. Инициатива принадлежала Вере Оскаровне <Анисимовой. – *В. Б.*>. Мы говорили как-то о "Вольфиле" (расцвет Вольфилы принадлежит Петрограду, в Москве она не привилась). Она находила, что Вольфила слишком "академична" и "философична" и что теперь нужны другие, более "демократические" формы духовного общения, более широкие как по кругу вопросов, так и по составу участников»[22].

Только к концу зимы 1921–1922 годов, после того как от Вольфилы по разным причинам окончательно «отпали» И. З. Штейнберг, А. А. Шрейдер, Ф. А. Степун, Б. П. Вышеславцев, ряд членов московского Антропософского общества, и сложился тот, значительно более узкий, круг людей, который, в конечном итоге, можно называть московским отделением ВФА. Его работу возглавил С. Д. Мстиславский; в Совет вошли Я. И. Голосовкер, М. И. Каган, Н. А. Полянский и М. П. Столяров; ближайшее участие в работах Ассоциации также принимали С. М. Соловьев, А. А. Боровой, Я. И. Новомирский, С. Д. Кржижановский

[22] *М. Н. Жемчужникова.* Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 6. – М., 1992. С. 40.

[23] См.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 41.

и другие[23]. О том, что в деятельности московской Вольфилы действительно произошел некий перелом, Мстиславский сообщал Боровому 17 февраля: «Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, когда здесь, в Москве, складывалась Вольная Философская Ассоциация, мы рассчитывали, во многом, на ближайшее Ваше участие <...>. К сожалению, до последнего времени – мы не имели удовольствия видеть Вас на наших заседаниях – со своей стороны, ввиду некоторых ненормальных условий, в которых протекали эти заседания, и мы не считали целесообразным тревожить Вас. В данный момент Вольфила перестраивается: в ближайший вторник, 21 февраля, в помещении Лито (Волхонка, 14, 2й этаж) – состоится расширенное заседание Совета Вольфилы для подведения итогов прошлой деятельности и установления методов и программы дальнейшей работы. Мы надеемся, что Вы не откажетесь присутствовать на этом закрытом заседании. Начнется оно в восемь часов вечера. Искренне уважающий Вас С. Мстиславский»[24].

Если центром вольфильской работы в Петрограде являлись общие (открытые) воскресные заседания и более узкие

[24] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 1. В последующих письмах Мстиславского к Боровому встречается информация о заседаниях московской Вольфилы. Ср. «...в понедельник, 22го, в восемь вечера, в помещении 3ей студии МХТ (Арбат, № 26) состоится очередное заседание Вольфилы. (Frater Tertius: "Сказки для вундеркиндов")» (РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 3; письмо от 16 мая 1922 г.); «В ближайший четверг (15го) у нас доклад Якулова: проблемы современного искусства. <...> В четверг 22 – очень интересный доклад д<окто>ра Внукова, психиатра, производившего свои наблюдения над "Революционными психозами" (название не вполне точное) на Юге, гл<авным> обр<азом> в Ростове-на-Дону, где, за его время, в смене властей и режимов, было расстреляно, по его расчетам, свыше 30.000 человек. Одних чекистов [illegible] через его руки как врача свыше ста человек. Сам он – коммунист. Думаю, что его «Революционные психозы» дадут большой материал для беседы. Наконец, 29го будет читать Лаврецкий: "Душа [illegible]"» (РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 4; письмо от 10 июня

(по составу) дискуссии по понедельникам, то организация работы в Москве зиждилась на традиционной кружковщине. Даже структура московского отделения мало напоминала «головную» Вольфилу: в то время как в Петрограде отказались от кружков в пользу более солидных отделов, в столице, наоборот, основу основ составляли кружки, которые, в свою очередь, объединялись в секции. Так, в «секцию философии искусств» входили «Кружок по философии театра» – «цикл занятий под рук. С. Д. Кржижановского (Frater Tertius) и С. Д. Мстиславского» и «Мастерская слова (Литературная студия при Вольфиле)», руководителями которой были С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, В. А. Дынник и С. Д. Кржижановский; в «секцию философии общественности» – кружок «Кризис форм общественных объединений (партий, союзов, обществ)» (руководители: С. Д. Мстиславский и проф. Боровой) и кружок «Кризис народничества», каждый из которых, судя по сохранившимся документам, посещали не более десятка слушателей[25].

Поэтесса Н. Павлович, посетившая столицу весной 1922 года, характеризуя царящую здесь духовную атмосферу, замечала, что на фоне традиционных религиозно-философских собраний, объединяющих Бердяева, Флоренского, Чулкова и других, Вольфила так и не смогла «укрепиться в Москве»: «Дух Вольфилы – не московский. Он сухой и пламенный, он – народнический, а не народный. Москва – проще и подлиннее. Москва шире и домашнее и в плохом и в хорошем смысле. Она держится на живых людях, а не на идее. Но отдельное пламя отдельной

[25] См.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 57–61. Кроме того, в протоколе заседания Совета от 12 февраля 1922 г. называются кружки М. И. Кагана «Философия истории», М. П. Столярова «Философия свободы», Я. И. Голосовкера «Ницше и эллинская философия» и «Социологический кружок» Н. А. Полянского (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 41).

человеческой души разгорается, сближается с соседним одиноким пламенем, а там, глядишь, и целый костер, и окраска у пламени своя, и гнет его ветер в одну сторону. А ветер этот ритмичен, потому что регулируется он вековым звоном вековых колоколов – не слышать звона нельзя»[26].

К началу 1923 года духовная дистанция между Петроградом и Москвой стала еще более значительной. Переговоры вокруг проектируемого журнала «Основы», который замышлялся как платформа для объединения «вольфильцев» двух столиц, продемонстрировали полную противоположность намерений и взглядов двух лидеров ВФА – Иванова-Разумника и С. Д. Мстиславского. Первоначально Иванов-Разумник принимал активное участие в создании портфеля будущего журнала[27]. В письме к Мстиславскому от 12 декабря (единственном, сохранившемся в архиве последнего) Иванов-Разумник сообщал о своем намерении в ближайшем будущем провести переговоры о будущем журнале непосредственно в Москве: «...вероятно приеду, т<ак> к<ак> на расстоянии каши не сваришь. Но приезд мой, увы, зависит только от монеты. Если в течение этой недели Дм. Мих. <Пинес> получит апельсин (так, вероятно, и в Москве зовут то, что тремя нолями больше миллиона?), то немедленно за-

[26] *Н. Павлович.* Московские впечатления // Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С.

[27] Подробнее об этой инициативе см.: *А. В. Лавров.* Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923) // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. II. С. 136–147; а также: *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 96–101. Ср. также с анонсом, опубликованным в рубрике «Жизнь искусства» журнала «Корабль»(Калуга): «Предполагается к изданию “ОСНОВЫ” под ред. Мстиславского и Иванова-Разумника. “ОСНОВЫ” будут продолжать линию “ЗАВЕТОВ”. В первом № будет помещена переписка Андрея Белого с А.Блоком»(1923. 1 октября. № 5/6. С.44). Более краткая информация была обнаружена и в «Записках Передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. [illegible]ой» (1923. 16 января. № 46. С.5).

ткну главные дыры (Honni soit qui mal y pense) Блоков, Чапыгина, Анненского, Гиппиуса и tutti quanti (только то, что вне спора в смысле нужности и приемлемости) и приеду в Москву 20-го, на неделю. Раньше не могу, ибо 17/XII у меня в Вольфиле доклад о „Петербурге" (могу повторить и в московской Вольфиле), и позже не могу, ибо 31/XII у меня содоклад на последнем заседании о Белом. Кстати, о Вольфиле: четыре доклада профессоров-формалистов и подробный протокол прений (ядовитых) будут готовы через неделю – привезу с собой; годно и для Вольфилы и для «Основ». Если же деньги за эту неделю получены не будут – приехать не смогу, ибо авторы не расстаются с рукописями без авансов, а в Питере у всех их есть возможность немедленно устроить эти рукописи. Упросил их подождать еще лишь неделю»[28]. Иванов-Разумник находился в Москве до 26 декабря, где на встрече с Мстиславским и Пришвиным обсуждал, в частности, и состав будущей редколлегии журнала[29]. Однако вскоре – вероятно, в самом начале 1923 года – и произошел тот «полный и резкий разрыв», о котором С. Д. Мстиславский сообщает в своей «Объяснительной записке».

Некоторое время спустя, откликаясь на известие о неосуществимости издания, Е. Г. Лундберг в письме к Мстиславскому из Берлина от 23 апреля 1923 года связал неудачу проекта с «архаичностью» петроградской Вольфилы: «Очень жаль, что „Основы" не удались. Хотя есть в этом и доброе: все преждевременно возникающие литературные предприятия будут очень слабы. Российское наше море еще недостаточно улеглось для толстых журналов. И все

[28] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 326. Honny soit qui mal y pense – пусть будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (*фр.*); tutti quanti – и прочие, и прочие (*ит.*).

[29] Ср. с записью в дневнике Пришвина от 26 декабря 1922 г.: «Я влюбляюсь, Разумник любит, Мстиславский не любит, поэтому: я – художник, Разумник – моралист, Мстиславский – революционер (редакция „Основ")» (*М. М. Пришвин.* Дневники. 1920–1922. С. 292).

разбрелись безнадежно. Здесь, вероятно, хуже, чем в России. Поэтому меня нисколько не удивляет ваше расхождение с Разумником. Я не знаю, упадочность ли – тенденция питерской Вольфилы – нечто старомодное все же в ней есть. Я не очень верю, чтобы разрыв между нами, писателями, и эпохой был как-нибудь восполнен – и, может быть, он и в принципе не восполним. Ибо то, что пишут самые крайние молодые, так же старомодно, как и то, что пишем мы. Талант не гарантирует от этой неизбежной отсталости. В литературе нужно не освежение, не новые темы, а другое видение и другие исходные точки. Извольте-ка добиться этого видения, когда все образцы, вся культура тянет к прошлому. Если бы это можно было устроить, двадцатилетняя аскеза и обет молчания дали бы гораздо более ощутительные плоды, чем все коллективные усилия старых, и молодых, и культурных, и диких»[30].

Когда в конце 1923 года Андрей Белый вернулся в Россию, Иванов-Разумник, рассчитывал, в частности, и на то, что его присутствие в столице позволит реанимировать работу отделения Ассоциации. В подробном письме от 7 декабря, информируя председателя ВФА о «вольфильских» делах, он сообщал: «А заодно – и о московской Вольфиле, которая энергично действовала в Москве целый год после Вашего отъезда; теперь остановилась. Не заходили ли Вы к С. Д. Мстиславскому? Если нет – зайдите! <...> Он очень настроен против "антропософии" из-за Столярова, которого я совсем не знаю; но "антропософия" – одно, "Столяров" – другое. Если С<ергею> Д<митриевичу> дать carte blanche на организацию дела – он многое может сделать. А пока – ничего не делал и ждал Вашего приезда, чтобы решить»[31]. В ответном письме от 17 декабря Белый скептически прореагировал на инициативу своего друга:

[30] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 369. Л. 16.
[31] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 266.

«...что касается возобновления московской "*Вольфилы*" – "*сомневаюсь штоп*": разрешат ли, удобно ли *мне* в ней выступать: ведь моя духовная "*идеология*" – вещь, отрезывающая меня от лекций; кроме того: я сейчас нем абсолютно; я потерял "*орган познания*", "*орган познания*" от меня, можно сказать, отвалился; нет отработанных мыслей, ощущаю в себе смутные, физиологические процессы вываривания будущих мыслей; что-то во мне прорастает; но ростки – зелены; надо ждать цветов и плодов мысли – в будущем; прошлые мысли – проросли; от них осталась одна шелуха. И оттого-то весьма трудно мне говорить, весьма трудно ворочать языком в присутствии даже 10–12<-ти> человек; раза три я бывал в некоторых московских кружках (один – филологический, другой – философский, третий – литературный); и всякий раз чувствовал мучительную тяжесть, косность, немоту»[32].

Просуществовав в течение года, московская Вольфила не смогла стать органически целостным объединением. Впрочем, «угасла» она не из-за внешних – политических, идеологических или же цензурных – обстоятельств, а, скорее, по внутренним причинам: в конечном итоге все ее члены разбрелись по своим частным интеллектуальным «квартирам», так и не найдя общего мировоззренческого и дружеского знаменателя.

[32] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 270.

Протокол

первого заседания Московского отделения Вольной Философской Ассоциации[33]

Председательствовал – Андрей Белый.

Присутствовали – Н. А. Бердяев, Р. В. Иванов-Разумник, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер[34], Я. И. Новомирский, С. М. Соловьев, М. П. Столяров[35], Г. Г. Шпет, А. А. Шрейдер[36], А. З. Штейнберг, И. З. Штейнберг[37].

Слушали:	Постановили:
1. Об открытии (согласно § 3 Устава Вольной Философской Ассоциации, утвержденным Нар<одным> Комиссариатом Просвещения) отделения В. Ф. А. в Москве.	Открыть в Москве отделение Вольной Философской Ассоциации («Вольфила»).
2. Выборы Президиума *Московского отделения.*	Избраны единогласно: Председателем – Андрей Белый, товарищами председателя: С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, Г. Г. Шпет; ученым секретарем – Я. И. Новомирский.
3. О дне первого открытого заседания Московского Отделения Вольной Философской Ассоциации.	Устроить 15 октября 1921 г. первое открытое заседание. Доклад Андрея Белого: «Достоевский и кризис культуры».

[33] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8 … 497. Л. 12–17. Чистовая запись протоколов заседаний Совета Московского … деления ВФА. Черновые варианты различных протоколов см.: РГАЛИ … 306. Оп. 8. № 497. Л. 3–36. Черновой вариант протокола первого заседания … Московского отделения ВФА написан рукой Иванова-Разумника; позже … нем предположительно проставлена дата «25 сент<ября> – воскрес… » (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 3).

[34] Владимир Оттонович … дер (1883–1965) – поэт, переводчик.

[35] Михаил Павлович … (1888–1937) – философ, один из руководителей московского Ант… кого общества.

[36] Александр Александ… рейдер (1893/94–1930) – публицист, один из лидеров ПЛСР, руково… инского издательства «Скифы».

[37] Исаак Захарович Ш… 1888–1957) – публицист, член ЦК ПЛСР.

Подлинный протокол подписан Председателем Андреем Белым и Ученым секретарем А. Штейнбергом и передан в Академический центр Н<ародного> К<омиссариата> Просвещения для утверждения Московского отделения В.Ф.А.

Командировочное удостоверение[38]

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации члену Совета Московского ее <так!> отделения тов. Александру Абрамовичу ШРЕЙДЕРУ в том, что он действительно вызывается Советом в Петроград для отчета о планах деятельности Московского отделения зимою 1921–1922 года и для прочтения ряда докладов в Петербурге – сроком по 20-ое Октября 1921 г. и с возвращением в МОСКВУ не позднее названного срока.

Председатель

Секретарь

Протокол

1го Заседания Совета Московского Отделения В. Ф. А.
29 сентября 1921 г.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, Г. Г. Шпет, М. П. Столяров, С. Д. Мстиславский, Я. И. Новомирский, Н. А. Брызгалов.

Председательствовал: Б. Н. Бугаев.

Слушали:	Постановили:
1. О помещении для собраний В. Ф. А.	Принять меры к подысканию собственного помещения, поручив Г. Г. Шпету и Я. И. Новомирскому собрать необходимые сведения. Временно использовать для закрытых собраний действительных членов – помещение «Союза писателей» (предложение Г. Г. Шпета); для ближайших открытых заседаний – 6-ую аудиторию 2го Государственного Университета; поручить т. Брызгалову принять меры

[38] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 97. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 110. 30/IX–21 г.». Поездка Шрейдера в Петроград не состоялась.

к получению аудитории Политехнического музея на один раз в неделю, начиная с конца ноября.

2. О материальных средствах.

За субсидией, предусмотренной уставом, в Наркомпрос не обращаться. Установить с действ<ительных> членов и гостей плату за вход на собрания в размере 1–2 тысяч рублей.

3. О плане ближайших работ. Присутствующими предложены на ближайшее время доклады на следующие темы: *Андрей Белый*: Достоевский и конец культуры; Культура культур; Софизм и софийность. *М. П. Столяров*: Роза и Крест; Антропософия в крушении современной культуры. *Г. Г. Шпет*: Классицизм. *Я. И. Новомирский*: Торжество Диониса. В. О. Нилендер. Гностицизм и церковь; Возрождение средневековья. *С. Д. Мстиславский*. Цикл о Достоевском.

В первую очередь провести цикл докладов о Достоевском: доклады А. Белого, С. М. Соловьева, М. П. Столярова, Г. Г. Шпета, С. Д. Мстиславского.

4. О кандидатах в действительные члены.

Зачислить кандидатами: проф. Бачинского[39], проф. Борового[40], проф. Выславцева[41], проф. Кузнецова[42],

[39] Алексей Иосифович Ба…кий (1877–1944) – физик, прозаик, публицист; с 1918 г. профессор Мо…кого университета.

[40] Алексей Алексеевич …ов – (1875–1935) – искусствовед, публицист, историк обществе… мысли, профессор Московского университета.

[41] Борис Петрович Выш… (1877–1954) – философ.

[42] Возможно, Павел Вар…евич Кузнецов (1878–1968) – художник.

Кандинского[43], Голосовкера[44], Степуна[45] и Есенина.

2ое заседание Совета Моск<овского> Отд<еления> В. Ф. А.

5 октября, 7 ч. веч.

Присутствовали: М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, Н. А. Брызгалов.

Председательствовал: М. П. Столяров.

<Слушали:>	<Постановили:>
1. Доклад т. Брызгалова о мерах, принятых к подысканию помещения для В.Ф.А.	Ввиду отсутствия более удобных помещений хлопотать о сохранении за Вольфилой аудитории № 6 – 2го Госуд<арственного> Университета.
2. О днях общих собраний Вольфилы.	Признать воскресенья неудобным, организовывать собрания, по возможности, по вторникам и субботам.
3. О докладе А. Белого.	Поручить т. Брызгалову сговориться с Академией Духовной Культуры об отмене назначенного на 15 октября доклада Н. А. Бердяева, и закрепить на этот день помещение за Вольфилой.

3ье (12 окт<ября>) и 4ое (13 окт<ября>) заседания Совета М<осковского> О<тделения> Вольфилы, при участии М. П. Столярова, С. Д. Мстиславского и т. Брызгалова были посвящены административным вопросам, связанным с устройством открытого заседания 15 октября.

[43] Василий Васильевич Кандинский (1866–1944) – живописец, теоретик изобразительного искусства; с 1921 г. в эмиграции.

[44] Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) – поэт, философ, переводчик.

[45] Федор Августович Степун (Степпун; 1884–1965) – философ, прозаик. Его воспоминания о деятельности ВАДК см.: *Ф. Степун.* Бывшее и несбывшееся В II т. Т. II. Нью-Йорк, 1956. С. 269–282.

5-ое заседание Совета М<осковского> О<тделения> Вольфилы

15 октября.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер, С. М. Соловьев.

Председательствовал: Б. Н. Бугаев.

Доклад Андрея Белого

на открытии Вольной Философской Ассоциации 15-го октября 1921 г.[46]

<Слушали:> 1. Доклад С. Д. Мстиславского о посещении Академического центра в связи с вопросом о легализации М<осковского> О<тделения> Вольфилы (О пожелании Академ<ического> центра получить сведения о работах Петроградской Вольфилы и о разрешении М<осковскому> О<тделению> Вольфилы приступить к работам, не дожидаясь формальной легализации.	<Постановили:> Принять к сведению.
2. О порядке открытого заседания 15 октября.	Открыть заседание поручить Б. Бугае- 2. Предпослать докладу А. Белого – ти А. Белого, С. Д. Мстиславского, И. Новомирского и М. П. Столярова о ях и методах работы М<осковского> деления> Вольфилы. 3. На время до- а А. Белого и прений возложить едательствование на С. Д. Мсти- кого.

Товарищи. Я начну мой доклад – импровизацию с просьбы не винить меня за те дефекты изложения и композиции, которые вы в нем встретите, но уезжая заграницу и по голову, – нет, свыше головы, – перегруженный предотъездной беготней, почти падая с ног и не имея буквально пяти минут, чтобы подумать о теме, я вынужден этот доклад сделать лишь поводом и предлогом для того, чтобы на нем высеклись наши разговоры сегодня. Это есть лишь зажигание темы, а не строго продуманная мысль. Вот то, что я хочу предложить вашему вниманию, и поэтому у меня просьба, как лектора, всячески поддержать меня в том, чтобы подхватить мою тему и из нее создать нашу первую свободную вольфильскую беседу, я же сплету мою сегодняшнюю тему с тем, что мы только что слышали.

ДОСТОЕВСКИЙ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ. – Стало быть с культуры следует начинать, с кризиса ее, ибо кризис культуры и есть факт появления на мировой арене личности Достоевского и образов его героев. Это уже осуществившийся факт разрыва старых форм индивидуальной жизни, разрыв замкнутого сознания человека.

Но что такое культура? – И вот тут я уже просто подхватываю мысль, брошенную товарищем Столяровым, потому что для меня, как и для него, культура начинается именно там, где окаменевшие и уже замкнутые формы бытия, определившиеся когда-то сознанием, но утратившие свою живую связь с сознанием, превратились в ракушки некоего живого существа, моллюска, жизнь которого умерла. Там, где умирает моллюск, там окончательно кристаллизуется прекрасная ракушка. Там, где умирает становящаяся культура, там впервые выкристаллизовывается ее прекрасная форма и возникает вопрос и вечном музейном сохранении.

[46] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 90. Л. 2–7. На обложке (Л. 1) следующая запись: «Андрей Белый. Первые шесть страниц доклада на открытии Вольн<ой> Филос<офской> Ассоциации – 15 окт<ября> 1921 г. (Весь доклад, посвященный Достоевскому – в 1 печ. л., – расшифровывается по стенографич<еской> записи). (И будет представлен к концу июня эт<ого> г<ода>. <Подпись>)». Текст доклада сохранился в архиве П. Кузько (РГБ. Ф. 144. Карт. 9. № 7). Заседание Вольфилы началось в 7½ часов вечера и проходило по адресу: Мерзляковский пер. Высшие Женские Курсы. Аудитория 6. Билет на это заседание см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 20.

Таким образом проблема культуры начинается именно там, где культурные формы трещат, ломаются, выветриваются, где обсыпается под ногами выветрившаяся почва.

Но там же, в месте катастрофы, впервые высказывается мысль, что не *я*, не *ты*, не *оно*, не ты, замкнутая вещь, но какое-то *со*, мы вне нас, и в тесном сплетении возникает идея связи, *со*. Культура начинается там, где начинается сознание, где начинается рассмотрение самой мысли как культуры, а не как чего-то самодовлеющего.

Однажды я прочел в Петрограде и здесь частью читал курс «Культура мысли». Задачею этого курса и было показать, что вместо мертвого взгляда на историю философии, где изучается морфология каких-то законченных ракушек философских систем, самая мысль – это культура, и надо ее рассматривать с точки зрения процесса отложения системы как чего-то уже выделенного, *накипи*. Там, где нити культуры порывались внутренне, как, например, у Ницше, вставали для историков культуры, для философов культуры прошлого парадоксальные, афористические сочетания, начинались афоризмы Ницше о культуре, начинались аналогии, недопустимые для философов культуры обычного порядка.

Мне неоднократно приходилось высказывать мысль о том, как можно проследить с одной стороны всю историю зодчества, как архитектонических, храмовых форм; в другом отношении историю зодчества мировоззрений, повторяющихся в другом разрезе: тот же греческий храм, ту же математику. Да, парадоксально, сказали бы вы. Но вот совершенно независимо от этого появляется книга Шпенглера, *где основная мысль ясна и проста, хотя я ее не разделяю*, но книга интересна тем, что вся она построена на мелком бисере этих парадоксальных сопоставлений[47].

Да, если математик Шпенглер может позволять себе утверждение, что нет математики в целом, а есть математики многих математиков, что доэвклидовская геометрия связана еще с отсутствием барельефа, как эвклидовские представления совпадают с появлением греческого рельефа, и как алгебра арабов является как идея неразрывности и эволюционного перехода от элемента к элементу, встречается с идеей

[47] Подробнее об отношении Андрея Белого к воззрениям Шпенглера см. в его статье «Основы моего мировоззрения», датированной 10 октября 1922 г. (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 13–37; публ. и прим. Л. А. Сугай), а также в предисловии Л. А. Сугай «Андрей Белый против Освальда Шпенглера» (Там же. С. 10–12). Петроградская Вольфила посвятила «Закату Европы» одно из своих субботних (клубных) заседаний в июне 1921 г.

мелкой, бисерной мозаики и арабесочного стиля и далее как идея дифференциального исчисления бесконечно малых элементов пересекается с барокко, то именно на этих исканиях у такого философа культуры, как Шпенглер, мысль о том, что чтобы понять культуру, надо во всех возможных отношениях проводит<ь> линии по всему кругу цепи, в сферы входящих в цели по стольким направлениям, сколько можно сделать положений и сочетаний из элементов, складывающих целеорганизм в самом круге. И если стать с этой точки зрения, сколькими же <пропуск в тексте для одного слова. – *В. Б.*> в культуре не написаны? Но написано столько, сколько можно представить себе конфигураций индивидуумов, где, например, зодчество сопоставляется со всем кругом других культурных элементов и только в связи и в соединении всего ощущает себя культура.

Вот в таком смысле культура есть *со* всех знаний. И в жизни этого *со*, того, что тов. Новомирский назвал мудростью, которая, если бы раскрепостить нас от внешне <пропуск в тексте для одного слова. – *В. Б.*> форм, выявилась бы на поверхность, вот это конкретно себя проявившее многомыслие, мудрость, она и была бы культурою, как сознание взлетов. Но жизнь этого *со* знания определяла бы себя как организм, как индивидуум, как то самое, которое на языке философии Индии было духом, ибо самая органическая природа есть Атман, а Атман есть дух.

Стало быть в само сознании культуры предполагается соединение распавшихся форм в со и жизни этого *со* как *само*. И тогда мы имеем вместо самосознания *само* в его древнем виде как Атман, *со* в его древнем виде как любовь или Будхи и знание в его древнем виде как Манас, три стадии духа, Атман, Будхи и Манас, которые есть не что иное, как культура, самосознание человечества, ставшего человеком.

Вот то, что могло быть прежде мыслимо как культура, но не прежде эта культура конкретного духа восстанет, чем рухнут все разламывающие этого огромного духа формы и потому-то, живя в период разлома форм, страдая индивидуально, в лично-замкнутой жизни, под обломками падающего здания государственной и частновладельческой квартирной, т. е. себя замыкающей культуры, под обломками этого государственного здания мы должны радоваться, что тут имен<но...>[48]

[48] Машинописный текст обрывается.

Первое открытое заседание Московского Отделения Вольфилы 15 октября

под председательствованием
Б. Бугаева и С. Д. Мстиславского

Заслушаны речи А. Белого, С. Д. Мстиславского, Я. И. Новомирского, М. П. Столярова о целях и методах работы М<осковского> О<тделения> Вольфилы и заявление М. П. Кагана о несогласии с декларацией вышеуказанных товарищей, в которых он усматривает полный разрыв со старыми традициями, неопределенность программы, нового рода «пафос» и нескромность, выразившаяся в принятии на себя слишком широких и ответственных задач; кроме того, он усматривает в некоторых выступлениях оскорбительное отношение к Кантианству, последователем которого он является.

Заслушан доклад А. Белого «Достоевский и кризис культуры». В беседе по докладу приняли участие М. И. Каган, т. Анисимова, С. М. Соловьев, Я. И. Новомирский. За поздним вечером (1 ч. ночи) беседа прекращена. После заключительного слова А. Белого заседание закрывается кратким прощальным словом С. Д. Мстиславского от имени М<осковского> О<тделения> Вольфилы по поводу отъезда заграницу председателя Вольфилы Б. Н. Бугаева[49].

6ое заседание Совета М<осковского> О<тделения> Вольфилы

17 октября.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, М. П. Столяров, Г. Г. Шпет, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер, С. М. Соловьев.

Председательствовал: Б. Н. Бугаев.

Слушали:
1. Сообщение Я. И. Новомирского о сделанном ему, в недопустимо грубой форме, протесте И. З. Штейнбергом против созыва открытого заседания М<осковского> О<тделения> Вольфилы

Постановили:
Дать И. З. Штейнбергу официальную справку о праве Совета самостоятельно созывать открытые заседания М<осковского> О<тделения> В. Ф. А.

[49] Андрей Белый выехал в Берлин 20 октября 1921 г.

без предварительного обсуждения этого вопроса в собрании действительных членов.	
2. Утверждение новых действительных членов, из числа предложенных на предшествующем заседании кандидатов.	Утвердить: профессоров Вышеславцева, Бачинского, Борового, Степуна, Рачинского[50]. Внести дополнительно в список кандидатов: А. С. Петровского[51], Б. Пастернака[52], Грифцова[53], Сизова[54], Трапезникова[55], Муратова[56], Флоренского[57].
3. О порядке дальнейших работ.	Ближайшее открытое заседание устроить не ранее, как через две недели докладом С. М. Соловьева: Идея искупления у Достоевского. До этого времени провести два закрытых заседания действительных членов и кандидатов в члены, поставив в повестку первого заседания обмен мнений на тему «Что есть Вольфила?». На открытых заседаниях продолжить цикл Достоевского, включив в него, кроме доклада С. Соловьева, доклады М. Столярова: Достоевский как мистик, С. Мстиславского: Россия и бесы. Ближайшее закрытое заседание назначить на субботу, 22 октября, в помещении «Союза писателей» (Дом Герцена) в 8 час. вечера.

[50] Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) – философ, переводчик; председатель московского Религиозно-философского общества.

[51] Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – библиотечный работник, коллекционер, антропософ.

[52] Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) – поэт, прозаик, переводчик.

[53] Борис Александрович Грифцов (1885–1950) – искусствовед, литературовед, переводчик.

[54] Михаил Иванович Сизов (1884–1956) – физиолог, критик, переводчик, антропософ.

[55] Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926) – искусствовед, антропософ.

[56] Павел Павлович Муратов (1881–1950) – прозаик, искусствовед, переводчик.

[57] Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – священник, философ.

Андрей Белый

Из статьи «Вольная философская ассоциация»[58]

В сентябре 1921 года открылось отделение Вольной Философской Ассоциации в Москве (в состав Совета вошли: проф. Г. Г. Шпет, М. П. Столяров, С. Д. Мстиславский, Я. М. Новомирский, в состав действительных членов – Н. А. Бердяев[59], М. О. Гершензон, Б. П. Вышеславцев и др.)[60]. Первое открытое заседание состоялось в начале октября 21 года беседой на тему о заданиях В.Ф.А. и лекцией Андрея Белого «Достоевский в кризисе сознания».

[58] Новая Русская книга. 1922. № 1. С. 33.

[59] Хотя в одном из сообщений берлинской «Новой русской книги» и появилась информация о том, что «Ник. Ал-дров. Бердяев живет в Москве (Большой Власьевский, 14, кв. 3), основал Вольную Академию Духовной Культуры, преобразованную ныне в Московское отделение "Вольфилы"» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг. // Новая русская книга. 1922. Март. № 3. С. 34), об идейной «несовместимости» Вольфилы и «Вольной академии духовной культуры» Андрей Белый сообщал А. А. Тургеневой в своем письме от 11 ноября 1921 г.: «Последние дни в России в спешке выезда сорганизовал в Москве отделение "Вольной Философской Ассоциации" и провел первое заседание. Меня выбрали бессменным председателем Московского и Петербургского отделения, хотя я и уезжаю за границу. <...> В Совете Московской Вольно-Фил. Асс. я (председатель), Столяров (пом. председателя), Шпетт (пом. председателя), Новомирский (ученый секретарь). Среди действит. членов – Гершензон, Бердяев, Вышеславцев, Степун, Кандинский и др. У Бердяева есть еще другое О-во, председателем которого он состоит: "Академия духовной культуры" (но *"Вольфила"* и *"Академия"* – суть братские антиподы и конкуренты: *"Вольфила"* – нового духа, *"Академия"* – старого). Дух Dreigliederung [нем. трехчленное разделение – *нем.*> – дух *"Вольфилы"*» (Воздушные пути: Альманах. [illegible] V. – Нью-Йорк, 1967. С. 309).

[60] В список действительных членов были включены: Р. В. Иванов-Разумник, Г. Г. Шпет, С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, М. И. Каган, С. М. Соловьев, В. А. Нилендер, И. З. Штейнберг, А. А. Ш[illegible]р, Б. Н. Бугаев, Вышеславцев, Бачинский, Боровой, Степун, Н. А. Бр[illegible]в, Д. С. Недович, И. С. Рукавишников, В. О. Анисимова (Станкевич), [illegible] Н. Васильев, Франк, Г. П. Поляков, Н. В. Богоявленский, Саба[illegible] Э. Мейерхольд, Б. Б. Красин, В. М. Викентьев, Г. А. Рачинский. [illegible] кандидатов в действительные члены: А. С. Петровский, Кузнец[illegible] Пастернак, Я. Э. Голосовкер, Кандинский, С. А. Есенин, М. И. Сизов, [illegible]езников, Б. А. Грифцов, П. П. Муратов, П. А. Флоренский, П. А. К[illegible] (ЦГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 18–19 об.).

Протокол

1-го Общего (закрытого) заседания действительных членов Моск<овской> Вольфилы 22 октября 1921 г., в «Доме Герцена»[61]

Присутствовали: члены Совета: Шпет, Столяров, Мстиславский, Новомирский, действ<ительные> члены: Нилендер, Каган, Штейнберг, Шрейдер, Степун, приглашенные: Анисимова[62], Васильев[63], Кузько[64].

Председат<ельствовал>: М. П. Столяров.

Ввиду того, что к 8½ часам собрались всего шесть действительных членов Вольфилы, из коих четыре – члены Совета, и выяснилось, что на присутствие большего количества членов рассчитывать трудно, т. к. повестки на заседание не могли быть своевременно разосланы, собрание решает начать работу, заменив общее собрание членов – открытым заседанием Совета.

I. Устанавливается следующий порядок дня:

1) обмен мнений о первом открытом заседании Вольфилы 15 октября;

2) о ближайшем закрытом заседании;

3) о ближайшем открытом заседании;

4) о техническом секретариате;

5) о помещении для закрытых заседаниях и оплате его.

II. Заслушан и утвержден протокол предшествовавшего заседания Совета.

III. По пункту I порядка дня – И. З. Штейнберг и М. И. Каган отмечают выявившуюся, по их мнению, на первом заседании односторонность программных выступлений, объясняя это неучастием действ<ительных> членов в подготовке первого открытого собрания. *Я. И. Новомирский*, в связи с заявлениями И. З. Штейнберга, употребившего в своей речи выражения «мы» и «группа», усматривает в этом привлечение в Вольфилу партийного элемента, против чего он резко протестует, выдвигая предложение о недопущении в Вольфилу партийных людей вообще. По поднятому т. Новомирским вопросу вы-

[61] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 35.

[62] Вера Оскаровна Станевич (в замуж. Анисимова; 1890–1967) – критик, поэтесса, антропософ.

[63] Павел Николаевич Васильев (1885–1876) – врач, антропософ.

[64] Петр Авдеевич Кузько (1884–1968) – журналист, литературный критик.

сказываются последовательно: *Мстиславский*, *Каган*, *Шпет*, *Столяров*, – устанавливающие, что основным принципом Вольфилы является абсолютное отсутствие связи с какими бы то ни было партиями или политическими группами – Вольфила есть ассоциация отдельных лиц, а отнюдь не группа, притом обязательным признаком этих лиц является полная внутренняя их свобода – политикам в Вольфиле решительно нечего делать, т. к. самый подход к решению вопросов, выдвигаемых современностью в Вольфиле – как ассоциации философской – совершенно несовместим с подходом политическим. Тем самым вопрос о партийности отпадает сам собой.

IV. Ввиду прибытия на заседание еще трех действ<ительных> членов, – собрание переходит к беседе по вопросу, стоявшему на повестке общего собрания: «Что есть Вольфила». В беседе приняли участие: Г. Г. Шпет, М. И. Каган, Шрейдер, Новомирский, Столяров. За поздним временем продолжение беседы перенесено на следующее заседание, причем М. И. Кагану, обнаружившему наибольшее расхождение с положениями, выдвинутыми Г. Г. Шпетом, речь которого послужила введением в беседу (гл<авным> обр<азом> по тезису: «философия начинается там, где кончается жизнь»), – предоставлено будет первое слово, для вступительного доклада на тему: Монашество и жизнь. Следующие слова, в порядке записи, будут предоставлены: И. З. Штейнбергу, Ф. А. Степуну, Я. И. Новомирскому.

V. Очередное закрытое собрание назначается на субботу, 29 октября, в 8 часов вечера, в доме Герцена.

VI. По вопросу о ближайшем открытом заседании – собрание принимает к сведению сообщение Совета о том, что темой его будет доклад С. М. Соловьева: Идея искупления у Достоевского.

М. И. Каган предлагает прочесть доклад – в том же цикле о Достоевском на тему: Достоевский в русской художественной прозе.

VII. По пункту 4^му^ порядка дня – Секретариат Вольфилы пополняется В. О. Нилендером и [illegible] П. Мстиславской.

VIII. По пункту 5^му^ – об оплате помещения в Доме Герцена, – общее собрание признает необходимым участвовать в оплате, в размере, выяснение которого поручается Г. Г. Шпету как члену Советов обоих заинтересованных в данном вопросе учреждений.

Объявление[65]

В субботу 29 Октября 1921 г. в 8 час. вечера состоится 2-е (закрыт<ое>) собрание действит<ельных> членов Вольной Философской Ассоциации (Вольфила) в «доме Герцена» Тверск<ой> Бульвар № 26 (где «Союз Писателей»).

Порядок дня:

1) Продолжение беседы «Что есть Вольфила?». Вступит<ельное> слово М. И. Кагана[66].

2) О плане дальнейшей работы.

3) Текущие дела.

<Протокол заседания Совета>[67]

1 ноября.

Совет.

Новомирский, Столяров, Мстисл<авский>.

Слушали:

Порядок дня: О цикле Дост<оевского>. О составе Вольфилы.

Постановили:

Нов<омирский>. Необходимо 5го выпустить Солов<ьева>, в 12го – коренного Вольфильца – Столярова.

Мст<иславский>. Выбор темы характер<изует> устраивающее учреждение.

Стол<яров>. Солнце Каны 12го.

Мст<иславский>. Охватывающего Дост<оевского> в целом.

Принято. Солнце Каны 12го.

Мст<иславский>. Каган – отказался докладывать.

Г. Г. <Шпет>, Мст<иславский>, Голосовкер.

Чтобы выпустить афишу.

Новом<ирский>. Достоевский – Путь к античности.

Г. Г. <Шпет> на 19 – точное название.

Мст<иславский> на 26ое Россия и бесы.

Новом<ирский> – 4 декабря.

Голосовкер – афиша, не включать.

Союз писателей.

Афиша.

Чистка партии.

[65] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 24.

[66] Черновую запись прений см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 25–29.

[67] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 36. Черновая запись.

Новом<ирский>. Основная задача создать угол, в кот<ором> творить и мыслить свободно. Друг друга слушать поучиться друг у друга. Учитель и ученик слушают и учатся как древняя академия. По-иному мыслят, тон<альность> мысли одинаковая. Закрытых собраний не устраивать. Совет сговаривается сам насчет докладов.

Стол<яров>. Перешел на непримиримую позицию. По духу далека от Вольфилы. Абсентеизм действ<ительных> членов. Кассируем выборы и даем знать в Петроград.

Мст<ославский>. Закрытые заседания не дают основания Совету поговорить о составе. Этнос Штейнб<ерга> – чужой по духу. Каган. Сам не идет, но боится обостренных отношений. Мы можем офиц<иально> считать, что он не принял. Но распускать всю Вольфилу – имеем ли право? Другие грешат абсентеизмом. Под подозрением – Каган, Штейнб<ерг>. Еще?

Столяр<ов>. Насчет Г. Г. <Шпета>. Он спортивно разминает мускулу. Но есть академические замашки, кот<орые> выветрятся.

Мстиславский. Определенное место в Вольфиле. Но коренным духом Вольфилы не обладает.

Поговорить с Г. Г. <Шпетом>. – Ввиду выяснивше<гося> на открыт<ом> заседа<нии> отсутствия духа Вольфилы не считать Штейнб<ерга> действ<ительным> членом Вольфилы.

Принимая заявление Кагана, не считать его офиц<иально> дейст<вительным> членом.

<М. П. Столяров>

Солнце Каны[68]

Достоевский – философ[ия] в движении. «Братья Карамазовы» как основное его слово и прорыв, заложенный в предшествующих его произведений. «Бр<атья> Карамазовы» как раскрытие мира сознания. Двойная лестница: Ф<едор> Павл<ович>, Алеша, Дм<итрий> Ф<едорович>, Иван, Смер<дяков> (неприятие); Ф<едор> П<авлович>, Алеша, Дм<итрий> Ф<ед[орович]>, Иван, Зосима (приятие). Заходящее солнце и целование з[емли]. Инквизитор и приживальщик. Сны – видения Алеши, Дмитри[я Карама]зова. Солнце Каны.

[68] РГАЛИ. Ф. 306. Оп[. 1.] Л. 54. Выступление М. П. Столярова (2-е открытое собрание М[осковского] отделения ВФА) состоялось в субботу, 12 ноября, в 8 час. вечера, [в помещении Лито по адресу: Волхонка, 14. Объявление о заседании см.: РГА[ЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 37.

Апофеоз механизма[69]

(Современная <речь?> прот<ив> религии, мистики и антропософии)

Тезисы к докладу Н. А. Полянского

1. Истинный прогрессивный путь человека в мире – путь материального творчества (производственно-технического преобразования мира).

2. Научное знание и все интеллектуальное производство суть средства техники.

3. Современное научное знание, имеющее в основе эфирно-материальную или электронно-атомистическую-молеклярную теорию космических сил, стоит перед решением очередной и величайшей проблемы – проблемы «четвертой стихии». Мир психологии как проблема творческой личности, личности как <1 строка нрзб.> как механика – миростроительства.

4. Эволюция науки как творческого деяния идет по верному пути – от эмпирической техники через системы религии, философии и науки к технике творческой (искусству жизни).

5. Главнейший достигаемый этап развития науки – от естественнонаучного взгляда на историю человека к историческому взгляду на природу и от признания единства мира человека и природы к утверждению творческой роли человека в мире (от познания бытия к творчеству бытия, от теории механики мира природы – к теории механика – строителя мира культуры).

6. Теория эволюционной науки лишь основа теории космического творчества природы и технического творчества человека, т. е. основа современного механического диалектическо-материалистического или творческого мировоззрения.

7. К проблеме творчества и творческой личности (которую тоже недостаточно «открывать», а надо творить – изобретать, «преодолевая биологического человека») нет иного пути, помимо современной, не только эволюционной, но и технической науки, ибо иные – это старые и уже бесплодные пути религии и метафизики с их тщетными обновлениями «мистикой» и «софией», с их методами раскрытия «истин» и «тайн» природы (материи) и человека (духа) или самоуглубления и созерциния, в то время как методы познания уже не столь раскрытие форм стихийных, старых сочетаний элементов мира

[69] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 55.

(сущего), сколь изобретение сочетаний искусственных, новых (мира *лучшего*), не самоуглубления, а самоизменения, не созерцания, а действия – изменения природы для изменения себя.

8. Современное знание хочет стать универсальной физикой (*космологией*) с *ее завершением* универсальной техникой (житие творчества) и орудием борьбы с исконными врагами человека-изобретателя, творческой личности внутри его – инстинктом, привычкой и подражанием, и вне его – авторитаризмом, фетишизмом и рутиной. Знание хочет стать творчеством, имея религию – без Бога, философию – без «духа», науку – без «природы» и себя – без «истории».

Литературная Хроника[70]

– В вольной философской ассоциации начался доклад о Достоевском. Прошли доклады А. Белого «Достоевский и конец культуры» и М. П. Столяров «Солнце Каны (принятие мира у Достоевского). Предстоят доклады С. М. Соловьева «Идея искушения у Достоевского», С. Мстиславского «Россия и бесы».

Тезисы[71]

к докладу Л. Р. Дунаевского «Бог, душа и бессмертие в понимании трудящихся» (Революция в философии)

1. Вместо предисловия.

Определение философии. Обновление интеллигенции – оправдание мира.

2. Сущность идеологии.

Личное и коллективное сознание. Чистое знание. Вероятное мнение. Установка сознания как выявление коллективного или индивидуального чаяния. Генезис, состояние, осуществление.

3. Марксистская интерпретация идеологии и генетический метод в философии.

Наука и рабочий класс в истолковании А. Богданова и англоамериканский прагматизм как философия действия. Реформа науки, проектированная П. Блонским. Диалектический метод и реальная диалектика. Исторический материализм в роли агитатора среди рабочих.

[70] Новый мир. 1921. 4 д[illegible] № 259. С. 7.

[71] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. [illegible] Л. 39. На документе помета: «25.XII.21».

4. Дуализм интеллигентского мироотношения и его почва в Кантианстве.

Лирический комментарий к Канту.

5. Биографический метод в философии – теоретико-познавательное оправдание солнечного света.

Живая личность в диалоге. Средний человек и его теория познавания. Единство, его обретение и созидание.

[6. Идеология трудящихся и задача чистой интеллигенции.

Политический расцвет марксизма и симптомы намечающегося в нем кризиса. («экономика» у Н. Бухарина, измена ортодоксии у А. Богданова, «Новая биология» Э. Екчмена). Политический кризис народничества и его идеологическое торжество. «Пролетарская», «духовная» или «гуманистическая» культура. Понятие чистой интеллигенции. Логократия и партия мудрых. Отмирание государства как реальная проблема.][72]

6. Возможность конкретного миросозерцания.

Возможность и действительность. Панлогизм или панкардизм? Мировой ужас и мировая любовь. Теория внешних отношений. Понятие интуиции и категорического о ней высказывания.

7. Нет души как второго тела, есть живая личность.

Тело, душа, дух. Теория души у А. Богданова. Интроспекция и учение <о> неконкретных элементах мышления. Мир обстояния. Абстрактная духовность и конкретная наглядность. Понятие «точки зрения», возможной для всякого в освобожденном коллективе.

8. Коллектив, побеждающий природу, есть единственное понятное для всех божество.

Понятие божеского и человеческого. Земля, солнце, вселенная и человечество – как претенденты на последнее поклонение. Коллектив мнимый и коллектив действительный. Смысл обновленного Коллектива в полном освобождении личности.

9. Память в человеческом роде как реальное бессмертие.

Жизнь, старость, страх смерти. Теория И. Мечникова. Героизм разумного делания своей жизни – высшее доступное человеку искусство. Религия – искусство созидающихся форм.

10. Учение биокосмистов. Здоровое зерно в учении. Заблуждения биокосмистов.

11. Вместо заключения.

Понятие о пафосе и понятие о колоколе.

25/XII 1921 г.

[72] Заключенный в квадратные скобки пункт зачеркнут.

Вольная Философская Ассоциация[73]

Во вторник, 27 декабря 1921 г., в помещении гимназии Чеховой (Гагаринский пер., 19, угол Старо-Конюшенного, во дворе) в 8 часов вечера состоится

Доклад Н. Г. Машковцева[74] Жизнь человека (Проблема биографии).

После доклада – беседа.

«Вольфила»[75]

«Вольфила» – Вольная Философская Ассоциация. Организация, избравшая себе это наименование, возникла в первые послереволюционные годы в Петрограде; она образовалась из постепенно расширявшегося кружка, собравшегося вокруг четырех зачинателей – учредителей Вольфилы (они же составили ее совет). То были: Андрей Белый (председатель), историк литературы Иванов-Разумник, теоретик искусства Эрберг и петроградский философ Штейнберг. Вольфила – это не программа, даже не мировоззрение; наоборот: предполагает она взаимное противоположение, пересечение и борьбу мировоззрений. Она – импульс: к углублению совершившейся (и все еще совершающейся) революции в измерении духа: к духовной революции, *которая приведет к освобождению человека на всех путях* его духовного творчества и к новому воплощению достижений этого освобожденного творчества, – к новой культуре. В этом смысле Вольфила стоит под знаком всеобъемлющего кризиса современной культуры и чаяний культуры новой: культуры свободы.

«Философская» она, ибо стремится охватить и осознать все многообразие устремлений современной культуры к грядущему. «Вольная» – ибо вмещает в свой кругозор философию не только ученого трактата, но и – философ[illegible] афоризма, стихотворения, исповеди – всю ту, часто невысказанную философию культуры, которая заложена в каждом акте конкретного культурного осуществления. Наконец,

[73] РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8 [illegible] Л. 40. Рукописное объявление.

[74] Николай Георгиевич [illegible]овцев (1887–1962) – искусствовед, хранитель Государственной Трет[illegible]и галереи.

[75] Печатается по изд.: Ж[illegible]22. № 1. С. 174–175. Текст первых двух абзацев принадлежит Андре[illegible], вероятно, представляет собой извлечение из его речи на первом [illegible] заседании Московского отделения ВФА 15 октября о целях и мето[illegible] Вольфилы.

«Ассоциация» она (не «ученое общество»), ибо ее задание: организационное сплочение всех тех, кто ищет такой «вольной» философской работы и общения, снимающего грань между «лектором» и «аудиторией».

Недавно отделение Вольфилы организовалось и в Москве. В совет московского отделения вошли: Андрей Белый (председатель), Г. Шпет, С. Мстиславский, М. Столяров. Уже состоялся ряд открытых заседаний; на них, как введения к беседе, были прочитаны следующие доклады: Андрея Белого – Достоевский и кризис сознания; М. Столярова – Солнце Каны (Идея приятия мира у Достоевского); Я. Голосовкера – Секрет черта (Достоевский и антиномии Канта)[76]; С. Соловьева – Идея искупления у Достоевского; С. Мстиславского – Россия и бесы; М. Сизова – Материализм и человек; Н. Машковцева – Жизнь человека (проблемы биографии); Я. Голосовкера – Житие и откровение Заратустры; А. Солоновича[77] – Анархизм религии; Н. Полянского – Апофеоз механизма. Следующими намечены доклады: М. Кагана – Личность в социологии; М. Столярова – Перводвигатель истории; К. Локса[78] – Поэзия и творческое сознание; И. Дегтяревского[79] – Внутренний пейзаж творчества Гоголя и др.

Намечен также ряд литературных вечеров: вечер пролетарских поэтов-космистов[80], вечер немецк<ого> поэта Хр. Моргенштерна[81], вечер поэта Ю. Анисимова[82] и вечера, посвященные памяти: Короленко, Т. А. Гофмана, Флобера, Э. По.

[76] См.: *Я. Э. Голосовкер.* Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». – М., 1963.

[77] Алексей Александрович Солонович (1887–1937) – доцент Московского высшего технического училища, анархомистик.

[78] Константин Григорьевич Локс (1889–1956) – критик.

[79] Иван Моисеевич Дегтяревский – организатор Пушкинского семинара в Москве под руководством Вяч. Иванова (сообщил А. В. Лавров).

[80] *Речь идет о поэтическом направлении (1918–1924), связанном с творчеством поэтов Пролеткульта* – М. Герасимова, В. Кириллова, В. Александровского, В. Казина, И. Садофьева, А. Крайского и др.

[81] Христиан Моргенштерн (1871–1914) – немецкий поэт, антропософ.

[82] Юлиан Павлович Анисимов (1886–1940) – поэт, искусствовед, антропософ.

Хроника искусств[83]

– **Памяти А. Блока.** Завтра, в годовщину смерти Александра Блока, Вольная философская ассоциация (Вольфила), членом-учредителем и членом совета которой он был, устраивает открытое собрание, посвященное памяти покойного. Программа: «Смерть Блока» – доклады С. Д. Мстиславского, С. Д. Кржижановского[84] и М. П. Столярова; воспоминания о Блоке – С. М. Соловьева; неизданные письма Блока. Заседание состоится в помещ. 3-й студии МХТ (Арбат, 26). Начало в 8 час.

Хроника искусств[85]

Повторение вечера памяти А. Блока

Сегодня, в 8 часов вечера, в помещении 3 студии МХТ (Арбат, 26) состоится повторение открытого заседания вольной философской ассоциации (Вольфилы), посвященного памяти А. Блока. Программа: Смерть Блока – доклады С. Д. Мстиславского, С. Д. Кржижановского, М. П. Столярова; воспоминания о Блоке – С. М. Соловьева; неизданные письма Блока (А. Белому).

Лица, не попавшие на прошлое заседание, в виду чрезвычайного переполнения зала, и записавшиеся на второе заседание, получат билеты до 8 час. веч.; с 8 часов билеты поступают в общую продажу.

Из «Объяенит<ельной> записки» С. Д. Мстиславского по поводу организации журнала «Основы» в 1922 г.[86]

Намечено было издание ряда книг и ежемесячного журнала – литературного и общественно-политического, над заглавием которого пришлось немало поломать голову. В конце концов остановились на заглавии «Основы»: ибо в названии журнала должно было явиться, в соответствии с задачами строительства, выдвинувшимися на первый план по окончании гражданской войны, – закладывать «основы» новой социалистической культуры. Для меня, как редактора, про-

[83] Известия ВЦИК. 19[illegible] уста. № 175. С. 5.

[84] Сигизмунд Домини[illegible] ржижановский (1887–1950) – прозаик.

[85] Известия ВЦИК. 19[illegible] уста. № 180. С. 5.

[86] РГАЛИ. Ф. 306. Оп[illegible] Л. 2–5. «Объяснительная записка» приблизительно датируется [illegible]

грамма журнала определялась той линией, которую я пытался проводить в Московской Вольной Философской Ассоциации. В силу этого уже на первых порах организации журнала, около него разгорелась та же борьба представителей диаметрально противоположных идеологий, которая характеризовала Московскую Вольфилу. Правда, она проявлялась в менее резких формах, поскольку я являлся единоличным редактором и на программе и содержании журнала отразиться не могла.

За два года работы на Украине (1919–1921) я совершенно оторвался от литературных кругов – не только Ленинграда, откуда уехал еще в начале 1918 г., но и Москвы. Я обратился, поэтому, в первую очередь, к старым сотрудникам «Скифов» и «Заветов». Из них – М. М. Пришвин обещал давать очерки – «По градам и весям», по «Заветскому образцу»[87]. Замятин обещал прислать новый свой роман «Мы». О. Д. Форш обещала ежемесячное сотрудничество. При посредстве Иванова-Разумника удалось закрепить за журналом переписку Блока с Белым, ряд неизданных произведений Ин. Анненского, Хлебникова и Гуро. Из молодых – удалось привлечь Антокольского, Пастернака, Данько. Леонид Леонов принес первые свои рассказы («Петушихинский пролом», «Королева» и др.), которые и были приобретены редакцией: так состоялось наше знакомство, не приведшее, однако, к сближению. Определялось это не столько идеологическими расхождениями, – наличие которых не исключило возможности принять его, несомненно, талантливые рукописи, но, главным образом, весьма вредным с моей точки зрения окружением, которое появилось у него с первых литературных шагов: окружение, кружившее ему голову неистовыми похвалами и неизменно эскортировавшее его – особенно при деловых переговорах, весьма активно вмешивалось в них – «отстаивая интересы автора» и в отношении дальнейшей работы над рукописями, принятыми редакцией, и в отношении гонорара.

Если прибавить имена: С. Кржижановского (Frater Tertius), Т. Игумновой, Е. Книпович – список «молодых», привлеченных на первых порах, будет исчерпан.

«Самотек» был довольно велик, но ни одной заслуживающей внимания рукописи не принес. Запомнились два резких столкновения с авторами возвращенных стихов: О. Мандельштамом, возмутившимся уже самим фактом критики его произведений («Я продаю

[87] Речь идет о постоянном отделе М. Пришвина, который он вел в левонародническом журнале «Заветы» (1912–1914).

свои стихи в запечатанных конвертах») и Петровским[88] – уже в те годы проявлявшим тот же неистовый темперамент, которым отличается сейчас.

Ленинград занял по отношению к журналу «выжидательное положение»: Р. В. Иванов-Разумник, к которому я обратился с просьбой принять участие в журнале и помочь мобилизовать ленинградских литераторов, – рекомендовал ряд авторов – членов Петроградской Вольфилы (В. Гиппиус, Эрберг, Игорь Глебов), но от личного участия фактически уклонился. В ответе на мое извещение о зарождении журнала, он писал (20 марта 1922 г.): «Всячески готов содействовать и завтра же оглашу в Вольфиле о ряде Ваших предложений» (я писал о темах, на которые желательно было получить статьи. *С. М.*) «У себя по сусекам поскребу, по закромам помету, но заранее сознаюсь: на новое писание стал я очень туг»[89].

В письме от 21 августа он объясняет свое «уклонение» яснее: «никакого “скифского” журнала с отделом литературно-общественным, по нынешним дням себе не представляю. Ибо: мне прежде всего хотелось бы написать резкие статьи о Карсавине (“Восток, Запад и русская идея”, только что вышла эта его книга[90]), о Бердяеве (“Кризис Ренессанса”, статья 1919 г., только что мною прочитанная[91]), о социологии Франка и т. п. – но как же скажешь все это о них, когда у них теперь и рот зажат, и руки связаны? А при таких обстоятельствах писать о “Серапионовых братьях”, современной поэзии и прочей дребедени – не могу и не хочу. Как же думаете Вы справиться со всеми этими – не идеологическими, а практическими трудностями».

[88] Речь идет о поэте Дмитрии Васильевиче Петровском (1892–1955).

[89] Цитируемые здесь и далее письма Иванова-Разумника в архиве Мстиславского не сохранились.

[90] Вероятно, Иванов-Разумник предполагал дать ответ Л. П. Карсавину на его полемический выпад по поводу содержания «русской идеи». Ср.: «...почему я должен верить поэтическим интуиции Ал. Блока и его “Двенадцати” (даже без комментариев Иванова-Разумника), а не Н. А. Бердяеву или Вячеславу Иванову? <...> Поэты и мистицисты – народ безответственный, мотивов своей интуиции изъяснять склонный. Может быть, все это лишь субъективные мечты да “сонные видения”? И несогласуемость друг с другом разных анализов и прогнозов [что] подтверждает подобное предположение» (*Л. П. Карсавин.* Восток, Запад и русская идея. – Пб., 1922. С. 3–4).

[91] Подразумевается статья «Конец Ренессанса (К современному кризису культуры)», которая была опубликована в сборнике «София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (Берлин, 1923. С. 21–46). Какое издание имел в виду Иванов-Разумник, установить не удалось.

И, наконец, вполне определенно высказывается он в письме от 26 сентября, повторяя свои сомнения в осуществимости журнала, он пишет по вопросу о наших идеологических расхождениях. По отношению к концу 1917 года – «наши направления, я думаю, совершили оборот на 180°... Но раз мы тогда могли дружно работать, (несмотря на наличие расхождений и тогда), то отчего нельзя сделать это теперь?.. Ар<он> Зах<арович>[92], в отчете о своих московских разговорах с Вами сообщил свою фразу Вам обо мне, что я-де с опасением отношусь к Вашей теперешней (в "Своем"[93] in spe[94]) публицистике. Nego[95] – что касается "опасений", affirmo[96] – что касается расхождений. Итак, дерлангенредекурцерзинн[97] – если хотите, попробуем, и чтобы доказать, что говорю не на ветер и не уклоняюсь от работы – одновременно с этим письмом посылаю заказной бандеролью целых две свои статейки (статей длинных уже 5 лет не пишу): "Нечто о ничем" (литературная)[98] и "28 февраля 1917 г." (мемуарная)[99]. Годятся или нет – Вам виднее»... «Я согласен работать только на том условии, чтобы Вы из двух моих статей резали минимально одну: не подходит-де и баста. Серьезно говорю. А если окажется, что мы с Вами „публицистически" расходимся не на 180°, а на 270° (много хуже – не одна прямая, а перпендикуляр: лебедь рвется в облака, рак пятится назад), тогда надо будет поговорить серьезно».

[92] А. З. Штейнберг, философ, секретарь Петроградской Вольфилы, приезжавший в Москву (*примеч. авт.*). В мемуарах Штейнберг подробно, хотя и с фактическими неточностями, рассказывает об этой поездке в Москву. См.: *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 96–101.

[93] «Свое и чужое» – публицистический отдел в будущем журнале (*примеч. авт.*).

[94] в будущем (*лат.*).

[95] отрицаю (*лат.*).

[96] утверждаю (*лат.*).

[97] Имеется в виду: der langen Rede kurzer Sinn – длинной речи краткий смысл (*нем.*).

[98] В архиве Иванова-Разумника сохранилась рукопись этой статьи под заглавием «XIII. Нечто о ничем. Much Ado About Nothing» (вероятно, как часть бульшей работы), датированная сентябрем 1922 г., с позднейшей уточняющей надписью «Первый набросок "Взгляда и Нечто"». Опубликована нами в журнале «Литературное обозрение» (1993. № 1/2. С. 48–50). «Much Ado About Nothing» («Много шума из ничего») – название комедии Шекспира.

[99] Статья с подзаголовком «Страница из воспоминаний», датированная 1921 г., вошла в состав книги Иванова-Разумника «Перед грозой. 1916–1917 гг.» (Пг., 1923. С. 131–136).

Я остановился на отношении Иванова-Разумника к журналу настолько подробно потому, что приведенные цитаты – характеризуют не только *его* тогдашний взгляд, но и взгляды значительной группы бывших «Скифов». В дальнейшем (весьма недалеком) выяснилось, что расхождение, действительно, не 180°, а 270° – и закончилось полным и резким разрывом.

Личная поездка моя в Ленинград дала мало результатов: ибо, хотя я сговорился с некоторыми «Серапионовыми братьями», получил от О. Форш статью о «Живой церкви» и т. д., но закрепить приобретенный материал не смог, т. к. еще по дороге в Ленинград у меня выкрали значительную (несколько сот миллионов) сумму денег – которую затем, не без труда, пришлось погашать.

Не ладились и московские дела. Замятинский роман, несмотря на революционное предисловие, произведшее на меня очень сильное впечатление, так как повторяло основную мысль моей юношеской (начала 1900[x] годов) символической поэмы в прозе «Когда умерли грозы», – оказался откровенно контрреволюционным и был возвращен автору. Неприемлемыми для печати оказались и Пришвинские рассказы, и его статья «Свадьба», где он писал: «Страницы из „Капитала“ мне представляются теперь как пустыня, где нет ни цветов, ни женщин, но зато с неба на вас смотрят звезды, налитые кровью и где-то в стопудовых чугунных гирях собралось семя Авраамово», и, объявляя «отцом своей юности» Маркса, «отцом своего мужества» признавал В. Розанова, утверждая, что Розанов был гениален[100]. Неприемлемыми оказались и три статьи, присланные Лундбергом из Берлина. Участие Андрея Белого отпало в связи с занятой им заграницей позицией.

Журнал т<аким> обр<азом> не налаживался. Не лучше обстояло и с заказом намеченных к изданию книг: при обсуждении тем с предполагавшимися авторами обнаруживались расхождения, заставлявшие вычеркивать книгу за книгой. Так выпал сборник «Преображение революции», который я планировал из статей моей, Белого и Иванова-Разумника. В начале 1923 года я убедился окончательно, что с журналом ничего не выйдет – не по тем причинам, о которых писал Иванов-Разумник, а по причинам чисто органического порядка. До революции – было мыслимо содружество «Скифов»: содружество «одиноких», объединяемых общим признаком – отрицанием старого

[100] Черновой вариант [illegible]ы» сохранился в дневниковой записи Пришвина от 21 декабря [illegible]: *М. М. Пришвин.* Дневники. 1920–1922. С. 288–291.

режима, мещанской «культуры». Талант давал каждому такому «одинокому» собственное лицо, и это многоразличие лиц лишь усиливало интенсивность и дружественность общения. *Тогда* – мыслимо было видеть на «Скифских вечерах» в нашей столовой, рядом – Сологуба и Есенина, Л. Андреева и Клюева, Пришвина и Белого, Ремизова и Веру Фигнер. *В 1922* подбор по «скифскому признаку» был нелеп: «одиночество» мыслилось только в формах «дурного одиночества», и люди, пять лет назад дружно сидевшие за одним столом – разошлись по разным дорогам, все дальше уходя друг от друга – даже по разные стороны баррикады.

Берлин. 1921–1922[1]

Социокультурный феномен, получивший в истории русской общественности устойчивое название «Русский Берлин»[2], как известно, возник в результате вынужденной и добровольной эмиграции интеллигентов, принадлежавших к философской и литературно-художественной элите Петрограда и Москвы. Суть явления заключалась не столько в том, что столица Германии начала 1920-х годов заметно «обрусела», но прежде всего в едином стремлении русской колонии создать некий «параллельный» отечеству мир. Предполагалось, что и в этом новом хронотопе смогут реально заработать «филиалы» Вольной Философской Ассоциации и Дома Искусств – институты интеллектуального общения, сложившиеся в пореволюционные годы. Подобное «двойничество» объяснялось стремлением вольных и невольных эмигрантов упрочить связи с родиной и, вопреки дистанции, осознать пути развития ее истории, культуры, общественной и философской мысли. «Русский Берлин, – писал А. М. Ремизов, – если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины <...> хлеста-

[1] Глава написана совм[illegible] с Е. Обатниной. В сокращенном виде материал опубликован в[illegible]е «Вопросы философии» (1997. № 7. С. 141–155).

[2] См.: Русский Берли[illegible]1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гувер[illegible]ституте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-[illegible] Париж, 1983.

ковскими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. <...> инфляционный Берлин, связанный с живой Россией и по свежим воспоминаниям, выехавших за границу и по общению с приезжающими из России, был столицей...»[3]

Инициативу создания берлинского отделения Вольфилы взяли на себя Е. Г. Лундберг и А. А. Шрейдер. В сентябре 1920 года они организовали в столице Германии левонародническое издательство «Скифы», самим наименованием которого подчеркивалась связь с одноименными альманахами и «скифским» духовным максимализмом[4]. В течение первого года своего существования издательство выпустило ряд произведений Андрея Белого, А. Блока, Иванова-Разумника, Конст. Эрберга, А. М. Ремизова, С. Есенина, Н. Клюева. Его руководители даже намеревались сделать «Скифов» «комиссионным издательством» Петроградской Вольфилы. Хотя этому намерению не суждено было реализоваться, ко времени возникновения берлинского отделения эмиграция могла составить общее впечатление об идеологическом векторе Вольфилы по публикациям берлинского журнала «Знамя», который также выходил в издательстве «Скифы». Рецензируя издание, Б. Шлецер писал: «В сущности тема всех их статей одна: революция. Одно настроение пронизывает эти статьи: я бы назвал его "катастрофизмом". Отмечены они одной общей чертой – потерей чувства действитель-

[3] *А. Ремизов.* Учитель музыки. Каторжная идиллия / Подг. текста, вступ. ст. и прим. А. д'Амелия. – Paris, 1983. С. 358.

[4] Инициатором названия был, очевидно, А. А. Шрейдер. Ср. с письмом Е. Г. Лундберга к С. Д. Мстиславскому от 25 февраля <1923 г.> из Берлина: «Основал издат<ельство,> кот<орое> было названо – «Скифы». С себя я снимаю ответственность за использ<ование> этого имени и марки – я считал это не вполне удобным и предлагал нейтральное – *не* партийное и *не* скифское» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 369. Л. 14).

ных соотношений и пропорций, истинной перспективы, правильных масштабов. И в "Крушении гуманизма", Ал. Блока, и в статье Андрея Белого – "Прыжок в царство свободы" и "Учитель Сознания (Лев Толстой)" <...>, и в докладе К. Эрберга "О догматах и ересях в искусстве" – таится или трепетно бьется это чувство кризиса, чувство гибели, провала старого мира, ощущение уходящей из-под ног почвы, разверзающейся пропасти и ожидания, предчувствия зарождения иного мира, нового цветения бытия. Мысль их заворожена революцией. Все вещи, как будто, они мыслят в категориях катастрофы, кризиса, бури. Все вещи для них сдвинулись с места, сорвались с устоев, разрушаются. Живо это сознание и среди нас, на западе, но, конечно, не в столь резко обостренной, до наивности почти упрощенной форме»[5]. Позиция рецензента отразила точку зрения «прозападно» настроенной части русской эмиграции, для которой сознательная или бессознательная оторванность и изолированность русской интеллигенции «от старой Европы» неизбежно вела к провинциализму, а следовательно, к переоценке своего, местного, национального.

Казалось, уже само появление поздней осенью 1921 года в столице Германии председателя Вольфилы должно было бы подтвердить или опровергнуть эти, отчасти справедливые, отчасти предвзятые, идеологические оценки. Андрей Белый прибыл в Берлин 18 ноября, а спустя неделю с небольшим в одном из столичных кафе состоялось учредительное заседание отделения Вольной Философской Ассоциации. На этом собрании присутствовала значительная часть культурной элиты русской диаспоры, однако в своем большинстве это были случайные люди – и

[5] *Б. Шлецер.* [Рец.] «Временник литературы и политики. Под редакцией А. Шрейдера. Берлин. 1921. № 1, 2 // Современные записки. VII. 1921. 5 октября. С. 403.

по отношению друг к другу, и, тем более, касательно тех общих задач, которые решала в Петрограде ВФА. Позже Андрей Белый назовет этот период своей жизни «берлинским обмороком». Оценивая душевное состояние как острую личную и мировоззренческую драму, он напишет: «...я еще должен был 1) зарабатывать хлеб, 2) вести журнал, 3) написать три тома "*Начала века*", 4) организовывать отделение "*В.ф.а.*", 5) организовывать "*Дом искусства*". Все это проделывал я в сплошном бреду; все это способствовало не выздоровлению, но – углублению болезни»[6].

Вольная Философская Ассоциация ставила своей основной целью исследование различных аспектов постреволюционного индивидуального и общественного сознания. Результатом познания и творческого опыта должна была стать новая ментальность. Но инициаторы берлинского отделения предстали по отношению друг к другу атомарными составляющими: их индивидуальные знания «не желали» соединяться в «со-знание», не могло возникнуть и общее эмигрантское самосознание. Вскоре стало очевидным, если петроградское отделение Вольфилы действительно сложилось «товариществом вольнодумцев», объединившихся в искании новых путей для России, то замысел построить такое сообщество вне отечества столкнулся с массой внутренних и внешних препятствий. Действительность с ее политической неопределенностью

[6] *А. Белый.* Символизм как миропонимание. – М., 1994. С. 481. Ср. также с его записью в «Ракурсе к дневнику»: «...рой русских – сумбур; *насильно почти впрягают в работу* <курсив наш. – *публ.*> организации в Берлине отдела В. Ф. А. и берлинского Дома Искусств (член Совета – второго, председатель – первой)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 100. Л. 114). О *берлинском периоде в жизни Андрея Белого см.*: *Malmstad J.* Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. VIII. P. 425–480; *T. R. Beyer.* Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923 // Zeitschrift für slavische Philologie. 1990. Bd. L. H. 1. S. 90–142.

и идеологическим дихотомизмом не могла не повлиять на характер межличностных отношений внутри эмигрантского сообщества, и, одновременно, не исказить так или иначе образ самой реальности.

Еще до того, как берлинская Вольфила провела свои первые заседания, внутри издательства «Скифы» разразился скандал, который подорвал человеческие и творческие отношения между инициаторами этой новообразованной эмигрантской организации. В ноябре 1920 года «Скифы» отпечатали антисоветский политический памфлет Л. Шестова «Что такое большевизм», где содержались прямые обвинения большевистского режима в продолжении государственнической политики царской бюрократии[7]. Автор пророчески предрекал приближающийся крах идеалов революционаризма: «Большевизм начал с разрушения и ни на что другое, кроме разрушения, не способен. Если бы Ленин и те из его товарищей, добросовестность и бескорыстие которых стоят вне подозрений, были настолько проницательны, что поняли бы, что они стали игрушкой истории, которая их руками осуществляет планы, прямо противоположные не только социализму и коммунизму, но убивающие в корне и на многие десятилетия возможность какого бы то ни было улучшения положения угнетенных классов, они бы прокляли тот день, в который насмешливая судьба передала им власть над Россией. И конечно, поняли бы тоже, что их мечта взорвать Европу – если ей суждено осуществиться будет знаменовать собой не тор-

[7] Книга была написана в Женеве и закончена 5 марта 1920 г. Первое упоминание о том, что она напечатана, находим в письме Е. Г. Лундберга к А. С. Яще из Берлина от 21 ноября 1920 г.: «В издании автора [Льва Шестова] ближайшие дни появится и будет нами передана для продажи профессионерам его небольшая брошюра "Что такое большевизм" отпечатанная» (A Scythian Document: Andrej Belyj and Others. [illegible] Cheron // The Andrej Belyj Society newsletter. 1985. № 4. P. 3[illegible]

жество, а гибель социализма, и приведет исстрадавшиеся народы к величайшим бедствиям. Но, конечно, Ленину не дано это увидеть. Судьба отлично умеет скрывать свои намерения от тех, кому их знать не полагается»[8].

Однако памфлету Л. Шестова так и не суждено было увидеть своего читателя. В письме в редакцию берлинского журнала «Русская книга» (в первом номере которого за январь 1921 года было объявлено об издании в ближайшее время французского перевода шестовской брошюры) Е. Лундберг заявлял, что данное сообщение «не соответствует истине»: «"Скифы" не намерены издавать вышеупомянутую статью Шестова, как совершенно не соответствующую всему направлению издательства. "Скифы" издают лишь собрание *философских* произведений Льва Шестова, резко отграничиваясь от случайных политических выступлений этого крупнейшего из русских мыслителей, *философская* работа которого близка и дорога "Скифам"»[9]. В середине октября 1921 года практически весь тираж брошюры был Лундбергом уничтожен. Только к началу декабря действия издателя по отношению к всемирно известному автору (а к этому времени, соответственно, – «товарища председателя» берлинской Вольфилы по отношению к ее «почетному председателю») стали достоянием гласности.

Берлинская эмиграция расценила действия руководителя «Скифов» в общем и целом как просоветские, а по отношению лично к Шестову – как непорядочные. В газетах даже появились сообщения, обвинявшие Лундберга в сотрудничестве с контрразведкой. Печать предъявила требования к Вольной Философской Ассоциации публично отмежеваться от своего «товарища председателя».

[8] *Л. Шестов.* Что такое [русский] большевизм. – Берлин, 1920. С. 37–38.

[9] Русская книга. 1921. Февраль. № 2. С. 17.

Одним из результатов подобных действий стал публичный отказ Льва Шестова от звания «почетного председателя» ВФА. Все эти события негативным образом сказались на идеологической репутации берлинского отделения Вольфилы.

Один из ее номинальных соучредителей – А. М. Ремизов[10] откликнулся на конфликт Лундберга с правым флангом эмиграции анонимными ироническими заметками (авторство которых, впрочем, не составляло особого секрета). В одной из них – на вопрос, якобы заданный корреспондентом Белому: «как вы думаете провести ваш эмигрантский досуг?», последовал ответ: «единственная мечта устроить евразийскую поездку по Европе, Азии, Франции, Италии, вместе с Е. Г. Лундбергом и истребить все книги, какие только есть на белом свете»[11]. В другой – помещенной в рубрике «Издатели» – сообщалось: «В Берлине основывается кавказское книгоиздательство “Кура-Тифлис”, субсидируемое женевским инженером Я. С. Шрейбером. <...> Предполагаются к изданию грузинские сказки А. М. Ремизова на грузинском и армянском языках. Рукопись тщательно скрывается от Е. Г. Лундберга. В виду его близости к этому издательству, опасаются, как бы в припадке любви и боли Е. Г. Лундберг эту рукопись не сжег»[12].

[10] Близость Ремизова к «скифскому» кружку была перечеркнута появлением во втором альманахе «Скифы» (конец 1917 г.) критической статьи Иванова-Разумника «Две России» – резкого полемического выпада против ремизовского «Слова о погибели земли русской». Подробнее см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. зам. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. II.– СПб., 1998. С. 21–22; 11

[11] Бюллетени Дома И[illegible]в. – Берлин. 1922. 17 февраля. № 1–2. С. 35–36.

[12] Там же.

В самом начале мая 1922 г. появились еще несколько газетных заметок, сообщавших о возникновении «в противовес» Вольфиле нового философского общества под странным названием «Цвофирзон». Эти сообщения внесли элемент бурлеска в общий настрой эмигрантской культурной жизни на фоне заметно редеющего количества статей и объявлений о работе Вольной Философской Ассоциации. Автором анонимных публикаций также являлся Ремизов, который еще в России снискал себе славу изощренного мистификатора и выдумщика. Цвофирзон был естественным продолжением и своеобразным вариантом многолетней игры писателя – Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, собравшей к концу 1910-х годов людей искусства, способных к творческому «своеволию», широте взглядов и игровому восприятию действительности. Уже своим определением – «свободное философское содружество» – Цвофирзон декларировал идею объединения, под лозунгом которой протекала вся эмигрантская жизнь русской интеллигенции. Однако тенденция к воспроизведению русской интеллектуальной жизни, к своеобразному двойничеству, столь характерная для деятельности русских эмигрантов в Берлине, была доведена в ремизовских печатных розыгрышах до абсурда.

Мотивы создания мифического антагониста Вольфилы отражали не только индивидуальные рефлексии писателя, но и, в известной степени, общие настроения русской колонии. Цвофирзон не столько противопоставлялся берлинской Вольфиле, сколько претендовал на роль ее двойника или отражения, с той лишь разницей, что это, второе отражение (учитывая первое – петроградскую Вольфилу), кривлялось и блефовало. Цели и задачи собраний, заявленные в абсурдных названиях докладов и намеренной неконкретности исканий общества, представляли собой беспрецедентный фарс. Через подобную бессмыслицу Ремизов пытался поменять угол зрения на Вольную Философскую Ассоциацию, быть может, предлагая и самой

Вольфиле вглядеться в это кривое отражение. Подобная позиция согласовалась с мнением близких к Ассоциации людей, которые и тогда и позже выражали сомнения в том, что в эмигрантской среде можно воспроизвести атмосферу духовный исканий, интеллектуального братства, которой была наполнена их деятельность в России.

Когда к середине мая 1922 года болезненное состояние председателя ВФА достигло своего апогея, практически сошли на нет и заседания Вольфилы, а после так называемых «летних каникул» она так и не возобновила свою работу. Уже в начале сентября в Берлине возникла новая эмигрантская организация – «Русское *научно*-философское общество» [курсив наш – *публ.*], в составе которого оказались и те, кто еще недавно числился среди руководителей Вольфилы[13]. А спустя еще полтора месяца, 26 ноября 1922 года, после прибытия в Германию так называемого «философского парохода», значительно пополнившего ряды отечественных мыслителей-эмигрантов, в Берлине состоялось учредительное заседание Религиозно-философской академии, которую возглавил Н. А. Бердяев. Но это была уже принципиально новая глава в истории «Русского Берлина»; к тому времени ее коротенькая страница под названием «Вольфила» была перевернута.

[13] На учредительном собрании председателем совета РНФО был избран проф. В. В. Зенько[illegible]кий; в совет вошли проф. Н. И. Алексеев, проф. С. И. Гессен ([illegible] председателя), проф. Д. М. Койген, А. М. Лазарев, проф. П. [illegible]новгородцев, В. Э. Сеземан (секретарь), Д. И. Чижевский, Лев Ш[illegible]и Б. В. Яковенко. В газетной хронике также сообщалось: «Нач[illegible] конца сентября предполагается ряд научно-философских за[illegible]й и лекций. За справками просят обращаться к А. М. Лазар[illegible]ль. 1922. 10 сентября. № 542. С. 11; Накануне. 1922. 12 сент[illegible]131. С. 5).

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому[14]

Берлин. 17 ноября 1920 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Вследствие трудности сообщения я до сих пор не мог дать Вам знать об образовании «Скифов». Сегодня я подробно написал Разумнику Васильевичу о наших планах и о начале их осуществлений[15]. Я прошу Вас присылать нам все, что Вы найдете необходимым издать либо по-русски для России, либо по-немецки и по-французски для Запада. Ваш «Петербург» вышел здесь в очень хорошем переводе[16] и очень серьезно обсуждался в печати. Поэма «Христос Воскресе» сегодня вышла в свет по-русски[17], недели через две будет готов превосходный немецкий перевод ее. Если бы Вы прислали от 40 до 60 лирических стихотворений, наиболее полно характеризующих Ваше творчество в целом, мы бы издали их также по-русски и по-немецки. «Скифам» очень хотелось бы получить исключительное право перевода Ваших романов. В первую очередь, я бы настаивал на «Котике Летаеве». Полезно было бы издать по-немецки несколько основоположных философских статей Ваших.

«Скифы» хотели бы сделаться комиссионным издательством Вольной Философской Академии. Если это приемлемо – мне необходимо официальное звание. Разумнику Васильевичу пишу подробно об основании такого союза: мы бы работали по себестоимости. Благодаря участию опытного немецкого специалиста-техника мы работаем дешевле других изданий.

Как только нам удастся стать с Вами в более тесную непосредственную связь, будут улажены все наши денежные отношения.

С искренним приветом Евгений Лундберг.

[14] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 218. Л. 1–1об. Письмо напечатано на бланке издательства «Скифы» (Берлин–Милан).

[15] Ср. с дневниковой записью А. Блока от 30 января 1921 г.: «Весь день у нас Иванов-Разумник. Совещаемся об установлении сношений с Лундбергом в Берлине» (*А. Блок* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. – М.; Л., 1963. С. 401). См. также анонс издательства «Скифы», опубликованный в берлинском журнале «Русская книга» (1921. Февраль. № 2. С. 49).

[16] Роман Андрея Белого «Петербург» (в переводе Н. Штрассер) был издан в мюнхенском издательстве Георга Мюллера в 1919 г.

[17] Поэма Андрея Белого «Христос Воскресе» была опубликована в составе книги «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920), куда вошли также поэмы С. Есенина «Товарищ» и «Инония» и статья Иванова-Разумника «Россия и Инония».

Издательство «Скифы» в Берлине[18]

Возникшее в Берлине осенью нынешнего года[19] издательство «Скифы» проявляет кипучую и разностороннюю деятельность, благодаря большой энергии, трудоспособности и широкому подходу к делу его руководителя Е. Г. Лундберга. Сначала оно издало несколько (не очень удачных) книг политического содержания партийного характера (левых с.-р.). Особого успеха этим книгам [утопическим и нереальным], по-видимому, не суждено иметь ни в России, ни за границей. Потом оно перешло к изданию ряда новых поэтов, А. Блока, А. Белого, Есенина, Клюева, которых можно охарактеризовать как революционных славянофилов или, как они себя сами называют, «скифов». Некоторые из этих вещей – приемлемы они или неприемлемы, другой вопрос – прекрасны, как, например, «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока.

Но в последующей своей деятельности «Скифы» однако очень быстро «озападились» и все большее внимание стали обращать на издание книг по естествознанию, технике и практической жизни. Говорят о больших заказах, принятых ими для России. <...>

«Скифы» и «починка электрических машин» – немного как будто это не вяжется друг с другом. Но не будем особенно подчеркивать этого самоопровержения и порадуемся, что делается нужное и разумное дело, и что энергия русская не иссякла[20].

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому[21]

Berlin. 10 апреля <1921 г.>

Дорогой Борис Николаевич,

Получил две записочки от Вас. Будем летом поджидать Вас в Берлине. Спасибо за разрешение «Скифам» издавать Ваши произведения. Получили ли первые выпуски немецкой серии (2 в<ыпуска> Блока)[22], кот<орые> я Вам послал через Нар<одный> Ком<исса-

[18] Русская книга. 1921. Январь. № 1. С. 9.

[19] Очевидно, заметка была написана в самом конце 1920 г.

[20] См. также заметку «Издательство “Скифы”» (Русская книга. 1921. Февраль. № 2. С. 17), в которой было опубликовано письмо-опровержение Е. Лундберга.

[21] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1.

[22] Речь идет о двух сборниках «Gedichte» («Стихотворения») и «Skythen. Die Zwölf» («Скифы. Двенадцать»), которые вышли в берлинском издательстве «Скифы» в переводе Р. Зиверса в конце 1920 г.

риат> Просв<ещения>? Письмо это везет в Москву наш секретарь Е. Д. Зайцева, кот<орую> я очень Вам рекомендую и кот<орая> уполномочена позаботиться о пропуске Скифских изданий в Россию и о расширении работы издательства.

Искренне Вас уважающий и преданный Евг. Лундберг.

Письмо Андрея Белого к Е. Г. Лундбергу[23]

Петроград. 25 апреля <19>21 года.

Глубокоуважаемый Евгений Германович,

есть возможность Вам послать письмо; спешу ее использовать, – тем более, что собираюсь приехать в Берлин (хлопочу о выезде): приблизительно в июне если не запоздаю; я пробираюсь к жене, в Швейцарию; говорят, что в Швейцарию трудно приехать; буду вести хлопоты о разрешении выезда из Берлина; вероятно, придется в Берлине прожить не менее 3^{x} месяцев; и стало быть: надеюсь мне и с Вами видеться. Привезу Вам том, приготовленный Р. В. Ивановым[24], и том о «*Вольно-Филос<офской> Ассоциации*», постараюсь Вам привезти ряд рукописей (своих); ежели Вам захочется их переводить, то меня это очень выручит (стихи, статьи, повесть «Записки Чудака» и т. д.).

Меня озабочивает материальная сторона жизни в Германии; я продал все собрание сочинений Гржебину еще в 1920 году за чечевичную похлебку, – за то, что он будет субсидировать меня заграницей (а он и эту чечевичную похлебку свел почти к нулю). Я слышал, что в Германии у меня есть гонорар (у Вас); перед отъездом я хотел бы знать точно, в каком размере он (Р. В. Иванов определяет в несколько дес<ятков> тысяч марок, но мне важен не гадательный расчет, а твердый): я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы определили сумму гонорара и приблизительно сообщила на сколько месяцев эта сумма гарантирует мне жизнь; далее: в какое время могут выйти мои книги заграницей, какие именно и на какую сумму я могу приблизительно рассчитывать. Я озабочен всем этим вот почему: 1) еду к жене, 2) еду работать над «*Эпопеей*» (10 томная серия романов)[25]; поэтому, ради возможности писать спокойно, готов предложить что угодно из своих

[23] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 218. Л. 2. Письмо написано на бланке издательства «Скифы» (Берлин).

[24] Возможно, речь идет о книге «Оправдание человека».

[25] Общее название неосуществленной «серии томов» автобиографической романной прозы, к созданию которой Андрей Белый приступил в начале 1920-х гг.

вещей (для перевода), предложил бы и что угодно из проданных Гржебину, расторгнувши с ним (мне предлагают сумму, чтобы выплатить ему взятый аванс, но... я не уверен, что тогда первые месяцы сумею прожить заграницей, ведь я не знаю, в каком положении жена); «*Эпопея*», моя поездка и жизнь, все зависит от того, смогу ли я писать «*Эпопею*», т. е. буду ли я обеспечен. Если бы я был обеспечен Вашим издательством, я сумел бы развязаться с Гржебиным и с лихвой, предоставил бы Вам право печатать, что угодно. Если нет, я должен зацепиться за договор с ним (между нами говоря, варварский: съедающий меня), ибо по написанию 1го Тома он обязан мне платить за рукопись. В виду всего этого мне совершенно необходимо знать, какой гонорар я могу получить за «Христос Воскресе» у Вас; уезжая, часть гонорара (малую) я бы мог достать здесь и оставил маме (которая необеспечена); но для этого мне надо точно знать положение «*Скифов*» в Берлине и сумму моего гонорара. Жду Вашего ответа в Петрограде. Я служу в Нар<одном> Ком<иссариате> по Иностр<анным> Делам у Лигского. Уже в начале июня уезжаю, может быть, в Берлин (а может и застряну, -- все зависит от разрешения).

Буду ждать очень Вашего письма.

Получили ли Вы ответ мой на Ваше письмо?

Мы (Блок, Иванов-Разумник, Я, Штейнберг) ждем все вестей от Вас. «Вольно-Филос<офская> Ассоциация» очень деятельна (доклады, курсы, кружки для изучения важнейших проблем философии, науки, искусства), – но возможности печататься нет (бумаги нет).

Итак, остаюсь искренне преданный Вам Борис Бугаев.

P. S. Лучше всего обращение по адресу службы: Комиссариат по Ин<остранным> делам, Морская 3/5. Фундаментальная библиотека. Библиотекарю Б. Н. Бугаеву.

Письмо А. А. Шрейдера к Андрею Белому[26]

Berlin. 21 июля 1921 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич,

Очень расстроило меня Ваше письмо и стало совестно, что мы живем здесь буржуями – шоколад едим. Приезжайте без всяких сомнений. Правда, касса «Скифов» не очень полна, правда даже содержание Евгения Германовича и меня очень для «Скифов» чувствительно, но, разу-

[26] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1 Л. 3–3 об. Письмо напечатано на бланке издательства «Скифы» (Бер

меется, Вам могу гарантировать полную возможность, правда скромно, но уже, во всяком случае, не по-Питерски, жить и работать. А, может быть и не так уж и «скромно». Весьма возможно, что издание Ваших сочинений удастся устроить здесь, да и «Скифы» кое-что смогут напечатать. Во всяком случае, пусть материальные соображения Вас лично не смущают. Жить и работать Вы здесь сможете. Хочу только предостеречь Вас от одной опасности и пребольшой. При выезде из России Вы, может быть, соблазнитесь всякими мандатами и поручениями от разных «издатов», «иков», «ультов» и т. д. Это смерть. И в России канцелярия Вас чуть не убила. Здесь во сто крат хуже. Человек, попавший в «издат», или «хоз», или «культ» – погибает для литературы без возврата. Бегите от мандатов, от дел, приезжайте сюда писать. Вы, если не ошибаюсь, один – Вам могу гарантировать возможность работы.

С другими, в особенности семейными, – много хуже. Но и об их приезде нужно серьезно подумать. Необходимо было бы здесь создать нечто вроде настоящей Скифской *академии*, не лекций и побегушек, а подлинной работы для литературы. Без свежих сил из России вряд ли возможно. Немцы, которых мне пришлось здесь видеть, жалки до тошноты. Все эти Голичеры[27], Кайзеры[28] и т. д. и т. д. – маленькие, в человеческом смысле, – маленькие – до скуки.

Затеял здесь журнал. Продолжение московского «Знамени»[29]. Вокруг журнала хочется собрать молодое и живое – это не легко. Журнал может тоже пойти лишь с помощью России.

Я весь сейчас под впечатлением Вашей поэмы[30]. Пускаю ее всю целиком во 2-й номер русского издания «Знамени» – выйдет в начале августа.

Это «Евгений Онегин» 20-го века. Постараемся выпустить ее и отдельным изданием – немного позже, конечно, когда разойдется журнал.

Сейчас посылаем Вам всего 3 тысячи марок – кажется, это больше миллиона советскими. На дорогу и на время до отъезда хватит, надо думать.

[27] Артур Голичер (1858–1941) – немецкий прозаик и публицист.

[28] Рудольф Кайзер (1889–1964) – немецкий прозаик и публицист, редактор берлинского журнала «Die Neue Rundschau».

[29] Подразумевается издаваемый «Скифами» одноименный «Временник литературы и политики под редакцией Александра Шрейдера».

[30] Речь идет о поэме «Первое свидание» (*Знамя*. 1921. Август. № 2. С. 1–12). Книжное издание вышло в свет в берлинском издательстве «Слово» в сентябре 1922 г.

Итак, приезжайте обязательно – не засиживайтесь. Вы пробьете брешь – за Вами перевезем и остальных. А пока шлите рукописи, всех, всех – стихи, романы, повести, статьи – всё, всё – всё – беллетристическое и не очень длинное, в особенности, – пойдет и очень нужно.

Глубоко уважающий Вас А. Шрейдер.

Из письма А. А. Шрейдера к Андрею Белому[31]

Москва 1-го сент<ября> 1921

Необходимо повидаться. Эта необходимость чувствуется тем острее теперь, что после того, как удалось выхлопотать Вам право на выезд за границу, реально встает вопрос об организации «Скифской Академии» в Берлине и вообще об организации там нашего литературного центра.

Я хочу верить, что удастся выхлопотать право поездки за границу месяца на 2–3 и для К. Эрберга и для Аар<она> Зах<аровича> и Раз<умника> Вас<ильевича>. Если бы это осуществилось – у нас в Берлине литературная деятельность была бы крайне оживлена и журнал наш и издательство заработали бы на славу <...>.

Всем нам перед Вашим отъездом необходимо было бы повидаться и переговорить сообща.

Командировочное удостоверение[32]

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации Члену Президиума и Ученому Секретарю тов. Арону Захаровичу ШТЕЙНБЕРГУ в том, что он, на основании пунктов г, д. е. параграфа 4-го Устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10-го Октября 1919 года, – командируется заграницу на трехмесячный срок с целью: 1) организации русско-германского отделения Ассоциации в Берлине, 2) приглашения в Петербургское и Московское отделения ряда заграничных деятелей науки и искусства для участия в работах Ассоциации в России, 3) установления постоянной связи между Вольной Философской Ассоциацией и родственными Учреждениями заграницей и с целью 4) ознакомления с научно-фи-

[31] Цит. по изд.: *Я. В. Лес* к истории взаимоотношений левого народничества и «скифов» // Ли графический альманах. 7. С. 468.

[32] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5 98. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу кой В. В. Бакрылова: «№ 111. 30/IX–21 г.».

лософской европейской литературой последнего семилетия.

Председатель.

Секретарь.

Командировочное удостоверение[33]

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации Члену-Сотруднику-поэту Сергею Александровичу ЕСЕНИНУ в том, что он, согласно пункта *г* параграфа 4-го Устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10 октября 1919 года, командируется на трехмесячный срок заграницу с целью организации при учреждаемом в Берлине Отделения Ассоциации Русско-Германского Союза поэтов, родственных по направлению деятельности Вольной Философской Ассоциации.

Письмо А. А. Шрейдера к Р. В. Иванову-Разумнику и А. З. Штейнбергу[34]

<Берлин> 4 окт<ября> 1921.

Дорогие Разумник Васильевич и Аарон Захарович,

Получили Ваше письмо. К сожалению, в нем не все, что нужно. Анкета А<арона> З<ахаровича> должна быть в 2[х] экземпляр<ах>; 2[й] экз<емпляр> необходимо прислать в срочном порядке. О Вольфиле почти ничего не слышно. Устав передам.

Не знаю, смогу ли приехать в Питер – еще не имею паспорта на руках, а без него ехать не хочу. С изданием журнала дела идут все лучше и лучше. Это дело теперь обеспеченное. Поэтому необходимо самым серьезным образом заняться сейчас составлением основного ядра для немецкого журнала (о русском искусстве и литер<атуре>)[35] и подыскания редактора. Я думаю, что лучше К. Эрберга Вы не найдете, как ни мудрите, и потому, конечно, необходимо уговорить его взяться за дело. Ра-

[33] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 99. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 112. 30/IX–21 г.». В книге воспоминаний Н. И. Гаген-Торн документ воспроизведен с неточностями. См.: *Н. И. Гаген-Торн.* Memoria. С. 45. С. Есенин приехал в Берлин вместе с Айседорой Дункан в мае 1922 г.

[34] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 348. Л. 2–2 об. Письмо написано на бланке издательства «Скифы» (Берлин). На письме пометы А. З. Штейнберга: «вернуть Р. В. Ив<анову>» и Иванова-Разумника: «Письмо А. Шрейдера».

[35] Несостоявшийся издательский проект.

зумник Васильевич расскажет ему подробно о плане издания, если необходимо, я приложу свои соображения письменно. Кроме того, для русского журнала о Западно-Европейском искусстве и литературах[36] необходимы вводные теоретические статьи по вопросам теории и философии творчества. (Это статьи для русского читателя т<ак> что можно не стесняться ни цитатами, ни формой изложения – для статей, предназначенн<ых> для наш<его> издания, необходимо помнить о неподготовленной Зап<адно->Евр<опейской> аудитории). Некоторая сумма денег (не очень малая) будет в самом скором времени, т<ак> что все статьи будут оплачены по хорошим ставкам, кот<орые> редакция установит *сама* (по «соглашению» со мною – Вам carte blanche[37]).

Итак, очень прошу Вас сейчас написать мне, как Вы себе представляете редакцию нем<ецкого> журнала и кого Вы предлагаете привлечь. Я был бы Вам крайне благодарен, если бы Вы немедля принялись за дело. Первые номера нужно издать поскорее. Мне представляется, что сейчас необходимо озаботиться приисканием материалов по след<ующим> вопросам: 1) для русского издания – по общим вопросам теории и философии творчества (мне казалось бы возможным привлечь всех от А. Горнфельда до В. Шкловского и Хлебникова. К. А. Эрберг, разумеется, даст основную вводную статью. 2) для немецкого издания – 1) те же вводные статьи, приспособленные мной для западн<ого> читателя, 2) статьи-обзоры <за> 7 лет, критико-библиографического характера а) о литературе, б) о живописи, в) о скульптуре, г) об архитектуре, д) о музыке, е) о театре, 3) библиографию по всем этим вопросам, 4) статьи в каждой области, характеризующие взаимоотношения между материалом творчества и содержанием, вообще о «фактуре», о материале, его значении – в каждой области отдельно, 5) биографии лиц и учреждений, автобиографии лиц и учреждений (что я под этим подразумеваю, я уже говорил Разумнику Васильевичу), история установлений и культурных учреждений, их жизнь, их смысл, 6) статьи о «социальной значимости» наиболее интересных явлений, теорий, настроений (о преломлении в глазах критики читателя вообще, – массы, толпы, о влиянии на быт, нравы etc.)

Я абсолютно ничего не хочу навязывать Вам – это лишь мои соображения, могущие лечь в основу. Я бы очень хотел иметь вводные статьи для русского издания до моего отъезда. Я хотел бы также знать имена привлекаемых сотрудников. Уверен, что издание Вас всех заинтересу-

[36] Вероятно, первонача[illegible]мысел, *реализованный позже в виде журнала «Вещь».*

[37] полная свобода дейст[illegible]

ет – деньги будут и, кажется, очень большие, заинтересовал очень большого капиталиста – нужно только «товар лицом показать». Я сделаю все возможное, чтобы приехать. Привет. Преданный Вам А. Шрейдер.

План издания «Вестника всех искусств» – «Скифы» – Берлин[38]

Вестник всех искусств: «Скифы» издается на двух языках – русском и немецком. Русское издание ставит своей задачей ознакомление русского читателя в России и заграницей с Западно-Европейскими литературами и искусством за период времени с начала войны по наши дни. Немецкое издание имеет целью дать полную картину жизни русской литературы и искусства за тот же период времени. Оба журнала издаются по следующей программе:

1) Общая теория и философия творчества. 2) Литература. 3) Живопись. 4) Скульптура. 5) Архитектура. 6) Музыка. 7) Театр.

Каждое издание выходит в свет ежемесячно тетрадями в 80 страниц большого журнального формата с многочисленными иллюстрациями. В русском издании иллюстрации в несколько красок, в немецком издании иллюстрации одноцветные, за невозможностью доставить за границу необходимые русские оригиналы. В каждом номере от 50–80 клише (картин, рисунков, нот, чертежей) в тексте и на отдельных листах. Журнал издается на лучшей меловой бумаге, причем используются все новые способы воспроизведения иллюстративного материала (Umdruckverfahren[39] – Офсет, Гравюра, Литография, Меццо-Тинто и пр.).

Первый отдел обоих изданий – общая теория и философия творчества – ведется под общим руководством русских художественных критиков и теоретиков искусства. Ставя перед собой в первую очередь задачи самой широкой информации, журнал представляет в этом отделе возможность сторонникам различных школ и направлений современного искусства изложить свои общие теоретические положения. К ближайшему участию в этом отделе привлечены наиболее видные представители различных школ современного искусства: Андрей Белый, А. Г. Горнфельд, В. Хлебников, В. Шкловский, К. Малевич, К. А. Эрберг, Г. Шпет и мн<огие> др<угие>. Общее руководство и редакция этого отдела поручается Конст. Эрбергу.

[38] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 348. Л. 3–8. План издания был подготовлен А. А. Шрейдером, вероятно, в ноябре 1921 г. На первом листе более поздняя помета карандашом рукой неустановленного лица: «1921 год (?)».

[39] всевозможные способы печати (*нем.*).

Каждый из остальных отделов журнала, как русского, так и немецкого, разбиваются на следующие четыре секции:

1) О материале творчества. В этой секции трактуется о влиянии *материала* на форму и содержание художественных произведений. О языке – в поэзии, о краске, полотне, картоне, кисти – в живописи, о мраморе, дереве, камне – в скульптуре, о дереве, бетоне, камне – в архитектуре, об инструменте – в музыке, о жесте, о теле актера, о гриме, о сцене – в театре и т. д. и т. д.; и в первую голову, о взаимовлиянии материала и форм творчества. В этой же секции трактуются вопросы о формах творчества и формах художественных творений (лирическое стихотворение или поэма, соната или роман и т. д.). Всем этим вопросам, ставшим в порядок дня особенно ясно, лишь за последние годы уделяется возможно бо́льшее внимание. В этой же секции

2) О содержании творений. Это остов журнала. В этой секции даются полные обзоры всего, что написано, сделано, подготовлено во всех областях искусства и литературы за истекшие 7 лет. Даются также самые полные обзоры новостей текущей литературной и художественной жизни. Эта секция иллюстрируется особенно полно многочисленными репродукциями с картин, рисунками, чертежами, нотами, цитатами из наиболее интересных художественных произведений.

3) О «социальной значимости» различных теорий, школ, произведений, о влиянии их на ход современной жизни, об отражении в них веяний эпохи, о влиянии их на нравы, обычаи, моды, о влиянии их на формирование общественного мнения (обзор критической литературы) и т. п.

4) Библиография, Биография и Автобиография. В этой секции каждого из отделов будут даны подробные списки всех вновь вышедших книг, обзоры литературы по отдельным вопросам, критические отзывы о наиболее замечательных и необходимых книгах. Особое внимание будет уделено «автобиографии» лиц и учреждений и теорий – т. е. руководители различных школ, течений, направлений сами будут излагать рост и развитие их идей. В связи с объективными материалами второй и третьей секций подобные автобиографические сведения дадут самую полную картину жизни различных направлений в искусстве. В этой же секции будут даны материалы по истории наиболее значительных художественных и культурных установлений (театров, академий и пр.)

Первый номер русского издания посвящается искусству и литературе Германии за истекшие [illegible].

К участию в отделе немецкой литературы привлечены, под общим руководством проф. Ф. [illegible]на, наиболее видные представители

современной немецкой литературы: Maria-Rilke[40], Б. Келлерман[41], Ласкер Шюлер[42], Рейнгольд фон Вальтер[43], Макс Пикар[44], Голитчер, В. Трегер, Р. Кайзер, Лу Андреас-Саломе[45] и мн<огие> др<угие>.

Отдел немецкой живописи – при ближайшем участии Т. Дейблера[46].

Отдел скульптуры – скульптора Барлаха[47].

Отдел архитектуры – члена Вай Rat'a арх<итектора> Мендельзона[48].

Отдел музыки – под редакцией Эрнеста Пэнгу[49].

Отдел театра – под редакцией Dr. Hans Knudsen[50], ред<актора> журнала «Сцена», т<оварища> пред<седателя> союза режиссеров.

Следующие номера русского журнала будут посвящены искусству Франции, Англии и Италии.

К участию в составлении немецкого номера о русском искусстве привлечены: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, К. А. Эрберг, А. Г. Горнфельд, Е. Г. Лундберг, Г. Шпет, В. Шкловский, В. Мейерхольд, Малевич, Г. Якулов[51], Л. Лисицкий[52], П. Муратов, А. Бенуа, Л. Сабанеев[53]

[40] Райнер Мария Рильке (1875–1926) – австрийский поэт и прозаик. Об интересе Рильке к послереволюционной русской культуре и, в частности, к творчесву А. Блока, свидетельствует его письмо к Р. фон Вальтеру от 6 апреля 1921 г. Подробнее см.: Рильке и Россия: Письма. Дневники, воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. Азадовский. СПб., 2003. С. 97–98.

[41] Бернхард Келлерман (1879–1951) – немецкий прозаик.

[42] Эльза Ласкер-Шюлер (Lasker-Schüler Else; 1869–1945) – писательница.

[43] Рейнгольд (Рейнгард) фон Вальтер (1882–1965) – немецкий поэт, переводчик; родился и вырос в России; в Германии – с 1918 г. См.: Письма Р. Вальтера Блоку / Публ. В. В. Дудкина // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 305–308.

[44] Макс Пикар (M. Picard; 1888–1965) – немецкий писатель.

[45] Лу (Луиза Густавовна) Саломе (в замуж. Андреас; 1862–1938) – писательница русского происхождения, близкий друг Г. Гауптмана, Ф. Ницше, Р.-М. Рильке, З. Фрейда.

[46] Теодор Дейблер (1876–1934) – немецкий художник.

[47] Эрнст Барлах (1870–1938) – немецкий скульптор.

[48] Эрих Мендельзон (1887–1953) – немецкий архитектор.

[49] Возможно, Густав Эрнест (1858–1941) – пианист, композитор, музыковед.

[50] Ганс Кнудсен (1886–1943) – немецкий театровед.

[51] Георгий Богданович Якулов (1884–1926) – театральный художник, график.

[52] Лазарь Маркович Лисицкий (псевд. Эль Лисицкий; 1890–1941) – художник.

[53] Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968) – музыковед, композитор.

и мн<огие> др<угие>.

Смета. <...>

Редакция отделов журнала на нем<ецком> языке намечается приблизительно следующая:

Общая теория – К. Эрберг.

Литература – Р. В. Иванов-Разумник (в Берлине А. Белый и Е. Г. Лундберг).

Живопись, графика, скульптура } Игорь Грабарь[54], П. Муратов, А. М. Эфрос[55] (они привлекают А. Бенуа и художников все направлений)

Музыка – Л. Сабанеев.

Театр – В. Мейерхольд, А. Таиров[56], Вл. Ив. Немирович-Данченко[57].

Т<аким> обр<азом> на Питер падают заботы об общей помощи изданию, о содействии при привлечении сотрудников и об особом наблюдении за отделами литературы и теории творчества. Я думаю, что Вы не откажетесь – вся Вольфила – взять на себя этот труд и в ближайший же срок сообщите мне через И<саака> З<ахаровича> <Штейнберга> (по почте), какие статьи, какие обзоры Вы хотите дать в первую очередь. Я уверен, что у нас дело пойдет хорошо и быстро.

Я очень опечален, что не могу свидеться с всеми Вами лично, но так обернулись дела мои.

Всех обнимаю. Ваш А. Ш<рейдер>.

В Советской России[58]

Андрей Белый

Ковно, 4 ноября.

Прибыл из Москвы известный поэт Андрей Белый. В Ковне писатель пробудет неделю, а потом выезжает в Берлин.

[54] Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – художник, искусствовед.

[55] Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) – искусствовед, литературный критик, переводчик.

[56] Александр Яковлевич Таиров (1885–1950) – театральный режиссер.

[57] Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943) – режиссер, один из создателей и руководителей Московского Художественного театра.

[58] Последние новости (Берлин). 1921. 5 ноября. № 477. С. 2.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга[59]

Ноябрь. Берлин

Приехал Андрей Белый[60]. Живет у меня. Сходимся поздно вечером, говорим за полночь. Последние мои реплики сквозь сон. Белый недовольно притихает.

Когда Белый получил в Москве разрешение на выезд за границу, начались хлопоты о немецкой визе. Способы получения ее обсуждались в квартире Г. Г. Ш.[61] Случайно оказалась Е. Д.[62], знакомая с одним из ученых сотрудников министерства иностранных дел. Ученый чиновник следит за русской литературой, в курсе новейших ее течений. Решено написать ему письмо. Как полагается в таких случаях – в самых изысканных формах эпистолярного стиля. <...>

Письмо возымело действие. После хлопот любителя русской словесности соответствующие власти впустили А. Белого в Германию.

Для меня его присутствие имеет огромное значение. Это первый писатель, которого я вижу вплотную за два года скитаний и работы[63]. Он неумолчно говорит, то присаживаясь на корточки, то словно готовясь к прыжку, то победительно откидывая назад корпус и негасимо светясь узкими лукавыми глазами, а я примеряю волокна собственной мысли к его мыслям.

Я огрубел и опростился за эти годы. Сложность писательских восприятий загнана куда-то вглубь и придавлена – делами. Народилось новое чувство – потребность биографической целеустремленности, – исподволь вытесняющее вкус к неожиданностям и метаморфозам. Я подчинился отбору, который делает революция если не в мыслях, то в поступках. Стал менее свободным. И предал литературу. Римские свечи и ракеты Белого и пленяют меня, и вызывают зависть, и утомляют

[59] *Е. Лундберг.* Записки писателя. 1920–1924. Т. II. – Л., 1930. С. 190–191.

[60] Андрей Белый приехал в Берлин 18 ноября.

[61] Густав Густавович Шпет.

[62] Е. Д. Зайцева – секретарь берлинского издательства «Скифы».

[63] Ср. с позднейшими комментариями Конст. Эрберга к письмам, сохранившимся в его архиве: «После кипучей редакционной и всякой другой литературной деятельности в Москве Лундберг, неожиданно для всех, пропал. Это было летом 1919 г., когда он уехал в отпуск. Вынырнул он в Берлине, где, оказывается, работал в издательстве "Скифы" у Френкеля и где связался с представителем Наркомпроса в Берлине Захаром Григ. Гринбергом. Письма из Берлина шли тогда с большим опозданием <...>, а Лундберг все слал и слал письма, в которых удивлялся, что никто из петроградцев ему не отвечает» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 76).

бесплодием. Я не скажу, чтобы незаметно происходящие в строе души перемены дали мне покой и удовлетворение. Но нет и пути назад, да я бы его и не взял.

Недели две-три после приезда А. Белый «свободен», а там вокруг него эмигрантщина начинает плести свое плетево. Искательно улыбается Гессен[64]. Влекут к себе издательства. Белый раздражен, что надо сделать какой-то выбор. Бурно декламирует о свободе и понимает сам, что это – только декламация. Ему бы писать, влиться в немецкую литературу, не порывать с Россией, иметь келью под елью – и не пачкаться в исторических спорах. Он – ничей, а надо быть чьим-то. Какая тоска! Какая досада! Как рыба, посверкивая чешуей, вьется он среди раскинутых вокруг сетей. Вот радостно ахнул Гессен – завтра репутация Белого будет подмарана комплиментами в «Руле». Ведь основная публицистическая задача Гессена по отношению к писателям – подмарать, связать, испортить отношения. Но Белый уже в объятиях «Скифов». Скифский портфель обогащается статьями, а в кафе вместо важной кадетской лысины реют над «челом» Белого черные перья шрейдеровской шевелюры и звучит его взвизгивающий смех...[65]

[64] Речь идет об Иосифе Владимировиче Гессене (1865–1943) – юристе, публицисте, одном из лидеров партии кадетов, редакторе берлинской газеты «Руль».

[65] Ср. с воспоминаниями Андрея Белого (где автор фигурирует под именем «некто»), которые, как и повествование Лундберга, обращены к советскому читателю: «“Некто” встретился в Шарлоттенграде с знакомым деятелем революции 18 года, сотрудником газеты “Новый мир”; знакомый любезно дал в первые дни у себя приют “некто”; и в первую ночь говорили они о России; и “некто” рассказывал о духе жизни в Советской России; но неожиданно знакомый сказал: говорите потише: ведь стены здесь тонкие, ведь за стеной, непосредственно примыкая, быть может, к стене своим ухом в постели лежит сам Иосиф Владимирович Гессен”. Присутствие редактора “Руля” обнаружилось на следующий день – за табль д'отом; и “некто” с знакомым вели разговор о Советской России с ним; и все трое отстаивали свои точки зрения в пределах корректности, что не мешало “Рулю” очень скоро (когда собеседники поразъехались из общего пансиона) начать выпады против вольно-философской ассоциации, открытой при участии “некто”: ассоциация подозревалася в большевизме; знакомый же “некто”, с которым редактор “Руля” преспокойненько проживал, объявлен был тем же “Рулем” чуть ли не большевистским агентом» (*Андрей Белый. Одна из обителей царства теней. – Л., 1924. С. 27–28).

Хроника[66]

30-го ноября 1921 г. в помещении издательства «Скифы» в Берлине состоялся вечер сотрудников и друзей «Скифов». Присутствовавшие на вечере Андрей Белый, Р. Р. Вальтер, Зин. А. Венгерова, Е. Г. Лундберг, Н. Минский[67], С. Ремизова-Довгелло, А. М. Ремизов, др. Заале, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И. Эренбург[68] взяли на себя инициативу организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации. Были утверждены три основные пункта устава Вольфилы:

1. В Берлине открывается отделение Вольной Философской Ассоциации, главная цель которой – изучение кризиса культуры, жизни и мысли[69].

2. Вольфила разделяется на два отделения: научное (для изучения вопросов культуры и жизни) и научно-популярное.

3. Членами Вольфилы могут быть все ищущие.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы.

Отделение Вольфилы в Берлине[70]

30-го ноября 1921 г. в помещении издательства «Скифы» в Берлине состоялся вечер сотрудников «Скифов». Присутствовавшие на вечере Андрей Белый, Р. Р. Вальтер, Зин. А. Венгерова, Е. Г. Лундберг, Н. Минский, С. Ремизова-Довгелло, А. М. Ремизов, д-р. Заале, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И. Эренбург взяли на себя инициативу организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации. Были утверждены три основных пункта устава Вольфилы:

[66] Руль. 1921. 3 декабря. № 318. С. 4.

[67] Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин; 1856–1937) – поэт, философ, публицист.

[68] Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967) – поэт, прозаик, публицист.

[69] Апелляция к книгам Андрея Белого «Кризис жизни», «Кризис мысли» и «Кризис культуры» (1912–1918), которые позже были изданы З. И. Гржебиным под общим заглавием «На перевале» (Берлин; Пб.; М., 1923).

[70] Новый мир. 1921. 4 декабря. № 259. С. 2. В сокращенном виде эта информация была опубликована также в «Голосе России» (1921. 4 декабря. № 831. С. 1).

1). В Берлине открывается отделение Вольной Философской Ассоциации, главная цель которой – изучение кризиса культуры, жизни и мысли.

2). Вольфила разделяется на два отделения: – научное (для изучения вопросов культуры и жизни) и научно-популярное.

3). Членами Вольфилы могут быть все ищущие.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем – Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы. Секретарем избран Александр Шрейдер.

Вольная Философская Ассоциация основана два года тому назад в Петербурге А. Блоком, А. Белым, Р. В. Ивановым-Разумником, А. Ремизовым, А. З. Штейнбергом и Конст. Эрбергом. Вольфила в течении последних лет была единственным центром свободной философской мысли в России. Доступ в Вольфилу был широко открыт для всех. Вольфила имеет сейчас постоянную аудиторию в тысячу человек. Труды Вольфилы, стенограммы ее закрытых и публичных заседаний составляют многие томы. В настоящее время в Петроградском отделении Вольфилы намечен цикл лекций о Достоевском – Достоевскому будет посвящено до 20 докладов. Из наиболее интересных предыдущих циклов отметим серию докладов о культуре и цивилизации, о религиозных исканиях, о язычестве, иудаизме и христианстве. В августе месяце состоялся в Вольфиле вечер, посвященный памяти Александра Блока.

В октябре с. г. открылось отделение Вольфилы в Москве при участии А. Белого, Н. Бердяева, М. О. Гершензона, Нилендера, Новомирского, С. Д. Мстиславского, С. М. Соловьева, И. Столярова, Г. Г. Шпета, А. Шрейдера и А. З. Штейнберга. На учредительном собрании присутствовали также прибывшие из Петрограда Иванов-Разумник и А. З. Штейнберг. Первое публичное заседание Вольфилы было посвящено памяти Ф. М. Достоевского. С докладом выступил А. Белый. В прениях по докладу приняли участие С. Д. Мстиславский, Г. Г. Шпет, Н. Столяров и Новомирский.

Хроника[71]

– 5-го декабря в кафе «Ландграф» состоялось организационное заседание учредителей Вольной Философской Ассоциации («Вольфилы»), ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества вне всякой партийности и политических устремлений.

Намечен ряд докладов и лекций.

Членами Совета «Вольфилы» избраны: Андрей Белый (предс.), проф. Ф. А. Браун (тов. предс.), Р. Р. Вальтер, З. А. Венгерова, д-р. В. Заале, проф. Д. Койген, Е. Г. Лундберг (тов. предс.), Н. М. Минский (тов. предс.), А. М. Ремизов, С. Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетн. предс.), Александр Шрейдер (секрет.), И. Эренбург и проф. А. Ященко[72].

Действительными членами «Вольфилы» избраны: Р. Абрамович[73], Р. Бланк[74], Н. Н. Белоцветов[75], Вл. В. Вальтер[76], И. В. Гессен, М. М. Гу-

[71] Голос России. 1921. 10 декабря. № 836. С. 3.

[72] Александр Семенович Ященко (1877–1934) – юрист, библиограф, редактор берлинских журналов «Русская книга» (1921) и «Новая русская книга» (1922–1923).

[73] Рафаил Абрамович Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963) – меньшевик; в эмиграции один из руководителей Бунда.

[74] Реубен Маркович Бланк (1866–?) – историк, публицист; в Берлине вышла его книга «Иуда Искариот в свете истории. Очерк результатов критического исследования исторического содержания Евангелий» (1923).

[75] Николай Николаевич Белоцветов (1892–1950) – поэт, философ, переводчик драм-мистерий Р. Штейнера.

[76] Предположительно Владимир Викторович Вальтер – сын скрипача и музыковеда Виктора Григорьевича Вальтера (1865–1935). Вл. Вальтер в двух статьях, опубликованных в «Руле» накануне первого организационного заседания берлинского отделения ВФА, – «Еще о "них" и о "нас"» (1921. 26 ноября. № 312. С. 2–3) и «Грядущие задачи» (29 ноября. № 314. С. 2–3) высказался в пользу установления общего знаменателя между эмигрантским самосознанием и духовными поисками интеллигенции, оставшейся в советской России. Ср.: «То волнение, с которым читается эта изумительная „Переписка" [Речь идет о «Переписке из двух углов Вяч. Иванова и М. О. Гершензона. – *В. Б.*], те совпадения <...> с некоторыми течениями эмигрантской мысли (сборник "Евразийцев") с необычайной яркостью показывает, что эмиграция, физически отделенная от оставшихся там, в лучшей, думающей своей части, мучается теми же муками, что и те, родные нам по духу заключенные совдепии» (№ 314. С. 3).

ревич[77], проф. А. Лютер[78], Е. Д. Зайцева, С. Каплун[79], Ю. О. Мартов[80], С. Поляков (Литовцев)[81], М. Р. Сегалова, П. Сувчинский[82], В. Б. Станкевич[83], А. Н. Толстой[84], проф. Н. М. Федоровский[85] и Г. В. Франк[86].

В понедельник 12-го декабря 1921 г. в кафе «Ландграф» (Курфюрстенштрассе) состоится первая закрытая беседа «О Вольфиле» при

[77] М. М. Гуревич – вдова философа Арона Владимировича Гуревича (1876–1902) и автор биографического очерка о нем в кн.: *Гуревич А. В.* Философские исследования и очерки. [М., 1914]. С. VII–XXXI.

[78] Артур Федорович Лютер (1876–1955) – немецкий историк, переводчик и издатель русской литературы. Подробнее о его деятельности см.: Блок в Германии / Обзор В. В. Дудкина // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 244–289.

[79] Соломон Гитманович Каплун (псевд. Сумский; 1891–1940) – журналист, заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха».

[80] Юлий Осипович Мартов (наст. фам. Цедербаум; 1873–1923) – один из руководителей РСДРП, меньшевик.

[81] Соломон Львович Поляков (псевд. Литовцев; 1875–1945) – журналист.

[82] Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – музыковед, один из теоретиков «евразийства».

[83] Владимир Бенедиктович Станкевич (1884–1969) – историк, автор «Воспоминаний. 1914–1919», изданных в Берлине в 1920 г.

[84] Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) – прозаик.

[85] Председатель Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) в Берлине Николай Михайлович Федоровский (1886–1956) спустя два дня после этой публикации выступил в берлинском «Новом мире» с «Письмом в редакцию»: «В „Голосе России“ от 10. 12. с. г. помещена заметка об избрании меня в действительные члены „Вольфилы“. Считаю своим долгом сообщить, что кандидатура моя была поставлена без моего ведома и что избрание мое состоялось в мое отсутствие. Н. Федоровский» (1921. 13 декабря. № 266. С. 4).

[86] Редактор и автор предисловия «Справочника-альманаха» (Берлин: «Аргонавты». 1922). Г. В. Франк опубликовал на страницах книги статью «Круговорот истории» (1921), где высказался на тему исторической миссии России с оптимистических позиций, близких «скифству». Ср.: «Варвары, от которых древний Рим ждал лишь меча и насилий, предстали пред изумленными галло-романскими народами правдивыми, мудрыми и кроткими исполинами. Но кто знает, не до[illegible]ли и новый Рим творческие начала обновленной духовной культуры [illegible]но оттуда, откуда огромнейшая часть его народов этого совершенно [illegible]. Богатыри духа внесли новую жизнь в безбожный, падший древний [illegible] таинственном круговороте истории рано или поздно опять должен [illegible]ть момент, когда снова „свет с востока“ внесет новую жизнь в отмир[illegible]ей и наполовину уже бесчувственный старый мир Европы» (С. 184–

участии членов Совета, действительных членов и гостей по приглашению членов Совета. Первая публичная лекция состоится 19-го декабря, лекция Н. М. Минского: «От Данте к Блоку»; затем 26-го декабря – лекция Андрея Белого: «Ветхий и Новый Завет»[87].

Вольфила[88]

5-го декабря 1921 года, в Берлине, в кафе Ландграф состоялось организационное заседание учредителей Вольной Философской Ассоциации)»Вольфилы»), ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, вне всякой партийности и политических устремлений.

Намечены следующие доклады и лекции: 1) Андрей Белый: «Ветхий и Новый Завет», «О культуре» и «Александр Блок как философ»; 2) Проф. Ф. А. Браун: «О происхождении языка»; 3) З. А. Венгерова: «О Тагоре» и «Бог у Уэллса»; 4) С. Каплун: «Об утопическом социализме»; 5) Е. Г. Лундберг: «Опыт комментария к Фаусту» и «Об исканиях А. Чехова»; 6) Н. М. Минский: «Власть и Труд», «Нужна ли религиозная истина» и «От Данте к Блоку»; 7) Александр Шрейдер: «Философия гнева»[89]; 8) И. Эренбург: «Об оправдании вещи»; 9) Проф. А. Ященко «Бартолус».

Членами Совета Вольфилы избраны: Андрей Белый (предс.), Проф. Ф. А. Браун (тов. предс.), Р. Р. Вальтер, З. А. Венгерова, Д-р. В. Заале, Проф. Д. Койген, Е. Г. Лундберг (тов. предс.), Н. М. Минский (тов. предс.), А. М. Ремизов, С. Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетн. предс.), Александр Шрейдер (секрет.), И. Эренбург и Проф. А. Ященко.

Действительными членами Вольфилы избраны: Р. Абрамович, Р. Бланк, Н. Н. Белоцветов, Вл. В. Вальтер, И. В. Гессен, М. М. Гуревич, Проф. А. Лютер, Е. Д. Зайцева, С. Каплун, Ю. О. Мартов, С. Поляков (Литовцев), П. Сувчинский, В. Б. Станкевич, А. Н. Толстой, Г. В. Франк.

[87] Запланированные на декабрь беседы и публичные заседания Вольфилы не состоялись.

[88] Новый мир. 1921. 11 декабря. № 265. С. 4. В сокращенном виде эта информация была также опубликована в петроградском журнале «Вестник литературы» (1922. № 23. С. 38).

[89] В архиве Иванова-Разумника сохранилась рукопись А. Шрейдера «Философия гнева. Очерки философии народничества», начатая в Бутырской тюрьме и датированная 15 февраля 1919 – маем 1921 гг. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 166). Книга была опубликована берлинским издательством «Скифы» под названием «Очерки философии народничества» в 1923 г.

Из письма С. П. Ремизовой-Довгелло к З. Н. Гиппиус[90]

Берлин. 10 декабря 1921 г.

...приехал Шестов, он непримиримый, и вообще, и я, и А. М. [Ремизов] его любим, после его лекции[91] пошли в кафе, был Лундберг, они с Шестовым давно знакомы, и увязались за нами еще какие-то люди, много и в том числе Эренбург, оказалось Шестову надо было остановиться, и Эренбург ему уступил свою комнату и поэтому ходил за ним *по пятам*. Так было 2 раза, и потом на другой день появилась заметка, что устраивается Вольная философс<кая> Ассоциация, и там и я перечислена. Я тогда же расстроилась, но подумала, что не стоит отвечать, п<отому> ч<то> меня в сущности никто не знает, а будто бы вле-

[90] Amherst Center for Russian Culture. Архив З. Гиппиус и Д. Мережковского.

[91] Л. Шестов выступал в Берлине с лекциями о Достоевском 23 и 30 ноября 1921 г. в зале Secession, Kurfürstendamm, 232. Анонсируя выступления (одно *из них ошибочно, 27 ноября*), *«Руль»*, *в частности*, писал: «Имя лектора пользуется большой известностью как одного из выдающихся знатоков творчества Ф. М. Достоевского. В предстоящих лекциях Л. Шестов познакомит аудиторию с основными положениями своего нового большого труда о Достоевском» (23 ноября. № 309. С. 5). Ср. также с информацией в рубрике «Rossica» журнала «Летопись Дома Литераторов»: «23 и 30 ноября Лев Шестов прочел в Берлине два доклада о Достоевском. Докладчик охарактеризовал Достоевского как человека с двойным зрением. В "Записках из подполья" многие увидели только самообличение, но это величайшее мировое произведение. Бред это или галлюцинация – этого не знал сам Достоевский. Один из отрывков "Записок из подполья" кончается словами: "Постойте! Дайте дух перевести!" "Дух перевести" приходится и читателю. Отличием Достоевского от древних философов является нарушение им законов о незыблемости правил. Достоевский переступил через правила. Он старается отгадать психологию решительных людей, но это ему не удалось, он пришел к выводу, что решительных людей нет, есть только великие решения, идущие вразрез всему, вне всяких правил. Он не признает для себя обязательным даже того непреложного закона, перед которым склоняет всякий раз голову Кант. Он ломится и бьется о каменную стену, воздвигнутую этой законностью. Чтобы восхитить небо, надо усомниться в правде идей. Он, словно дразнит, сам сознавая, что у него нет достаточных сил пробить эту каменную стену. Величайший мудрец древнего мира [illegible] он пытался взлететь за пределы ограниченного опыта и увидел ничто, чтобы был великий восторг, надо узнать великий ужас, и вот Достоевский описывает муки унижаемого человека. Чем больше унижают, тем больше [illegible]ждения, и всюду одна цель – вырваться от пещерной жизни к новой» [illegible] декабря. № 4. С. 13).

заю, Андрей Белый убеждал <?> ответить и дал 2-ю заметку[92]. Это он написал, но ведь Андрею Белому надо же где-то говорить и читать, он очень хочет Вол<ьную> Ф<илософскую> Ас<социацию> устроить как в Петербурге есть, там это – место приятное, противобольшевистское, его большевики давно зарятся прикрыть, до сих пор стеснялись. Я была членом этой ВФА, хотя и редко туда ходила очень, вот он поэтому <меня> и внес, и вставил этого поганого Эренбурга по неловкости, <2 нрзб.>, ну да ведь Вы знаете, как это у Андрея Белого бывает. Я там наверно ни разу и не буду, здесь не то, что в Петербурге.

Андрей Белый

Культура в современной России[93]

Культурная жизнь современной России представляет собой пеструю смесь противоречий и крайностей; [картины, полные ужаса, чередуется с] красота переплетается с безобразием, головные утопии с конкретнейшими достижениями в области искусства, забота о куске хлеба, одежде, дровах переплетается с мыслями о Вечности и о гро-

[92] Речь идет о заметке, опубликованной в «Голосе России» 10 декабря.

[93] С публичной лекцией «Культура в современной России» Андрей Белый выступил в Берлине 14 декабря 1921 г. перед аудиторией новообразованного Дома Искусств. Вскоре на страницах журнала «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 2–6) появилась статья под аналогичным названием. В настоящем издании впервые публикуется ее рукописный вариант, хранящийся в Литературном архиве Национального Музея (Прага), в фонде А. Элиасберга. В квадратных скобках восстанавливаются вычеркнутые автором слова, которые дают представление о характере и направлении эволюции его политических и художественных взглядов в начале 1920-х гг. Ср. также с записью И. А. Бунина от 21 января 1922 г. о его беседе с Л. Шестовым, в которой обсуждались доклады Ремизова о петербургской весне 1920 г. (См.: *А. Ремизов*. Ахру. Повесть петербургская. – Берлин; Пб.; М., 1922) и Белого о культуре современной России, прочитанные в берлинском Доме Искусств в начале декабря 1921 г.: «Он [Шестов] говорит, что Белый ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. "Жизнь в России, – говорит Белый – дикий кошмар. Если собрались 5–6 человек родных, близких, страшно все осторожны, – всегда может оказаться предателем кто-нибудь". А на лекциях этот мерзавец говорит, что "все-таки" (несмотря на разрушение материальной культуры) из России воссияет на весь мир несказанный свет» (Устами Буниных. Т. 2. – Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 78).

бе; смерть и воскресение, гибель и рождение новой культуры – все это столкнуто; норма отсутствует.

[И все с бульшей и бульшей] С уверенностью проходя через ряд картин русской жизни, переживая эти картины в себе, умирая и воскресая на протяжении одного дня, – твердишь себе: «*Новая Россия родилась: испытание огнем пройдено*».

[Это] Ощущение рождения [новых] еще не отстоявшихся в форме идей, импульсов, чувств, эстетических и моральных переживаний сопутствует всюду; оно дает силу [подчас выносить] нести изо дня в день [и из часа в час] непереносимые бремена.

В жизни современной России у среднего человека отнято все, на чем [была построена] построилась прежняя жизнь: вера в незыблемость [основных черт] быта, [основных] устоев морали и государственности; каждое [естественное] почти подсознательное, движение (*нажал кнопку звонка, – отворилась дверь, протянул руку за спичкой, – она под руками*) теперь требуете осознания и величайшего напряжения, отнимая, казалось бы, энергию для всякой деятельности (*если хочешь, чтобы открылась дверь, – стучи до изнеможения; нужда в спичках, – беги через весь Невский [за спичками]*); сброшены [все] формы; и люди зажили в бесформенном; каждую вещь вынуждены они сызнова называть, сызнова изобретать. Но в этом первозданном хаосе, закопошившемся под колпаком всеобщего государственного [железного] режима, – забилось здесь и там яркое, индивидуальное творчество. *Здравый смысл опрокинулся; [и для тех] для того, [для]* у кого не было никакого жизненного смысла, кроме обычного, «*здравого*», – с 1918 года наступил конец России, жизни вообще, жизни живого, индивидуального «*Я*», осознававшего себя лишь «*субъектом*», оформливающим *предлежащую* действительность; рухнула она, и – что такое «*Я*»? «*Субъект*» формы? Но формы то и не оказалось: не оказалось и «*субъекта*» формы; он должен был исчезнуть; и он – исчез.

Исчезновение обывателя, «*субъекта здравого смысла*», переживали мы в 1918–1919 годах, как картину деморализации многих сознаний, ни способных подняться над хаосом бесформенного, ни способных научиться строить жизнь на принципах текучей стихии; эти, стихиею захлебнувшиеся, пошли ко дну; и там, на дне, зажили в дочеловеческих формах всяческой [спекуляции и] деморализации. *Было много* картин гибели; [казавшихся подлинной солью земли русской; но] соль здравого смысла [их не сумела] не осолила[сь] стихией [русской] жизни. Приподнявшиеся над жизнью? Одни эмигрировали в [совершенно] абстрактную сферу [отвлеченных,] безжизненных принципов, в [сторону] воспоминания о прошлом; и там, в стране воспоминаний, они, отрезанные от [огромного] сложного процесса

переплавления сознания [в гуще жизни], продолжают повторять из года в год: «Ага, – что получилось: видите, видите – я прав!» [Слушая такие речи, получаешь впечатление] На одной чашке весов покоится сознание Ивана Иваныча, на другой – миллионы живых сознаний русских, мучительно ищущих [новых] критериев [для измерения и переоценки прошлой и настоящей] действительности и все еще имеющих готовых ответов; и чашка весов с сознанием Ивана Иваныча – перевешивает: «Ага, видите: я был прав!» Иван Иваныч был прав; но бывшая правота его привела... к [настоящей его эмиграции] эмиграции из страны живой, хоть мучительной жизни; теперь он прав – «*в стране воспоминаний*», а эта страна – отвлеченные понятия Ивана Иваныча, которые он за пересмотром чужих понятий *не удосужился* пересмотреть у себя в голове. Он возвысился к себе в голову; и теперь, бестелесный, плавает у себя в голове по водам потопа; голова его [герметически] закупорена; и голубь с масличной ветвью не сможет к нему прилететь: разобьется о головной аппарат [Ивана Иваныча]: «*Как так? Что доброе может [произойти] возникнуть в России, когда я увез Россию у себя в голове? Какая такая Россия? Пустое место?..*»

Другие из «*возвысившихся*» над хаосом первозданным – возвысились другим способом: возвысились в утопическое строительство новых форм жизни, игнорирующее рост [живой органический рост] жизни снизу; [эти] последние, «*ответственные работники*» Главпрофобров и Чусоснабармов[94] развивают огромное бумажное производство схем [учреждений], через каждые три месяца сообразно схеме перестраивая сверху до низу целые системы учреждений и заливая асфальтом государственной нивелировки всякую пробивающуюся снизу зелень.

Эти живут не в XX^{ом} столетии, а CXX^{ом}; и на всякую масличную ветвь нового культурного творчества смотрят с точки зрения асфальтовщиков: «*Зеленая ветвь? По какому декрету? Залить асфальтом!*»

Но зелень юной культуры сильна. Она ни с потонувшими, ни с ушедшими в страну воспоминаний, ни со строителями жизни сверху, мечтающими о гомункуле, но не умеющими гомункула создать (вместо «*гомункулов*» получаются лишь грубые модели «*гомункулов*», от которых, к счастью, вынуждены отступать сами строители жизни). У тех, других, третьих, нет подлинного, сдвига сознания, а лишь разнообразные формы инерций; есть инерция покоя (она с эмигрировавшими к себе в голову, твердыми «*царем в голове*»); и есть инерция

[94] Говорят, будто где-то возник Чорт – Чрезвычайный Отдел Разгрузки Транспорта (*примеч. авт.*).

параллельного, равномерного движения: эта последняя стремительно выводить из всякого организационного действия; представители революционной инерции ничем не отличаются от реакционеров, инертных покоем; те и другие – *«оптанты»* утопий, автоматически вымолачиваемых их ветхим сознанием. В тех и других не было подлинного столкновения в душе жизни и смерти; те и другие не умирали конкретно; те и другие не проросли.

Не проросшею линией 1918–1921 годов русской жизни есть линия всяких политических экспериментов (от крайних правых до крайних левых). Ни одно политическое, агитационное начинание последних лет не [приводило] привело ни к чему: но под ужасными ударами всяких экспериментов именно в живом слое сознаний (не утонувшем и не убежавшем в абстракции) выковывалась последняя мужественная решимость: остановить бесплодную стукотню готовых определений и слов у себя в голове (кадетских, эсерских, марксистских) и остаться с предстоящей действительностью: описать ее текучие и ни с чем не сравнимые формы, прикоснуться к накопленному материалу сознания и [разглядеть его] по своему [крайнему разумению] уразуметь.

К этому подошли наиболее [смелые] независимые умы (всех слоев культуры, образования, всех классов и возрастов, всех профессий и всех устремлений): и – что же в итоге? Раздались голоса о том, что с многообразием лозунгов, мировоззрений, вкусов, законов обстоит дело не так, как рисовали их толстые журналы кадетских, эсеровских, меньшевистских и большевистских лозунгов старого довоенного и дореволюционного времени.

Сперва индивидуальные заявления эти звучали, как крайний скандал в том лагере, где [эти] заявления раздавались; появились бескорыстные *«ренегаты»* всех лагерей; и по новому встретились.

[Если] Временем индивидуалистического переживания, переоценки всех старых (ре- и контр-революционных) лозунгов были года 1918–1919ый; [когда] эта переоценка происходила под огнем гражданской войны, когда близкие по крови уничтожали друг друга на фронтах, проклинали и мучили друг друга за фронтами; в лицо всем глядела смерть: холодом, голодом, тифом; и люди, сидящие в температуре ниже 0°, вынужденные колоть дрова и тайком растаскивать деревянные заборы, люди, измученные стоянием в хвостах, – вечерами тащились по темным улицам Москвы, Петрограда погреться духовными интересами ([ибо] тепла материального не было); множество частных кружков, студий, приватных курсов существовали вопреки всякому вероятию; вопросы о Вечности и о Гробе поднимались теперь людьми, стоящими перед лицом Вечности и Гроба; конечно же, – эти вопросы и ставились, и разрешались не так, как того хотели эмигранты

из жизни (улепетывавшие за границу сознания или в недра сознания «*Чусо-снабармов*»); *в вопросах и ставимых, и разрешаемых по иному*, впервые обнаружился тот подлинный *сдвиг сознания*, о которым многим не перескажешь ни заграницей, ни внутри границы, ибо этот сдвиг был выстрадан всею сложностью противоречий, сосуществующих в одном сознании и срывающих маску с умершего смысла (по традициям именуемого «*здравым*») в устремлениях к конкретному смыслу жизни.

Только тот, кто сказал себе «Stirb und Werde»[95], получил эту новую способность: описывать то, что есть, а не то, чего следует *a priori*[96] ожидать с точки зрения готового лозунга.

Весной 1920 года повеяло вдруг какой[-то] бурной, полной новых возможностей весной: это «*независимые*» люди новой, духовной революции перекликались друг с другом, пока безымянные; это Иванушка Дурачок оказался умнее [своих] братьев.

Всякая культура есть целое многообразных узнаний: она есть знание чего-либо в связи с чем-либо; она есть со-знание, где «*со*» есть вовсе не механическая связь, а целое организма, т. е. некое «*Само*». Культура культур есть само-со-знание; где само- или *Selbst* в переводе на Санскрит есть *Атман*, или дыхание жизни; Дух жизни; *Само-со-знание* человека, как духовного начала, есть культура культур, где культура — со-знание, т. е. целое знаний; такими знаниями [суть] является все многообразие наук, искусств, систем мысли и воли; то, что мы называли культурой в XIX веке, не имело никакого отношения к культуре; это были рассмотрения продуктов человеческого созданья (форм быта, мысли, изделий) сквозь призму одной из этих форм, где культурное целое представлялось всегда в однобокой проекции. Культура не в *ставшем*, а в *становлении*, не в форме, а в творческом процессе образования многоразличия форм. Ощущение кризиса всей культуры было нам ощущением разбившейся формы, взятой вне связи форм, выхождение из однобокого знания в *со-знание*; ощущение *незнания*, *тьмы* под ударом войны, революций и потрясения основ жизни, было явственным испытанием и требованием найти центр не в проекции формы (в знании), а в целом круга форм, в со-знании; а это со-знание возможно лишь в понимании «*со*», как «*само-*»: в само-со-знании, в духовном начале, в космическом расширении замкнутого границами «*Я*». Так выход из границ ощущался как *тьма*; *тьма* есть тьма

[95] «Умри и будь» (*нем.*) — слова из стихотворения И. В. Гете «Блаженное томление» (1814).

[96] независимо от опыта (*лат.*).

хаоса; и от нашего умения сказать «*Да, будет свет*» воистину зависит: перейти от *знания* к *со*-знанию или к *не*-знанию.

В таких [смутных] парадоксальных словах лишь могу [я] описать я ту смутную правду о «*Я*», о «*Сознании*» и о духовном восприятии мира, расширенном новым само-сознанием, которую почувствовал ряд людей «*нового сдвига*»; и об этой новой правде рожденной культуры (еще не оформленной), запели стихи у поэтов; [заговорили] кипящие строчки прозаиков им ответили тем же; о том же заговорили в публичных беседах, на лекциях, чуть ли не митингуя вопросы о Вечности, Гробе, Самосознании, – в аудиториях, [лишь] два года назад внимавших лишь лозунгам политических партий; говорить на кафедре о последнем, твоем, пережитом тобою в холодных, зимних стенах, в одиночестве, во мраке и в окружении тифа, расстрелов и вшей, – говорить о невнятнейшем, неописуемом в форме оказалось воистину неожиданным социальным делом; критерии перевернулись: невнятное стало внятным; вчера внятное – выветренным, непонятным, ненужным, чуждым.

И такою невнятицей оказалась политика; и такою невнятицей оказалась вчерашняя журналистика. Интересно под этим углом зрения рассмотреть несколько частностей в быте идеологических построений, *треснувших по всем швам*.

Например: вопрос о пролетарском искусстве и пролетарской культуре одно время быль центром [статей] обсуждения в самых противоположных лагерях; в одних лагерях *a priori* утверждали мощь, силу и новизну пролетарской культуры точно определяя и измеряя ее формы; пролетарские поэты де должны были писать по Богданову хореями, ямбами, избегать сложных ритмов; в их поэзии де должен был умереть индивидуализм; самое «*Я*» должно было исчезнуть из их лексикона, сменяясь на «*мы*»[97].

В противоположных лагерях не оспаривались эти признаки пролетарской культуры; но *a priori* пролетарская поэзия объявлялась бессильной, неинтересной и вялой; и пролетарские поэты рисовались

[97] Ср.: «...собирание пролетариата в городах и на заводах имеет огромное и сложное влияние на его психику. Оно помогает развиваться сознанию того, что в труде, в борьбе со стихиями и жизнью личность – только звено великой цепи, и взятая отдельно, была бы совершенно бессильной игрушкой внешних сил, нежизнеспособным кусочком ткани, отрезанным от могучего организма. Личное "я" сводится к его настоящим размерам и надлежащему месту» (*А. Богданов.* Что такое пролетарская поэзия? // Пролетарская культура. 1918. Июль. № 1. С. 18).

тенденциозными молодцами с квадратными подбородками, единственная миссия которых разбивать молотами бюсты Пушкина и проповедовать Интернационал.

Таким и оказалось творчество не пролетариев, а интеллигентов Князева и Демьяна Бедного[98], о которых не раз приходилось мне слышать [обидные] убийственные отзывы от ряда поэтов, вышедших из пролетарской среды,

[Вопреки] Во время криков «*за*» и «*против*» пролетарской поэзии в студиях стиховедения ПролетКультов наперекор Богдановым, Фриче[99] и Лебедевым-Полянским[100], с одной стороны, <и крикам> наперекор эстетам, снобам и эйленшпигелям[101] (разных поэтических школочек) – поэты из пролетариев упорно, скромно, трудолюбиво изучали музу Пушкина, Тютчева, Гоголя, благоговейно приемля дары вечной культуры искусств.

[К нам приблизившись] Вместо любви к хореям и ямбам в произведениях пролетарских поэтов появились утонченные и сложнейшие ритмы; проблемы ритмики, эвфонии, словесной орнаментики оказались необходимою пищею их художественного самоопределения. Никогда не забуду разительного факта: весной 1919 года в О<бщест>ве Любителей Российской Словесности мне пришлось выступать с рефератом на тему «*О ритмическом жесте*»; профессора, доценты и просвещенные члены О<бщест>ва, оказывая внимание моим изысканиям, признавались, что для них эти вопросы и новы и сложны; между тем: весь сезон 1918–1919 годов мне приходилось работать в круге этих вопросов с группою «*пролетарских*» поэтов[102], с бесконечно

[98] Поэт-сатирик Василий Васильевич Князев (1887–1937), хотя и являлся выходцем из купеческой семьи, был причислен после революции к т. н. «пролетарским поэтам» и даже просил называть себя «поэтом пролетарской революции». Демьян Бедный (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), из семьи крестьян, будучи до революции «действительным студентом» Петербургского университета, выступал в большевистской печати, а после Октября 1917 г. получил широкую известность своими баснями и поэтическими фельетонами политико-агитационного характера.

[99] Владимир Максимович Фриче (1870–1929) – критик, один из видных представителей т. н. «вульгарного социологизма» в литературоведении.

[100] Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948) – литературный критик марксистского направления, в 1918–1920 гг. председатель Всероссийского совета Пролеткульта.

[101] Здесь: шутам (*нем.*).

[102] С октября 1918 по май 1919 г. Андрей Белый вел в московском Пролеткульте (в состав слушателей которого входили т. н. «пролетарские поэты»

большею пристальностью углубляясь в детали тем. Пролетарские поэты углублялись в теории слова, в проблемы философии языка, [а] через них переходя в круг обще-философских проблем. Их художественные вкусы? Один – влекся к Пушкину, другой – к Тютчеву; тот – к Рабиндранат Тагору; многие – к Блоку. Вместо отсутствия индивидуализма один из критиков (бывший рабочий) проповедовал: в максимуме индивидуализма и динамизма лишь сможет окрепнуть поэзия пролетариев. И поднимались дебаты о том, может ли быть поэзия пролетарских поэтов *«пролетарской поэзией»*. Вместо коллективного «мы» поэты из пролетариев все чаще и чаще заговаривали о конкретном ощущении космического *«Я»* (нового *«Я»*), уничтожающего антиномию между *«Я»* личным и суммою этих» «Я» (или «мы»). Поднимались проблемы самосознания и космического сознания.

Помню, как связь моя с кружком пролетарских поэтов подвергалась всяческому осмеянию, подозрению, клевете; одни в ней видели лишь *«службу начальству»*, другие коварную агитацию *«буржуазного спеца»*, деморализующего стихию пролетарской культуры; не видели одного: любви поэта к поэтам же и совместного ощущения [новых] форм за-классовой, вечной поэзии, по новому грядущей к нам. Вместо твердокаменных разрушителей ценностей (желанных одним и *a priori* ненавидимых другими) вышла новая, оригинальная, еще слегка прорастающая зеленью форм школа поэтов, о, насколько более серьезная, чем фаланга кофейных поэтов.

Разве нет свежести в строках:

Бегут и брызжут мостовые
И, вспрыскиваемые *по-голова*,
Несутся ветерки сырые,
Засучивая голубые
Шуршащие рукава[103].

Н. Полетаев, Н. Панов (Дир Туманный), В. Казин, В. Александровский и др.) курсы «Стиховедение» и «Теория художественного слова».

[103] Из стихотворения В. Казина (*примеч. авт.*). Андрей Белый цитирует первые пять строк стихотворения Василия Васильевича Казина (1898–1981) «Вешнее вдохновение», две последние из которых отличаются от канонического текста: «Раскидывая голубые / Крылатые рукава». См.: *В. Казин.* Рабочий май: Стихи. – Пб., 1922. С. 20. В публикации «Новой русской книги» приведено (с небольшими неточностями) стихотворение Казина «Гармонист»: «Было тихо. Было видно дворнику. / Как улегся ветер под забор / И позевывал... И вдруг с гармоникой / Гармонист вошел во двор. / Вскинул на плечо ремень гармоники / И рассыпал сердце по ладам, / Грянул – и на подоконниках / Все цветы поплыли по лугам, / Закачались зданья кирпичные, / Далью, да-

Или:

Давно такого не было лентяя!
Такого солнца! Желтый лежебок!
Подумайте, до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!
И лишь один протиплен переулок!
Где так душист дымится грунтозем,
Как будто бы, не погасив, с огнем
Тут солнце бросило окурок[104].

Трудно узнать в этом нежном узоре поэзии, такой юной и свежей, «*квадратный подбородок*» растаптывателя вечных ценностей культуры; и не узнать в нем рецепта г. Богданова, данного пролетарским поэтам. Между тем: автор стихотворения – пролетарий.

Другой пример, нарушающий априорные построения инертных революционеров и инертных реакционеров: подлинный состав новой, демократической аудитории, куда валом валят бывшие представители «*масс*», переставших быть массами. Согласно представлениям одних, забаррикадировавших свои кабинеты абстракциями в 1918–1919 годах, в этих массовых аудиториях должно было господствовать сплошное митингование; согласно другим: там должны были раздаваться лишь полные злобы крики: «*Смерть буржуям*»; эти представления продолжали жить и тогда, когда в полных аудиториях бывшие массы, ставшие суммою индивидуумов, обсуждали трепетно проблемы Вечности и Гроба. Уже здесь, в Берлине, меня спрашивали о том, кричат ли в России столь замечательном явлении, как «*Переписка из двух углов*» (В. Иванова, М. О. Гершензона). У меня не хватило духа разочаровать спрашивающего ответом: «Нет, не кричат, потому что из всех углов России идет говор на темы этой "*Переписки*"... – до "*Переписки*" еще». Не хватило сил ответить, что в одной Вольной Философской Ассоциации на протяжении 50 открытых заседаний были сказаны «томы» ненаписанных книг на тему «*Переписки*», из которых десятки и сотни страниц звучали острее, тоньше и проницательней

лью опьянясь; / Ягодами земляничными / Стала сладко бредить грязь. / Выступил народ на подоконники, / И помчался каждый, бодр и бос, / Под трезвонами гармоники / По студеному раздолью рос. / Почтальон пришел и, зачарованный, / Пробежав глазами адреса, / Увидал, что письма адресованы / Только нивам и лесам» (Казин В. Рабочий май. С. 12).

[104] Стихотворение В. Казина (*примеч. авт.*). С небольшими неточностями цитируется стихотворение «Давно такого не было лентяя!..» (См.: Там же. С. 14).

«*Переписки*». То же происходило в аудиториях Москвы (в *Политехническом Музее*, «*Дворце Искусств*», в многообразных студиях), в 1920–1921 годах, куда наконец пришли многие из забаррикадированных собственными абстракциями еще недавно; иные из них [должны были признать] признавались: аудитория переменилась. Она стала гибче, тоньше и восприимчивей. В сердцах пишутся томы, подобные и превосходящие «Переписку», уже написаны в сознании новой, русской грядущей культуры (отсутствие бумаги еще не признак отсутствия культуры мысли); новая культура, новая, свободная мысль уже есть вопреки всяким «*скрежетам зубовным*»; и странно говорить о «*переписке*» из двух углов, когда стоит говор сотен и тысяч сознаний, сошедшихся из всех углов и заявляющих фактом своего бытия: есть культура в России, культура, видавшая перед собой лик гроба и смерти, не убоявшаяся ни гробов современности, ни гробов, ей сколачиваемых издалека.

Это – культура сходящей к России Вечности.

Мих. Шварц

Андрей Белый о грядущей России[105]

Андрей Белый – одна из интереснейших и ярких фигур в современной русской литературе. Его духовное развитие шло сложным, мы бы мы сказали извилистым путем. Некогда, лет 20 тому назад, один из основателей «декадентского» журнала «Весы» он вместе с Брюсовым, Балтрушайтисом, Бальмонтом и др. поднял знамя культурно-эстетического бунта против односторонней, чрезмерно морализирующей тенденции господствовавших тогда партийно-политических идеологий,

[105] По поводу его доклада «Современная культура в России» (*примеч. авт.*). Голос России. 1921. 21 декабря. № 845. С. 2. Михаил Наумович Шварц (?–1946) – философ, журналист. На выступление Белого также откликнулся просоветский «Новый мир» заметкой «Доклад Андрея Белого о Советской России». Обозреватель, подписавшийся инициалами «Р. Ш.», пересказывая речь писателя, интерпретировал ее как апологетику нового коллективистского сознания: «*Россия независимая, свободная, но голодная, холодная и вшивая, дает формы будущего. Гордо вспыхнуло подлинное "я" человека. Сознание вспыхнуло, сознание есть, есть "Со", а если есть "Со", то будет и знание, будет цивилизация, будет культура. <...> Впечатление от доклада было сильное, аудитория, не совсем многочисленная, но довольно разношерстная, тепло встретила и проводила поэта*» (1921. 17 декабря. № 270. С. 4).

представленных нашими толстыми журналами, вроде «Русской Мысли», «Русского Богатства» и «Мира Божьего». Белый и его духовные единомышленники защищали тогда автономию искусства и, в частности, автономию духовной культуры против «политической цензуры снизу», исходившей от радикально-социалистических групп, в своем моральном фанатизме отрицавших все другие духовные ценности. В такую одностороннюю русскую политическую общественность, благодаря родственной ему литературной группе, вливалась широкая струя эстетической культуры и устанавливалось духовное единение с жизнью Запада, где тогда вновь расцветало романтическое движение, объявившее войну чрезмерному рационализму европейской жизни.

Европейская нео-романтика в лице своих философов (Ницше) и поэтов (Верлена, Малларме, Рембо, Метерлинка и целой плеяды других славных имен) выдвигала тогда на первый план значение жизни «глубинной»: инстинктивной, эмоциональной, как противовес рационализму, «скользящему лишь по поверхности вещей», и конкретный индивидуализм – как противовес абстрактному индивидуализму. Ибо этот последний с его теорией отвлеченного человека, «человека вообще», как бы сводил на нет всю ценность самобытной индивидуальности, неповторимой в ее своеобразии, в ее исключительности.

Андрей Белый, этот русский нео-романтик, вместе с Брюсовым, Бальмонтом и др., дал нам «русские перепевы» европейской романтической мелодии.

Но чисто эстетическое миропонимание, в его романтической оправе, сменилось вскоре у Белого, как и у некоторых его единомышленников, тяготением к своеобразному религиозному народничеству, представлявшему, в последнем счете, лишь своего рода ответвление славянофильского течения. Затем в эпоху первой русской революции Белый становится временно марксистом, а в эпоху революции второй – *если дошедшие до нас сведения верны*, он был краткосрочно даже и левым эс-эром и вместе с Блоком пытался вполне искренно отыскать глубокий идейный смысл и в самом явлении русского «большевизма», конечно, не в партийно-политическом, а в историческом и культурно-психологическом разрезе.

Судя по его докладу, этот этап уже окончательно *пройден*, и сквозь толщу официальной Советской России Белый провидит нарождающееся культурное сознание, исходящее из глубоких народных низов и еще не нашедшее своей окончательной формы. Эту грядущую Россию и пытался зарисовать Белый в своем докладе.

Белый резко отделяет понятие культуры от понятия цивилизации. Культура есть своеобразный духовный организм, ведущий свою особую жизнь и как бы развивающий заложенную в его глубине основную

идею по имманентным, внутренним законам своего бытия. Цивилизация же – есть лишь рациональная организация жизни общественной и индивидуальной, в целях достижения наибольшего блага, как для самого социального целого, так и для отдельной личности. Культура есть бескорыстное творчество духовных ценностей. Она органична и динамична, она есть бесконечный духовный процесс, полный творческих смен, где каждый этап зачастую является либо новым сдвигом, либо новым синтезом. Цивилизации же, в отличие от этой духовной текучести, присущей всякой культуре, как таковой, есть нечто застывшее, окаменевшее. Здесь живая «культурная душа», исчерпав все свои творческие возможности, словно превращается в «мумию». Сила и ценность культуры заключается в ее инстинктивном и эмоциональном фонде и, когда последний изжит, – закончился и солнечный бег «культурной души». Тогда и наступают «сумерки культуры», или точнее, – *период цивилизации, окрашенный рационализмом.*

Здесь Белый несомненно, быть может даже не подозревая этого, близко подходит к культурно-философской позиции Освальда Шпенглера, установившего (см. «Гибель Запада») принципиальное, качественное различие между понятиями культуры и цивилизации. Прежние исследователи, особливо английские и французские, либо вообще не употребляли термина «культура» и в понятие «цивилизация» вкладывали все те признаки, которые Шпенглер (а вслед за ним и Белый) вкладывают ныне в понятие культуры. В Германии же, как известно, получили право гражданства оба термина, причем до Шпенглера принципиальной разницы между ними не делалось. Цивилизация толковалась как «полукультура» (Halbkultur) и психологически определялась как переходящая ступень от «духовной связанности», присущей примитивному сознанию, – к свободному самоопределению суверенной личности, всегда характерной для вполне развитой культуры (Лампрехт и Фиркант).

И далее, подчеркивание значения жизни инстинктивной, жизни «*сумеречного сознания*» в противовес интеллектуальной функции нашего «я», проходившее красной нитью через весь доклад Белого, роднит его с европейской романтической философией, для которой, начиная с Шеллинга, понятие «жизни» (инстинктивной) являлось понятием центральным.

Органическое же мировоззрение, впервые выдвинутое Шеллингом в области природы и истории, в лице Шпенглера нашло своего завершителя: он пытался построить и органическую философию культуры, толкуя каждую отдельную культурную систему, как своеобразный организм особого типа. Таким образом и здесь культурвоззрение Белого, правда лишь эскизно намеченное в его докладе,

является как бы своеобразным русским ответвлением западного романтизма. На основе такого романтического истолкования понятий «культуры» и «цивилизации» Белый пытается выяснить смысл и сущность созидающегося *современного* русского культурного сознания. Причем «современность» понимается им в углубленном значении этого термина: не текущая злободневность имеется здесь в виду, а лишь идейное предвосхищение грядущих событий. Так, современная мировая катастрофа, когда весь мир как бы лежит в конвульсиях, была задолго предсказана Ницше, провозгласившим моральное банкротство всей нашей культуры («смерть морального бога») и Толстым, также предвещавшим неизбежность кровавой рабочей революции, как катастрофический конец всей нашей буржуазной культурной системы. Но «современность» в обычном понимании, в лице ее духовных руководителей, лишь презрительно отнеслась к этим пророческим прозрениям, равно как она же долго замалчивала или даже высмеивала тональную теорию относительности Эйнштейна.

Грядущая русская культура, идущая из глубин русского народа, «заглянувшего в лицо смерти», и есть «*современная*» в толковании Белого. Пусть это созидающееся культурное сознание России еще не оформилось, еще не обрело своей «цивилизации», но раз уже зародился новый «невидимый свет», новая духовная творческая сила, то рано или поздно она найдет свое воплощение в конкретной жизни.

Эти теоретические соображения Белый обосновывает на своих личных наблюдениях и переживаниях, главным образом, во время своей педагогической деятельности в так называемом «Пролеткульте».

В 1918 году Белый был приглашен в студию «Пролеткульта», как «спец» для обучения «пролетарских поэтов» технике стиха. Непрерывный контакт в течение целого года с подлинными пролетариями, заставил его отказаться от прежних предвзятых мнений по адресу как пролетариата, так и пролетарской культуры. Оказалось, что подлинные пролетарии, в отличие от их самозванных интеллигентских руководителей, отнюдь не являлись сторонниками какой-либо классовой культуры и менее всего тяготели к социально-утилитарному пониманию жизни. Белого приятно поразил их неподдельный интерес к истинной поэзии и даже к утонченной технике стиха. Его «пролетарские» ученики были далеки от всех отвлеченных политических идеологий и вообще тяготели к конкретному, жизненному.

Новая Россия, по убеждению Белого, уже навсегда освободилась от традиционных социально-политических точек зрения и лозунгов. Она сорвала с себя эти «личины» и ныне самостоятельно и независимо ищет новых духовных путей. На современную аудиторию могут влиять лишь люди совершенно отрекшиеся от всех устарелых полити-

ческих ориентировок и лишь самостоятельно думающие и чувствующие. По интересному замечанию Белого, здесь зачастую возникают своего рода «советы снизу» (глубоко враждебные «советам сверху») в которых ярко выражается духовная солидарность широких народных масс в области мышления и чувствования на основе однородных и глубоких переживаний.

«Вольфила» (Вольная Философская Ассоциация), возникшая в Петербурге и в Москве, и доступ в которую открыт всякому, идет навстречу этому коллективному исканию истины, этому «вселенскому эросу» русского народа, ищущему здесь не застывших догм, а конкретной, насыщенной жизнью, идеологии.

Цивилизация, с ее социальным разделением труда, превратила каждого индивида в «спеца», сузив его умственный горизонт и этим самым лишив его духовной целостности. Теперь, когда на наших глазах происходит, крушение мировой цивилизации, необходимо снять все ее разъединяющие перегородки и восстановить человека в его духовном единстве.

Грядущая культурная Россия будет духовно независима и свободна. В тяжких муках обрела она самостоятельное свое обновление и не потерпит никакого непрошеного руководительства ни со стороны официальной Советской России, ни со стороны эмиграции всех оттенков. Обоим лагерям она скажет: «руки прочь». Но найдя свой истинный путь, Россия, по убеждению Белого, обрела его не для одной лишь себя: она явится «мессией грядущего дня».

Мы уже осветили выше историко-критически несомненно интересные культурно-философские воззрения Белого и вскрыли его близкое духовное родство с линией западного романтизма и, в частности, с культуровоззрением Шпенглера. Нам остается лишь прибавить, что Белый, как и все представители романтической философии культуры, чрезмерно переоценивают значение жизни инстинктивной и злоупотребляет биологическими аналогиями, которые (как уже это имело место в биологической социологии), не могут исчерпать всего чисто духовного содержания человеческой культуры. Они являются здесь лишь полезным методологическим приемом (эвристическим принципом), но окончательного исчерпывающего объяснения явлений духовной культуры дать, конечно, не могут.

И далее, Белый, к сожалению, недостаточно четко выявил все духовное содержание народного, коренящегося русского культурного сознания. Его беглые замечания, к сожалению, нас вполне удовлетворить не могут. Быть может и вообще не настал момент для анализа этого сложного явления из области коллективной психологии, сказали бы мы в оправдание Белого.

Тем не менее его доклад заслуживает серьезного внимания, как ценный психологический документ: крупный русский поэт поведал нам о грядущей России, как она предносится его духовному взору.

Лев Шестов против большевизма[106]

На днях в издательстве «Скифы» выходит одновременно на русском, французском и немецком языках брошюра Льва Шестова, содержащая резкую критику большевизма. Несмотря на строгости большевистской цензуры, руководителю «Скифов» Е. Г. Лундбергу, благодаря его связям в большевистских кругах, удалось преодолеть все препятствия к выходу книги, которая будет направлена и в Россию.

А. Даманская

Антропософия. Лекция Рудольфа Штейнера[107]

Имя Рудольфа Штейнера для русских тесно связано с именем Андрея Белого, давно приобщившегося его учению и усердно пропагандировавшего его в России. В Петрограде Андрей Белый читал об Антропософии в «Доме Искусств», в «Вольной философской ассоциации», и называл Рудольфа Штейнера учителем с прописным «У».

Читал он об антропософии, о бесконечных возможностях бесконечно прекрасного человеческого духа в дни голода, тифа, грязи, расстрелов, грабежей, одурелой мути и всеобщего отчаяния. Его слушали: бездомные и голодные, которым великой отрадой было сидеть в чистом и теплом зале, и под певучую ритмическую речь поэта забыть хоть на несколько минут про голод, про больницу, где умирали близкие, про грязь и смрад и звериный домашний быт. Слушали – девушки и юноши, которые, не понимая Андрея Белого и смутно томясь этим непониманием, пленялись голосом знаменитого поэта, его *вдохновенным изможденным лицом, его черной шелковой шапочкой* на седых кудрях, и черным плащиком-ряской, делавшей его похожим на средневекового монаха... Слушали – матросы, красноармейцы –

[106] Руль. 1921. 16 декабря. № 329. С. 5. Заметка перепечатана парижской газетой «Последние новости» (1921. 20 декабря. № 515. С. 4).

[107] Голос России. 1921. 18 декабря. № 843. С. 3. Августа Филипповна Даманская (1875–1959) – писательница, переводчица.

их много приходило и в «Дом Искусств», и на собрания «Вольной Философской Ассоциации». – Одни слушали – с тупыми, обалдевшими лицами, уходили, не дослушав, плюясь и ругаясь. Иные, немногие, самые толковые и вдумчивые, дослушивали до конца, и делали из речей Андрея Белого вывод, который вряд ли входил в его проповедническую задачу: «Ну, да, конечно, коли захочем – все сможем... Университеты! Морочили нам головы – довольно! Человек, который понапрет на самого себя, и без всяких наук себя поставит...

И после каждой лекции, после каждого выступления Андрея Белого в Петрограде оставалось только чувство большой скорби за поэта, несомненно – искреннего, несомненно верующего и тщетно и безуспешно пытающегося приобщить других к какой-то истине, которая не совсем быть может еще кристаллизовалась в его сознании...

Лекция Рудольфа Штейнера собрала битком набитый большой зал Филармонии[108].

На эстраде стоял крепкий черноволосый человек – Рудольфу Штейнеру 61 год – с умным сухим лицом не то американского импресарио, не то испанского крупье, и сильным, привычным к большим аудиториям, голосом с вышколенными ровными движениями рук и головы излагал неограниченные возможности приобщившегося антропософии человеческого духа.

Скучно! Неубедительно-серый пересказ вдохновенно-страстных речей Андрея Белого. Но многочисленная аудитория, состояла из немцев, не слышавших раньше Андрея Белого, и эти слушали вначале очень внимательно, во время лекции обменивались раздраженными замечаниями и пожимали плечами. Многие ушли задолго до конца...

<...> Те требования душевной отваги, самообречения, жертвенного подвига, которое в словах родственного по духу Достоевскому русского поэта звучали таким ответственным, таким тяжким, «непримиримость, до конца» – в стройной, ловкой речи европейца, – Рудольфа Штейнера, было разжижено, ни горячо, ни холодно, а удобоприемлемо, тепловато, – температуры, которой не выносил еще старый Библейский бог и «тепловатое» – бесцеремонно выплевывал...

[108] Вероятно, речь идет [illegible]ии «Антропософия и наука», с которой основатель и руководитель А[illegible]софского общества Р. Штейнер выступал в Берлинской филармони[illegible]оря 1921 г.

Печать[109]

Литераторы и большевики

В № 332 «Руля» от 20 декабря напечатано следующее опровержение:

В номере от 16-го декабря 1921 г. Вашей газеты сообщается о том, что издательством «Скифы» выпускается в свет работа Льва Шестова «о большевизме». Это неверно. Издательство «Скифы» подготовляет к печати лишь философские сочинения Льва Шестова.

С совершенным уважением

Издательство «Скифы»

*

«Руль по этому поводу пишет:

Редакция действительно была введена в заблуждение, как это выясняется из заметки г. Скифа Ауто да фе.

*

Скиф

Ауто да фе

В № от 16 декабря напечатана заметка о предстоящем выходе в свет книги Льва Шестова о большевизме в издательстве «Скифы».

Увы! Это недоразумение. «Скифы» действительно отпечатали эту книгу. Вот она передо мною, на отличной бумаге, очень тщательно изданная. Но помните, как когда-то писал Некрасов:

Пропала книга. Уж совсем была готова, вдруг пропала.

Так было во времена дореформенной цензуры; но как это ни странно, такие же чудеса, и еще более изумительные, случаются и теперь, при полной свободе печати. Кто бы мог поверить, что и сейчас книги подвергаются ауто-да-фе, напоминая суровое средневековье.

О выходе этой книги было объявлено издательством «Скифы», руководимым, как известно, г. Лундбергом. Однако ко времени отпечатания этой книги г. Лундберг стал вместе с тем советским чиновником, и на отпечатанной книге Шестова уже не было указано, что она выходит в издательстве «Скифы». Этим, однако, злоключения книги Льва Шестова не кончились. Уже совсем была готова книга, вдруг пропала. Тридцать тысяч экземпляров прекрасно изданной на трех языках книги были подвергнуты средневековому ауто-да-фе. Предварительно г. Лундберг пытался убедить Льва Шестова, чтобы он сам отказался от выпуска этой книги, но Шестов не видел к этому оснований.

[109] Голос России. 1921. 23 декабря. № 847. С. 2.

За всем тем в только что образованной вольно-философской ассоциации Лев Шестов состоит почетным председателем, а г. Лундберг – товарищем председателя.

Все хорошо, что хорошо кончается. Но в мартирологе русской литературы имя г. Лундберга заслужило себе право на бессмертие.

*

В «Новом Мире» того же 20 декабря появилась заметка под названием «Контр-революционная печать и писатели»[110], которую мы приводим полностью.

Контр-революционная печать всячески пытается осложнить положение писателей, живущих за границею и втянуть их в орбиту своих мелких дел. Опытные провокационных дел мастера прикладывают к этому руки и действуют не без тонкости.

В одной из берлинских газет несколько дней тому назад появилось интервью с писателем А. М. Ремизовым – интервью, которого он, как выяснилось, никому не давал. Отношение А. М. Ремизова к новой России полнее всего выяснилось в его книге «Огненная Россия»[111]. И даже в поддельном интервью корреспонденту правой газеты не удалось вложить в уста писателя ничего враждебного.

Приехал в Берлин поэт, романист и философ Андрей Белый. В «Руле» появляется заметка о том, что Андрей Белый будет читать лекции под председательством г. Гессена[112]. Позавчера лекция А. Белого состоялась, но самого председателя на эстраде как будто не было.

Тот же метод действия применен и к критику Е. Лундбергу. В «Руле» появилась заметка о том, что издательство «Скифы» издает на трех языках брошюру Л. Шестова, направленную против Советской России. Между тем, как общее направление издательства, так и настроение отдельных лиц, связанных с этим издательством, делает такого

[110] Новый мир. 1921. 20 декабря. № 272. С. 3.

[111] В состав «Огненной России», которая вышла в ревельском издательстве «Библиофил» осенью 192[illegible] г., были включены «Слово о погибели русской земли», «Огневица», «О судьбе огненной» и «Огненная Россия – памяти Достоевского».

[112] В рубрике «Хроник[illegible] Руль» поместил следующее сообщение: «Приехавший в Берлин из Сов[illegible]ии поэт Андрей Белый дал председателю правления Союза русских жур[illegible]тов и литераторов в Германии И. В. Гессену согласие прочитать две п[illegible]ых лекции. Первая – о Блоке, вторая – "Современный кризис". Час[illegible]а будет отчислена в пользу русских студенческих организаций» (192[illegible]бря. № 310. С. 4).

рода выступления невозможными. Особенно «тонки» следующие строки заметки: «не смотря на строгости большевистской цензуры... удалось преодолеть все препятствия к выходу книги, которая будет направлена и в Россию». Бессмыслица явная, но наворотить ее кому-то понадобилось.

Ст. Иванович

Мы и они[113]

В сегодняшнем номере газеты читатель найдет историю уничтожения книги Шестова, имевшей выйти в издательстве «Скифы», но не вышедшей вследствие того, что книга была неудобна для большевизма, а руководитель «Скифов» г. Лундберг получил казенную большевистскую должность. «30.000 экземпляров прекрасно изданной на трех языках книги были подвергнуты средневековому ауто-да-фе» во славу «пролетарской культуры».

«Руль», сообщивший об том, что работа Л. Шестова направляется в Россию, был введен в заблуждение, в котором он и покаялся, а покаявшись, сообщил эту кошмарную историю уничтожения книги руками литератора, но зато и администратора г. Лундберга. Одновременно с этим опровержением известия об отправке книги Шестова в Россию, появилось такое же опровержение в «Новом мире». «Бессмыслица явная, – писала газета, – но наворотить ее кому-то понадобилось». Газета объясняет это тем, что «контр-революционная печать всячески пытается осложнить положение писателей, живущих за границею и втянуть их в орбиту своих мелких дел. Опытные провокационных дел мастера прикладывают к этому руки и действуют не без тонкости».

Что пропуск в Россию книги независимого мыслителя есть для большевизма «бессмыслица явная» – против этого мы не спорим. Может быть ауто-да-фе, учиненное книге Шестова, является высшим выражением государственного смысла большевизма. Но когда рептилия обвиняет эмиграцию в том, что она стремится втянуть писателей «в орбиту своих мелких дел» – то поневоле начинаешь думать о том,

[113] Голос России. 1921. 23 декабря. № 847. С. 2. Ст. Иванович (наст. имя и фам. Семен Осипович Португейс; 1880–1944) – журналист, меньшевик. «Руль», приводя выдержки из статьи Ивановича в обзоре «Печать», отмечал: «Г.г. большевики, позванивая презренным металлом, развивают весьма энергичную деятельность» (1921. 24 декабря. № 366. С. 2).

как опытные большевистские агенты работают по вовлечению русских писателей в орбит своих, что и говорить, очень «крупных» дел. Что вокруг писателей и деятелей культуры, живущих в эмиграции, большевистские агенты ведут тонкую и сложную игру, обширно субсидируемую награбленными в России средствами – это мы чувствуем на каждом шагу. Что работа эта ведется столь энергично и столь широко, что независимому русскому писателю порой бывает трудно увернуться от цепких объятий большевистских молодцов – это тоже, в особенности в Берлине, чувствуется очень ясно. И надо правду сказать, большевистские агенты одерживают ряд побед. Становится трудно отличить, где кончается независимая культурная деятельность и где начинается сознательное или бессознательное служение видам и намерениям большевистских агентов.

Несомненно, независимая общественная мысль, критически относящаяся к литературно-большевистским комбинациям, осложняет положение писателей, осложняет его с той точки зрения, что им приходится в борьбе за свое существование испытывать ряд опасных соблазнов и провокационных затей со стороны большевистских агентов. Но это вообще задача независимой общественной мысли: «осложнять положение», которое большевикам рисуется в весьма *простом виде: вот перед вами сильное правительство, вот накрытый* стол, садитесь и кушайте на здоровье.

Есть много людей, которым противно садиться за этот стол. Есть люди, деятели литературы и культуры, которые за *этот* стол никогда не сядут. Есть люди, нравственному сознанию которых претит участие в комедии просвещенного абсолютизма, которую стремятся разыграть властители советской России. Положение этих людей далеко не легкое. Оторванные от родины, материально нуждающиеся, они вынуждены в своей работе двигаться узкими тропинками, испытывать бесконечные затруднения, лишь бы не присоединиться к сонму ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови. Их положение чрезвычайно сложное. Но это сложность моральной позиции, на которую идут приступом злые силы современного морально-общественного распада.

Трудно увернуться от общения с г. г. Лундбергами. Они всюду. Шагу нельзя ступить, чтобы на них не натолкнуться, хотя бы и в самом лучшем обществе. Ибо бо[illegible]евизм – это государство, мощь, сила, казна, а мы – мы, эмигра[illegible]изгои, не имеющие где голову преклонить. Они стоят у врат ца[illegible], чрез которые нас вышибли дьяволы, утвердившиеся в этом цар[illegible]. У них мы должны просить пропускной билет, чтобы войти в дом[illegible], им мы должны предъявлять свидетельство о нашей благон[illegible]ости. И несмотря на все их мягкие

улыбки и нежные призывы, на всю их учтивость хорошо вышколенных жандармов, мы не можем им протянуть руки, потому что они жандармы. Мы отказываемся от показаний.

После этого жгут книги и судят нас за преступления печати и... просят нас сесть за один общий стол с ними.

Благодарим покорно.

Евг. Лундберг

История одной книги[114]

(*Письмо в редакцию*)

«Руль» с удовольствием рассказывает о том, что я уничтожил книгу Льва Шестова «О большевизме». «Руль», конечно, знает как и отчего это случилось. Когда-то, когда я не был советским чиновником, и хотел издать в издательстве «Скифы» книгу. Затем, я стал чиновником, конечно: – «продался и, продавшись, решил книгу уничтожить». И уничтожил.

Имя Льва Шестова – настолько большое имя, что все, имеющее к нему отношение, приобретает общественный интерес. И особенно – уничтожение его книги. «Руль» об этом событии судит по крайнему своему разумению. Но есть налицо еще и другие разумения. И раз вопрос поднят – следует его осветить. И осветить возможно полно – хотя бы пришлось говорить о личном.

———

Со Львом Шестовым меня связывает восемнадцатилетняя дружба. Больше, чем дружба: ибо в понятие дружбы не входят ни отношения учителя и ученика, ни отношения товарищей по делу, а, между тем, я учился писать на книгах Льва Шестова и его литературное и философское дело считаю в большой степени и своим литературным делом[115].

[114] Новый мир. 1921. 25 декабря. № 277. С. 6. О содержании «обширного письма» Е. Лундберга в редакцию «Нового мира» упоминалось в рубрике «Rossica» петроградского журнала «Летопись Дома Литераторов», где также говорилось, что «письмо Евг. Лундберга вызвало не прекращающуюся до сих пор полемику в ряде русских газет, издающихся за границей, с очень резкими нападками по адресу Е. Лундберга» (1922. 1 февраля. № 7. С. 10).

[115] В 1900–1910-х гг. Лундберг пользовался дружеским расположением и поддержкой Шестова; творчеству философа посвящен ряд его работ. См., напр., статью «Заметки читателя. О Льве Шестове» (Речь. 1911. 31 июля. № 207. С. 23).

И когда в октябре 1917 года – ибо в советских чиновниках я состою с Октября – мы очутились в разных политических лагерях – это нисколько не отразилось на наших отношениях. Беседовать можно было по прежнему легко и свободно. Может быть потому, что мы оба были далеки от практической политической работы. А может быть и по другим, более сложным и светлым причинам. И эта легкость и свобода общения сохранилась и по сей день, несмотря на то, что действительно книга Льва Шестова уничтожена моими руками.

Когда полтора года тому назад в Берлине основалось издательство «Скифы» – А. А. Шрейдером и мною решено было приобресть право на издание философских сочинений Льва Шестова. Во время переговоров по этому поводу Л. Шестов упомянул о том, что у него имеется критика большевизма – с *библейской точки зрения*. Этот подход к современности крайне заинтересовал меня. Хотя Шестов сам отговаривал меня в письмах от издания книги, утверждая, что она нашему издательству не подойдет.

Во время этой переписки мне стало ясно, что *корни его критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я полагал*. Я не скрыл своего впечатления от писателя. И предложил ему следующее: пусть он пришлет манускрипт, я отдам его не читая в типографию. Я не могу быть его издателем; еще менее ими могут быть «Скифы», связанные с определенными партийными группировками. Но я могу помочь автору издать – как собственное его издание – книгу в Германии. Я произвел известное насилие над собой, предлагая такой исход. И Лев Шестов тоже произвел над собой насилие. Ибо в услуге, оказываемой таким образом, не было того главного, что красит человеческие отношения, что красит самое услугу: в ней не было радости и чувства свободы.

Рукопись была послана в типографию. Но когда пришли первые корректуры – я был вне себя. Только от трех последних страниц повеяло на меня суровым духом шестовского творчества. Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно и психологически. Я написал Льву Шестову более чем резкое, несдержанное письмо. Оно было таково – что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его. Началась острая невыносимо – тяжелая полемика в письмах.

А книга? Книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, *издана* [illegible] была не мною и не «Скифами». Но когда ее везли на склад, чтоб[illegible]ать в продажу – т. е. в момент, когда даже косвенные мои отнош[illegible] к этой книге прекращались и вся работа и контроль над прода[illegible]ж переходил к Льву Шестову – я не вынес морально даже и этого [illegible]ия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал лю[illegible]и отобрали на складе книги, опечатали

в пакеты и возвратили в типографию. Там книги Л. Шестова пролежали более полугода. Как раз то время – когда то замолкал, то разгораясь, шел в письмах мой тяжелый спор с Л. Шестовым.

Месяца три с половиной тому назад уполномоченный Л. Шестова ныне покойный Л. А. Сев[116] пришел ко мне с предложением выдать книгу автору. И вот что я тогда написал Шестову (письмо от 24 сентября 21 года): «Надо еще об одном, о брошюре – самый тяжелый наш вопрос... Чтобы упростить дело, я буду писать только о себе, о своем. Так будет короче. Помните: для меня то, что происходит в России – за совесть важно. Оно для меня – серьезно. "Дело жизни" слишком громко. Но оно – *около этого*. Я узнал о Вашей брошюре. Вы писали: "большевизм с библейской точки зрения"... Если бы это было так... Рукописи еще не было, но уже по письмам я понял, что это не библейская точка зрения, а другое... Когда я получил первые корректуры, я пришел в отчаяние... Все, что Вы говорите о революции – не адекватно ей. Любая вражда, любая брань, но только не такая. Грубость моего ответа – это рикошет насилия над собой... И так, прошу Вас считать *как бы не бывшим издание Вашей книги*. Ее могут издать в "Слове", где угодно – в три – пять дней. Я же не могу и не хочу даже в такой степени быть двурушником»...

Вслед за этим письмом – все издание книги Льва Шестова «Что такое большевизм?» было по моему распоряжению уничтожено. Не «тридцать тысяч экземпляров», как утверждает «Руль» – а пятнадцать тысяч. Кроме нескольких десятков экземпляров, отосланных мною автору и переданных заведующему архивами Р. С. Ф. С. Р. Рязанову Д. Б. для передачи в государственные библиотеки и архивы[117]. Д. Б. Рязанов принадлежал к тем немногим, кто знал историю уничтожения книги Льва Шестова. И он тоже понимал, что я уничтожаю не книгу, а свое участие в появлении ее в свет.

Еще несколько слов о «Руле». Руководители «Руля» осведомлены о вышеизложенном, сколько я знаю, из двух источников. С одной

[116] Литературный деятель, философ, друг В. С. Соловьева и Л. Шестова, редактор ряда журналов в дореволюционном Петербурге Леопольд Александрович Сев (1876–1921) скоропостижно скончался в Париже 8 декабря.

[117] В частности, экземпляр 38-страничной брошюры «Что такое [русский] большевизм» (Берлин: Скифы, 1920) в течение 70 лет хранился в отделе специального хранения ленинградской Государственной публичной библиотеки (ныне – РНБ). См. также: *Л. Шестов.* Что такое русский большевизм? / Публ. и вступл. А. Казакова // Странник. Литература. Искусство. Политика. Вып. 1. – М., 1991. С. 47–59.

стороны – покойным Л. А. Севом, доверенным лицом Л. Шестова, а с другой Ф. А. Брауном. Наши беседы с Л. А. Севом протекали в очень резких тонах и тем не менее Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку всей этой печальной истории. Еще ближе к первоисточнику – понимание Ф. А. Брауна. «Руль» знал, что мои отношения с Л. Шестовым остались прежними, т. е. что и Л. Шестов понял причины моих действий[118]. И знал все это: об уничтожении книги, обладая экземпляром, на котором имеется надпись «Право собственности закреплено за автором» – зная все это, «Руль» все-таки поднял эту историю, которая, попав в грязные руки, причинит Л. Шестову огорчений не меньше, чем мне. Если у И. В. Гессена хватило хамства инсценировать провокационные заметки, чтобы затем использовать опровержение издательства – я это еще понимаю. Но его коллеги по редакции? Г. Набоков и О. Левин? Что думают они об этом? – впрочем, мне все равно, что они думают. Пребывание на противоположном берегу, видимо, освобождает от долга честно выбирать как оружие, так и поводы для борьбы.

И. Гессен

Покаяние[119]

<...> Читатель не затруднится оценить убедительность этого всенародного покаяния. Но любопытно отметить, что сам г. Лундберг формулирует отношение других к его поведению, как «продался и, про-

[118] Ср.: «Шестов и его друзья были возмущены поступком Лундберга, но впоследствии Шестов с Лундбергом помирился. Ни до, ни после написания работы о большевизме Шестов не писал на актуальные политические темы и не любил вспоминать об истории с этой брошюрой» (*Н. Баранова-Шестова.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. 1. Paris, 1983. С. 189).

[119] Руль. 1921. 28 декабря. № 338. С. 1–2. Ср. также с воспоминаниями Гессена, где эта история изложена в предельно кратком виде: «В беседах со мною Лундберг, только что "выр[illegible]ился" из России, то и дело кичился своим гражданским мужеством: ем[illegible]лось убедить советских сановников издать книгу "глубокоуважаемого [illegible]теля", блестяще вскрывающую гибельную сущность большевизма. Мо[illegible]ндберг просил удостоверить перед германской полицией, что он не и[illegible]каких отношений с большевиками. Но пока книга печаталась, Лунд[illegible]ел обосноваться в берлинском советском официозе "Накануне", ме[illegible]ал узнавать, а книга в свет не вышла. Воскресла некрасовская форм[illegible]опала книга! Уж совсем была готова, вдруг

давшись, решил книгу уничтожить». Эти слова он заключает в кавычки, хотя слова эти принадлежат ему самому, составляют его догадку и заставляют предположить, что у него «мальчики кровавые в глазах».

А в связи с этим возникает еще одно недоразумение: г. Лундберг замечает мимоходом, что он состоит советским чиновником с октября 1917 года, между тем, как в 1919 году он обращался ко мне с просьбой, чтобы я поручился за него перед германскими властями, и я счел себя обязанным откликнуться на его просьбу, ибо он был сотрудником «Речи»[120].

В заключение мне приходится тоже покаяться в маленькой хитрости. Когда в «Руле» появилась заметка о предстоящем выходе в свет книги Шестова, мне уже была известна печальная судьба ее. Но в связи с некоторыми сообщениями покойного Сева о его последнем свидании с господином Лундбергом (если господин Лундберг желает, я могу подробно рассказать об этом интересном разговоре), я имел основание думать, что книга фактически еще не уничтожена, а лишь припрятана, и я питал надежду, что пометки заставят господина Лундберга ликвидировать «двурушничество», в котором он кается, в другую сторону, т. е. что он выпустит книгу в свет.

Напрасно поэтому г. Лундберг пытается уверить, что разоблачение этой неслыханной истории объясняется тем, что мы пребываем «на противоположных берегах». Само по себе это «пребывание» не мешало г. Лундбергу посещать меня и, как мне казалось, тоже «беседовать легко и свободно». Но когда я увидел, что «пребывание на противоположном берегу» заставляет человека воскрешать действия царских цензоров, я попытался спасти книгу, когда же это не удалось, я счел своим гражданским долгом увековечить это ауто-да-фе для истории[121].

пропала!", потому что Лундбергу вдруг стало ясно, что книга „нехороша психологически и литературно". Попутно он еще признал, что состоял на советской службе с 1917 года, хотя и уверял, что не имеет отношения к большевикам» (*И. В. Гессен.* Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris, 1979. С. 221–222).

[120] До революции И. В. Гессен являлся редактором кадетской газеты «Речь».

[121] Автор заметки «Покаяние г. Лундберга» в обзоре «Печать», подписанной псевдонимом «С.», которая содержала извлечения из статьи И. Гессена, называл Лундберга «маленьким геростратиком, обессмертившим себя сожжением книги Л. Шестова» и после заключительных слов Гессена делал соответствующий «вывод: избегай „легких и свободных бесед" с людьми, познавшими истину на государственной службе» (Голос России. 1921. 30 декабря. № 852. С. 2).

Ст. Иванович

Подоплека г. Лундберга[122]

«Я правду расскажу такую, что хуже всякой лжи»[123]. Этими словами г. Лундберг мог бы начать изложение истории уничтожения книги Льва Шестова о большевизме. Его «История одной книги», изложенная в № 277 «Нового Мира», показывает достаточно наглядно, что бывает цинизм столь глубокий и столь непреоборимый, что трудно при самом злом желании очернить автора, выдумать что-нибудь такое, что не вмещал бы его «нравственный мир».

«Я правду расскажу такую, что хуже всякой лжи».

Да, он уничтожил книгу Шестова, только, оговаривается он, не 30.000 экземпляров, а 15.000. Сжег ли он их, или каким-нибудь иным образом спас свою душу, этого г. Лундберг не рассказывает. Он уничтожил книгу, потому что «вся книга на мой вкус была очень не хороша. И литературно, и психологически».

Он сдал ее в набор, не читая. Но пришли первые корректуры и – «*я был вне себя*». Еще прежде, чем сдать ее в набор, он совершил над собой насилие. Прочтя корректуру, он послал книгу печатать. «Я еще раз совершил над собой насилие». Книга была уже совсем готова, «но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу, я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книгу, опечатали пакеты и возвратили в типографию».

Через три с половиной месяца, г. Лундберг писал Шестову: Итак, я прошу вас считать как бы не бывшим издание Вашей книги». И эпилог – торжественно-трагический: «вслед за этим письмом все издание книги Льва Шестова «Что такое большевизм» было по моему распоряжению уничтожено».

Итак, ряд насилий над собой г. Лундберг закончил насилием над Шестовым, над книгой, над русской литературой и над духом свободного исследования.

Вольному воля. Но скажите, пожалуйста, зачем это нужно прикрывать, как говорил Владимир Соловьев, «словами пышными поступки гнусные»? Гнусный поступок г. Лундберг прикрывает пышными словами о своих внутренних страданиях. Матушка очень устала, колотя батюшку. Очевидно при этом страдала. Внутренне

[122] Голос России. 1921. 30 [illegible] № 852. С. 2.

[123] Парафраз реплики Гор[illegible]правду об тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи» из комедии [illegible]оедова «Горе от ума» (действие III).

плакала, но батюшку все же колотила. На могиле книги стоит человек и рвет на себе одежды. «Я ее в гроб вогнал, но как это мучительно, как это тяжко»!

Пожалейте его! Лейте слезы сочувствия, ибо перед Вами страдает человек, страдает тяжко. Восемнадцать лет дружил с Львом Шестовым. «Я учился писать на книгах Льва Шестова». По приведенным выше цитатам вы можете видеть, как г. Лундберг научился писать по книгам Л. Шестова. Он на последней его книге написал: «Уничтожить», сжечь, чтобы следа не осталось, чтобы моя хата была с краю.

Но при этом – и это изумительно – он озаботился о пополнении архивов Р.С.Ф.С.Р. Он уничтожил не все 15.000. Он послал несколько экземпляров автору и несколько экземпляров «заведующими архивами Р.С.Ф.С.Р. – Рязанову, для передачи в государственные библиотеки и архивы».

Д. Рязанов – нравственная опора г. Лундберга. «Д. Рязанов тоже понимал, что я уничтожаю не книгу, а свое участие в ее появлении на свет». Так некоторое мамки уничтожают не самое дитя, а «свое участие в появлении его на свет». Д. Рязанов – это еще живой человек, хотя и не моральная опора для г. Лундберга. Он видимо сам понимает, что моральное соучастие Д. Рязанова не спасает положения. Поэтому он ссылается на образ чистый и светлый, на покойного Л. А. Сева. «Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку всей этой печальной истории». Ссылка на С. А. Сева изумительна по своему циническому выражению. Да, мы не сомневаемся в том, что «Л. Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку». Но мы достаточно знали и самого Л. Сева, чтобы знать, как он к подлинной психологической подоплеке г. Лундберга мог отнестись. Как мог отнестись человек, влюбленный в книгу и в мысль, девственный рыцарь культуры, к уничтожению книги, к ауто-да-фе над произведением глубокого мыслителя и своего друга?

Хоть бы пощадил покойника. Достаточно ему и г. г. Рязановых. Они друг друга поймут и друг друга простят. Но выворачивать перед нами свою подоплеку, действовать на нас жалобными словами, демонстрировать перед нами свои душевные глубины, свою любовь к Духу Святому – *ах, оставьте*!

Уничтожили книгу, которая уже совсем была готова, срочно послали людей, которые книгу схватили, книгу связали, книгу опечатали, чтобы не дышала, чтобы света не видела, и довольно.

Четыре месяца лежала связанная книга, тревожа совесть г. Лундберга, и наконец, настал день, Лундберг избавился от тревожившего его и терзавшего призрака «очень нехорошей книги». Взвился дым, рассеялись кошмары, нет книги!

Есть г. Лундберг, деятель культуры и литературы, представитель пролетарского искусства, член всяких почтенных обществ, представитель просвещеннейшего пролетарского государства, издатель тонких, глубокомысленных книг, славящих скифский неудерж безумствующей стихии. Нет книги, но есть г. Лундберг[122].

Больше нам ничего не надо.

Печать[125]

Евг. Лундберг, свободный мыслитель небольшого калибра, «скиф» и пр., полагающееся в наше время большевику, предложил Льву Шестову издать книгу последнего. Лев Шестов согласился, причем Лундберг, согласно обещанию, сдал в типографию рукопись, не читая ее. Книгу набрали, отпечатали. Лундберг пожелал прочесть ее (за редакторами и издателями большевики это право оставили). Прочел – и оказался «вне себя», так как Лев Шестов написал книгу «очень нехорошую и литературно и психологически». Ну, конечно, Лундберг написал Л. Шестову «несдержанное письмо» (надеемся, по всем правилам большевистской литературы). Но «книга была все же допечатана». И тогда, в порыве экстаза, Лундберг «своими руками» уничтожил пятнадцать тысяч экземпляров. Вот, собственно, и вся эта комически-гнусная история.

Но Лундбергу понадобилось по этому поводу вступить в полемику с «Рулем», справедливо отметившим мракобесие *скифского* свободного мыслителя. Свой поступок Лундбергу угодно было поднести читателям, как некий героический акт, как моральный подвиг. И. Гессен в «Руле» сообщает теперь любопытные подробности о Лундберге, претендующем на лавры героя. <...>

К слову сказать: Евг. Лундберг со старых времен отличался талантом – со всеми, с кем он встречался, «беседовать легко и свободно». Иван Александрович Хлестаков на этом своем таланте сделал тоже карьеру.

[124] Приводя эти строки [illegible] «Печать», «Руль» добавлял: «Неужели же он все-таки останется член[illegible]ств и т. д.» (31 декабря. № 341. С. 2).

[125] Последние новости [illegible] 1921. 30 декабря. № 524. С. 2.

Из письма С. П. Ремизовой к М. М. Шкапской[126]

Берлин. 2 января 1922 г.

Дом Искусств уже устроили, там иногда бывает очень интересно[127]. А Вольфилу это еще не устроили, и там больше другие, хотя мы – тоже члены. [Приписка А. М. Ремизова:] Дом Искусств здесь основался и для того, ч<то>б<ы> собрать литер<атурные> силы, и для того, ч<то>б<ы> как-н<и>б<удь> помочь в беде здешней: очень нуждаются и может человек просто сгинуть. Вольфила – отзвук. Жизнь здешняя – это как ссылка. Надо иметь большую мудрость, ч<то>б<ы> держаться самому по себе.

«Скифы» о Блоке[128]

Издательство «Скифы» в Берлине устраивает 3-го января 1922 г. вечер, посвященный памяти Александра Блока – «Скифы о Блоке». Андрей Белый прочтет доклад на тему «Александр Блок как антропософ»[129], Алексей Ремизов скажет слово «К звездам. Александру Блоку и о нем»[130]. Евгений Лундберг прочтет о «России Блока». Александр Шрейдер – «Блок и скифство». Приглашены к участию в вечере лучшие русские и немецкие артистические силы.

[126] Цит. по: *А. М. Грачева*. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом // Русская литература. 1997. № 1. С. 202. Мария Михайловна Шкапская (1891–1952) – поэтесса, член литературной группы «Серапионовы братья».

[127] Организационное собрание Дома Искусств, на котором присутствовали Андрей Белый, З. Венгерова, И. Гессен, Л. Мартов, И. Пуни, А. Ремизов, С. Сумский, А. Толстой, Л. Шестов, И. Эренбург, А. Ященко и др., состоялось 29 ноября – за день до учреждения берлинского филиала ВФА. Помимо общих идейно-художественных задач, близость Дома Искусств и Вольфилы подтверждается тем, что практически одни и те же лица вошли в состав Советов обеих организаций, а также сформировали группу их членов и соревнователей. Подробнее см.: «Дом искусств» // Новый мир. 1921. 3 декабря. № 258. С. 4; а также: Дом искусств в Берлине // Бюллетени Дома искусств. Берлин. 1922. 17 февраля. № 1–2. С. 21–26.

[128] Новый мир. 1922. 3 января. № 2. С. 4.

[129] Вероятно, опечатка; в своем выступлении на заседании «Памяти Блока» Белый называл Блока «конкретным философом».

[130] Речь идет об очерке, который был впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» (1921. 2 декабря. № 500. С. 2–3) под названием «Из огненной России (Памяти Блока)» с указанием места и даты написания «Берлин, 7 ноября 1921 г.». Позже вошел в состав книги «Взвихрённая Русь»

Хроника[131]

– В среду, 4-го января 1922 г. в 8 1/2 ч. веч. в Logensaal Kleiststr., 10 состоится первое публичное заседание Вольной Философской Ассоциации. Доклад Андрея Белого: «Культура духа». После доклада прения.

История одного преступления[132]

С. Постников[133]

Советское аутодафе

Евг. Г. Лундберг сжег 15 тысяч экземпляров книги своего друга и учителя Л. Шестова.

Что же тут удивительного?

Книга против большевизма, а Лундберг честно служит большевистской власти с самого октября. Он вместе с Р. В. Ивановым-Разумником, А. Блоком и А. Белым *принял большевистский* переворот с первых его дней. Правда, Блок и Белый, ожидавшие от большевистской революции религиозного порыва и создания «нового мира», очень скоро в ней разочаровались и ничего общего с большевизмом не имели и не имеют. Иванов-Разумник вместо Голгофы, которую он хотел разделить с большевиками, увидавший торжество Чека, также быстро ушел от коммунистов и теперь духовно совершенно независим.

Не то с Лундбергом.

Он служил большевикам все время верой и правдой, служит и теперь. Чего же другого можно ждать от него, как не уничтожения противобольшевистской книги[134]

под названием «К звездам – [illegible]мяти А. А. Блока». См.: *А. М. Ремизов.* Собр. соч.: Взвихрённая Русь. С. 380–391.

[131] Руль. 1922. 1 января. № 342. С. 5.

[132] Воля России. 1922. № [illegible] 12–13.

[133] Сергей Порфирьевич [illegible]ников (1883–1965) – историк, библиограф, журналист.

[134] Ср. с письмом С. П. [illegible]кова к Иванову-Разумнику от 24 мая 1942 г.: «В последнем письме Вы в[illegible]ии Евг<ения> Германовича. Он не жалуется Вам, что я его разруга[illegible]е России“ за то, что он сжег книгу Шестова против большевизма, [illegible]оторую он сам издал? Только случайно спасли несколько экземпля[illegible] книги (один экз<емпляр> имеется у меня в библиотеке)» (Цит. по: [illegible]треча с эмиграцией. Из переписки Ива-

Задайте себе только вопрос: – на какие средства благородный рыцарь изволит издавать книги? И дальше: – из чьего кармана покрываются убытки по уничтожению книги?

Не всякий издатель позволит себе такую роскошь. Впрочем в большевистской России мы давно привыкли к этому. Практика уничтожения неугодных книг в России довольно обширная. И г. Лундберг не одинок, у него своя компания – истинно пролетарских комиссаров печати – Ионов, Луначарский, Ангарский, Закс и др. Все это «рабоче-крестьянские» представители и им лучше знать, как вести человечество к свету и добру.

Правда, и Л. Шестов попадает как будто не в дурную компанию: Л. Толстой, В. Короленко, А. Блок и Л. Андреев – авторы тоже уничтоженных книг.

Вот несколько случаев из практики:

Осенью 1918 года из корректурных листов популярного журнала Центросоюза «Объединение» был выброшен набранный отрывок из «Семи повешенных» Л. Андреева, рисующий картину казни семи.

В доме повешенного не говорят о веревке. Моя попытка издать этот отрывок в библиотеке «Коробейник» не увенчалась успехом.

Желание одного кооперативного издательства напечатать в 100.000 экз. «Не могу молчать» Л. Толстого было сочтено покушением на злостную агитацию.

«Литературная газета» напечатавшая летом 1921 г. «Письмо о современности» В. Г. Короленко была безжалостно уничтожена, а самое дело газеты передано Чека.

Поклонник и ученик Блока, по собственному его заявлению в «Красной Газете» петроградский комиссар печати, Ионов, весной 1921 г. приказал рассыпать набор книги стихов Блока, т. к. последний не соглашался отдать эту книгу Государственному Издательству. И только своевременное заступничество Союза Писателей спасло книгу.

Многое сжигалось и уничтожалось за это время. Помню – первый литературный костер я увидел 6-го января 1918 г., – на другой день после разгона Учредительного Собрания. Вышедшее тогда «Дело Народа» с черной траурной каймой по случаю расстрела большевиками и лев. эсерами рабочих и солдат, было с яростью сжигаемо на площадях Петрограда.

А потом все пошло в костер и книгорезку; и «Семь повешенных», и «Литературная газета», и черновское «Право на землю», и сборник

нова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Раевской-Хьюз. – М., 2001. С. 247).

«Большевики у власти» и, как курьез, выпущенная союзом инженеров листовка о калориях, т. е. о том, сколько нужно человеку принять пищи, чтобы не умереть с голоду.

И все это уничтожалось руками Ионовых, Заксов, Лундбергов и т. п. – во имя большевизма, во имя спасения революции.

Н. Р<усанов>[135]

Сомнение советской души

Злейшие предатели – наши ближайшие друзья, как гласит в вольном русском переводе известная французская поговорка. У советского чиновника Лундберга нашелся такой очень близкий приятель-предатель: это сам он, ощутивший потребность рассказать издателям берлинского большевистского официоза «Новый мир», почему им была уничтожена последняя книга Льва Шестова о большевизме.

Прочитав это объяснение, читатель, правда, все-таки не поймет, зачем надо было истреблять шестовскую вещь. Но зато, как человеческий документ, косноязычное излияние не лишено интереса Ибо в нем отражается и вся душа этого скромного большевистского земноводного – душа, как полагается ей по штату у таких существ, «видом малая и не бессмертная».

Итак, слушайте: «Полтора года тому назад мною (советским чиновником) решено было приобресть право на издание «философских сочинений Льва Шестова», – в том числе «критики большевизма с библейской точки зрения». И хотя «во время переписки» с автором советскому чиновнику «стало ясно, что корни его (Шестова) критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я (советский чиновник) полагал», советский чиновник принял героическое решение и «предложил писателю следующее: пусть он пришлет манускрипт, я отдам его, не читая, в типографию. Я не могу быть его издателем... но я могу помочь автору издать, *как свое собственное его издание* – (напечатано жирным шрифтом) – книгу в Германии».

Казалось, чего бы лучше. Но тут под сводам черепа советского чиновника разразилась страшная буря. Прежде всего чиновник почувствовал, что «произвел над Шестовым насилие» и предположил, что «и Лев Шестов тоже произвел над собой насилие». А в результате «в услуге» «не было радости и чувства свободы». Тем временем «рукопись была послана в типографию и вслед за тем пришли первые корректуры – я был

[135] Николай Сергеевич [illegible] (1859–1939) – публицист.

вне себя... Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно и психологически. Я написал Льву Шестову более чем резкое, несдержанное письмо. Оно было таково – что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его...»

Тут читатель, конечно, невольно привскочит и спросит себя: то есть, как это «его»? Кого? И как «спасти»? Что это? Большевистская описка? О чем думал, начертывая эти строки, советский чиновник? О том, что Шестова за книгу собственно должно было бы уничтожить? И что надо было спасать его?

А буря под сводами советского черепа все крепчала и превращалась в настоящий ураган, который опрокидывал самые твердые принятые чиновником решения. В самом деле «книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, издана она была не мною... Но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу, – т. е. в момент, когда даже косвенно мои отношения к этой книге прекращались и вся работа и контроль над продажей переходил к Льву Шестову...» читатель ждет, конечно, здесь, всего, что угодно в этот «момент», но только не следующего чиновнического поступка: «я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книги. опечатали пакеты и возвратили в типографию».

Засим книгу советский чиновник продержал в типографии «более полугода», – пока «то замолкая, то разгораясь шел в письмах мой (чиновничий) спор с Л. Шестовым», – и в конце концов уничтожил ее, но «не тридцать тысяч экземпляров, как утверждает «Руль» – а пятнадцать тысяч, скромно поправляет чиновник. «Не могу и не хочу быть двурушником», – писал он об этом выполнении кантовского императива автору...

Итак, вот «история одной книги», рассказанная мною в выражениях самого истребителя. Что сказать о ней? Живет себе маленький литератор, но большой неудачник. Живет, что-то пишет, хватаясь то за то, то за другое направление, сегодня марксист, назавтра «друг» и «ученик» Шестова, но послезавтра левый эс-эр, а там и служитель большевизма. Потому что оно, конечно, философия философией, шестовская или какая другая. Но primum vivere, deinde philosophari[136], – надо поддерживать прежде всего свое бренное существование, а там уже и разводить философические турусы на колесах можно. Бедная, видом малая и не бессмертная душа! Вся то она здесь в свою на-

[136] сначала жить, а затем философствовать (*лат.*).

туральную величину. И сколько питается в большевистском болоте таких скромных меланхолически квакающих что-то во хвалу советского коммунизма земноводных, пока энергиею здоровых русских людей не будет уничтожена большевистская трясина, и видом малые, и не бессмертные люди затянут другие песни!... Вот только жечь им ничего не позволят!...

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга[137]

Декабрь

Когда несколько месяцев тому назад ко мне в комнату вошел бывший редактор еврейского «Рассвета» Л. А. Сев и протянул записку Л. Шестова, я подумал:

– Ну, теперь началось.

И вправду – началось.

Л. Шестов просил меня выдать Л. А. Севу, как его доверенному, изданную мною брошюру «Что такое большевизм».

Сев угрюмо молчал. Он злился, что ему пришлось переступить порог большевистского учреждения, а на меня поглядывал с нескрываемым отвращением. Мне он был всегда неприятен. Начитанный неудачник, он начал свою карьеру тем, что перевел Бокля[138]. Литературные друзья поднесли ему за сей подвиг золотое перо. Золотое перо отравило Сева: он не свершил больше ничего значительного.

Прочитав письмо, я на секунду задумался. Итак, брошюра пойдет в ход, и я – ее издатель. Что же, никто не принуждал, знал что́ делал. Тяжелым усилием воли я подавил внезапно разлившуюся по телу тоску. Какая-то подлая жилка забилась на виске. Рывком взял почтовую бумагу – выбрал без фирмы ВСНХ – и написал ордер в типографию. «Выдать». Протянул ордер Севу. «Берите и уходите поскорее». Я не произнес этих слов вслух, но он ушел не медля ни секунды.

Сверху, из бюро, позвонили, пришел какой-то немецкий профессор. Я крикнул, запирая дверь на ключ и протягиваясь на кушетке:

– Я нездоров. Позовите кого-нибудь другого...

[137] *Е. Лундберг.* Записки издателя. Т. II. С. 198–204.

[138] Ошибочное утверждение. Л. Сев переводил отдельные философские труды с немецкого (См.: [illegible] В. С. Соловьева. Т. 1 / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. С. 160–16[illegible]; *Н. Баранова-Шестова.* Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 41) и не имел [illegible]ного отношения к переводам на русский язык текстов английского исто[illegible]ри Томаса Бокля (1821–1862).

Изменить ничего нельзя. Помочь не может никто. Советоваться не стану. Да и не поймет никто: так много в этом деле напутано и напсихологизировано. Каждый поступок влечет за собою известные следствия. Значит...

Книга отпечатана, не век же ей лежать на типографских складах. Завтра она появится в магазинах. Я теряю право на то дело, которое делаю. Теряю право на Советскую Россию. Теряю право на доброе имя. Справедливо? Нет – и да. Да – и нет. Похоже на двурушничество. Но разве двурушничество – пойти один раз в жизни против самого себя? Ну, да все равно. Был поступок, будут и следствия. Хорошо, что дверь заперта на ключ, и до обеда никто не тронет.

И вдруг – точно ожгло ударом кнута. Кому передаст Сев брошюру? В издательство «Слово», т. е. тому же «Рулю» с Иосифом Гессеном во главе. И Гессен будет ее продавать и рекламировать. Я мог напутать столько, что не распутаю во всю свою жизнь, но мотивы мои не были нечистыми. А тут...

Часы: со времени отъезда Сева прошло не более получаса. На такси – а Сев болен, значит такси – он уже прибыл к месту. Телефонный справочник: секретариат «Руля».

– «Руль»?

– Да.

– Секретарь?

– Да.

– Л. А. Сев здесь?

– Да.

– Где он?

– В кабинете редактора. Позвать?

– Не надо.

Отбой. Так спокойно и чисто на душе! Без торопливости, без чувства запутанности. Звонок на верх.

Попросите Вальтера[139].

Вальтер, как всегда, вступает и комнату почтительно-радостным племянником. У него новый – поярче чем во времена Шерля и К° – галстук и новые, в полоску, брюки. Я фиксирую галстук и брюки, и они удваивают безапелляционность приказаний. Я органически не умею приказывать, но вот приказываю:

– Герр Вальтер, в типографии Эльснера, хранится изданная на трех языках брошюра доктора Шестова «Что такое большевизм». Пятнадцать тысяч экземпляров. Я только что выдал доктору Севу ордер на

[139] Возможно, родственник Р. фон Вальтера.

получение всего тиража. Вы немедленно бросите работу, возьмете автомобиль и аннулируете в дирекции мой ордер. Это должно быть сделано спешно и надежно.

– Будет сделано.

– Вы отберете при свидетелях пятьдесят экземпляров брошюры и привезете их мне. Все же остальные экземпляры, корректуры, верстка, рукопись, вообще все без изъятия, должно быть уничтожено до завтрашнего дня.

Твердо, послушно и быстро:

– Будет сделано. – Минута обдумывания. – Вам нужен официальный акт об уничтожении?

– Да полезно будет иметь.

– Но пятнадцать тысяч могут не поместиться на одном автомобиле?

– Возьмите два... Не стесняйтесь в расходах.

– Будет сделано.

Через полчаса звонок по телефону:

– Доктор Сев еще не был в типографии. Ордер отменен. Вы можете быть совершенно спокойны.

В пять часов вечера:

– Брошюра будет уничтожена тем порядком, каким уничтожаются вышедшие из употребления банкноты и акции. Весь тираж перевезен на место в пломбированных мешках. Завтра в моем присутствии он будет превращен в бумажную массу.

Утром рыжий Вальтер не явился на работу. После полудня он привез мне акт об уничтожении всего тиража и несколько сот марок за принятую бумажной фабрикой массу.

В конце рабочего дня ко мне приехал разъяренный Сев.

– Типография отказалась выдать брошюру. Быть может, не оплачены счета?

– Нет, оплачены. Но я передумал: брошюра вам не будет выдана. Эти двадцать пять экземпляров передайте Шестову и попросите его считать это издание как бы не бывшим.

Сев увидал у меня на столе вторую стопку нарядных белых книжечек, в глянцевитой обложке.

– А эти?

– Пойдут в государственные библиотеки Советской России. Я хочу, чтобы от брошюры остался след.

Сев убеждал меня, что книги – товар и стоят денег. Просил подумать о «суде истории». Напоминал о дружбе с Шестовым. Ругался. Наконец крикнул противным визгливым голосом:

– Вы сожгли ее?

А мне было так спокойно! Только бы он замолчал и оставил меня одного.

Когда он становился слишком настойчивым, я повторял все ту же почему-то полюбившуюся мне фразу:

– Считайте это издание как бы не бывшим.

Расстались мы с тем, чтобы больше никогда не встречаться.

Прошло несколько дней. В «Руле» – заметка о «Скифах». «Скифы» выпускают в свет антибольшевистскую брошюру Л. Шестова, изданную большим тиражом. Несмотря на характер брошюры, она будет, благодаря связям Е. Г. Лундберга, допущена к продаже в Советской России.

Слишком явен был провокационный характер заметки. «Вот они – следствия», – думал я, сочиняя краткое опровержение. Опровержение было неминуемо: заметка задевала и ни в чем не повинные «Скифы» и БИНТ. Видимо, в редакции «Руля» уже были заготовлены соответствующие случаю статьи. Одновременно с моим опровержением – грянула в барабан вся эмигрантская пресса от «Руля» до «Нового Времени». «Ауто-да-фе». «Палач». «На чьи деньги?» – таковы были заголовки статей. Но волновали они мена очень мало. Хуже того, что я сам о себе думал, они не могли сказать. Обвинение в продажности било мимо цели. Пострадали две репутации и две кассы. Поделом – моя, и без вины – скифская. Ибо сколько я ни платил, я так и не выплатил им полностью свой долг. И последний грех был наихудшим во всей истории.

Начали приходить анонимные письма с угрозами убить. Офицерский стиль. Грубая брань. Я уничтожаю их, чтобы не волновать близких.

На докладе о В. Г. Короленко в «Доме Искусств»[140] – борьба с аудиторией. Колючие, ненавидящие глаза. Победить их точностью и сложностью мысли.

А. Белый, проф. Ф. А. Браун и А. Шрейдер основали отделение Вольной Философской Ассоциации[141]. Враждебные крики по моему адресу на первом заседании. А. Белый сказал нелепую речь о свободе и прелести разрушения. Л. Шестов отказался участвовать в Ассоциа-

[138] Вероятно, одно из двух заседаний («бесед») в Доме Искусств в январе 1922 г., тематика которых в газетных объявлениях не идентифицировалась.

[139] Характерно, что Лундберг не отмечает в мемуарах своей роли в организации Вольфилы.

ции, если она на первом же заседании не выразит протеста против большевистских насилий.

Раньше тянуло к «нейтральным» литературным и философским организациям. Теперь не верю, что нейтральные бывают.

Ни русским «искусствам» в кафе ни русским философским ассоциациям здесь не жить. Все – «нарочно», имитация жизни в доказательство собственной неистребимости.

Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922[142]

<Андрей Белый:> За эти годы пришлось столкнуться с разнообразнейшими группами людей, с представителями разнородных течений, на почве попыток там или здесь культурного строительства: приходилось, с одной стороны, работать с Н. А. Бердяевым и кружком «*духовной культуры*», с другой стороны, с Ивановым-Разумником и группой «*Вольфилы*», с театральными деятелями, с пролетарскими писателями, с В. И. Ивановым, с Г. А. Розинским, с И. С. Рукавишниковым, с М. О. Гершензоном и т. д. *Условия работы в России таковы, что все* встречаются *со всеми*; и в объединяющей работе, в *культурной работе*, не существует тех перегородок, той партийной «*грызни*» и травли друг друга, которая поражает, как только соприкасаешься с русскими за рубежом; вопрос «*како веруеши*» здесь есть казуистический вопрос; тебя осторожно ощупывают; в отвлеченнейшей философской мысли отыскивают «*партийную*» подоплеку. Я должен сказать, что сознание *культурных работников* в России, которым приходится претерпевать неимоверные трудности, шире, свободнее; такие противоположные люди, как проф. Г. Г. Шпетт, Н. А. Бердяев, Р. В. Иванов, покойные проф. С. А. Венгеров, Кони, – одинаково отличались бы от ряда русских деятелей заграницей отсутствием в них известной закостенелости (я говорю не о партийном, не о мировоззрительном разрезе, а о некоем сдвиге сознания, не учитываемом в словах, но ясно слышимом, как своего рода ритм); русские в России, сказал бы я, имеют больший слух, большую развитость уха и такта...

[142] Новая русская книга. 1922. № 1. С. 39.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику[143]

Берлин. 15 января 1922 г.

Учредили «*Вольфилу*»: плохо идет. Вместо «*Вольфилы*» – хожу к студентам, русским[144]; и среди них – подлинная «*Вольфила*», а в «*Вольфиле*» вольфилы – нет. Евгений Германович относительно «*Вольфилы*» – увалень: он, персонально милый, стал – чиновником; Александр Абрамович – волевой, но – «*шалый*»; с ним каши не сваришь; Браун живет в Лейпциге; Ященко лишь числится; а Минский, единственно «*хотящий*» «*Вольфилу*», – «*Вольфила*» ли? Руки отваливаются там работать. Чтобы «*Вольфила*» была вольфилой – надо четырежды *впрячься* в нее: за Вас, за Аар<она> Зах<аровича>, за себя, за Конст<антина> Алекс<андровича>. А я не могу: мне с моею трагедией[145] – до себя лишь. Пулю в лоб – вот как плохо.

Шестов из рук вон как подвел: в письме и не расскажешь; с треском, со скандалом вышел из «*Вольфилы*»[146] (из-за газетной истории с Лундбергом). «*Вольфила*» возникла, а у меня сомнение: властью бы председателя ее закрыть: до того она – не «*Вольфила*». Берегите «*Вольфилу*»: из Берлина Петербургская «*Вольфила*» сияет утренней звездой. Любите «*Вольфилу*», особенно «*вольфильцев*», особенно «*вольфилок*», особенно Елену Юльевну: отсюда, изо всех «*вольфил*»-ок ее ценю[147]: она и Виссель, – только они вкладывают свои души в «*Вольфилу*». Ми-

[143] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 234.

[144] Андрей Белый выступал перед аудиторией «Всемирного Христианского Союза Молодых Людей» 18 декабря (доклад «Проблемы культуры») и 29 декабря 1921 г. (чтение поэмы «Христос Воскресе»), а также 15 января 1922 г. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 236. Ср. также: «В воскресение 15 января в 5 час. вечера, в помещении Студенческого зала Y.M.C.A., в кафе „Аббация“, Ам Кни, состоится доклад Андрея Белого на тему „Культура сознания“. Эта лекция является продолжением первой лекции Андрея Белого, прочитанной в том же помещении в декабре». (Руль. 1922. 11 января. № 350. С. 7).

[145] Андрей Белый подразумевает разрыв отношений со своей женой – А. А. Тургеневой.

[146] Вероятно, это заявление было сделано Л. Шестовым в личном письме, отправленном Белому или Лундбергу. Публичное сообщение об отказе Шестова от почетного председательства в Вольфиле появилось лишь две недели спустя.

[147] Е. Ю. Фехнер. Воспоминания Фехнер об Андрее Белом и его письма к ней см.: «Зов многолюбимый...» Андрей Белый и Е. Ю. Фехнер / Публ. А. В. Лаврова // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 105–112.

лый Р<азумник> В<асильевич>! Первое заседание (публичное) было: но – протащил на себе! Публика – благодарила; но это – я, а не «*Вольфила*». Коллектива – нет: здесь, в Берлине, я должен бы был четырежды быть «В.Ф.А.» (за Вас, за А<арона> З<ахаровича>, за К<онстантина> А<лександровича>, за себя); а я ¼ – себя самого!.. Ну какая же – «*Вольфила*» возможна в Берлине? <...>

Милый, – знаете, когда я слушал Штейнера, то... мне казалось: Штейнер – разжиженная «*Вольфила*». Берегите «*Вольфилу*».

Хроника[148]

– Во вторник, 24-го января 1922 г., состоится второе публичное заседание Вольфилы, Berliner Sezession, Курфюрстендамм 232. Н. М. Минский прочтет доклад на тему «От Данте к Блоку».

Программа доклада: 1. Проблема личности как утверждение абсолютной ценности жизни. 2. Проблема личности у евреев, у эллинов и у христиан. 3. Проблема личности у Данте, сперва в «Новой Жизни», а затем в «Божественной Комедии». 4. Романтизм 18 века как разрешение проблемы личности в духе Данте. 5. Опыт романтизма, повторенный в творчестве и судьбе Александра Блока. Его отрицательное отношение к интеллигенции как преходящий революционный момент. После доклада прения, в которых примут участие Андрей Белый, Алексей Ремизов, Евгений Лундберг и др. Начало в 8½ ч. веч.

Ст. Иванович

Век философии[149]

Я читал в газете объявление о том, что Вольфила (Вольная Философская ассоциация) устраивает публичный вечер, на котором Н. М. Минский прочтет доклад «От Данте к Блоку», а в прениях выступит г-н Лундберг.

[148] Новый мир. 1922. 24 января. № 20. С. 4.

[149] Голос России. 1922. 26 января. № 875. С. 2. Ср. с комментариями в обзоре «Печать» газеты «Руль»: «В „Гол. России“ Ст. Иванович касается щекотливой темы, заставляющей вернуться к г. Лундбергу. На докладах в „вольной философской академии“ г. Лундберг тут как тут. <...> Удивительно, конечно, не то, что г. Лундберг сохраняет ясный взор, а что „академия“ проявляет такую терпимость» (1922. 27 января. № 364. С. 2).

Меня это объявление крайне поразило. Мне казалось, что после покаянных объяснений маленького инквизитора, сжегшего книгу своего учителя, ему бы следовало глубоко спрятаться в обширных складках советской власти и уже не выходить наружу, дабы не смущать своим присутствием на открытом месте ни других, ни себя. Как видите, я жестоко ошибся.

Жив курилка! И на докладах выступает, про Данте и про Блока будет рассказывать. И очевидно, ни малейшего следа неловкости. Вот вчера 15.000 экземпляров книги моего учителя спалил, а сегодня публично на докладах выступаю.

Есть люди которые все могут. Для них абсолютно никаких психологических преград не существует. С челом чистым, со взором ясным они выходят на трибуну: здравствуйте, вот и я.

Удивляться, впрочем, тут нечему. Лундберг выступает в Вольфиле, а Вольфила – это его детище, он там товарищ председателя. Стало быть, он у себя дома. Но в таком случае, зачем в этот дом идут другие, которые книг не жгут, советской власти не обязаны и совестью г-на Лундберга не обладают? Вот это удивительно.

Эта вольная философская ассоциация – очень уж вольная и очень уж философская. На обывательском жаргоне «философским отношением к вещам» называется степень безразличия, психологического и морального, при котором все трын-трава и «нам с лица не воду пить». Столь «философское» отношение к вещам меньше всего свойственно философам, ценящим абсолютные начала добра, правды и красоты. Та вольность, при которой почетным председателем общества состоит Л. Шестов, а товарищем председателя – его маленький инквизитор – эта вольность совершенно чужда духу философии.

Приходят люди, осененные ее благодатью, и выводят за руку человека, осененного благодатью святых отцов инквизиции. Вот это удивительно! Вот это российское беспамятство, это «философское отношение к вещам» глубоко огорчительно. Оно внушает людям типа г-на Лундберга неискоренимую уверенность в том, что что бы они ни совершили, им все это сойдет с рук. Они останутся при всех условиях порядочными членами порядочного общества. И попробуйте запротестовать – ничего из этого не выйдет, потому что вот доказательство: г-на Лундберга признают и вместе с ним выступают такие-то и такие-то – следует ряд почтенных имен.

На моей памяти другое происшествие, но в том же стиле. В «Доме Искусств» выступил с докладом об имажинистах г. А. Шрейдер. Увидев его, я был чрезвычайно поражен. Ведь это же тот самый... тот, который, по поручению большевиков, судил многострадальную рус-

скую печать в качестве председателя особого большевистского суда по делам о «преступлениях печати»[150]. Я спросил мою соседку, желая проверить себя: это тот самый?

– Ну да, ответила она, тот самый!

Для меня это было удивительно, ибо с именем г-на Шрейдера у меня связана была трагическая полоса истории русской литературы, когда большевики убили всю прессу. Я вспоминал стон и скрежет зубовный, звуки разбиваемых стереотипов, звон ружей, применявшийся при этой операции...

Тогда г. А. Шрейдер нас судил. А теперь он стал нас просвещать. Тогда немыслимо было, чтобы этот судья появился где-либо в обществе независимых работников пера. А здесь он появился, и... ничего. Он появился среди людей, у которых и при его содействии было вышиблено перо из рук, которые и благодаря ему, оказались вне пределов родины, оторванные от своей аудитории, лишенные возможности осуществлять свое признание журналиста и литератора. А теперь он среди нас всех, и доклады нам читает, и все по хорошему, по семейному, тихо, мирно.

Там, в России, захлопнулась бы перед ним дверь всякой независимой литературной организации, а здесь ни одна блоха не плоха – все черненькие, или, скажем, все красненькие, все прыгают. И среди этого танца смерти и у Александра Шрейдера есть пара.

Говорят, что на миру и смерть красна. Нет, тут не смерть красна, тут красно всякое преступление против Духа Святого, против свободы слова и свободы мысли. Здесь образ насилия и образ его жертвы расплываются в один серый образ, общественно-психологического беспамятства, «философского» отношения к вещам. Здесь нет граней и разделов. «Нам с лица не воду пить, и с корявым можно жить».

Можно, потому что нужно. Невозможно жить без самого ближайшего соседства с корявыми. Куда нога не ступит, там та или иная форма общественно-политической корявости. Происходит смешение языков, и среди всеобщей неразберихи – кому охота заниматься такими делами, как морально-общественной очисткой того места, на котором стоишь. Здесь царство терпимости, отвечающее скептическими зевками на настойчивые призывы морального сознания.

– Далеко вы, батенька, у[illegible]е с вашими рассуждениями...

[150] С января по февраль 191[illegible] А. Шрейдер возглавлял «Петроградский революционный трибунал печ[illegible]

Ясно, никуда не уйдешь, шагу не ступишь, потому что кругом бездна вольности и бездна философии. Хромают только прежние ассоциации. Ассоциируется теперь то, что раньше не ассоциировалось. И на этой основе вырастают вольные философские ассоциации, в которых автор одной книги – почетный председатель, маленький инквизитор, эту книгу сжегший – товарищ председателя, а судья, судивший «преступления печати» – секретарь.

Берлин[151]

– Во вторник в Зале Сецессион состоялась лекция Н. Минского «От Данте к Блоку». Лектор затронул вопрос об отношении интеллигенции к народу. Лекция собрала полный зал и прошла с большим успехом. В качестве оппонентов выступали Андрей Белый и Лундберг. Прения, в виду позднего времени, не были закончены и в ближайшие дни предполагается еще одно дискуссионное собрание на тему о докладе Минского.

Собрания «Вольфила»[152]

Недавно в среде русской колонии Берлина образовалось «Вольное философское общество» (Вольфил), возглавляемое поэтом Н. Минским, Андреем Белым, Евг. Лундбергом и А. Шрейдером, из которых последние два состоят членами таких же обществ в Петербурге и в Москве. Судя по резюме, сделанному на первом собрании общества его председателем, Н. Минским, оно ставит себе задачей «показать и научить как следует жить и мыслить». В этом первом собрании докладчиком выступал Андрей Белый. Его доклад был посвящен «Культуре духа» – теме, изложенной докладчиком с большой экспрессией, но в то же время настолько абстрактно-философской, что аудитория едва ли могла вынести из нее тот практический урок, который наметил в своем резюме г. Минский.

Вчера состоялось второе публичное выступление «Вольфила». Докладчик Н. Минский говорил на тему «От Данте к Блоку». Здесь основная тенденция выразилась более резко и элементарно: противопоставление личности обществу, коллективу вообще, превознесение

[151] Голос России. 1922. 26 января. № 875. С. 4.
[152] Новый мир. 1922. 27 января. № 23. С. 4.

и обожествление первой и низведение последних на степень социально-нивелирующей силы, умаляющей высокое, божественное значение личности. Только в одном случае коллектив как будто приближается к божеству, а не являет собой сброд индивидуальностей, это когда речь заходит о русской интеллигенции, которую революция, несмотря на ее исключительные заслуги перед освободительным движением, устранила от ее высокой духовной миссии. В этом процессе низвержения духа погиб-де и вдохновенный вождь интеллигенции, чистый поэт, Александр Блок.

Н. Минский выступает плакальщиком интеллигенции. В прениях, следовавших за его докладом, Евг. Лундберг старался опровергнуть главные тезисы докладчика, а Андрей Белый доказывал, что Александра Блока отнюдь нельзя возводить под категорию «чистого поэта».

Прения не закончены, и их решено продолжить на ближайшем собрании общества.

От Данте к Блоку[153]

Под этим заглавием Н. М. Минский прочел доклад в публичном заседании вольно-философской ассоциации.

Центр тяжести доклада лежал однако, не в Данте и не в Блоке, а в религиозно-философских концепциях самого Минского. Докладчик видит весь смысл человеческой драмы в борьбе за индивидуальность. Утверждение личности как абсолютной ценности и самоцели, вот то высшее стремление, которое определяло судьбы человечества в пределах земного эпизода, называемого историей. И это утверждение лектор считает возможным защищать, несмотря на то, казалось бы, противоречащее явление, что в результате сотрясений, войны и революции, личность, как никогда, подавлена и поглощена коллективом. Лектор вынимает личность из эмпирических условий противоборства с коллективом и ставит проблему на религиозно-философской почве, где личность и общество не противостоят, а являются восполняющими одна другое элементами конкретного целого.

В иудейском и греческом идеалах личности докладчик видит тезис и антитезис проблемы индивидуальности, нашедший свой

[153] Руль. 1922. 28 января. № [illegible] С. 5. В основу доклада была положена одноименная статья, опубликов[illegible] в журнале «Современные записки» (1921. 5 октября. VII. С. 188–208); [illegible]е издание вышло в берлинском издательстве «Мысль» в 1922 г.

высший синтез в флорентийском Богочеловеке – Данте. Иудейство нашло свой идеал вне себя. Здесь личность испепеляется и сгорает в огне веры. Греки же познавали Бога не сердцем, а глазами и проблема личности решалась для них в процессе самообожания. В христианстве, казалось бы, оба идеала сошлись, но совпадение было кажущимся. Христианство, правда, зажгло эллина святостью иудея, но оно принесло не только святость, но и веру. Христианство отвергло красоту природы и устремилось в мир потусторонний. Плоть была отвергнута и женщина была признана сосудом дьявола.

В четырнадцатом веке случилось событие всемирно-исторического значения. Во Флоренции родился Данте, в нем впервые христианская святость соединилась с эллинской красотой. Любовь Данте к Beatrice становится центральным моментом в борьбе человека за личность.

В заключительной части лектор коснулся русской интеллигенции, пытаясь связать решение проблемы личности с интеллигенцией.

Берлин[154]

– Во вторник, 24-го января состоялось второе заседание Вольфилы (Вольно-Философской Ассоциации), на котором Н. М. Минский прочел доклад «*От Данте к Блоку*». Основная мысль доклада развитие идеи личности не в смысле чисто общественном, т. е. не как противоположение личности коллективу, а в плане религиозном. Развитие сознания личности, по мнению Минского, шло от иудейского и эллинского идеала к христианскому, и через поэзию Данте нашло свое выражение в романтизме 19 века. В стихах и судьбе Блока повторился весь опыт романтизма. Минский закончил свой доклад словами о том, что проблема личности в России является проблемой интеллигенции.

Доклад вызвал возражения, в особенности со стороны Андрея Белого. Продолжение прений и заключительное слово Минского перенесено на третье заседание Вольфилы, которое состоится в четверг, 2 февраля вечером в том же помещении (Berliner Session, Kurfürstendamm 232)

[154] Голос России. 1922. 31 января. № 879. С. 4.

Печать[155]

«Голос России» сообщает, что

«Л. И. Шестов сложил с себя звание почетного председателя Вольной Философской Ассоциации ("Вольфилы")»[156].

Какая же в этом беда? Зато ведь г. Лундберг остался и соловьем разливается!

В Вольфиле[157]

На третьем заседании Берлинской Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы), состоявшемся 2 февраля и посвященном творчеству А. Блока, председатель Вольфилы Андрей Белый перед открытием заседания посвятил несколько слов нападкам местной печати на Вольфилу. В своей речи Андрей Белый, между прочим, сказал:

– Мы собирались при открытии Вольфилы посвятить одно заседание целям и задачам Вольфилы, но до сих пор этого не сделали. Теперь я вижу, что в будущем придется это сделать. В местной прессе начались нападки на нас. Людей, нападающий на нас, убедить нельзя, но мы должны противопоставить этим нападкам наше понимание философской ассоциации. Помимо правого или левого отношения к вопросам культуры и жизни, существует еще отношение к ним – возвышенное и низкое. Именно это последнее отношение свойственно людям, не приходящим сюда к нам, не защищающим серьезно и добросовестно свое понимание вопросов культуры и философии, а притаившимся в складах желтой прессы и оттуда пытающихся уязвить нас. Нападки желтой прессы для нас привычны. Она не раз нападала на нас и до революции, когда стояли и обсуждались другие вопросы и когда мы также серьезно и искренно пытались разрешить их.

[155] Руль. 1922. 3 февраля. № 370. С. 2.

[156] «Голос России» в рубрике «За день» сообщал: «Л. Шестов отказался от звания почетного председателя "Вольфилы"» (1922. 1 февраля. № 880. С. 1). Ср. также с письмом Шестова к Ловцким из Парижа от 12 февраля 1922 г.: «С Лундбергом у меня, видно, всем плохо будет. Он не напечатал до сих пор о моем выходе из В.Ф.О. [подразумевается Вольная Философская Ассоциация – *публ.*] – и мне приходится самому принять меры к тому, чтобы оповестить публику об этом, т. к. большинство газет все время продолжали меня называть почетным председателем» (Цит. по изд.: *Н. Баранова-Шестова*. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 230).

[157] Бюллетени Дома Иск[усств]. 1922. 17 февраля. № 1–2. С. 28–30.

Руководимые низменными инстинктами че-ки или контр-разведки, пытаясь повсюду вносить нравы, которые мешают всякой культурной работе, эти люди думают помешать и нам. Но у нас для всех них может быть только один ответ: «Руки прочь». – Если бы к нам пришли Герострат или Нерон, которые захотели бы серьезно и искренно изложить мотивы действий, мы охотно выслушали бы и их. Но господам, желающим внести в нашу среду обыкновения контр-разведки или чеки, мы ответим: «Руки прочь!»

Печать[158]

Андрею Белому

В № 1–2 Бюллетеня Дома Искусств в Берлине напечатана часть речи, произнесенной Андреем Белым на третьем заседании Вольфилы 2-го февраля и посвященной «нападкам» местной прессы на «нас» (то есть на Вольфилу). Андрей Белый считает необходимым противопоставить этим нападкам «наше» (то есть А. Белого и его друзей) понимание задач Вольной философской ассоциации.

«Помимо правого или левого отношения к вопросам культуры и жизни, пишет Белый, существует еще отношение к ним возвышенное и низкое. Именно это последнее отношение свойственно людям, не приходящим сюда к нам, не защищающим серьезно и добросовестно свое понимание вопросов культуры и философии, а притаившимся в складах желтой прессы и оттуда пытающихся уязвить нас». «Руководимые низменными инстинктами Чеки или контрразведки, пытаясь повсюду вносить нравы, которые мешают всякой культурной работе, эти люди думают помешать и нам. Но у нас для всех них может быть только один ответ: “руки прочь”».

Так как из местной прессы «Голос России» посвятил две статьи нравам Вольфилы, то мы считаем нужным ответить Андрею Белому.

Мы думаем, что помимо правого или левого, возвышенного или низкого отношения к вопросам культуры и жизни существует еще отношение честное и бесчестное в смысле этическом. Мы полагали и полагаем, что людям, которые занимаются сжиганием порученных им для издания книг, а также людям, которые занимались удушением свободной печати и изобретением для нее скорпионов, не место в литературном, философском и вообще общественно-культурном учреж-

[157] Голос России. 1922. 19 февраля. № 896. С. 2.

дении. Что не мы одни так думаем, свидетельствует факт отказа Льва Шестова от почетного председательства в Вольфиле. Смеем думать, что Андрей Белый чувствует себя хорошо в обществе Лундберга и А. Шрейдера – о вкусах не спорят, и это его дело. – Мы предпочитаем находиться в обществе Льва Шестова.

Свою речь Андрей Белый закончил следующими словами:

Если бы к нам пришли Герострат или Нерон, которые захотели бы серьезно и искренно изложить мотивы действий, мы охотно выслушали бы и их.

Можно позавидовать необычайно широкой терпимости Андрея Белого. Эта широкая терпимость на обыкновенном языке носит другое, не столь благозвучное название. Весьма возможно, что терпимость Андрея Белого доходит до того, что он охотно выслушал бы не только Геростратa и Нерона (Герострат и Нерон давно умерли и кости их истлели), а здравствующих Лациса, Петерса и Дзержинского или ждущих своей очереди царских охранников, которые захотели бы серьезно и искренно изложить ему мотивы своих действий в застенках Чека. Нам, обыкновенным людям, такая широкая терпимость непонятна. Мы думаем, однако, что если Андрей Белый опустится с заоблачных высот Вольфилы, где одесную его сидит сжегший книгу Шестова Лундберг, а ошую закрывавший в Петербурге газеты и арестовывавший редакторов А. Шрейдер, на грешную землю, то он, может быть, поймет, что достоинство и честь русской культурной мысли от новоявленных Шешковских и Магницких защищали мы, а не он, желающий совместить в гостеприимном лоне Вольфилы гонителей и душителей свободной мысли с жрецами этой же мысли. Поймет и, будем верить, устыдится.

Из письма Л. Шестова Ловцким[159]

23/П <19>22. Paris.

Теперь о моих делах. «Скифы», очевидно, добиваются, главным образом, того, чтоб делать мне неприятности и всячески мешать мне. Я уже от них получил два письма – – и последнее (пришло сегодня) очень грубое. Вот оно: «Изд<ательство> Скифы категорически предлагает Вам либо принять – – в недельный срок – – условия изложен-

[159] Библиотека Сорбонны. Ms. 2114. Vol. IX. Fs. 113–113 об. Ловцкие – сестра Шестова Фаня Исааковна (1873–1965) и ее муж Герман Леопольдович (1871–1957).

ные в письме от 11 февраля 1922 г. , либо – – в тот же срок возвратить полученный Вами аванс в 3.000-тыс. фр<анков>, который не может почитаться Вам принадлежащим с момента нарушения Вами договора со Скифами». Очевидно, это ответ не на мое письмо (я написал им 20-го и это письмо от 20-го). Очевидно, они решили, искать придирки, чтоб во что бы то ни стало поднять новый скандал. Лундберг написал мне, что вышел из «Скиф<ов>» и потому не сам будет скандалы устраивать, но вперед все скандалы одобряет и оправдывает, т. к. мое «поведение» ему не нравится. Вероятно, скандалов не избежишь. Вообще говоря, конечно, ничего тут страшного нет. Мне только очень больно, что Лундберг принимает в этом участие. Я боюсь, что ему это не меньше больно, чем мне. Ведь знает он, что договора у нас не было, а что какие были соглашения – – нарушены не мной, а «Скифами». Знает он тоже, что у меня есть письмо от «Ск<иф>ов», в котором выражено согласие на то, чтоб я издавал даже все мои сочинения у другого издателя (Вы видели это письмо) и что это письмо «Скифы» прислали именно в виду того, что они нарушили «договор», ибо обязались выпустить в январе, феврале 1921 г. мои книги, и до сих пор ничего не выпустили. Знает он тоже, что когда прислал задаток – он написал мне, что бы ни случилось, задаток возвращению не подлежит. И в переговорах с Ефроном[160] он принимал самое близкое участие, сам помогал мне, передал мой перевод «Толст<ого> и Дост<оевского>»[161]. Мало того, сам мне предлагал издать по-русски «Д<остоевский> и Н<ицше>» у Ладыжникова[162]. А теперь, очевидно, отрекается от всего этого? Прямо не могу поверить этому; мне кажется, что с ним случилось что-либо ужасное, что его связали по рукам и ногам, если он может «оправдать» образ действий «Скифов».

[161] В декабре 1921 г. Шестов подписал с издателем А. Ефроном договор о выпуске немецких переводов своих книг, от издания которых отказались «Скифы», однако в этом издательстве они также не увидели свет.

[162] Вероятно, речь идет об объединенном издании переводов двух книг Льва Шестова – «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше» (1900) и «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1903).

[163] И. П. Ладыжников – хозяин издательства, названного его собственным именем. Книга «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)», тем не менее, вышла в издательстве «Скифы» в декабре 1922 г. после того, как в апреле «Скифы» значительно улучшили свое финансовое положение.

Андрей Белый

О духе России и «духе» в России[163]

Мне хотелось бы дать очерки, живописующие жизнь культуры России, – теперешней; чувствую, – приступить не умею я к ним, не сказавши о том впечатлении, которое неизбежно выносишь от духа России.

Что же собственно происходит в России?

И – знаешь: обычное слово не поднимает России; ни термин, ни образ оно; живописать, – это значит: перечертить ряд этюдов с натуры, которая – ах, как трудна! Определить отношение в формуле? Но – в России теперешней формулы нет; есть плавление лавового процесса, то есть ландшафты сознания, ни на что не похожие ситуации, устремления, вкусы...

Да, голод и холод, болезни и смерти – все было, все есть; все то будет еще: миллионы страданий, деморализация, видная всем; все – известно... Так почему же вопрос? Стало быть: есть таки «*что-то*» еще? Стало быть: «что то» – точка вопросов?

Не справишься о химией без лаборатории; чтение учебника не гарантирует навыка в производстве химических опытов; а ведь Россия – лаборатория; пребывание в ней – исключительно ответственный опыт, который для лиц не проделавших опыта, – утверждение только. – Позвольте же: почему вес атомный азота – «14», не «17». – «14» – все тут... Так «что-то» в России; ты знаешь его, осязаешь его; убедить в нем – не можешь; пожалуйте в лабораторию.

– «В России в то-то и то-то... ("17" есть вес азота)».

– «Не то-то, а – "это" ("14" – вес азота)»...

До Лавуазье полагали: горение – разложение, выделение невидного газа; и звали тот газ *флогистоном*; в сгоревшей России ее «флогистон» (специфический дух ее) испарился; Россия – бездушная, мертвая, движимая лишь процессами разложения.

Но – Лавуазье доказал: при горении – соединение с газом; так: если собрать перегары (золу, дым, пары, газы), – вес увечится от слияния с «чем-то», иль – с кислородом. – «Россия – распылена, как зола». – «Нет, – расширена, вес увеличен ее»... Это я утверждаю из опыта, недоказуемого при помощи формул.

В России – неосязаемый «плюс», или «что-то» – чего прежде не было; спрашиваете: «Что в России». Ответ: «Что-то». Смеетесь: «На «что-то» в «где-то» не строят ответов; но дикарю всякий «газ» – только

[163] Голос России. 1922. 5 марта. № 908. С. 5–6.

«что-то»; приемы установления газового закона, неподдающиеся осязанию пальцами, – чушь для него; между тем на законах Дальтона и Гей-Люссака отстроилась физика. На законах «чего-то», не видного глазу, – построена будет Россия; в ней «что-то» – проснувшийся дух, открывающий зеницы самосознания.

Твердое тело – отлично от газа; оно – неизменно, предметно, недвижно и форменно; – газ беспредметен, текуч, расширяем, бесформенен. Так и Россия: она изменила свое состояние; и из предметной, границами обрисованной формы, она превратилась в бесформенное расширение прядающих паров; все увидели: в пламени – разложение тела; не увидали: соединения, элементов ее (индивидуумов) с некой новой, духовной стихией, – соединения, образующего великолепнейшее скопление паров над водой, из которого в будущем на золу изольются культурою плодотворящие ливни.

Сознание русских в России – расширено; я, вот, писатель, был вынужден переменить рады служб, писать в холоде, читать курс за ботинки и шапку; конечно – печально... Два года стремился из бедной, голодной, тифозной России; и понял на западе, здесь, что в голодной тифозной России вооружился единственным опытом выхождения из себя самого, позволяющим на себя самого, на писателя поглядеть оком дворника, приобщая и дворника к интересам писателя; все бывали в России – во всех; опыт новый расширенный:

Все – во мне; и я – во всем...

Так узнание, что коллектив – индивидуум, что индивидуум – в коллективе, и что границы обычного, личного, собственнического сознания – фикция, все то складывает – космическое сознание России; но о сознании этом сказать здесь – решительно утверждать, что каналы на Марсе – произведение марсиан (– «Но позвольте, ученые до сих пор еще спорят». – «Ученые не были там, а я – был...).

Так же дики мои утверждения: солдаты, матросы, рабочие вместе с доцентами там обсуждают проблемы культуры, сознания, мысли; с востока на запад и с севера к югу стоит соловьиное пенье поэтов, как будто бы стала Россия весенним ласкающим садом, а не гниющим воняющим кладбищем. Вот ведь вопрос, почему так поется. А здесь не поется; мне – пелось, а я испытал и моральные и материальные боли.

Предсмертное лебединое пение?

Все таки: лебединая песнь по весне есть обет о весне уходящего в смерть; умирание – без него не восстанет никто; просто встанет, пожалуй, для... отбывания очередной суеты, от которой в миг смерти отвертываются, как от чего то пустого, а пустоты то и нет в ощущениях современной России; присутствует – «что-то», что весит; то – вес кислорода (сошедшего духа) в процессах перегорания и разложения.

Думаю: лебединая песня теперешней с голоду, с холоду философствующей России есть песня Сократа над чашей с ядом. Сократа нам жаль; но что было бы, если бы не светил светлый образ Сократа, приявшего яд? Его знание, нас осветившее, – знание выпитой чаши, быть может? В тот миг, когда он выпивал свою чашу, Платон, может быть, отразил – светлый образ Сократа над чашею с ядом: векам?

Современный Сократ, отравляемый внешне и внутренне вознесенный, расширенный, соединенный с вещающим, внутренним гением (с кислородом) – теперешний русский; одет он в лохмотья; пришел – из хвостов, из промерзшего, вшивого помещения по загаженным улицам; он пришел – философствовать, сократический гул диалектики песней стоит над Россией; невероятными ужасами из сознания мужичка, разночинца, рабочего, интеллигента, студента выдавливается фаланга сократов, перед которыми ставится «чаша»: причастие Духом. Причастие Духом есть факт, отлагающий новую культуру России, иль утверждение: «Вес азота – 14»...

– «Почему не 17?»

– «Пойдите за мной по моим перспективам».

А доказать тут нельзя.

Доказательство – оптимизм приезжающих из России, замученных, полубольных, истощенных; казалось, они бы должны черпать силы в довольных и сытых культурою зарубежников – русских; но, нет; зарубежники пессимисты, их обрывают унынием:

– «Что вы распелись? Какой таков свет?»

Он – оттуда, из «что-то», чего доказать вам нельзя, господа пессимисты; он – факт эмпирический. Он – факт сознания, имманентного жизни России; он – песня Сократа над ядом; она – нам поставлена так же, как Фаусту; но, поднесенная к горьким устам, опускается; слышим, как Фауст, мы: «Christ ist erstanden»! Пусть там умирают, но – там умирают любя; живут – здесь, но... но... сколькие русские здесь живут для проклятия. Здесь вышел Шпенглер написанной книгой; а там произносится множество Шпенглером не написанных книг; вы – не верите? Жаль. Пропустив чрез себя вереницы собраний, бесед, лекций, студий, кружков, – утверждаю от опыта: «Вес атомный азота – 14, а не – 17».

Да, «чаша» экзамен России; пред чашею падают в скотоподобное состояние; над «чашей» взлетает из облачка обыденной обывательской – ангелический, шестикрылатый предтеча грядущего Русского, как устремление, как пар; и Россия – не в павших, а – в устремленных, горе, в окрыленных в взывающих:

– «Буди!»

Великолепно описана Достоевским смерть старца, Зосимы[164]; в монастыре ожидали, что – будет: прославится ль тело, или – протухнет оно; ждали чуда; иные ходили обнюхивать гроб, как один любопытный монашек; он первый разнес, что – «протух».

В отношении к современной России я наблюдаю два стиля; один – стиль Алеши; другой – стиль монашка, пришедшего к гробу «понюхать», удостовериться, что «протух»; напоминают иные из зарубежников-русских такого монашка; в оттенке вопросов («Ну что, как в России»?) – понюхиванье; из всего постараются вывести:

– «Вы говорите там о каком-то процессе горения, расщепляющем на элементы, соединяемые с кислородом духовной культуры. По нашему эти процессы понятны: процессы, происходящие в трупе».

Материалисты одиноки, «принюхиваются» к гробу; они – иль монашки, или покойники рассказа «Бобок»[165], играющие словами «дух» (запах) и «Дух». Вывод их: «Дух – есть, есть: попахивает, сгнивает».

Канализация полуразрушена; и нечистоты с дворов не вывозятся (крупный профессор, покойный уже, в своей собственной комнате, где замерзла вода, на печурочке разогревал, чтобы оттаяло то, что естественно выносимо из комнат). И все-таки: почему не о «духе» одних нечистот, а о Духе Святом говорим мы, вернувшиеся из России? Да потому что мы видели – «что-то», чего не узнаешь, не поживя там; перед Алешей у гроба возникло виденье Зосимы, сияющего; Алеша над гробом «протухшего» тела увидел – живое нетленное тело; увидел Христа трапезующего.

Не думайте, что современные русские не умирают в сомнениях, в разуверениях, в болях; все – есть; но есть и иное; видение живой и нетленной России. Не «принюхивающимся» монашкам и не покойникам из рассказа «Бобок», бывшим людям, кончающим лозунгом «обнажимся и заголимся»[166] – не им различить Духа жизни России «духа» улиц (испорчена канализация).

Помните: после видения Алеша выводит; и – видит: синесапфирное небо, покрытое звездами; небо с огромной звездой над конюшнями «*скотопригоньевской*» жизни увидели мы; и утверждая «*Россия есть скотный*», – должны бы договорить: там есть ясли с «младенцем», ко-

[164] Братья Карамазовы (*примеч. авт.*).

[165] Достоевский (*примеч. авт.*).

[166] Ср. также: «Обыватель в человеке – бессмертен, ибо духовно мертв; он вечен, ибо его род, по слову Заратустры, неистребим как земляная блоха» (*Иванов-Разумник*. Бобок // Знамя. 1919. 3 февраля. № 2. С. 17–20).

тором не позволили родиться нигде, кроме «*скотного*», хозяев «*постоялых дворов*» прошлой жизни.

Взглянувши на нынешнюю России, вы созерцаете:

Проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла!

И – восклицаете:

И это –
Был
Христос?

Но –

– Это –

Воскресло![167]

Новые полномочия Лундберга[168]

(От собственного корреспондента)

Ревель, 6. 3.

Здесь получены сведения из Москвы, что сожжение г. Лундбергом книги Шестова заставило советскую власть обратить особое внимание на деятельность его. Берлинскому представительству предложено поставить г. Лундберга во главе литературной контрразведки для наблюдения за поведением писателей и ученых, приезжающих из России и вообще находящихся заграницей.

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому и А. М. Ремизову[169]

9 марта <1922 г.>

Дорогие Борис Николаевич и Алексей Михайлович,

Вы оба, давно знаете меня. Вы, Алексей Михайлович, близко связаны с Домом Искусств, а Вы, Борис Николаевич, с Вольфилой. И потому правильнее всего мне Вас обоих запросить о том, могу ли я рассчитывать на какое-либо реагирование со стороны сотоварищей по перу против той травли, которая ведется в Берлине против меня, или

[167] Андрей Белый цитир[illegible]ственную поэму «*Христос воскрес*» (1918).

[168] Руль. 1922. 9 марта. N[illegible] 3.

[169] Amherst Center for R[illegible]ulture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой.

мне следует полагаться на собственные силы? В 399 № «Руля» появилась телеграмма «собственного корреспондента» о назначении меня в контрразведку.

«Телеграмма» эта, что для меня несомненно, является прямою местью за следующее.

Несколько дней тому назад я виделся с Б. А. Пильняком. Он рассказал мне о том, что Вы оба и он намерены читать свои произведения в пользу голодающих в России в квартире И. В. Гессена. На это сообщение я реагировал довольно резко, ибо оно огорчило меня. С моей точки зрения можно читать в Адлоне, в Эдене, у любого банкира, у Ратенау, даже у Ульштейна, но не в квартире редактора газеты столь яркого направления. Эти соображения я и высказал Б. А. Пильняку[170].

И не «далее», как через неделю в «Руле» появилась телеграмма о том, что по службе своей я имею дело исключительно с профессорами и учеными, приезжающими из России — ибо отдел мой снабжает их, Академию, высш<ие> учебн<ые> заведения и научные общества — книгами и библиографией.

Независимо от того, меня ли эта травля касается, или касалась бы кого-либо другого, я должен сказать, как историк литературы, что не знаю в прошлом случая применения столь глупых приемов. И. В. Гессен пытается доносить на меня и направо и налево, и я не буду удивлен, если в будущем газета эта начнет фабриковать компромет<ирующие> меня документы, слухи и пр.

С искренним приветом, Е. Лундберг.

Адрес мой: Schlachtensee, Sanatorium «Schlachtensee», Zim. 54.

[170] Прозаик Борис Андреевич Пильняк (наст. фам. Вогау; 1894–1938) в начале 1922 г. был командирован в Берлин, где поселился у Ремизовых. Ср. также с дневниковой записью К. И. Чуковского от 29 сентября 1922 г.: «Он [Пильняк] вообще жох: рассказывал, как в Берлине он сразу нежничал и с Гессеном, и с советскими, и с Черновым, и с Накануневцами — больше по пьяному делу. <...> Он рассказывал берлинские свои похождения: Лундберг из тех честолюбивых неудачников, которые с надрывом и вывертом. Он как-то узнал, что я, Белый и Ремизов собираемся читать в гостях у Гессена в пользу „Союза Писателей“, и сказал мне: „Что вы делаете? Вы погубите себя. Вам нельзя читать у Гессена“. Я (т. е. Пильняк) взял и рассказал об этом Гессену, Гессен тиснул гнусную заметку о Лундберге, и т. д. и т. д. Лундберга назвали советским шпионом и т. д. — Ну можно ли было рассказывать Гессену — пусть и глупые речи несчастного Лундберга?» (*К. Чуковский.* Дневник. 1901–1929. С. 216).

Письмо А. М. Ремизова к Е. Г. Лундбергу[171]

11 марта 1922 г.

Сегодня в 7 часов вечера будет собрание, на котором будет обсуждаться вопрос о том, как реагировать писателям и общественным деятелям по поводу заметки о Вас в «Руле». Я никаких надежд на это совещание не возлагаю: сообщение «Руля» вызвало так много толков, с одной стороны, благодаря злополучной шестовской книжке, а с другой, потому, что эмигрантские писатели вообще никогда еще не реагировали на такие сообщения, как это было с А. Ф. Кони и Макс. Горьким – и «дневником» Зинаиды Гиппиус в «Русской мысли»[172], обсуждение отношения к которым, и к Вам в том числе, запутало бы всех на несколько месяцев.

Я думаю, что вопрос надо ликвидировать иначе. Вчера на Митинге в Филармонии[173] я и Андрей Белый встретились с И. В. Гессеном и говорили с ним о заметке. Гессен говорит, что такое сообщение газетой действительно получено, но что, если мы настаиваем, он согласен принести перед Вами извинение. Вы должны написать в редакцию газеты Руль опровержение в такой форме: – что Вы никакого предложения о том, чтобы стать во главе наблюдения за писателями и учеными от советского правительства не получали. Руль это опровержение напечатает и извинится перед Вами.

Те ссоры, которые идут здесь между всеми – <1 нрзб.>, в сущности свара, и я думаю, что этот – мирный – путь самый, – и прошу Вас пойти по нему. Если Вам трудно писать прямо Рулю, – пишите мне, и я перешлю Гессену.

[171] Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой. Черновик.

[172] На страницах дневника З. Н. Гиппиус, который впервые был опубликован в изданном в Софии журнале «Русская мысль» (1921. Январь–февраль. Кн. 1 и 2. С. 139–190), содержались резкие нападки на целый ряд лиц и, в частности, на А. Ф. Кони и М. Горького в связи с их сотрудничеством с большевиками.

[173] 10 марта в помещении берлинской филармонии состоялся митинг в помощь «голодающему на[illegible]я России», на котором выступали редакторы «Руля» В. Д. Набоков (председатель митинга), И. В. Гессен, новый редактор «Голоса России» В. М. [illegible] и Андрей Белый.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику[174]

Берлин. 11 марта 1922 г.

Во-первых: низкий поклон «*Вольфиле*»; более, чем когда-либо я отсюда вижу, до чего нужно наше детище; днями и ночами думаю о петербургской «*Вольфиле*» (о московской ни слуха, ни духа); и она мне все более – «*Фила*»; отчаиваюсь, что у нас, в Берлине, – не так: и – отсюда: *во-вторых*: перехожу к берлинской «*Вольфиле*», которая меня окончательно убивает отовсюду, – настолько, что недавно я имел объяснение с Ал<ександром> Абр<амовичем> <Шрейдером>, что хочу уходить из председательствования. И – вот почему: я, собственно, здесь, в «*Вольфиле*» один. Е<вгений> Г<ерманович> настолько занят службой, что активно ничего не может предпринять <...> А А<лександр> Абр<амович> Шрейдер – Вы сами понимаете: 1) чужой «*нашему*» духу, 2) тащит, куда хочет (т. е. устраивает те лекции, которые ему улыбаются, и ничего не предпринимает, когда лектор ему почему-либо не говорит; а мы технически у него в руках, ибо снятие помещения, печатанье билетов, анонсы в газетах и т. д. – все это несравненно сложнее, чем в России; и он, пользуясь аппаратом «*Скифов*» и «*скифской*» барышней, *лишь* он может устраивать; остальные – индифферентны, кроме Белоцветова (берлинский Михайлов – помните антропософа такого?), которого все прочие берлинские «*вольфильцы*» игнорируют; и – напрасно: я объявил публично лекцию Белоцветова, а А<лександр> Абр<амович> взял да и не устроил ее. При таком самостном секретаре, абсолютно чужом подлинному «скифству» (Берлинские «*Скифы*» после того, как они устроили совершенно вредный журнал «Вещь»[175], рекламно-мертвенный, – мне совершенно чужды; кстати: Е<вгений> Г<ерманович> вышел из «Скифов»[176]. Почему эти «Скифы» – «Скифы», – не ведаю), – при ближайшем сотрудничестве Ал<ександра> Абр<амовича> мне просто тяжело работать. Остается лишь все собой наполняющий Минский, который готов где угодно в каком угодно количестве собой представлять дух «*Вольфилы*»: он пухнет в «*никчемности*». Кроме того: инцидент Лундберг – Шестов (Вы, конечно, знаете, уход Шестова из Вольфилы, трав-

[174] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 238–239.

[175] В марте–мае 1922 г. издательство «Скифы» выпустило в свет два номера (1/2 и 3) журнала «Вещь» с подзаголовком «Международное обозрение современного искусства под ред. Эл. Лисицкого и Ильи Эренбурга».

[176] Выйдя из «Скифов», Е. Лундберг возглавил первое советское издательство в Берлине, которое действовало под началом Бюро иностранной науки и техники.

ля Лундберга прессою и травля Вольфилы за то, что одесную и ошую меня сидят Лундберг (сжегший книгу Шестова) и Шрейдер (арестовывавший редакторов и т. д.), – все это факторы, не располагающие к частым выступлениям в Берлине. Травля Е<вгения> Г<ермановича> прессою – гнусна; я уже решительно выступал против; но эта травля грозит превратиться в *perpetuum mobile*[177], при котором двигать «*Вольфилу*» невозможно, ведь не устраивать же вместо заседаний градации третейских судов и т. д. и т. д. И главное: я не совсем понимаю действия Е<вгения> Г<ермановича>. Он сделал все, чтобы напортить всем: себе, «*Вольфиле*»; и не стоило устраивать «Вольфилу» для того, чтобы месяцами распинаться за Е<вгения> Г<ермановича>. Конечно травля его – гнусна; но – Е<вгений> Г<ерманович> все-таки необъясним мне своими ненужными для него подчеркиваниями того, что не надо подчеркивать: бесплодное дразнение быков торреадорскими платками – вот как я назвал бы поведение Е<вгения> Г<ермановича>. Быки кидаются на других из-за него, а Е<вгений> Г<ерманович>, не отвечая быкам, заставляет окружающих «*схватываться*» за него с быками, отчего возникает неизбежное политиканство. Пишу так подробно оттого, что только что вернулся с заседания в кафе Ландграф, где С. Г. Каплун, проф. Ященко, Пильняк, А. М. Ремизов и др. 2½ битых часа обсуждали, как нам держаться в новом инциденте «*Лундберг – Руль*»[178], грозящем разрастись и перепутать отношения всех берлинских писателей (это уже не инцидент с Шестовым, а – новый, и не со стороны Лундберга, а здешней прессы: остается горевать, что Е<вгений> Г<ерманович> такой *несуразный человек* и что он *ненужно* раздразнил своим поведением всех и теперь запутываются в его отношения с другими ряд людей, которых хотели бы быть свободными [illegible] которых со всех сторон втравливают в политиканство). Главное: [illegible]ая Е<вгения> Г<ермановича> человеком порядочным, я решите[illegible]но не оправдываю его *точки зрения на многое* и не оправдываю его [illegible]ание свое поведение вменять и другим, как должное. Надо уметь [illegible]ать свои убеждения с мечом: но переть против рожна бессмысле[illegible]ще бессмысленнее своих друзей тоже переть против рожна. Нако[illegible] – последнее: берлинская русская публика не для «*Вольфилы*», [illegible] «*Вольфилы*» в «Вольфиле» берлинской, скажу откровенно, нет, кр[illegible]ения; а мне – не до «берлинской» Вольфилы, ибо у меня огромн[illegible]ая трагедия...

[177] вечный двигатель (*ма*

[178] Ср. с более поздней [illegible] Андрея Белого из тетради «Себе на память»: «Февраль. Беседа г[illegible] настроенных писателей. Прения (Инцидент с Лундбергом и „Р[illegible]“ // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 96. Л. 16).

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому и А. М. Ремизову[179]

<18 III>[180]

Дорогие Алексей Михайлович и Борис Николаевич.

Спасибо Вам за письмо. Но совет Ваш – написать письмо в редакцию «Руля» – я не могу исполнить. Я ни о чем и никогда не могу переписываться с литературной организацией, разрешившей себе такие приемы борьбы.

Мои опровержения появятся в <печатных?> органах. Все вырезки из «Руля», все вообще дело Гессен – Лундберг я возьму с собою в Россию и передам на суждение Союзу писателей.

«Рулю» же я через Ваше посредство предложил бы на видном месте (т. е. не в отделе петита) напечатать следующую заметку:

«В № 399 нашей газеты напечатано известие о том, будто и т. д. Как мы узнали из авторитетных литературных источников – известие это вымышлено (или не соответствует действительности). Приносим свои извинения Е. Г. Лундбергу».

Такого рода заметка – единственный приемлемый для меня способ моего общения с «Рулем».

С искренним приветом
Евг . Лундберг.

Письмо в редакцию[181]

В газете «Руль» появилось под видом телеграммы собственного корреспондента из Ревеля извещение о том, будто мне предложено российским правительством наблюдение за учеными и писателями, живущими за границей. Само собой разумеется, что сообщение это является вымыслом от начала до конца.

Е. Лундберг.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга[182]

В «Руле» напечатала телеграмма «собственного корреспондента» из Ревеля о том, что советское правительство обратило внимание на

[179] Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой.

[180] Помета А. М. Ремизова.

[181] Новый мир. 1922. 26 марта. № 73. С. 3.

[182] *Е. Лундберг.* Записки писателя. Т. II. С. 219–220; 224–226.

мою «полезную деятельность», в особенности в связи с сожжением брошюры Л. Шестова, и поручило мне «наблюдение за живущими за границею писателями и учеными».

В БИНТ приходят приезжие из России инженеры, профессора и библиотекари. Все они имеют дело со мною, так как у меня в руках отдел научной связи. Это для них изготовлена телеграмма «собственного корреспондента».

Писатели возмущены проделкой И. Гессена. А. Ремизов, А. Белый, проф. Ф. А. Браун, встречающиеся с ним, выразили ему осуждение. Эти протесты меня мало трогают. Своего дела не брошу. Все это – «карма» собственных ошибок.

Между мною и писателями пролегла черта. Я перестал быть для них писателем. Одна из господствующих идей литературы нашей эпохи – нейтральность, наджизненность, особые какие-то права писателя У меня нет сознания особых прав. <...>

Апрель

И писатели и близкие люди настаивают на том, что надо привлечь И. Гессена к ответственности за травлю. Мне странно это слышать. Куда «привлечь» и к какой «ответственности»?

Собрал нехотя газетные вырезки и перечитал их. Немецкий адвокат согласен со мною: с точки зрения суда здесь нет состава преступления. «Полемика». «Разногласия на почве несходства политических убеждений». И главное: «Мы, немцы, плохо разбираемся в ваших делах. Мы считаем, что политика требует корректности, вы же придерживаетесь другого мнения». <...>

Мы обмениваемся церемонными поклонами и расстаемся. Итак, не коронный, а третейский суд. Но третейский суд возможен только между людьми одной нас[illegible]енности и одного морального уровня. И. Гессен еще в эпоху «Речи» считался «нечистым» в кадетском ковчеге. «Лепшие» люди каде[illegible] как Набоков, Левин, Петрункевич, неохотно протягивали ему р[illegible]

В. Б. Станкевич сооб[illegible] мне, что текст телеграммы «собственного корреспондента» в [illegible]ных тысячах тиража был иной, чем в остальных номерах «Руля». [illegible]видимо, кто-то прервал печатанье газеты и смягчил текст – что[illegible] дать повода для судебного преследования.

Хроника[183]

– Вольная философская ассоциация в Берлине организует цикл лекций и собеседований (по средам) на тему: «Смысл современной эпохи». Первый доклад прочтет (в среду 29-го марта) В. Б. Станкевич на тему: «О том, что зрячие не видят». Второй доклад (в среду 5 апреля) прочтет Андрей Белый на тему: «Индивидуализм и коллективизм». Третий доклад (в среду 12 апреля) прочтет Н. Н. Белоцветов на тему: «Зоософия и антропософия». Четвертый доклад (в среду 19 апреля) прочтет С. Сумский на тему: «Личность и социализм». Пятый доклад (в среду 26 апреля) прочтет проф. С. И. Гессен[184] на тему: «Личность и свобода».

Хроника[185]

– В среду 5-го апреля в 8 с пол. час. вечера в Флора Дилле состоится вторая беседа *Вольфилы* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет Андрей Белый «Индивидуализм и коллективизм». Гости по приглашению членов Вольфилы.

Хроника[186]

– В среду, 12-го апреля в 8 ч. веч. в пом. Лицеумклуб Люцов пл. 8 состоится *третья беседа Вольфилы* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет Н. Н. Белоцветов на тему «Философия свободы». Программа лекции:

1. Свобода и загадка сфинкса.
2. Индетерминизм и детерминизм как противоречие между культурой и природой.

[183] Руль. 1922. 31 марта. № 418. С. 5. Аналогичное сообщение было напечатано в разделе «Хроника» сменовеховской газеты «Накануне» с дополнительной информацией: «В воскресенье 2 апреля с. г. в 5 час. Дня в Студенческом Зале Y.M.C.A. (Рейхстагсуфер 6, Французская Гимназия, Цейхензал) состоится доклад В. Б. Станкевича на тему „Воля и жизнь“ (Нансен и его путешествие). Вход бесплатный» (1 апреля. № 6. С. 4).

[184] Сергей Иосифович Гессен (1887–1951) – педагог, философ.

[185] Голос России. 1922. 5 апреля. № 934. С. 4.

[186] Голос России. 1922. 11 апреля. № 939. С. 4.

3. Попытки послекантовской философии индетерминировать знаки (Гуссерль, критицизм, интуитивизм) и их несостоятельность с точки зрения свободы.
4. Зоософия и теософия.
5. Антропософия, как философия свободы.
6. Лосский и Штейнер в их отношениях к познавательному акту.
7. Атрибуты мышления и человеческой свободы.
8. Как реализуется свободное дело.
9. Принципы ясновидения и чуда в антропософии.
10. Антропософия и современный сфинкс культуры.
Билеты во всех русских книжных магазинах.

Хроника[187]

– В субботу 15 апреля в 4 час. веч. в Флора Дилле (Мотесштр. 65) состоится под председательством Андрея Белого *закрытая беседа Вольфилы* на тему «Мир как культура». Гости по приглашению членов Вольфилы.

Хроника[188]

– В среду 19 апреля в 8 час. вечера в Берлинер Сецессион, Курфюрстендамм 232 состоится *четвертая беседа Вольфилы* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет С. Г. Сумский. Билеты во всех русских книжных магазинах.

[187] Голос России, 1922. 14 апрел № 942. С. 6.
[188] Голос России, 1922. 20 апрел № 945. С. 4.

Митинг «Власть труда»[189]

В понедельник, 24 апреля 1922, в Schubert-Saal, Bülowstrasse 104, состоится устраиваемый Вольфилой митинг на тему «Власть труда». Доклад прочтет Н. М. Минский. Оппонентами выступят: Андрей Белый, Г. Л. Кирдецов[190], В. Б. Станкевич, В. М. Чернов[191], проф. Шацкий[192], А. А. Шрейдер и др.

Тезисы доклада следующие:

1. Власть над всеми сторонами национальной жизни принадлежит по праву только работникам производительного труда ручного и умственного: пролетариату и интеллигенции.

2. Все политические партии без исключения защищают интересы не тождественные с интересами труда.

3. Для совместной работы с объединенным ручным трудом должен быть создан самостоятельный союз труда умственного.

4. Вновь образуемый союз интеллигентных работников сам устанавливает тактику отношений ко всем существующим партиям[193].

Начало в 8 ч. веч. Билеты во всех русских книжных магазинах.

Вольная философская ассоциация[194]

В среду 26 апреля в помещении Лицеумклуб, Люцовплац 8, состоится доклад проф. С. О. Гессена.

Программа доклада.

1. Идеал свободного образования у Руссо и Толстого. Отрицание культуры Руссо и Толстым. Естественное воспитание Руссо и свободное образование Толстого. Неудача их замысла. Причины неудачи. Альтернатива: свободное или принудительное воспитание.

[189] Накануне. 1922. 24 апреля. № 23. С. 8.

[190] Григорий Львович Кирдецов (наст. фам. Дворецкий; 1880–1938?) – экономист, сотрудник ряда дореволюционных либеральных изданий; автор воспоминаний «У ворот Петрограда (1919–1920)» (Берлин, 1921).

[191] Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) – публицист, общественный деятель, лидер партии социалистов-революционеров.

[192] Б. Е. Шацкий – специалист в области международного права, экономист.

[193] Свои взгляды на тему «власти труда» Н. Минский развил в книге «Манифест интеллигентного труда», которая вышла в берлинском издательстве «Современные проблемы» в 1922 г.

[194] Накануне. 1922. 25 апреля. № 24. С. 5.

2. Понятие дисциплины. Дисциплина возможна через свободу.

3. Понятие свободы. Свобода как индивидуальный закон. Отличие свободы от произвола. Свобода как данность и как задание.

4. Понятие личности. Личность и темперамент. Личность возможна через сверхличное начало. Проблема биографии.

5. Личность и культура. Центростремительная и центробежная сила в личности. Правда отрицания культуры. Отрицание культуры как моризм. Проблема истории нравственности.

6. Свобода и личность как цель нравственного образования.

М.

Власть труда[195]

Устроенный «Вольфилой» в понедельник, 24 с. м., диспут на тему «Власть труда» собрал сравнительно немногочисленную аудиторию. Да и явившиеся с некоторым опасливым недоумением ожидали доклада о том, «как нужно строить государство и власть» из уст поэта Минского в помещении философского общества.

Трудовая интеллигенция, каменщики слова, плотники мысли, находятся повсюду в политической опале, как Христос среди двух разбойников: капиталистов и пролетариата. Но трудовая интеллигенция от своего первородства не хочет отказываться, циркуль и лира не захотели поклониться серпу и молоту; трудовая интеллигенция, неподходящая под понятие пролетариата и беднейшего крестьянства, должна осознать себя и занять свое место, не взирая на грозные окрики, заявил докладчик Н. М. Минский.

Чем объясняется разла[д] между интеллигенцией трудовой и партийной, особенно остро [об]наружившийся непосредственно после большевистской революц[ии]? Первое объяснение – оппортунизм большевиков, демагогич[ески] поддакивавших массам, которые не доверяли интеллигенции. Н[о] из интеллигенции большевики обойтись не могли: они были выну[ждены] привлечь ее к работе, а непокорных грозили приковать к цеп[и]. До цепей не дошло и ограничились рабочими книжками, 3-ей ка[тегорией] и т. д. Через год цепи были позолочены и интеллигенция [по]лучила собачью кличку – спец.

На самом деле мот[ивы] скрывались более глубокие, теоретические: в идее диктатуры пролет[ариата], развитой Марксом и его учениками. С умственным трудом М[арксизм] не считался. Между тем, в то время, как

[195] Руль. 1922. 26 апр. [№] С. 5.

ручной труд прикован к пространству, умственный – вечен во времени. Умственный труд – открытие, изобретение – действует, как даровая, постоянная сила. Она-то и создает прибавочную стоимость. Эта истина опрокидывает вверх дном все социалист<ические> программы.

Однако, трудовая интеллигенция не претендует на привилегию, а лишь на равенство с пролетариатом. У Маркса труд мысли и мышц, оба – труд в физиологическом смысле. Качественного различия между умственной и физической энергией Маркс проглядел. Интеллигенция Маркса не интересовала по партийным соображениям; для марксистов интеллигенция – «бесполое классовое существо» (В. Либкнехт). Отсюда один шаг – к советской ругани.

Мы стоим на пороге новой эры: власть должна перейти от партий к объединенному труду. Государство не будет иметь ничего общего ни с нацией, ни с территорией, а лишь с интересами, – закончил докладчик.

Прения не состоялись за отсутствием оппонентов.

А. В<ольский>

В «Вольфиле»[196]

Доклад Н. М. Минского «Власть труда», несмотря на свою жгучую современность и популярность докладчика, привлек сравнительно скромную аудиторию, состоявшую, главным образом, из интеллигентной молодежи.

Основные мысли доклада можно изложить в следующих тезисах:

Искони существует острый конфликт между трудом и властью, независимо от внешней организации человеческого общества.

Сообразно с этим, и общество делится не на классы, как полагают социалисты, а на два враждебных лагеря – тружеников умственного и мускульного труда и властодержцев.

В истории человечества власть менялась четыре раза, переходя последовательно от теократии к автократии, от демократии к социалистам.

Первые три формы власти отмерли, так как носили в самих себе зародыши внутреннего противоречия и разложения.

Эти пороки перешли по закону наследственности и к четвертому виду власти – власти социалистической, как это, по мнению докладчика, наблюдается напр<имер> в России.

[196] Накануне. 1922. 26 апреля. № 25. С. 5.

Человечество стоит на пороге пятой эпохи – перехода власти к самому труду, а не его опекунам.

Попутно докладчик подверг критическому анализу теорию прибавочной стоимости К. Маркса, а в заключение выразил надежду на образование в Берлине ассоциации работников умственного труда.

«Вся власть труду» – таков был заключительный аккорд доклада.

Вопреки предварительному заявлению заместителя предс<едателя> Вольфилы, В. Б. Станкевича, прения по докладу не состоялись и, по слухам, отложены до следующего заседания.

Впрочем, из оппонентов, помеченных в программе, почти никто не явился: не было ни В. М. Чернова, ни А. Н. Белого <так!>, на которых возлагалось столько надежд, как на «тяжелую артиллерию» и приманку для публики, падкой на «имена».

Разбор доклада, в виду интереса затронутой им темы, заслуживал бы однако разностороннего рассмотрения.

Следует лишь отметить удивительное равнодушие, с которым доклад был встречен, несмотря на его блестящую форму и молодую аудиторию: русская публика, очевидно, просто устала от всяких умствований и ждет – хорошо ли, худо ли – не отвлеченных поучений, а какого-то, еще не вполне осознанного «action directe[197]». Разумеется, «action» понимается различно, и примирить это различие едва ли возможно, едва ли следует!

Письмо в Редакцию[198]

Глубокоуважаемая редакция!

В книгоиздательстве «*Скифы*» вышла моя брошюра «*Сирин ученого варварства*»[199]. Брошюра представляет собою выдержки из статьи моей о В. И. Иванове, написанной для С. А. Венгерова в 1917 году[200]. В нее включены мои выпады против книги В. Иванова «Вселенское и родное», написанные в начале 1918 г. Тогда же эти выдержки про-

[197] прямое воздействие (*фр.*)

[198] Голос России. 1922. 25 апреля. № 949. № 2.

[199] См.: *А. Белый*. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин, 1922.

[200] См.: Русская литература XX века. 1890–1910. Т. III. Кн. 8. М, 1916. С. 114–149. Указание в выходных данных на 1916 г. – ошибочно; правильно: 1918. См. также: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 144–145.

шли в двух фельетонах газеты «Знамя Труда»[201]. Содержание брошюры я позабыл. Корректур не правил; и потому-то должен сам протестовать против собственных слов. Понятно, что в начале 1918 года можно было иметь романтическое отношение к событиям в России. Мы с покойным А. А. Блоком верили в близкое будущее: в народное творчество снизу. Ведь террор еще не разражался. Ведь миллионы не гибли с голоду. С той поры, как советская власть уничтожила духовную основу жизни «*Советов*», фразы, подобные встречающимся в моей брошюре (см. стр. 16--22), звучат анахронизмом. Будь они написаны в 1922 году, они прозвучали бы издевательством; теперь, когда хватают меньшевиков, правых и левых эсеров, когда от голоду гибнут миллионы людей, нельзя писать: «Революция протекает религиозно»... «Самоопределение народа в ней целостно»... и т. д.[202] Нельзя издеваться над народом; и я решительно протестую против самого себя; я отказываюсь от многих слов собственной брошюры, предоставляя их сотрудникам «Накануне». Но четыре года назад, когда Блок писал «*Скифы*», наши чаяния в скорое прекрасное будущее оправдание имели. В то будущее продолжаю я верить, но вижу его не в той плоскости, в какой видел четыре года тому назад.

Мне отчаянно грустно, что, забыв содержание перепечатываемой статьи, я не провел ее сквозь собственную цензуру. Тогда не появилось бы многое, что появилось на страницах 16–22 моей брошюры «Сирин ученого варварства», с основными идеями которой я остаюсь согласным (например, взгляд на творчество В. Иванова не изменился во мне).

Извиняюсь, что утруждаю редакцию «Голоса России» этими краткими заявлениями о себе самом.

Примите уверение в совершенном почтении.

Андрей Белый.

[201] Две части статьи Андрея Белого «Сирин ученого варварства (По поводу книги В. И. Иванова „Родное и вселенское“)» из цикла «На перевале» вышли в центральном органе партии левых социалистов-революционеров – газете «Знамя труда» весной 1918 г.: 26 марта (№ 163. С. 2–3) и 3 апреля (№ 170. С. 2–3).

[202] Ср.: «Революция протекает религиозно. Самоопределение народа в ней целостно. И тот факт, что Иванов, кода-то писавший десятки страниц об органической связи религии мифа, трагедии с народной соборностью, – в революции русской не увидал осуществления своих пламенных чаяний, – показует одно: пламенность чаяний вовсе не пламенна; “θеоретична” она». (*А. Белый.* Сирин ученого варварства. С. 20–21).

По газетным столбцам[203]

Самоутрызение

А. Белый писатель-поэт. На днях он обнаружил у себя невероятное перепроизводство в словах и попытался подкинуть их на сторону. Попытка не пытка, конечно, но свидетельствует о черной неблагодарности папаши словотворца к деткам словечкам: ведь месяца не прошло, как эти самые «слова» повторялись в трех лекциях «Культура современной России» и нескольких статьях А. Белого. Ныне же автор заявляет:

> Нельзя издеваться над народом: и я решительно протестую против самого себя.

Раскаяние, хотя бы и позднее, всегда похвально, горько однако думать, что большой поэт только «издевался над народом», произнося в его честь слова участия и уважения. Этому верить нельзя.

Однако, оказывается, к счастью, А. Белый тут неповинен, истинный виновник найден «Рулем»[204] – это, конечно, «злой гений» г. Лундберг.

А. Белый написал книгу, продал ее «Скифам». «Скифы» издали. А. Белый отрекся от своего детища и самого себя. Кто виноват? Конечно, «Скифы», поверившие писательской устойчивости взглядов А. Белого.

Что же до г. Лундберга, то его вина, по заявлению «Руля» в том,

> что брошюру Шестова против большевиков г. Лундберг не задумался сжечь, а брошюру, о которой автор так сожалеет, поспешил издать!!

Вывод очевиден – г. Лундберг должен был сжечь и книгу А. Белого!!!

И затем: г. А. Белый «протестует против самого себя» *после выхода* книги в свет.

Ясно, что А. Белому нужны надежные «цензора», и они нашлись и в «Г<олосе> Р<оссии>» и в «Руле». В последнем г. Гессен артистически работает, как «словесный зубодер» – недаром ему удалось беспримерно «очистить» записки Витте[205].

[203] Накануне. 1922. 28 апреля. № 27. С. 2.

[204] См. обзор «Печать» (Руль. 1922. 26 апреля. № 438. С. 2).

[205] Подразумевается публикация в газете «Руль» (1922. 9 апреля. № 426. С. 2–3; 14 апреля. № 430. С. 2; 16 апреля. № 431. С. 2–3; 19 апреля. № 432. С. 2–3) отрывков из воспоминаний графа С. Ю. Витте, второй том которых вышел в берлинском издательстве «Слово» в конце апреля.

А. Белому непременно надо отправиться «почиститься» к г. Гессену, тот ему все человеческие слова повыдергает, оставив «на развод» лишь заученные – от них же не отречешься.

В «Доме Искусств»[206]

Последнее заседание «Дома Искусств» превратилось в диспут, посвященный недавно вышедшему журналу «Вещь». В качестве основы прений послужила прочитанная А. Шрейдером рецензия на журнал[207]. В прениях приняли участие А. Белый, Н. М. Минский, г. Парнах[208], г. Петровский, г. Соковин. Возражали докладчику редактора «Вещи» – И. Г. Эренбург и Э. Лисицкий. Во время прений выяснилась любопытная подробность: А. Белый, громивший «Вещь» со всех точек зрения, увидевший в ней даже личинку «Антихриста», – признался в конце концов, что самой вещи он никогда не читал и даже не видал.

[206] Накануне. 1922. 30 апреля. № 29. С. 5.

[207] Вероятно, речь идет о рецензии «Индустриализация духа искусства», которая появилась в «Голосе России» под псевдонимом «Лоренцо». Ср.: «Дух скифства был духом первородной свежести, не посредственности, „землянности". Скифы первого призыва, не отрекаясь от „механической мощи" индустриального запада, всею силою своего духа восставали против элемента „мертвечинности" в современном машинизме... А берлинские „Скифовы дети" (или приемыши?) <...> суеверно и благоговейно падают ниц именно перед *мертвечиною* машинизма». (1922. 30 апреля. № 954. С. 6–7). Полемику подхватил А. Кусиков (Всякие случаются вещи. Александр Кусиков по поводу // Накануне. Лит. прилож. под ред. А. Н. Толстого. 1922. 30 апреля. С. 5–6). № 3-й журнала, вышел со следующим уведомлением от издательства: «В составлении „Вещи" редакция Издательства „Скифы" участия не принимает». На что редакторы журнала откликнулись большой полемической статьей, где, в частности, говорилось: «Если бы нас захотели издавать не только скифы, но и готтентоты, мы бы тоже не отказались». (Крестины «Вещи» // Вещь. 1922. № 3. С. 21). См. также рецензию А. Г. Горнфельда «Эстетика „Вещи"» (Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С. 5–6).

[208] Валентин Яковлевич Парнах (наст. фам. Парнох; 1891–1951) – поэт, журналист.

К докладу Н. М. Минского[209]

Как мы уже сообщали, Н. М. Минский в заключении своего доклада «Власть труда» высказал пожелание, чтобы в Берлине образовалась федерация русских интеллигентных работников. Это пожелание возбудило отклик в части слушателей, и намечается организация группы лиц для разработки положений доклада. Интересующихся просят обращаться к Г. В. Франку (Dr. H. Frank, Argonauten-Verlag, Bülowstr., 88).

Андрей Белый

Du gleichst dem Geist den du begreifst[210]

(О щетках для чистки фраков)

Таковы условия эмигрантского бытия: приходится защищаться направо, налево, отказываясь от рамок, которые подставляют тебе.

Только что написал я о том, чтобы слова моей старой брошюры[211], перепечатанной только что, не понимались превратно. И эти слова возбуждают конечно же газетные кривотолки.

В «Руле» появилась заметка, в которой неосновательно обвиняется издательство «Скифы», едва ль не в насильственной перепечатке брошюры моей; делается глубокомысленное замечание: во главе издательства стоит Е. Г. Лундберг, – *тот самый, который*... Я должен заметить: издательство «Скифы» не виновато в том, что я не видал корректур перепечатанной брошюры, вина вся во мне; во-вторых: Е. Г. Лундберг до времени напечатания брошюры вышел из «Скифов», затравленный беспримерным дискредитированием его имени.

В «Накануне» появилась заметка от 28 апреля, под заглавием «Самоугрызение». В ней напечатано, между прочим, по моему адресу: «А. Белый... обнаружил невероятное перепроизводство в словах». Указывается в заметке на то, что я отрекаюсь от современной России

[209] Накануне. 1922. 30 апреля. № 29. С. 5.

[210] Голос России. 1922. 30 апреля. № 954. С. 1–2. В заголовке использована реплика Духа, адресованная Фаусту. Ср.: «...с тобою схож / Лишь дух, который сам ты познаешь, – / Не я!» (*И. В. Гете.* Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака / *И. В. Гете.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 25).

[211] «Сирин ученого варварства», – Книгоиздательство «Скифы» (*примеч. авт.*).

вопреки своим недавним лекциям и статьям. Заметка оканчивается указанием, что мне нужны надежные цензора в лице И. В. Гессена и «Голоса России»...

Вся заметка есть плод пустомыслия, если она не обычная передержка. В статье своей «Культура современной России»[212] я говорю: «Новая культура... уж есть вопреки всяким скрежетам зубовным...» В своих лекциях я утверждал: «Новая Россия скажет "руки прочь" всяким посяганиям на нее». За приведенные слова я ручаюсь и головою и сердцем. Культуру России я видел (недавно еще). И я видел тогда ее, когда авторы «Накануне» кощунственно на нее посягали штыками Юденического и Колчаковского фронта[213].

«Скрежетуны» теперь нападают на независимую культуру с противоположного фронта: идут на культуру новорожденного Духа национал-большевизмом и советскою великодержавностью. Две мертвых России узнали они: «генеральскую» и «нео-бюрократическую», то есть России современной, свободной и новой России, России духовной, – они не узнали; ту *третью Россию*, которая им ме-

[212] «Новая русская книга» за 1922 год. № 1 (*примеч. авт.*).

[213] Ср. с выступлением близкого к Андрею Белому С. Сумского со статьей «О литературных нравах», направленной против сотрудничества ряда эмигрантских писателей со «сменовеховской» газетой «Накануне»: «Для подобного *престидижитаторства вполне приспособлены* г. *Ветлугин, выпускающий* на днях свои «Записки мерзавца», г. Василевский – Не-буква, редактировавший чекистский журнал, вслед за ним – деникинскую газету, потом – опять коммунистический журнал, потом врангелевскую газету, перебравшийся в разные заграничные «Новости», вполне способный, сегодня постучавшись в «Голос России», завтра устроиться в «Накануне». Тут ведь главное – устроиться, а г. Василевский – Не-буква давно создал себе в этом смысле вполне определенную репутацию. <...> Худшая традиция советской России – приспособление ко всему – переносится в эмиграцию. Но если в России печать трагизма лежит на нем – революция требует либо подвига, либо приспособления, а на подвиг способны единицы, – то в эмиграции эта традиция – признак полного духовного опустошения. Там – в приспособлении – шла огромная подземная работа сознания и мысли, которая начинает сейчас пробиваться и бить; здесь – в умирании мысли начинается распад и опустошение. Три года столпы эмиграции, все эти эмигрантские газеты, речи, резолюции гасили огонь, единственный, как Вифлеемская звезда, указывавший путь. Три года воспитывали идеологию гражданской войны, дискредитировали, опоганивали, философски затаптывали всякую идею общественности и демократии, три года интересы маленькой группы ставили выше интересов и страданий народа...» (Голос России. 1922. 2 апреля. № 932. С. 7).

рещилась коммунистической в тылу у Юденича, они имеют теперь дерзость называть «контр-революционной» Россией, в России не бывши.

Мне ведомо разложение эмигрантщины; но мне ведом позор и современной социал-спекуляции. Россия же не есть та, не есть эта, а – *третья*. Чтобы узнать ее, надо – пожить в ней. Сколько бы ударов ножей в спину Юденича ты не всадил – ей-ей не увидишь, разве что... попадешь не в Россию, а в Кремль, оцепленный от России кордонами чекистов и «причекистов», или, пожалуй, отправишься в Генуя заботиться о чистоте чичеринских фраков[214].

Россия – не чичеринский фрак.

Неужели не понимаете вы, что вы – отщепенцы от народа, что великий, духовно освобождающийся народ вас все равно не допустит к себе? И полагаете, что есть равенство между моими словами о *третьей* рождающейся России, которую знаю по опыту я, и в которой работал пять лет – и вашими дифирамбами рождаемому «гомункулу»? Да знайте же, что если бы вы заговорили моими словами, я – тотчас же изменил бы их, чтобы не быть с вами вместе. Россия не «партия»; и она – не Юденич; обе России – мертвые; но ветошь ветоши обеих Россий – вы... Я предпочел бы писать в «Правде»; я предпочел бы наилевейшего коммуниста – вам...

Мое письмо в «Голосе России», вызвавшее реплики в «Накануне», не направлено против современной России, и всего менее оно направлено против «Советов», – настоящих, тех, которые прорастают снизу в новых духовных формах. Всякому интеллигенту в России это понятно; да, – но где вы были, когда русские люди выстрадывали свое *новое понимание* России? В тылу у Юденича? Я бы вас более уважал, если бы вы интернировали себя в Болгарии, но вы оттуда приехали в Геную: заказывать Чичерину фрак?

Заметка против меня кончается словами: «А. Белому непременно надо отправиться "почиститься" к г. Гессену»... Не знаю, кому из нас надо «почиститься». Что касается до призрака моей неочищенности в сетчатой оболочке обозревателя «Накануне», – то могу этому обозревателю сказать: Du gleichst dem Geist den du begreifst.

[214] Подразумевается международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, которая проходила в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г.; делегацию Советской России возглавлял нарком иностранных дел Г. В. Чичерин.

Новое философское общ-во[215]

– 22 апреля в «Ди штилле Экке» в Шенеберге состоялось организационное собрание нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантскому отделению «Волфилы». Общество называется «Свободное философское содружество» или для краткости на манер Волфилы «Zwovierson». Почетным председателем избран единогласно Лев Шестов, секретарем инж. Я. С. Шрейбер. В члены принимаются все искавшие и что-либо нашедшие, как физически, так и духовно, в вещи или в идеях, безразлично. В Совете: Г. С. Киреев, А. П. Потапова, E. Zech, О. Эдлер, Ф. Олькеницкая-Пугавка, Ив. Лупин, Бруно и А. Вишняк-Шварц[216].

– В противовес появившемуся художественному журналу Object – Вещь – Gegenstand, созданному кучкой художников «левого» направления (Изд. при «Скифах» А. А. Шрейдера) в Берлине образовалась авангардная ячейка художников, объединенных <...> Я. С. Шрейбером, и с осени предполагается издание журнала по типу вещи L'Idée – Понятие – Begriff.

Музыку берет на себя П. П. Сувчинский, художества Арнольд Дзеркал (Sehr kalt[217]), литература же вся в руках Г. С. Киреева[218].

[215] Голос России. 1922. 30 апреля. № 954. С. 8. Данная заметка воспроизводит все те намеренные опечатки, которые Ремизов использовал в пародийном контексте. Название Zwovierson (Цвофирзон) – непереводимое изобретение писателя, имитирующее немецкую аббревиатуру. Полную историю берлинской мистификации и других газетных розыгрышей Ремизова см. также: *А. Ремизов.* М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 215–222; а также: *Ремизов А.* Учитель музыки. С. 357; *Ф. Мирау.* «Обезьяний совет» и «Цвофирзон». Алексей Ремизов в Берлине (1921–1923) // Москва. Берлин. 1900–1950. Каталог выставки. М., 1996. С. 179–185; *Л. Флейшман.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского. Р. 145–176.

[216] Все названные члены Совета «Цвофирзона» – друзья, знакомые и коллеги Ремизова, среди которых реальные участники заседаний берлинской Вольфилы. Некоторые фамилии искажены в соответствии с игровой стилистикой общения, принятой в ближайшем окружении писателя, поэтому их идентификация затруднена.

[217] Букв.: очень холодно (*нем.*)

[218] Там же. Ремизов, подкрепляя шутку достоверными именами, в пародийном ключе использует «рифмы» реальных фамилий (секретарь Вольфилы – А. Шрейдер / секретарь Цвофирзона – инженер Я. Шрейбер), комиче-

По газетным столбцам[219]

Высеченный «Руль»

Дело идет о самосечении «Руля», которому он вынужден время от времени подвергать себя за клеветническое поведение.

Примеры:

«Руль» напечатал подлую наглость о г. Лундберге, г. Гессен, вызванный к суду чести от него уклонился, но в письме посреднику пишет, что

«слово "контр-разведка" попало (в заметку) по недосмотру, о котором я очень сожалею».

Однако в «Руле» печатно об этом «недосмотре» г. Гессен ни словом не обмолвился.

Тот же «Руль» по поводу письма г. А. Белого накинулся с гнусными намеками на издательство «Скифы».

Г. А. Белый немедленно опроверг измышления г. Гессена на столбцах его же газеты.

Наконец, «Руль» в течение многих дней звонил по всем подворотням о причастности к «Накануне» г. А. Ортлиха... <...>

Т. о. на протяжении пары недель «Руль солгал три раза и трижды пойман с поличным. Сколько раз он солгал безнаказанно, сосчитать, ввиду колоссальности случаев, было бы долго.

Смольный

Из жизни художников в Берлине[220]

– В Шарлоттенбурге в «Берлинер Киндель» состоялось первое открытое собрание нового философского общества.

Первым выступил [illegible] Киреев: «Ижица как символ вещей сокровенных». Затем П. [illegible]ичинский читал «О знаменном распеве» – о его решающем значении для русской музыки. Третьим – художник К. Ф. Задолит свои воспоминания о скульптурных работах в России по украшению Петербурга (1918–1920). После чего А. И. Чхеидзе продекламировала поэму «Лалазар». А в заключение была оглашена *приветственная* телеграмма из Парижа от Льва Шестова: наш фило-

ски повторяет околов[illegible] кие предприятия издательства «Скифы» (журнал «Вещь» / вымышл[illegible] урнал «Понятие»).

[219] Накануне. 1922 [illegible] 32. С. 2.

[220] Голос России. [illegible] № 959. С. 7.

соф решительно отказывается от звания почетного председателя, мотивируя свой отказ исключительно дальностью расстояния и неудобствами путей сообщения.

Следующее собрание будет посвящено докладу Д-р А. С. Роде «О питательности пилюль д-р Кубу», очерку В. К. Виничеки[221] «Днепровские пороги как подводная Скандинавия, – запорожцы и викинги» и воспоминания Е.

Хроника[222]

– В среду 10 мая в 8 с пол. час. вечера в Флора Дилле (Мотесштр. 65) состоится закрытая *беседа Вольфилы* под председательством Андрея Белого на тему «Мир как культура». Гости по приглашению членов Вольфилы.

г. И. Гессен и суд чести[223]

В редакцию газеты «Накануне»

Милостивый Государь Господин Редактор,

Сообщаю Вам для сведения и – по возможности – для опубликования переписку между проф. А. С. Ященко[224] и редактором газеты «Руль» И. В. Гессеном. Переписка эта вызвана моею попыткою привлечь г. Гессена к суду чести за помещение в газете ряда заметок, имевших целью опорочить мое имя.

С совершенным уважением –

3 мая, 1922 Евг. Лундберг

П. С. Копии настоящей переписки сообщены редакциям газет: «Накануне», «Рулю», «Голос России», «Воля России», «Последние Новости», редакциям временников: «Новая Русская Книга», «Книга

[221] В. К. Винниченко.

[222] Там же. С. 9.

[223] Накануне. 1922. 7 мая. № 34. С. 5. В настоящей публикации письма А. Ященко и И. Гессена пронумерованы нами.

[224] Лундберг обратился к проф. А. С. Ященко с просьбой принять участие в разбирательстве конфликта в письме от 25 марта. См.: Русский Берлин. 1921–1923. С. 29–30.

и Революция», «Социалистический Вестник», «Бюллетень дома искусств в Берлине», «Бюллетень дома литераторов»[225]. Кроме того: Всероссийскому Союзу Писателей, Председателю Вольной Философской Ассоциации – Андрею Белому.

1.

3 апреля 1922 года

Господину И. В. Гессену

Берлин

Копия.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

По просьбе Е. Г. Лундберга передаю Вам его предложение рассмотреть путем третейского разбирательства, насколько правильно действовала редакция «Руля», помещая заметки и статьи о действиях г. Лундберга.

Г. Лундберг считает в числе лиц, ответственных за сообщения в «Руле», Вас и проф. Каминку[226] как фактических редакторов газеты. Обвинение свое он формулирует следующим образом: сознательное и умышленное распространение заведомо ложных сведений о нем (как, например, об участии его в контрразведке), с целью опозорить его. В качестве третейского судьи, в случае Вашего согласия на третейское разбирательство, он, со своей стороны, предлагает В. Б. Станкевича.

В случае Вашего согласия на третейское разбирательство, не откажите сообщить мне фамилию Вашего представителя, дабы я мог сообщить ее приват-доценту Станкевичу, чем моя роль в данном деле будет исчерпана.

Примите уверение в глубоком моем к Вам уважении (подп.)

А. Ященко.

[225] Литературно-общественный и критико-библиографический журнал петроградского Дома Литераторов «Литературные Записки» опубликовал в связи с конфликтом заметку в рубрике «Rossica» обзора «Литературная хроника»: «Редакцией „Литературных Записок“ получена от Евг. Лундберга копия переписки между проф. А. С. Ященко и редактором газеты „Руль“ И. В. Гессеном *по вопросу о привлечении* Евг. Лундбергом И. Гессена к суду чести за помещение в газете „Руль“ ряда заметок, порочащих имя Евг. Лундберга. Эта переписка по поводу несостоявшегося в конце концов суда чести была воспроизведена в берлинской газете „Накануне“, имеющей значительное распространение в России» (1922. 23 июня. № 2. С. 19).

[226] Август Исаакович Каминка (1865–1940) – публицист, издатель.

2.

Копия.

Берлин, 7 апреля 1922 г.
Кохштрассе 22–26.

Руль.
Господину проф. А. С. Ященко Берлин

Многоуважаемый Александр Семенович,

Очень извиняюсь, что задержал ответ на Ваше письмо, но трагические обстоятельства последних дней требуют еще до сих пор от меня слишком сильного напряжения времени и труда[227].

На Ваше письмо имею честь ответить, во-первых: А. И. Каминка является, конечно, в равной мере ответственным за содержание «Руля», но в данном случае он фактически и ничего не знал заранее о заметках, касающихся г. Лундберга, поэтому всю ответственность я принимаю на себя. Во-вторых: разве г. Лундбергу неизвестно, что слово «контрразведка» попало по недосмотру, о котором я очень сожалею и, что в значительной части номеров это слово удалось изъять. В частности, я об этом подробно говорил В. Б. Станкевичу, и поэтому меня удивило бы, если бы Владимир Бенедиктович после того, как имел со мной частную беседу, согласился бы взять на себя роль третейского судьи. В чем именно, кроме упомянутого выражения, г. Лундберг усматривает позорящие его сообщения?

В третьих: Может ли г. Лундберг дать мне гарантии и какие именно, что те лица (и их семьи), которых я должен выставить в качестве свидетелей для выяснения роли, которую г. Лундберг в отношении русских писателей играет, не пострадают от советской власти, на службе которой г. Лундберг состоит.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении (подп.) Гессен.

3.

Копия.

9 апреля 1922 г.

Господину И. В. Гессену Берлин.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

В ответ на полученное мною сегодня Ваше письмо от 7-го апреля, имею честь сообщить следующее.

[227] В. Д. Набоков – один из редакторов газеты «Руль», трагически погиб 28 марта 1922 г. в результате покушения монархиста П. Шабельского-Борка на П. Н. Милюкова.

По первому пункту Вашего письма принимаю к сведению Ваше заявление, что всю ответственность за содержание заметок в «Руле», касающихся г. Лундберга, Вы принимаете на себя о чем я не замедлю поставить в известность г. Лундберга.

По второму пункту о помещении слова «контрразведка» в эту заметку, я полагаю, что этот факт относится уже к самому третейскому разбирательству и рассмотрение его не входит в мою компетенцию как простого посредника. То же должен сказать я и о согласии или несогласии г. Станкевича взять на себя роль третейского судьи, каковое согласие, само собой разумеется, не предрешает отношения г. Станкевича как третейского судьи ни к г. Лундбергу, ни к Вам.

Что касается третьего пункта Вашего письма о гарантиях со стороны г. Лундберга, я желал бы, прежде, чем передать Ваш ответ г. Лундбергу, получить от Вас точное разъяснение, о какого рода гарантиях говорите Вы и в чем они вообще могут состоять, чтобы быть действительными. Я желал бы получить от Вас также точный ответ, равносильно ли это Ваше заявление Вашему отказу от третейского суда. Думаю, что не выйду из роли посредника, если укажу Вам, что, так как само третейское разбирательство будет закрытым, то есть тайным, а г. Лундберг, как и Вы, будет привлекаться к этому разбирательству только для дачи показаний, то подобные гарантии, если бы вообще о них могла быть в данном случае речь, можно было бы требовать только от самих третейских судей, а не от г. Лундберга.

Во избежание ошибки с моей стороны в толковании смысла Вашего письма, прошу Вас не замедлить дать мне разъяснение, действительно ли Вы отказываетесь от третейского разбирательства, так как, разумеется, категорическое обусловливание его невыполнимыми, как физически, так и юридически, требованиями, равносильно отказу.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении, (подп.)

Ященко.

4.

Копия.

Берлин, СВ, 68, 11 апреля 22.
Кохштрассе 22–26.

Руль.

Господину проф. А. С. Ященко Берлин

Многоуважаемый Александр Семенович,

После первого обращения ко мне от имени г. Лундберга мне уже пришлось разъяснить Вам, что Вы не даете себе ясного отчета в роли посредника, и Вы с этим изволили согласиться. Позвольте мне еще

раз сказать Вам, что Ваше последнее письмо от 9-го с. м., выходит далеко за пределы той роли, какую Вы на себя взяли и с которой я только и считался.

В ответ на Ваше предыдущее письмо я просил Вас поставить г. Лундбергу определенные вопросы, и вместо того, чтобы эту мою просьбу исполнить, Вы сами вошли в обсуждение содержания моего письма и высказываете свои соображения и догадки без того, чтобы я подал Вам какой-либо повод думать, что Вы на это уполномочены.

В виду изложенного и так как мне чрезвычайно некогда, позвольте предложить Вам прекратить нашу дальнейшую переписку и просить Вас передать мое письмо г. Лундбергу для непосредственного ответа мне, если это ему будет угодно.

С совершенным почтением (подп.) Гессен.

5.

Копия.

13 апреля, 1922 г.

Господину И. В. Гессену Берлин

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

Так как из Вашего письма от 11 апреля я усматриваю, что Вы отказываетесь от дальнейших сношений с г. Лундбергом через посредника, я считаю мою роль как посредника исчерпанной и всю нашу переписку пересылаю г. Лундбергу.

Примите уверение в совершенном моем почтении, (подп.) Ященко.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга[228]

В. Б. Станкевич и А. С. Ященко согласились представлять мои интересы. Они послали Гессену письмо с предложением назвать своих представителей. И Станкевич и Ященко вошли во вкус дела. В их настойчивости и педантизме чувствовались отклики того благородного рвения, с каким в старые времена секунданты оформляли дуэль. Гессен ответил уклончивым письмом. Мои представители повторили свои требования. Тогда Гессен заявил, что он не уверен, сохранят ли судьи в секрете показания его и его свидетелей. Судьи обиделись. Это притворное недоверие задевало их лично. Гессен как юрист не мог не знать принципов третейского разбирательства, при котором показания сторон известны одним лишь судьям. Они ответили ему кратко

[228] *Е. Лундберг.* Записки писателя. Т. II. С. 226.

и резко. Тогда Гессен спел свою заключительную арию. Он готов дать объяснения. Он может доказать, что Лундберг – советский шпион, которому поручено следить за писателями и учеными. Одна лишь беда: некоторые из свидетелей и их семьи пребывают в Советской России. Он боится за их судьбу. Если Лундберг гарантирует их неприкосновенность, он даст свои показания. Если не гарантирует – он очень сожалеет, но... в этом случае ему легче промолчать. Таков был смысл гессеновского письма. Я попросил Станкевича и Ященко передать мне всю переписку. Расположил письма в хронологическом порядке. Заказал сто копий. И без единого комментирующего слова разослал по белу свету. Я послал их в литературные архивы, историкам литературы, врагам и друзьям, редакциям советских и эмигрантских газет, литературным организациям. «Накануне» напечатало эту переписку. Газеты подтвердили заметками ее получение. Травля утихла надолго. Ибо документ говорил сам за себя. Существуют для подлости известные хотя бы эстетические нормы. Гессен их нарушил.

Письмо Андрея Белого Е. А. Ляцкому[229]

Zossen 17 мая <19>22 года

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович,

Я в отчаянии, что все так случилось: мне так хотелось в Прагу. И я еще в большем отчаянии, что письмо, объясняющее мою телеграмму, пропало в дороге.

Вы, как добрый и чуткий человек, поймете меня. Я Вам просто опишу быт моей жизни; и Вы поймете, что если со мной случаются подобные обстоятельства, то это от беспомощности, от пьяного одиночества, от неумением справиться с напором работ; я всегда незаметно набираю обязательства, которых выполнить не могу; и потом все это осложняется переутомлением, бессонницею, нервным расстройством и т. д.

Так произошло и с Прагой. Я попал в сырую комнату в «Zossen»'е[230] и тотчас же простудился; тем не менее, простуженный, работал по 12 часов в день, ибо мне в 2 недели надо представить 6 печат-

[229] Публикуется по списи, хранящейся в архиве Е. А. Ляцкого (Литературный архив Музея национальной литературы, Прага). Публикации письма также см.: Переписка Андрея Белого. Новые материалы / Вступ. заметки, публ. Р. Янгирова // Андрей Белый и Е. А. Ляцкий: Новые материалы и Ф. Полякова // Диаспора: Новые материалы. Вып.3. С.641–645.

[230] Район Берлина, где Белый переехал около 5 мая.

ных листов о Блоке[231] (т. е. их написать); переработавшись, схватил сердечные припадки (или – невроз, старинный, или – сердечная болезнь); едва таскаясь на ногах, постепенно задыхаясь, и тем не менее «*стаскиваемый*» почти ежедневно в Берлин, я дошел в нервном отношении почти до чертиков. Кроме того: уехав до Берлина, я, оказывается, лишился визы берлинского Полицей-Президиума и должен был за́-ново доказывать право жительство в Германии, т. е. ежедневно почти таскаться от цоссеновского участка в разные Ланд-Рат-Амты[232] Берлина, на это ушло 1½ недели. И теперь – представьте: во время этих тасканий, простуды, сердечных припадков, отчаянной невралгии вдруг из «*Голоса России*» уведомляют, что должен ехать немедленно в Прагу (я думал, что за неделю, по крайней мере, я буду знать *точно* число, а тут сразу и переезды, и участки, и спешная работы, и болезнь, и Прага). Уверяю Вас: я *фактически* в эти числа не мог быть в Праге, ибо боялся, что угожу в больницу (чуть не упал один раз в поезде во время припадка сердечного); во-вторых: я *не мог* выехать из Германии, не имея *бумаг* полицейских, а я до моей легализации в «Zossen»'е их лишился: если бы и сумел, то вернуться назад было бы трудно. Всего этого не напишешь в телеграмме. В письме я все это изложил. Неужели оно пропало? Или адрес я неверно написал?

Дорогой Евгений Александрович, как бы то ни было, – я в отчаянии: не только у меня не было никаких «*политических*» причин не быть в Праге. Наоборот: я был глубоко польщен приглашением меня проф. Поливки[233]. И радовался, что познакомлюсь с деятелями русско-чешского О<бшест>ва. Вы пишете о том, чтобы мне приехать, но, Евгений Александрович, я – кандидат на санаторий: так расстроены мои нервы, здоровье; а работы – гибель. Не умею справляться со сроками; получил приглашение от Комитета Помощи Голодающим участвовать в вечере 3-*ьего* июня в Праге; и хотя все это нарушает мой покой, мое здоровье, – собираюсь все же поехать, чтобы лично принести извинения проф. Поливке, Вам и другим в моей невольной бестактности.

Дорогой Евгений Александрович, направляю мой ответ Комитету – Вам: пусть заранее мне пришлют визу. Я Вам должен признаться: я самый беспомощный человек в мире: я не умею выбарахтываться: всюду со мной происходят дорожные инциденты. А ведь я один-один:

[231] Речь идет о главах «Воспоминаний о Блоке», которые Андрей Белый обязался предоставить в третий сборник «Эпопея» в мае 1922 г.

[232] Здесь: учреждения (*нем.*).

[233] Йозеф Поливка (1858–1933) – чешский фольклорист, профессор Карлова университета в Праге.

жена уехала в Швейцарию, около меня никого нет. И часто охватывает желание: просто покончить с собой, так мне одиноко и сиро!..

Очень прошу Вас передать Комитету помощи Голодающим мое согласие быть на вечере 3 *июня* в Праге, а то они не посылают мне своего адреса, и я не знаю, куда отвечать.

Буду читать отрывки из своей поэмы «*Первое свидание*».

Дорогой Евгений Александрович, напишите два слова мне: как мне быть; я готов бы был прочесть где-нибудь что-нибудь, приурочивая свои лекции к посещению Праги. Жду скорого ответа.

Остаюсь искренне уважающий и сердечно преданный
Борис Бугаев.

Мой адрес. Deutschland: Zossen (bei Berlin). Stubenrauchstrasse 68 bei Lau.

P. S. Проф. Поливке я пишу отдельно.

P. S. S. Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович, вчерашний день показал мне, что прежде всего надо заняться своим здоровьем. И потому, чтобы не происходили инциденты, подобные бывшему, мне ясно: я должен оказаться от поездки в Прагу и 3-го июня. Итак, до августа-сентября я никуда не выеду из «Zossen»'а: только теперь сказываются следы 5 летнего пребывания в Советской России. Ведь я не отдыхал 5 лет. Мне страшно хочется все-таки приехать в Прагу, но – основательно отдохнув, к осени, например. Сейчас же, едва выцарапавшись из Берлина, я просто протягиваю ноги от усталости. Кроме того: надо использовать лето для писания «*Эпопеи*», которую несколько лет не мог писать в России. Передайте Комитету и Обществу, что я страшно хотел бы приехать в Прагу, но надорванное здоровье не позволяет.

Из жизни художников в Берлине[232]

После летних каникул возобновило свою деятельность новое философское общество, возникшее в противовес эмигрантской Волфилы, под названием Цвофирзон.

В Rosenkranzsonntag на Erntedankfest в кафе Ruhiges Plätzchen für brennende Ziggaren состоялось первое открытое заседание.

Приехавший из Парижа б. почетный председатель Волфилы Лев Шестов поделился своими тирольскими афоризмами.

«Если бы не дождь, – сказал философ, – так бы и зимовал на альпийской панораме. Верите ли, целое лето пришлось таскать старое ватошное киевское пальто, а из калош, прямо скажу не вылезал».

[234] Голос России. 1922. 8 октября. № 1079. С. 8.

Затем выступил с докладом секретарь общества молодой философ Др. Я. С. Шрейбер: «Адогматическое обоснование триремы, как безмоторного двигателя для борьбы с соляным и спиртовым червем».

Докладчик не преминул сообщить мотивы, побудившие его начать столь полезную и в философском смысле значительную работу.

«Маленький пустяк, письмо приятеля, интуиция, подобно всем великим открытиям от Ньютона!» скромно сказал философ.

<...> После Шрейбера профессор русской консерватории Г. С. Киреев исполнил «Солнце всходит и заходит» (соло) и послана телеграмма Кемалю Паше в Турцию.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга[235]

Когда Ященко[236] перестал верить его сообщениям, Ремизов перенес свою деятельность в отдел литературной хроники берлинской эсеровской газеты «Дни»[237]. В хронике стали появляться заметки о лекциях, о литературных вечерах, о заседаниях философских кружков. Указывалось место и время. Отчеты были написаны в строгом, деловом тоне. Сообщалось, что такого-то числа, в таком-то кафе В. К. Винниченко прочтет доклад на тему «Днепровские пороги, или подводная Скандинавия». Поскольку эмигранты были мало осведомлены о создании ЦКУБУ, Ремизов безнаказанно опубликовал, что доктор Э. Роде сделает сообщение «о пилюлях кубу и о влиянии их на человеческий организм». В конце концов мистификация в розницу перестала удовлетворять Ремизова. Он воспользовался тем, что деятельность берлинского отделения Вольной Философской Ассоциации замерла, и объявил о создании нового философского общества «Цво-фир-Зон». Никто не пытался расшифровать это сокращенное немецкое название организации. Да и сам Ремизов не мог бы этого сделать, ибо то была просто-напросто звуковая, совершенно неправдоподобная имитация немецких сокращений.

Появилась заметка об открытии Цво-фир-Зона в таком-то не существующем кафе на такой-то реально существующей и всем знако-

[235] *Е. Лундберг.* Записки писателя. Т. II. С. 300–303.

[236] Первоначально А. М. Ремизов посылал свои анонимные заметки-мистификации в литературно-библиографические журналы «Русская книга» (1921) и «Новая Русская книга» (1922–1923), которые издавал в Берлине профессор международного права А. С. Ященко.

[237] Ошибочное утверждение; Ремизов публиковал свои заметки в газете «Голос России».

мой улице. Любители философии заметались, но тщетно. Видимо, газетный хроникер допустил какую-то погрешность при передаче адреса. На следующий день появился отчет об учредительном собрании членов общества. Председателем Цво-фир-Зона был избран философ Лев Шестов, живущий постоянно в Париже. Несколько позже газеты опубликовали краткую телеграмму Шестова, благодарившего общество за избрание, но отклонившего предложенную ему честь – «за дальностью расстояния». Ремизов радостно смаковал придуманную им для несуществующей телеграммы мотивировку отказа... Дальше заседания общества назначались с чрезвычайной регулярностью. Названия докладов становились все чуднее. От иных веяло решительным идиотизмом. Представители эмигрантской интеллигенции, каждый порознь, высказывали сожаление, что из-за постоянных ошибок при указании адреса не удается побывать на заседаниях Цво-фир-Зона, но очень тепло относились к высокой затее философствующих соотечественников.

Когда отчеты и рефераты достигли предела идиотизма, кто-то из сотрудников сменовеховской газеты «Накануне» разразился громовой статьей по поводу склонности эмиграции к схоластике. Критик перечислил темы докладов – их тесный перечень производил потрясающее впечатление философской хроники Бедлама или Канатчиковой дачи. Этого не стерпел «Руль». Он вступился за Цво-фир-Зон как за эмигрантскую организацию и облаял сменовеховцев за безграмотность. Полемика прокатилась по всей эмигрантской прессе от Праги до Белграда[238]. И никто не посмел не только что сказать, но даже подумать, что «король-то весь гол», а Цво-фир-Зон – неправдоподобно идиотичен.

Ремизов признавался, что ни один его роман, ни одна повесть не причиняли ему столько [ст]рдца до появления в свет («а вдруг догадаются») и столько радости [по]сле появления («не догадались») как отчеты о деятельности Цво-ф[ир-З]она.

Хроника[239]

В связи с исполн[яю]щимся 25 сентября 35-ти летним юбилеем Максима Горького, [ря]д русские литературные организации, связанные с Советской Рос[сией] и Всероссийский союз писателей (В. Ходасе-

[238] Подтверждени[я] [изд]ательству Лундберга найти не удалось.
[239] Руль. 1922. 28 с[ент.] № 557. С. 5.

вич), вольная философская ассоциация (Андрей Белый), берлинский Дом Искусств, издательство всемирная литература, издательство Гржебина и большевистское «объединение российских студентов» отправили Горькому приветственное письмо с выражением пожелания продолжения его деятельности.

Из записей «Себе на память» Андрея Белого[240]

<1921>

Ноябрь. Заседание, посвященное организации В.Ф.А. в Берлине.

Декабрь. Засед<ание>, посвящ<енное> организации В.Ф.А. в Берлине.

Декабрь. Засед<ание>, посвящ<енное> организации В.Ф.А. в Берлине.

<1922>

Январь. Заседание Совета берлинской В.Ф.А. (организац<ионное>)

Январь. Заседание организ<ационное> берл<инской> В.Ф.А.

Январь. Открытие В.Ф.А. Моя публичная лекция «Культура духа».

Февраль. Председательствую на пуб<личном> докладе Минского о Блоке. В.Ф.А. Участвую в прениях.

Февраль. Продолжение прений к докладу Минского. Публ<личное> зас<едание> В.Ф.А. Председательствую.

Февраль. Председательствую и открываю собрание речью о Блоке. Публичное заседание В.Ф.А.

Февраль. Организ<ационное> собрание берлинской В.Ф.А.

Март. Доклад Лундберга в В.Ф.А. Прения.

Март. Председательствую и оппонирую на докладе Станкевича в В.Ф.А.

Март. Философская беседа в В.Ф.А. Председательствую. Участвую в прениях с Черновым.

Апрель. «Философия свободы». Доклад Н. Н. Белоцветова в В.Ф.А. Прения. Председательствую.

Апрель. Доклад Каплуна «Философия социализма» в В.Ф.А. Оппонирую. Председательствую.

Май. Мой доклад. «Антропософия в проблеме культур». В.Ф.А.

Октябрь. Заседание Совета В.Ф.А. (о том, что она в Берлине никуда не годиться).

[240] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 96. Л. 15 об.–16. Текст воспроизводится без авторской нумерации выступлений и указаний на Берлин.

Из «Ракурса к дневнику» Андрея Белого[241]

<1922 г.>

Пb_(юb__юыї0'чїяяяяё«Вольфилой» – кончаем: не идет. <...> Заседание Совета «В.Ф.А.» (ликвидирую).

Из воспоминаний А. З. Штейнберга[242]

Когда мы остались одни, Белый поразил меня, сказав совершенно неожиданно: «Может быть, мы должны были бы воспользоваться тем, что в Берлине сейчас Бердяев, вы и я, Шестов наезжает часто в Берлин, и организовать тут отделение Вольного Философского содружества». Белый держался за идею Вольфилы, которая была для него как бы путеводной звездой в его собственном развитии. Она казалась ему воплощением непрерывности в развитии всей русской культуры. И прав был Разумник, когда в самом начале, еще до моего знакомства с Белым, сказал о нем: «Не Белый для Вольфилы, а Вольфила для Белого». Совершенно очевидно, что после внутреннего разрыва с антропософией русская стихия для Бориса Николаевича стала еще более близкой и дорогой, чем раньше. Он не стал националистом, не стал реставратором старой России, но ощутил тот щит, который Россия держит между двух миров, как у Блока в «Скифах»[243]. И Белый, конечно же, настоящий птенец Петрова гнезда, европеец, задумал перенести российскую Вольфилу в европейский Берлин. Я относился к его плану с большой осторожностью. Я не думал, что Борис Николаевич сумеет продолжать дело Вольфилы без поддержки людей, из которых «одних уж нет, а те далече», а третьи соблазнились чечевичной похлебкой. Я не верил, что здесь, в Европе, можно будет так легко и просто, как под колпаком большевизма, пронзить сердца и умы не связанной между собой группы русской эмигрантской интеллигенции.

[241] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 100. Л. 114об.

[242] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 124–125. Описываемая в мемуарах встреча автора с Белым, по всей вероятности, произошла в самом конце 1922 г. после того, как эмигрировавший из советской России Штейнберг приехал в Берлин.

[243] Подразумеваются строки из стихотворения А. Блока «Скифы» (1918): «Для вас – века, для нас – единый час. / Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!»

Из письма А. М. Ремизова к Л. Шестову[244]

Берлин. 16 июня 1923 г.

По случаю Ликвидации «Вольфилы» получил конвертов и немного бумаги для рекламы.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику[245]

Москва. 18 ноября 1923 г.

Да, воочию я убедился скоро, как печальна, беспочвенна, бездеятельна русская эмиграция, среди которой немногие лишь делают отчаянные усилия, чтобы не задохнуться окончательно в общей духоте и духовном обнищании; пониженность интересов, усвоение дурных замашек современной, берлинской, гибнущей цивилизации, дух спекуляции, политическая узость, культурная отсталость, отсутствие русского сдвига сознания, отсутствие, полное, революционной стихии в душе и контр-революционное настроение в сфере искусства, — вот чем характеризуется <...> масса русских... <...>

...учредили мы отделение «Вольной Философской Ассоциации»; пресса скоро огласила нас «большевиками», живую молодежь они от нас отпугнули клеветами; масса же русская предпочитала *фокстрот* и кофейные посидения...

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику[246]

17 декабря <19>23 года. Москва.

...в Берлине – 3 Берлина; «*берлинский*» Берлин, «*петербургско-московский*» Берлин, или «*Scharlottengrad*», как именуют немцы квартал Scharlottenburg, и синтез их по линиям упадка и истерики упадающей, немецкой, бюргерской жизни и разлагающейся эмигрантщины; яды разложения русского вчерашнего сознания и немецкого «*Preussenthum*»[247], эти «пептоны»[248], образуют какие-то ядовитейшие соединения; соединяет – надрыв безысходности и безысходный тупик; и в те-

[244] Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1993. № 3. С. 120.

[245] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 254–255.

[246] Там же. С. 272–273.

[247] «пруссачество» (*нем.*)

[248] Смесь продуктов, заключенных в желудочном соке.

ный тупика вспыхивает лилово-пунцовый свет абажурчика какой-нибудь «Diele»[249] на Motzstrasse, где скрипач пилит фокстрот, а с ума сшедший берлинец танцует над бездной с накрашенною девицею; в таком-то вот *«Diele»* (представляете картину?), хозяин которой *«любит»* русских, вытесняя на несколько часов *«девиц»* и немцев, заседала одно время «берлинская Вольфила», в маленькой комнатушке; в соседней же комнате среди теней мирового тупика и берлинского сумасшествия лилово-пунцовеньких огоньков «девицы» и снобы Motzstr<asse> ждали окончания заседания *«Freie Philosophische Assoziation»*, чтобы пуститься в пляс, да русский поэт Кусиков, демонстративно одетый в черкесский костюм, дул коньяк у стойки, восседая на высочайшем стуле и возбуждая шепот: *«der Tscherckess»*; *«Вольфила»* кончалась; и мы шли к столикам соседней комнатки пить пиво и есть *«шницели»*; взвизгивал фокстрот; и между столиками начинали кружится пары; ласковый скрипач во фраке, расхаживающий от столика к столику с просительной улыбкой <...>, во имя русско-немецкой дружбы играл русско-немецкие надрывные романсы, от которых все вывихнутые берлинцы, обожающие *«восток»*, без ума. <...> Вот Вам один из кусочков шарлоттенградского быта жизни, в котором Вольфила, конечно, быстро задохлась.

[249] танцевальный

Петроград–Ленинград. 1922–1924

Начиная с зимы 1921–1922 годов активность Вольной Философской Ассоциации заметно снижается. Окончательно замирает работа многих кружков, отделы, на которые еще совсем недавно возлагались большие надежды, так и не превращаются в самостоятельные фракции. Позже А. З. Штейнберг сравнит «содружество» вольных философов этого периода с «осколками разбитого сосуда», добавив при этом, что «счастливо слепленные сосуды, даже когда они разбиты на мелкие осколки, отражают в каждом из них свою удачную форму»[1]. Кризисную ситуацию, конечно, можно объяснить различными обстоятельствами: кончиной Александра Блока, отъездом Андрея Белого в Берлин в октябре 1921 года, серьезной болезнью В. В. Бакрылова с января 1922-го[2], то есть сугубо внутренними

[1] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 193.

[2] В. В. Бакрылов выполнял в Вольфиле функции завхоза, официально являясь секретарем и управляющим делами: договаривался с вышестоящим наркомпросовским начальством, заботился об аренде помещений, вел бухгалтерские счета, к его обязанностям относилась публикация афиш и газетных объявлений и многое другое. Штейнберг характеризует его как человека молчаливого, очень активного и, главным образом, решительного: «...к счастью с нами был Владимир Васильевич Бакрылов, человек большой инициативы, из народа, прошедший огонь и воду и медные трубы» (Там же. С. 46). В письме к Андрею Белому от 7 декабря 1923 г. Иванов-Разумник называл его «если и не душой, то телом Вольфилы; без него мы сразу

проблемами, неожиданно возникшими перед Ассоциацией. И все-таки не менее важным представляется влияние внешних условий. В стране к этому времени окончательно меняется политический климат. Естественными, а следовательно, привычными факторами человеческого бытия становятся, с одной стороны, коммунистический террор и эмиграция, с другой, растущая интеллектуальная апатия.

Впрочем, и в течение оставшихся двух с половиной лет ВФА продолжала делать свое дело, развивая традиции критической мысли, фиксируя и закрепляя в сознании слушателей то новое, что возникало в культурной и общественной жизни России и Европы. Вольфила торила свою дорогу в области философии культуры, отталкиваясь от крайностей академизма и дилетантизма. Внешне могло показаться, что негативный общественно-политический

потеряли опору, стержень, костяк» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264). Ср. также с некрологом Иванова-Разумника: «С самого начала 1919 г. Б. принял самое деятельное участие в организации Вольной Философской Ассоциации, существовавшей в Петербурге с 1919 по 1924 гг. Он был секретарем правления этой Ассоциации (при председателе Андрее Белом); исключительно благодаря организаторской энергии Б. устраивались собиравшие часто тысячную аудиторию еженедельные заседания, посвященные темам философии, науки и искусства. После смерти Б. эта Ассоциация ("Вольфила") продолжала существовать еще два года, но в значительно более узких рамках. В январе 1922 г. Б. заболел сыпным тифом, сильно потрясшим его организм, и с трудом оправился лишь к началу весны. 8 июня 1922 г. Б. бросился с Троицкого моста в Неву и утонул» (*И. Р.* Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка. 1926. № 7/8 (28/29). С. 308). Мы не располагаем документальными подтверждениями точности даты происшедшего, так как в письме к Белому Иванов-Разумник называет другую дату – 8 мая. Возможно, на реальное событие (и его интерпретацию) повлиял тот факт, что 8 июня 1922 г. в Верховном трибунале, начался судебный процесс над партией эсеров-революционеров.

фон почти не отражался на ее повседневной деятельности. Еженедельно собирались открытые воскресные заседания[3]; столь же постоянно, по четвергам, проводились закрытые заседания. Стабильным было общее финансовое положение ВФА. Согласно ее кассовому балансу за 1923 год, на 1 января 1924 г. в приходной части (состоявшей из входной платы, членских взносов и доходов от продажи книг) было 51.921 руб. 97 коп., а в расходной части всего – 15.942 руб. 86 коп.[4].

Несмотря на благоприятные факторы, внутренний кризис Ассоциации все это время только углублялся. Груз постоянной организационной работы несли на себе лишь два человека – Иванов-Разумник и Д. М. Пинес, бессменно председательствуя на всех открытых собраниях, планируя доклады и ведя переговоры с докладчиками, оплачивая счета и отчитываясь за проделанную работу перед вышестоящими инстанциями[5]. Неоднократно Иванов-Разумник задумывался о самоликвидации Вольфилы, полагая, что «соль перестала быть соленой», однако так и не решился настоять на этом[6]. Объективный ход событий, тем не менее опередил (и предопределил) субъективные намерения ру-

[3] С середины 1923 г. для открытых заседаний аудитория Географического общества уже не использовалась, они проводились по понедельникам в помещении Ассоциации по адресу: Фонтанка, 50, кв. 25. См.: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 22.

[4] ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 22.

[5] О накопившейся личной усталости, связанной с удушающей общественной атмосферой, Иванов-Разумник сообщает в письме к Андрею Белому от 7 декабря 1923 г. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264–269.

[6] Ср.: «Несколько раз за последние полгода поднимал я вопрос о ликвидации ее <Вольфилы>; все возражали, и сам я вопроса ребром не ставил: поджидал Вас. Как же закрыть Вольфилу вне ведома и в отсутствие ее председателя? Теперь Вы приехали и все знаете. Конечно, до Вашего приезда в Петербург никаких шагов в этом направлении не сделаем, но во всяком случае, – как это говорится? – Tenez

ководителей Ассоциации. Уже в конце апреля 1924 года ВФА не удалось пройти через очередную перерегистрацию в Главном Управлении Ленинградских Научных Учреждений. Спустя четыре месяца в истории Вольфилы была поставлена точка: 4 сентября 1924 года на основании соответствующего распоряжения административного отдела Ленинградского Губисполкома Вольная Философская Ассоциация была объявлена закрытой, а ее имущество передано Всероссийскому Союзу Писателей.

vous pour averti <намот ...бе на ус (*фр.*)>. Приедете, – сами увиди-
те; тогда и решим» (А ...Белый и Иванов-Разумник. Переписка.
С. 266). Андрей Бел... ...ился в Ленинграде с 11 по 19 февраля
1924 г.; вероятно, тог... ...их разговорах с Ввановым-Разумником
обсуждалась тема са... ...ации Вольфилы.

Письмо А. З. Штейнберга к Конст. Эрбергу[7]

<Начало января 1922 г.>

Сегодня у меня был Далмат Александрович *Лутохин*, новый редактор «Вестника литературы», которому он стремится придать и новое направление (более «чистое»)[8]; он был с специальной целью привлечь «вольфильцев» к сотрудничеству. Я обещал передать об этом. Сообщаю об этом Вам в первую очередь.

А. Штейнберг.

Афиша[9]

Вольфила

1922

Открытые заседания Вольной философской Ассоциации

CXI

8 Января

Н. Н. Пунин. Наше средневековье

CXII

15 Января

В. Г. Тан-Богораз[10]. Этнографические основания мирового кризиса

CXIII

22 Января

Иванов-Разумник. Россия и Европа.
К столетию со дня рождения Н. Данилевского[11]

[7] ИРЛИ. Ф. 474. № 295. Л. 9.

[8] Экономист и литератор Далмат Алксандрович Лутохин (1885–1942) возглавил «Вестник литературы» в самом конце декабря 1921 г. после кончины его первого издателя – А. Е. Кауфмана. Ср.: «Второй двойной номер <...> я решил выпустить, уже обновив его программу (введена была беллетристика, введены научные статьи, усилена публицистика) и изменив самый «тон» журнала» (*Д. Лутохин.* Советская цензура (По личным воспоминаниям) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. XII. – Берлин, 1923. С. 158).

[9] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 42.

[10] Владимир Германович Тан (наст. фам. Богораз; 1865–1936) – этнограф, литератор; с 1921 г. профессор ряда петроградских вузов.

[11] Философ, публицист, автор знаменитой книги «Россия и Европа» (1871), Николай Яковлевич Данилевский (1822–1855) родился 28 ноября по ст. ст. В течение полутора лет Иванов-Разумник готовил на основе своего доклада

CXIV

29 Января

А. З. Штейнберг. О пределах воображения.
К столетию со дня смерти Э. Т. А. Гофмана[12]

Начало в 2½ часа дня

Зал Географического О-ва Билеты при входе Демидов пер., 8-а

книгу для издательства «Колос». В письмах к Ф. И. Витязеву он сообщал: «Пока что заквасил тесто для *пяти* (!) книг – только пеките, если охота будет (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64. Л. 46; письмо от 22 января 1922 г.); «Через две недели привезу Вам "Россию, Европу и социализм" (сам еще не знаю заглавия...» (Л. 65; письмо от 11 сентября); «Все эти дни и недели до конца Сентября посвящены будут только "России и Европе"; боюсь, как бы не вышло вместе в восемь листов. Попробую, впрочем, сократить» (Л. 66; письмо от 16 сентября); «..."Россию и Европу" в пятый раз переделываю (стенограмма!), переписываю, сжимаю. Будет 5–6 листов и Вы их получите в первую очередь» (Л. 70; письмо от 26 сентября); «С "Россией и Европой" потерпите: от "Колоса" она не уйдет никуда... <...> ..."Россия и Европа" – работа не очень большая, но ответственная, и мне приходится многое передумывать, чтобы перед самим собой не осрамиться» (Л. 77; письмо от 12 марта 1923 г.; «..."Россию и Европу" доставлю через два месяца» (Л. 78об.; письмо от 28 апреля 1923 г.); «Жена передавала мне о разговоре с Вами, <...> о предложении "Колоса" засчитать недополученные мною за „Вершины" 100 рублей золотом – за "Россию и Европу", которую теперь печатать, конечно, не приходится» (Л. 85; письмо от февраля 1924 г.). В конечном итоге рукопись так и не увидела свет, и в настоящее время ее местонахождение неизвестно.

[12] День кончины [illegible]ского писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана (1776–1822) приходился на 25 июня. Ср. также: «Коснусь еще одного открытого собрания, названного [illegible]ами "Границы фантазии" и посвященного столетию со дня смерти нем[illegible]ого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана. Была сделана попытка [illegible]ложить об искусстве использовать для расширения и развития общест[illegible]ни мысли, попытка предостеречь людей, особенно творческого, худож[illegible]ного мира, от желания повернуться спиной к реальности общественн[illegible]ударственной и политической жизни и найти свой укромный угол[illegible]ожественном творчестве, в искусстве. Нельзя чувствовать себя своб[illegible]значит, и творить свободно, в тайном, укромном уголке, под сень[illegible]искусства, когда весь народ, вся страна – в цепях!» (*А. Штейнберг.* [illegible]их ранних лет. С. 82–83).

Литературная хроника[13]

– Волфил издал стенограмму заседания, посвященного памяти Блока. Воспроизведенная в стенограмме речь о Блоке Андрея Белого блестяща по форме и глубока по мысли. Следует пожелать, чтобы скорее изданы были отчеты и о других заседаниях Вольфилы, имевших нередко большое общественное значение – как, например, заседание, посвященное философии марксизма, в котором участвовали Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг и др.

Афиша[14]

Вольная Философская Ассоциация

Февраль 1922

Пушкин

CXV
Воскресенье 5-го Февраля
Артур Лурье. Голос поэта[15]

CXVII
Воскресенье 19-го Февраля
«Евгений Онегин».
Ю. Н. Тынянов,
Виктор Шкловский,
Б. М. Эйхенбаум

[13] Вестник литературы. 1922. № 2–3. С. 37.

[14] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 43. Номера заседаний вписаны от руки.

[15] См. статью А. Лурье «Голос поэта (Пушкин)», датированную февралем 1922 г. и опубликованную в альманахе «Орфей» (Кн. 1. – Пб., 1922. С. 35–61). Как и в докладе «Русская культура и русская музыка» (ноябрь 1921 г.), автор обратился к наследию Блока, одним из первых сопоставив музыкальный дар поэта с творческим наследием Пушкина»: «Поэт – “сын гармонии”. Смысл этого в том, что поэт противопоставляется действительности как образ такого человека или воплощение такого состояния, которое окружающему миру кажется призрачным, химерическим существованием. Для мира действительности это воображаемое существование в воображаемых мирах – поэт утверждает как подлинную, единственную и высшую *реальность* жизни. Трагическая коллизия для поэта создается в невозможности овладения жизнью в том преображенном аспекте, который создает его творческая воля и его постижение мира. В этом понимании – искусство, как высшая духовная категория бытия, или неустанно стремится к конечному преображению мира в творимом ею аспекте и к овладению жизни в ее высшей реальности; или же превращается фатально в кукольное царство, в игрушечный мир химерической мечты и усладительной, пьянящей оранжерейности. Голос поэта на этом

CXVI
А. А. Мейер.
«Мудрость Пушкина»
(по поводу книги
М. Гершензона[16])

CXVII
А. З. Штейнберг.
Пушкин и Достоевский[17]

Начало докладов в 2½ часа дня
Демидов пер., 8-а Билеты при входе

Пушкинский день[18]

Вольная Философская Ассоциация посвятила Пушкину ряд докладов (все воскресные дни февраля): Артур Лурье – «Голос поэта», А. А. Мейер – «Мудрость Пушкина» (по поводу книги М. О. Гершензона), Ю. Н. Тынянов и Б. М. Эйхенбаум – «Евгений Онегин»[19], А. З. Штейнберг «Пушкин и Достоевский».

План предполагаемых изданий ВФА[20]

<...> Сборник III. О **пролетарской культуре**. (Стенограф<ическая> запись Заседания Вольн<ой> Филос<офской> Ассоц<иации> 21 марта 1920 года. «Беседа о пролетарской культуре»).

пути – это – голос неустрашимо влекущей нас стихии к заклятию ее орфической гармонией, перед которой рушатся все преграды, к преображению мира и постижению высшего смысла бытия» (С. 36–37).

[16] Речь идет об одноименной книге М. О. Гершензона, вышедшей в 1919 г.

[17] Стенограмма CXVII открытого заседания ВФА 26 февраля 1922 г. «Пушкин и Достоевский» (докладчик А. З. Штейнберг) частично сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 169), однако большая часть листов (всего 12) испорчена и не поддается прочтению.

[18] Летопись Дома Литераторов. 1922. 25 февраля. № 8–9. С. 8.

[19] На заседании с докладом выступал также В. Шкловский. Ср. с записью в дневнике Б. Эйхенбаума 2 февраля 1922 г.: «Наша “ревтройка” (Тынянов, Шкловский и я) выступ[ала] > 19-го в Вольфиле о Пушкине» (Цит. по изд: *Ю. Н. Тынянов*. Поэтика. История литературы. Кино. С. 404). Отсутствие фамилии Шкловского в списках «Летописи Дома Литераторов», возможно, объясняется тем, что в списках бывших членов партии социалистов-революционеров с конца В. Б. Шкловский вынужден был скрываться от ГПУ, а 14 (или 15) [мая] 1922 г. бежал из Петрограда за границу.

[20] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 68. Сохранился лишь последний лист списка, который предположительно датируется временем после февраля 1922 г.

Речи А. Белого, П. Гайдебурова, Иванова-Разумника, А. Лурье, А. Мейера, Петрова-Водкина, Н. Пунина, А. Штейнберга, Конст. Эрберга.

Сборник IV. **Кризис христианства**.

Иванов-Разумник – «Три искушения».

А. А. Мейер – Гуманизм или христианство.

Сборник V. **Философия религии**.

Н. О. Лосский – Бог в системе органическ<ого> миропонимания

К. Эрберг – Религия и мистика.

15. «**Записки Вольной Философской Ассоциации**» (доклады и отчеты заседаний) – 30 печ. лист.

16. «**Глоссолалия**» – А. Белый.

17. «**Пушкин**» – речи и доклады Иванова-Разумника, А. Лурье, А. Мейера, Л. Пумпянского, Н. Пунина, Ю. Тынянова, В. Шкловского, А. Штейнберга, Б. Эйхенбаума.

Письмо Е. Полетаева к Конст. Эрбергу[21]

Многоуважаемый Константин Александрович!

Очень сожалею, что по причинам личного и внутреннего характера не смогу сделать в Вольфиле доклад обещанный в апреле.

С искренним уважением.

Готовый к услугам,

19. 3. <19>22. Пб. Ehen Полетаев.

Кружок имени В. В. Розанова[22]

Кружок по изучению жизни и творчества В. В. Розанова (1856–1919) основан в октябре 1921 года по инициативе Э. Ф. Голлербаха. Сообщение об организации этого кружка, напечатанное в октябрьском номере журн. «Вестник Литературы» и «Среди кол-

[21] ИРЛИ. Ф. 474. № 221. Сохранился более поздний комментарий Конст. Эрберга: «Евг. Полетаев, написавший в 19 году <1918 – *В. Б.*> совместно с Ник. Ник. Пуниным книгу "Против цивилизации", был приглашен Вольфилой прочесть доклад на тему о цивилизации вообще. Доклад не состоялся не по вине Вольфилы» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 85).

[22] Новая русская книга (Берлин). 1922. Март. № 3. С. 30. Предположительно автором заметки является Э. Ф. Голлербах.

лекционеров»[23], подписали: Андрей Белый, А. Волынский, Э. Голлербах, Н. Лернер, В. Ховин.

Вначале кружок числился при Доме Литераторов, затем перенес свою деятельность в Вольную Философскую Ассоциацию, где образовалось бюро по устройству докладов, семинарий, вечеров, по собиранию и изданию материалов, относящихся к жизни и деятельности Розанова. В состав бюро вошли: Э. Голлербах, Евг. Иванов, В. Ховин, Константин Эрберг.

По разным причинам, из которых главнейшая – принципиальные разногласия и отсутствие средств у кружка, ему не удалось пока развить намеченную программу работы.

Объявления[24]

CXXIII

2 апреля

Л. В. Пумпянский. Об умственном и нравственном состоянии России

CXXIV

30 апреля

Я. И. Гордин. Максимализм и идея конца

CXXV

7 мая

К. С. Петров-Водкин. Проблема движения

CXXVI

14 мая

Артур Лурье. Голос поэта[25]

CXXVII

21 мая

В. Денисов. Основные начала новой художествен<ной> школы

CXXVIII

28 мая

В. Г. Каратыгин. Искусство слушать музыку[26]

[23] См.: Розановский к (Письмо в редакцию) // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 13–14; а Письмо в редакцию // Среди коллекционеров. 1921. Август – сен 6–7. С. 56.

[24] ИРЛИ. Ф. 79. Оп 34а–34. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[25] Возможно, ошиб д на эту тему был прочитан 5 февраля.

[26] См.: *В. Г. Карат* шании музыки // Музыка в единой трудовой школе. Вып. 1. Пг., 191 а также: *В. Г. Каратыгин.* Учение об основ-

CXXIX
11 июня
«Красота и Свобода». Вступит<ельное> слово – К. Эрберга

Письмо Д. М. Пинеса к Иванову-Разумнику[27]

Милый Разумник Васильевич,
вместо письма – всего три строчки (больше не успеть).

I. Понедельник *не* состоялся: легкомысленная «малая Вольфила» вместо «порядка дня» беспорядочно отправилась в заседание «Ордена Серпа и Молота» (увы! «Нам отгорели серп и молот...»).

II. Арон Захарович пока еще не объявлялся (завтра съезжу к нему), и если он приехал, то, быть может, состоится «Четверг».

III. Посылаю Вам «Неиздан<ного> Пушкина»[28]. Если у Вас его нет – оставьте себе (на основании товарообмена: 2 экз<емпляра> «Что такое махаевщина»[29]).

IV. Ольга Дм<итриевна> передала для Вас «У самого моря»[30], но т<ак> к<ак> это экземпляр Шагинян с дарственной надписью и над ним очень дрожат, то посылаю Вам свой экземпляр «Белой Стаи» (в нем напечатана и поэма)[31] – и заодно копию с письма Блока к Ахматовой[32].

ных элементах музыки. Введение // В. Г. Каратыгин. Жизнь. Деятельность: Статьи и материалы. Л., 1927. С. 89–114.

[27] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 314. Л. 2–2об.

[28] См.: Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. – Пб., 1922. Книга увидела свет в конце марта 1922 г.

[29] Вероятно, речь идет о книге Иванова-Разумника «Что такое махаевщина? К вопросу об интеллигенции» (СПб., 1908); ее второе (дополненное) издание вышло под заголовком «Об интеллигенции. Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы» (СПб., 1910).

[30] Речь идет о поэме А. А. Ахматовой, которая впервые была опубликована в журнале «Аполлон» (1915. № 3. С. 25–32).

[31] Первое издание поэтического сборника А. А. Ахматовой «Белая стая» (в его состав вошла поэма «У самого моря») увидело свет в Петрограде в 1917 г.; последующие – к моменту написания письма – в 1918 г. и в феврале 1922 г. Весной 1922 г. Иванов-Разумник написал статью «Anno Domini MCMXXI», посвященную творчеству А. А. Ахматовой, которую включил в сборник своих статей «Творчество и критика. 1908–1922» (Пб., 1922. С. 193–196).

[32] В ответ на подаренную ему поэму «У самого моря» с надписью «Александру Блоку – Анна Ахматова. 27 апреля 1915. Царское Село» (См.: Библи-

V. Посылаю тезисы доклада Гордина[33].

VI. Шлю привет и извещение, что Ваша весточка, Разумник Васильевич, об n+1ом заболевании простудном (Вашем) в [n+1ый раз][2] *огорчила нас всех.*

Обнимаю Вас крепко и настаиваю: не болейте!

Ваш Дм. Пинес.

26.IV. (вернее – 27/IV – ибо 5ый час).

Еще посылаю письма Чехова и просьбу: их, а также письмо Блока к Ахматовой «по миновении надобности» вернуть.

Общие основы новой художественной школы[34]

Доклад В. А. Денисова

Тезисы

1) Школа в искусстве есть совокупность определенных художественных принципов и технических приемов, знаний и профессионального мастерства, передаваемых преемственно.

2) Старая школа прекратила у нас свое существование еще в I-ой половине прошлого века; с тех пор художественные учебные заведения не заключали в себе школы.

3) Государственные Свободные Мастерские не могли заложить основ школы благодаря индивидуальному принципу, положенному в основу их организации.

4) Натурализм, принимаемый как объективная основа для преподавания, есть только мировоззрение, а не основа и источник профессионально-художественной культуры и меньше всего – педагогический метод, годный для применения в учебном заведении.

5) Старая система преподавания, заменяя обобщение объективных данных творческим субъективным постижением, нутром, воспитывая «жрецов искусства», отрицательно влияла на формацию, творчество и самую жизнь художников.

6) Существующий в настоящее время разрыв между всеми видами искусства и в частности между искусством «чистым» и «прикладным»

отека Блока: Описани... Л., 1984. С. 14) Блок ответил Ахматовой письмом от 14 марта 191... *Блок.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.–Л., 1963. С. 458–459.

[33] Доклад Я. И. Го... «Символизм и идея конца» был назначен на 30 апреля; его тезисы ча... не сохранились. См.: Наст. изд. Кн.2. С.721–723.

[34] ИРЛИ. Ф. 79. (...

является результатом упадка нашей художественной культуры в старом буржуазном мире.

7) Ввиду выступления на историческую арену новых общественных классов с новой идеологией, прежняя эстетика не годится, и задача художника – педагога наших дней ввести такой метод преподавания, где столкновение идеологий и эстетик исключалось бы вовсе или сводилось до минимума.

8) Единственно приемлемым в настоящее время методом является, в виду его полной объективности и научной обоснованности, метод аналитический.

9) Основой новой школы должно быть изучение опирающихся на научные данные художественных дисциплин цвета, фактуры, формы и конструкции (а для строительного искусства и пространства).

10) Эти дисциплины являются связующим звеном между всеми видами искусства: опирающаяся на них художественная культура будет снова единой, и новая эпоха получит цельный и ярко выраженный образ.

Письмо в редакцию[35]

В интересах всестороннего исследования жизни и творчества Василия Васильевича Розанова в Петербурге при Вольной Философской Ассоциации организуется *кружок по изучению Розанова*, ставящей своей задачей: 1) собирание всевозможных материалов о нем (статей, рецензий, воспоминаний и пр., как печатных, так и рукописных), 2) составление исчерпывающего библиографического указателя трудов Розанова и литературы о нем, 3) собирание писем его, по возможности в подлинниках или в копиях, 4) устройство вечеров и издание сборников памяти Розанова, 5) устройство при Музее «Дома Литераторов» особого отдела имени Розанова.

Ввиду того, что подготовка издания сочинений Розанова уже осуществляется в Москве проф. П. А. Флоренским, кружок, во избежание параллелизма в работе и в связи с переживаемым издательским кризисом, пока не ставит своей целью издание полного собрания сочинений Розанова, но предполагает всемерно содействовать осуществлению такового.

Кружок обращается ко всем лицам, располагающим письмами, статьями и проч. материалами, имеющими отношение к жизни и де-

[35] Накануне. 1922. 13 мая. № 39. С. 5.

ятельности В. В. Розанова, с просьбой направлять их по адресу: Петроград, Бассейная, д. 11. Секретарю кружка *Дома Литераторов* по изучению Розанова.

Э. Голлербах.

В инициативную группу вошли: Андрей Белый, А. Волынский, Э. Голлербах, Н. Лернер[36], Виктор Ховин, подписавшие настоящее письмо в редакцию.

Просьба к другим журналам и газетам – перепечатать.

Письмо Н. Н. Пунина к Конст. Эрбергу[37]

Дорогой Константин Александрович,

Получил записку с просьбой быть в вольфиле в Воскресенье 4го, то же Лурье. Но дело в том, что в Воскресенье меня не будет в городе, Лурье же передал, и, кажется (наверное не знаю), он тоже не может[38]. Теперь уже лето, какие-то тут диспуты;

С приветом всем вольфилистам, Пунин.

Объявление[39]

Вольная Философская Ассоциация

Воскресенье 18 июня
CXXXI откры<тое> заседание
Беседа: «Будущее в настоящем»
Вступит<ельное> слово – **А. З. Штейнберга**
Воскресенье 25 июня
CXXXII откр<ытое> заседание
Беседа: «Душа XIX века»
Вступит<ельное> слово – **А. А. Гизетти**
Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня

[36] Николай Осипович Лернер (1877–1934) – историк литературы, критик.

[37] ИРЛИ. Ф. 474. № 225. Записка датируется приблизительно по содержанию концом мая 1922 г.

[38] 22 августа 1922 г. А. С. Лурье уехал в заграничную командировку и в Россию больше не возвращался.

[39] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 39. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

Объявление[40]

CXXXIII^{ье} открыт<ое> заседание
Воскресенье 2 июля
А. Гизетти. Певец преображенной земли.
Шелли (к 100-летию со дня смерти)[41]
CXXXIV^{ое} откр<ытое> заседание
Воскресенье 9 июля
А. Мейер. Исав и Иаков (о первенстве европейской культуры)

К. Эрберг

Конспект доклада А. Мейера

«Исав и Иаков (о первенстве европейской культуры)»[42]

Исав	*Иаков*
пустыня	дом
смел<ый> охотник (скиф)	трусливый буржуа
Едом (идумея)	хитрый благочестивый обманщик
смелый импульсивный человек	«Израиль» (богоборец)
Ирод Вел<икий> – царь	Палестина
Иуд<еи>	Израильск<ое> царство

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу[43]

14/VII 1922.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Константин Александрович, отвечаю по пунктам:

I. *Афиша.*

Дела обстоят по-видимому великолепно – и до Понедельника, конечно, подождут. *Я буду у Вас в Понедельник около 11* часов утра <...>. Афишу привезу с собой.

[40] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 40. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.
[41] Английский поэт-романтик Перси Биш Шелли (1792–1822).
[42] ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 14.
[43] Собрание М. С. Лесмана – Н. Г. Князевой.

II. *Кантата.*

Если афиша так дешева, и денег у нас так много, а *Немцев готов* кантатиться[44] «по удешевленной цене», то не рискнуть ли?.. Впрочем – Вам виднее; к тому же может быть Маргарита уже отвергла от Вашего имени искушения этого нового Мефистофеля.

III. *Вольфильская касса.*

Понимаю Вашу присылку ее мне как предложение растратить временно: но и это искушение Евино отвергнуто Адамом (АДМ = *Человек*!). Кстати, кто это из эпигонов символизма утверждал, что пушкинский рыцарь бедный именно это слово написал на щите? <...>

VIII. *Философский съезд.*

1) Заседал с Васильевым, Лосским и Сорокиным Питиримом. Питирим едет осенью в Америку на год, Лосский тогда же – в Германию и Англию на полгода. Оба будут оповещать заграничных философов.

2) Следующее заседание – соединенное Вольфилы и Филоба[45] – назначено на Воскресенье 23/VII: хорошо бы приехать тогда в Царское Вам, Штейнбергу и даже Гордину и Векслер (секретариат и канцелярия!).

IX. *Дела книжные.*

Замечания Ваши о «Тв<орчестве> и кр<итике>» прочел внимательно, исправил все погрешности; кое о чем недоумеваю, спрошу при встрече. Хорошо, если б Вы так же с карандашом прочли и «Заветное»: большое спасибо скажу[46].

А если бы Вы в Понедельник 31/VII в Вольфиле прочли бы обещанное по поводу «Тв<орчества> и кр<итики>» (первой статьи[47]) – еще лучше было бы.

До Понедельника. Буду в Вольфиле с 7 часов вечера.

Ваш Р. Иванов.

[44] Речь идет о запланированном выступлении в Вольфиле хора под управлением дирижера Иосифа Васильевича Немцева (1885–1939).

[45] Подразумевается Философское общество при Петроградском университете.

[46] Речь идет о двух книгах Иванова-Разумника, которые в то время готовились к изданию. См.: *Иванов-Разумник.* Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922. – [illegible]ос, 1922.; *Иванов-Разумник.* Заветное. О культурной традиции. Ста[illegible] 1913 г.г. – Пб.: Эпоха, 1922.

[47] Статья «Творчес[illegible]ика» (1908) послужила введением и ко второму изданию одноимен[illegible] (См.: *Иванов-Разумник.* Творчество и критика. С. 7–11).

Объявление[48]

Воскресенье 25/VII состоится экскурсия в Островки.

Собраться на Воскресенской набережной на Пристоне у Литейного моста в 9 часов утра. Просят еще не получивших билеты взять с собой членские карточки В.Ф.А.

Билеты можно получить у Змеева в комнате 37. Просят захватить кружки.

В Вольфиле[49]

Первую годовщину со дня смерти А. А. Блока – Вольная Философская Ассоциация отмечает целым рядом открытых заседаний, посвященных памяти поэта. В четырех воскресных августовских открытых заседаниях Вольфила в хронологической последовательности осветит жизнь А. А. Блока – от рождения (16 ноября 1880 г.) до смерти (7 августа 1921 г.).

«Детство, отрочество и юность Блока» – тема первого открытого заседания 6 августа 1922 г., в канун смерти поэта. М. А. Бекетова, близкая родственница покойного поэта (сестра его матери), на глазах которой проходило все детство, все отрочество Блока, написала на основании своих и семейных воспоминаний и документов большую биографию Блока; первая половина ее, впервые раскрывающая перед нами детство и юность поэта (1880–1902 гг.), и будет темой первого воскресного августовского заседания Вольфилы.

Второе заседание (в воскресенье 13 августа) будет посвящено оглашению писем А. А. Блока к Андрею Белому за время, непосредственно примыкающее к концу предыдущего доклада.

Третье воскресное августовское заседание (20 августа) посвящено непосредственно следующему за этими годами десятилетию: 1903–1913 гг. Воспоминаниями об этих годах жизни поэта поделится один из ближайших его друзей, Е. П. Иванов.

[48] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 65. Предположительно текст написан рукой Г. Змеева.

[49] Литературные записки. 1922. 1 августа. № 3. С. 23. В сокращенном виде информация опубликована в петроградской газете «Последние новости» (1922. 31 июля. № 1. С. 4) под заголовком «К годовщине смерти А. А. Блока». Афишу августовских воскресных открытых заседаний «Памяти Александра Александровича Блока» см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 46. Здесь также указана стоимость входного билета – 30 рублей. Объявление аналогичного содержания, написанное Ивановым-Разумником, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 41.

Наконец, четвертое и последнее воскресное заседание (27 августа) посвящено воспоминаниям о последнем десятилетии жизни поэта (1911–1921 гг.) Н. А. Клюев, В. Н. Княжнин, Р. В. Иванов-Разумник поделятся со слушателями воспоминаниями об этом последнем периоде жизни и творчества А. А. Блока. *Вл. В. Гиппиус прочтет главу* о Блоке из своей поэмы «Лик человеческий»[50]. Заседание закончится чтением отрывков из дневника Андрея Белого (август – сентябрь 1921 года), которые переносят в настроение первых дней и недель после смерти Блока[51].

Заседания происходят в зале Географического общества (Демидов пер., д. 8-а), начало в 3 ч. дня. Все августовские понедельники (7, 14, 21, 28 авг.) предположено посвятить в помещении Вольфилы (Фонтанка, д. 50, кв. 25) чтению неизвестных и малоизвестных произведений А. А. Блока – тоже в хронологическом порядке, по десятилетиям. Начало понедельничных заседаний – в 8 ч. в.

Театрально-литературная хроника[52]

В Петроград приехал поэт Н. Клюев, который будет читать свои воспоминания об Ал. Блоке на одном из ближайших заседаний Вольфилы.

Из письма Иванова-Разумника к Л. Д. Блок[53]

28 авг<уста> 1922. СПб.

Глубокоуважаемая Любовь Дмитриевна,

посылаю Вам для прочтения дневник Андрея Белого. Он – не для печати, во всяком случае еще не скоро для печати. Передавая его мне

[50] Поэма (первые 8 п… была опубликована в берлинском издательстве «Эпоха» в сентябре 192… В обзоре современной поэзии «Три богатыря» (о поэмах В. Гиппиуса, … Клюева и С. Есенина) Иванов-Разумник оценил «Лик человеческий» ка… громадную эпическую поэму “песен в двадцать пять”, современнейшу… напряженную, захватывающую» (См.: Летопись Дома Литераторов. 192… С. 5). Наиболее полные варианты поэмы см. в архиве *Вл. В. Гиппиу… И. Ф. 77. № 93–94.*

[51] Дневниковые за… с заголовком «К материалам о Блоке» сохранились в неполном вид… ящее время опубликованы А. В. Лавровым. См: *Андрей Белый о Б…* 447–474.

[52] Жизнь искусств… –28 августа. № 33. С. 4.

[53] ИРЛИ. Ф. 654 …

в прошлом году, Борис Николаевич разрешил пользоваться им «по мере разумения»; я думаю, что не нарушил этого разрешения, прочтя вчера на заседании Вольфилы то, что помечено сбоку красным карандашом. <...> Впечатление, по общему отзыву, было очень сильное. Я его предчувствовал – боялся за Александру Андреевну и более за Вас. Теперь Вы прочтете все наедине.

Не знаю, позволит ли мне состояние здоровья быть у Вас на этой неделе, а потому хоть в письме хочу сказать Вам сердечное спасибо за помощь, содействие и сочувствие Вольфиле в устройстве этих восьми заседаний Августа. Немного сделали за этот год мы для «памяти Блока» и не искупили вины Августом – но все-таки Август нас глубоко удовлетворил (что в Вольфиле редко бывает). Иное было и не то, и не так – но в общем все прошло тихо, строго и сосредоточенно. Спасибо Вам большое за поддержку и за присутствие. А если вчерашнее и сегодняшнее собрания (как мне сдается) вообще последние заседания Вольфилы[54] – то тем больше будем их помнить: начал А. А. в ноябре 1919, кончили «Блоком» Августа 1922 г. Если же в августе у нас было что и не так – простите. <...>

P. S. Вчера заседание кончилось *в девятом часу*. Слушатели не расходились до самого конца.

[54] 3 августа 1922 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров было принято постановление, предписывающее всем общественным организациям, которые не преследуют целей «извлечения прибыли», «в порядке надзора за ними», пройти перерегистрацию (См.: Известия ВЦИК. 1922. 12 августа. № 180. С. 4). Во исполнение этого декрета Р. Иванов и Д. Пинес именно 28 августа подписали прошение о перерегистрации Вольной Философской Ассоциации (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 1) и сделали соответствующий запрос в Петроградское управление научных учреждений (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 1). Вольфила была вновь зарегистрирована 9 сентября со следующей резолюцией: «...принимая во внимание, что целью вышеозначенного Общества является исключительно исследование и разработка в духе философии и социализма вопросов культурного творчества и политического характера оно не имеет, что в уставе его не содержится параграфов, противоречащих декретам Народных Комиссаров или Конституции Р.С.Ф.С.Р., посему препятствий к регистрации означенного общества не имеется» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 8).

Объявление[55]

В понедельник 4 сентября в 8 ч. веч.
А. А. Пизетти. Мой путь к Блоку[56]
Вход свободный. Фонтанка 50, кв. 22

В воскресенье 10 сентября
CXXXIXое открыт<ое> заседание
А. А. Пизетти. Кризис Запада по книгам Ратенау[57]
Начало в 3 ч. дня Фонтанка 50, кв. 22

Объявление[58]

Вольная Философская Ассоциация

Памяти Велем. Хлебникова[59]
CXXXIX. Воскресенье 10 сентября
Н. Пунин – «Хлебников и "Государство Времени"»
Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня
Зал Географич. Общества

Понедельник 11 сентября
Л. Аренс[60] **– «Хлебников, основатель будетлян»**
Фонтанка 50, кв. 25. Помещение Вольн. Филос. Ассоц.
Начало в 8 ч. веч. Вход свободный

[55] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 42. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[56] См.: *А. Пизетти*. Путь к Блоку // Записки Передвижного театра. 1923. 7 августа. № 61. С. 3–4.

[57] См.: *В. Ратенау*. Новое государство / Пер. под ред. Я. Букшпана. – М., 1922. Вальтер Ратенау (1867–1922) – немецкий промышленник, публицист, политик; в 1922 г. министр иностранных дел Германии; убит членами террористической организации.

[58] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 43. Текст написан рукой Д. М. Пинеса; в верхнем правом углу более поздняя помета Иванова-Разумника карандашом: «1922 г.».

[59] Поэт Велимир Хлебников (наст. имя Виктор Владимирович; 1885–1922) скончался 28 июня.

[60] Лев Евгеньевич Аренс (1890–1967) – биолог.

Н. Л<ернер>

Поэт времени[61]

10/IX – «Хлебников и государство времени» – Н. Пунин. 11/IX – «Хлебников и будетляне» – доклад Аренса – два открытых заседания Вольфилы, посвященные поэту и мудрецу Велемиру Хлебникову, «ушедшему за куб» – умершему мучительной смертью 28 июня с. г. Все дело его жизни была борьба со Смертью, Судьбою. Глубочайшим проникновением в «поля времени» и изучением расположения в них событий на земле он устанавливает его законы, законы Добра и Зла, и слова религии «мне отмщение и аз воздам» – выражает формулой 2 и 3, в различных степенях. Хлебников вводит мир в новую фазу развития, в противоположность XIX веку с его пространственным сознанием и мерами, он живет уже сознанием времени – Время мера мира. Во всех стихах его мы видим это «разновременье», начиная с ритма и кончая образами. «Трубою Марсиан» возвещает он новое разделение на государства времени – государства стариков и юношей. Хлебников нашел измеримость и закон событий – вот что говорил Пунин о Хлебникове.

Аренс осветил Хлебникова как основателя нового учения – будетлянства, национального, основанного на глубоких традициях, на ощущении времени, образования Солнца, противополагая его западному футуризму, основанному на скорости. Приводя несколько примеров его творчества, Аренс коснулся «заумного языка» как возможности, в которую верил Хлебников: объединить всю землю одним языком, называя себя председателем Земного шара, как и написано на дереве у его могилы. Невозможно охватить сразу гениальное проникновение поэта, невозможно понять его, подходя с точки зрения «критики и интереса» – нужно уметь интуитивно, волевым усилием соединиться с ним, не гносеологически, а онтологически воспринять мир. Хлебников умер, но умер ли, жил ли этот странный, бледный, молчаливый человек «не от мира сего» – его мироощущение идет сменить ложь рационализма и эстетизма. В полях времени с ним встретимся.

[61] Жизнь искусства. 1922. 19 сентября. № 37. С. 7.

Объявление[62]

Воскресенье 17 сентября
CXL^oe открытое заседание
А. А. Пизетти: Кризис Запада по книгам Ратенау
Демидов пер. 8а Начало в 3 ч. дня
В понедельник 18 сентября в 8 час. веч.
в помещении Вольфилы – Фонтанка 50 кв. 25
Памяти Велемира Хлебникова
Воспоминания Л. Бруни, К. Малевича, М. Матюшина, Н. Пунина
Вход свободный

Объявление[63]

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 24 сентября
CXLI^oe открытое заседание
«Исповедь Ставрогина»
Беседа. Вступит. слово – **А. З. Штейнберг**
Участвуют: ***А. Векслер, Я. Гордин, А. Чебышев-Дмитриев, К. Эрберг***[64]
Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня
В понедельник 25 сентября в 8 час. веч.
т. Зотов – «Моя система»
Фонтанка 50, кв. 25. Вход свободный

[62] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 8 [illegible]8. Л. 46. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[63] ИРЛИ. Ф. 79. Оп [illegible] 8. Л. 44. Текст написан рукой Д. М. Пинеса; в верхнем правом углу б[illegible] поздняя помета Иванова-Разумника карандашом: «1922 г.».

[64] Возможно, на этом [illegible]ании выступал и А. С. Долинин. Ср.: «Известный специалист по Дост[illegible]кому прочитал специальный доклад об исповеди Ставрогина. Именно [illegible]ремя обнаружилось, что по настоянию Каткова эта глава не была вк[illegible] в роман "Бесы". Достоевский, как известно, написал письмо Катков[illegible]ором утверждал, что роман не может быть напечатан без этой главы, [illegible] придется переделывать всю вторую половину романа. Мнение же Д[illegible]ыло: роман следует печатать с этой главой» (*А. Штейнберг.* Друзья [illegible]их лет. С. 65). Долинин изложил свою точку зрения в статье «"Исп[illegible]рогина" (В связи с композицией "Бесов")», которая была опубли[illegible] первом номере альманаха «Литературная мысль» (Пг., 1922. С. [illegible]

Объявление[65]

Вольная Философская Ассоциация

Октябрь 1922 г.
Начало в 8 час. веч. Понедельники Вход свободный
В помещении В.Ф.А. – Фонтанка 50, кв. 25
2 октября
А. Чебышев-Дмитриев: Строители и разрушители
(По поводу романа П. Бурже: «L'étape»)[66]
9 октября
Н. М. Кузьмин[67]: Чтение пьесы: «Чаша»
16 октября
Д-р Гепштейн[68]: Витализм
23 октября
Е. Г. Полонская: О романе И. Эренбурга: «Хулио Хуренито»[69]
30 октября
Вечер поэтов:
Е. Я. Данько, Дионесов, С. Колбасьев, Е. Полонская, Н. Тихонов[70]

[65] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 45. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[66] Роман французского прозаика Поля Бурже (1852–1935) «L'étape» выходил в русском переводе дважды (оба раза в московских издательствах в 1903 г.): «Перелом» (пер. Н. Васина) и «Этап» (пер. А. В. Перелыгиной).

[67] Николай Максимович Кузьмин (1884–?) – агроном, литератор.

[68] Возможно, автором доклада был Д. Гепштейн – автор ряда публицистических работ, посвященных положению евреев в дореволюционной России.

[69] Роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников Monsieur Дале, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши» вышел в берлинском издательстве «Геликон» в начале января 1922 г. Ср. также с комм. Б. Фрезинского: «В Петрограде первой получила “Хулио Хуренито” от автора Полонская. С рефератом о романе она выступала в Вольной философской ассоциации (“Вольфила”). Слушателей собралось много, но во время чтения начал тускнеть свет, и реферат бы сорвался, если б не Ю. Н. Тынянов, сумевший в сумерках прочесть выбранные Полонской отрывки из романа. “Было много разговоров, – пишет в неопубликованных воспоминаниях Полонская, – но общее впечатление сводилось к тому, что каждый должен сам прочесть роман Эренбурга...”» (*И. Эренбург.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. – М., 1990. С. 612). Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969) – поэтесса, член литературной группы «Серапионовы братья».

[70] Анонс выступления в Вольфиле членов поэтического содружества «Островитяне». Подробнее о поэтической группе см.: *А. Л. Дмитренко.* К исто-

Н. Нилли

Литературный Петербург. (Впечатления)[71]

1. В Волфиле

Маленькая комнатка. 8 рядов стульев, стол посередине, на нем свеча, – дальше комнатка с мягким ковром, с кушеткой и тремя большими креслами – там темно.

Это петербургская Волфила – Вольное философское общество – любимое место Андрея Белого, Блока. Первое место, с которого послышалось огненное благовествование о «12-ти».

Основатели этого общества – А. Белый, Блок, Штейнберг, Иванов-Разумник, Константин Эрберг. Каждый понедельник устраиваются здесь собрания.

Первый понедельник – как я приехал, был посвящен – Григорьеву. Кудластая толстая фигура с очками, лицо добродушное, ворчливое в губах – это тот, кто на каждом понедельнике ругает докладчиков.

Выручал Блока за «12» там же. Это самый старейший член Волфилы.

– «Волфила идет!» – всегда встречает его Иванов-Разумник.

Григорьев – читал новый роман Бурже и разбирал его, но так беспорядочно, таким скрипучим голосом, что ничего нельзя было разобрать.

Добродушно улыбались члены и слушали – что-то улавливая.

Бедный молодой человек с черно-огненными глазами сел около меня. Сидел неподвижно, только тихая рука поднимала ко рту папироску и опускала огонек – это был Арон Захарович Штейнберг. У меня как раз было приглашение к нему от Передвиж. Театра на открытие зимнего сезона[72]. Я сунул ему в руку пригласительный билет.

рии содружества поэтов «Островитяне»: Машинописный альманах // Русская литература. 1995. № 3. С. 209–224.

[71] Синбир. Журнал литературы, искусства и науки. (Симбирск). 1923. № 1. С. 16–17. (Выражаю благодарность Е. Б. Белодубровскому за информацию об этом издании). Об апокрифическом характере повествования симбирского поэта и прозаика Николая Николаевича Ильина (псевд. Н. Нилли; 1886–1944) свидетельствует множество деталей. В частности, «председатель Волфилы Пинус» – это секретарь Ассоциации Д. М. Пинес, мифический Григорьев на самом деле – А. А. Чебышев-Дмитриев, а «колючий старик Ган» – этнограф и публицист В. Г. Богораз (псевдоним Н. А. Тан), выступавший в Вольфиле с серьезными докладами о первобытных религиях.

[72] Государственный Передвижной театр П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской открывал зимний сезон 1922/23 г. премьерой трагедии Шекспира «Гамлет» 11 октября.

Шепотом мы объяснились, и в шепоте нежно он закрепил встречу крепким пожатием руки.

– «Вы к нам попали так неудачно», – сказал он – «докладчик очень уж...»

В следующий понедельник читал я и поэтесса Елизавета Полонская. Она читала о новом романе Эренбурга – выдержки из него. Председательствует – Иванов-Разумник. Роман Эренбурга недавно вышел в Берлине – это интересный роман – приключений. Герой романа – Хоти Хуоти играет своей волей. Он хочет доказать ненормальность положения современности – доказать всей своей жизнью – увеличивая эту ненормальность до предела всеобщей катастрофы. Имеет ряд последователей, учеников. Этот роман вызвал оживленный обмен мнений, многие осуждали этот роман за его бульварность. Иванов-Разумник сказал, что он с большим интересом прочитал его, но по прочтении почувствовал тошноту. В авторе чувствуется наполненная ядом ко всему душа.

Этот человек живет разрушением. Много в его душе болезненности, непримиримости с человеком.

Беседовал с председателем Волфилы – Пинусом о внутренней работе общества.

<...>

10. Ган

Колючий старик. Много в нем насмешки, ненависти к людям. <...>

Пришел как-то в Волфилу, говорил с Ивановым-Разумником: Хочу прочитать у вас об измерении чертей.

Как?

– О реализации первобытной религии, об измерении чертей.

После его ухода мы долго смеялись.

Объявление[73]

Вольная Философская Ассоциация

Октябрь 1922 г.
В воскресенье 15 октября
CXLII[oe] открытое заседание
Творческое в истории. Беседа
Вступит<ельное> слово – **А. А. Мейер**

[73] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 47. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

В воскресенье 22 октября
CXLIII[bc] открытое заседание
Л. В. Щерба[74]**: «Судьбы русского языка»**
В воскресенье 29 октября
CXLIV[oe] открытое заседание
М. Тубянский: «Душа Азии» Рабиндраната Тагора[75]
Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня
Зал Географич. Об-ва

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу[76]

<29. 10. 1922[77]>

К<онстантин> А<лександрович>, надо перед перерывом сообщить

1) завтра вечер поэзии: Вагинов, Тихонов, Данько, Полонская, Гиппиус, Колбасьев – в 8 ч<асов> веч<ера> на Фонтанке,

2) следующее воскресенье и понедельник 5 и 6ое ноября заседаний *не будет*,

3) в воскресенье *12 ноября ровно* в 3 ч<аса> «Три года» (Идея и опыт Вольфилы).

Афиша[78]

Вольная Философская Ассоциация

Ноябрь 1922 года
Воскресенье 12 Ноября CXLV открытое заседание:
Три года (идея и опыт Вольфилы)
Доклады и речи: А. В. Васильев, А. Л. Векслер, А. А. Гизетти, Я. И. Гордин, Евг. Иванов, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, К. С. Петров-Водкин, Д. М. Пинес, Н. Н. Пунин, О. Д. Форш, А. А. Чебышев-Дмитриев, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг.

[74] Лев Владимирович Щерба (1880–1944) – языковед, профессор Петербургского университета.

[75] Михаилу Израилевичу Тубянскому (1893–1943) принадлежит целый ряд переводов индийского поэта и прозаика Рабиндраната Тагора (1861–1941). См., напр.: *М. И. Тубянский.* Образцы бенгальской литературы.– Пг., 1922; *Р. Тагор.* Воспоминания / Пер. и вступ. статья М. И. Тубянского. – М.; Л., 1924.

[76] ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 7–7об.

[77] Дата устанавливается по содержанию.

[78] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 44.

Воскресенье 19 Ноября CXLVI открытое заседание:
Что есть современность?[79]
Беседа
Вступительное слово **А. З. Штейнберг**.
Воскресенье 26 Ноября CXLVII открытое заседание:
«Путешествие к себе» (О Кайзерлинге)[80]
Доклад – **А. З. Штейнберг**.
Зал Географического Общ-ва Демидов пер. № 8а.
Начало ровно в 3 часа дня.

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу[81]

<12 ноября 1922 г.[82]>

Константин Александрович,
Дать Вам – слово? – Скажите: «Что есть Вольфила».
(У меня для Вас «Carte[83]»).

Дм. Пинес

[79] Вероятно, в связи с отъездом А. З. Штейнберга в Берлин тематика CXLVI и CXLVII открытых заседаний позже поменялись местами. На афише чернилами переправлены дата и номер заседания «Что есть современность?» на 26 ноября и CXLVII, а фамилия докладчика изменена на Я. Гордина.

[80] Граф Герман Александер фон Кайзерлинг (1880–1946) – немецкий философ; в 1919 г. выпустил книгу «Das Reisetagebuch eines Philosophen» («Путевой дневник философа»); в 1920 г. основал в Дармштадте Школу Мудрости. Ср.: «Когда в Германии вышла книга Германа Кайзерлинга “Дневник философа”, мы решили, что отзыв о книге, в которой собран огромный материал, предвосхищавший новые течения в философии, хороший предлог еще для одного открытого собрания, на котором мимоходом можно будет рассказать о философской жизни на Западе. Кайзерлинг совершил кругосветное путешествие и, возвратившись, издал свой “Дневник философа”. В книге оказалось так много интересного, что каждый из нас, читавших по-немецки, мог выбрать тему, казавшуюся ему важной для наших слушателей. Положение, что для метафизика “возможное важнее существующего”, обращало внимание более проницательных слушателей на тот факт, что для мыслящего человека, “любителя мудрости”, совсем не важно то, что происходит непосредственно вокруг нас, как бы важно и реально ни было событие» (*А. Штейнберг*. Друзья моих ранних лет. С. 81). Это воскресное заседание ВФА было последним, в котором принимал участие А. З. Штейнберг.

[81] ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 8–8об.

[82] Дата устанавливается по содержанию записки, включающей конспект выступления Конст. Эрберга на заседании «Три года (Идея и опыт Вольфилы)».

[83] От: carte blanche (*фр.*) – полная свобода действий.

<На обороте:> К. Эрбергу (у двери).
<Рукой Эрберга:> Академия
Обман
Ответы на все
Просветить – Кто? Кого?
Метод
?

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу[84]

<12 ноября 1922 г.[85]>

Конст<антин> Ал<ексан>дрович,
надо сообщить, что в понедельник

1) 19ого[86] – Докл<ад> *Векслер* О смысле познания (по поводу книг Белого)[87].

2) 26ого – Доклад Тана [Принцип относительности в первоб<ытных> религиях][88].

Все это на Фонтанке в 8 ч<асов> веч<ера>.

Объявление[89]

Вольная Философская Ассоциация

В понедельник 27 ноября
В. Г. Тан. Принцип относительного
и трехмерного пространства в первобытном познании религии[90]

[84] ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 4–4об.

[85] Дата устанавливается приблизительно по содержанию.

[86] Даты записаны ошибочно: «понедельники» – 20 и 27-е ноября.

[87] По названию книги Белого «О смысле познания», которая вышла в свет в петербургском издательстве «Эпоха» в октябре 1922 г.

[88] Название доклада приписано на обороте.

[89] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 59. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[90] Подробнее см.: *В. Г. Богораз* (*Тан*). Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. – М.; Пг., 1923. По мнению автора, «современная математическая физика со всей гениальной сложностью своих математических фигур в конце концов приходит к упрощению и как бы возвращается к полуинстинктивному мироощущению первобытного сознания, еще не искушенного и не спутанного

В среду 29/16 ноября
в годовщину рождения А. Блока (16 ноября 1880)
Вечер неизданных произведений Блока
1. Искусство и газета (1912 г.)
2. Исповедь язычника (1918 г.)
3. «Без божества, без вдохновенья» (1921 г.)
(Цех акмеистов и Гумилев)
Начало в 7 ч. веч. Вход свободный.

Повестка[91]

Вольная Философская Ассоциация настоящим оповещает Вас, что понедельник 27 ноября в 7 ч. веч. в помещении Вольн<ой> Фил<о-софской> Ассоц<иации> – Фонтанка 50, кв. 25 (3ий этаж) состоится доклад *В. Г. Тана*: «Принцип относительного и трехмерного пространства в первобытном познании религии».
Секретарь В.Ф.А. Дм. Пинес

Объявление[92]

Понедельники 18го и 25го декабря
Переписка Андрея Белого с А. Блоком
Фонтанка 50, кв. 25 Начало в 7 ч. веч.

формальной схоластикой номинальной философии» (*Богораз В. Г.* (*Тан*). Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. С. 19). В свою очередь, «относительность бытия делает бесцельной и всякую поправку на объективность. Исчезает различие между знанием реальным и знанием воображаемым, условным. И все наши восприятия, в том числе и религиозные, становятся равноправными элементами нашего познания мира» (Там же. С. 116).

[91] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 49. Текст написан рукой Д. М. Пинеса. В левом верхнем углу штамп ВФА; на нем указаны: дата – «23 ноября 1922 г.», «№ 59» и адрес – «Фонтанка 50, кв. 25».

[92] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 45об. Объявление написано на обороте афиши о ноябрьских заседаниях 1922 г. рукой Д. М. Пинеса.

Афиша[93]

Вольная Философская Ассоциация

Декабрь 1922
Воскресные открытые заседания

CXLIII
Воскресенье 3 декабря
Людвиг Фейербах
(К 50-летию
со дня смерти)[94]
Доклады: А. Гизетти, Я. Гордин, Иванов-Разумник, А. Мейер

CXLIX
Воскресенье 10 декабря
О формальном методе
Доклады:
Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, Л. Якубинский

Творчество Андрея Белого
CL. Воскресенье 17 декабря
«Серебряный голубь» – «Петербург»
Доклады: А. Векслер Иванов-Разумник

CLI. Воскресенье 24 декабря
«Котик Летаев» – «Записки чудака» – «Эпопея»
Доклады: О. Форш Е. Виссель А. Векслер

CLII. Воскресенье 31 декабря
«Жезл Аарона» – «Поэзия слова» – «Глоссолалия»
Доклады:
Б. Эйхенбаум А. Гизетти Е. Иванов

Начало ровно в 3 часа дня.
Зал Географического Общества Демидов пер. № 8а.

Обращение[95]

4 января 19 В отдел Управления Петросовета
№ 2 П истрации союзов и учреждений,
(ный, ком. 48.

Ввиду того, что От Управления Райсовета Центрального Райо-
на (проспект 25 октяб) выдает разрешения на публичные докла-

[93] ИРЛИ. Ф. 79. Оп Л. 48.
[94] Немецкий филос циалист Людвиг Фейербах (1804–1872).
[95] ЦГА СПб. Ф. 10 № 68. Л. 5. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.
Здесь и далее (за искл циально оговоренных случаев) при публика-
ции уведомлений и об ВФА в официальные инстанции резолюции, от-
метки о регистрации и меты на этих документах не воспроизводятся.

ды и заседания Вольной Философской Ассоциации при условии обязательного извещения милиции, а за последнее время требует оповещения также и госполитуправления, Вольная Философская Ассоциация просит Вас разъяснить в порядке получения разрешения и о том, какие в точности Учреждения должны быть оповещены Ассоциацию о намеченных ею лекциях и заседаниях.
Председатель В.Ф.А.
Секретарь Дм. Пинес.

План заседаний ВФА на январь – март 1923 г.[96]

15/I. Понедельник.
К. А. Эрберг. Замысел и достижение художника.
22/I. Вечер прозы и стихов **Иннокентия Анненского**.
29/I. **Рождественский**[97]. <...>
14) Проблема человечества. **Я. И. Гордин, А. А. Гизетти, А. А. Мейер**.
21) Средневековое мировоззрение и современный кризис культуры. **А. А. Гизетти**.
28) «Три пути» (Школа, церковь, фабрика). **Малевич**. <...>
Доклады в Вольфиле.
Февраль.
4/II Розанов; 11/II Вагнер; 18/II Вагнер; 25/II Скрябин.
Март.
4/III Сологуб; 11/III Эрберг «Эст<етика> Шпенгл<ера>».

Из записки Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу[98]

23/I–<1>923

Константин Александрович, привет!
<...> были ли Вы у Глебова-Асафьева?[99] Если нет, то можете ли быть у него завтра (адрес – Больш. Конюшенная, 25), хотелось бы

[96] План был занесен Ивановым-Разумником в записную книжку, озаглавленную автором «1922 г. Вольфила и "Эпоха"» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 5. Л. 2–2об.).

[97] Зачеркнуто и ниже написано: «Гиппиус».

[98] ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 1–1об.

[99] Борис Владимирович Асафьев (псевд. Игорь Глебов; 1884–1949) – музыковед, композитор

знать к воскресенью. – Если же не можете, то не дадите ли записку к Асафьеву?

Доклады нужно:

а) о Вагнере на 4 февр<аля>

б) о Скрябине на 25 февр<аля> <...>

<Б. Г. Перетяткович>

К проблеме формы в искусстве[100]

Тезисы

Часть первая

Цель искусства. Созидающий, созидаемое и созерцающий как единая система. Явление резонанса. Ряд вибраций. Период – октава и графическое ее выражение. Угловая периодическая таблица. Перспективы графического выражения музыкальных построений и музыкального выражения рисунка.

Взаимодействие элементов мира. Человек, вплетенный в ткань Целого – «перекресток» процесса.

Активность как аспект индивидуальности. Сетка проявления и развития жизни на ней.

Путь через среду как нахождение себя.

[100] ИРЛИ. Ф. 474. № [illegible] доклад Б. Г. Перетятковича «Проблема формы в искусстве» был заслуш[ан] на воскресном открытом заседании ВФА 15 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. [illegible] Оп. 9. № 68. Л. 24). Ср. также с воспоминаниями Ь. Н. Лосского: «По[знакомился] раз и незнакомый отцу [Н. О. Лосскому] Перетяткович, человек в ста[ром] [явился] уже совсем редкими инженерной форме и фуражке, и принес, с [просьбою] ознакомиться с нею, рукопись трактата о чем-то вроде взаимоотн[ошений] музыки со зрительным миром. Во всяком случае, в сопровождавш[ем] тексте графических схемах я очень скоро распознал транспозицию [основ]ные линии нотных иллюстраций только что приобретенной в благо[м] книжном магазине "Петрополис" "Музыкальной хрестоматии" [Римского] музыковеда Ливерия Саккетти. Позже, уже за границей, мне [пришлось] узнать от композитора Чеснокова, встречавшего в свое время Пер[ятковича]-прозорливца, что он уже был накануне открытия, кажется, путе[м] графических выкладок, "интеграла творчества"» (*Б. Н. Лосский.* Наша [жизнь] [в] лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. Исторический альма[нах]. [19]92–103).

Часть вторая

Явление организованности. Агрегат и организованье, характерные черты последнего. Элементарные возможные теоретические организованья.

Многообразие пар противоположений, несравнимость их.

Проекции полярностей. Поле и возможность характеристики его полярностей. Смена полей и явление чередования. Нарождение нового поля в изменении существующего. Проекции явлений. Контраст. Три периода в жизни формы. Четвертый период.

Созерцание художественного произведения.

Непрерывность в сохранении сути формы во времени: введение в сферу влияния накладывает вечную печать на все последующее.

Созерцающий как «переход» от звена к звену единой цепи.

Коэффициент индивидуального преломления.

Жизнь как участие в едином, развертывающемся во времени, организованьи.

Гражданский Инженер Б. Г. Перетяткович.

15/IV. 1923 г.

Объявление[101]

Вольная Философская Ассоциация

Воскресенье 22 апреля
А. Гизетти. Скитальцы и почвенники (о двух типах русской интеллигенции)
Демидов пер. 8а Начало в 3½ ч.

Понедельники
23/IV **И. Груздев Утилитаризм и самоцель в искусстве**[102]
30/IV **Вечер поэтов**

[101] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 66. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

[102] Заявку, написанную Д. М. Пинесом, на проведение доклада критика, члена литературной группы «Серапионовы братья» Ильи Александровича Груздева (1892–1960) под названием «Утилитарность и самоцель в искусстве» (среди других заседаний апреля 1923 г.) см. также: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 24.

Четверг 19 апреля
М. Межирицкий.
Ясновиденье или псалмопевчество
(о I[ом] томе стихов Блока)

Четверг 26 апреля
Кружок по изучению творчества
Андр. Белого
1) Н. Лозовой: О книгах Белого
«Кризис жизни» и «Кризис мысли»
2) Е. Виссель: Белый в «Весах»
1907–1909 гг.
Фонтанка 50/25 – Начало в 7 ч. веч.

Объявление[103]

Вольная Философская Ассоциация

Четверги
Фонтанка 50, кв. 25 (3-й этаж).
Начало в 7¼ ч. вечера
Кружок по изучению творчества Андрея Белого
3 мая
Н. Лозовой – Книги Белого о «Кризисе жизни» и «Кризисе мысли»
17 мая
О Первой симфонии Андрея Белого
Доклады **А. Векслер**[104] и **Н. Вагнер**
Кружок по изучению творчества Александра Блока
10 мая
24 мая

Уведомление[105]

3 мая 1923 г. *Циркулярно*
№ 2895 Вольно-философской ассоциации

В виду неполучения до настоящего времени уведомления о перерегистрации Общества, в установленном декретом от 3 августа 22 г.

[103] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 61.

[104] Позже фамилия зачеркнута.

[105] ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 36. В ответе ВФА от 14 июня задержка с регистрацией объяснялась отъездом нескольких членов совета Ассоциации и сменой секретариата (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 38). 6 июля после предоставления необходимой документации ВФА была уведомлена

порядке, Петроградское Управление Научных Учреждений Академического Центра настоящим сообщает, что Вольная Философская Ассоциация исключается из числа обществ, состоящих в ведении названного Управления.

Заведующий Управлением М. Кристи.

Заведующий Научными Учреждениями Я. Гессен.

Г<изетти>

Вольная Философская Ассоциация[106]

12 декабря 1922 года Вольфила отпраздновала трехлетие своего существования. Во всех речах, произнесенных в этот день, подчеркивалось значение Вольфилы, как очага напряженного духовного искания и горения. Работа отрицания, разоблачения всевозможных подкрашенных и прогнивших внутри кумиров косного сознания шла в ней всегда рука об руку с работою выявления новых положительных ценностей. В переживаемую нами эпоху, когда догматическое провозглашение определенных, до конца ясных ответов и путей представляется еще несвоевременным и мало находит отклика в потревоженных душах, эта положительная работа естественно направляется преимущественно по пути закаливания критической мысли, внимательного самоанализа, как пути к уяснению основных ценностей, страстного прислушивания к новым явлениям духовно-общественной жизни. Философия для работников Вольфилы мыслится, как миросозерцание и дело жизни.

Личные отношения людей столь же могут и должны стать объектом анализирующей критики, как и общие проблемы бытия человеческого. Новое рождается на наших глазах, и надо уловить его ритм, а не выдумывать навязанных кабинетных схем. Но подлинно новый ритм жизни вовсе не тот, который всегда слышен громче всего; иногда он уловим лишь при условии надлежащего воспитания внутреннего слуха.

Не перечисляя подробно всех докладов, прочитанных в Вольфиле за зиму 1922–3 гг., остановимся лишь на главнейших событиях в жизни этой организации. Собрания происходили, как всегда, 3-х типов: 1) широко-публичные, воскресные (в зале Географического общества); 2) понедельники тоже публичные в принципе, но фактически всегда более замкнутые и постоянные по составу публики (в помещ.

о включении «в число научных обществ, подведомственных Управлению» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 42).

[106] Записки Передвижного театра. 1923. 19 июня. № 59. С. 5–6.

Ассоциации) и 3) кружковые (там же). Удобнее сказать прежде всего о последних. Кроме продолжавшегося от времени до времени собираться кружка А. А. Мейера по философии религии, с января начали действовать два «соединенных» кружка по изучению миросозерцания и творчества Александра Блока и Андрея Белого двух писателей нашего времени, которые и лично, и духовным влиянием наиболее связаны с идеей Вольфилы.

Один четверг посвящался Белому (под руководством Р. В. Иванова-Разумника), другой Блоку (под руководством Е. П. Иванова). Часть участников собиралась еженедельно, остальные же сосредоточились лишь на одном из этих поэтов-мыслителей. В кружке Белого были прочитаны сообщения о задачах и основном материале библиографического изучения произведений Белого (Д. М. Пинес), о книге «Символизм» (А. Л. Векслер)[107], Белый в журнале «Весы» (Е. Ю. Виссель), книги Белого о кризисе жизни, мысли и культуры (Лозовой), о «Первой симфонии» Белого (Н. П. Вагнер).

В кружке Блока: «История печатного текста стихотворений Блока» (3 доклада А. А. Гизетти), «Дева и Заря» («Ante lucem») и «Стихи о Прекрасной Даме» докл. Е. П. Иванова). «Блок и Вл. Соловьев» (беседа с небольшим вводным сообщением, Шик), «Блок пророк или псалмопевец» (отзвуки библейских мотивов в его поэзии, Межирицкий), «О символизме Блока» (Макридин). Кружковая работа дала случай высказаться тем из сотрудников, которые не решались выступать публично.

Понедельники посвящались часто реферированию новых книг, напр.: «О мнимостях в геометрии» Флоренского (Виссель)[108], «Люлюли» Р. Роллана и «Человек из зеркала» Фр. Верфеля (Гизетти)[109], «Голем» Мейринка (Гизетти и Я. И. Гордин)[110], «О смысле познания»

[107] Заседание состоя[illegible] 16 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10).

[108] Заседание состоя[illegible] января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 11). Книга П. Флорен[illegible] «Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геоме[illegible] (Опыт нового истолкования мнимостей)» вышла в московском издат[illegible] «Поморье» в конце августа 1922 г.

[109] Заседание состоя[illegible] екабря 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 4). См.: *А. Гизетти.* Р[illegible] с иллюзиями. «Люлюли» Р. Роллана и «Человек из зеркала» Фр. Вер[illegible] Записки Передвижного театра. 1923. 5 марта. № 52. С. 2–3.

[110] Заседание состо[illegible] марта 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 20). См.: *А. Гизет*[illegible] тика и фантазерство. По поводу романов Э. Мейринка «Голем» [illegible] «Атлантида» // Записки Передвижного театра. 1923. 19 июня. №

А. Белого (А. Векслер). Другие вечера посвящались памяткам об отошедших деятелях русской культуры в связи с годовщинами их смерти: И. Ф. Анненскому[111] (посмертные стихи читал В. И. Анненский-Кривич[112]), В. В. Розанову[113] (воспоминания Е. П. Иванова и Викт. Ховина), Елене Гуро[114] (отрывки из неизд. книги «Бедный рыцарь» и дневника читал художн. Матюшин, Н. Г. Чернышевскому (Гизетти, 60-летие романа «Что делать»)[115]. Ряд понедельников был посвящен проблеме «формы и содержания» в искусстве и поэзии в связи со спором о «формальном методе» (докл. К. Эрберга[116], И. Груздева и др.), два раза чтению стихов современными поэтами. Прочитана была автором Н. М. Кузьминым неизд. драма «Чаша» (на тему о религиозном кризисе), вызвавшая горячий обмен мнений. Наконец, иногда происходили беседы о задачах Вольфилы и попытки отдельных лиц изложить свое индивидуальное миросозерцание (Зотов, Корцов).

Из воскресных собраний темам общей философии культуры были посвящены: «Памяти Л. Фейербаха» (Иванов-Разумник, Гизетти, А.А.Мейер), «Проблема человечества» (продолж. предыд. темы)[117], «Проблема индивидуальности» (А. А. Мейер)[118], «Индивидуальность в истории» (М. И. Каган)[119], «Скитальцы и почвенники» (А. А. Гизетти).

[111] Критик Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) скончался 30 ноября (13 декабря). Заседание состоялось 22 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 7).

[112] Валентин Иннокентьевич Кривич (наст. фам. Анненский; 1880–1936) – поэт, прозаик, сын И. Ф. Анненского.

[113] В. В. Розанов скончался 5 февраля 1919 г.

[114] Поэтесса Елена Генриховна Гуро (1877–1913) скончалась 23 апреля (6 мая). Вечер памяти Елены Гуро прошел 7 мая 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26); кроме того, на 26 февраля 1923 г. был назначен «вечер неизданных произведений Елены Гуро» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10), а на 13 марта 1923 г. – чтение отрывков из книги «Бедный рыцарь» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 14).

[115] Доклад А. Гизетти «Новые люди (О романе Чернышевского «Что делать»)» был заслушан в понедельник, 16 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 24).

[116] Вероятно, речь идет о беседе «Форма и содержание», которая состоялась 19 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10).

[117] Заседание, на котором с докладами выступали А. Гизетти, Я. Гордин и А. Мейер, состоялось 14 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6).

[118] Заседание состоялось 11 марта 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 14).

[119] Заседание состоялось 28 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6). По свидетельству Ю. М. Каган, своим главным трудом М. И. Каган счи-

Неоднократно ставились и темы историко-религиозные: «Иудаизм и христианство» (Е. Иванов и Я. Гордин)[120], «Тема Софии-Премудрости в истории русского сознания» (те же докладчики)[121], «Средневековое мировоззерцание и современный кризис культуры» (Гизетти)[122].

Темы эстетические были поставлены в докладах М. И. Кагана («Два устремления в искусстве»)[123], Перетятковича («Принцип формы в искусстве») и, в особенности, на бурном диспуте «О формальном методе» (докл. членов «Опояза»: Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова). Четыре декабрьских воскресения были посвящены творчеству Андрея Белого (доклады Иванова-Разумника, Векслер, Виссель, Е. П. Иванова).

Пушкинский день (11 февр. 29 янв.) был отмечен докладом Е. П. Иванова[124]. Одно из мартовских воскресений было посвящено Р. Вагнеру (статьи Ал. Блока и А. Горнфельда)[125].

тал исследование «Философия истории», которое к настоящему времени не сохранилось. Одну из попыток изложения вопросов «систематической философии истории» см. в его работе «О ходе истории» (февраль – март 1920 г.): АРХЭ. Культуро-логический ежегодник. – Кемерово, 1993. С. 326–365.

[120] С докладом «Иудаизм и христианство в историко-философском изложении» на воскресном открытом заседании 1 апреля 1923 г. выступал Е. П. Иванов (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 22); Я. И. Гордин, вероятно, оппонировал основному докладчику.

[121] Речь идет о воскресном открытом заседании, назначенном на 6 мая 1923 г., тема которого была заявлена как «Беседа о мудрости» с вступительным словом Евг. Иванова, Я. Гордина и А. Мейера (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26).

[122] Воскресное открытое заседание состоялось 21 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6).

[123] Доклад М. И. Кагана «Два устремления искусства (форма и содержание)» был заслушан на воскресном открытом заседании 18 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10). См.: *М. И. Каган.* Два устремления искусства (Форма и содержание, беспредметность и сюжетность) // *М. И. Каган.* О ходе истории. М., 1923. С. 451-466.

[124] Доклад под названием «О Пушкине (к 86-ой годовщине смерти)» был заслушан на воскресном открытом заседании 11 февраля 1923 г.

[125] На заседании Во[illegible] 4 марта 1923 г. зачитывалась статья А. Блока «Искусство и революци[illegible]воду творения Рихарда Вагнера)», написанная как введение к рус[illegible]воду трактата Вагнера «Искусство и революция» (1918), но не вклю[illegible]го издание и впервые опубликованная в газете «Жизнь искусства[illegible]23–24 августа. № 223–224. С. 1–2), а также статья А. Г. Горнфельда[illegible] Достоевский (К столетию со дня рождения Рихарда Вагнера)», ко[illegible]опубликована в газете «Русские ведомости»

Май месяц был посвящен Белинскому (75-летие со дня смерти), 20 мая прочитан доклад Я. Гордина («Проблема любви в кружке Станкевича и Белинского»). На других собраниях прочитаны статьи Т. Райнова («Психоанализ личности Белинского»), Г. Г. Шпета («Гегельянство Белинского»)[126], неизд. статья Белинского о философии истории.

10 июня состоялось последнее воскресное собрание перед летним перерывом. Тема «Белинский как критик и историк литературы» докл. Иванова-Разумника и Гизетти. Понедельники будут продолжаться и летом. 11 июня вечер новой поэзии (имажинисты и «Певучая банда»), 18 июня вечер памяти П. Л. Лаврова (100-летие со дня рождения доклад<ы> Ф. И. Витязева, А. А. Гизетти, Б. Я. Фингерта)[127].

Отчет о деятельности Вольной Философской Ассоциации в 1922 г. до июля 1923 г.[128]

В 1922 году Вольная Философская Ассоциация продолжала свою работу в пределах намеченных тем и вопросов.

(1913. 18 мая. № 114. С. 2). Ср. также с письмом Иванова-Разумника к А. Г. Горнфельду от 7 марта 1923 г.: «Спасибо за "Вагнера и Достоевского"; я не мог быть на этом заседании, но "прочел с удовольствием" Вашу статью, которую почему-то пропустил в свое время в "Русских Ведомостях"» (Письма «нераскаявшегося оптимиста»: Р. В. Иванов-Разумник – А. Г. Горнфельду / Публ. В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; предисл. и прим. В. Г. Белоуса // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 224).

[126] Ср. с письмами Иванова-Разумника к Ф. И. Витязеву от 28 апреля 1923 г.: «Теперь – большая просьба. "Колос" печатает Шпета о Белинском; не можете ли дать нам эту статью для оглашения в Вольфиле в Воскресенье 6-го или 13-го мая? (В разрешении Шпета не сомневаюсь). – В переговоры по сему делу с Вами вступит телефонно Д. М. Пинес) (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64. Л. 78) и от 10 мая 1923 г.: «Дайте Д. М. Пинесу сегодня же статью Райнова о Белинском; мы используем ее в Вольфиле 13/V, а не то очутимся перед пустышкой» (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64). Воскресное открытое заседание, на котором выступил Иванов-Разумник и заслушана статья Т. Райкова «К психологии личности и творчества В. Белинского», состоялось 13 мая (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26); 27 мая был зачитан отрывок из статьи Шпета «О "прекраснодушии" и "действительности" по Гегелю (в связи с юбилеем Белинского)» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 33).

[127] Открытое заседание, посвященное памяти П. Л. Лаврова, состоялось в воскресенье 17 июня (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 32).

[128] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 31–32об. На первой странице отчета имеется печать Петроградского губернского отдела управления (ГОУ), на

I. *Вопросам культуры и философии истории* были посвящены следующие доклады:

1. Пунин – «Наше средневековье».

2. Тан-Богораз – «Этно-географические основания мирового кризиса».

3. Беседа: «Будущее в настоящем» со вступит<ельным> словом А. З. Штейнберга.

4. Беседа: «Душа XIX века» со вступит<ельным> словом А. Гизетти.

5. А. Гизетти – «Любовь как проблема культуры».

6. А. Мейер – «Иаков и Исав. (К вопросу о первородстве европейской культуры)».

7. А. Гизетти – «Кризис Европы по книгам Ратенау».

8. А. Мейер – Творческое в истории».

9. М. Тубянский – «"Душа Азии" Раб<индраната> Тагора».

10. А. Штейнберг – «Путешествие к себе (о Герм<ании> Кейзерлинга).

11. Беседа: «Что есть современность» Доклад Я. Гордина[129].

12. Беседа: «Проблема человечества» (при участии Я. Гордина, А. Гизетти, А. Мейера).

13. М. Каган – «Индивидуальность в истории».

14. А. Гизетти – «Средневековое мировоззрение и кризис современной культуры».

15. Беседа: Проблема индивидуальности. Доклад Я. Гордина[130].

II. *Целый цикл был посвящен проблеме национальности*:

1. Иванов-Разумник – «Россия и Европа».

2. Брюллова-Шаско[illegible]ская – «Проблема национальности в русской истории».

3. Пумпянский – «[illegible]нтисемитизме».

4. <Он же?> – «О [illegible]циональном грехопадении».

III. *Проблеме искус[illegible]* был посвящен ряд следующих докладов:

1. А. Штейнберг – [illegible]ределах воображения (к 100-летию со дня рождения Э. Т. А. Гоф[illegible]».

2. Петров-Водкин – [illegible]роблема движения в искусстве».

3. Лурье А. С. – «[illegible]поэта».

4. Денисов В. – «[illegible]школы живописи».

5. Каратыгин – «[illegible]во слушать музыку».

6. Беседа: «Красо[illegible]вобода» (вступ<ительное> слово К. Эрберга).

которой проставлена [illegible]рации документа: 28.VII.1923.

[129] Последнее пре[illegible]писано позже рукой Я. И. Гордина.

7. А. Векслер – «Познание и искусство. (По поводу книги А. Белого "О смысле познания")».

8. «Беседа о формальном методе» при участии Эйхенбаума, Тынянова, Томашевского, Якубинского, Гизетти, Иванова-Разумника и др.

9. Каган М. – «Два устремления искусства (форма и содержание)».

10. Перетяткович – «К проблеме формы в искусстве».

11. Груздев – Утилитаризм и самоцель в искусстве.

IV. *Проблемы религии* трактовались в докладах:

1. Е. Иванова – «Иудаизм и христианство».

2. Рыдлевского – «Религиозное и иррелигиозное мироотношения в психологическом разрезе»[131].

3. «Ключ веры» – М. Гершензона.

V. Целый ряд докладов, часто объединенных и в циклы, был посвящен *творчеству отдельных писателей в связи с юбилейными датами.*

Так годовщина со дня смерти *Пушкина* была отмечена следующими докладами:

1. Л. Пумпянский – «О классицизме Пушкина».

2. А. Мейер – «Мудрость Пушкина (по поводу книги Гершензона)».

3. «Евгений Онегин» (Тынянов, Шкловский, Эйхенбаум).

4. А. Штейнберг – «Пушкин и Достоевский».

5. Е. Иванов – «Пушкин».

Белинскому посвящен был цикл докладов по случаю 75-летия со дня смерти:

1. Иванов-Разумник – «Белинский как критик и историк литературы».

2. Райнов – «К психологии личности и творчества Белинского».

3. Гордин Я. – «Любовь у Белинского и Станкевича»[132].

4. Шпет – «Философское мировоззрение Белинского (о гегельянстве Белинского)».

В 40-летие со дня смерти *Рихарда Вагнера* были зачитаны: доклад А. Горнфельда – «Вагнер и Достоевский» и статья А. Блока – «Искусство и революция».

Юбилейной дате *Шелли* был посвящен доклад А. Гизетти: «Певец Преображенной Земли».

О *Людвиге Фейербахе* и его творчестве было устроено собеседование, в котором приняли участие: А. Гизетти, Я. Гордин, Иванов-Разумник и А. Мейер.

[130] Предложение также приписано рукой Гордина.

[131] Доклад, вероятно, состоялся 8 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 27об.).

[132] Доклад «Проблема любви у Белинского и Станкевича» был заявлен на

Творчеству *В. В. Розанова* были посвящены доклады: Е. Иванова и В. Ховина.

О *Лаврове* (по случаю 100-летнего юбилея) и *Чернышевском* (к 60-летию романа «Что делать») были прочтены доклады А. Гизетти.

Три заседания были посвящены творчеству скончавшегося в 1922 году футуриста *Хлебникова*:

1. Н. Пунин – «Хлебников и государство времени».
2. Аренс – «Хлебников – основатель будетлян».
3. «Памяти Хлебникова» – Труфанов, Малевич и Матюшин.

Большие циклы докладов были посвящены *творчеству Александра Блока и Андрея Белого*:

1. М. Бекетова – «Детство, отрочество и юность Блока».
2. «Воспоминания о Блоке» – Иванова-Разумника, Княжнина и Вл. Гиппиуса.
3. Евг. Иванов – «О Блоке».
4. «Дневник Андрея Белого о Блоке».

Кроме того, три заседания были посвящены переписке Блока с Андреем Белым.

5 заседаний было посвящено чтению неопубликованных или малоизвестных статей Александра Блока (за период с 1909 по 1921 г.).

Творчеству Андрея Белого были посвящены, кроме упомянутого доклада <А. Л. Векслер> «Искусство и познание», ее же доклады:

1. «О "Котике Летаеве"» и
2. «Серебряном голубе».
3. О. Форш – «Котик Летаев».
4. Иванов-Разумник – «О "Петербурге"».
5. Е. Виссель – «Записки чудака».
6. А. Гизетти – «По[illegible]ия слова».
7. Е. Иванов – «Гл[illegible]алия».

Отдельные заседа[illegible] были посвящены творчеству Елены Гуро (10-летие со дня смер[illegible] Иннокентия Анненского и новым произведениям современ[illegible]торов: «Хулио Хуренито» И. Эренбурга (Е. Полонская), «Ли[illegible]» Ром. Роллана (Гизетти), «Человек из зеркала» Верфеля, «Голе[illegible]ейринка (Гизетти) и научно-философским произведениям – «М[illegible]сти в геометрии» П. Флоренского (Е. Виссель) и «Истории Ру[illegible] Философии» Г. Шпета (А. Гизетти).

Отдельное заседа[illegible]ыло посвящено впервые опубликованной Центрархивом «Ис[illegible] Ставрогина»[133] (участвовали Чебышев-Дмитриев, Штейнбе[illegible]нов-Разумник).

воскресенье 20 мая [illegible] (РГАЛИ. СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26).

[133] Речь идет о гл[illegible] «Бесы», известной под названием «У Тихона»,

Кроме того, были устроены два литературных вечера новой поэзии при участии: Вагинова, Данько, Колбасьева, Полонской, Рождественского, Тихонова и др. Одно заседание было посвящено литературному течению «имажинизма» с участием его петроградских представителей (Золотницкий, Полоцкий, Шмерельсон).

Целый ряд бесед был посвящен самой работе Вольной Философской Ассоциации, обсуждению ее сущности и подведению итогов ее деятельности.

В 1923 году работали два кружка: по изучению творчества Александра Блока и Андрея Белого; в них были заслушаны и обсуждены следующие доклады:

1. Иванов-Разумник – «Символисты и их предшественники».
2. Е. Иванов – «Блок и Пушкин».
3. Гизетти – «История печатного текста стихотворений Блока».
4. Е. Иванов – «Стихи Блока».
5. Бородин и Шик – «Блок и Соловьев».
6. Межирицкий – «О I-м томе Блока».
7. Макридин – «О символизме Блока».
8. Евг. Иванов – «Мать и сын (стихи Блока о его матери)».

В кружке *по изучению творчества Андрея Белого* были заслушаны следующие сообщения:

1. Д. Пинес – «Обзор творчества А. Белого».
2. Векслер – « “Символизм” А. Белого».
3. Виссель – «А. Белый в журнале “Весы”».
4. Лозовой – «Книги Белого о “кризисе жизни”, “кризисе мысли” и “кризисе культуры”».
5. Беседа о заграничных статьях А. Белого.
6. Вагнер – «О “Первой симфонии” А. Белого».

Работа Вольной Философской Ассоциации в *июле 1923 г.* выразилась в следующих лекциях и докладах:

1. Иванов-Разумник – «О “Петербурге” А. Белого».
2. Беседа о Вольной Философской Ассоциации: «Критическое в В.Ф.А.». Вступительное слово Е. Иванова.
3. Беседа о философии: «Философия и смерть» – доклад Я. Гордина.
4. «Сон в пустыне» – пьеса Вл. Гиппиуса.

Список членов Вольной Философской Ассоциации[134]

№	фамилия	возраст	профессия или служба	адрес
1.	Иванов Разумник Васильевич	42	литератор	Колпинская, 20, Детское Село
2.	Иванов Евгений Павлович		сотрудник губстата	Карповка, 18
3.	Эрберг Константин Александрович	50	литератор	Международный, 40
4.	Векслер Александра Лазаревна	22	студентка	Загородный, 30
5.	Фехнер Елена Юльевна		«	Миргородская, 3
6.	Шимкевич Маргарита Антоновна	38	служащая железной дороги	Серпуховская, 12
7.	Броварская Евгения Борисовна		служащая городской пожарной дружины	6ая линия, 23
8.	Гордин Яков Исаакович	26	лектор	Ординарная, 10/23
9.	Пинес Дмитрий Михаилович	32	сотрудник Центросоюза	4 Рождественская, 8
10.	Казем-Бек Любовь Ивановна	45	акушерка	Верейская, 35
11.	Виссель Екатерина Юстусовна		преподаватель	Бармалеева, 5
12.	Виссель Мария Юстусовна		губстатотдел	
13.	Уханова Анна Василь[illegible]	38	преподаватель	8 Рождественская, 23, кв. 4
14.	Межирицкий Моисс[illegible]имович	31	студент	Сергиевская, 56
15.	Чебышев-Дмитриев	45	преподаватель	Кабинетская, 22
16.	Гизетти Александр А[illegible]евич	35	литератор	Проспект Маклина
17.	Форш Ольга Дмитри[illegible]	40	литератор	Мойка, 59
18.	Александровская Ни[illegible]ильевна	26	библиотекарь	Фонтанка, 116

впервые опубликован[illegible]але «Былое» (1922. № 18).

[134] ЦГА СПб. Ф. 2[illegible] № 921. Л. 25–25 об. Документ был состав-
лен Д. М. Пинесом 3[illegible] (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 23).
Сокращения раскры[illegible]ополнительных пояснений. Список чле-
нов ВФА, датирован[illegible]923 г., см. также: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9.

19. Вагнер Николай Петрович	24	студент	
20. Мейер Александр Александрович	40	библиотекарь	Главная Публичная Библиотека
21. Петров-Водкин Кузьма Сергеевич		художник	Академия Художеств, Васильевский Остров
22. Хмурая Ольга Филимоновна	29	преподаватель	Жуковского, 3, кв. 28
23. Данилевский Петр Яковлевич	40	врач	Николаевская набережная, 37
24. Осокин Петр Михайлович			
25. Вивьен Сергей Сергеевич	29	студент	Ул. Марата, 61
26. Любарская Елена Константиновна			Троицкая, 25
27. Лозовой Николай Григорьевич	19	студент	Шпалерная, 3
28. Орлова Вера Николаевна	24	студентка	Петроградская Сторона
29. Лебедев Вячеслав		«	
30. Шик Хина Ильинична		«	
31. Меринг Надежда Михайловна	30	преподаватель	Васильевский Остров
32. Шапиро Бернард Маркович	56	врач	
33. Кузнецов Николай Николаевич		служащий	Фонтанка, 152
34. Газе Мария Федоровна	22	служащая	Стремянная, 1
35. Бараш Сарра Соломоновна	21	студентка	Международный, 40
36. Женевская Софья Давыдовна		зубной врач	
37. Быховская Софья Давыдовна		«	Разъезжая
38. Каплун Софья Гитмановна	21	студентка Академии Художеств	
39. Каплун Клара Гитмановна		служащая наркоминдел	Мойка, 14
40. Штейнберг Арон Захарович	32	литератор	
41. Белый Андрей (Бугаев Борис)	42	«	(в Берлине)
42. Шутаева Анна Васильевна	19	студентка	Б. Монетная, 13
43. Бинат Федор Никитич	29	студент	Мытнинская наб., 3
44. Борачевская Мария Васильевна	18	студентка	Рабфак
45. Эбериус Валентин Алексеевич	30		Заводская, 8
46. Иванова Лидия Григорьевна	32	учительница	4 Рота, 19

47.	Чубманс Сарра Израилевна	34	служащая	Троицкая, 23
48.	Шеманский Анатолий Владимирович	18	студент	Колокольная площадь
49.	Аронсон Тамара Наумовна	23	«	Невский, 32
50.	Потехина Анна Даниловна	31	«	Торговая, 25
51.	Васильев Александр Васильевич	65	профессор	Петроградский Университет

Письмо Я. Гордина к Конст. Эрбергу[135]

Уважаемый Конст<антин> Алекс<андрович>.

К В<ам> следующая вольфильская просьба.

В понедельник 9 июля на Фонтанке будет доклад Разумника Вас<ильевича> на тему «Петербург» Белого[136]. Мы решили приложить все усилия, дабы собрать публику. В частности, *нужно поместить в «Правде»* заметку, объявление или ч<то>-л<ибо> о предстоящем заседании. Посему, б<ыть> м<ожет>, Вы переговорили бы с Арским или оставили бы записку для него. Если можно, то желательно осуществить подобное и в отношении «Последних Новостей» – в понедельник и в «Жизни Искусства»[137]. Зайду к Вам завтра – четверг – около двух часов дня. Если можно, то оставьте записки для передачи мне.

Привет от Раз<умника> Вас<ильевича> и Дм<итрия> Мих<айловича> (я вчера был в Царском; кстати, моя поездка в Москву увенчалась успехом[138]).

Ваш Я. Гордин.

Среда 4 июля <1923 г.

№ 68. Л. 29–29 об.

[135] ИРЛИ. Ф. 474. № [illegible] 1–1 об.

[136] Речь идет о статье [illegible]ова-Разумника «Петербург», которая была написана в марте – апреле [illegible] и позже опубликована в его книге «Вершины. Александр Блок. Андрей [illegible]и» (Пг.: Колос, 1923. С. 105–171).

[137] Информация о [illegible]щем заседании опубликовали «Петроградская правда» в рубрике «Лек[illegible]ты и доклады»: «Завтра 9 июля. <...> *Вольная Философская Ассоциация* [illegible]нка, 50, кв. 25). Открытое заседание. Доклад Иванова-Разумника – [illegible]г" Андрея Белого. Нач. в 7 ч. 30 м. в.» (1923. 8 июля. № 151. С. 6), [illegible]ла «Последние новости» в рубрике «Художественная хроника» (19[illegible] № 29. С. 3). В еженедельнике «Жизнь искусства» объявление о пр[illegible] заседании Вольфилы не появилось.

[138] Речь, вероятн[illegible] [illegible]лученном Гординым разрешении выехать

Уведомление[139]

4 августа 1923 г. В Петроградское Управление
№ 36 Научных Учреждений

Вольная Философская Ассоциация уведомляет Вас, что ею намечены следующие заседания в течение августа месяца:

6 августа – Е. П. Иванов – Воспоминания о Блоке.
13 « – Е. Замятин – Чтение романа «Мы».
17 « – Беседа о литературе и философии.
20 « – Неиздан<ные> произведения Блока.
27 « – М. Бекетова – Мать поэта Блока.

Заседания состоятся в помещении В.Ф.А. по Фонтанке 50/25. Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Из письма Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной[140]

СПб. 5–VIII–1923

Однажды (в пятницу) был Разумник-Иванов, завтракал, сидел долго. Читал он мой роман[141], очень ему понравился. Основное его возражение, что Д-503 мыслит, так же, как я, автор «Островитян» – слишком современно-импрессионистически и образно. Просит читать весь роман целиком в Вольфиле, по пятницам. Вероятней всего, первый раз – в ближ<айшую> пятницу – я буду читать сам, а затем – если уеду (вероятно) – пятницы 2–3 будет читать кто-нибудь[142].

в Германию. 25 июля Гордин вновь был командирован в Москву по запросу Главнауки от 4 июля 1923 г. «с просьбой ответа по существу организации» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 26–27).

[139] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 37.

[140] Письма к Л. Н. Замятиной // Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. С. 245.

[141] Речь идет о романе «Мы», который был завершен к середине 1921 г., но не был разрешен к публикации цензурой. Подробнее см.: *А. Ю. Галушкин.* К «допечатной» истории романа «Мы» (1921–1924) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. P. 366–375.

[142] В письме от 12 августа Е. Замятин сообщал жене: «В пятницу в Вольфиле читал начало, 12 глав, романа (продолжать будут еще две пятницы без меня)» (Письма к Л. Н. Замятиной. С. 249). Ср. также рассказ о чтении писа-

К годовщине смерти А. А. Блока[143]

7 августа исполняется вторая годовщина смерти Александра Блока. Памяти покойного будут посвящены четыре понедельника Вольной Философской Ассоциации. Первый из них сегодня в 7 ч. 30 м. вечера на Фонтанке, 50. Е. П. Иванов прочтет «Воспоминания о Блоке». <...>

Мать Блока[144]

В понедельник 27 августа в Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, кв. 25) в 7½ ч. веч. Состоится заседание по случаю полугодовщины со дня смерти матери Блока, Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух (сконч. 25 февраля 1923 г.). Сестра покойной М. Бекетова прочитает из своей ненапечатанной книги «Александр Блок и его мать»[145] главы, посвященные жизни матери поэта и ее влиянию на сына.

Уведомление[146]

1 сентября 1923 г. В Отдел Управления Райсовета
№ 38 Центр<ального> Района

Вольная Философская Ассоциация оповещает Вас, что ею намечены в сентябре следующие заседания:

3 сентября	– М. Бекетова – Отроческие годы Ал. Блока.
6 и 13 «	– Александр Блок и его эпоха (по воспоминаниям Андрея Белого).
10 «	– А. Г[illegible]ти – Женская гордость в романе Достоевского.
17 «	– Е. И[illegible]в – О «Вершинах» Иванова-Разумника.
20 и 27 «	– Вл. [illegible]иус – чтение поэмы.
24 «	– Бес[illegible] философии истории.

Фонтанка 50, кв. 2[illegible] Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь В.Ф.А. Дм. Пинес.

телем романа «Мы» в [illegible]ниях Н. И. Гаген-Торн (Memoria. С. 39–41).

[143] Последние ново[illegible] 6 августа. № 33. С. 4.

[144] Последние нов[illegible] 27 августа. № 37. С. 4. Объявление о предстоящем заседании такж[illegible]но в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Петроградска[illegible] 1923. 26 августа. № 191. С. 6).

[145] Книга, заверш[illegible]не 1923 г., увидела свет в издательстве «Петрограда» (Л.–М.) в 192[illegible]

Лекции, диспуты и доклады[147]

Сегодня, 6 сентября

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

«Александр Блок и его эпоха в воспоминаниях Андрея Белого». Нач. в 7 ч. 30 м. в.

Лекции, диспуты и доклады[148]

Понедельник, 10 сентября

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

А. Гизетти – Загадка женской гордости в романах Достоевского. Нач. в 7 ч. 30 м. в.

Сентябрь в Вольной Философской Ассоциации[149]

После августовского «блоковского» цикла, заканчивавшегося воспоминаниями М. Бекетовой об отроческих годах Блока и издаваемом поэтом «Вестнике» Вольная Фил. Ассоц. наметила в сентябре ряд докладов и чтений.

В понедельник (7 Сентября доклад Е. П. Иванова-Разумника «О "Вершинах"» (по поводу новой книги о Блоке и А. Белом)[150].

В четверг (20 сент.) продолжается чтение воспоминаний Андрея Белого об Алекс. Блоке и его эпохе (напечатано в берлинском журна-

[146] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 57.

[147] Петроградская правда. 1923. 6 сентября. № 200. С. 6.

[148] Петроградская правда. 1923. 9 сентября. № 203. С. 5.

[149] Последние новости. 1923. 17 сентября. № 40. С. 4.

[150] Подразумевается доклад Е. П. Иванова, посвященный книге Иванова-Разумника «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пб., 1923). Ср. с письмом Иванова-Разумника к Андрею Белому от 26 ноября 1923 г.: «В заключение – два слова о Ваших двух словах о моем "Петербурге" по поводу Вашего "Петербурга"... Большое спасибо за них; Ваше слово было первым добрым словом, услышанным мною об этой статье. Все друзья и приятели (и вольфильцы – тож) хранили и хранят по поводу моей статьи сконфуженное молчание, слегка осуждающее, слегка извиняющее; вот уже 3–4 месяца прошло, а Ваши слова – первый отклик...» (Андрей Белый и Иванов-Разум-

ле «Эпопея»[151]). Все заседания происходят в помещении Вольфилы (*Фонтанка, 50, кв. 25*). Начало в 7½ час. вечера.

Уведомление[152]

4 октября 1923 г. В Отдел Управления Райсовета
№ 41 Центр<ального> Района

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что ею намечены следующие научные заседания:

7 октября – Беседа о философии истории и религии.

15 октября – Беседа о литературе и искусстве.

11, 18 и 25 октября – Литературные чтения (поэзия и проза).

Фонтанка, 50, кв. 25. Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь В.Ф.А. Дм. Пинес.

Уведомление[153]

3 ноября 1923 г. В Отдел Управления Райсовета
№ 44 Центрального Района

Вольная Философская Ассоциация доводит до Вашего сведения, что ею намечены следующие заседания:

19 ноября – Е. Замятин – О современной русской литературе.

12 « – Материалы к биографии Владим<ира> Соловьева[154].

22 « – Литературный вечер – Поэзия и проза.

29 « – Вечер памяти Блока (Неизданные произведения).

Начало в 7½ ч. – Фонтанка 50/25.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

ник. Переписка. С. 261)

[151] «Воспоминания о ...» Андрея Белого впервые были опубликованы в «литературном ежеме... ...ке под редакцией Андрея Белого» (№ 1–3) «Эпопея», а затем в одно... ...ном «литературном сборнике» (№ 4), который выходил в издательстве ...» (М.–Берлин). См.: 1922. № 1. С. 123–273; № 2. С. 105–299; № 3. С... ...1923. № 4. С. 61–305. Очевидно, на заседании Вольфилы зачитыв... ...следняя часть мемуаров.

[152] ЦГА СПб. Ф. 25... № 921. Л. 62.

[153] ЦГА СПб. Ф. 25... № 921. Л. 64.

[154] Вероятно, высту... ...ея Михайловича Лукьянова (1855–1935) – врача, литературного ... ...блициста, автора книги «О Владимире Соловьеве в его молодые ... ...риалы к биографии», третий том которой

Разное[155]

Беседа о Новой русской прозе. 19 ноября в Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, кв. 25) состоится доклад Е. И. Замятина: «Новая русская проза»[156]. После доклада беседа.

Начало в 8 ч. вечера.

Лекции, диспуты и доклады[157]

Завтра, 26 ноября

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Воспоминания Н. М. Кузьмина — «Толстой и революционеры». Нач. в 8 ч. в.

Лекции, доклады, диспуты и музеи[158]

Вольная философская ассоциация (Фонтанка 50, кв. 25). Заседание, посвященное памяти А. А. Блока (к годовщине со дня его рождения — 16/28 ноября 1880 г.) — 1) дневник Блока за 1917–1918 гг. и 2) доклад Е. Ф. Книпович, нач. в 8 ч. веч.

Уведомление[159]

5 декабря 1923 г. В Петроградское Управление
№ 56 Научных Учреждений Акцентра

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас о том, что в течение сентября – ноября 1923 г. ею были устроены следующие доклады и беседы:

вышел в Петрограде в 1921 г.

[155] Последние новости. 1923. 19 ноября. № 50. С. 4. Объявление о предстоящем заседании опубликовано также в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Петроградская правда» (1923. 18 ноября. № 262. С. 8).

[156] Журнал «Русское искусство», на страницах которого была опубликована одноименная статья Е. И. Замятина (№ 2/3. С. 56–57), вышел в середине августа 1923 г. См.: *Е. И. Замятин*. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999. С. 305 (Комм. А. Ю. Галушкина). См. также отчет А. Г. <А. А. Гизетти> «Дискуссии о современной литературе» (Русский современник. 1924. № 2. С. 275–276).

[157] Петроградская правда. 1923. 25 ноября. № 268. С. 8.

[158] Красная газета. 1923. 29 ноября. № 271. С. 6.

1. М. Бекетова – Отроческие годы А. Блока.
2. А. Блок и его эпоха в воспоминаниях А. Белого.
3. А. Гизетти – Проблема женской гордости в романах Достоевского.
4. Е. Иванов – О «Вершинах» Иванова-Разумника.
5. Беседа о философии истории и религии.
6. Д. Чертков – Социализм и христианство[160].
7. Е. Замятин – О современной русской литературе.
8. « – Новая русская проза.
9. Н. Кузьмин – Толстой и революционеры.
10. Памяти А. Блока – а) Доклад Е. Книпович; б) Дневник Блока за 1918 г.

Председатель ВФА Р. Иванов
Секретарь Дм. Пинес

Лекции, диспуты и доклады[161]

Завтра, 3 декабря

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Лекция Чебышева-Дмитриева – «О Достоевском» (Карамазов и чистилище). Нач. в 8 ч. в.

Уведомление[162]

5 декабря 1923 г. В Петроградское Управление
№ 57 Научных Учреждений Акцентра

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что в декабре с<его> г<ода> ею намечены следующие доклады и заседания:

1. 3 декабря – А. Чебышев-Дмитриев – Карамазов и чистилище.
2. 6 декабря – Литературный вечер – а) Стихи Вс. Рождественского и б) повесть Доливо-Добровольского: «Как прекрасна – жизнь».
3. 10 декабря – А. М. Редько[163] – Литература, художество и истина.

[159] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 38.

[160] Заседание состоялось 7 октября (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 69); ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 64.

[161] Петроградская правда. 192[illegible] 2 декабря. № 274. С. 8.

[162] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 71.

[163] Александр Мефодьевич Ре[illegible]ько (1866–1933) – литературовед, критик,

4. 13 декабря – Акмеизм и творчество Гумилева. Доклад А. Рашковской[164].

5. 17 декабря – А. Гизетти – О «Воспоминаниях» Рабиндраната Тагора[165].

Секретарь ВФА (Пинес).

Лекции, доклады, диспуты и музеи[166]

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50/25). Литературный вечер. 1) Вс. Рождественский – «Третья книга стихов». 2) А. Доливо-Добровольский – из неизданной книги «Какая радость – жизнь». Нач. в 8 ч. веч.

Лекции и диспуты[167]

В понедельник, 10 декабря, **Вольная Философская Ассоциация** (Фонтанка, 50, кв. 25). Доклад А. М. Редько: «**Литература, художество и истина**». Начало в 8 час.

Лекции, доклады, диспуты и музеи[168]

Вольная философ<ская> ассоциация (Фонтанка, 50–25). Доклады: А. Рашковская – «Акмеизм и творчество Н. Гумилева». А. Гизетти. «Неизданная статья Блока». Нач. в 8 ч. веч.

Лекции, диспуты и доклады[169]

Завтра, 13 декабря

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25). «Акмеизм и творчество Гумилева» – доклады Рашковской и Гизетти и др. Нач. в 8 ч. в.

этнограф.

[164] Августа Натановна Рашковская – автор ряда статей о современной литературе в петроградском еженедельнике «Жизнь искусства».

[165] См.: *Р. Тагор*. Воспоминания / Пер. с предисл. и прим. М. И. Тубянского. М.–Л., 1924.

[166] Красная газета. 1923. 6 декабря. № 277. С. 6.

[167] Последние новости. 1923. 10 декабря. № 53. С. 4.

[168] Красная газета. 1923. 13 декабря. № 283. С. 6.

Из письма Иванова-Разумника к Ф. К. Сологубу[170]

15 января 1924.
Царское Село.

В начале будущей недели в закрытом заседании Вольфилы мы начинаем серию чествований (еще предстоят в Институте Живого Слова, в Университете, в Госиздате и т. д.)[171], и обращаемся к Вам с просьбой: не могли бы Вы дать нам для оглашения в этом заседании серию неизданных Ваших стихотворений – любых годов, от 1884-го до 1924-го и в любом количестве, которое сами найдете нужным. Если можно – большое спасибо заранее.

Лекции, диспуты и доклады[172]

Завтра, 21 января

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).
Беседа – «Бальмонт, Брюсов, Сологуб».

Лекции, диспуты и доклады[173]

Сегодня, 24 января

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка 50, кв. 25). Чтение романа Форш – «Одеты камнем»[174]. Нач. в 8 ч. в.

[169] Петроградская пр… 1923. 13 декабря. № 283. С. 6.
[170] ИРЛИ. Ф. 289. О… 134. Л. 1.
[171] Речь идет о 40-ле… юбилее творческой деятельности Ф. Сологуба. От Вольфилы на общем… ейном собрании (первоначально назначенном на 28 января и перенес… на 11 февраля в связи с трауром, объявленным по поводу кончины В. … нова-Ленина) с приветственной речью высту-пил А. А. Гизетти.
[172] Петроградская пр… 1924. 20 января. № 17. С. 8. Ср. также: «В Вольной философской ассо… нваря состоится беседа о Бальмонте, Сологубе и др. поэтах» (Хро… знь искусства. 1924. 15 января. № 3. С. 29).
[173] Петроградская … 1924. 24 января. № 19. С. 6.
[174] Роман О. Форш … амнем (Таинственный узник Алексеевского равелина)» впервые в… ковском издательстве «Россия» в 1925 г.

Уведомление[175]

1 февраля 1924 г. В Ленинградское отделение
№ 12 Академич<еского> Центра (Садовая, 8)

Вольная Философская Ассоциация настоящим извещает, что в январе 1924 г. ею устроены следующие беседы и чтения:

1. Воспоминания П. Н. Андреева о Леониде Андрееве[176].
2. Е. П. Иванов – Кукольный Дом (о литературе).
3. Беседа – «Бальмонт, Брюсов, Сологуб» (к 40-летию творчества Сологуба) при участии Иванова-Разумника, Гизетти и др.
4. Чтение романа О. Д. Форш – «Одеты камнем» (на тему фильмы «Дворец и крепость»[177]).

Председатель ВФА Р. Иванов
Секретарь Дм. Пинес.

Обращение[178]

5 февраля 1924 г. В Отдел Управления
№ 14 Ленингргубисполкома <...>

Вольная Философская Ассоциация просит В<ашего> разрешения заменить в своей печати – наименование «Петроград» на «Ленинград».

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Лекции, диспуты и доклады[179]

Завтра, 25 февраля

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Заседание памяти Кублицкой-Пиоттух, матери поэта Блока. Начало в 8 ч. в.

[175] ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 23.

[176] Павел Николаевич Андреев (1878–1923) – брат Л. Н. Андреева. См.: *П. Н. Андреев.* Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль: Альманах. III. – Л., 1925. С. 140–207. Очевидно, инициатива этого заседания принадлежала А. А. Гизетти, который, будучи сотрудником Пушкинского Дома, принимал участие в редактировании текста мемуаров и составлении примечаний.

[177] Художественный фильм «Дворец и крепость» по сценарию О. Форш и П. Щеголева (по мотивам романа О. Форш «Одеты камнем» и повести П. Щеголева «Таинственный узник»), поставленный режиссером А. Ивановским, вышел на экраны в январе 1924 г.

[178] ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 23.

[179] Ленинградская правда. 1924. 24 февраля. № 45. С. 8.

Уведомление[180]

4 марта 1924 г. В Ленинградское Отделение
№ 18 Акцентра

Вольная Философская Ассоциация настоящим оповещает Вас, что в феврале м<еся>це с<его> г<ода> ею устроены следующие доклады и чтения:

1. Е. Лундберг – Из «Записок Писателя».
2. А. Скалдин – Две поэмы.
3. «Мать Блока» – Памяти А. Кублицкой-Пиоттух.
а) М. Бекетова – Из биографии матери Блока.
б) Е. Иванов – Письма А. Кублицкой-Пиоттух.
в) Н. Павлович – Воспоминания.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Лекции, доклады, диспуты и музеи[181]

Завтра 10 марта

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25). Доклад А. Рашковской: «Современная русская литература». Нач. в 8 час. веч.

Лекции и диспуты[182]

Сегодня, 17 марта

Вольн. Философ. Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).
Доклад Н. Пунина о границах искусства и науки. Нач. в 8 ч. в.

Уведомление[183]

5 апреля 1924 г. В Главное Управление Ленинградских
№ 29 Научных Учреждений
Вольная Философ Ассоциация извещает Вас, что в марте 1924 г.

[180] ЦГА СПб. Ф. 2 № 921. Л. 41.
[181] Красная газета арта. № 57. С. 8.
[182] Последние но 7 марта. № 10. С. 4. Объявление о предстоящем заседании опубл же в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Ленинградск 924. 16 марта. № 62. С. 7) и рубрике «Лекции, доклады, диспут Красной газеты» (1924. 16 марта. № 62. С. 8).
[183] ЦГА СПб. Ф. № 921. Л. 42.

ее деятельность выразилась в устройстве следующих лекций и собеседований:

1) Михайловский и соврем<енная> культура (к 20-летию со дня смерти) – доклад А. Гизетти.

2) Современная русская литература – [доклад] А. Рашковской.

3) Границы искусства и науки – [доклад] Н. Пунина.

4) Вечер сказок Серовой[184].

5) «Рождение и творчество» – Беседа при участии Е. Иванова, В. Лебедева, Б. Западалова.

6) Литературный вечер – Беседа о книге Шестова «Potestas Clavium»[185].

7) О книге Бореля «Случай»[186] (теория вероятностей) – доклад А. Чебышева-Дмитриева.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Обращение[187]

8 апреля 1924 г. В Главное Управление
№ 31 Ленинградских Научных Учрежд<ений>

В виду требования Административного Отдела Ленинградского Губисполкома представить при перерегистрации Вольной Философской Ассоциации соответствующ<ую> справку от Акцентра, Вольная Философск<ая> Ассоциация просит Вас дать удостоверение о том, что Ассоциация зарегистрирована в Акцентре, а также о том, что со стороны Акцентра не встречается препятствий к перерегистрации Вольн<ой> Филос<офской> Ассоциации.

Председатель Р. Иванов.

Секретарь Дм. Пинес.

Приложение: 4 экз<емпляра> Устава ВФА.

[184] Мария Михеевна Серова – автор сказок и стихов для детей. См., напр.: *М. Серова*. Сборник русских сказок. – М.; Пг., 1923; *ее же*. Новгородские сказки. – Л.; М., 1924.

[185] Книга Льва Шестова «Potestas Clavium» («Власть ключей») вышла в берлинском издательстве «Скифы» в феврале 1923 г.

[186] См.: *Э. Борель*. Случай. – М.; Пг., 1923.

[187] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 43. В верхнем левом углу письма резолюция, решившая судьбу Вольфилы: «Вольная Философская Ассоциация не может быть зарегистрирована как научное общество. 30/IV. М. Кристи».

Устав Вольной Философской Ассоциации[188]

I. Общие положения.

1. Вольная Философская Ассоциация имеет целью объединение в Ленинграде лиц, работающих в области научного, социального и художественного творчества на почве общего стремления философски осмыслить свою работу, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интереса к задачам Ассоциации в общественной среде.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей, Вольная Философская Ассоциация

а) заслушивает и обсуждает доклады по всем вопросам культурного творчества;

б) устраивает публичные чтения, доклады, диспуты, концерты, театральные представления, исполнительные собрания и т. п.

Примечание: Курсы учебного характера открываются с предварительного разрешения соответствующих органов Управления Наркомпроса.

в) организует наблюдения, сбор коллекций и материалов, поездки и экскурсии;

г) устраивает научные кабинеты, музеи, постоянные и периодические выставки и т. д.

д) создает библиотеки;

е) присуждает премии за представленные в Ассоциацию работы;

ж) печатает труды своих членов и друг<ие> оригинальные или переводные сочинения;

з) организует съезды по своей специальности.

Примечание. Пов[illegible]новенные в п. 2 полномочия Ассоциация осуществляет на [illegible]нованиях и в пределах существующих узаконений.

3. Вольная Филосо[illegible]ая Ассоциация имеет печать: «Вольная Философская Ассоциац[illegible]инград».

II. [illegible]став Ассоциации.

4. Ассоциация сос[illegible] членов: действительных и соревнователей.

5. Действительны[illegible]ами Ассоциации могут быть все лица, работающие в области [illegible]рного творчества. Первыми действитель-

[188] ИРЛИ. Ф. 79. ([illegible] Л. 9–10 об. На первом листе в верхнем левом углу помета: «По[illegible]тав Вольфилы, уже не зарегистрированный! 1924. Дм. П<инес>».

ными членами являются члены-учредители; вновь вступающие члены избираются на Общем Собрании Ассоциации.

6. В выборе действительных членов общее собрание ничем, кроме заботы о дальнейшем преуспеянии Ассоциации, не связано.

7. Членами-соревнователями могут быть лица, желающие оказывать Ассоциации содействие в ее работах. Члены-соревнователи зачисляются Советом Ассоциации согласно их письменным заявлениям. В собраниях Ассоциации они пользуются лишь правом совещательного голоса и не могут быть избираемы в состав должностных лиц.

8. Размер членских взносов для действительных членов и сроки их уплаты устанавливаются Общим Собранием. Последнему предоставляется право освобождение от уплаты членских взносов членов, не могущих внести таковых, или членов, являющихся активными работниками в Ассоциации.

Примечание. Члены Ассоциации, не внесшие установленных членских взносов в течение установленного срока, считаются выбывшими из состава Ассоциации, но вступают вновь по внесении числящихся за ними взносов без нового избрания.

9. Списки членов Ассоциации ежегодно представляются в орган НКВД, зарегистрировавший Общество, в 2-х экземплярах.

10. Выбытие из числа членов Ассоциации может иметь место либо по личному заявлению выбывающего, либо по постановлению 2/3 наличного числа членов Ассоциации по спискам, причем исключение в последнем случае может иметь место лишь при наличии со стороны исключаемого лица порочащих Ассоциацию поступков или уголовно наказуемого деяния.

III. Средства Ассоциации.

11. Средства Ассоциации составляются из

а) субсидий правительственных и общественных учреждений,

б) членских взносов и пожертвований,

в) доходов от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и других поступлений.

IV. Собрание Ассоциации.

12. Собрания Ассоциации созываются Советом Ассоциации, обязательно с предварительного извещения ГОУ не позже, чем за три дня до срока собрания, и разделяются на очередные и распорядительные.

13. Собрания Ассоциации созываются повестками или объявлениями и считаются состоявшимися – очередные при всяком числе собравшихся членов, распорядительные – при наличии определенного

кворума, устанавливаемого Советом Ассоциации, о чем сообщается в повестках на Собрание.

14. Очередные собрания, созываемые для заслушивания и обсуждения научных докладов и вопросов, связанных с текущей деятельностью Ассоциации, являются открытыми.

15. Распорядительные Общие Собрания, созываемые не менее одного раза в год, а также по постановлениям Ревизионной Комиссии или по заявлению не менее 10 действительных членов Ассоциации, причем Совет обязан в таковых случаях созвать собрание в недельный срок.

16. Все дела решаются открытым голосованием, простым большинством присутствующих действительных членов Ассоциации, кроме вопросов об изменении настоящего Устава, об исключении членов Ассоциации и ее закрытии, для положительного решения которых требуется большинство не менее 2/3 голосов присутствующих членов. Передача права голоса не допускается. В случае равенства голосов – вопрос считается отклоненным.

17. Общие распорядительные собрания.

а) избирают председателя Ассоциации, его заместителей, членов Совета и друг<их> должностных лиц Ассоциации, действительных членов и членов Ревизионной Комиссии;

б) утверждают инструкцию для Ревизионной Комиссии, должностных лиц и органов Ассоциации;

в) рассматривают и утверждают предложения, вносимые через Совет Ассоциации;

г) организуют секции и особые комиссии;

д) исключают членов Ассоциации;

е) устраивают разме[нные] членских взносов;

ж) рассматривают о[тверждают] заключение Ревизионной Комиссии, отчеты Совета [деятельности] Ассоциации, предположения о дальнейшей работе [ции];

з) обсуждают пре[ложения] об отступлениях от общего Устава Ассоциации или его д[ополнения].

Примечание. При[Ассоциацией отступления от общего Устава или его дополне[отступают на утверждение в установленном порядке.

и) обсуждают воп[закрытии Ассоциации.

18. Совет Ассоциа[ляется ее исполнительным органом и состоит из председателя [ации, его заместителей, казначея и членов Совета, избира[им Собранием на 1 год и в числе, установленном Общим [ем. Перевыборы членов Совета могут быть произведены [ния срока их полномочий.

19. О составе из[Совета и о всех происходящих в нем изменениях сообщае[ствующему органу НКВД.

20. Совет наблюдает за исполнением постановлений Общих Собраний и правильным течением деятельности Ассоциации, и ведает административной, финансовой и хозяйственной частью, неся ответственность за направление и результаты деятельности Ассоциации.

21. Совет Ассоциации составляет отчет о ежегодной деятельности Ассоциации и публикует таковой во всеобщее сведение. В случае неопубликования Ассоциацией отчета о ее годичной деятельности в 3-х месячный срок, по истечении такового Ассоциации считается прекратившей свое существование.

VI. Ликвидация Ассоциации.

22. Ассоциация может быть закрыта, как по распоряжению правительственных органов, так и по постановлению Общего Собрания Ассоциации.

23. В случае ликвидации по постановлению Общего Собрания, Совет Ассоциации предоставляет о том мотивированный доклад в Главнауку и руководствуется ее указаниями.

24. Все имущество, принадлежащее Ассоциации, в случае ее закрытия поступает в распоряжение Народного Комиссариата по просвещению.

Председатель
Вольной Философской Ассоциации.
Секретарь.

<Я. Л. Рабинович>

Творческая мания[189]

I

Ответственность... Незаконченность. Мой доклад в В<ольной> фил<ософской> асс<оциации>. Вопросы. Психиатры. Евфория и мания. Жаль: слово «мания», как бы обидно. Но Платон! Без обидного смысла. Мой интерес: последняя часть. Порядок хронологический в обратном смысле.

II

Фр. Ницше. Экспертиза Bjerre. Все сочинения под знаком Заратустры в период мании. Победа над Богом и нравственным законом, антитеизм и имморализм.

[189] ИРЛИ. Ф. 474. № 471. Над заголовком в верхнем правом углу помета: «Тезисы».

Генезис манического антитеизма: сам Бог или всего ближе к Богу (свидетельство психиатров). Ср. Бисмарк о Лассале.

Слова Роде Овербеку 1886 г.: «Знаете, чего я боюсь и предвижу для позднейших лет Н<ицше>? Он преклонится перед крестом» (Overbeck II, 164). Слова Циглера (Geist. Strömungend. XIX Jh.): Der Umschlag von Antichrist zum Christ lag bei N. näher, als man glaubt[190] (приблиз<ительно>).

1) Антитеистические изречения Н<ицше> из Заратустры:

Если бы Бог был, то как вынес бы я сознание, что я не Бог? Итак, нет богов. Некогда я вывел это заключение: теперь оно выводит меня». Доказательность. Логическая? («президент С<оединенных> Шт<атов>»). Но психологическая мания.

Заратустра 375. Слишком многое ему не удавалось, этому недоучившемуся гончару. Но что он мстил своим горшкам и созданиям за то, что они ему не удавались, – это было грехом против хорошего вкуса!

«Есть и в благочестии хороший вкус, он сказал наконец: не надо нам такого бога. Лучше не быть Богу, лучше на свой страх делать судьбу, лучше самому быть богом».

«Что слышу я? – сказал старый папа, насторожив уши. О, Зар<атустра>, ты благочестивее, чем ты думаешь, с таким неверием! Какой-то бог в тебе обратил тебя в такое безбожие?»

Рубеж – Антихрист. Ср. *его конец: и люди считают время с того несчастного дня, когда этот рок начался* – с первого дня христианства. Почему не считать его лучше с его последнего дня? С сегодняшнего? Переоценка всех ценностей.

Перед изданием Антихриста: убийца Бога. «Мир полон смрада от разложения убитого бога». «Через два года земля забьется в судорогах».

2) Манический имм[illegible]изм. Теория сверхчеловека: моральная фабрикация нравственных ценностей. Чезаре Борджия и пр. Его собственное признание. Об [illegible]орализме можно разговаривать, но каково его вынести? Я, напри[illegible] не мог бы вынести сознания даже нарушенного слова, а не то [illegible]бийства; моей судьбой было бы более или менее продолжительн[illegible]ание и гибель. При этом я даже не говорю о раскрытии прест[illegible]я и о наказании.

[190] Переход от Анти[illegible]листу был для Н<ицше> ближе, чем принято считать (*нем.*).

III

Достоевский. Сопоставление. Зависимость? Невозможна. Н<ицше> → Д<остоевский>? Но Д<остоевский> умер 1880[191]. Д<остоевский> → Н<ицше>? Первый перевод Д<остоевского> (Раскольников) 1881, а затем при жизни Н<ицше> только Подросток (*нем.*) и Униженные (*фр.*). Бесы не были переведены вовсе[192]. И все же сходство. Общее настроение – тв<орческая> мания.

Мания. Д<остоевский> ее изобразил в Идиоте и отчасти в Бесах. Разница: 1) Д<остоевский> эпилепсия, Н<ицше> паралич. Поэтому у Д<остоевского> краткая и перемежающаяся, у Н<ицше> – длительная. 2) Д<остоевский> – романист, Н<ицше> – мыслитель, единственный герой своих произведений.

Манический антитеизм: Кириллов, стр. 112 и 598.

Манический имморализм: Раскольников, стр. 255 сл., особ<енно> 259. Оригинальность Раск<ольникова>? «Тысячу раз». Общий источник. Какой? Моя заметка. Необыкновенные люди – сверхчеловек. Откуда? Половой подбор. Зависимость? Нет. Платон. Евгеника – стр. 66: на бумаге. Параллель к личному признанию Н<ицше>.

IV

Мицкевич: Импровизация. Крепкий кофе и табак. Мания. Звуки музыки, сосредоточение, бледность. Другой человек. «Шиллер и Гете». «Орел и пташки». Отрезвление. Великая импровизация в Дзядах, ее возникновение.

V

Лукреций: Свидетельство Иеронима и 94 г. T.-L. C. 9 Poeta nascitur, postea amatorio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset propria se manu interfecit a veteris[193] 43.9.

Начала книг I и V.

[191] Ф. М. Достоевский скончался 28 января (ст. ст.) 1881 г.

[192] Неточно: перевод романа «Преступление и наказание» на немецкий язык был осуществлен в 1882 г., а романа «Бесы» – в 1888 г.

[193] Поэт рождается, придя в неистовство от любовного напитка, и после того, как создает с небольшими промежутками несколько книг, убивает ее собственной рукой (*лат.*).

Р<абинович>

Bierre: «Гениальное безумие», соглашаясь с Möbius: dementia paralitica[194].

Уведомление[195]

5 мая 1924 г. В Ленинградское Отделение
№ 36 Главнауки

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что в апреле 1924 г. ее деятельность выразилась в устройстве следующих докладов и бесед:

1) О числе – Евг. Иванов; 2) О творчестве – Я. Рабинович; 3) Гносеологический роман – Н. Русов[196]; 4) Чтение статьи Андрея Белого – «Дневник писателя»; 5) О формальном методе; 6) Вечер поэтов (Вс. Рождественский, М. Левберг, Н. Браун, Ю. Полетика и др.; 7) Стихи М. Волошина «Путями Каина»[197].

Секретарь В.Ф.Ас. Дм. Пинес.

Уведомление[198]

<№>3171 Вольной Философской Ассоциации
7/V 24 г

В ответ на отношение от 8 апреля с/г. за № 31 Ленинградское Отделение Главнауки сообщает, что оно не находит возможным зарегистрировать Вольно-Философскую Ассоциацию в качестве научного общества, состоящего в ведении Главнауки.

Заведующий Отделением (М. Кристи).

Завед<ующий> Научными Учреждениями (Я. Гессен).

[194] *Парализующее бе[зумие] лат.).*

[195] ЦГА СПб. Ф. 255[1] № 921. Л. 52.

[196] Ср.: «Н. Русов рабо[тает] над книгой по философии искусства «Виноградная лоза», две гл[авы] которой закончены («Гносеологический роман» и «Жизнь и разум») [предполагаются к прочтению на одном из заседаний «Вольной Философ[ической] Ассоциации» в Петербурге» (*Э. Г<оллербах>*. Что делается в литерат[уре]? // Книгоноша литературы. 1920. № 10. С. 10).

[197] Очевидно, М. А[ндрей] находившийся в Ленинграде с 6 апреля по 10 мая, лично выступа[л] со своих поэм, объединенных в цикл «Путями Каина (Трагедия м[ысли] и культуры)». Ср. также письмо М. И. Комиссаровой к М. А. В[олошину] 30 августа 1926 г.: «Три года назад говорила с Вами в Вольфиле...» (Ф. П. Купченко).

[198] ЦГА СПб. Ф. 2[55] № 921. Л. 53. Копия письма.

АКТ[199]

г. Ленинград, сентября 4 дня 1924 года.

Мы, нижеподписавшиеся, сотрудник Ленинградского Отделения Главнауки Домагер Л. Л. (мандат № 6738 от 4 / IX – 24 г.) и представители Всероссийского Союза Писателей: секретарь названного Союза гр<аждан>ка Ганзен А. В. и член хозяйств<енной> компании Союза гр<аждан>ин Латернер Ф. Н. составили настоящий акт в том, что на основании распоряжения Л<енинградского> О<тделения> Главнауки имущество закрытого О<бщест>ва «Вольная Философская Ассоциация», принятое согласно акта от 4 сент<ября> с<его> г<ода> Главнаукой от представителей названного о<бщест>ва, передано во временное пользование Всероссийскому Союзу Писателей в лице вышеназванных представителей последнего. Означенное имущество состоит из следующих предметов:

1) Два стола круглых.
2) Два дивана мягких.
3) Одно кресло с высокой спинкой, мягкое.
4) Четыре кресла мягких.
5) Одно большое кресло, мягкое (без ножки).
6) Четыре стула мягких.
7) Одна кушетка (мягкая).
8) Одно зеркало.
9) Одно кресло венское.
10) Пятьдесят один стул (венск<ие>).
11) Два стола канцелярских.
12) Один стол письменный.
13) Две времянки с трубами.
14) Два шкапа книжных.
15) Три пресс-бювара.
16) Один рояль фирмы «Ратке № 3275».
17) Один ковер большой, разрезанный на три части.

Примечание: Находящиеся в одном из шкапов книги в количестве 190, принадлежащие, согласно заявления представителя б<ывшей> Вольно-Философской Ассоциации, т. Кибальчичу, выехавшему в 1921—22 г. заграницу, и сданные им на хранение в Вольфил<у>, переданы Союзу Писателей на хранение под расписку на черновой описи, впредь до выяснения их принадлежности Гос<ударственным> Книжным Фондом.

[199] ИРЛИ. Ф. 291.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах, один из которых придан представителям Союза Писателей, а другой – в Ленинградское Отделение Главнауки.

Вышеуказанное имущество передал представитель Л. О. Главнауки *Л. Домагер.*

Приняли: Член Хоз<яйственной> Ком<иссии> Вс<ероссийского> Союза Писат<елей> *Ф. Латнер.*

Секретарь Всероссийского Союза Писателей *А. Ганзен.*

Уведомление[200]

<№> 7037 В Главнауку

13/IX 24 г

О закрытии Вольно-Философской Ассоциации.

Ленинградское Отделение Главнауки настоящим сообщает, что вследствие отказа в перерегистрации устава Общества «Вольная Философская Ассоциация» и соответствующего распоряжения Администр<ативного> Отдела Ленинградск<ого> Губисполкома, названное Общество было 4-го сего сентября закрыто представителем Исполкома Центр<ального> Гор<одского> Района в присутствии *представителя Л.О.Г., принявшего на основании* § 24 нормального устава научных обществ, имущество закрытого Общества.

Упомянутое имущество Отделением передано Всероссийскому Союзу Писателей, согласно ходатайства последнего.

Копии соответствующих актов прилагаются.

Заведующий Отделением (М. Кристи).

Заведующ<ий> Нау[illegible]ыми Учреждениями (Я. Гессен).

Приложение: Упом[illegible]ое на «...» листах.

Из дела [illegible]нда Иванова-Разумника[201]

XXIII. Архив Воль[illegible]

1. Афиши (1919–1[illegible] 300 шт. есть дублеты.

2. Основные доку[illegible] – Протоколы. – Объявления. – Архив.

[200] ЦГА СПб. Ф. 2[illegible] № 921. Л. 55–55 об. Копия письма.

[201] ИРЛИ. Ф. 79. С[illegible]ручная опись архива (большая часть которо[illegible]го погибла во время В[illegible]вой войны) была подготовлена Ивановым-Разумником, вероятн[illegible]941 гг.

[202] Указание на 19[illegible]но.

3. Разные деловые документы (Автографы А. Белого).

4. Входящие и исходящие бумаги (4 папки). – Сочинения «тов. Миши».

5. Финансовые документы кассовой книги (2 папки).

6. Адресные книги (2).

XXIV. Вольфила. Стенограммы заседаний; протоколы; тезисы; прения.

1. Речь о пролетарской культуре (Стенограмма. Речь Андрея Белого – автограф. Речи Петрова-Водкина, Эрберга, Шкловского, И.-Р. и др.).... 53 л.

2. «Солнечный Град» – беседа об Интернационале (Стенограмма. Речь Андрея Белого – автограф. Речи Дейча, Эрберга, И.-Р. и др.)... 41 л.

3. Что такое Вольфила – беседа (Стенограмма. Речь Андрея Белого – автограф. Речи Лаврова, Гурвич, Кристи, И.-Р. и др.).... 53 л.

4. Памяти Вл. Соловьева (Протокол. Речи А. Блока, Э. Радлова, Чешихина и др.).... 41 л.

5. Платон – беседа (Протокол. Речи проф. Васильев<а>, Асколь-дов<а>, Карсавин<а>, Кристи, И.-Р. и др.).... 12 л.

6–11. Л. Пумпянский. «О героической морали» (Протокол). – И. Лапшин. «Интуиция в научном и философском творчестве» (Протокол). – И.-Р. «Социализм в учении Вл. Соловьева» (Протокол). – И.-Р. «П. Л. Лавров» (Речь). – Чебышев-Дмитриев. «Время и бессмертие» (Протокол). – Ф. Зелинский «Трагедия интеллектуализма у Платона» (Протокол).... 22 л.

12. Формалисты об «Евгении Онегине» (Стенограмма. Доклады Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума. Речи Петрова-Водкина, Чертков, Пинеса, И.-Р. и др.).... 30 л.

13. Беседа о формальном методе (Протокол. Доклады и речи Томашевского, Тынянова, Эйхенбаума, Якубинского, Смирнова, Петрова-Водкина, Гизетти, И.-Р. и др.).... 46 л.

14. Е. Браудо. «Звукосозерцание немецких романтиков» (Доклад)... 15 л.

15. А. Мейер. «Гуманизм или христианство?» (Доклад).... 24 л.

16. К. Малевич. «Мир как беспредметое» (Доклад)... 22 л.

17–31. Доклады и тезисы на разные темы.... 37 л.

XXIV–а. Вольфила. Стенограммы заседаний, посвященных Достоевскому.

1. В. Шкловский. «Герои Достоевского» (Стенограмма. Речи Тынянова, Виноградова, Кояловича, И.-Р. и др.). Дублет... 40 л.

2. П. Сорокин. «Три идеи Достоевского» (Доклад и протокол)... 12 л.

3. А. Штейнберг. «Достоевский как философ» (Стенограмма)... 98 л.

4. Б. Эйхенбаум. «Достоевский и Лесков» (Протокол)....3 л.
5. Ольга Форш. «Данте, Достоевский, Блок» (Протокол)....4 л.
6. Векслер «Композиция Бесов» (Протокол)... 3 л.
7. Иванов-Разумник. «Достоевский, К. Леонтьев и идея всемирной революции» (Стенограмма).... 67 л.
8. А. Штейнберг. «Пушкин и Достоевский» (Стенограмма. Речи Петрова-Водкина, Данилевского, Гордина, И.-Р. и др.).... 36 л.

Портреты

Андрей Белый

Во всех фазах своего идейного и художественного развития председатель Вольной Философской Ассоциации прозаик, поэт, литературный критик Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) стремился обосновать собственную мировоззренческую позицию такой универсальной методологией, при помощи можно было бы достигнуть принципиально нового духовного знания, интегрирующего представления человека о природе и культуре. Обобщенно называя собственное мировоззрение «символизмом», Белый рассматривал его содержание прежде всего в контексте видоизменяющегося, но всегда тождественного самому себе индивидуального самосознания[1]. В 1900-е годы он отдал дань модному неокантианству, утверждая, что главной ценностью культуры является человеческая жизнь, а ее последней целью – пересоздание человечества; в начале 1910-х воспринял как руководство к действию построения Р. Штейнера, обнаружив в антропософии не только возможность анализировать объединенные сознанием логические конструкции, но и читать их как целое: «с точки зрения ан-

[1] См. его работу «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного развития» (1928) в кн.: *А. Белый.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 418–493.

[2] *А. Белый.* Основы моего мировоззрения / Публ., примеч. Л. А. Сугай // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 30.

тропософии, все, что дано нам в продуктах культуры – музей, к которому утерян каталог»[2]. Актуализировав требование выйти из аналитической статики в область динамической, органической культуры, Белый откликнулся на запросы антропософского метода оригинальной интерпретацией современной философской мысли, общественной жизни и мировой истории в целом[3].

Современникам, как это часто бывает, далеко не сразу стал понятен смысл мировоззренческих исканий Андрея Белого. Были и такие, кто вообще отказал писателю в наличии самостоятельных философских принципов. Наибольшую известность получила одиозно-резкая оценка Ф. А. Степуна: «Вы... ежегодно меняете свою философскую точку зрения и ежегодно оповещаете читающий мир о свершившемся в Вас превращении. *Но нельзя публично жить на авансцене своей личности.* У авансцены расположена суфлерская будка. У суфлерской будки говорят чужие слова»[4]. Даже некоторые «совольфильцы» (еще до начала совместной работы с Белым) воспринимали его необычайное интеллектуальное дарование с определенными оговорками. Конст. Эрберг вспоминал, что, несмотря на давнее знакомство с Андреем Белым, мировоззренчески сблизились они лишь «на почве Вольфилы»: «Мне всегда были чужды и хри-

[3] Главный философский труд Андрея Белого «История становления самосознающей души» (1926–1931) до сих пор не опубликован. Часть текста (без комментариев) воспроизведена Э. И. Чистяковой в книге «Душа самосознающая» (М., 1999. С. 61–476).

[4] *Ф. Степун.* Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 86. Ср. также с более поздней оценкой Степуна миросозерцания Андрея Белого, которая представляется нам куда более проницательной: «В на редкость богатом и всеохватывающем творчестве Белого нету *тверди*, причем ни небесной, ни земной. Сознание Белого – сознание абсолютно *имманентное*, формой и качеством своего осуществления резко враждебное всякой *трансцендентной* реальности» (*Ф. Степун* Встречи и размышления. – London, 1992. С. 197).

стианство Белого, и его преклонение перед Штейнером, и его неопределенная, какая-то доморощенная филология. Однако все это получило в моих глазах совсем иной вид, лишь только я ближе узнал Бориса Николаевича и увидел в нем поэта – в самом широком и самом исконном понимании этого слова (ποιητης – творец). Творческая, импровизационная, вернее, импровизационно-творческая стихия овладевала им настолько, что часто и самого творца уносила на своих волнах далеко от того места, куда он плыл. <...> Я помню, как потряс он огромный, переполненный зал Географического общества своей речью, посвященной памяти Блока»[5]. А. З. Штейнберг также признавался, что поначалу Андрей Белый настораживал его своей близостью к учению доктора Штейнера[6]. Однако благодаря их совместной работе, ученый секретарь ВФА был полностью покорен идеями и личностью Белого: «Борис Николаевич не мог, был не в состоянии делать что-либо по указке, повторять мелодию с чужого голоса. <...> Он был необыкновенной творческой натурой. То, что он говорил на семинарах, конечно, как-то пересекалось с <...> учением Рудольфа Штейнера. Но когда впоследствии я передавал ученикам и последователям Штейнера то, чему учил нас Андрей Белый в Петербурге, они утверждали, что этого быть не может, что я его не понял, что все это совершенно не похоже на учение Доктора... <...> Все, о чем говорил Борис Николаевич, исходило из глубины его собственной души, было индивидуально и неповторимо... В то время, слушая в его изложении

[5] *Конст. Эрберг.* (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. – Л., 1979. С. 115–116.

[6] Ученый секретарь Вольфилы упоминает в мемуарах о том, что его «не очень-то привлекало» учение Штейнера, и ему хотелось «понять, как Белый связывает эту философию с... работой в Вольной Философской ассоциации» (См.: *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 48).

учение Штейнера, я не мог отделаться от мысли, что если бы Борис Николаевич излагал не учение Штейнера, мало освоенное широко образованной публикой, а учение Гегеля или Платона, это было бы таким же новым открытием в истории мысли, как то, что он говорил о Штейнере. <...> Если бы он продолжал свои занятия регулярно, то в России, вероятно, зародилась бы своя собственная, оригинальная школа мысли»[7].

Именно деятельность Андрея Белого в Вольфиле дала возможность многим отказаться от намеренно-предвзятых мнений о его персоне. Пожалуй, наиболее показательна необыкновенная метаморфоза, которая произошла с Э. Ф. Голлербахом. Еще весной 1920 г. негативная оценка критиком философской позиции председателя Ассоциации мало чем по своей сути отличалась от оскорбительных инвектив Степуна. В одной из своих многочисленных статей, посвященных Белому, Голлербах писал: «Остановлюсь на этот раз на той роли, которую Белый в последнее время выдвинул из своего обширного emploi[8], как излюбленную и привычную, и которую он щедро демонстрирует всем желающим. Есть луг зеленый, называемый Вольной философской ассоциацией. И на этом зеленом лугу, на берегу безмятежной Фонтанки, хоровод: гг. Мейер, Гизетти, Иванов-Разумник, Штейнберг, Эрберг и др. В середине хоровода запевало, лихой песенник – Андрей Белый. Чтобы уяснить себе, что такое Белый в качестве философа, нужно совершить изрядное ретроспективное путешествие. <...> Истина философии дается только тем, кто стремится к ней бескорыстно, для кого она цель, а не средство к литературной акробатике. Тот, кто однажды прикоснулся к Истине, стоит на твердой почве. Он может обращать свой лик к разным светилам, он может устремлять свое движение,

[7] Там же. С. 101–102.

[8] набор ролей, амплуа (*фр.*).

куда угодно, на Север, Запад, Восток, Юг, безразлично. Но почва под ним не вертится. Почва не ускользает из-под его ног, почва не играет с ним в футбол. Честный, строгий, бескорыстный мыслитель всегда прочно стоит на своих собственных ногах, не пытается ходить на чужих ногах или на чужих ходулях. Белый же флиртует с Истиной, корыстно увивается за ней, заигрывает с ней, любезничает, суетится, выбрасывает брызги слов, струит фимиам своего пафоса. <...> И все яснее становится, что для Белого есть две диаметрально противоположные возможности: или падение в совершеннейший декаданс, в окончательное озорство, кривлянье, чудачество, в безнадежную имитацию оригинальности, или головокружительный взлет на вершины мысли, титанический подъем, лучезарное прозрение последней Истины. Что последнее для Белого возможнее, не подлежит никакому сомнению, ибо я забыл сказать, вернее не забыл, а просто умолчал, что творчество Белого сплошь пронизано лучезарным сиянием неподдельного таланта, и даже больше – есть проблески гениальности в его огромном и сильном даровании»[9].

Прошло чуть более года, и Голлербах удивительным образом меняет свое отношение к Белому-мыслителю. Свидетельством столь радикального переворота является письмо молодого критика к Конст. Эрбергу от 16 июля 1921 года:

«Константин Александрович, – пишу Вам *потрясенный* до дна души: только что беседовал наедине с Белым (у Иванова-Разумника). Он – чудесен! Какой *позор* все мои статьи о нем (их было три или четыре, – о "Кризисе Мысли"[10],

[9] *Ego* [*Э. Голлербах*]. Об Андрее Белом // Вестник литературы. 1920. № 7. С. 3–5.

[10] См.: *Э. Голлербах.* Кошмарная мозаика // Жизнь искусства. 1919. 11 июля. № 186. С. 3.

[11] См.: *Э. Голлербах.* [Рец.] «Записки мечтателей» // Жизнь искусства. 1919. 22 августа. № 222. С. 1.

о "Записках мечтателей"[11], "Об Андрее Белом" и пр., – помните?). Я хотел бы публично отречься от них. – Промахнулся я: думал, – выверты, кривлянье, ходули, – оказывается, в нем все необходимо и естественно, внутренне – оправданно, просто в своей сложности и сложно в простоте.

Но какая все-таки разница между живым человеком и книгой, и даже: между человеком и лектором.

Не думайте, что отныне я буду в рядах "убеленных", "беленьких", "белеющих", "белесоватых" или "взбелевшихся" (жаль, что последнее слово от другого корня) дам, дев и полудев Вашей (вашей) Вольфилы. Нет, не буду я апостолом Белого. Но отныне я – *с Белым*. Пусть это никому не важно и не нужно, но мне-то нужно и для меня важно. Нет ничего более несомненного, чем гениальность этого человека. Гиппиус была права.

Еще раз – стыжусь своих статей. Впрочем, я всегда писал глупости, и всегда не то́, что хотел. И во всем, что я делаю, мое худшее "я", мною презираемое.

...Да, он пленителен. – Рядом с Розановым, рядом с Влад. Соловьевым вижу его. Рядом с Ницше.

Отчего я *пишу* об этом, когда мог бы *сказать* Вам при встрече? – Так *нужно*, нужно это *зафиксировать*, полезно. И вообще – когда взволнован, пишу.

Двух вещей лучше бы не делать Белому: 1) не приобретать поклонников, поклонниц, 2) не лечиться у невропатологов (как сейчас), не думать очень о своем здоровье (*плохо* оно? – тем *лучше*: "*безвременно*" погибших не бывает). То и другое – 1) опасно, 2) не культурно.

...Через Белого можно прийти к величайшей сосредоточенности духовной. И через него же: к величайшей раскиданности, распыленности, расплавленности. Для меня лично сладкий и жуткий соблазн: влечет, томит, радует, раздражает. Обнял бы его – для того, чтобы задушить и – чтобы вновь обнять – *потом* – уже бестелесного.

Всего не могу написать – долго. Кончаю. Итак – двухчасовой разговор (тема – христианство – была задана мною), – вернее, слушание (говорил больше он) и – *я с Белым* до конца.

Ударьте меня по лицу (или это не входит в программу иннормизма?[12]), если я когда-нибудь отрекусь от этих слов.

Как хорошо, что у нас есть Блок, Белый, Вы.

Э. Голлербах»[13].

Несколько месяцев спустя кардинальная перемена позиции Голлербаха нашла подтверждение в его очередном очерке, посвященном творчеству Андрея Белого. То, что еще совсем недавно воспринималось критиком в отрицательном свете, на сей раз приобрело абсолютно положительный смысл: «...главный "двигатель" Белого – философия. Не случайно он состоит председателем Вольной Философской Ассоциации. Бесчисленные лекции его на темы антропософии, его книги о кризисе жизни, кризисе культуры убедительно свидетельствуют о том, что основной интерес, его окрыляющий, – интерес философский. <...> Основная черта Белого – как философа – чрезвычайное непостоянство, корни которого таятся, может быть, в сложности и многообразии его духовного опыта. Водопады и фонтаны мыслей клокочут в нем. Пылают бенгальские огни. С шипением и свистом взлетают ракеты, все новые зажигаются бенгальские огни. И весь он в лихорадке, в бреду, в суете, что-то лепечет, выкрикивает, размахивает руками, скачет... И, если бы не черная шапочка на голове, шевелюра его наверное всегда стояла бы дыбом – от вдохновения, восторга, ужаса и пафоса. Таково мое впечатление от творчества Белого»[14].

[12] Рядом помета Эрберга: «У иннормизма нет заранее очерченной программы. *К. Эрберг*».

[13] ИРЛИ. Ф. 474. № 110. Л. 1–2. См. также стихотворение Э. Голлербаха «Андрей Белый», датированное 11 июля 1921 г.: Наст. изд. С. 000.

[14] *Э. Голлербах.* Андрей Белый как мыслитель // Накануне. Литературное приложение. 1922. 14 мая. № 3. С. 5–6. Ср. также со схожим

Действительно, Андрей Белый мало походил на так называемых «профессиональных» философов, которые рассматривают свою деятельность как область научного праксиса. От адептов «строгой науки» его отличала, в первую очередь, особая интерпретация предмета философии. Ориентированное на человека миросозерцание, а не логика или теория познания – вот что составляло его философское credo. Если традиционная философия склонна руководствоваться исключительно содержательной или же методологической парадигмами, то философия, имеющая своим предметом мировоззрение, не отказываясь от этих составляющих, выдвигает на первый план совсем иную парадигму – ценностную, связующую вместе материал, опыт и смысл. Андрея Белого не интересовал анализ каких бы то ни было частных миросозерцаний (этим, по его мнению, грешили современные философы); он ставил своей основной задачей приблизить создание новой философии культуры – своеобразной метатеории мировоззрений, предметом которой стала бы уже сама природа духовного знания[15].

восприятием Белого-лектора Н. И. Гаген-Торн: «Постарайтесь увидеть, как видели мы: из земли перед вами вдруг вырывался гейзер. Взлетает горячим туманом и пеной. Следите, как высок будет взлет? Какой ветер в лицо... Брызги то выше, то ниже... Запутается в них солнечный луч и станет радугой. Они то прозрачны, то белы от силы кипенья. Может быть, гейзер разнесет все кругом?.. Что потом? – Неизвестно. Но радостно: блеск и сила вздымают. Веришь: сама уж лечу! Догоню сейчас, ухвачу сейчас гейзер! Знаю: в брызгах искрится то, что знала всегда, не умея сказать! Вот оно как! А мы и не ведали, что могут раскрыться смыслы, что обещаются новые открывания: исконно знакомого где-то, когда-то, в глуби неизвестного... Нельзя оторваться от гейзера!..» (*Н. И. Гаген-Торн.* Воспоминания об Андрее Белом // Andrey Bely Centenary Papers. P. 7).

[15] В этом принципиальное отличие трактовки Белым содержания философии культуры от «риккертианского» подхода. Ср.: «...нужно сделать в философии культуры еще шаг вперед: мало сказать, что проблема культуры есть всегда проблема "*духовной культуры*"; в та-

Как и его предшественник и учитель Вл. Соловьев, Белый попытался осмыслить условия, при которых такое цельное знание становится возможным. Он признавал заслуги критической философии, благодаря которым проблема познания была поставлена в плоскость «знания о знании», но одновременно находил ее недостаток в том, что Кант и его последователи сводили содержание философии к гносеологии, а к теме мировоззрения подходили, оперируя исключительно логическими аргументами. Подлинное решение этой задачи, считал Андрей Белый, заключается в том, чтобы, вернувшись к исходным позициям (то есть к знанию), переформулировать и сконструировать само понятие познания как миропонимания.

Сознание есть знание о знаниях, предшествующее познавательному процессу, – первичная и единственно данная человеку интуиция целого. В свою очередь, познание – это то, что возникает уже после знания. Над сознанием возвышается самосознание, интегрирующее отдельные сознания и являющееся итогом познавательного

ком признании мы способны лишь построить «*философию культуры*»; но переход от проблемы культуры к проблеме природы, как культуры, предполагает определение природы как культуры среди культур, предполагает и признаки этой культуры опознанными; переход от культуры к культуре природы, понятой как культура сознания, и есть переход от философии культуры для меня к "духовному знанию"» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 368). Ср. также: «...когда мы говорим: "Философия культуры", мы не должны забывать, что здесь философии культуры противополагается нечто другое – история культуры мысли как история крепнущего человеческого самосознания, где смысл и все прочее находятся в неразложимой связи, в неразложимом единстве, и это единство, это знание чего-либо в связи с чем-либо есть всегда неразложимое, автономное, свободное человеческое знание. Сознание неразложимо, и культура, если она не желает быть музеем, если философия не желает быть охранительницей памятников старины, она всегда является философией крепнущего человеческого самосознания, которое автономно и свободно» (*А. Белый*. Символизм как миропонимание. С. 322).

процесса. Нераздельность знаний обеспечивается благодаря единству первичной интуиции и конечной формы самосознания. Все многообразное движение человеческой мысли от истоков познания к его вершинам покрывается проблематикой смысла: то, что в начале познавательного процесса мыслится интуитивно, в конце завершается образом целого. Белый особо настаивал на том, что осмысливание должно иметь не дискурсивный, а интуитивный характер. Осмыслить – значит ввести какое-либо индивидуальное явление в круг других явлений, объективировать подлинное место конкретного явления в общей картине мира. Но этого мало; главное – представить саму эту общую картину: разложить первичный образ на входящие в него элементы, а затем сложить их обратно, чтобы получить орнамент, соответствующий общему плану жизни. Полученный в результате всех этих операций смысл и будет той общей конфигурацией, которая складывается как образ всех отдельных познавательных результатов в их зависимости друг от друга. Мысль всегда свободна; ее свободу обеспечивает и первичная интуиция, и то постоянное движение, в котором она неизменно существует. Важнейшая задача мысли – уловить смысловую архитектонику целого, в каждый конкретный момент жизни отражающую многообразие ритмических модуляций индивидуума.

Мировоззрение есть персональный путь, по которому человек восходит к завершающему (но никогда не завершенному) целому. Миросозерцание имеет множество проекций (в частности, имагинативную, логическую и эстетическую), однако все они, объединенные творчеством самосознающего «Я», являются прежде всего взглядом человека на самого себя: зеркальным отражением, соединенным с моральной фантазией. Начинаясь с гносеологического анализа понятий, мировоззрение восходит к теории, в рамках которой познавательная потребность соединяется с долженствованием. Мировоззрение обуславливается смыслом; как и сознание, оно предшествует знаниям и за-

висит от конфигурации общей картины, стилистики образов, поэтому важнейшим его началом оказывается эстетическая составляющая. Объективация мировоззрительного смысла позволяет человеку разглядеть невиданный доселе ландшафт – образ так называемой «духовной действительности».

В истории человечества построение целостного мировоззрения закономерно переходит в процесс создания новой культуры. Именно культура, воспринимаемая Андреем Белым как продукт роста самосознания человека и человечества, становится отправной точкой создаваемой им философской системы. Это универсальное целое объединяет смысл, стиль и долг, связывает знания в со-знание, мысль – в со-мыслие (то есть в смысл), чувства – в со-чувствие, волю – в со-действие. В свою очередь, самосознание есть культура культур. В самой природе философствующего самосознания заложена необходимость понимания смысловой архитектоники целого. Смысл мировоззрения раскрывается в стиле; поэтому история мировоззрений, понимаемая как «история самосознающей души», является, главным образом, историей стилей. Описание многообразных ритмических модуляций индивидуальных воззрений превращает хаос отдельных разбросанных точек в космос, где субъективное соединяется с объективным. Организм космоса индивидуален; индивидуальное, по Белому, и есть то целое, что завершает понятия, идеи, чувства, импульсы и прочие разрозненные элементы познания.

Индивидуализация хаоса в космос – длительный процесс становления человечества как единого целого. В истории случаются времена, когда культурный космос вновь возвращается в свое хаотическое, до-индивидуальное состояние, однако культура, переживающая в такие эпохи кризис, не может погибнуть. Распад культуры в цивилизацию – лишь симптом ее кризиса, а вовсе не крах. Благодаря новым элементам культура самоорганизуется, перегруппировывается и переходит в свое новое состояние.

Таким всеобщим кризисом жизни, творчества, мысли и слова виделось Белому начало XX столетия; тем не менее он находил в переживаемом времени не «закат», «крушение» или «гибель» европейской культуры, а лишь «перевал» от одного типа культурного развития к другому: от «души рассуждающей» – к «душе самосознающей». Наступающая эпоха, содержание которой трактовалось как возвращение к принципам и традициям Возрождения и Гуманизма, как преодоление в огневой стихии революции косных форм государственности и общественности, интерпретировалась им через пришествие «Логоса-символа» в каждое «Я». Ее героем должен был стать человек – «Чело Века», восходящий от «Интер-Национала» к «Интер-Индивидуалу», преодолевающий своим новым качественным состоянием дилемму личности и общества.

Весь этот сложный комплекс культурно-философских взглядов сложился у Андрея Белого к началу 1920-х годов. «Вольфильский» период его творчества, один из наиболее продуктивных, оказался, вместе с тем, и самым драматичным: «явное разочарование в близости "*революции Духа*"», расставание с женой, усиливающиеся сомнения в Штейнере и возможностях антропософии – таков «грустный путь: от "*эвритмии*" к "*глоссолалии*"; от "*глоссолалии*" к лекционной "*пляске слов*" и от нее к... "*фокстроту*"!»[16]. Но, несмотря на все трудности, активность Белого в Вольной Философской Ассоциации просто поражает: за время проживания в Петрограде в феврале – июле 1920 года и в апреле – сентябре 1921 года он прочитал десятки публичных лекций, председательствовал на открытых заседаниях, вел кружки и курсы, принимал участие в прениях, участвовал в подготовке философского съезда, а также выполнял множество других обязанностей руководителя Вольфилы. Когда 7 апреля 1921 года на расширенном заседании Сове-

[16] См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 506–507.

та ВФА, посвященном ее реорганизации, между ним и О. Д. Форш разгорелась острая полемика, Иванов-Разумник решительно принял сторону председателя: «О. Д. Форш <...> не имела никакого права говорить от имени Вольфилы, к которой не имеет никакого отношения (кроме случайных посещений). На Вашем месте я вспылил бы точно так же. Забудьте весь "инцидент" – он не стоит яичной скорлупы; О. Д. – с боку припёка, а Вы – центр Вольфилы. Так думают все вольфильцы, а не один я»[17].

Благодаря Вольфиле, Андрей Белый и в самом деле пользовался в те годы необычайным общественным авторитетом и признанием. «Может быть, среди неофициальных лиц он был самым популярным человеком в Петрограде, – отмечал Штейнберг. – Его знали и образованные, интеллигентные люди, так же как и необразованные»[18]. В архиве председателя Ассоциации сохранилось множество записок, адресованных ему во время выступлений. В одной из них адресат послания выступает в роли героя стихотворения, написанного под впечатлением от его выступления:

Товарищу Бугаеву.
Одно из Мировых Движений Эпоха Мировой Революции
На воскреснике Вольфилы 9 октября 1921 г.
«Воспоминания А. Белого о А. Блоке»

Позвольте без долгих предисловий перейти к тому, что на меня навеяло сегодняшнее собрание.

Человек из повести Достоевского
Собрал из каждой строчки каплю крови,
Мышечное волоконце или нервное содрогание,
Воплотился, покачался несколько мгновений,
Как турок на портрете Гоголя,

[17] Там же. С. 228–229.
[18] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 50.

И вышел на Вознесенский проспект. Было сыро.
Он неторопливо поднял руку к груди и покашлял.
Выйдя на Екатерининский канал, немного постоял.
По зеленой воде шли разноцветные пятна,
У берега стояли осклизлые барки.
Человек из повести Достоевского перешел мост
И зашагал в Географический институт на воскресник
Вольфилы.
На эстраде белый, бледнолицый Николай Гоголь
С вытянутым острым лицом
Воплощал воспоминания об Александре Пушкине,
И вставали черты лица Пушкина,
Обожженные полуденным солнцем.
Гоголь говорил о восстании против царя Николая,
О притаившихся казармах и волнующихся окраинах
И вспоминал о побывавших на полях Лейпцига и Маньчжурии,
И площадь перед Зимним Дворцом вставала перед глазами.
Человек из повести Достоевского слушал
И казалось ему странным:
Словно 1840ой год называли 1921-м.

Этот образ представлен для того, чтобы указать что если подходить от человека из повести Достоевского, то А. Блок, провидевший Мировую Революцию, окажется Пушкиным, почти добровольно зажимающим свое дарование перед Николаем Романовым, а т. Бугаев окажется Гоголем, уходящим в мистический бред. Но нам этого бояться не приходится. А. Блок и т. Бугаев живут во время Мировой Революции и мы с т. Бугаевым двигаемся к тому времени, когда двенадцать красноармейцев пройдут с окраин европейских городов по их площадям, и вместо прекрасного далека вся земля станет мировой близью»[19].

Человек, эмоционально уединенный и психологически

[19] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 324. Л. 61–62 об. Автор записки неизвестен.

уязвимый, в Вольной Философской Ассоциации Б. Н. Бугаев с огромной радостью окунулся в новую для себя стихию коллективного творчества. Именно здесь ему во многом удалось реализовать свой огромный интеллектуальный потенциал и в ответ получить от слушателей и близких друзей любовь, уважение и взаимопонимание. Вероятно, поэтому, не являлась преувеличением парадоксальная сентенция Иванова-Разумника, которую приводит в своих воспоминаниях Штейнберг: «...не будь Белого – не нужна была бы и вся наша академия, не он для нее, а она для него»[20].

Вольная Философская Ассоциация Солнечный Град. Беседа об Интернационале[21] 2 Мая 1920 года.

Председатель (Андрей Белый). Объявляю заседание открытым. Прежде чем приступить к теме сегодняшней беседы, я позволю себе сказать несколько слов к порядку дня. Устраивая эту беседу, мы рассчитывали на участие в ней всех присутствующих; желающие высказаться пусть запишутся на этом листе; ораторов буду я вызывать в порядке записи. Во-вторых, позвольте остановиться на следующем. Кто присутствовал на наших собраниях, тот уже знает: наш интерес сосредоточивается на свободном углублении культурно-философских тем. Присутствие членов Интернационала было для нас желательно в связи с сегодняшней темой; мы пригласили тов. Зиновьева; вследствие болезни

[20] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 33.

[21] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 71. В правом верхнем углу позднейшая помета Иванова-Разумника: «Копия правленой А. Белым стенограммы его речей (стр. 1–7, 26, 40–41); подлинник – в V папке рукописей А. Белого». Подлинник и полная стенограмма не сохранились. В конце 1920 г. московский журнал «Знамя» анонсировал публикацию статей Андрея Белого и Иванова-Разумника под общим названием «Об интернационале» (1920. Ноябрь. № 5. Стлб. 64).

он у нас не может быть; все наши усилия пригласить других представителей Интернационала технически не увенчались успехом; в нашей программе не достает ряда имен, которых мы желали бы видеть сегодня среди нас. Открывая беседу,– позволю себе напомнить: нас интересует культурно-философская постановка вопроса; не интересует ни критика существующего Интернационала, ни панегирик ему. В случае отклонения беседы от наших заданий, я, в качестве председателя, буду напоминать присутствующим о том, чтобы беседа вернулась в ей свойственные берега. Вот те несколько слов, которыми я бы хотел предварить беседу. В порядке записи я встаю первым: беру себе слово.

Солнечный Град! Почему мы так именно озаглавили нашу беседу? Не все присутствующие знают, что в этом году исполняется 300 лет со дня появления в печати сочинения монаха Фомы Кампанеллы, которое вышло в свет в 1620 году[22]. В это время имя Кампанеллы гремело в Европе; его утопия вызывала толки; сам он находился в темнице, где он провел около 27-ми лет. В его сочинении, как и в утопии Томаса Мора[23] (как и у Платона[24]), встречают впервые нас коммунистические идеи. Приурочивая беседу к празднованию Интернационала, следует пожелать, чтобы мученик-революционер Кампанелла был достойно почтен современниками. Мы видим памятники деятелям социализма; но забываются первые имена социалистов. Утопия Кампанеллы не может служить руководством в наших представлениях о социализме; однако, как устремление к будущему, она интересна; было б желательно видеть в России памятник Кампанелле, который так мужествен-

[22] Впервые латинский перевод «Города Солнца», выполненный самим Кампанеллой, был издан во Франкфурте в 1623 г.; итальянский оригинал увидел свет лишь в 1904 г.

[23] См.: *Т. Мор.* Утопия. – М., 1978.

[24] Подразумевается диалог Платона «Государство». См.: *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. С. 89–454.

но впервые поставил проблемы теперешних дней и который всю жизнь испытал на себе в ряде пыток власть деспотов; он выступал от теократического интернационала; он был монах-доминиканец. В теократии видел он подлинный Интернационал; но вся постановка вопросов, связанных с Интернационалом, у него новая. Интересна эпоха, в которой он действовал. До нее видим мы все усиливающуюся борьбу между двумя устремлениями человечества в области государственного строительства; видим растущее национальное самосознание государства; и – Интернационал того времени: мировую, христианскую церковь. Борьба националистов с интернационалистами в раннем периоде европейской истории известна как борьба императоров с папами; те и другие – тираны; борьба – борьба личности пап с личностью императоров. Вдруг мы вступаем в период истории, когда рядом с личностью одного иль личностью немногих подымается вообще право личности (всякой), вне класса и сословия; человек в своем достоинстве вырастает неимоверно; крупные индивидуальности появляются всюду: в науке, в искусстве; фактом существования своего и влияния на окружающих ниспровергают власть одного, выдвигают власть каждого; освобождается личность; и гуманизм расцветает; в очень скором времени он заменяется классовым либерализмом. В XVI-м, XVII-м веках мы видим крепнущую буржуазию; и – видим зерно анархизма, созревшее в восстании личности; правда, оно не прозябло в последующих столетиях; приблизительно в эту ж<е> эпоху наметился и иной идеал: человечество в его целом встает как единство; мы видим – как на противоположном полюсе человеческого устремления вспыхивает заря будущего социализма; тут мы видим фигуры, подобные Кампанелле и Савонароле; первый становится душой заговора против власти Италии; его схватывают и сажают в темницу; вот что он говорит о себе: «Я прошел заключение в пятидесяти различных камерах и семь раз подвергался самой ужасной пытке...» (Цитата)[25]. В тюрьме

пишет он свое знаменитое сочинение о Солнечном Государстве, описывая архитектонику быта и нравов «Города Солнца».

Идеалы анархии и утопического социализма одновременно слагаются; но первая округляется либерализмом; а социализм заостряется после в научную догму. Мы видим подход к крепнущему марксизму, который ныне считается научной идеологией. Так связуется Кампанелла со своей линией истории социализма.

Мы живем в мировой революции; Интернационал поднимает свой голос; острей и острей мы ставим вопрос: что он есть? И – как понимать его? Каковыми войдут в него наши мысли, чувства и воления? Каковы будут в нем проблемы практической жизни? Подходя к этим конкретным вопросам, мы видим, что раскрыть понятие Интернационала *во всей его наглядности все еще нам заповедно; в размышлениях о нем мы расходимся по разным путям, по разному раскрываем лозунги, звучащие в нашу эпоху.* Один из первых вопросов, который стоит перед нами: что есть Интернационал? Переводя это слово на русский, я должен сказать, что оно означает международность (интер – между, национал – народный): международное общение людей, международная форма культуры загадана нам в Интернационале; и возникает проблема, которая подлежит углублению: что же значит «между»? Спаивает ли это «между» различные части разъединенного человечества? Разъединяет ли? Ведь когда говорю «между народами», то подчеркиваю подчас и нечто иное, а именно: есть нечто, являющееся между народами как трение, как препятствие к свободному соединению отдельных человеческих групп. Интернационал имеет и ту, и другую стороны; известные формы интернационала существовали доселе в человечестве; например,

[25] Цит. по биограф. очерку А. Г. Генкеля «Томас Кампанелла (1568–1639)». См.: *Т. Кампанелла.* Государство Солнца (Sivitas Solis). СПб., 1907. С. XXII.

в стремлении людей к международному языку; международный язык – эсперанто, воляпюк, удобные для понимания, стирают, однако, все красочности, богатства и непередаваемые красоты многовековых языковых творчеств: интернациональны почтово-телеграфные сообщения, сети железных дорог: интернациональны удобства цивилизации, производящие революцию в экономической жизни. Оборотные стороны интернациональности знаем мы: где установлены всеобщие нивелирующие формы, там стираются красоты народной культуры; например, в Тунисии имеется прекрасная архитектура; появляются иностранцы и вносят свои интернациональные формы, пригодные для Европы, но непригодные для африканского климата и национального быта, который стирается в них, уступая место нивелирующим машинам цивилизации; в заданиях интернационала есть огромные преимущества, но и опасности. Первый вопрос, занимающий нас – вот какой: не является ли идеал Интернационала ошибочным, не следует ли, углубляя лозунг Интернационала, превратить «интернационал» (международную спайку) в согрупповую спайку, в сонародное объединение? Не конкретизируется ли «интернационал в слове «сонационал», являющим знак органического соединения индивидуальных форм жизни в свободной коммуне коммун, организация которой противоположна механизму? Растущая специализация труда в эпоху власти капитала создает техническое разделение людей, отражающееся на их миросозерцании, в самом взгляде на вещи и на природу вещей. Тема Интернационала нам ставит вопрос о специализации, формах труда и отражении его на человеческой психике, стирающем индивидуальные особенности человека и размножающем стереотипы (тип текстильщика, отпечатанный в<о> многих тысячах экземпляров, тип металлиста). В предыдущей нашей беседе о профессиональном труде профессор Лавров выдвинул вопросы, связанные с организацией труда, упраздняющей трудовые спецификации человека (человека-текстильщи-

ка, металлиста). Вопросы организации могут выявить перед нами представление об Интернационале, не имеющем отношения к механическим представлениям о механически сложенном Интернационале; может возникнуть иной идеал Интернационала, где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих «второго порядка» коммунах близкое слово «товарищ» заменится еще более близкими: «брат» и «сестра»; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки «братски», организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационал искусств, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры. Вот все эти проблемы было бы желательно затронуть в предстоящей беседе. Я в вводительном слове лишь намечаю берега, а не даю какого-либо своего взгляда на «Интернационал».

Но все то уже намечается в утопии Кампанеллы; не будем брать его с точки зрения научной значимости; научная значимость его невелика; просто дороги первые образы, строящие социалистический идеал коммунизма и интернационализма; приблизим те образы: мы увидим – на всей конструкции Кампанеллова Града лежит печать глубокого органицизма. Солнечный Град тщательно нарисован монахом-философом; явлено расположение улиц и самая форма огромного храма, который стоит посредине: тот храм состоит из семи кругов; каждый круг освещается отдельной планетой; подробно описано внутреннее расположение храма. Религия Града глубоко космична; человек здесь сливается с космосом: сообразно с слиянием этим весь быт, указененный, внятно подслушан у самой природы; государственное устройство слиянно с природою нашей; во времена Кампанеллы ученые и философы думали, что свойства людей и их органы связаны каждый с соответ-

ственным органом вселенной; и думали, что человек – малый мир в большом мире, что он микрокосм в макрокосме, согласно такому учению, Солнечный Град Кампанеллы есть микрокосм в большом мире; конституция здесь Платонова: во главе стоит тот, кто прошел все науки, которые в виде образов начертаны на стенах (обучаются в созерцании этих картин); тот, кто все образы знания в себе сочетал, кто прочел книгу мудрости (Солнечный Град обладает одною религиозно-философскою книгою, сочетающей все узнанья солнчан о науках, культурах, религиях, бытах; книга эта читается вслух; мудрость начертана в образах), кто сочетал в себе книгу, того выбирают руководителем государства, и он получает название Солнца; он так же, как солнце, стоящее посредине вселенной, стоит по середине вселенского града, сосредотачивая в себе солнечные идеалы; он – Герофант. Окружен он коллегией; члены коллегии носят названия, соответствующие философским заданиям времени, когда человек рассматривался соответствующим вселенной; центр жизни есть сердце; вокруг – треугольник способностей человека: ум, чувство и воля – Юпитер, Венера и Марс. Согласно с астрологическим строением психики человека с природою мира, коллегия солнечного представителя состояла из трех главных членов, которые назывались: Мудрость, Любовь и Могущество, т. е. Юпитер, Венера и Марс (ум, чувство, воля). В коллегию выбирались лица, которые с детства воспитывались сообразно способностям; штат чиновников, их окружавших, носил название добродетелей; государственное устройство было организовано по одному моральному плану, соответствовавшему природе вещей. В Солнечном Граде заложены идеалы органического коллективизма; человечество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; он светит; и оттого он – Град Солнца. В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся экономической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Выдвигая проблему

о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего индивидуальности психики, языка и культуры; и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем. И на вопрос – интернационал или со-национал, отвечает монах Кампанелла: «Со-национал!»

Вот – вводительные слова, которыми я хотел бы открыть наши прения. За собой сохраняю я право еще выступить со словами. <...>[26]

[Понятие культура...[27]]

Понятие культура отличается необыкновенной сложностью; легко определить понятия «наука», «искусство», «быт»; культура есть некая целостность, некое органическое соединение различных сторон человеческой деятельности; поэтому проблемы культуры возникают уже тогда, когда сорганизованы: быт, искусство, наука, личность и общество. Культура есть некое сознательное творчество жизни; поэтому культура определяется ростом человеческого самосознания; пока самосознание не окрепло, процесс культурного строительства – находится в зародышевом состоянии; зародышевой период культуры – теогонический процесс; теогонии Китая, Индии, Персии, Иудеи, Греции и т. д. суть стадии зародышевой жизни культуры; рождение культуры в собственном смысле (вне-национальной, а общечеловеческой) совпадает с отрывом личности от рода и обнаруживается в крепнущем противоречии лично-

[26] Далее в сохранившемся отрывке стенограммы следует начало выступления А. З. Штейнберга.

[27] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 67. Один из вариантов начала реферата «Пути культуры» (1920). См.: *А. Белый.* Душа самосознающая / Сост. и статья Э. И. Чистяковой. – М., 1999. С. 531–536.

сти и общества; всемирно-исторический смысл культуры в гармоническом сочетании *коллектива* и «*Я*»; борьба экономического материализма с идеализированным фетишом собственничества есть борьба, где от половины мира борются негодным оружием; одни понятие «идеал» заменяют понятием «капитал»; другие, обобществляя капитал, не догадываются, что они обобществляют идеал. Обе стороны базируются на материализме; одни под «духом» разумеют материю; другие под «материей» разумеют дух.

Но – материя уничтожена наукой; между тем она основа механического мировоззрения; пора понять, что коллектив есть индивидуально растущий организм и что личность свободно выходит из своих рамок, индивидуализируясь в коллективе.

В историческом выявлении этого – путь культуры; личный произвол и государственное право суть две формы проявления царства необходимости; в разрыве личности и государства – первый пророст царства свободы. Это царство в зародышевом состоянии складывается под формами разных культур, мучительно рождается в противоречиях личности и общества и впервые выпрямляется во весь рост в культуре, к которой мы идем.

Учитель сознания (Лев Толстой)[28]

1.

В «Дневнике» Льва Толстого встречают нас истины мудрости; многое из того, что им сказано, сказано над-индивидуальным сознанием, называемым в терминах философии Индии *Манас*, который есть «Я». Но «Я» – дух.

Появление в истории «Я» проблемы рисуется в великолепнейшем образе Кришны ученику пути Йога, Арджуне.

[28] Печатается по изд.: Знамя. 1920. Декабрь. № 6. Стлб. 37–41.

Арджуна средь поля брани горюет: «*Лучше питаться подаянием... чем убивать... И не ведаем, что лучше... быть побежденным или победить*» (Бхагавот-Гита). И Кришну ему отвечает: «*Человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается и не умирает. Взирай лишь на дела, а не на плоды его... Отдайся Йоге; Йога есть искусство в действиях*» (idem). Путь этих действий ведет к отрешенью от действий бесцельных; Йога – учение о внедействии в действиях, о покое в борьбе.

На вопрос Арджуны, как выйти из войны, указуется Кришну наука: то – Йога. Не внешний отказ рекомендует она, а особые действия пресуществленья борьбы; очищение *действием* действий есть йога. «Пусть Йог... упражняется в йоге... его не потрясет даже самое тяжелое горе» (idem).

В чем йога? В умении подчинить себя высшему «Я». И кто Кришну? Он –«Я», разорвавшее личность Арджуны, личинку; он есть «Я» Арджуны, космическое сознанье его: «*Я есть источник возникиовенья вселенной*». Люди суть пальцы одного организма, укрывающиеся друг от друга перчаткой, надетой на них, где перчатка суть коросты чувственной, личной жизни.

Как сбросить ее?

«*Замкнув все врата, разум заключив в сердце, сосредоточив жизненное дыхание в голове... Кто покидает свое тело. Повторяя... Дум, думая обо Мне, тот достигает*» (idem беседа восьмая).

В йоге – две стороны: 1) погружение в сердце ума. 2) оживление сознания; путь погруженья ума – есть путь мистиков; путь оживления сознания – гнозис; два делания сочетаются йогою: деланье головное (или умственность) с деланьем сердечным. История самосознания человечества есть рассказ о двух путях: о мистическом странствии и о гностическом странствии человека в эпохах; но оба пути – лишь перчатки, которые надо нам сдернуть; лишь в йоге становимся мы перед «Я», отрешенным от коростов чувственных не ставшим – рассудочным «Я», или абстракт-

ным «субъектом познанья» философов нового времени. «Я» – имя Бога: «Я» – высшее; но это «*Я*», в нас рождаясь, является нам, как «Он» в нас: «Отче Наш!» После «*Он*» открывается в нас, как «Я» подлинное в «Я» неподлинном; и о том гласит Кришну: «*Чувства велики; выше чувств – ум; выше ума – чистый разум; выше чистого разума – Он*» (Idem).

«Я» – импульс Любви; «Я» не то, что глядит па объекты лежащего мира, а то, что связует объекты с субъектом и делает: «Я – это Ты».

Йога это вскрывает конкретно: вот путь обретения покоя в борьбе, разрешенье проблемы, поставленной среди брани Арджуной.

2.

Толстой есть предтеча грядущей Любви; «Он», иль Голос, читающий знаки судьбы человека, уже раздавался в нем явственно; голос тот – Манас; «Он» – демон Толстого, подобный Сократову демону; и «Он» – больше; «Он» громче, звучней, повелительней; «Он» произнес из Толстого Толстым свое слово: и «Им» стал писатель Толстой нашим новым учителем. В «Дневнике» Лев Толстой называет «Его» то «Отцом», то «Хозяином».

Манас – орел, распростертый над личным сознанием нашим, как Знание о сознании мировом: два крыла Его есть две стороны Разума: 1) сторона, облеченная в ясность дневного сознанья рассудка и 2) сторона над-рассудочная, безъясная, не открытая в слове; мы знаем: об этой последней гласит философия Владимира Соловьева рассудочно; и молчат бессловесно великие посвященные в Манас. И тот, и другие являют Орла однокрылым; Орел не взвивается явно для всех. Он взвивается явно в Толстом.

Этот ведает соединение Манаса с Жизнью; его сознанье «О жизни» есть верх опрозрачненной ясности в разоблачении Манаса древней йоги; здесь ясная мысль изрекается образом мудрости без рассудочной ряби на ней; в Соловь-

еве еще много ряби; и он непонятен народу; понятен – Толстой; и поэтому может во внятное слово свое он вложить углубляющий смысл; его мысль уж не зеркало отражения берегов в воде мысли, а самая глубина опрозрачненных вод, выявление жизни воды с ее «*рыбами-мыслями*»; можно закинуть в Толстого наш невод, и вытащить «рыб», и конкретно «питаться» всю жизнь; отражением берегов на воде, отражением даже небес «философии» Соловьева не напитаешься в жизни; все «*рыбы*» Л. Толстого суть новые смыслы рассудочных смыслов; до осязания Манаса в ясных, мужицких словах Соловьев не возвысился; и стал «философом» только; Толстой стал учителем.

Лев Толстой заключает Сократа в себе; заключает в себе и Силена (грохочущий хаос таинственной, дионисовой жизни); но «*Силен*», обитающий в мире Толстого, вступает в борьбу с восстающим «Сократом»; в себе натыкается тот, кого чтит уже мир, как художника, на другого, который «*и подл, и тщеславен*»; «*Стал думать о себе, о своих обидах... И опомнился... И хорошо стало... стало быть есть тот, которому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич*»[29].

Подлинно мощным Сократом в Толстом пребывает Декартово «Cogito»: «*Разум... орудие для познания, поверка, критика*»...[30]

Мы «*знаем нечто... таким, какое оно есть*»... – «*Что же?*» – «*То, что познаем. Оно именно такое, каким мы его знаем*»[31]. Но познанию выдвигает Толстой цель познанья; познанье без цели – безумие, как бы не было логично оно: «*Разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои суждения по порядку их важности*»[32]. «*Рассуждение, не связанное*

[29] «Дневник» (*примеч. авт.*).
[30] Idem (*примеч. авт.*).
[31] Idem (*примеч. авт.*).
[32] «О жизни» (*примеч. авт.*).

с общей целью... безумно, как бы не было оно логично»[33]. Отсутствие цели в распределенье понятий и создает все безумие абстрактных выводов наших о том, что есть жизнь: «*Не то, что мы называем наукой определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой»*[34]. «*Должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука»*[35]. «*Говорят... наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том то и дело, что у всякого предмета сколько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа – и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны... нужнее*». «*Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем*» – этот тезис Конфуция выдвигает Толстой неустанно.

Чудесно вскрывает Толстой в своей книге «О жизни» весь ряд совершаемых нами смешений в определении жизни при помощи разных служебных и жизни же подчиненных абстракций; вскрывает, что жизнь начинается там, где – сознание; жизнь и сознание есть то же; родимся мы в жизни лишь тогда, когда мы осознаем в себе центр сознания, а не когда биологически мы появимся на свет; появление наше на свет не есть жизнь (жизнь-сознание): «брызнь» это. Уразумение голоса собственной жизни, уразумение «Манаса». «*У меня были времена, когда чувствовал, что становился проводником воли Божьей... Истина проходила через меня... Дай Бог, чтобы прохожденье их (истин) через меня не осквернило этих истин»*[36].

Кришну учит: «*Я – Манас; из всех существ Я – сознанье*». Сознание собственно в нас это – Манас. Толстой утверждает, что жизнь есть Сознание; этим становится он выразителем в новом обличье учения Кришну. В нем появляется снова стремление к конкретной, практической му-

[33] Idem (*примеч. авт.*).
[34] Idem (*примеч. авт.*).
[35] Idem (*примеч. авт.*).
[36] «Дневник» I, стр. 251 (*примеч. авт.*).

дрости; эту науку практической мудрости он называет духовной наукою, ищет следов ее в истинах мудрости у всех веков и народов: «*Суеверий тысяча, а не вер; учений же вер... нет и десяти, и все они сводятся к одной и той же вере, только иначе высказываемой*»[38]. «*Религия есть сознание тех истин, которые... понятны... и несомненны как 2x2=4. Дело религии... выражение этих истин*»[39]. Путь выражения – деланье: йога: «*Когда истина... выражена, она меняет жизнь*»[40]. Манас в нас прорезается в праксисе мира сознания; всякая философия – праксис; индусская йога глядит точно так же; познание наше йогично. Толстой говорит: «*Материалисты... не знают, что сделали в критике познания индусы*»[41].

3.

Йога – ученье для избранных и немногих; Толстой открывает преддверия йоги для всех; отныне, с Толстого, йогизм – есть всемирное дело, «мужицкое» дело. Он – веяние Манаса, бывшего лишь сознаньем немногих когда-то; но ныне настала эпоха иная: вошло человечество в возраст, когда ему Манас откроется так же, как ныне открыты законы рассудка для каждого, кто изучает науку: она – всем доступна.

Толстой – выразитель доступной всем Мудрости: он – откровение грядущей культуры. Восставши, пошел Лев Толстой перед всею Россией в огромные шири вселенского света; уход Льва Толстого сперва из уже обветшавшей культуры, потом и из дому, сквозь смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ.

Бессмертие приблизилось.

И голос Толстого есть Голос иного, сходящего мира. Сквозь все испытания встретим достойно Его.

[37] Сочинение XV том, «О верах», 330 (*прим. авт.*).
[38] XV том, «О религии» (*прим. авт.*).
[39] Idem (*прим. авт.*).
[40] «Дневник» I, стр. 53 (*прим. авт.*).

Прения по докладу Андрея Белого «Антропософия как путь познания»[41]

Штейнберг. Виньетка; трудно коснуться: антропософия; докладчик хотел за-менить антропософией слово философия; когда говорится антропософия, когда *вместо* Софии <подменяется?> не тео-, а антропософия, София → становится женой; попадает в психологизм; эта конкретность дышит идеей непрерывности Декарт<а>, который, Декарт, открыл: существую, следовательно, мыслю: непрерывность, сознание; сознание разрывает; <если б мы?> треугольник могли бы заменить <1 нрзб.>, на фоне которого могли отрываться; не есть ли антропософия мудрость сочетать в человеческих формах, не есть ли *культура*. Если бы предрассудок о прогрессе не гласил: мы отбрасываем тень; *нельзя реку повернуть вспять*; в мире текучем есть линия течений жизни <1 нрзб.> – процесс, то Платон *прав*; завершенное, идеальное, неделимое в основе, неделимость должна впитать в себя множество неделимост<ей?>, тогда бы мы иначе подошли бы к софизму; мы не можем отказаться от всего нашего прошлого, вместо *умирания* и *воскресения*, надо дойти до конца. Если мистерия должна открыться, то → преодолеть время: борьбу с временем: *весть* = *совесть*.

Товарищ **Можецкий**. Новая система раскрытия конкретного Духа. Отвести упрек от софистики: *софистику* я отбросил: я выбросил ее; возьмем хотя бы и греческую софистику, разве не было тоски и искания. Конкретность

[41] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 40. В верхней части первого листа пометы рукой Иванова-Разумника: «Вольфила. Записи А. Белого прений по докладу и его возражения»; «Автограф А. Белого». Тема доклада устанавливается по содержанию прений; в течение лета 1920 г. Белый читал в Вольфиле курс «Антропософия как путь сознания». Рукопись представляет собой беглую запись карандашом, поэтому многие слова читаются предположительно и не всегда складываются в связный текст.

творения; а новейшие схоласты, а Ласк? Разве здесь нет трепетного искания (пятится раком). Абстракт<ное> и конкрет<ное> сплетаются (*Яковенко*: философствующий мешает философии); новое творчество: догматизация → человеко-бог; утверждение себя Богом; что абсолют, т. е. *догматизм*; абсолют → ритм; творчество → скелетизированное, мертвый палец, только конкретность; конкретность не была показана (Я был в Африке), закончено «творение», но не думайте, что вы правы (не думаю), не бойтесь личности (о личном и «индивидуальном»); проскальзывало самообожествление.

Гизетти. *Введение в курс*: докладчик назвал виньеткой, *докладчик находится во власти мысли*; *единое «Я» – нет*, дело шло кругом и около; главное ускользало: это главная моя особенность; вне <тела?> этого синтеза: материалы сознания подавляют (не хочу системы: о синтезе, о единстве); только стремления, переходящие в потуги: не ответы (вопросы); в этой виньетке не хватало главного (венок вокруг центра); где тезисы: непрерывность образов → искание всеобщего синтеза. Попытка взлета, но не взлет к *пути*. Переходя к пути: оправдание человека можно ли создать универсальный синтез, отрицая этапы познания; нужно принять и признать творчество гносеологии; а может быть, дух<овное> знание и вырастет на том и другом. К чему Синтез сводится: поставление Человека в недолжное положение. Антропос<офия> не может быть принципом: *понять границы Силы* (но если антропософия заря целых столетий); история роста и совершенствования личности: не человек, не бог, а *личность* (не личность, а индивидуальность). Не может быть завершения истории. Человек лишь мост, а не цель.

тов. **Гарт**. Философия занимает<ся?>, что Бог, мир, человек? О Боге дает искусство (образами), другое → в словах 2 типа, философия больше искусства (но новая философия → <нелична?>); может быть <2 нрзб.> <знать?> о Боге (но Кант доказал, что нет).

тов. **Корчевский**. Слабая сторона указана; положительная сторона доклада; популяризация образами; попытка объединить весь наличный опыт человека; заключительные слова: *антропософия. Отрицательная*: отсюда источники заблуждений; не имел бы понятия об университетской философии; не сторонник философии: *гносеологии*, а не этика, метафизика (ценю Канта в аналитике); она стремится к системе; не имел в виду всей философии, не имел в виду метафизики, этики: не философия интуитивизма; у меня есть стремление к Лосскому; но *вчувствованию*, *интуиции* надо научиться; у Лосского.

тов. **Эрберг**. В качестве возражения Штейнбергу; Штейнберг → философия; философия стремится к объективной истине (но истина есть прорастание индивидуально истинному); но опасность: *психологизм*, одевает в определенные одежды то, что не одевается одеждой, «путь – жизнь» довольно; артистизм в философии должен быть.

тов. **Кристи**. Разъяснения 1) Оппоненты обвиняли, что отрицаю философию: это недоразумение; это преходящее по-моему; последний подход → антропософский; последняя фаза; Штейнберг → метафизичен, догматичен, антропософизм → верно. 2) Мне надо разъяснить тов. Гизетти: обвинение в догматизме неверно, должна быть вера (да: а то смысл строить <имеет?> и <1 нрзб.>) антропософическое не есть завершение (лишь теперь передовой идеал).

Раз. Вас. Иванов. Кто прав? Уничижаю ли я софизм? Или: 2 великих мир<овых> волны; одна сменит другую. Вопрос? В чем же я вижу последнюю *истину*: это и есть *идеал*; идеал отличает время → «+», а не «-», за время ли я? Или я с Штейн-бергом? Кроме слов антр<пософия, антроподицея, о *личности*: человек есть мост (но мост если из чугуна, то в небо не въедешь: не аршин и демократия; а *антропократия* (иерархия любви и свободы): человек человеку человек.

Что такое максимализм[42]

Зачем читаю? Типы чтений. Совместное действие. Зеркало. Содеянная действительность. Безпланность. Ответственность.

Максимализм как максимум партии или партий <...>[43]; его осуществления в *минимализме*.

Максимализм в науке (уши, нос, глаз); мозаический образ максималиста – система наук данного времени <...>; пример: макрофизика; ближайшее <?>; максимум ближайшего шага: *антропоморфизм*, человеческая наука. *Не абстрактность* (рабочие гипотезы).

I. *Вывод к частному*: поступок, конкретизация; осознать *последнее* – понять необходимость *конкретного первого шага* (революцию надо делать задолго до революции в себе).

[42] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 45. Тезисы впервые опубликованы нами в журнале «Вопросы философии» (1999. № 6. С. 81–82). Архивный материал, атрибутированный его обработчиками как «тезисы и наброски к статье» – «Максимализм в науке», включает два близких по содержанию документа, являющихся в действительности черновым и беловым вариантами тезисов выступления Андрея Белого в ВФА. Заголовок был сформулирован, вероятно, по черновой записи, где слова «в науке» (первая строка текста) приписаны позже карандашом. Публикуя тезисы этого выступления, мы возвращаем им первоначальное название: «Что такое максимализм». Такое наименование, а также точная датировка документа непосредственно следуют из заметок, оставленных самим писателем. В своем «отчете», опубликованном в берлинской «Новой русской книге», Белый указывал: «К темам открытых заседаний 1921 года относятся следующие доклады и беседы: Л. В. Пумпянский "О героической морали", А. Белый "Что такое максимализм"...» (См.: Наст. изд. Кн. 2. С. 187). Ввиду того что в публикуемых тезисах встречается прямая ссылка на выступление Пумпянского, можно со всей очевидностью предположить, что доклад Пумпянского был заслушан 17 апреля на LXIX открытом заседании ВФА, а 24 апреля, на очередном LXX заседании, с докладом «Что такое максимализм» выступал Андрей Белый.

[43] Здесь и далее две авторские схемы не воспроизводятся.

II. *Ощущение позитива* (эволюция, революция); желанная катастрофа; *эволюция революции* как процесс осознания толчка (этот *post factum*[44] должен быть = «*prius*»ом[45]; *пассивность революционеров и масс*; максимализм – бунт революции в эволюции и бунт революции в революции; он *революция революции*; ощущение преступности для других (тогда пророк), для себя (тогда слабость); Петр и Раскольников.

III. *Проведение в жизнь – согласие с мировоззрением*, как труднейшая проблема *морали*; но мировоззрение тут эмпирично; моральная фантазия. Свой взгляд на акт познания.

IV. *Максимализм* не *что* (партии, предмет знаний), а *как* (это сперва); «*что*» этого как опять «*как*» (конкретное *как* – ритм, слух; абстрактное *как* – метод); *как* действует *максималист*; не мир ему мешает, а он себе. Отсюда: a) *максим<ализм>* в эстетике: не целесообр<азность> без цели, а *целесообразность как цель*; *целое*; это целое *художник*; творчество жизни: Гоголь, Пушкин, Лерм<онтов>, Толстой, Достоевский; b) *в познании*: беспредметная мысль: *Как мы мыслим*?; опыт построения картин мира, как действит<ельности?>; c) *в этике*: не императив, а произвол, но «*Я*», себя осознавшего, а не «ся»: «Я» – хочу, а не хочет«ся»; жизнь в «сях» → стадо: императив – кнут пастуха; *самопознание*; этика без самопознания – ничто; d) *в общественности*: не присоединение к партии, а создание партии; партия – *pars*: часть; максимализм – целое.

V. Очерк мировоззрения максималиста: «я – мы»: создание мира, «Я» не зависит от мира, но мир от меня, однако: ответственность за себя, как за мир: *соблазн* последней передержки; и это выразить абстрактно (героическая мораль Пумпянского). Максимализм в первом шаге: удивление, пафос, горячность.

[44] Здесь: свершившийся факт (*лат.*).

[45] Здесь: началом (*лат.*).

VI. Максималист – преступник; он – целое, а мир – *партии*; ему нет места; <он> мешает; его убивают; до первого шага он должен умереть; вернее: его смерть и есть первый шаг, но – *как* умереть? *Сознательно*: умереть в других (убийство), в себе (самоубийство): Эмпедокл, Ницше, Сократ, Толстой, Апостол Павел. Стиль максимал<изма> породил: <типы – *зчркн.*> *Факир* и Борджио: Борджио; гнусность инквизиции.

VII. *Ответственность*: минимализм все ставшее, положительное: *положение* = лог – лож, лог, Luge[46]: положительны человек-шарлатан (патриарх); «*негодяй*», вылупляющийся из полож<ительного> человека – «почтение»; полож<ительный> чел<овек> – «вагнер»; а «негодяй» в нем – мефистофель.

VIII. Фауст: «*Wer im<mer> str<ebend> sich bemuht*»[47]. Эмпедокл и Фауст: «*Das Unbeschreibliche hier ist <es> getan*»[48]: максималист позитив<ен?>. Но Гете нужно оттолкнуть.

И смерть Фауста.

Себе на память[49]
Работа в Петербурге в 1920 году. Февраль – июль.

Февраль 30. Председательствую на публичном докладе Иванова-Разумника «Скиф в Европе». Вольно-Философская Ассоциация. Прения.

Февраль. Заседание Совета Вольн<о>-Фил<ософской> Ассоц<иации>.

[46] Ложь (*нем.*).

[47] «Кто жил, трудясь, стремясь весь век, – / Достоин искупленья» (*Гете.* Фауст. Т. 1. С. 429 Пер. Н. Холодковского).

[48] «Как сущность конечная, / Лишь здесь происходит» (Там же. С. 434).

[49] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 96. Л. 11об.–15. Текст заметок воспроизводится в той части, которая касается деятельности Андрея Белого в Вольфиле, без авторской нумерации выступлений и указаний на Петроград.

Март 7. Публичная лекция «Философия культуры». Прения. В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 14. Публичная лекция «Толстой и культура». В.Ф.А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 21. Председательствую на диспуте «Пролетарская культура и прин<имаю> участие в прениях. Зимний Дворец. В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 28. Председательствую и приним<аю> участие в прениях на публичн<ой> лекции проф. Лосского «Бог в системе органического миропонимания». В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 9 «Культура мысли».
Март 11 «Культура мысли».
Март 13 «Культура мысли».
Март 16 «Культура мысли».
Март 18 «Культура мысли».
Март 20 «Культура мысли».
Март 23 «Культура мысли».
Март 25 «Культура мысли».
Март 30 «Культура мысли».

Курс лекций при «Вольно-Философской Ассоциации»

Апрель 7. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции проф. Лаврова «*Философия труда в произв. процессе*». В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Заседание Членов Совета В. Ф. А. с америк<анскими> анархистами (у меня).

Апрель 18. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции академика Венгерова «Пушкин – декабрист». В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Заседание В.Ф.А., обсуждающее систему курсов при В. Ф. А.

Май 3. Публичный диспут от В. Ф. А. в Зимнем Дворце «Солнечный Град». Принимаю участие в прениях. Председательствую.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Заседание, организующее курсы В. Ф. А.

Май. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Май 16. Председательствую и диспутирую на публ<ичной> беседе В. Ф. А.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май 17. Выступаю оппонентом на курсовой лекции Иванова-Разумника «Философия культуры». В. Ф. А.

Май 23. Председательствую и оппонирую на публ<ичных> докладах Штейнберга «Юдаизм и христианство» и А. Мейера «Язык<ество> и христ<ианство>». В. Ф. А.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Май 24. Оппонирую Иванову-Разумнику на его курсе «Фил<ософия> Культ<уры>». В. Ф. А.

Май 25. Оппонирую Эрбергу на его курсе «Филос<офия> Творчества». В. Ф. А.

Май 27. Оппонирую Штейнбергу на его курсе «Основные вопросы философии». В. Ф. А.

Май 30. Моя публичная лекция «Ветхий и Новый Завет». В. Ф. А.

Май 15 «Антропософия как путь самопознания».

Май 22 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 2 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 5 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 13 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 19 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».

Курс лекций при В.Ф.А.

Июнь 23 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 25 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>».
Июнь 30 «Антр<опософия> к<ак> путь самоп<ознания>». — Курс лекций при В.Ф.А.

Июнь. Беседа с ритмическим кружком Бакрылова. В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь 6. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции Эрберга «Искусство – бунт». В. Ф. А.

Июнь 7. Мой доклад «Культуры и расы» в семинаре курса Иванова-Разумника.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь 13. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции Гизетти «Личность и Общество». В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь. Беседа с курсантами курсов В. Ф. А.

Июнь 17. Оппонирую Иван<ову>-Раз<умнику> на его курсовой лекции «Русская Литер<атура> начала XX века». В. Ф. А.

Июнь. Оппонирую на курсовой лекции Штейнберга по философии. В. Ф. А.

Июнь 30. Председательствую на диспуте «Почему интересует религиозная проблема». Оппонирую. В. Ф. А.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь. Оппонирую на курсовой лекции <Иванова->Разумника «Литер<атура> XX века».

Июнь. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции проф. Аскольдова «Философия чуда». В. Ф. А.

Июль. Интимная беседа-вечер в В. Ф. А. Проводы меня в Москву.

Июль. «Вечер Андрея Белого» Публ<ичное> Зас<едание> в В. Ф. А.

[1921]

Апрель. Заседание Совета Вольно-Филос<офской> Ассоциации.

Апрель. Организационное заседание В. Ф. А. «Вопрос о Курсах».

Апрель. Клубный реферат Бруни. Прения на нем. В. Ф. А.

Председательствую и участвую в прениях на публ<ичной> лекции Пумпянского. (Не помню темы).

Апрель. Заседание Совета Вольно-Фил<ософской> Асс<оциации>.

Апрель. Выработка программы работы отделов на май и июнь. Заседание В. Ф. А.

Апрель. Мой доклад в секции «Отдел Символизма» В. Ф. А. «Структура Символизма».

Апрель. Клубное (понедельничное) заседание В. Ф. А. Прения.

Апрель. Председательствую на семинарии по «Символизму». Беседа. В. Ф. А.

Апрель. Публичная лекция моя «О максимализме». Прения. В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Председ<ательствую> на семинарии по Символизму. Беседа. В. Ф. А.

Май 1. Встреча Пасхи. Интимная беседа в В. Ф. А.

Май. Выступление и председ<ательствование> на митинге В. Ф. А., посвящ<енном> Бакунину.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Клубная беседа (понедельник) в В. Ф. А.

Май. Семинарий мой в секции Символизма (у меня). Беседа.

Май. Прения в отделе «Филос<офия> Культуры» на докладе <Иванова->Разумника «Христианство и Социализм».

Май. Председательствованье на публ<ичном> докладе проф. Васильева «Теория относительности». В. Ф. А.

Май. Клубная (понед<ельничная>) беседа в В. Ф. А.

Май. Семинарий в секции Символизма (у меня). В. Ф. А.

Май. Прения на докладе Ольги Форш. Отдел В. Ф. А.

Май. Моя лекция «Философия Символизма» в отделе В. Ф. А. Прения.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Председательствование и участие в публичном митинге В. Ф. А. на тему «Наполеон».

Май. Клубная (понедельничная) беседа в В. Ф. А.

Май. Мой семинарий в секции Символизма (у меня). Беседа.

Май. Моя публичный доклад в секции Символизма «Символизм и теория знания». В. Ф. А.

Май. Прения на публ<ичном> докладе художника Матюшина в секции «Изобразительных искусств». Ссора с Матюшиным. В. Ф. А.

Май. Председательствую на какой-то публичной лекции в В. Ф. А. (Не помню лектора[50]).

Май. Семинарий мой в секции «Символизм» (у меня). Беседа.

Май. Прения на докладе Сабашниковой «Сказка Гете» в публ<ичном> заседании отдела Символизма. В. Ф. А.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Прения в клубном заседании (понедельник) В. Ф. А.

Июнь. Семинарий по Символизму (у меня). Беседа.

Июнь. Прения после публичного доклада А. А. Мейера в отделе «Философия религии». В. Ф. А.

Июнь. Публичная лекция Чебышева-Дмитриева «Не герои». Председательствую. Участвую в прениях.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Чтение «Крещеного Китайца» в моей интимной секции.

[50] Сверху, на полях, приписано: «Память моя ослабела, и, может быть, в перечне есть ошибки (пропуски или неверная отметка месяцев)».

Июнь. Публичное чтение поэмы «Первое свидание» в В. Ф. А.

Июнь. Прения в клубном заседании В. Ф. А. (доклад о Шпенглере).

Июнь. Публичное чтение «Крещеного Китайца» в секции «Символизм».

Июнь. Прения в отделе точных наук. В. Ф. А.

Июнь. Прения после доклада Р. В. в отделе «Филос<офия> Культ<уры>» В. Ф. А.

Июнь. Публ<ичное> чтение «Крещеный Китаец» (продолжение) в секции «Символизм».

Июль. Прения и содоклад Пумпянскому «Естествознание Гете». Публ<ичное> засед<ание> В. Ф. А.

Июль. Заседание Совета: организация Философского Съезда.

Июль. Заседание по организации лекций В. Ф. А. в разных городах России.

Июль. Прения на тему «Антропософия» (интимное заседание у меня).

Июль. Председательствование на публичной лекции В. Ф. А. (не помню, какой).

Июль. Заседание Совета В. Ф. А.

Июль. Клубное заседание В. Ф. А.

Август. Интимная беседа о символизме (у меня). В. Ф. А.

Август. Участие в семинарии Пумпянского. В. Ф. А.

Август. Организац<ионное> заседание, вырабатывающее программу «Месяца посв<ященного> Достоевскому»[51]. В. Ф. А.

Август. Заседание публичное, посвященное памяти Блока. Председательствую. Вводительное слово. В. Ф. А.

Сентябрь. Организационное заседание В. Ф. А. Прения.

Сентябрь. Интимная беседа В. Ф. А., посвященная Блоку.

[51] Вероятно, Андрей Белый подразумевает «понедельничное» заседание Совета ВФА, которое состоялось 12 сентября.

Октябрь. Заседание организационное В. Ф. А.

Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке». Публичное засед<ание> В. Ф. А.

Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке» (продолжение). В. Ф. А.

Октябрь. Интимное заседание В. Ф. А., посвященное проводам меня заграницу.

Из книги «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928)[52]

Ленинградская «*Вольно-философская ассоциация*» стала одно время и моим личным, и моим индивидуальным (т. е. индивидуально-социальным) делом; я связался и с ее деятелями, и с ее лозунгами, и с ее ширящейся, но организуемой многообразно аудиторией, и с темпом ее работ. В расширении своих «*антропософских*» представлений я встречал и препоны, и злой подозревающий глаз со стороны иных антропософов; наоборот: иные из неантропософов тут мне оказывали незабываемую горячую братскую поддержку; не забуду и истинно *нехорошего* ко мне отношения антропософки Волошиной (1921–1923 годы), унижавшейся до распространения обо мне небылиц; не забуду и братского отношения ко мне ставшего мне родным Иванова-Разумника.

В. ф. а. («Вольно-философская ассоциация») в 1920–1921 годах развертывалась в Петербурге в большое культурное дело, могущее вырасти в ассоциацию «*Вольфил*» по всей России; и не ее вина, если механические препоны положили предел ей Ленинградом; в Ленинграде темп ее работ был стремителен, продуктивен, многообразен; 300 публичных собраний за три года жизни – одна эта цифра указывает на

[52] Печатается по изд.: *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л. А. Сугай. – М., 1994. С. 477–478.

размах «*В. ф. а.*»; не упоминаю ее кружков, ее курсов, ее интимных собраний[53] и т. д. В 1922 году она вынужденно сжималась, а в 1924 – вынужденно перестала быть.

В 20 и 21-м годах мне пришлось «*5*» месяцев, потом «*6*» месяцев работать в центре «*В. ф. а.*» как председателю и члену совета; организационные задания всецело поглощали меня; и особенно радовало, что «*В. ф. а.*» – не общество, а – *ассоциация* людей, связанных в исканиях новой *культуры* (мысли, общественности, искусства); думаю: если бы западное «*А. о.*» приняло дух ассоциации, разбив

[53] Намекая на близость т. н. «интимных собраний» (заседаний Совета петроградской Вольфилы по понедельникам) к полулегальной «антропософской деятельности в недрах Вольфилы», Е. В. Иванова вольно или невольно мистифицирует их содержание: «Неразгаданной остается роль в Вольфиле конфиденциальных собраний Совета, о которых упоминает Белый в "Ракурсе к дневнику": "Интимные (понедельничные) беседы членов Совета ВФА". <...> С отъездом Белого в июле 1921 года в Москву... эти упоминания обрываются, и никаких других сведений об этой закрытой стороне деятельности Вольфилы нет» (*Е. В. Иванова.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 15). Между тем, в Берлине Андрей Белый раскрыл «секрет» этих «интимных» заседаний: «Члены совета одного философского общества (уважаемый критик, почтеннейший теоретик искусства, философ, писатель) устраивали в Петербурге собрания – для членов совета (еженедельно); неделя была переполнена: курсы, кружки, семинарии; по воскресеньям собрания в переполненном зале с упорными прениями, по понедельникам же – коллоквиумы для себя; или – ставилась тема (культурная), или кто-нибудь из четырех избирался, как жертва; и на устои его мировоззрения делались нападения; разгорался серьезнейший спор: так трепали друг друга, что пух летел; заседанья публичные, очень живые и длящиеся часами, казались скучными перед острейшими, напряженнейшими беседами этих четырех уж почтенных энтузиастов; один член совета являлся на эти собранья из Царского, а другой, истощенный докладами, заседаньями и стоянъем в хвостах, пересиливал одолевавшую слабость; он – молодел на беседах; здесь-то именно высекались в сознании темы еще не написанных книг» (*А. Белый.* О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1922. № 1. С. 231–232).

каркас «*общества*» и проведя грань между исканием братства и формами государственности, многих бы безобразий в смешении линий «*экзо*» и «*эсо*» – не было б вовсе; и лучше бы поняли идею социальной трехчленности Штейнера, утопленную его учениками; эта-то трехчленность, как ритм устремления, и лежала в основе «*В. ф. а.*»; и закладывалась независимо от идей Штейнера нам, членам совета «*В. ф. а.*», неизвестные в 1919–1920 годах; здесь воля, мысль и социальное чувство искали по-новому связаться с понятиями «*свобода*», «*философия*», «*ассоциация людей*»; и самое название «*Вольно-философская ассоциация*» отражало трехчленность; мне же она отражала еще и мою трехчленность, где сфера *символизаций* виделась в свободном многообразии обрастающих «*В. ф. а.*» отделов, подотделов, кружков и в свободном многообразии братски борющихся мировоззрений, ищущих свободно сложиться в культуру их круга; здесь сферою *символизма* являлось мне самое заострение проблемы культуры как *принципа* и культур, в ней лежащих, как модификаций (символизаций); сферой же искомого символа мне было самое прочтение принципа культуры как ритма и ритма как выявления человеческого Духа из свободы («*Дух дышит, где хочет*»). Интимная жизнь деятелей «*В. ф. а.*» в их работе мне вспоминается в лабораторном вынашивании идей-лозунгов, учуянных снизу, в потребностях к нам притекавших масс, которые мы старались понять и приподнять в оформлении дня и минуты как в лозунге, но лозунге – симптома ритма (Символа); в этом смысл мы, члены совета «*В. ф. а.*», не имеющей членов, но массу и «*совет*» и были *властью*, но властью *Советов* или органов, кружков, устремлений, обраставших «*Вольфилу*»; поэтому «*власть совета*» здесь всегда была лишь *властью* минуты, властью оформленной индукции, снизу питавшей нас; эта власть носила чисто символический, ритмизационный характер; она была властью постольку, поскольку она угадывала пульсацию вольфильского сердца; поскольку же не угадывала, она мгно-

венно свергалась, ибо «*совет*» постоянно поднимал вопросы о свержении себя; и в поднятии этого вопроса постоянно получал мандат к власти: выдвигать лозунги; единственная организация, состоявшая из массы и советской четверки, бессменной по власти «*Советов*» массы с председателем, мной, являющимся лишь эмблемой *совета*; и потому – бессменным (опять-таки – не по своей воле).

Новизна ритма работы увлекала меня; и, разумеется, – душой, подлинным уловителем ритма жизни «*В. ф. а.*» был, во-первых, Р. В. Иванов; во-вторых, члены совета; в-третьих, молодежь отделов и подотделов; и, наконец, вся масса публичной аудитории, т. е. *тысячи*.

Разумеется, «*В. ф. а.*» была не на уровне своей великой идеи: быть тотумом, ассоциацией, а не партией, обществом; но «*В. ф. а.*» сознавала это, не выдувая из соломинок мыльных пузырей несуществующей эсотерики, интимности, братства; в этой суровой и честной правде складывалась своя интимность: интимность ничем не прикрытого стремления – к правде, какою бы она ни оказалась без фиговых листиков и виньеток, заглавий правды.

Не могло подняться вопроса о том, что «*В. ф. а.*» о правде, а не правда о «*В. ф. а.*». Между тем в западном «*А. о.*» постоянно надо подымать предостерегающие напоминания, что сама «*антропософия*» гласит о правде, а не «*правда*» гласит об антропософии, понимаемой обществом, т. е. «*советом*» этого О-ва <...>

До отъезда за границу в 21-м году я работал в «*В. ф. а.*»; и в этой работе забывал ужасные тучи сомнений, нависавшие надо мною и над моей личной жизнью.

описание творческого экстаза его единственный смысл (усилить бой бестрепетных сердец), что самый процесс и есть его самоцель и единственно ценный результат (вот в чем), о состоянии прозрения или так называемого космического сознания у Фета мы имеем не одно свидетельство. «И неподвижно...»[38]

У Тютчева, наконец, мы находим, объяснение тому, почему так жалок результат словесного творчества. «Мысль изреченная есть ложь, как сердцу высказать себя, другому как понять тебя...» И в заслугу поэту и всякому созерцанию Тютчев вменяет *молчание*: «Молчи, скрывайся и таи...»[39]

Иногда надо уметь молчать, надо уметь, потому что есть некий час всемирного молчанья, когда живая колесница мирозданья открыто катится с небес[40].

В чем возможность поэта – слиться с беспредельным. «И жадно мир души родной внимает повести любимой и с беспредельной жаждой слиться...»[41]

К *результатам* собственного творчества Тютчев был равнодушен – терял свои стихи.

Выводы:

1. Наиболее ценный момент поэтической деятельности *самое* творчество.

2. Следствие поэзии – пробуждение лучших чувств, усиление боя бесстрашного сердца, то есть так или иначе характеризуется творческим восторгом автора <...>.

В этом следствии есть мечта о возвращении к состоянию творчества.

[38] Начало третьей строфы стихотворения А. А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864?).

[39] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1829 – начало 1830).

[40] Пересказ стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение» (1829).

[41] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836).

А. Л. Векслер

Александру Лазаревну Векслер – непременную участницу большинства бурных вольфильских дискуссий, заведующую канцелярией ВФА, вероятно, можно назвать самой талантливой и многообещающей из всех молодых членов-соревнователей Ассоциации. Когда восемнадцатилетняя Александра Векслер появилась в Вольфиле, ее имя было уже достаточно известно: инструктор народных училищ, она входила в кружок В. Шкловского, числилась членом Опояза и активно выступала на страницах «Жизни искусства». Хотя школа «формалистов», безусловно, сказывалась в суждениях Векслер, она далеко не во всем повторяла своих учителей[1]. Уже первые печатные и устные выступления характеризовали ее как человека с самостоятельным мышлением. В своих взглядах Александра Лазаревна определилась еще до вступления в ряды членов-соревнователей Вольфилы, и в Ассоциации основные принципы миросозерцания нашли лишь адекватное выражение.

Главная мысль ее заключалась в том, что центрообразующей осью бытия является всеобщая и неизменная «форма форм», диктующая законы творчества и организующая художественный процесс, независимая от человеческого

[1] В мемуарах Шкловского имеется упоминание о спорах автора с Александрой Векслер по поводу «значения типа в романе» в литературной студии при издательстве «Всемирная литература». См.: *В. Шкловский.* Сентиментальное путешествие. С. 193.

сознания и психологии. С юношеским максимализмом А. Л. Векслер обрушивалась на всех, кто, как ей казалось, намеревался разрушить эту идеальную онтологическую конструкцию, в рамках которой могли существовать только «чистые формы». Субъективизму и психологизму своих авторитетных оппонентов она демонстративно противопоставляла объективизм и антипсихологизм. Еще в «предвольфильскую эпоху» Векслер довольно резко высказывалась по поводу «Записок Чудака» в статье «Кризис творчества Андрея Белого»: «Автор хотел отбросить прием, но это не удалось, так как данный материал может быть обработан только данным приемом, ощущение двух миров может быть полно выражено только каламбуром, нельзя произвольно разрушать соответствие приема и материала. Вместо того, чтобы отбросить прием, автор только ослабил его, и не только изуродовал живой организм произведения, но и не осуществил своих намерений. В "Записках Чудака" ощущение двух миров выявлено гораздо слабее, чем в "Петербурге" и "Котике Летаеве". Сырой материал, непретворимый в форму, расползается. Вот к чему привело правило: "разорви свою фразу, пиши как сапожник, пишу как сапожник"[2]. Фразы это не коснулось: «Записки Чудака» написаны ритмической прозой так же, как другие произведения Белого»[3].

Рецензируя второе издание «Цель творчества» Конст. Эрберга, Векслер называла творческий процесс самым обманчивым и самым коварным из явлений мирового строя. Она образно сравнивала читателя, ищущего в художественном произведении принцип «свободы», с человеком, который, желая выйти из комнаты, ударяется лбом о зеркало, потому что принимает его за дверь. Нелепо искать свободы там, где ее нет: творчество – это «не свобода, а не-

[2] См.: *А. Белый*. «Я». Эпопея. Т. 1. «Записки чудака». Ч. 1. «Возвращение на родину» // Записки Мечтателей. 1919. № 1. С. 41.

[3] Жизнь искусства. 1919. 30–31 октября. № 280–281. С. 3.

воля»; все текучее, динамическое находится в плену у статики. «Цель творчества выявление в космическом процессе начала статического. Благодаря формирующему процессу, разрезающему связь с сознанием художника, художественное построение живет самостоятельной жизнью, и изучать его надо как таковое вне души художника, того, что осталось по ту сторону – поэтому нам не нужны биографии. Художественное построение стоит по ту сторону всякой психологии, подходя со стороны психологии творчества или психологии восприятия, мы его не уловим. В художественном построении живут только формальные элементы. И изучать их должно формально»[4].

Однако и в идейных рамках «формальной школы» Александре Векслер явно было тесно. «Формалисты», ориентируясь на борьбу форм, на их неизбежное и вечное разрушение, выступали приверженцами своеобразного гераклитовского начала (пусть и не отдавая отчет в том, что это и есть та самая «философия», от которой они шарахались, как черт от ладана). Основным мировоззренческим ориентиром Векслер был поиск альтернативного, парменидовского, начала, объясняемый естественным человеческим желанием обнаружить в период революционного расплава неизменные, вневременные координаты. Ей определенно хотелось утвердиться в таких философских парадигмах, которые, вопреки нестабильности окружающего миропорядка, могли бы засвидетельствовать устойчивость оснований бытия. И если старшие коллеги принимали беспочвенность и безосновность за неизбежную данность или даже за исходный принцип миросозерцания, то для Векслер важно было различить за борьбой элементов, за конфликтом художественной формы и материала неизменную «эстетическую реальность».

[4] *А. Векслер*. Цель творчества // Жизнь искусства. 1920. 18 мая. № 454. С. 3.

А. Л. Векслер неоднократно выступала с трибуны Вольной Философской Ассоциации с эпатажными докладами, бросалась в самое пекло полемических дискуссий. Однако за резкими, часто безапелляционными словами внезапно обнаруживался глубокий пессимизм: как, например, в реплике при обсуждении доклада О. Форш «Данте, Достоевский и Блок» о необходимости преодоления женского начала, поскольку якобы именно в нем заключается «проявление небытия»[5]. Декларативный объективизм (со своей оборотной стороной – запретом на субъективное) постепенно разрушал любые проявления собственного «я». Внутренним содержанием этого поистине «несчастного сознания», постоянно выбиравшим между «всем» и «ничем», неизбежно становилось отчаяние. Неодолимая тяга ее мировоззрения к абсолютным началам не позволяла самосознанию разрядиться в смехе или же в рефлексии. Оттого и в характеристике Иванова-Разумника: «А. Л. Векслер – несчастная, не глупая, небесталанная, но безнадежно мертвая»[6].

Она прошла вместе с Вольфилой практически весь путь длиной в четыре с половиной года. Долго созревавшее решение эмигрировать окончательно оформилось к моменту распада Ассоциации: в первых числах марта 1924 года, на юбилейном чествовании Иванова-Разумника в Детском Селе, Александра Векслер еще делилась в близком кругу «совольфильцев» своим намерением уехать в Берлин, а спустя два месяца (в те самые дни, когда в Петрограде

[5] Очевидно, эта антифеминистская реплика несла в себе отражение глубоко внутренней, личной драмы: влюбленность А. Л. Векслер в А. З. Штейнберга не сопровождалась взаимностью, косвенным подтверждением чему является тот факт, что обстоятельные мемуары ученого секретаря Вольфилы вообще не содержат упоминания ее фамилии.

[6] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265 (Письмо от 7 декабря 1923 г.).

стало известно о «неутверждении» ВФА), она уже была в Германии, волею судьбы попав в Гамбурге на похороны Л. Лунца[7], с которым когда-то вместе пришла в Вольфилу. Позже она пыталась поддерживать эпистолярную связь с товарищами по Ассоциации, о чем Иванов-Разумник сообщал Андрею Белому 20 сентября 1925 года: «Получаю письма от Векслер – из Гамбурга и Берлина; тоже вспоминает о Вольфиле, как светлом луче жизни»[8]. Хотя эти документы и не дошли до нас, в архиве Д. М. Пинеса каким-то чудом сохранились два ее письма, отправленные в самом начале 1930-х годов из Берлина. В одном из них, написанном летом 1930 года[9], содержится развернутый отклик на мемуарную книгу Андрея Белого:

«Дорогой Дмитрий Михайлович, сейчас я прочла “На рубеже двух веков” Белого, и мне захотелось сразу перекликнуться с Вами. Эта книга меня поразила. Какое неожиданно человеческое в ней, иногда, может быть, слишком человеческое, так поражает это подчеркивание эмпирического, это вскрытие обусловленности себя, желание жизни уместиться в причинности, именно в ней, в Белом. Так поражает эта человеческая генетическая биография этого нечеловеческого существа, которым он всегда казался, в этом есть что-то глубоко трогательное, значительное, в этом стремлении воплотиться, в этом разоблачении “Андрея Белого” (“Разорви свою фразу и пиши как сапожник”, отсюда же), в этом стремлении пережить себя в мире, в истории, в роде, выйти в общении с человеческим, раз-ложить себя, найти себе место, но тут же есть и опасность, слишком человеческого (какое-то самооправдание перед кем-то, какая-то полемика с кем-то, с М. А. Бекетовой?) во всяком случае эта книга неожи-

[7] См.: Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. и комм. Г. Керна // Новый журнал. 196[illegible] 183.

[8] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 329.

[9] Дата на штемпеле[illegible] Ленинград, 31 июля 1930 г.

данно совсем по новому освещает его, если бы ее написал кто-нибудь другой, м<ожет> б<ыть> в ней не было бы ничего особенного, но поразительно, что ее написал он. Вы наверное удивляетесь, что я Вам так давно не писала, вдруг пишу об этой уже не новой книге[10], но мне она только сегодня попала в руки, и меня всегда волнует все, связанное с Белым.

Я Вам давно собиралась написать, но так трудно, так трудно, к тому же о себе не могу сказать ничего утешительного. – Я одинока и больна – то и другое очень»[11].

И в другом (недатированном) письме к Д. М. Пинесу лейтмотивом выступает бесконечное чувство одиночества: «О себе я к сожалению ничего хорошего сообщить не могу: пустынные раскаленные улицы вместо жизни и бензинное удушье вместо воздуха, так внешне, так и внутренно, держусь или стараюсь держаться всем доступным мне напряжением... впрочем, в последнее время я снова больше занимаюсь философией, одно время я совсем не могла, а тяжело, очень хочется заниматься, если бы можно было бы куда-нибудь уехать из этого пустынного города, чтобы заниматься где-нибудь в университете, я была бы очень рада. Моя статья о Розанове, о которой я Вам писала, переведена по-немецки, и я ее послала в журнал Creatur, если будет напечатана, я Вам ее пришлю. Пожалуйста, милый Дм<итрий> Мих<айлович>, если только возможно, напишите мне подробнее о себе и о всех, все напишите. Вы знаете, меня все интересует, и значительно мне помогает держаться то, что существуете вы все и память о прошлом»[12].

[10] Воспоминания Андрея Белого «На рубеже двух столетий» вышли в свет в начале января 1930 г.

[11] РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. № 113. Л. 2.

[12] РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. № 113. Л. 3–3 об. Дальнейшая судьба А. Л. Векслер нам неизвестна; можно лишь добавить, что согласно информации, полученной от А. Ю. Галушкина, она скончалась в Израиле после 1965 г.

Прения по докладу А. Л. Векслер о романе Андрея Белого «Петербург»[13]

Протокол на 6/V 1921 года

Разумник Васильевич. Не возражая самому построению доклада, недоумеваю, Липанченко <так!> ли буква ы или буква ы – Липанченко? (Запой ли приводит к горю или горе – к запою) – это, во-первых; во-вторых: полное отрицание некоторой исторической апелляции идей (Каренин живет не в Петербурге Андрея Белого, а в Петербурге Толстого.

Дмитрий Михайлович Пинес. Александра Лазаревна не оправдала своего намерения – говорить лишь о форме, отмахнуться от преемственности, и из доклада неясно – рассматривает ли Александра Лазаревна внешнюю форму или внутреннюю сторону романа.

Александра Лазаревна. Отвечу Разумнику Васильевичу, – «что раньше форма или материал?» – никакого раньше не может быть, всё слито, а Пинесу я скажу, что никакого метода, ни формального, ни неформального я не пропагандировала.

Неизвестный I. Кроме литературных причин, А. Белый что-то новое, и потому и метод разработки его может быть воспринят другим чем-то, быть может, другим органом, и Толстого нельзя приравнивать к А. Белому. А. Белый точно за уши и совершенно законно выпячивает из нас то, что в нас есть в скрытом состоянии.

Разумник Василь[14] Если бы вы слышали, что А. Белый в чтении <...>[14] читает Толстого этим новым чело-

[13] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. [illegible]. Очевидно, он был поло[illegible] недатированном письм[illegible] о “Петербурге”, очен[illegible] времени не было. Очень [illegible] декабря) на Фонтанку[illegible]

[14] Пробел в прото[illegible] ких слов.

[illegible]. Доклад А. Л. Векслер не сохранился. [illegible]снову статьи, о которой упоминается в [illegible]Долинину: «Посылаю Вам мою статью [illegible]сь, что не сделала этого раньше – вре[illegible] вернуть мне ее не позже вторника (6 [illegible]р» (РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. №46).

[illegible]ающий пропуск одного или несколь-

веком, и Толстой есть лучший показатель того, что Пьер и является синим квадратом <?>. В истории все нераздельно, и когда про А. Белого говорить будут, будут говорить к<а>к про эпоху Гоголя, эпоху Достоевского; вы расходитесь в непреемственности, ищите корни глубже в человеке и в Толстом и в Достоевском.

Неизвестный I. Мне показалось, что к Петербургу А. Белого вы подходите так, как ко всем литературным произведениям, но к новому надо подходить по-новому.

Неизвестный II. Да ведь в Пушкине уже есть зачатки этих форм.

Неизвестный III. Я прочел Петербург А. Белого впервые только что; мое впечатление – утонченный анализ автора не дает примирения, не дает тезиса, и потому на меня производит трагическое впечатление.

А<лександра> Лазаревна. Я хочу освободиться от тенденциозности, я хочу стать к истории лицом к лицу.

Неизвестный II. Если вы становитесь лицом к лицу истории, то от эмпиризма вы не освободитесь.

А. Белый. Два слова о методе доклада. В самом методе заложена трудность. Вы блестяще, но психологически провели метод. Подобрав иные аналогии, вы подошли к другим результатам. Отогнав все, вы подошли к символизму. К содержанию романа у вас символическое отношение. Это все-таки, в сущности, психологизм. Когда Никол<ай> Аполлон<ович> замечает журавлей, летящих над Петербургом, ему вспоминается детство, некоторые образы проходят перед несчастием – у еврея Бог проходит пред несчастием; зерно запало, и тут прав Разумник Васильевич[15] – кем это посеяно первичное зерно. В формальном методе многому можно научиться и у вас, и у Шкловского[16], <но> ваш прием не может объяснить, где художест-

[15] Помета на полях: «А. Белый начал так: “что мы ли” и после паузы “кем это...”».

венное произведение пересекается с творчеством автора; к<а>к начал быть, к<а>к автономный роман.

Петербург есть чудовищный момент, урод, все разрушено, и автор подставил рассказчика, которым все подмигивает. Автором голоса олицетворен хор и глаз, который всё глазит. Почему мне (автору) понадобилось подставное лицо, да если прицепиться, то всё зависит. Ваш доклад не доклад, а творчество. Если взять образ in statu nascendi, то получится то, что – «что» имеет мысль хорошо проанализированною. Если бы мы углубились в психологию языка, то проблемы лингвистов стали бы нам понятнее, где анализируются, где сравниваются первичные корни.

Если искать от «чего» началось творчество, то в каждом произведении есть ядро. Вундт называет звуковой метафору, и звук является звукосмысл, и проблема звуковая членится в грамматике (в фонетике), а всё вышло из первичного раската, и у вас была попытка прощупать в романе, в статическом моменте, прощупать к<а>к прорастало «то», из которого всё пошло, но, если копнем глубже, то откуда же это <...>[17]

...потому что вставала идея трилогии; антитеза в «Се-р<ебряном> Голубе» город, приводящий с механизации, к всекосвенции.

Громаднейшее «НЕТ» в Петербурге – это антитеза, все, что теза, лежит впереди в продолжении фабулы. Вообще, говоря положительно – в литературе в форме роман труднее, чем в негативе (очаровательный образ Натащи продолжается в утомившейся жизнью Анне Карениной, которая кончает свою жизнь).

Вообще, где литература перекрещивается с проблемой жизни, когда дела жизни есть жизненное дело? Проблемы в нашей жизни врезаются в реализм, и поэтому автор каменеет пред позитивом положительным.

[16] Приписано сверху: «здесь А. Белый приводит из Анны Карениной, “мужичок как рак подковывает судьбу Анны Карениной”».

[17] Пропуск одной или нескольких страниц.

«Эпопея» А. Белого[18]

(Опыт комментария)

I

Критик – исследователь художественного произведения должен быть комментатором, гидом по замкнутому, закрытому со всех сторон миру художественного произведения. Вот мысль, положенная в основу настоящей работы, мотивировать ее здесь не будем. Теоретические положения возникнут по дороге.

II

Вступаем в мир «Эпопеи» (т. I. – «Преступление Николая Летаева»)[19]. В нем ориентируясь, раньше всего должны мы нащупать границу. Граница «Эпопеи» рассказчик, или, вернее, повествовательный тон, стихия повествования сама. В «Эпопее» нет такого рассказчика, как в «Серебряном Голубе» и «Петербурге», нет рассказчика, речевые приемы которого тождественны с речью действующих лиц, подчеркивают границу мнимым снятием ее. Не похожи очертания ее и на очертания повести «Котик Летаев». Построение «Котика Летаева» не органично, переплетение сложных мотивов его стиснуто внешними рамками пролога и эпилога, где дана исповедь автора, стремительный и динамический тон ее, тон морального пафоса, не слит органически с закругленными линиями образов и каламбуров. «Эпопея» органична вполне; «Эпопея» – повествовали по преимуществу, чистый эпос.

Повествовательно-лирический тон лежит в основе ее;

[18] Печатается по изданию: Современная литература. С. 48–75.

[19] См.: *А. Белый*. Преступление Николая Летаева («Эпопея» – Том первый). Крещеный китаец. Глава первая // Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 21–165.

но, говоря о лирике, должны мы помнить, что это не лирика стихотворения, где «сюжет» тонет в стихии лиризма. Нет, в «Эпопее» события и лица не исчезают и не теряют определенности своего очертания в повествовательно-лирической стихии, стихии рассказа: она создает глубину, создает атмосферу мира. Этот лиризм – лиризм объективности. Волна его повышается в ударных местах, в местах, где подчеркиваются основные мотивы. Встречаются они большею частью в конце глав (иногда и в средине), они пронизаны ассонансами и большею частью рифмованы. Совершенно здесь ясно, что ассонансы и рифмы являются высшим моментом общего ритмического напряжения так же, как лиризм естественно рождается из напряжения эпоса.

Внешняя граница «Эпопеи» – повествование. Внутри, конечно, она оборачивается *временем*, время – внутренняя граница «Эпопеи». Так оно и должно быть, конечно: это основной принцип эпоса. Временные моменты организовываются вневременным началом, принципом повествования, в единое целое на основе взаимопроникновения; а так как мы в искусстве, а не в познании, то движения нет, движение мнимое; время в искусстве – лишь аспект на время, сверхвременное и временное еще не раскрыты.

На ударных местах приковывается внимание к сверхвременному моменту во времени: почти все эти рифмованные места в конце каждой главы говорят нам о времени, как мы увидим.

Основной мотив «Эпопеи» – становление Я, осуществление индивидуальности не как данности, а как задания (под индивидуальностью здесь понимается не статическое замкнутое содержание, не пограничное понятие, но становящаяся цельность, синтез сознания и бессознательности на основе сознания, осуществление истинной конкретности). Поэтому такую роль в композиции «Эпопеи» играет время. Становящаяся цельность – душа времени. Становление индивидуальности порождает время и осуществляется только чрез время. «Эпопея» построена по типу кон-

центрической окружности: круги, приближаясь к центру, углубляют основной мотив до полного осуществления цельности в точке. Каждый круг дает нам другой аспект на одно – на движение. Впрочем, это все будет яснее дальше.

«Эпопея» разворачивается в двух плоскостях: жизнь и рост ребенка, сына московского профессора Летаева среди отца и матери, противоположных по своей натуре, ссорящихся из-за него в обстановке московского профессорского круга 90-х годов; вторая же плоскость – становление индивидуальности, о котором упоминалось выше. Вместе образуют они третью, не сложением, конечно, а синтезом. Здесь не лишнее вспомнить предисловие Белого к его второй драматической Симфонии, относя основное положение его не только к Симфонии, но и к «Эпопее», и ко всякому художественному произведению, т. к. оно, несомненно, выражает суть: каждое художественное произведение имеет три смысла – музыкальный, сатирический и объединяющий их – символический[20].

Начало сатирическое (то, что условно называют сюжетом) дает разъединенные, застывшие, отдельные моменты, неподвижные исторические маски; начало музыкальное (отчасти то, что называют идеей произведения или приемом, что в сущности то же самое) связывает их в перспективе и плане, дает углубление. Главная черта искусства в том, что они оба проникают друг друга вполне, ни один не побеждает другого. Начало музыкальное не первее сатирического, как это может показаться с первого взгляда (и как оно и есть в познании). Если бы это было так, искусство перестало бы быть искусством, идея побеждала бы воплощение. Искусство развоплотилось бы, стало бы познанием. Только полная взаимопроникнутость их вводит в мир искусства, в замкнутый в себе закрытый со всех сторон символ.

[20] См.: *А. Белый.* Симфонии / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова. – Л., 1991. С. 89.

Потебнианское учение, придающее образу познавательное значение[21], вносящее динамику в мир искусства разрушает его неизбежно. Скажу мимоходом: совершенно бесцельно пресловутое различение формы и содержания в искусстве. Оно имеет смысл в познании, где приоритет формы обусловлен ее динамизмом, направленностью. В искусстве они застыли в взаимопроникающем друг друга неразвернутом единстве, *которое и есть художественный образ, символ.*

III

Но, может быть, образ и лежит в основе познания, может быть, он и есть истинная цельность? (Так полагает А. Белый, см. «Жезл Аарона»[22] и «О смысле познания»[23]). Белый отожествляет образ с Кантовской трансцендентальной схемой и находит, что схему надо было положить совсем не там, где она была положена, что она «первичная данность, в которой не может быть еще раздельно данных – понятия и предмета»: «Кантова критика есть лишь метод расщепления схемы, т. е. образа на раздельно положенный мир категорий и чувственных форм», говорит он нам далее[24]. С этим мнением нельзя согласиться никак. Оно ведет к полнейшему смешению двух противоположных начал: познания и искусства. Схема ни в коем случае не образ: образ статичен, схема насыщена динамична. Схема самый неуловимый и самый неживой момент в движении катего-

[21] Ср.: «Слово, взятое ... ом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде ... средство понимать говорящего, апперципировать содержание ... мысли» (*А. А. Потебня.* Мысль и язык / *А. А. Потебня.* Слово ... М., 1989. С. 123). См. также: *А. Белый.* Мысль и язык (Филос... языка Потебни) // Логос. 1910. Кн. 2. С. 240–258.

[22] *А. Белый.* Жезл ... о слове в поэзии) // Скифы. Сб. 1. С. 155–212.

[23] *А. Белый.* О смы... ия. – Пб., 1922.

[24] См.: *А. Белый.* ... С. 162.

рий. Существо категории в движении, реализующем логическую сферу, порождая внутри ее элемент алогический. В движении к порождению алогического в сфере логики стремление к снятию разницы между логическим и алогическим посредством раскрытия всей полноты сферы логической. Момент перехода, момент порождения алогического в сфере логики, момент перехода единства в множественность в сфере единства и есть схема. Схема положена именно там, где она должна быть положена, или, вернее, она не положена, а естественно возникает в живом динамизме познания, душа которого – становящаяся цельность; если бы в основе его лежал статический замкнутый образ, то тогда познание действительно расщеплялось бы на две отдельные половинки (как это представляет себе Белый). Они были бы тени, призраки, пена накипи, как действительно, накипи различенные две половины в художественном образе. И мы через них проваливались бы в закрытый со всех сторон образ и только. Здесь основное различие природы познания и природы искусства.

«Свет экстаза, свет умный при неумении справиться с ним переходит в цветущую чувственно краску, стили тайных глубин перерождаются в сплошное барокко какое-то», говорит Белый в «Записках Чудака» (ч. 2-я)[25]. Это самое происходит всегда с художником, в этом природа искусства. «Свет умный» вместо того, чтобы стать началом динамическим, взрывающим сознание, побеждающим плоть, снима-

[25] Ср.: «К весне закопошилось во мне мое тело; и самое чувство духовных блаженств перерождалось – в роскошества, которыми я упивался чрезмерно: все образы стали плотнее и чувственней; светочи, перемешавшись с мглой тела во мне изливалися палитрою ярчайших и утонченнейших красок: орнаменты ритмов кокетливо завились; стили тайных глубин перерождались в сплошное *барокко* какое-то: – по себе знаю я: свет экстаза, свет умный, при неумении справиться с ним переходит в цветущую чувственно краску...» (*А. Белый*. «Я». Эпопея // Записки Мечтателей. 1921. № 2–3. С. 33).

ющим покровы, началом преображения лица, очищающим и освобождающим, «оплотневает», закругляется в завитки образов, цветущих чувственной краской, отвердевает в неразличимости плоти и смысла, перерождаясь в образы-пузыри, вскакивающие над жилящей расплавленностью морально-познавательной жизни; чем «плотнее» (органичней, живее художественно) образы, тем они призрачней.

«История живописи есть история упадания души», говорит Белый там же[377]. Положение это надо расширить: история искусства вообще, история литературы и частности есть история упадания души. Вопрос об искусстве – вопрос трагический. Многим ли это понятно? Эту трагедию знали Толстой, Гоголь и Блок, ее знал и Андрей Белый, сказавший в третьей части[378] «Зап. Чудака»: «разорви свою фразу, пиши, как сапожник». Этим жестом вступил он в ряды великим духом трагических художников, которые переросли искусство, но на этом он не удержался. «Эпопея» цветет всем очарованием и соблазном ярко разлившейся чувственной краски, завивается сложной закругленностью плотных завитков образов.

«Эпопея» одна из самых художественных живых и совершенных вещей русской литературы, едва ли не самая живая вещь А. Бело

Но отвлеклись мы вернемся к самой «Эпопее», границы ее мы нащупали

Что мы находим при границ.

IV

Вот «папа» и «мам новные персонажи «Эпопеи», как мы увидим – осно лементы ее композиции. Экспозиция их намечае рвой главе; действия еще нет, но

[26] См.: *А. Белый.* « // Записки Мечтателей. 1921. № 2–3. С. 34.

[27] Ошибочно; ре первой части первого тома «Эпопеи "Я"» – «Возвраще ну».

уже намечаются отношения, корень будущего действия: папа живет «способами», он «все ходит, бывало, за мамой и все собирается дать рациональный совет, убедить ее в способах, истекающих из точки зрения папы»; «способы предлагались им всегда и на все»; «он все пытается выгранить способы жизни в окружить нас гранями», – говорит нам о папе автор. Он весь «умственность», интеллектуальность; существо его мысль; направленность – организующее начало, направленное на что-то, что должно быть организовано (на жизнь, на «маму») для того, чтобы ее преобразить; кабинет его пробует распространяться на всю квартиру. «Книжный протянутый ряд, многотомный, коленчатый, длинный, как щупальцы, пробовал, дверь отворивши, пролиться томами повсюду, завиться вокруг всего прочего; часто казалось, что папа, как спрут, от себя разбросал многоноги из книжных рядов и нас ловит, цепляясь за руку, за ногу, объемистым томиком, силяся все сделать книжным». Папа проповедует меру и гармонию, он проповедует «рациональную ясность французских мыслителей». Но, узнаем мы дальше, «ясность французских мыслителей, верно, таила туманы». «Папины способы к жизни были неприложимы, не удавались они, мамой они отправлялись на помойку». «Способы жить разрушалися: способ за способом; он не препятствовал; сам же терял эти способы; жил он способностью выдумать способы»; «безмерно выдумывал меры и способы».

Направленность мысли в «папе» теряет свою остроту, проваливается в потенциальность, «способы» становятся неосуществленной способностью. Движение книг на квартиру не удалось, «несчастная книжная полка влетела стремительно в кабинетик обратно», выбросила ее мама. «Папа замкнулся в себе, ограничил себя гранями», формальными гранями, «в им самим ограниченном мире зажил он», от жизни он изолирован; «в жизни казался он иногда ограниченным», узнаем мы из текста (не только казался, конечно, но отчасти и был).

Он застыл в созерцании форм, в созерцании математических абстракций; «в политике был он противник самостоятельной жизни окраин», узнаем мы далее; он созерцал принцип застывшей абстракции – форму: «казалось, давление томиков разорвет кабинет», говорит нам автор; – кабинет замкнут в себе, движения нет, но «кабинет все держался». Один способ удавался папе: «когда портились трубы, папа ходил проливать темно-красную жидкость и прекращать недостойные запахи: – способ такой удавался; и черные палочки, кажется, марганцово-кислого кали стояли на полочке среди томов математики: – да, разводил он слова, точно черные палочки марганцово-кислого кали, уничтожая мгновенно дурной запах слов благородной тенденции – папа наш был альтруист в высшем смысле». Несмотря на то, что папа застыл на «точке зрения», несмотря на то, что он статичен, что он весь созерцание формы, в нем есть и «благородные тенденции» – возможность движения; но она не актуализирована еще, и папа статичен.

Видели мы – завился здесь образ: уничтожение папой дурных запахов марганцевым кали и уничтожение им запаха слов «благородной тенденции»; вместе они дают третье, новое целое – эстетическую единицу, но образ этот не вполне оплотневший, не вполне обе плоскости взаимопроникнуты; этих завитков в «Эпопее» много и гирлянды их сложны, как мы увидим, в них отразился основной закон композиции. Папа [illegible]чен и дан он всегда статически, всегда он стоит или с[illegible] странно застывшей позе: «помню, бывало, стоит он та[illegible]олованом, засунувши руки в жесткую бороду – пал[illegible], и приподнявши на лоб жестяные очки, наклонив на[illegible]лоб со свирепою, лоб прорезавшей складкою, точно р[illegible]ь на страшное дело; рукою барабанит по двери; и – [illegible]ще перевернулося животом как-то наискось от плеч[illegible] тоже поставлены косо; такой он тяжелый и грузн[illegible]ого перемещения осей; – он стоит; – тарарахая п[illegible]з дверь, свирепеет». Он не просто сидит или стоит, [illegible]но дан он всюду именно так; в со-

зерцании он, созерцает одно: «тихо сидит, в большой нежности, – так ни с того ни с сего; улыбается ясно, тишайше себе и всему, что ни есть, напоминая китайского мудреца». Мотив этого папы, сидящего в нежности, встречается почти в каждом круге, он подчеркивает потенциальную силу этого элемента, долженствующего проявиться в действии.

Что же второй элемент, что же «мама»? Папа и мама по своей природе противоположны. Мама вне мысли, вне зла и добра. «Добро или зло – только пена пучины того, своего, что есть в каждом; свое раскричалося в маме фантазией пальм и болтливым бабьем баобабов, в котором открылся фонтан разноцветных колибри, топтались слоны и воняли гиены; зоологический сад, а не мамочка, Индия а не профессорский круг 90-х годов». «Хлынет из прошлого в душу ее переливчатый образ», говорит автор далее. Мама вся в переливах, она как будто в движениях все время, настроения ее все меняются, но движения в ней нет, в ней нет направления, нет закона, нет сознания; как волны переливается ее настроение, куда – неизвестно. Она вся, как море (образ моря появляется при ее игре на рояле), в ней иррациональная музыка жизни, стихия музыки, но не в Блоковском смысле (и не так, как выше говорилось о музыкальном смысле): дух музыки в Блоковском смысле – дух по преимуществу, *смысл*, и когда говорилось о музыкальном смысле художественного произведения, имелся в виду *строй*. В ней же – стихия музыки, как понимал ее Толстой в Крейцеровой Сонате: безначальная, страшная, соблазнительная стихия, которая должна быть оправдана, ждет оправдания и раскрытия смысла. «Это яд, это сладостный яд Возрожденья, где выступают поступком, взирают решением, любят и губят без правила, в звуках, совсем неморальная жизнь – музыкальная», говорит о ней автор. Когда она играет на рояле (а за роялем она изображена почти всегда), «события жизни тонут в безбытии звуков».

Мама жизнь погружает в безначальную застывшую стихию. Папа и мама разделены, между ними движения

нет: «папа глухим носорогом врывается в неграненую музыку жизни», а книжная полка его отброшена мамой обратно.

Нужно третье начало, которое актуализировало бы папу и, преобразив папой маму, оправдало бы ее, соединив их в цельности. Соединение возможно только через резкое разделение, которое осуществляется в актуализации папы. Движение к разделению есть движение к снятию разделения. Такой третий элемент необходим, иначе не было бы ни начала, ни развертывания повести, ни конца; и этот третий элемент есть: есть у них сын, Котик, он начало движения, начало связи. Котик «развивается»: он сын папы, недаром папу он выражает. Мама, конечно, запрещает «развитие». Движение Котика – движение «Эпопеи». Он начало задания, он должен стать «Я», не провалиться в потенциальную способность, не застыть на «точке зрения» папы и не потонуть в «переливах» мамы. Благодаря ему «Эпопея» не ряд отрывков, но целая повесть; благодаря ему, возможны основные лейтмотивы, скрепы «Эпопеи», выраженные рифмованными фразами, так как благодаря ему возможна единая общая атмосфера мира «Эпопеи»; благодаря ему, возможно время, разные разрезы времени в разных кругах. Котик осуществляет потенциальное начало разума (папа) через распад его на направленность раз[illegible] иррациональную стихию (мама); как мы говорили[illegible] движение к распаду есть движение к снятию распада [illegible] иррациональная стихия просветляется разумом. Это ста[illegible]щееся просветление стихии через разум – роль Ко[illegible] – и есть осуществление времени: просветлением те[illegible], безначального и раскрытием разумности его соз[illegible] моменты конкретности, моменты временные. «Я», [illegible]видуальность и есть эта раскрывающаяся цельност[illegible]тельного и бессознательного на основе сознани[illegible] развивается (актуализируя папу) и тем преобраз[illegible]ю (оправдывая маму); этим создается строй д[illegible]ытий.

V

Лейтмотив третьей главы один из скрепляющих моментов «Эпопеи». Это и выражает: «понимание – девочка в беленьком платьице – пляшет; и темные няни приходят бормочущим роем: ужасно невнятно, но страшно занятно!» В этой главе впервые основной мотив углубляется, и очертания его становятся четки. Глава эта называется «Эдакое, – такое, – свое». Котик стремится в ней понять иррациональное, темное «свое», что есть в каждом: – у папы есть что-то такое «свое» (свое папы хаос, дующий из пустой формы), у мамы есть «свое», у каменных грифонов, стоящих на подъезде, есть «свое». «Меня поражало “свое” выражение грифонов, кровавый какой-то оскал желтых львов. Это снова “свое” и при этом “свое” столь ужасное»...

«Свое», как замкнутое содержание не раскрытое, не просветленное, не осмысленное – ужасно: хаос воет из него, и чем оно определенней и сильнее выражено, тем ужасней: «все гриффонится, гримассирует, львовится, все подвывает, все окна чернеют, садятся под окно, и ночь чернорога уставилась в окна: а в окнах безглазое». Ужас иррационального воет из невнятицы «своего», но сливается с ночью, оно «львовится», «гриффонится» (нельзя построить предложение существительным и глаголом – какое определение может выразить «невнятицу»? – и существительное должно растопиться в глагол); не может его осмыслить еще в этом периоде Котик, он может только указать; «эдакое – какое-то – свое», или просто указать на папу: «папочка». Здесь кроется в зародыше суждение, но оно не раскрыто еще.

Так видим мы, уже две половины вошли в взаимодействие – в Котике; резко они распались, соединение предчувствуется, оно еще впереди но падают тени от них; вокруг главного мотива завиваются второстепенные, соединенные с ним общим узором, появляется новое лицо, Генриетта Мартыновна – бонна-немка. Она вся теневая, тень, призрак; настолько тень она, что является тенью противопо-

ложных начал: тень мамы она и тень папы, она вся «белая, бледнобезвекая, бледногубая, бескровные, бледные десна»; «помню, она все белела, кругом же бледнело, и бледно-серело и серо-темнело в углах», когда она сидела перед маминым зеркалом. Так же замкнута она в себе, собою живет только и любуется собою, как мама, но мама «цветет самодушием», говорит нам автор, Генриетта Мартыновна же полна «бледнодушия». И тень папы она: она все понимает; «она понимала – все, все: "Понимаете?" – "Ja" – "Понимаете?" – "Ja, o gewis – sekbstverständig"», и далее: «це на аш два, фи-би-ку, корень энный из "i" минус, плюс: дельта "а", дельта "б", дельта "ц", дельта "де"... Понимаете?»

– Ja, o gewis!

– Повторите!

– Плюсь, миньюсь... Ja, ja und so weiter!

Папа живет абстракциями математики, содержание для него не существует. Генриетта Мартыновна тень, обезьяна, она видит только знаки и думает, что ими покрывается все содержание: «удивительно, знаете ли, ограниченная натура», говорит о ней папа. Генриетта Мартыновна тень настолько, что мысль и жизнь разъединены в ней совсем и стали два бледные призрака, «Свое» в ней – Цет, алгебраический знак, кото[ром] она не объясняет содержание, а накладывает просто[го] знаю уже: она – вымутень зеркала; пальчиком тронь[ешь] – ощупаешь только стекло; за стеклом же увидишь [не] Цетта или Германа; знаю: она – не она: это Цетт, о [раз]ром с подругой они говорят на бульваре, когда мы [иг]ем; они называют херр Германа – Цеттом, и Цетт этот [проч]но засел у нее в голове»... Она распадается на Цетт [и] нь.

В этой главе расп[ус]тся пышные завитки каламбуров и образов; много их [и] ей «Эпопее», но в этой главе вокруг основного мот[ива] вается их особенно много. Разбор всех или даже [м] завел бы нас слишком далеко, да этого делать бы[ло] ло, так как они построены по одинаковому прин[ци]берем самые из них характер-

ные: о либеральном профессоре Антоновиче, о котором папа говорит, что он совращает молодежь и со своей *шайкой* погубит Россию: «да, несомненно, тут эдакое – такое – свое, потому что старик Антонович – профессор, как папа: из Киева; это – обман, это – «цетт», или – маска: под ней Антонович, как кажется, – душемутительный каверзник, банный плескун, даже шайник, а это скверней, чем разбойник; тот просто, присев при дороге, кидается острым ножом, передзызганным прежде точильщиком, прямо ныряет в живот, и – уходит, кряхтя, с очень толстым мешком на спине, – залегать в лопушиннике; этот, отъявленный каверзник, скромно надевши профессорский форменный фрак, вылезает из бани – сплошным «Антоновичем», то есть таким, кто приходит в парами пыхтящую баню, повесивши форменный фрак, обнаруживать ужасы голых мужчин; и, весь мыльный, и пахнущий плесенью, бросит туда, в свою шайку, племянника папы, которого только что выкрал он, – пустит туда кипятку из-под банного крана; племянник, еще неустойчивый молодой человек, растворится, как мыло»...

Здесь, как мы видим, сначала проявляется основной мотив: Цетт, застывшая маска и хаотическое «свое» распались на две половины, в ожидании синтеза; но синтеза нет. Мысль закругляется в безвыходный круг каламбура – «шайка». Каламбур – тень образа, поэтому част он так у символистов, особенно у Белого; принцип каламбура обратен принципу образа; принцип каламбура: на основе внутреннего несовпадения двух семантических плоскостей, внешнее совпадение в одном семантическом знаке, который приобретает значение эстетической единицы. Эффект каламбура – эффект несовпадения, подчеркиваемый совпадением. Принцип образа: на основе внешнего несовпадения плоскостей – внутреннее их взаимопроникновение в одной эстетической единице. Эффект образа – эффект совпадения, подчеркиваемый внешним несовпадением.

В этой главе, где основной мотив показан в разрезе распада – особенно цветет каламбур; но и в этом разрезе основного мотива уже предчувствуется цельность, недаром лейтмотив этой главы – «понимание – девочка в белом платьице пляшет, и темные няни приходят бормочущим: роем: ужасно невнятно, но страшно занятно!»

«Я помню события, года и строй мерных месяцев – именно с этого времени», говорит вам автор в той же главе. Пляска «девочки-понимания» разделяет сюжет «Эпопеи» на отдельные фигуры, объединенные ритмом одной пляски, и из темного роя рождает строй мерных месяцев.

Впервые в этой главе появляется в рифмованных фразах мотив времени: «вращается веретень дней, тень теней». Этот аспект времени дан в начале главы, он одно из скрепляющих мест «Эпопеи»; встречается он в дальних кругах, в средних и совсем близко от центра. Это переживание времени исключительно психологическое; начало разума еще почти не выявлено, это аспект времени изнутри временного процесса. Дни кажутся тенями теней – в сознании психологическом все разлагается, – вращение их кажется бессмысленным, но все-таки уже рождается мысль о движении, уже понятно, что есть дни, отдельные дни, они не вполне с[illegible]ваются в «веретень». Так и инструментована эта фраз[illegible] прозрачный, воздушный теневой звук преобладает зд[illegible]но застывают тени все-таки в Т; Т – застывшие тени, [illegible]есуществующее, не проявленное; является в одном м[illegible]здесь Д – день. «Д – ставшее становление, оно всяк[illegible]орма (предметов, растений и мысли)», – говорит на[illegible]ый в Глоссолалии[28]. Так воздушное Н показывае[illegible]летание призрачности, Т – ее сгустившаяся тень[illegible] четкие очертания ее, в виде пустой формы. Прав[illegible]чается здесь еще В и Р; В здесь важно, В – звук [illegible]о хаоса, дующего чрез пустую

[28] См.: *А. Белый*. Гл[illegible] Поэма о звуке. – Берлин, 1922. С. 111.

форму и заводящего тени; Р – присутствует здесь только намеком, оно не подпадает под ударение, но все же намек есть; Р – звук разрыва, звук сознания, звук взрывающего разума – это звук «папы». Появляется он, как отдаленные раскаты, еще до этой главы, где папа актуализируется в Котике, появляется он, выговариваемый не папой, а о папе: мама, ворча на папу, называет его «некоторые, которые – грубьяны, архаровцы, русопяты». В этой же главе, где время становится, папа проявляет себя сам; он, ссорясь с мамой, бежит и «рукою, зажатой в крепкий кулак, на крутых поворотах – раз, раз, раз, ударяет очень быстро по воздуху». Несмотря на то, что в предыдущей фразе о времени, оно показано только в аспекте психологического сознания, в аспекте разложения, мы знаем, что движение основного мотива уже углубилось: есть Р – звук разрыва, звук актуализированного «папы», разделяющий для соединения; есть время в более глубоком аспекте. Разрез теневой, психологический не должен нас смущать, он всегда на поверхности всех разрезов. В этой же главе, мы находим другой, более глубокий аспект времени: «уже побежал ветрогон, по дороге времен; само время, испуганный заяц, бежало, прижав свои уши». Здесь Р – усилилось: уже два раза Р попадает под ударение и раз оно не ударное. Вместо теневых воздушных Н появилось М; М – это «мама»; кстати, она местами инструментована на М, большею частью в соединении с Р (в описании ее за роялем мы находим: «море морочит, моргая диезами»). «М – мистический, кровный, плотяный, но жидкий звук жизни во влаге: в нем тайна животности», читаем мы в Глоссолалии[380]. М – непросветленная стихия, таящая в себе возможность духовности (недаром «мама» инструментована на М и Р; предчувствуется тут соединение). Но его еще нет: не Р и М, а М и Р – М побеждает еще.

[29] *А. Белый*. Глоссолалия. Поэма о звуке. С. 83.

Становящийся синтез времени дан о звуках самого слова «время», который впервые появляется в этой главе, в рифмованной лейт-фразе; об этом в Глоссолалии: звук ВР – разрыв хаоса разумом, рождение сына, актуализирующего отца, и звук МЯ – оправдание матери. В разбираемой фразе есть еще расплавленность Ж, которое показывает здесь как бы температуру кипения; есть и намек на воздушное Н. Становление смысла здесь предчувствуется, но ударение еще на расплавленности, и не случаен образ отчаянного, испуганного бездорожного бега зайца, и ветром пронизана вся эта глава.

«В хлопнувших, лопнувших громко железных листах закаталась погромная крыша под ветром – над нами, и хриплою психою ветер поднялся в трубе». Здесь опять каламбур с проекцией в углубленность образа: психа – собака (воющая здесь) и психея – душа, безначальная, темная стихия в данном случае. Это среднее между каламбуром и образом, здесь больше внутренней спаянности, чем в каламбуре. Здесь впервые появляется Малиновская. «В хмурый октябрь перебили нам кресла в оливковый цвет; да, и в хмурый октябрь появилась у нас Малиновская, – зеленоносая, зеленолобая, серый одер в черно-серой косыночке». Она появилась во время распада, она – [illegible]летница: «Так и все – у нее прибавлялось ко всякому с[illegible], такое уж свойство заметил я в ней: появляться туда, где [illegible]шался процесс разобщения чего бы то ни было, все сооб[illegible]ия ее приводили всегда к разобщению», узнаем мы от [illegible]а. Это «так и все» очень характерно, оно незаконное [illegible]щение, накладывание отвлеченной формы на живой ма[illegible]ал; сплетня всегда отвлечена и формальна, в этом вся [illegible]нравственность и в этом же все ее удовольствие. Неда[illegible]линовская вся зеленая: «зеленый цвет – цвет разоби[illegible] «В зеленой гостиной появилась она, в красной ее н[illegible]», – говорит автор. Зеленый цвет появился впервые [illegible]ии кабинетика папы: «вижу его в мягкой градации [illegible]ных, серых и шоколадных томов»; зеленый цве[illegible]стречается там, – вернее – зеле-

новатый. И видим мы потенциально разделяющую силу рассудка: в момент разобщенья появилась Малиновская, в момент разобщенья, идущего к синтезу; она же – дурная тень разобщенья, абстракция рассудка; у нее два платья: дома она ходит в бледно-сером – цвет психологии, дурной бесконечности, в гости она откровенно ходит в зеленом. Когда она уходит, «мама после рыдает, а провисень штор зеленеет у нас, разлагая свет дня; зеленеем и мы безутешно».

VI

В четвертой главе завивается новый узор: бабушка, тетечка, дядюшка. «Знаю бабусину бытопись!» первая фраза этой главы, она очень характерна. У бабушки нет разделения на годы, стройности лет; ее года ничем не отличаются друг от друга: у нее только быт, бесформенность быта, вместо летописи – бытопись. Характерно построение неологизма: это, как увидим мы дальше, принцип большинства неологизмов «Эпопеи»: – привычная форма, конкретизируясь, становится самостоятельной эстетической единицей. Неологизмов разного рода очень много в «Эпопее», особенно много в этой главе. Вся глава инструментована на К и КР, особенно ясно это в описании дяди Васи, который является композиционным центром ее. Кстати – необходимо сделать примечание о значении инструментовки. В области соответствия звука и смысла, настоящая работа почти всецело ориентируется на Глоссолалию Андрея Белого, совершенно не разделяя его взгляда на значение звуко-смысла; в настоящей работе ни в коем случае соответствию звука и смысла не приписывается никакого познавательного значения, не приписывается даже общего эстетического значения[30]. Данное соответствие звука

[30] Ср.: «...образ мысли, понятие, суть зависимые переменные слова; независимая, непеременная величина его звук...» (*А. Белый*. Глос-

и смысла рассматривается здесь только как композиционный элемент «Эпопеи». Принцип же звуко-смысла – типичный принцип эстетической единицы, образа.

К и ЕР, на которых инструментована четвертая глава – звук удушья, звук попытки разрыва, попытки мнимой, неудачной, звук напряжения психологического, усилия только душевного, звук кашля. И, действительно, мы видим, дядя Вася – клекнущий и керкающий керкун», неудачник, – он весь психологическое напряжение только, две половины жизни его тоже в разрыве и так застыли навеки, клекнут: «дяди Васина драная жизнь пополам», – говорит автор; дядя Вася все повторяет слова папы: «полезная вещь ремесло». Мысль его не организуется; «свое» у него – другая половина жизни: «я вам говорю, Василий Егорыч, – говорит папа, – вы, прямо бы, скажу вам, оставили бы это». «И открывается этим другая половина разорванной дядиной жизни», – говорит нам автор. Другая половина дяди – невнятица, пьянство. Первой половины собственно нет – она психологическое бесплодное усилие, проявление дяди: «крик, керканье, брекатанье: он клекнет».

Тетя Дотя сестра его и младшая сестра мамы – недаром. Мама цветет самодушием, тетя Дотя – в самодушии молча таит непросветность. В самодушии открывается пустодушие и пустоличие. Н[а] голе она ставит свой портрет, она «белеет, бледнеет и [но] сереет и серо замглеет, – пеплит». В тете Доте б[ыла] нальная стихия мамы выродилась в дурную бесконечн[ость] в мнимость и серость разложения.

солалия. Поэма о звуке [...]. «Мы приходим к признанию смысла понятия в круге, котор[ого] ностность – образ (идея)... Звук – круг кругов: можно в образ[е] ть отчетливо, если найти звук единый, связующий их <...>. З[вук] азен, беспонятен, но – осмыслен; если б он развил смысл [соответственно к данным смыслам понятий, – за листопадом словес[ности] б, проницая словесность, до дна проницать и себя: свою [глубь] мы могли бы увидеть; и звукословие – опыт; восстан[овление] здание в нем» (Там же. С. 31).

Тень мамы она: – «говорит исключительно тетя о маме, словами, принадлежащими маме и обращенными к маме, передавая скучающей маме пережитое мамою – маме: а у тебя платье крем», и т. д.; «был поросенок у вас за столом» и т. д. Маму ждет оправданье, и она будет оправдана. Тетя Дотя же просто тень, отбрасываемая мамой. С Генриеттой Мартыновной она общей природы, связаны они и сюжетом, вместе говорят о маме. Бабушка, мать их, тоже инструментована на К: перкает словом: – «морква-то!», жует всякоденщину, «никнет в марком кресле». Она фон этого керкающего, перкающего мира. Конечно, она – мрак сплошной и дана все время в мраке: «выступит из мрака, выведет злое лицо из ничто и потом оно скроется», – говорит нам автор; «безысходной злобой смотрит из мрака, вот бабушка», – говорит он в другом месте. Этот мир, мир отбрасываемых в жизни теней, силящихся быть безуспешно.

Узор в этой главе разбивается на самые мелкие завитки и ударения здесь именно на них, – это словообразы, слова, замкнутые в самостоятельные эстетические единицы, неологизмы и слова старые, малоупотребительные, оживленные новым применением. Это вопрос исследования в «Эпопее» эстетических единиц слов слишком сложен и обширен, требует самостоятельного исследования; только мимоходом его здесь можем коснуться. На нескольких самых характерных группах все же остановимся.

Группа первая: к ней относятся масса звукоподражательных слов, неологизмов: «бухнувшим дудом, бебанит бабоном, бабунит пумпяном» и т. д. Таких слов в «Эпопее» масса, взята здесь самая характерная фраза. Это типичные звукообразы. Сторона фонетическая и семантическая проникают друг в друга и дают третье, но эти слова эстетически недостаточно выразительны и не замкнуты каждое в себе, семантическая сторона к них слабо развита, выражается она простейшими ассоциациями, поэтому они еще образы – не вполне; употребляются они большею частью группами для усиления впечатления. Может быть, они

просто разновидность инструментовки; гораздо закругленней и органичней слова вроде: бабакать, клеклый, кракать, шевалдить и шептуширить, построенные по тому же принципу, достигшему в них большего развития.

Группа вторая: не неологизмы, но слова мало известные, мало употребительные, часто областные, странно звучащие в литературном языке. Эта группа примыкает по принципу к первой. Эти слова, как это видно из контекста, встречаются не в таком значении, как у Даля, а в новом, обусловленном ударением на фонетической стороне и переплетенностью фонетической стороны с семантической, дающим новое третье, – замкнутую эстетическую единицу. Их очень много: «вирухать» (по Далю: говорить вздор) в контексте относится к снегу, падающему с крыши; «варакать» (по Далю: шалить) в контексте относится к диванной пружине; дуботолк, дуботолить (существительное растоплено в глагол, по Далю: болван, дурак) в контексте явное ударение на фонетической стороне должно давать впечатление тяжести, ударности (говорится о папе). Далевские слова: клекнуть (вянуть), керкать (кашлять), долдонить (пустословить), бобыня (надменный человек) и т. д. в тексте приобретают, благодаря ударению на фонетической стороне, совсем новое, более сложное эстетическое значение.

Так завиваются за[illegible]ки словообразов, выпавших из мира мысли и образо[illegible]ших мир узора. Есть в «Эпопее» и вторая категория [illegible]ообразов, построенная иначе, по другой линии, не фо[illegible]ической, но принцип, в сущности, все тот же. Сюда от[illegible]ится субстантивирование, определение определяемо[illegible]тем соединения их в образе-мифе: нагбелошея, черно[illegible]ерномордик – два последних далее реализуются да[illegible]

Такие образы, [illegible]мордик, например, – не спрессованные суждения, [illegible]ые типичные замкнутые эстетические единицы: [illegible]ый, ни морда отдельно, ни связь их в определении [illegible]т нам ничего о черномордике;

только полное взаимопроникновение в третьей, где теряют они значение, дает замкнутый мир «черномордика» – миф. Эти образы построены по принципу метафоры, но и в разрезе метонимии можно их понять: черномордик, например, выражает акциденцию какой-то субстанции, но акциденция настолько взаимопроникнута субстанцией, что они теряют свое взаимное значение и вводят нас в замкнутый образ, в неразличимость субстанция и акциденции. Черномордик не только черная морда, но является образом и может быть реализован, потому что черную морду проникает какая-то субстанция: метонимический характер этих образов особенно ясен из реализации их (где черномордик и чернорук выходят из мрака, из шествия злых чернычей, выражая мрак и выражаясь через него).

Сходный принцип лежит в основе неологизмов, построенных на субстантивании глагола, например: сеянец, висенец, словоем, словодар и т. д.

Здесь тоже природа метонимическая, хотя не так резко выражена, и есть зерно мифа. Нужно еще вспомнить об одном приеме – оживления образности в словах, потерявших для нас мифическое, так как вторая половина их (воплощение) отпала. Миф расплавлен мыслью: напр., «ветрогон». Для нас мифичность его уже разрушена, мы понимаем его только отвлеченно – ветрогон для нас легкомысленный человек. В «Эпопее», как это видно из контекста (хотя бы: «побежал ветрогон по дороге времен») и тем, что рядом с ним поставлен «людогон», ему возвращена его вторая плоскость: из сочетания обеих получается снова закругленный завиток-миф – «ветрогон».

Еще остается отметить построение многочисленных неологизмов по точной копии старых форм, или, вернее, оживление старых форм, напр.: бытопись (летопись) самодушие, бледнодушие, пустодушие (равнодушие) и т. д. Здесь эстетическая единица образуется переплетением привычной формы и нового значения, создавая впечатление конкретизации.

Так видим мы, завитки словообразов, сплетаясь по двум линиям, образуют одну гирлянду, так как узор рисунка один.

Недаром, именно в главе «Бабушка, тетя и дядичка» так много сильно очерченных и замкнутых словообразов. Узор здесь разбился на самые мелкие единицы. В этом «клекнущем» и «керкающем» мире все распадается еще более; в этой главе дан апогей распада, но все же основной мотив получает и в ней углубление. Лейт-фраза «понимание – девочка в беленьком платьице пляшет, а темные няни приходят бормочущим роем; ужасно невнятно, но страшно занятно», – говорится это в связи с дядей Васей. В дяде Васе основной мотив дан в более четких очертаниях, чем в остальных лицах этого мира, закругляется он опять в каламбуры: например – дядя Вася обивает пороги Казенной Палаты – «а чем? если войлоком – просто, а камнем – не просто», и т. д. Но все же основной мотив получает здесь новое углубление через новый разрез времени: «ах, временно время, – но бременно бремя, бормочет отданными днями, и раздается нам – в уши, нам – в души». Здесь все усиливается потенциальная духовность, все актуализируется, и в постоянном соответствии с М все сильней намечается будущий синтез, и, что особенно важно, хаотическое, ветровое В оплотневает в Б; кроме [illegible] – первоначального рождения времени, борьбы с хаосом появляется БР, бремя-плод, определенное задание; уже намечается осуществление его; БР – воплощающееся за[illegible]. и рождение живых, временных моментов на основе [illegible]ания; время делается бременным: конкретность, целы[illegible] все ближе к осуществлению – основной мотив все [illegible]ляется, но все-таки еще остается ощущение временн[illegible]ремени; ветер проходящего безначального еще чувст[illegible] сильно. «Все изменяется в ветре и в времени», – го[illegible]м автор в одной из глав этого круга, и все-таки «бо[illegible]ушах и в душах» смутный шум проходящего чере[illegible]ое Н: «отданными днями»; и выявляется соответст[illegible]ему формально застывшее Д.

VII

Следующий круг – главы: «Рулады и мамочка» основной мотив углубляется все более. Папа с мамой все больше расходятся, ссорятся из-за Котика, так как папа развивает Котика, а мама препятствует. Звук разрыва, звук актуализации папы все усиливается; опять он бегает и «раз, раз, раз, ударяет по воздуху». Распад все продолжается, фон начинает окрашиваться в желто-оранжевый цвет расплавленности, «желто-оранжевой злобой глядели обои»; «все оранжево здесь»; «на оранжевом фоне кирпичные линии, четко проходят квадраты» и т. д., узнаем мы из описаний. Вместе с тем зеленый цвет – цвет распада – появился опять: у мамы позеленела бирюза. Благодаря распаду на основе будущего соединения, элементы выявляют ярко свою природу, и вот мама превратилась в лиловую стихию, страшные фиолетовые миры просквозили в ней, раскрывается в ней весь ужас безначальной стихии музыки – стихии искусства. Здесь надо вспомнить Блока «О символизме»: лиловые миры, мировой сумрак, страшная безначальная стихия-искусство, из него вышла Незнакомка: «красавица кукла, земное чудо»; она появилась тогда, когда жизнь потонула в безначальной стихии искусства[31].

«Время темнеет, и нот фиолетовой флейтой вьется триоль», – говорит нам автор, описывая сидящую у рояля ма-

[31] Подразумевается речь А. Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитанная в Обществе ревнителей художественного слова» 8 апреля 1910 г. Ср.: «Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан – мое сердце, все в нем равно волшебно: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское *декадентство*). Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я (лично) называю "*Незнакомкой*": красавица кукла, синий призрак, земное чудо» (*А. Блок*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. – М.; Л., 1962. С. 427–428).

му, но она будет оправдана. Котик развивается и преображает ее. Когда он слушает музыку, погружаясь в ее соблазнительную стихию, где «охватит пространство, пространство безбытий», он не тонет в ней, но взрывающим началом разума преображает ее: «где густела лиловая ночь, выпрозрачнилось утро; расстрелами ясности резалась ярко материя ночи; прошла неизвестность, синеет окрестность, чтобы стать голубою, дневною волною».

Так Р (им инструментован этот отрывок) разрывает «лиловую ночь» и озаряет ее лазурным дневным светом. Еще сильнее углублен основной здесь мотив. Котик развивается, но он помнит: «все яркое, чем я живу, это мама во мне». Как мы видим, цельность уже близка, и еще определенней в этом круге видим мы: Котик начинает «себя узнавать уже папою мамы и папы», говорит нам автор. Он не только не потонул в стихии музыки, но не застыл на папиной «точке зрения», он понимает, что «вещие вещи понять это значит: отставить границы между ними и мною», говорит он далее. Актуализируя папу, он понимает папу и маму, папиным светом их озаряет в себе; вещи для него стали «вещими», они вещают ему о себе, так как он закрывает разумность темной стихии, и начинают вещать вещи, но сознает себя он – преступником: «ухожу в немоту, преступаю черту, и преступность моя – откровение истины». Самосознание, самозарождение разума – преступно: оно преступает черту, оно начало разрывающее, оно разрушает разумную цельность, оно изгнание из рая (рая эстетического, настоящий рай впереди). Переступивший черту должен взять на себя и ответственность за мир. Он виноват во всем. Этот мотив далее еще усилится.

Так, видим мы, [illegible] в этом круге уже близок. Приближаемся мы к центру, все-таки до центра еще не дошли, и в разрыве все сильнее [illegible]одятся и косматятся тени. Тень – борода пустоты: [illegible] хожу средь теней, и в воздушно повиснет космат[illegible]ей; заведутся везде бороданники; я пробираюсь м[illegible]о сквозь них натыкаюсь на ужас,

а ужас хохочет, обнять меня хочет». Здесь появляется и черномордик, он выходит из шествия «злых черничей, которым нет ни конца, ни названия»; и все-таки ветер безвременья дует: «и странно и страшно в выдуваемых бурей комнатках».

VIII

Следующий круг, обнимающий главы: от главы «Михайлы» до главы «Спутник», вводит нас, сначала, как будто в поверхность только основного мотива, но за нею, потом, открывается нам углубление новое.

Глава «Михайлы» едва ли не самая четкая по своим очертаниям в «Эпопее». В ней описаны именины папы, и гости, собравшиеся у Летаевых. Поразительна острая портретность каждого из них, все они очень определенны, очень четки. Они были бы историческими масками, если бы не было дано углубляющего фона. Что же может соответствовать статическим фигурам, портретам слишком определенным уже? Они не индивидуальности, не живые конкретности еще, так как слишком они определенны и в определенности замкнуты: соответствуют им «мраки». Котик вышел в гостиную после ухода гостей: «кресла стояли во мраке, и в креслах сидела компания мраков, – и передразнивала тут сидевших гостей; и такие же мраки взирали в оконные стекла тяжелыми взорами; мраки стояли под легкими шторами; мраки стояли шпалерой немых кавалеров, «надев свои фраки».

Так, видим мы, здесь разделены застывшие формы и мраки; они соответствуют друг другу, они выражают поверхность разделения разума и хаотического, поверхность застывшую. Мысли о соединении здесь нет. Две лейт-фразы о времени в этой главе выражают тоже: «сколько раз именинничал папа, и будет еще именинничать он, а, уж там поглядишь, и ударная старость стоит со своим даром, с неблагодарным ударом».

Как видим мы, тут главные звуки Д, Др и Дар – выражают застывшую форму моментов; падающий удар определенного, но изолированного момента, или такой же его дар определенно разорванных, временных моментов дан тут: поэтому страшна старость, что она удар, а не один из моментов движения, движения тут нет; и соответствует этому вторая лейт-фраза: «в прибежное время бежим неизбежно». Это соответствует первому. Здесь основной звук Ж, сплошная жаровая раеплавленность, безвременность; мы все не живем, а «бежим неизбежно», сама необходимость расплавлена в бег, в неизбежность, все бежит, все кипение. Застывшей форме соответствует расплавленность бега. Так, видим мы, поверхность мотива.

IX

В следующей главе Котику жизнь кажется инструментованной на Б без Р. По автору Б без Р мнимая плотность, мнимый синтез, бормотанье баб, мнимооплот-невших, которые в сущности те же воющие ветровые парки: «черная бабушка – жизнь», «сначала залегаем, как гусеницы, вылетаем, как бабочки, становимся толстыми бабами, досыхаем, как бабушки». Жизнь вся стала какой-то бабой, но оплотневшее Б на поверхности только; Р взорвалось самосознанием, чтобы оправдать М и победить Б, превращая его в БР; Р и Б борются «я слаб, да, я раб: утопаю опять в бормотаньи баб» [illegible]ой бабой представляется мама сейчас: «денек, белоно[illegible]и младенец, крича благим матом, бежит уж в дугу вековую небесного свода, косматые мамы за белым младенцем [illegible]ились: с сосредоточенным бешенством, и – совершит[illegible]бийство: минуты затикают каплями крови и слез; душ[illegible]и колонною плакальщиц станут направо и станут на[illegible]и кто-то бородатый, и кто-то крылатый косматою [illegible]ю встанет над гробиком, будет отчитывать громко [illegible]ли. бѐри, бери, бери, бербѐри-папа рассказывал раз[illegible]м персидском пророке, по имени:

«Зороатр», – и я вижу во сне – продолжают они заколачивать гробик, пока он не лопнет лучами сторукого солнца: – Агуро-Мàздао». Оплотневшая мнимоеть Б, оплотневшая мнимость мира стремится убить младенца «Я» и утопить его в бормотании баб, в вое хаоса, но взрывающая сила Р, сила актуализирующегося папы, превращает Б в БР, в бремя времени, оправдывая маму, – связано это и сюжетно. Мама с папой помирились и устроили елку: папа, надевши бумажный колпак, точно митру, обвесив себя золотой бумажной цепью, ходит таким «Зороастром». ЗОР – звук солнца, звук разрыва: «*зор* – есть ядро, оно солнечный взор, *стр* – лучи во все стороны. Зороастр – есть распростертый лучами на все из духовного светожара души», читаем мы в Глоссолалии[32].

X

Итак, папа – актуализировался, скрытый в нем свет – проявился; актуализируется он, как мы знаем, по мере развития Котика: «некоторые, которые», стали громом гремящим и пишутся:

НЕ –
– КО –
– ТО –
– РЫ –
– Е –
– КО –
– ТО –
– РЫ –
– Е!!...

и потом превращаются прямо в

[32] Неточная цитата: Ср.: «... "*zor*" есть ядро: оно – солнечный взор; "*str*" – лучи во все стороны... <...> "Заратустра" есть *распростертый лучами на все из духовного света-жара души*» (*А. Белый*. Глоссолалия. Поэма о звуке. С. 61).

РРР –

– РРР –

– РРР...

Они, как мы узнаем из текста, «перерывали мир законодательством странным Синайским».

Так, видим мы, «некоторые, которые» – неизвестное еще обозначение, что-то потенциальное развитию Котика, вызвавшего скрытую в них силу, актуализируется в странный гром Синайского законодательства.

Котик знает, что актуализировавший папу должен принять на себя ответственность за мир, должен принять на себя ответственность за маму: «ты виноват, виноват без конца, виноват и один, виноват до конца, виноват без причин», – говорит нам о Котике автор. «Мне пить преступление сна», говорит он в другом месте. «Эти нервы (мамины расстроенные нервы вызвали ссору между ней и папой из-за Котика) последствие трудных родов. Беззаконие я учинил пред мамой, явившись пред нею, и после, вселил я раздор между нею и папой; преступно самосознание». Котик рождением своим на две половины разъединил папу и маму, до него было нельное, взаимопроникнутое; обязан он их соединить, сое[illegible]нив в себе по новому – светом папы *преобразив маму*; до [illegible]го не было еще ничего, была только эстетическая взаи[illegible]проникнутость; и грехи мамы – его грехи, так как на не[illegible]жит ответственность за маму. Когда мама колотит его [illegible]рясь с папой), он молится за грешницу, но в другом м[illegible] мы узнаем: «когда мама дирала за кудри, одной стороны я молился, но а другою я ведал: права-то она, что д[illegible] за грех первородный, за пфуку»... «Пфука» – родовое [illegible]вое, древнее, домашнее, скотное – звук распухания [illegible]появилось оно в результате развития; самосознание[illegible]вавшее сознательную дельность, породило домовое [illegible]е – «пфуку», породило, осветив темные глубины, [illegible]ветственно за «пфуку», должно его преобразить.

Так, видим мы, в этом круге основной мотив углублен еще более, совсем близко от центра мы, но все же к нему еще не подошли, еще цельность не стала, еще расплавленность Ж повсюду – слышим мы, «жужелень желто-оранжевых ос», и узнаем, что «все здесь в тонах желто-оранжевых, шоколадно-оранжевых», и лейт-фраза этого круга, дающая нам разрез времени все еще: «средь дующих будень летим в веретеннике дней и теней без огней».

Линия мысли завивается здесь опять в многие завитки каламбуров и образов: так «пфука», например, закругляется в образ домового, «толстого мужика, с обвислою бабьей грудью».

XI

Круг следующий и предпоследний: здесь мы приблизились к центру почти, но не в центре еще. Папа уже актуализирован вполне; мы узнаем: РРР – разрывающий звук разума, порождает время: «устраивал время, закручивая часовую пружину, и ТРРР – повороты хрипели, закручивая понедельники, вторники, среды, и ТРРР – до субботы включительно». «Новая неделя затикала». «Пролетела неделя – завел он другую – апрельскую; он ведь времявод, коновод удивительный».

«Папа присутствует всюду», читаем мы в тексте. Он сплошное присутствие, сила реальная, взрывающая сила. Здесь опять мысль закругляется в каламбур: «папу не пускают в сферы, оттого, что он сплошное присутствие». Он замкнутые круглые «сферы» взорвет, так как в нем сила взрывающая, и мама в этой главе «гласит с огромной серьезностью: да, Михаил, вот, Васильевич, да, он – сила».

«Некоторые, которые», – элогимы, узнаем мы здесь еще определенней. «Знаю: я заключил с ним завет, на Синае, коленях своих, передал содержание двух книжечек (малой зеленой и малой лиловой: то – ветхий и новый завет); если

я, уподобясь евреям, заветы нарушу, последовав зову кричащей мне мамочки (– Котик, сюда: не смей слушать отца!), если я убегу за альков сотворять с ней тельцов из конфетиков, ленточек, бантиков, пряжечек и эластичного китова уса корсетного, буду потом я охвачен паническим ужасом: будет не "гвоздь", а почище "гвоздя". Будут громко разбиты скрижали "завета". – Нет, лучше уж быть заушаемым, мамой терзаемым, что ж: христиане терзались, и львы выпускались из клеток; так я: запираемый папой в немой кабинетик, как в клетку – учусь: он – уходит из клетки, в открытую дверь пролетает рычащая мамочка-львица, но то – испытание: львица – личина, подобие; все-таки "символ" пребольно дерется, но "сила" завета во мне, и с мамою я не иду пировать по-язычески, я отвергаю рукою шоколадинку Крафта, прижавши рукою сухую скрижаль: буду "силою" я».

Здесь основной мотив получает почти последнее углубление, приближается к точке. Котик – человек, заключил на Синае завет с богом-отцом, актуализируя его и тем порождая себя на основе его. Он актуализировался в сыне, сына породив, отсюда начинается история, отсюда начинается познание, отсюда начинается жизнь человечества, «сила завета» Котик[illegible] и он не пойдет поклоняться кумирам мамы, он знает[illegible]то в сухой скрижали завета больше жизни, чем в очаро[illegible]нии музыкальной стихии. Но история – проявления [illegible]имов в Котике – должна маму преобразить, открыть [illegible]й реальное в свете отца. Преображения мамы здесь в[illegible]не еще нет, хотя уж к этому близко. Идея союза заключ[illegible]в себе идею преображения: «вращается веретень дней[illegible]нь теней», – этим кончается и этот круг еще. Призра[illegible]ь еще не побеждена воссиявшим светом конкретно[illegible]к. еще не оправдана мама и проявление ее, очаро[illegible]ее не просветлены разумом, не стали еще культу[illegible]и только ложные идолы, тени теней...

XII.

И, наконец, круг последний:
Узнаю, что тот Меч есть –
Архангел; зовут Ра-
фаилом его:
Рафаил
звук
раз-
ры-
ва!

Вот центр композиции, «Эпопеи», точка, к которой сходятся все окружности, глава эта называется «Рай». Это не рай эстетический допознавательный, это рай – истины, рай будущего, рай, которым живем мы все, рай, становящийся цельностью. До последней углубленности дошел здесь основной мотив, сила взрывающего разума, сила элогимов – здесь взята в разрезе последней глубины: «я уплотнил в продолжение жизни моей подымавшийся звук»:

«Ож-мир-мира-ам-амо! – – Неизреченный мир, дивный, – люблю!

Амма-амо-мам-мама! – – О, кормилица, люба: ты – матерь материи:

Рам-рама-брам-брама! – – Герой, посвященный – как бог!»

Так, видим мы, сила отца, актуализировавшаяся в Котике, оправдала маму: Р и М соединились, Р организовало М и БР оплотнело, как задание истории, перерождающей безначальную стихию мамы: «рам-рама брам-брама», стал герой посвященный, Я – индивидуальность. В истории, в бремени времени соединяет он папу с мамой, оправдывая маму, и все тени исчезли в светящейся конкретности становящегося смысла в истории; «бороданники теней», заводившиеся повсюду исчезли в бородинном потоке собратия светочей, в слепительном блеске элогимов. И мама оправдана; когда Котик вернулся домой после последней,

самой отчаянной семейной ссоры: «мама встретила, дверь открыв Ангеликою, крыльями шали накрыла». Так дошли мы до центра.

XIII

Видим мы: роскошна гирлянда пышных завитков эпопеи, тончайшими, яркими красками переливается она, стройно завиваются ритмы; но должны мы помнить, что «свет умный», свет духовный оплотнел здесь в неразличимости духа и плоти, должны мы помнить, что художественные образы, во всей живости своей и органичности, только — вскакивающие пузыри под расплавленным кипением познания.

«Эпопея» прекрасна. Но прекрасней жест Белого:

«Разорви свою фразу, пиши как сапожник».

Л. В. Пумпянский

Творческая биография философа и литературоведа Льва Васильевича Пумпянского[1] начиналась в 1918–1920 годах в Невеле и Витебске. Молодые любомудры образовали здесь небольшой кружок, ведущую роль в котором играли М. М. Бахтин и М. И. Каган[2]. В октябре 1920 года Пумпянский (вероятно, одновременно с Каганом[3]) перебрался в Петроград и вскоре, связавшись с руководством Вольной Философской Ассоциации, заявил о своем желании читать курс по философии культуры. Хотя этому начинанию и не суждено было осуществиться (кружок под таким названием в Вольфиле вел Иванов-Разумник), тем не менее вско-

[1] Подробную творческую биографию Л. В. Пумпянского см.: [*Н. И. Николаев.*] Энциклопедия гипотез // *Л. В. Пумпянский.* Классическая традиция. С. 7–29.

[2] См.: М. М. Бахтин и М. И. Каган. По материалам семейного архива / Публ. К. Невельской // Память. Исторический сборник. Вып. 4.– Париж, 1981. С. 249–281; Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского / Публ. Н. И. Николаева // М. М. Бахтин как философ. – М., 1992. С. 221–252.

[3] *Ср. с письмом* А. З. Штейнберга к М. И. Кагану от 17 октября 1920 г.: «Ваш брат <...> сообщил мне о Вашем решении приехать в ближайшие же дни сюда <в Петроград. – *В. Б.*>. <...> Вы на месте убедитесь, как мало можно в настоящее время сделать специально для философии. Наша Фил. Асс. в известном смысле учреждение гонимое, и не малых трудов стоит сохранить ее в ее борьбе за существование. Когда Вы будете здесь, Вы, по всей вероятности, сами в этом убедитесь» (Письмо А. З. Штейнберга — М. И. Кагану / Публ. Ю. М. Каган // Минувшее. Исторический альманах. 20. М.; СПб., 1996. С. 170).

ре Л. В. Пумпянский стал одним из самых заметных лекторов ВФА. Он дебютировал докладом «Философия трагедии» на LXIV открытом заседании 13 февраля 1921 года. В те же дни под его руководством начал работу кружок «Опыт системы нравственной философии». Пумпянского включили в состав организационного бюро по созыву в Петрограде Первого Всероссийского Философского съезда. В течение года начинающий лектор развил в Ассоциации необыкновенную активность, выступая с докладами на такие разнообразные темы, как «Размышление о «Ревизоре» Гоголя», «О героической морали», «Об антропософии», «Размышление об архитектуре», «Размышления о блаженном Августине», «Чистилище и рай», «О классицизме Пушкина» и многие другие.

Интеллектуальная «всеядность» Пумпянского, очевидно, вызывала у более опытных коллег по Ассоциации определенное раздражение[4]. 22 мая 1921 года в ходе открытого заседания, озаглавленного «Наполеон», произошло полемическое столкновение молодого философа с председателем Вольфилы Андреем Белым. По свидетельству Д. Е. Максимова, Белый выступил с опровержением вывода Пумпянского «о том, что Наполеон есть “завершение истории”»: «Говорил он, между прочим, о необходимости разделять политику и историю, а также о примирении красоты и труда, которые в будущем должны быть объединены общим творческим ритмом»[5]. Месяц спустя Пумпянский решил дать открытый бой Андрею Белому уже на его «территории», заявив на 3 июля доклад «Об антропософии», однако Белый от участия в такой «дуэли» отказался. Мотивы своего решения он объяснил в письме к Иванову-Разумнику (отправленном в самом конце июня):

[4] В шуточной по[эме] Э. Эрберга «Вольфила» (ноябрь 1922 г.) Л. Пумпянский оха[рактеризован] эпитетом «многозвонный». См.: Наст. изд. Кн. 2. С. [—]

[5] *Д. Максимов.* Р[усские] поэты начала века. С. 356.

«Очень меня смущает Пумпянский: воскресенье *не* могу быть, а между тем степень его безграмотности в вопросах антропософии только равна со степенью его нахальства; воображаю, что за чушь он будет пороть. Если бы я знал степень его безграмотности, никогда не согласился бы оппонировать ему <...>; да и притом: не для того я в "*Вольфиле*" прочел 2 курса, вводящих в проблемы антропософии, чтобы в той же "*Вольфиле*" опять и опять и опять и опять начинать «*ab ovo*»: антропософия де не есть чепуха; Пумпянский прямо заявляет, что *чепуха*. Ну, а коли так, то пусть о чепухе антропософской с Пумпянским разговаривают сторонники такого взгляда; на *петушиные бои* я не охоч <...>; так на тех же основаниях считаю невозможным пересекаться с противником, который, не прочтя ничего на эти темы, не будучи знаком с литературой, непременно лезет в бой: жаль, что, предварительно не осведомившись со степенью его "*знания*" на эти темы, я согласился на Ваше предложение выступить оппонентом»[6].

Не желая дальнейшего обострения отношений с председателем ВФА, Пумпянский обратился к Белому с письмом, которое было начато непосредственно перед беседой «Об антропософии» и завершено сразу же по ее горячим следам:

Столярный пер. 12, кв. 19.
2 июля 1921 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

мне показалось, что Вам тяжело, что у Вас трудная минута в жизни. Я очень не хочу быть навязчив, но не боюсь сказать, что в Викторе Робертовиче и во мне Вы всегда найдете людей преданных Вам всей душой и от всего сердца желающих, чтобы Вам было хорошо. Ничем особенно веселым мы поделиться не можем, но если Вы к нам заглянули бы, мы были бы очень рады, и Вы без труда увидели бы, что мы искренни.

[6] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 232.

3 июля.

Доклад об антропософии прошел не так, как я хотел, – меня никто не понял (или почти никто). Вам, вероятно, перескажут так, что я представляюсь Вам недругом, противником. – Загляните к нам! Разве так важны различия с мнением? Разве так непобедимо расхождение, им вызываемое? Есть о чем говорить и кроме антропософии – будем говорить о Платоне, о Цезаре, о том, о чем хотите великом, что связывает людей. Расскажите нам о Ваших литературных планах, почитайте новые стихи.

Я, наверно, говорю глупости, но все равно, лишь бы Вы почувствовали то нечто более важное, чем мнение, <что> живет в нашем сердце относительно Вас: горячая, доброжелательная, и б<ыть> м<ожет> бóльшая, чем Вам кажется, близость. Уважающий Вас и преданный

Л. Пумпянский[7].

Вероятно, обращение Пумпянского послужило определенному «примирению»[8]; его признаки наличествуют в другом послании к Белому, отправленном три месяца спустя после злополучного доклада «Об антропософии» – как раз накануне прощания председателя Ассоциации с петроградской Вольфилой:

Петроград, Столярный 12, кв. 19.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

возможно, что у меня не будет возможности посетить Ваши «Воспоминания» в субботу и лекцию в воскресенье, следственно, не придется, быть может, видеть Вас до Вашего отъезда и проститься с Вами. – Позвольте письменно выразить Вам – на прощанье – живейшую радость о счастливом в Вашей жи[зни] событии; что большие труды ожида-

[7] РГАЛИ. Ф. 53. О[п.] [1]249. Л. 1.

[8] Согласно запис[и] [в]ея Белого «Себе на память», 24 июля он выступил с содоклад[ом] [П]умпянскому на тему «Естествознание Гете», а в августе принял у[частие] [в] работе его кружка.

ют Вас и что много еще книг, равных «Петербургу» (т. е. бессмертных), Россия будет связывать с Вашим именем. – Кстати, я обдумываю работу о «Петербурге» – как жаль мне, что Вас не будет при чтении ее![9]

Будьте счастливы и да хранит Вас Бог!

Уважающий Вас глубоко; от сердца преданный

Л. Пумпянский.

6 октября 1921 г.[10]

В Вольную Философскую Ассоциацию Л. В. Пумпянский пришел с вполне определившимся мировоззрением, об основных принципах которого дает представление работа «Опыт построения релятивистической действительности по "Ревизору"» (1919)[11]. Как и многие его сверстники, Пумпянский отталкивался от символистского мировосприятия, однако символы уходящей культуры казались ему всего лишь «случайными элементами» изолированных друг от друга и распадающихся миров. Он рассматривал современность как «безответственную эпоху», как период всеобщего релятивизма, соседящий с конечной катастрофой и с особой силой разрушающий любые формы человеческой деятельности, в том числе и интеллектуальной. По его мнению, распад мировоззрений происходит как в трагическом своем преломлении, так и в комическом. Если трагедия развивается внутри «обоснованного» мира, когда две равновесные воли сталкиваются и в своем борении втягивают мир в поток саморазрушения, то комедия, которая рождается в «необоснованном» мире, разрушает саму систему релятивистской действительности, не имея при этом возможности уничтожить собственные ре-

[9] Замысел не был реализован.

[10] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 249. Л. 2.

[11] См.: *Л. В. Пумпянский*. Классическая традиция. С. 576–589. Очевидно, сформулированные в статье выводы были положены в основу вольфильского доклада Пумпянского «Размышление о "Ревизоре" Гоголя».

лятивистские основания окружающей действительности. В итоге человек, обнаруживший мир существующим без достаточных оснований, оказывается перед дилеммой: или иллюзорно существовать в «реакционно-символистском» потоке (путь религиозного опыта), или отдаться неизбежному релятивизму, то есть принять на себя «*ответственность первого шага*»: выбрать ту или иную величину «переменной и по ней взойти к пределу – цели всякой мысли»[12], чтобы и там в конечном счете обнаружить пустоту самораспада.

На тот момент Пумпянский был убежден, что альтернативой обоим решениям может стать путь сократического (философского) самопознания: «Каждый атом мира завершается комедией, – но распадение его в комедии освобождает самосознание, ибо распадается знаменующее – и только оно! Знаменуемая же идея (единство сознания) свободно для нового пути»[13]. Пусть это все тот же релятивизм; главное – не замыкаться на какой-либо идее, не искать убежища в искусственном «пифагорействе», но, отказавшись от поисков абсолютного смысла, жить, благодаря неустанному движению «двух крыльев самосознания»: философии и музыки. Окунувшись в релятивистский поток сократической иронии и эстетически отстранившись от мира, в конце концов вынырнуть в самодостаточном микрокосме индивидуального сознания.

Пожалуй, наиболее заметным выступлением Л. В. Пумпянского в Вольфиле стал доклад «Достоевский и античность», которым в октябре 1921 года открылся цикл заседаний, посвященных 100-летней годовщине со дня рождения Ф. М. Достоевского. Если суммировать выраженные здесь взгляды, то их мировоззренческий пафос нашел отражение в [illegible]альном тезисе: «поэтика, а не пси-

[12] *Л. В. Пумпянский.* [illegible]ческая традиция. С. 576.
[13] Там же. С. 589

хология». В качестве альтернативы психологическому переживанию «безосновности» мира докладчик выдвинул тезис о необходимости его поэтической реорганизации. Повседневность есть не что иное, как «сон-действие», который снится поэту. Насущная и единственно возможная творческая задача заключается в том, чтобы, прибегнув к законам поэтики, привести этот иллюзорный мир в соответствие с вечностью. Провозглашая примат эстетического над историческим и этическим, Пумпянский настаивал на праве автора художественного произведения выводить «нравственную реальность» за пределы «эстетического вымысла» для окончательного преодоления конфликта «между реальностью истории и иллюзорностью персональности». Художнику предлагалось «притвориться помешанным», встать на позиции «героя» и выстроить такой освященный поэзией мир, осмысление которого могло бы привести к оправданию реальности «первого порядка» – исторической и политической. Прямо не призывая к примирению с действительностью, Пумпянский, тем не менее, уже в этом «манифесте нового направления теоретической мысли»[14] вполне определенно выступил с позиций нравственного релятивизма.

Руководители Вольфилы конечно же не могли согласиться с подобным решением дихотомии «поэтика» – «психология». Для них «поэтика» была прежде всего художественным *мировоззрением*, отражением творческих и нравственных усилий человека во имя изменения реальности. Порожденный индивидуальным самосознанием смысл непременно должен был заключать в себе опреде-

[14] Н. И. Николаев, характеризуя таким образом книгу «Достоевский и античность», в то же время замечает, что она «не произвела впечатления, подобного первым сборникам ОПОЯЗ'а, и вообще не была замечена», поскольку «могла восприниматься лишь как частичная ревизия ряда положений прежней символистской культуры» (*Л. В. Пумпянский*. Классическая традиция. С. 16).

ленное этическое содержание, объясняющее человеку его собственное предназначение в историческом процессе и в каждой относительно дискретной точке, именуемой настоящим. Именно поэтому все они – и Андрей Белый, и Иванов-Разумник, и Конст. Эрберг, и А. З. Штейнберг, – руководствуясь индивидуальными нравственными ориентирами, не считали для себя возможным примириться с действительностью; столь же невозможным полагали они и уход от реальности в область вымысла и фантазии.

Открытый конфликт участников вольфильского дискурса с Л. В. Пумпянским назревал достаточно долго; сам Пумпянский, считал, что его не понимают (судя по первому письму к Белому), оппоненты (а это были не только руководители Ассоциации, как следует, например, из публикуемого ниже отчета «Лекция об антисемитизме»), в свою очередь, находили его аргументы «парадоксальными и неубедительными». Рассказывая Андрею Белому в письме от 7 декабря 1923 года о событиях, происшедших в Вольфиле за два года его отсутствия в России, Иванов-Разумник так описал разрыв Пумпянского с ВФА: «С треском вылетел Л. В. Пумпянский, после большого скандала на заседании; этому я тоже был рад, так как он, хотя и тонкий, и кружевной, но очень противный в самой своей сути, православный иезуит из еврейских выкрестов»[15].

[15] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 266. Комментируя этот пассаж, И. И. Николаев, высказывает следующее предположение: «Такой комментарий характеристикой Иванов-Разумник, возможно, хотел исподволь напомнить адресату о выступлении *Л. В. П.* летом 192[illegible] Вольфиле с докладом, направленным против антропософии А[illegible]ого, и тем самым сгладить в его глазах впечатление от случ[illegible]ося скандала. Много позднее, в 1973 г., *М. М. Б.* [М. М. Бахт[illegible]увственно вспоминал, что Л. В. П. «очень любил русскую кул[illegible]равославие, был православным, и ярым православным...» (*Л[illegible]пянский*. Классическая традиция. С. 745). Нам представляется [illegible]ый достаточно хорошо знал Пумпянского по его выступле[illegible]ольфиле и не нуждался в каких-либо до-

Поводом для этого «большого скандала» стал доклад Пумпянского «О нравственном и умственном состоянии современной России», чтение которого состоялось в понедельник, 2 апреля 1922 года. Главным оппонентом докладчика выступил его ровесник – А. З. Штейнберг, выражавший прямо противоположные взгляды. В то время как Пумпянский, исповедуя принципы эстетического и нравственного релятивизма, искал аргументы для «примирения» с действительностью, ученый секретарь Ассоциации декларировал свою приверженность духовному максимализму и открыто стоял на позициях неприятия советского строя. В воспоминаниях Штейнберга имя Пумпянского вообще не упоминается; нет здесь и каких-либо следов вспыхнувшей 2 апреля полемики. Тем не менее мемуарист приводит пример, как на заседании Совета ВФА «один из более молодых членов нашего содружества <...> сказал», обращаясь к неназванному оппоненту: «"Не думаете ли вы, что, забиваясь в угол формализма, вы обеспечиваете себе политическое спокойствие, создаете видимость нейтральности? Вас интересуют идеи вообще, и поэтому вы не можете говорить и проявлять в литературной критике положительного или отрицательного отношения к реальной политической жизни в России". На что представители формальной школы ответили: "Если это упрек, то мы этот упрек возвращаем, потому что вы заняли неопределенную позицию. С одной стороны, вы не выступаете активно против существующего строя, а с другой стороны, не защищая этого строя, все-таки создаете для себя ореол мученике-

полнительных напоминаниях. Реальный же комментарий к этой, т. н. «сомнительной», характеристике («православный иезуит из еврейских выкрестов») предполагает не выхваченную из контекста «религиозную» или «национальную» составляющую, а объективацию целостного смысла высказывания. Иванов-Разумник использует в данном случае оксюморон (стилистическую фигуру, соединяющую оценки, противоположные по своему значению), чтобы как можно более адекватно отразить подлинную суть «тонкого и кружевного» мировоззрения Л. В. Пумпянского.

ства. Вы находитесь в оппозиции, но в такой, которая никому не опасна, и поэтому вас терпят"». «"Нас терпят, потому что мы нейтральны", – заключает описание эпизода А. З. Штейнберг, – в этом было нечто сильно нас задевшее...»[16] Уместно предположить, что основным героем описанного полемического столкновения был как раз Л. В. Пумпянский, открыто выступивший на заседании Совета с критикой общественно-политической позиции руководства Ассоциации[17]. Итогом же конфликта, очевидно, и стало его демонстративное изгнание из Вольфилы[18].

Если согласиться с подобным допущением, не стоит воспринимать, тем не менее, ошибочное обобщение мемуариста всего лишь как естественную погрешность его памяти. В начале 1920-х годов в Вольфиле столкнулись представители двух противоположных мировоззренческих ориентаций: судьба вела одних из философии в жизнь, других – уводила от жизни в философию, эстетику, литературу и далее – в материал, текст, конструкцию, слово. Более всего мировоззренческие антиподы встречались в одном и том же «поколении на повороте»[19]. Организаторы

[16] *А. Штейнберг.* Друзья моих ранних лет. С. 92.

[17] В другом месте своих воспоминаний Штейнберг вновь возвращается к этому эпизоду: «Было к нам много неприязни. "Чудаки" – этого недостаточно. О нас говорили: "Это люди, которые хотят приспособиться, но слишком горды, чтобы просто расписаться в своем поражении. Они за принцип 'и вашим, и нашим'". Не хочу называть имени человека, который это сказал. Я ему ответил: "Ни нашим, ни вашим"» (Там же. С. 12[illegible]).

[18] В оценке Н. И. Николаева результат конфликта представлен в инверсной форме: «[illegible]висимая позиция, которой Л. В. Пумпянский придерживался в Вольфиле, постепенно становилась все более несовместимой с ее [illegible]льностью, и весной 1922 г. он покидает Вольфилу» (*Л. В. Пумпянский*. Классическая традиция. С. 22).

[19] Выражение Л[illegible]бург, засвидетельствовавшей появление в начале 1920-х гг. т[illegible]кретического» типа интеллигенции, с одной стороны, сори[illegible]нного на традиции русской революции, с другой – желавше[illegible] и действовать со всеми... сознательными

и руководители Вольфилы, столкнулись с фактом появления таких «новых философов» (часто отрицавших даже саму философию), для которых этическая проблематика была если и не пустым звуком, то делом интеллектуально второстепенным. Отвергая своих социально, исторически и политически ориентированных предшественников, эти (прежде всего) специалисты в области теории литературы обращались в мир «поэтики», а не «политики», «эстетики», а не «психологии». Действительность казалась им материалом, который надлежало организовать по законам вечности. Пришли авторы, выбравшие диалог с собственным сознанием, и обнаружившие, что размышления о жизни есть ни что иное, как «типично русская болтовня».

О том, что конфликт имел серьезные последствия не только для докладчика, но и для Вольфилы в целом, свидетельствует письмо Д. М. Пинеса к Иванову-Разумнику, которое было написано 7 апреля 1922 года – по горячим следам случившегося: «И заодно еще "Размышления о – Пумпянском"[20]. Точнее, не о нем, а о нас, о Вольфиле. У меня еще не исчезло чувство неловкости от понедельника, и всё как-то развязываю узелки и чем дальше развязываю, тем больше они запутываются. Конечно, нет вопроса об "оценке" П<умпянско>го. И не задаюсь вопросом: "имел ли *право* Ар<он> Зах<арович>?" Вопрос другой: "имела ли право *Вольфила*?" – И тут сомнения: "право" имеет только "я". А Вольфила все же не "я", а "*мы*". А "*мы*" никогда не имеют права. – Если Вольфила будет говорить *так*, как А<рон> Зах<арович>, то – действительно – она становится орденом, законом, и тогда надо будет говорить:

и бессознательными уловками», и с третьей – ощушавшего конец старого мира и наступление новой, ни на что не похожей действительности. Подробнее см.: *Л. Гинзбург.* Литература в поисках реальности. – Л., 1987. С. 318–319.

[20] Д. М. Пинес иронически обыгрывает традиционные названия докладов Пумпянского.

"*Во имя Закона*". Еще раз: *в Вольфиле* можно (б<ыть> м<ожет>, даже *нужно*, *должно*) так говорить, но *Вольфила* (как целое, как *я*) не может так говорить. Потому что (продолжая, Разумник Васильевич, дневной разговор вторичный у Конст<антина> Ал<ександрови>ча) – "право на слово" – дело есть *Дело* (подвиг) жизни, *личное дело*, личный путь, и он у каждого – свой. Вольфила же <еще – *зчркн.*> не личность (в этом смысле слова), а перекресток. – И потом еще: можно ли Пумпянскому предъявлять обвинение: "Вам говорят <о смерти и жизни – *зчркн.*> от сердца, а Вы – о грамматических ошибках..." Но ведь мы сами не внемлем невнятице (*сердечной*, а не логической) Гордина, и поэтому вопрос должен идти по-иному. Все это не столько "в защиту" Пумп<янск>ого, сколько для того, чтобы осознать, разобраться в Вольфильском. [Так они и противостоят друг другу: "Вольфильское" и "Пумпянское"]. Ну, вот, Разумн<ик> Васильевич, осколки моих "Размышлений о..." Не знаю, разделяете Вы их или же считаете "рефлексией". – Так или иначе, Вольфила от кого-то отгородилась, "актом" что-то отсекла. Вывод: ей надо быть требовательнее и строже к себе самой»[21].

[21] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 314. Л. 1–1об. Апеллируя к самокритичной оценке Д. М. Пинеса, Н. И. Николаев утверждает, будто «диалогу с другими взглядами на современность», в том числе и диалогу с Пумпянским, воспрепятствовал «народнический и эсеровский пафос руководителей Вольфилы и по отношению и к прошлому и к настоящему» (*Л. В. Пумпянский*. Классическая традиция. С. 746). Однако и публикуемые здесь стенограммы, и воспоминания современников демонстрируют характерную для руководителей Ассоциации мировоззренческую толерантность. Ср.: «Разумник Васильевич Иванов-Разумник бесстрастно предоставлял всем слово: говори – что угодно. С диаметрально противоположными точками зрения выступали ораторы вольной ассоциации философствующих» (*Н. И. Гаген-Торн*. Memoria. С. 35). Заметим также, что слова «эсеровский пафос», звучавшие по тем временам как политическое обвинение, даже гонители Ассоциации не считали возможным отнести к Вольфиле.

Вольфила, конечно, так и не стала «орденом» или «законом». Более уместно ассоциировать ее с тем самым «перекрестком», после которого одни оказались в эмиграции, другие – в «тюрьмах и ссылках», третьи – замкнулись в относительно благополучных кельях профессиональных занятий «поэтикой» и литературоведением. Философия в советскую эпоху стала делом социально подозрительным и индивидуально опасным. В своих работах второй половины 1920-х годов Л. В. Пумпянский практически отошел от философской тематики, а в 1927 году даже публично признал марксистскую социологию как единственно правильный методологический ориентир в области истории литературы. Возможно, это и был самый очевидный и безопасный для того времени выход из тупика релятивизма...

Краткий и приблизительный план курса по философии культуры, который я предполагаю читать в В<ольной> Фил<ософской> Асс<оциации> к 1921-ому г<оду>[22]

Общая цель: исследованием найти тот общий принцип, из к<отор>ого можно было бы дедуцировать систему культуры и дедукцию эту произвести. Этот общий принцип есть абсолютное состояние сознания (тождественное музыкальному и моральному). Поэтому всей системе предпосылается

1. Философия музыки, т. е. учение о музык<альном> построении сознанием эстетической предметности и об освобождении сознания от эстетичности; анализ абсол<ютного> момента сознания; чистота долга: чистота логического будущего.

2. Гносеологич<еская> проблема к<а>к часть фил<ософии> культуры, сознание к<а>к феномен логический (= протекающий в культуре).

[22] ИРЛИ. Ф. 474. № 470. Впервые опубликовано нами в журнале *«Вопросы философии»* (1994. № 12. С. 155–156).

3. Проблема (эстетической) природы, как часть фил<ософии> культуры. Принципы эстетики природы.

4. Эстетическая религия и исследование дионисического культа.

5. Проблема истории (к<а>к истинный смысл этого культа) и место истории в культуре; история – эстетич<еская> конструкция.

6. Проблема истории есть проблема трагедии. Исследование греч<еской> трагедии.

7. Драма и комедия.

8. Общее учение о судьбе мифа в культуре.

9. Рецепция предметности в трагической историке: архит<ектура>, скульптура, живопись.

10. Положительные дела истории: государство (= нравственность).

11. Нравственность как рецепция чистого долга (= музык<альный> момент).

12. Место политики в системе культуры.

13. Жертва, культ, храм; община, культовый хор.

14. Музыка (к<а>к искусство).

15. Музыка к<а>к граница культуры; переход к Откровению.

16. Религия в пределах культуры. Нравств<енный> (= покаянный) момент в культуре; израильская религия.

17. Религия вне пределов культуры. Царствие Божие как постулат музык<ального> искусства.

18. Царствие Божь. к<а>к Божественная история. Заключение.

Большинство пунктов (отмеченных, конечно, лишь с крайней приблизи ьностью) мною вполне уже обдуманы и записаны; част ие не до конца разработана.

Курс требует, б<ы м<ожет>, 50–75 двухчасовых лекций.

Аудитория мож ть и средней подготовленности (ниже университет п<отому> ч<то> принципы системы я буду все вр аснять исследованием конкретного материала.

Хотя вряд ли содержание моего курса совпадает с курсом по фил<ософии> культуры, уже читаемом в В<ольной> Ф<илософской> Асс<оциации>, можно, во избежание недоразумений, мой курс озаглавить: Система моральной философии (что, конечно, не так точно, к<а>к основное заглавие).

Ввиду того, что я привлекаю к анализу очень большой материал (греческая религия, греч<еская> фил<ософия>, иудаизм, театр, новоевроп<ейская> литер<атура>, философская поэтика, класс<ическая> и романт<ическая> поэзия и пр.), курс, если мне удастся хорошо его развить и изложить, может иметь для слушателей немаловажное значение и общеобразовательное, помимо философского.

Л. Пумпянский (Лев Васильевич)
Офицерская 18, кв. 2.

Лекция об антисемитизме[23]

В *Вольной Философской Ассоциации* (Вольфиле) *Л. В. Пумпянский* прочитал доклад на тему: *Размышление об антисемитизме*. Главные положения доклада сводятся к следующему. Несмотря на громадную роль, которую еврейство играет в современной Европе, и еще большую роль, которую ему неизбежно предстоит играть, серьезная философия почти ничего не сделала, чтобы понять причины явного упадка европейских народов, и – с ним одновременно расцвета еврейства. Между тем отношения между еврейством и европейцами все более оттесняют исторический интерес отношений еврейских народов между собою. Переходя к анализу антисемитизма, докладчик признает всю его «*историческую* правоту» и дает ей формулу: еврейство не принадлежит к человеческому роду. Признаком

[23] Публикуется по изданию: Еврейский вестник. 1922. Май. № 2. Стлб. 20–21. Доклад, по всей вероятности, был прочитан в марте 1922 г.

принадлежности к человечеству является превращение сексуальности в миф, т. е. история. Народы *историей* доказывают свою антропологичность, производя систематическую элиминацию сексуальной животности. Еврейство же, не знающее мифа, стоит за порогом человечества и есть исторически локализированное, но не историческое явление. В этом – историческая правота антисемитизма, который докладчик считает неопровержимым в области *данного*. Тем энергичнее докладчик старается обнаружить *нравственную* бессодержательность антисемитизма. *Израиль свят* именно потому, что стоит *вне истории* и человечества. Ветхий Завет есть процесс систематического очищения Израиля от мифологической жизни, а подобный процесс и есть путь святости. Святость, соединенная с животностью, есть *реальность*. Израиль, стоящий вне человечества, реален, между тем, как *народы*, *составляющие человечество*, историчны, т. е. *фиктивны*. Ныне фикция рассеивается; с Наполеоном начавшийся процесс самоунижения европейских народов, заканчивает мифологическое состояние Европы: за *рассеявшеюся* фикцией обнаруживается реальность, т. е. еврейство. Поэтому моральные задачи современного мира таковы: найти общую евреям и европейцам территорию, на которой могло бы быть воздвигнуто еще никогда не бывшее *реальное человечество*. Такая территория есть Реформация, или всеобщее покаяние и равенство всех перед одинаково евреями и европейцами неисполненным нравственным законом – таков путь, которым еврейство может истинно выйти в человечество, а европейские народы – в реальность. Таков единственный путь создания единого человеческого рода.

В обмене мнений после доклада приняли участие проф. *Мейер, Тубянский, Ингер* и др. *Ал. Ал. Мейер* считает неприемлемым для себя [illegible]вленный докладчиком тезис об «исторической право[illegible]нтисемитизма». «Я, – заявил оппонент, – с антисеми[illegible] и разговаривать не могу, у нас нет общего языка – [illegible]ычники!» *С. Л. Цинберг* указал на

крайнюю схематичность и необоснованность всего доклада. Оперируя терминами «миф», «реформация», «историчность», «фиктивность» и т. д. не в их обычной значительности, докладчик не дал себе труда пояснить, какой он, собственно, смысл влагает в каждый из этих терминов. Без этого все тезисы доклада расплываются в туманной недосказанности и недоказанности. Первая половина доклада, где речь идет о «внутреннем Карфагене», о «неисторичности» еврейск. народа и о непринадлежности его к человеческому роду, совершенно не вяжется с заключительными выводами доклада. Равенство всех перед «абсолютным нравственным законом» и есть ведь тот девиз, который был впервые возвещен миру еврейским народом, и этот же девиз привел иудаизм в столкновение с остальным миром. Проблема взаимоотношений и согласования иудаизма с европейской культурой, заявил оппонент в заключение, проблема, принявшая особую заостренность в переживаемый нами исторический момент – заслуживает самого серьезного внимания. К сожалению, теряющийся в туманностях и противоречиях доклад Л. В. Пумпянского менее всего может содействовать выяснению данной наболевшей проблемы.

Доклад *Л. В. Пумпянского*, парадоксальный и неубедительный, вызвал в общем горячие прения.

О нравственном и умственном состоянии современной России[24] (доклад, прочитанный 2 апреля 1922 в ВФА)

Тезисы:

1. О т<ак> н<азываемой> современности не может быть суждений аналитического типа. Учение о ней есть часть моральной практики.

2. Современность есть ассимиляция историка (исследователя) и предмета его одинаково обязательному будущему.

[24] ИРЛИ. Ф. 474. № 470. Впервые опубликовано нами в журнале «Вопросы философии» (1994. № 12. С. 156–157).

3. Суждение о современности есть поэтому не анализ, а парадигматический кризис, т<о> е<сть> есть вид и степень пророческого (не дивинаторского) знания.

4. Сознание современной России есть абсолютная свобода, единственный предмет пророчества.

5. Наши выдающиеся люди принадлежат поэтому кануну современности, не ей самой.

6. Поведение ген<ерала> Брусилова в 1920 г.[25] есть рудимент русского гуманизма XIX-ого в<ека>; всемирно-историческая личность В. И. Ульянова-Ленина принадлежит ему же.

7. Историческая вина Ф. Зелинского заключается в сужении понятия Возрождения. Университет (т<о> е<сть> отвлеченная реставрация трагич<еской> цивилизации) есть эпилогическое явление. Распадение Университета в наши дни не есть поэтому последствие Революции и трудных внешних условий.

8. Эпилогизм же есть истор<ическая> вина т<ак> н<азываемой> символической поэзии. Вытеснение ее вульгарным лиризмом наших дней есть последствие этой вины.

9. Все эти три сферы систематической цивилизации (Правительство – Университет – т<ак> н<азываемая> символ<ическая> поэзия) не современны нам. Современна нам – пауза между поэзией и писательством.

10. Только с появлением писателя (Schriftseller) русское общество соединится с современностью себя же.

11. К сознанию современности должны быть направлены все наши усилия.

12. Создание пост-исторической современности ставит тему пуританства и разрешается в молитве.

[25] В мае 1920 г. рус[illegible] военный деятель, генерал от кавалерии Алексей Алексеевич [illegible]ов (1853–1926) отверг предложение о сотрудничестве с Белой [illegible]й и стал председателем Особого совещания при главнокоман[illegible]м Вооруженных сил Советской республики, которое обрати[illegible] бывшим русским офицерам с воззванием выступить на защит[illegible].

Беспредельные горизонты к неисчерпаемым возможностям... Не пора ли человеку сбросить с себя этот привилегированный груз обязанностей считать себя во что бы то ни стало самым разумнейшим существом в мире?

МОЕ открытие НИКАКОЙ с точки зрения строгой критики ничего не открывает, но оно дает мне возможность, уничтожив всякую критику живого человека, видеть перед собой такие горизонты и перспективы, перед которыми, как говорится, «ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ»!

Чтобы не утомлять Вашего благосклонного внимания, на этом я и закончу.

В заключение я только позволю себе сказать следующее: особенность человека заключается, между прочим, в том, что он способен иногда зародить в себе самом такого идейного или морального гада, который, окрепнув, в состоянии потом поработить и пожрать своего поработителя.

Это обстоятельство я всегда хочу помнить и, же<лая> быть по возможности свободным (вольным) <мыслите>лем, иду дальше.

<При>мите мое искреннее уверение в ува<жении> и преданности.

Георгий Зотов
Москва, XII – 24 г.

Поэтическая галерея

Чем дальше повседневность отстоит от воплощения идеалов вольного духа, тем больше надежд люди возлагают на параллельную ей творческую реальность, которая, как им кажется, заключает в себе все признаки желаемой свободы. В начале 1920-х годов участники различных сообществ еще достаточно регулярно обращаются к так называемой «домашней», кружковой литературе – непременному атрибуту дореволюционной культурной жизни, которая практически сойдет на нет лишь к концу десятилетия[1]. Мир дружеских отношений изначально открыт для творчества, и даже характерная для такого рода литературы ирония – это не издевка или унижение, а симптом некой интимной близости, окрашивающей совместные интеллектуальные поиски в добрые, лирические и юмористические тона.

Вольфила не стала исключением из правил, и в конечном счете из большого общественного института она превратилась в достаточно узкий товарищеский кружок, участники которого черпали силы и получали удовольствие во взаимном общении, давно уже перешедшем в дружбу. Среди авторов представленных здесь стихотворных произведе-

[1] Подробнее см.: И[illegible]ратурного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А[illegible]тиной и Р. В. Руры) / Публ. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Р[illegible]ного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 34

ний – Д. М. Пинес, Э. Ф. Голлербах, О. Д. Форш, В. В. Гиппиус, Иванов-Разумник; наибольшее же количество рифмованных строк принадлежит Конст. Эрбергу. В коротких поэтических зарисовках, дополненных шаржированными миниатюрными характеристиками, оживают удивительная атмосфера собраний, отмечаются индивидуальные особенности участников заседаний, проявляются скрытые симпатии и антипатии. Особое внимание привлекает поэма «Вольфила», написанная в ноябре 1922 года по случаю трехлетнего юбилея философского содружества. Портреты всех запечатленных здесь «вольфильцев» и «вольфилок» удивительно колоритны; вместе ее герои составляют единое целое – Ассоциацию вольнодумцев. Хотя тональность поэтического повествования исключительно мажорна, однако уже первые строки дают понять, насколько велик груз накопившейся усталости, которую автор, впрочем, и не стремился скрывать. В декабре 1923-го Иванов-Разумник напишет Андрею Белому: «К. А. Эрберг уже с год не ходит в Вольфилу, а если и ходит, то молчит; попрощался с Вольфилой большой поэмой...»[2]

Действительное прощание состоялось полутора годами позже – 3 марта 1924 года во время празднования друзьями по ВФА литературного юбилея Иванова-Разумника. Вполне «карнавальное» по своему духу торжество наложилось на драматические события и в стране, и внутри самой Вольфилы. Буквально сразу по следам этого чествования события Конст. Эрберг написал новую поэму «Вольфильский Юбилей». В финальных репликах ее героев отразилось предчувствие близящихся перемен: общее течение полноценной вольной мысли с неотвратимой неизбежностью превращалось в сотни мелеющих и высыхающих ручейков. Над Ассоциацией уже давно сгустились тучи, хотя участники юбилейного торжества и не подозревали еще

[2] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264.

о том, что спустя два месяца Вольфила будет тихо закрыта, точнее, всего лишь не будет зарегистрирована в числе разрешенных общественных организаций.

Д. М. Пинес. Скифо-Вавилонская история[3]
(Сконаполь-истоар)
23 мая 1921 г.

Посвящается А. Л. В.

Ах, трещит Вольфильский дом!
Забивает Нина – Шуру,
Русый *русский* чернозем
Пра-семитскую культуру.

«Мир влечется в примитив»,
Примитив пришел с эффектом,
Простотою заменив
Усложненность интеллекта.

Примитив пришел и прет
В круг большой и эзотерный;
Ассирийский древний рот
Сжат от горечи безмерной.

И вонзает острый терн
Наркомфиф Р. В. Иванов,
Поручик Гагенторн
Дать ответы для журналов...

[3] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. [illegible] № 130. На документе помета рукой Иванова-Разумника: «Д. П[illegible]митрий Михайлович Пинес. А. Л. В. – Шура, Александра Лаза[illegible]Векслер, Нина – Нина Ивановна Гагенторн, Чебышев – [illegible]и Александрович Чебышев-Дмитриев». Впервые стихотворе[illegible]убликовано нами в брошюре «Петроградская Вольная Фило[illegible]Ассоциация (1919–1924) – антитоталитарный эксперимен[illegible]ммунистической стране» (С. 24–25).

В опустелом сердце мрак,
Скорбь скребется, точно кошка;
Захватил коварный враг
Даже светлое окошко.

Но в примитиве вдруг марксизм
Зацвел под звуки Булгакова;
В душе усталой – пароксизм,
И не сдержать волненья злого –

Беги, о древний Вавилон!
Твоя семитская культура,
Твой метод, сложность – *просто* сон
И буржуазная структура!..

И затрещал вольфильский шов
От слов марксистского уклона
[И воздух взорван от циклона.]
Истинно-русский Чебышев
Примкнул к *побегу* Вавилона.

И лишь разумный Наркомскиф
С своею трубкой не расстался:
Он рад, Вольфилу в хаос сбив,
Что – *Понедельник* состоялся.

Д. П.

Э. Ф. Голлербах. Андрей Белый[4]

Разумнику Васильевичу Иванову

Златую чашу зелий мировинных
Над сонными полями расплескав,
Он вызвал к жизни семена глубинных,
Отравленных, благоуханных трав.

И верим мы – возможно ли не верить? –
Что ворожбе пронзительных зрачков
Дано раскрыть неведомые двери,
Осилить плен невидимых оков.

Сквозь строй времен, сквозь бредомуть мгновенья
Он зарево грядущего несет
«Безвременную боль разуверенья»
И мудрости тысячелетний мед.

Все строже мысль, тоска все безутешней,
Угрюмей лик, белее пепел косм.
Нежданный весь, нечаемый, нездешний,
Вихрящихся прозрений микрокосм.

Быть может, он приснился наяву нам?
Смотрите же, смотрите на него,
Неистовым, безумным, вечно-юным
Не надобно от жизни ничего.

Крылатый гений, реющий над бездной,
Над бурями безвременной пустоты, –
В наш рабский век, бездушный век железный,
Как необычен, как чудесен ты!..

Э. Голлербах

11. VII. 1921

[4] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4 В верхней части листа помета Иванова-Разумника: «Э. Ф. Го 1921».

Конст. Эрберг. Вольфила[5]
1922
Поэма

За столом сидеть зеленым,
Судаком глядеть вареным
В заседании Вольфилы –
Ни охоты нет, ни силы.
Продырявилось в ней что-то, –
Оттого и нет охоты.
Ночью, днем, зимой и летом
Больше не хочу сидеть там
Для пустого разговора,
А торчать так, – для «надзора»,
Для порядка – тоже дико.
Коль не веришь, – посиди-ка!
Заседаньям отдал дань я,
Невтерпеж мне заседанья.
Потому, пока в Вольфиле
Члены все не опочили
Под журчанье слов бездушных,
Чтобы не было так скучно, –
О Вольфиле напишу я
Все, что вижу, знаю, чую.

Вот Разумник осторожный,
Очень тонкий, очень сложный.
Слишком тонкий, – мне сдается.
А где тонко, там и рвется.

Тут же «Лилия Сарона»
(Говорю я про Арона)

[5] ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 18 об. – 23. Поэма, а также другие шуточные тексты (кроме стихотворений, посвященных О. Д. Форш) впервые опубликованы нами в журнале «Литературное обозрение» (1995. № 4/5. С. 107–110).

Охраняем фило-софьей,
Посвятил немного слов ей,
Уверяя, что система-
-тической философемы
Он добиться может ныне
Почему-то лишь в Берлине.
Как бы ни было, плененный
И системою прельщенный,
Дух его не хочет воли.
Хоть влюбился бы он, что ли!

Вот влюбленная в Арона
Наша вещая ворона.
Все пророчит горе злое,
Но Вольфила ведь не Троя,
По плечу ли нам Кассандры?
С нас довольно Александры[6].
Всем известно, что вороны
К воровству бывают склонны:
Все блестящее манит их.
Так, без краски на ланитах,
И Вольфильская ворона
(Та, влюбленная в Арона),
Любопытством обуяна,
Утащила из кармана
У меня [illegible]и труд блестящий,
Ложь и [illegible]равду говорящий:
Утащила, разболтала,
Там, — [illegible]дишь, — переписала, —
И пош[illegible]тулять листки...
Но ве[illegible] черновики
И наб[illegible]и без ретуши!
Кто б[illegible]был ты, — послушай,

[6] А. Л. Векслер.

Мой читатель: нет резону
Отвечать мне за ворону.
И даю совет тебе я:
Ты блестящие идеи
И блестящие увражи
От вороньей от покражи,
Мой читатель, запирай:
Стащит живо. Так и знай.

Дальше кто? Упрямый Пинес –
За Вольфилу много вынес
Беспокойств от коммунистов,
Все ж бунтует он неистов.
Ты ведь Пинес, а не penis,
Подчинись же не кобенясь.
Славен Пинес и велик он,
Что в сравнении с ним Никон!
Выше он Толстого графа,
Выше Гете, выше шкафа.

Рядом Яков[7] методичный.
Этот льет слова отлично:
Философская Вампука, –
А «наличествует» – скука.
Правда, Яков колоритный
Со своею словолитней,
Все же боязно: Вольфилу
Не загнал бы он в могилу.

Вот влюбленный в Алексея
Алексей[8], что не жалея
«Между прочим» всей Вольфилы,
«Между прочим», что есть силы,

[7] Я. И. Гордин.
[8] А. А. Чебышев-Дмитриев.

В упоенье самобытном
О себе самом трубит нам.
До своей до беспардонной
Драгоценнейшей персоны
Очень надо быть охочим,
Чтоб совсем не «между прочим»
Этак цацкаться с собою,
Словно с писаной торбóю
(Ударенье так же дико,
Как у Пушкина музыка[9]).
Лишь умрет он, – мы пророчим, –
Попадет он в рай, где боги,
И конечно «между прочим»
Там на стол положит ноги.
Не сердись, Алеша милый,
Я клянусь святой Вольфилой,
Что люблю тебя я очень,
Потому и озабочен,
Как бы ты свою обиду
Затаив, не подал виду,
Что меня ты любишь тоже,
Предоставив молодежи
Петушиться на дуэли,

[9] Ср. с комментарием Б. Н. Лосского (из письма, адресованного автору этих строк): «Здесь обращу к памяти Эрберга свои соображения филологического порядка: ударение на первую гласную этого слова у Пушкина не наблюдаешь. Встают в памяти фрагменты его разных стихов: “и пальба и гром музыки, и эскадра на реке”, “музыка *будет полковая, полковая сам ее прислал*”, “обрадован музыки громом, оставив чашку чая громом...”, несколько примеров в драме “Моцарт и Сальери” и т. д. Должно быть, иначе и не говорили в первую половину XIX века, а в XVIII веке, как будто в “Подлинных анекдотах” Штелина встречается слово *Мусикéя*. Подобно тому, больше чем век спустя в Коневу слышится не “музыкальный”, а “мусикийский шорох” в колеблемых ветром камышах. Не знаю, в какой мере задумывались над этим присяжные филологи».

Рассуди ты в самом деле:
Да, для красного словца мы
Не жалеем даже дамы
И готовы ради рифмы
Расстегнуть у дамы лиф мы,
Но пойми, болтун ты старый,
Что негоже Ниагары
Пустословья лить и лить,
Чтоб Вольфилу в них топить.

Мейер дальше преподобный,
Во Христе смиренно-злобный.
Раз чертенка съел живьем он,
И в кружке поднялся гомон.
Говорили дамы томно:
Ведь чертятина скоромна?[10]

Там же Ольга Форш – Христова –
Возражать на все готова.
Возразить иной раз, право,
Так сумбурно и коряво,
Что сама понять не в силах –
Что такое говорила.
Черта Ольга не боится,

[10] Ср. с комментарием Конст. Эрберга в «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем»: «Писатель по вопросам философским Ал<ексан>др Ал<ексан>др<ович> Мейер, мой постоянный антагонист по философско-религиозным вопросам в Вольфиле. <...> Мейер часто выступал в Вольфиле с докладами философско-христианского характера. Много говорил о принципе добра, о смирении, о Христе и т. д. Но все это подавалось с такой убежденностью в своей правоте, с такой яростью и злобой к своим идейным врагам (в числе которых, разумеется, был и я, постоянно ему возражавший), что я, характеризуя Мейера в одной шутливой поэме («Вольфила»), написал: <...>. За ним ходили его единомышленницы, адептки и ученицы» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 78–79).

На него совсем не злится;
Своевольна, бесшабашна,
Вместе с тем, увы, монашна.
На церковную на фольгу
Убеждаем плюнуть Ольгу:
К скифам ты гораздо ближе,
Чем к попам. Перемени же
Ты скуфейку на скифейку.
Фольги, Ольга, не жалей-ка!

Вот Кузьма[11], маляр великий,
Редко скучный, чаще дикий.
В диком виде очень тонок,
А в политике – теленок.

Кто в углу там? Уж не крыса ль?
Нет, то маленькая Виссель, –
Быстроумна, остроглаза,
Любит все науки сразу,
Духом слишком физикальна,
Телом мало материальна.
Впрочем, это грех Вольфилы:
Здесь народ все больше хилый.

[11] К. С. Петров-Водкин. В «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем» Конст. Эрберг писал: «Известный художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин был большой любитель поговорить на тему о живописи, об искусстве вообще. Говорил он афористично, ничего не желая доказывать. И был прав: ничего бы не вышло из его доказательств, так наглядно были они подаваемы в тех редких случаях, когда он к ним помощи обращался. Особенно беспомощен бывал он тогда, когда пытался объяснить свои собственные произведения, которые зачастую были замечательны именно своей убедительностью. Это был талантливый художник, чистой воды живописец, кроме своего искусства ничем интересовавшийся» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 83).

Разве только, вот, Гизетти.
Что бы там о сем предмете
Мейера не говорили,
А уж он – сродни горилле.
Рост саженный, голос трубный, –
Он Вольфильский наш Поддубный.
В философском споре хваткий,
Клал не раз он на лопатки
Тех, кого считал отпетым,
Самого себя при этом.
В общем, хоть не элегантен,
Да зато уж элефантен.
Кто не любит «по-жидовски»,
На, читай по-чебышевски:
Правда, он не сановит,
Да зато уж слоновит.

Вот Вольфильская Елена[12], –
Все моря ей по колена,
Если ж море будет Белым,
Погрузится в нем всем телом.

Дальше мудрый врач Шапиро.
Много вносит он плезиру
В гущину Вольфильской скуки.
Врач Шапиро – жрец «науки».
Потому привыкли – все мы,
Независимо от темы,
Слушать долгие рацеи
Про любовные затеи
У моллюсков и у раков
Ох! Всегда он одинаков!

[12] Е. Ю. Фехнер.

Вот Уханова: в молчаньи
Провела все заседанья.
Кузнецов, – оратор редкий,
Иногда довольно меткий.
Вот Шимкевич: керосином
Лечит даже тех, кто сплином
Безнадежно заболел,
Даже тех, кто околел.
Вот поборник беззаконья
Анархическая Соня[13]
Со скульптурными кудрями,
Вот с цыганскими глазами
Надя Меринг, вот и Миша[14],
Тот, что выпустил афишу
С приглашеньем *поскорее*
Выполнять его затею:
Строить, не глядя на вьюгу,
Вавилонскую лачугу.
Вот и Гаген-Торн с Донбасса
Про Вольфилу точит лясы[15].
Вот Орлова: очень склонна
Верить, что она мадонна.
Где ж архангел Гавриил?

[13] С. Г. Каплун.

[14] М. И. Корцов.

[15] Ср.: «Летом 1921 года, бросив Университет и Вольфилу, я сорвалась и уехала в Юзовку – в Донбасс, узнавать другое, то, что было необходимо узнать мне: как кроваво и ослепительно бурлит Украина. Я уехала туда в качестве культпросветинструктора Всероссийского союза металлистов. И т[ам] [ра]ла тачки в Юзовской шахте две недели, когда все мужчины на [ша]хте были мобилизованы на войну с Махно. Забыла Вольфилу» (*Н[ина] Гаген-Торн*. Воспоминания об Андрее Белом // Andrey Bely C[ollection] [pa]pers. – Amsterdam, 1980. P. 12). Ср. также: «...редко-редко [вс]тречается Гагенторн (замуж вышла, потом окоммунистилась, а [по]том откоммунистилась...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. [Пе]реписка. С. 265).

Нет, – ему не до Вольфил.
Вот и Мейер номер два[16]
Льет медовые слова.
Ох, уж это сладкогласье,
Травяное бесколбасье
Кровожадность à l'envers[17],
На кондитерский манер!
И готов вопрос простой:
Да причем же здесь Толстой?
Вот поэт Елизавета[18]
В папиросный дым одета.
Кто она – в таком дыму
Я покаместь не пойму.
И еще поэт Елена[19]:
Из житейского из плена
Рвется в горший горний плен,
Впрочем – верящий блажен.
Вот и Клара[20] с удивленным
Взглядом черных глаз, ее нам
Тихий омут подарил, –
Мне чертенок говорил.
Вот Пумпянский многозвонный,
Вот Демчинский вибрионный,
Вот Сорокин Питириша –
Все они в Вольфиле быша.
Были тут во всей красе,
Были, да вот – вышли все.

Кояловичу немилой
Показалась та Вольфила,
Где в чести какой-то Белый,

[16] Л. А. Мейер.
[17] наизнанку (*фр.*).
[18] Е. Г. Полонская
[19] Е. Я. Данько
[20] К. Г. Иструм.

Где что хочешь, то и делай,
Но при каждом при вопросе
Не дают пускаться в гносе-
-ологические гили,
Да и вольной-то Вольфиле
Не пришелся он по сердцу:
Нету скифского в нем перцу.

Для Вольфилы нестерпимы
Все скопцы и Питиримы,
И не палка бригадирья
Ей мила, а безранжирье,
Вольный розмах и Свобода.
Так жила она три года,
Проживет еще века так
Без подчисток и заплаток.
Ведь в Вольфиле, может статься,
Даже дыры пригодятся:
Пусть в мещанские башки
Крепко свищут сквозняки
Из Вольфильских дыр. Авось
И продует их насквозь.

Петербург
Ноябрь 1922.

[*Приписка Иванова-Разумника*]

Вот [illegible]рберг полусонный
И свободою плененный.
Но свобода — Дульцинея
Вис[illegible] точно груз на шее.
Бед[illegible] рыцарь иннормизма,
Веч[illegible] данник догматизма,
Лю[illegible]он Вольфилу очень,
И [illegible]лишь озабочен:
Ин[illegible]чески любить бы,
Уп[illegible]от женитьбы.

Конст. Эрберг. **Кто чем болеет в Вольфиле**[21]

Андрей Белый	glossolalia. Проказы (берлинские). Может быть излечен только катаклизмами.
Иванов-Разумник	Смертельно болен вольфилой.
Пинес	Камни (за пазухой) против идейных врагов.
Чебышев-Дмитриев	Божецаряхранические порывы к словоиспусканию. Приступы извращенной антропофагии: ест только «жидов» (на Штейнберге подавился). Вздутие живота и самолюбия.
Штейнберг	Тоже людоед: поедает сердца, преимущественно женские. Едет на запад брать кисло-сладкие философские ванны.
Векслер	Чумеет. Лечение бесцельно. Перечумеет – будет здорова. Страдает дурной детской привычкой есть бумагу, губную помаду и прочие малоусвояемые вещи; напр<имер>, за последнее время проглотила сразу несколько книг Белого, а сейчас ест (глазами) каменную гору.
Гордин	Недержание речей.
Форш	Забубенная чума. Нервная чесотка мозга.
Петров-Водкин	Медвежья болезнь после порции скифских идей.
Мейер I	Экклезиатская холера. Неизлечим.
Мейер II	Сахарная болезнь.
Виссель	Свинка: редко посещает заседания.
Гизетти	Элефантиазис.

[21] **ИРЛИ. Ф.** 474. № 48. Л. 23 об. – 24.

Шимкевич	Не может ни заболеть, ни умереть: обессмертила себя керосином. (Других лечит им даже от мук совести.)
Шапиро	Притупление верхушки тела. Требуется пересадка верхней конечности.
Гепштейн	Застарелые дарвинические боли.
Уханова	Паралич языка.
Коялович	Ложно-вольфилитическая сыпь.
С. Каплун	Очень ветреная оспа (прирожденная).
Рабинович	Болезнь пространства, времени и особенно причинности.
Пумпянский	Афазия. Напр<имер>, желая сказать, что у Вольфилы ложный круп, сказал, что у нее крупная ложь.
Демчинский	Атония и моветония мозга.
Сорокин	Кишка тонка.
Эрберг	Здоров*.

Конст. Эрберг. Анкета о смене голов[22]

Иванов-Разумник[23]	хотел бы обладать головой Гордина, чтобы узнать, что тот думает, когда берет слово и произносит 12-часовую речь.
Эрберг	не желает ничьей чужой: свою бы не потерять в Астории.
Фехнер	желала бы обладать главой Вольфилы – А. Белым.
Шапиро	хотел бы иметь все равно чью голову, но умную.

* *Примечание жены:* [illegible] здоров, то нечего принимать belladonn'y и лечиться Асторовым [illegible]ем.

[22] ИРЛИ. Ф. 474. № [illegible] 24.

[23] Приписано карандашом «в качестве председателя собрания».

Чебышев	Отказался менять свою драгоценную голову, но когда она все же была снята, взял ее бережно в руки и «любезно ее лобызаще».
Векслер	хотела бы иметь голо<го – *зчркн.*>ву Арона.
N.N.	сто голов рогатого скота.
N.N.	мечтает о «белой головке».

Ноябрь 1922.

Конст. Эрберг. Еще про ворону[24]

На губную на помаду
Положив молчанья палец,
Вдаль глядит усталым взглядом
Исстрадавшихся страдалиц.
И понятно: едет вон
Из России наш Арон.

XI–22

Конст. Эрберг. Ответ Е. Ю. Виссель на ее стихи[25]

Сим плохим стихотвореньем
Мое сердце не задето,
Потому что, к сожаленью,
Юмор Виссельников это.

XI–22

[24] ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24 об.

[25] ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24 об. Стихотворение Е. Ю. Виссель не сохранилось.

О. Форш. К портретам Воль – фильцев[26]

К. А. Эрбергу

Эй Истина стань к стенке!
Унять ей трепет крыл!
Так в умовом застенке
«Цель Творчества» он вскрыл.

Мила «апашей» форма
Лишь подлинному «мисту»
Известно: – «иннормисту»
Добро – давно уж норма.

О. Ф.

Конст. Эрберг. **Ольге Форш**[27]

Эй, Муза, стань-ка в позу
Поправь на крыльях фольгу
Заткни за пояс розу
И, коль посмеешь, Ольгу,
Что пишет не стихи,
А рубленную прозу.

Конст. Эрберг. **Ей же**[28]

Писать дубовые стихи
(Ве[illegible] под дубами – ты писала?)
Тебе конечно не пристало.
Уж очень-то стишки плохи.
Какой тебя попутал бес
Слагать стихи в тени древес.

[26] ИРЛИ. Ф. 474 [illegible]6. На рукописи дата рукой К. Эрберга: «1922». Стихотворе[illegible]шесте с ответом было также переписано в «Тетрадь припоми[illegible] (ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 35).

[27] ИРЛИ. Ф. 474 [illegible] Л. 35.

[28] ИРЛИ. Ф. 474 [illegible] Л. 35.

Д. М. Пинес[29]

3/VI 23

От Вольфилы Константину
Эрбергу привет,
Ах, попала в наш стан тина
Не спасет и Шпет![30]

Тот читает, те уснули,
Пустошь и тоска.
Не сварить в такой кастрюле
Даже судака.

И едва ли мы полтинник
Нынче соберем –
Но тому, кто имянинник,
Поздравленье шлем.

***В. В. Гиппиус.* К. А. Эрбергу**[31]

Не должно расходиться двум поэтам...
Что Вы поэт, мне это ясно так

[29] ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 2. На обороте помета: «Дм. Пинес прислал это 21 мая / 3 июня 1923 с Раз<умником> Васильевичем Ивановым. К. Эрберг. 1940».

[30] 3 июня на очередном воскресном заседании ВФА с докладом, посвященным «Очерку развития русской философии» Г. Г. Шпета (Пг.: Колос, 1922), выступал А. А. Гизетти.

[31] ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 34. В воспоминаниях Конст. Эрберга приведена иная версия причин, по которым он пропустил ряд «понедельничных» заседаний в Вольфиле, где В. В. Гиппиус читал поэму «Лик человеческий»: «Его *огромную поэму* мы с Р. В. Ивановым-Разумником слушали в чтении автора еженедельно чуть ли не в течение всей зимы 1922 г. Зима была тогда холодная и голодная. Слушали, сидя в шубах в нетопленой комнате. Наконец я заболел и пропустил две недели. Гиппиус написал мне напоминание (конечно, в стихах: он так был охвачен своей поэмой, что прозой писать не мог). Я ответил

Же как и то, что Вы отнюдь не враг
Моей поэме. Если я припевом

Иным стихотвореньем Вас задел, Вы дерзость
Мне отпустите, памятуя все,
Что в «Цели Творчества» Вы в честь ее
Хотя и прозой, столь же дерзко пели...

Припомните и «Плен»! На звон стихов
Зову опять, – придите и судите –
В пророчество грядущих голосов,
В предвестие потомственных событий.

(P. S.) Надеюсь, что почтительный сей зов
И дружбе соответствует чувствительной.

1 июля 1923. Вл. Гиппиус.

***К. А. Эрберг.* В. В. Гиппиусу**[32]

Не должно расходиться так поэту,
Как Вы, мой милый, нынче разошлись:
Начав читать поэму прошлым летом,
Досель читаете. Что ж, будет так всю жизнь?..

Меня поймете, коль без церемоний
Скажу: и для влюбленных time is money[33].
А я влюблен и занят только тем,
Что сам пишу в неделю семь поэм, –
Одна другой пространней и бездонней, –
Все о прекрасной о моей мадонне.

стихами же в его то[illegible]м стиле, не без умысла дружески его паро-
дируя. <...> Он, ка[illegible]на меня обиделся...» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53.
Л. 33–34).

[32] ИРЛИ. Ф. 474 [illegible]. 33 об.

[33] Время – день

О ней пишу всю ночь я, до зари,
А день – в чаду любовного недуга...
Вот почему хожу теперь к Вам туго,
И Вам нельзя меня за то журить.

(P.S.) Надеюсь, – это объясненье друга
Найдете удовлетворительным.
2 июля 1923.

Конст. Эрберг. Вольфильский юбилей[34]
Поэма
(Посвящается Иванову-Разумнику)

Da chi mi fido quardi mi Dio,
Da chi non mi fido mi quardero Lo[35]

Глава первая

1

Так как много мудрых и смелых
Наш Разумник дел понаделал
За последние двадцать лет,
То достоин он юбилея.
Надо ехать к нему поскорее. –
Так решил Вольфильский совет.

2

Сели, поехали.
Ехали, – приехали.
Ну, не потеха ли:
Вольфильский юбиляр!

[34] ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 44об.–49. Впервые поэма опубликована нами в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год» (СПб., 1998. С. 152–160).

[35] От того, кому я верю, сохрани меня Господь, / От того, кому не верю, сам себя я сохраню (ит.)

Нет, не желаем мы!
Лучше залаем мы,
Лучше завоем мы,
Лучше уж устроим мы
Разумнику пожар!

3

Так и решили.
Но с прошлого года
(Не тем помянут буди)
Пошли у нас в Вольфиле
Почтенные люди[36]
(В семье не без урода).
Итак, пожар отпал,
Постановили:
Устроить лишь скандал.

Глава вторая

4

Постояли на крыльце
И вошли в переднюю
С выраженьем на лице –
Как перед обеднею.

Неприятно [уд]ивлен,
Но любезен [в]иду,

[37] Ср.: «Очень деятел[ен] был за последний год Е. П. Иванов, но уклон у него очень „мере[ж]ковский“ с одного конца и очень „церковный“ с другого (впроче[м] оба эти конца прекрасно вяжутся). <...> Еще деятельное участи[е] в Вольфиле принимал А. А. Гизетти, прекрасный человек, но [ем]у на роду написано быть типичным, приличным, культурн[ым] профессором Университета. Что он Вольфиле, что ему Вольфи[ла] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265).

Вышел к ним Вольфилемон
(Позади – Бавкида[38]).

– Что такое? – Ничего:
Юбилять пришли мы
Вас и Ваше творчество
Мы неумолимы. –

5

Бледный Разумник духом не пал
От предстоящих событий
И, юбилейный чуя скандал,
Только вздохнул и глухо сказал:
– Ваша взяла! Входите.

6

Выступает Эрберг первым.
Чтоб подействовать на нервы
Юбиляру,
Он читает по бумажке
Прегнусаво и с растяжкой
Как с угару.
А Гизетти деревяшкой
По пустому самовару
Бьет фанфару

Глава третья

7

Маститому Разумнику Васильичу Иванову,
Маститому Иванову-Разумнику Васильичу,

[38] Подразумевается Варвара Николаевна Иванова (урожд. Оттенберг; 1881–1946) – жена Р. В. Иванова-Разумника. В античной мифологии Филемон и Бавкида – символ благочестивой супружеской четы.

Маститому Васильичу Разумнику... и прочая,
И прочая, и прочая (не знаю как короче я),
Маститому и спереди, и сзади, и с середки,
За то, что он такой по имени короткий,
За то, что по делам он длинный и широкий, –
Вольфила шлет свои чувствительные строки:

8

«Разумник целый век трудился».
Из песни.

Уж двадцать лет ты пишешь книги
И много книг понаписал.
Вот и носи теперь вериги,
Вот и влезай на пьедестал.

Вина-то, правда, не большая.
Что̀ книги? – Право чепуха:
Всяк пишет то, чего не знает,
И все ведь мы не без греха?

А вот за то, что юбилеи
Исподтишка чинил друзьям,
За то тебя не пожалеем:
Лезь в юбилей, голубчик, сам.

Кадила здесь раздует тупость.
Чуть торжеством ее затронь, –
Из уст польется благоглупость,
А из кадильниц – благовонь.

9

Стоит Р[illegible]ик безответен.
Вторым [illegible]ствует Гизетти:

– Сологуба юбилять
Ты меня подгуськал
Так, что Федор слег в кровать.
Вот теперь примусь-ка
За тебя, за самого,
И тебя облаю.
Не робей, брат, ничего:
И не то бывает.
Знаю я народ. И вот –
У него болит живот... –

Пинес прерывает:

10

Мы тебя огреем
Пышным юбилеем,
Ухнем торжеством,
Славу разнесем.
Чтобы слава не подмокла –
Вы, Вольфильцы, – бейте стекла!
Эй, сходись народ!
Вот Разумник! вот!

Глава четвертая

11

Тем временем праздный народ давно
По Колпинской[39] занял проходы.
Известно, – народ – что природа:
Гони его в дверь, – влезет в окно,
Особенно ежели где юбилей
Или, там, кража со взломом.

[39] С 1907 по 1929 гг. Р. В. Иванов-Разумник жил в Царском Селе (в 1920-е гг. – Детском Селе) по адресу: Колпинская, 20.

Вот так и тогда народ-ротозей
Наполнил все щели дома.
Под грохот оркестра (отколь взялся?)
Разумник провел четыре часа
Подряд в юбилейном содоме.

12

– Виват, Разумник-юбиляр!
Гремите трубы, барабаны,
Глядите все, и млад, и стар, –
Вот он Разумник, вот Иванов!
– Где, где? В высоких сапогах?
– Да, – это форма: *он народник*
– А ромбы есть на рукавах?
– Как интересен он сегодня!
– Все пустяки: Разумник – скиф
Он сапоги по-скифски носит,
И вообще как скиф спесив:
Служить не станет в Наркомпросе.
– Он к юбилею, говорят,
Вчера купил себе подтяжки...
– Ура Разумнику! Виват!
Качай его! Хватай за ляшки! –

13

– Да что вы, братцы! Бросьте шутки!
Я постараюсь быть глупей,
Коль слишком был для вас разумник... –
– Ну нет! Пляши по нашей дудке:
Уж юбил[illegible]як юбилей, –
Сказал г[illegible]берг однодумный:
Качал др[illegible]летай, брат, сам! –

И началась над ним расправа.
И полетел он к небесам

А рядом с ним летела Слава.

Глава пятая

14

Народ устал, народ вспотел
От юбилейных этих дел
И по домам идет. Вольфильцы
От пуха очищают рыльца.
Но Векслер с Виссель на скандал
Поставить точку пожелали:
– Теперь умеешь ты летать,
Вольфильский хитрый командир наш.
Тебе кричим мы – исполать!
Теперь прославлен ты всемирно.

15

А что *слегка помяли*
Когда тебя качали, –
Сам виноват: к чему
Писал ты книжек тьму
И рыл своим друзьям
Так много юбильям.
А впрочем, все забыто
И в душу не запало.
– Да будет вам грешить-то! –
Сказал Евгений Палыч[40]:

[40] Е. П. Иванов.

16

Вы что к нему пристали?
Ведь даже и скандалить
Христос велел по Божьему.
Не гоже это, дети,
Смотрите, он ответить
Нам хочет: невтерпеж ему.

Глава шестая

17

И вот, Разумник говорит.
– Ну да конечно же мастит.
Ну да конечно же писатель.
(Все это в скобках). Впрочем кстати:
Такой ли у маститых вид?

И ростом мал, и телом хрупок,
А кудри – так, – одна печаль.
Меня считать маститым глупо,
Да и писатель я едва ль.

Взгляни в чернильницу пустую,
Перо давно уж заперто.
Да потому уж не пишу я,
Что не печатает никто!

Живу себе я с краю, в хате,
Все это ясно говорит,
Что никакой я не писатель
И что никто я не мастит

18

Вот, что я [illegible]ся друзей,
Так здесь [illegible]ал сам нечистый.

Здесь, каюсь, грешен: лил елей,
А выходило водянисто.
Вперед закаюсь лет на триста, –
Порукой в том мой юбилей.

А впрочем... Десять лет прошло, как
Скончался деверь тетки Блока... –

19

– Нет! Не могу! Качать его!
Возобновляйте торжество! –
Вскричал тут Эрберг как безумный.
– Я пошутил! – сказал Разумник,

Но в сторону: – Вольфилой все-таки
Почтен быть должен деверь тетки! –

Глава седьмая

20

Юбилейная фольга слиняла,
Юбилейный вынесен сор,
И Вольфильцы за чаем устало
Свой домашний ведут разговор:

– Вольфила погибла: я еду в Берлин, –
Dahin, wo blühn die Aronen[41]
Разумник! Останетесь Вы здесь один
Со славою, но без вороны. –

– Ох, тяжка вороне путь-дорожка.
До Берлина не доедет, нет:

[41] Род фиги (*прим. авт.*). Туда, где цветут Ароны (*нем.*). Намек на А. З. Штейнберга.

Или деньги выкинет в окошко,
Иль за завтраком сжует билет. –

21

–Где билеты наши, кстати?
Как бы нам не опоздать: и –
Дти-то ведь кусок не малый! –
– Надо этак рассчитать,
Чтобы мы, придя к вокзалу,
Опоздали опоздать. –

22

– Ты наш милый, наш маститый!
Нас за все, за все прости ты!.. –
(Так в жилетку плачет Пинес).
– Пинес! Ты не утопи нас!
– И Разумник так размякнет,
Что, пожалуй, правду брякнет! –

23

– Ну, гони нас, Разумник, в три шеи.
Да не снятся тебе юбилеи.
Видь во сне ты не дрянь и не гниль:
Видь во сне – одну лишь вольфиль.

Глава восьмая

24

В передн[illegible]толкаясь, калоши давили,
Соседу [illegible]ли в пальтошный рукав,
И, собл[illegible] Вольфильский устав,
Затеяли [illegible]о Вольфиле.

Виссель – Хоть ты, Разумник, и мастит
После того, что было, –
Вольфила все ж тебе простит.
Разумник! Верь в Вольфилу! –

25

Евг. Иванов – Разумник! верь в мою Вольфилу
Моя Вольфила – во Христе,
А у товарищей, мой милый,
Вольфилы уж не те. –

Эрб. – В свою Вольфилу верь чрез силу.
Своя Вольфила – это... во!
Пусть будет так у всех. Вольфила
Лишь путь: ничуть не божество. –

26

Евг. Ив. и Эрб. – Куда же путь-то? – Куда кто хочет!
И этот крайний путь – в борьбе... –
– Последний поезд отходит ночью? –
Эрб. – Вольфильский поезд идет средь ночи, –
В нем едет каждый из нас – к себе. –

Послесловие

Так в двадцать четвертом году мы дурили, –
Тот год был чреват юбилеями.
Товарищи! Мы ведь в Вольфиле!
Умеем мы
Ценить и любить человека большого –
Разумника нашего милого,
Такого нам всем дорогого, такого...
Вольфилого!

1–9 марта 1924

Послесловие

Вольная Философская Ассоциация вела свою работу в течение долгих четырех с половиной лет. Сегодня, когда голоса очевидцев умолкли, а большинство документальных свидетельств уничтожило время, только с величайшим трудом можно понять, что же заставляло людей в эпоху первоначального строительства коммунизма собираться вместе, вести дискуссии и находить интеллектуальное отдохновение в вольном философствовании. «Русским мальчикам» европейские гипотезы всегда казались аксиомами, но когда те все-таки потребовали доказательств, то подтверждать, или оправдывать их пришлось подлинно гуманным наполнением собственной жизни. Главный итог деятельности Вольфилы заключается, на наш взгляд, в том, что мировоззренческие принципы ее организаторов и подавляющего большинства участников собраний были обусловлены идеей свободы и достоинства личности.

Новые формы духовного общения создавались в царстве «Левиафана советской общественности» (выражение Иванова-Разумника) – государства, отвердевавшего после революционного расплава, костеневшего, мертвевшего, запиравшего общество на ключ террора. Вся история Ассоциации это противостояние мысли, возжелавшей свободы, и государства, построенного на основе определенных принципов, подминавших под себя жизнь. Надзирающее и карающее государственное око обратило внимание на Вольфилу лишь в 1921 году. Хотя после смерти Ленина

Виссель — Хоть ты, Разумник, и мастит
После того, что было, —
Вольфила все ж тебе простит.
Разумник! Верь в Вольфилу! —

25

Евг. Иванов — Разумник! верь в мою Вольфилу
Моя Вольфила — во Христе,
А у товарищей, мой милый,
Вольфилы уж не те. —

Эрб. — В свою Вольфилу верь чрез силу.
Своя Вольфила — это... во!
Пусть будет так у всех. Вольфила
Лишь путь: ничуть не божество. —

26

Евг. Ив. и Эрб. — Куда же путь-то? — Куда кто хочет!
И этот крайний путь — в борьбе... —
— Последний поезд отходит ночью? —
Эрб. — Вольфильский поезд идет средь ночи, —
В нем едет каждый из нас — к себе. —

Послесловие

Так в двадцать четвертом году мы дурили, —
Тот год был чреват юбилеями.
Товарищи! Мы ведь в Вольфиле!
Умеем мы
Ценить и любить человека большого —
Разумника нашего милого,
Такого нам всем дорогого, такого...
Вольфилого!

1–9 марта 1924

Послесловие

Вольная Философская Ассоциация вела свою работу в течение долгих четырех с половиной лет. Сегодня, когда голоса *очевидцев умолкли, а большинство* документальных свидетельств уничтожило время, только с величайшим трудом можно понять, что же заставляло людей в эпоху первоначального строительства коммунизма собираться вместе, вести дискуссии и находить интеллектуальное отдохновение в вольном философствовании. «Русским мальчикам» европейские гипотезы всегда казались аксиомами, *но когда те все-таки потребовали* доказательств, то подтверждать, или оправдывать их пришлось подлинно гуманным наполнением собственной жизни. Главный итог деятельности Вольфилы заключается, на наш взгляд, в том, что мировоззренческие принципы ее организаторов и подавляющего большинства *участников собраний* были обусловлены идеей свободы и достоинства личности.

Новые формы духовного общения создавались в царстве «Левиафана советской общественности» (выражение Иванова-Разумника) – государства, отвердевавшего после революционного расплава, костеневшего, мертвевшего, запиравшего общество на ключ террора. Вся история Ассоциации это *противостояние мысли*, возжелавшей свободы, и государства, построенного на основе определенных принципов, подминающих под себя жизнь. Надзирающее и карающее государственное око обратило внимание на Вольфилу лишь в 1924 году. Хотя после смерти Ленина

правящую партию раздирали собственные фракционные склоки, это не мешало коммунистам особо остро реагировать на инакомыслие, вот уже много лет исходившее от внепартийного окружения. По поздним официальным оценкам, «Вольная философская ассоциация объединяла философов и поэтов различных течений, но решающее большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»[1]. В 1940 году, предваряя публикацию переписки Александра Блока и Андрея Белого, В. Н. Орлов писал более пространно: «В течение ряда лет Белый был занят беспрерывной, последовательной полемикой с марксизмом, нападая на него со своих „скифско"-антропософских позиций. Эта полемика привела Белого, вкупе с другими участниками „скифской" группы, к организации в начале 1919 г. Вольной философской ассоциации (Вольфилы). В уставе Вольфилы было сказано, что она учреждается с целью „исследования и разработки в духе социализма и философии вопросов культурного творчества, а также с целью распространения в широких народных массах социалистического и философски углубленного отношения к этим вопросам". Однако не деле Вольфила оказалась пристанищем для реакционных и воинствующих идеологов разгромленных классов, для которых пропаганда идеалистической философии служила удобной формой борьбы с Социалистической революцией, с марксизмом, с советской властью. <...> Вольфила превратилась в своего рода идеологическую цитадель „внутренней эмиграции"»[2]. В 1924-м вольфильцы, конечно же, еще не могли предполагать, что десятилетие спустя идеологические оценки подобного рода станут политическими обвинениями, в соответствии с которыми многие из них будут разбросаны по бесконечным пространствам «архипелага ГУЛАГ», пре-

[1] Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929. С. 48.

[2] *В. Орлов*. История одной «дружбы-вражды» // Александр Блок – Андрей Белый. Переписка. С. LIX.

вратившись в тюремную и лагерную пыль; другим же Левиафан милостиво разрешит «тихо» уйти в небытие, с единственным условием: не вспоминать. Однако нет ничего более сопротивляющегося времени и распаду, чем ведомая интенцией свободы человеческая память.

В ноябре 1924 года, подводя итоги вольной философии и Вольфиле, Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Пришла стихийная полоса левиафанной государственности (большевики – мелочь, случай), и надо ее пережить ряду поколений – во имя разрушения государственности. В союзе с Вельзевулом не сражаются с Люцифером (это наивно делают искренние большевики), нет, пусть оба они в союзе ведут свое дело. Настали долгие годы катакомб, – не политического, а духовного подполья. „Мы, мудрецы и поэты“ (Бедный Валерий Яковлевич!)[3] – это слишком громко сказано; нет, все мы, просто вольные духом люди – уже в подполье, и на поколения. Когда разразилась гроза – мы вышли на вольную волю и стали (так как и раньше были) – скифами; поля сузились до размеров сперва залы, потом комнаты – мы стали (всегда были!) – вольфильцами; комната суживалась, суживалась, уходила под землю – и мы, всё те же, уже в замурованном подполье. В нем и умрем, но не это важно, а то: будет ли нам смена? Не через поколения, – тогда-то, конечно, будет, а вот теперь, завтра, сейчас. Совсем мне не интересно, что лет через пятьдесят тогдашние скиф[illegible] и вольфильцы с признательностью помянут нас (если [illegible]янут), а важно, нужно, необходимо, чтобы я сегодня в[illegible] юношу, который задумывается – не над моими словам[illegible] не над моими решениями (которых нет), а над наши[illegible]опросами. Я думаю, что есть – хоть один на сто; а это [illegible]ент достаточный, чтобы не бояться, а только жалеть [illegible]есчастных бой-скоутов, насвистываемых с комсомо[illegible]дочки и всего того, что нас окру-

[3] В. Я. Брюсов [illegible] 9 октября 1924 г. Иванов-Разумник цитирует стихотворе[illegible]ова «Грядущие гунны» (1905).

жает. А наша участь – с цензурным кляпом во рту и со связанными за спиной руками – доживать эти годы, сорок лет странствования по духовной пустыне»[4].

Через десятилетия в Отечестве, которое, как известно, не милует собственных пророков, помянуть «вольфильцев» добрым словом могли лишь единицы. Поздравляя в 1953 году О. Форш с 80-летним юбилеем, Е. Лундберг писал об ушедших, не имея возможности даже назвать их имена: «Вспомнились мне и многие милые Ваши и мои спутники и друзья прошлых лет. Давайте, помянем их, верно, мы с Вами единственные помянем их не только в России, но и во всем мире, хотя стоили они не малого... и со многих точек зрения. Во всяком случае все это были подлинные гуманисты»[5].

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 300.
[5] ИРЛИ. Ф. 732. Оп. 1. № 328. Л. 13.

Указатель имен к книге I

Абрамович Д.И. 500, 502
Августин Блаженный 157, 393 746
Авраамов А.М. 15, 33, 34, 47-49, 52, 53
Аггеев К.М. 800
Адрианов С.А. 500, 501, 502, 692
Айхенвальд Ю.И. 625
Аксаков К.С. 8
Александр I 375
Александр II 362
Александр III 382
Александра Федоровна 632
Александров А.А. 757
Александровская Н.В. 812, 840
Альтман Н.И. 54
Алянский С.М. 59, 62
Амвросий Оптинский 565, 781, 782, 795, 796, 799, 800
Аммон О. 165
Анаксагор 388
Андреев Л.Н. 88 630 798
Анибал Б. 817
Аничков Е.В. 299
Анна Иоановна 507
Анненский И.Ф. 517
Антонович М.А. 170
Анциферов Н.П. 410
Ариосто Л. 589
Аристотель 374, 388, 38[illegible]93, 511, 540, 673
Аросев А.Я. 767
Аскольдов (Алексеев) [illegible]390, 391, 500, 502, 541, 54[illegible]
Аскоченский В.И. 8
Бабич В.В. 505
Базанов В.В. 67
Бакрылов В.В. 50, 51, 57, 59, 62, 71, 73, 77, 120, 192, 193, 410
Бакунин М.А. 404
Бальзак О. де 536, 593
Бальмонт К.Д. 422, 428, 429
Барабанов Е.В. 741
Баратынский (Боратынский) Е.А. 509, 525, 528
Бартенев П.И. 832
Басов-Верхоянцев С.А. 66, 67
Батюшков Ф.Д. 86 703
Бахта 802
Бахтин Н.Н. 40
Бедекер К. 338
Бедный Д. 454
Безант А. 416
Беленсон А.Э. 89
Белинский В.Г. 8, 42, 142, 152, 723, 768, 825, 832, 834
Белов 248
Белоус В.Г. (В.Б.) 31, 60, 65-67, 199, 315, 410, 692, 823
Белый А. (Бугаев Б. Н.; Belyj A.) 16, 18, 29, 32, 35, 37, 40, 47-49, 51-62, 71, 72, 80, 86, 87, 156, 157, 190, 191, 193, 195, 196, 199, 202, 214, 215, 218, 219, 221, 236, 238, 239, 240, 242, 248, 249, 251, 252, 255, 262, 268, 269, 274, 275, 279, 280, 288, 289, 291, 322, 333, 356, 382, 383, 385, 389, 402-409, 411, 413-416, 418, 419, 422, 428, 431, 433, 436, 440, 477, 478, 483, 492, 494, 496,

498-501, 634, 657, 757, 802, 804-808, 813, 835, 836
Бельчиков Н.Ф. 832
Бем А.Л. 484
Беме Я. 157, 393
Бенуа А.Н. 33-35
Бергсон А. 240, 316
Бердяев Н.А. 501, 692, 740, 792
Берлович 351-353
Бернсон В. 820
Бернштейн С.И. 801, 802
Берт Э. 166
Бетховен Л. ван 204
Блан Л. 153
Блауберг И.И. 240
Блок А.А. (А.А.) 16, 18, 24, 30-33, 35, 37-41, 43, 44, 46-54, 56-59, 62, 65-71, 73, 77-90, 94, 116, 119-121, 123, 124, 191, 192, 208, 247, 355-359, 374, 375, 377, 388, 389, 402-413, 415-422, 425-459, 462-479, 481-497, 500, 502, 638, 713, 714, 730, 731-733, 748, 757, 762, 784, 799, 802, 825, 835, 836, 840
Блок Л.Д. 65
Блох Й. 719
Бобров С.П. 53, 813, 814
Богданов А.А. 202
Богданов М.А. 67
Богомолов Н.А. 191
Бодуэн де Куртене И.А. 813
Боккаччо Д. 91, 728
Болдуин Д. 165
Бональд Л. 537
Бондарев Г.А. 418
Бонди С.М. 802, 816
Боэций А. 393
Браун Ф.А. 86
Браунинг Р. 525
Брик О.М. 816
Брокгауз Ф.А. 374
Брюсов В.Я. 35, 36, 53, 138, 329, 487, 535, 813, 817
Брюсова Н.Я. 53
Бугаева К.Н. 420
Булгаков С.Н. 273, 377, 506, 681-683, 687, 689, 692, 693, 748, 800
Булгарин Ф.В. 8
Буренин В.П. 8
Буржуа Л. 165
Бутервек Ф. 335
Бутру Э. 133
Быстров С.М. 63
Быстрова 405
Бэкон Ф. 179, 374
Бюхнер Л. 126

Вагнер Р. 93, 106-108, 112, 114, 157
Ваксвейлер Э. 166
Василевский И.М. 825
Васильев А.В. 155, 159, 385, 390, 391, 394
Вебер М. 166
Векслер А.Л. 88, 281, 282, 292, 295-297, 300, 302, 303, 305, 306, 309, 310, 312-315, 317-335, 338-340, 343-354, 390, 395, 499, 502, 588, 608, 610, 611, 613, 614, 616, 630, 666, 668, 669, 671, 727, 730, 731, 734, 735, 736, 737, 801, 802, 806-809, 811, 812, 824-829
Венгеров С.А. 63, 119-124, 156, 157, 159, 613, 614, 703, 803, 813, 832
Вербицкая А.А. 331
Вергилий 593
Верещагин И.П. 607
Верфель Ф. 830, 831
Верхарн Э. 314, 315, 323
Верховский Ю.Н. 410
Веселовский А.Н. 802
Вико Д. 129
Виндельбанд В. 10, 147
Виноградов В.В. 588, 617, 626, 814, 816
Виссель Е.Ю. 281, 288, 290-292, 295-297, 299, 302, 304-307, 333
Володарский В. 79, 80
Волынский А.Л. 86, 499, 502, 692, 703, 705, 708-712, 714, 718, 721, 722, 724, 725
Вольф Х. 375
Всеволодский В.Н. 30
Вырубова А.А. 476

Гаген-Торн Г.Ю. 8
Гаген-Торн Н.И. 8, 9, 16, 38, 334, 385
Гайдебуров П.П. 191, 194

Галанина Ю.Е. 11, 452
Галина Г. 835, 840
Галушкин А.Ю. 11, 801
Ганин А.А. 16
Ганслик Э. 838
Гарибальди Д. 126
Гартман Э. 423
Гаусс К. 346
Гафиз 400
Гегель Г. 55, 84, 128-131, 142, 171, 178, 179, 182-183, 376, 396, 625, 638, 641, 670, 671, 673-675, 677
Гейне Г. 93, 107, 123-127, 211, 235, 236, 242, 478
Гекаш 266
Гельдерлин Ф. 424
Гераклит 293, 634, 670
Гердер И. 25
Геродот 21, 149
Герцен А.И. 8, 41, 42, 118-125, 128-154, 156, 159, 176, 177, 180, 181, 231, 334, 361, 363, 365, 388, 404, 789
Герцен Н.А. 150
Гершензон М.О. 124
Гете И. 25, 57, 92, 93, 157, 289, 320, 326, 408, 414-416, 418, 420, 424, 425, 428, 432, 437, 438, 451, 455, 482, 520, 525, 546, 572, 651, 733, 831
Гиддингс Ф. 165
Гидони А.И. 117
Гизетти А.А. 116, 120-123, 1[illegible]56, 159, 160, 168, 228, 244, 259[illegible]262, 265, 334, 355, 356, 359, 36[illegible]363, 368, 810, 829-832
Гиляров-Платонов Н.П. 17
Гиндебург П., фон 815
Гиппий 399
Гиппиус В.В. 53, 355, 360, [illegible]
Гиппиус З.Н. 429, 748
Гиринский Л.И. 281, 284, [illegible]4, 296, 298-303, 305, 310-313, 3[illegible]319, 322, 323, 326, 328-333, 3[illegible]342, 345, 346, 348-350, 354
Глазанов 802
Глебов-Путиловский Н[illegible]
Гнедич Н.И. 832
Гобино Ж. 165
Гоген П. 398
Гоголь Н.В. 108, 115, 439, 542, 544, 545, 594, 619, 728, 729, 768, 796, 832
Голенищев-Кутузов П.И. 8
Голлербах Е.А. 84, 273, 334
Голлербах Э.Ф. 84, 248, 250, 334, 410
Головин А.Я. 410
Гомер 832
Гонеггер И. 94-96, 103, 106
Гончаров И.А. 684
Гопе А. 529
Гопе Т. 529
Гордин Я.И. (Gordin J.) 588, 626, 627, 731, 732, 780, 783, 784, 795-800, 809, 812, 827, 833
Горелов А.Е. 412
Горнфельд А.Г. 33, 821, 822, 825
Городницкий Р.А. 11
Горький М. 61, 85, 86, 124, 191-194, 212, 459, 474, 607, 703, 713, 716, 720
Гофмансталь Г. 820
Градовский А.Д. 763-765, 772
Граммон 821
Грановский Т.Н. 8, 152, 533, 647
Гребнев В.В. 255, 256
Гржебин З.И. 817
Григорьев А.А. 125
Грильпарцер Ф. 520
Гринберг З.Г. 64, 72
Гроссман Л.П. 593, 619, 823
Грот Я.П. 841
Губер П.К. 738, 750, 754, 756, 757, 759, 760, 774, 778, 779
Гумилев Н.С. 86, 802
Гумплович Л. 165, 166
Гурвич И.М. 261, 284, 302, 322, 342, 499
Гурлянд-Эльяшева Э.З. 64, 117, 243
Гурмон Р. де 820
Гуссерль Э. 351
Гуторов В.А. 11
Гуттен У. 91, 115
Гюго В. 521, 523-525, 536, 617

Д'Аламбер Ж. 171
Даль В.И. 7
Данзас Ю.Н. 780

Данилевский П.Я. 301, 400
Д'Аннунцио Г. 820
Данте А. 294, 296, 408, 417, 426, 432, 498, 499, 502, 593, 730, 731, 746, 780
Дарвин Ч. 161, 171, 263, 267, 707
Дарий 154
Декарт Р. 374
Делянов И.Д. 362
Демолен Э. 165
Демчинский Б.Н. 730, 733, 760, 778, 779, 785, 788-790, 794, 796
Державин Г.Р. 835, 841
Джотто ди Бондоне 341
Дидро Д. 171, 675
Диккенс Ч. 108, 536, 593
Диоген Лаэртский 424
Дионисий Ареопагит 157
Дмитриевский С.В. 72
Добролюбов А.М. 268, 433
Добролюбов Н.А. 147
Добужинский М.В. 339
Долгополов Л.К. 66
Долинин А.С. 499, 839
Донателло 294
Доронченков И.А. 11
Достоевский М.М. 667
Достоевский Ф.М. 42, 110, 115, 135, 177, 241, 331, 337, 357, 363, 482, 498, 499, 501-510, 514-516, 520-522, 525-543, 545-548, 551-558, 560-564, 566-580, 582-610, 612-615, 617-629, 632-669, 671-699, 701-709, 711-724, 726-731, 733, 734, 736-751, 756, 757, 760, 763-765, 768, 771-773, 776-778, 780-787, 789, 792, 793, 795, 798, 799, 808, 825, 828, 829
Думикина 323
Дьякова Е.А. 15
Дюркгейм Э. 165, 166
Дягилев С.П. 344

Еврипид 521, 663
Елизавета Петровна 672
Есенин С.А. 16, 32, 54
Ефрон И.А. 374

Жан-Поль 520
Жирмунский В.М. 410, 802, 814, 816, 841
Жуковский 717, 720
Жуковский В.А. 438, 509, 532

Заблоцкая А.Е. 40, 43
Завадский А.М. 706, 719
Завалишина Н.Г. 387, 388
Загоскин М.Н. 728
Замятин Е.И. 16, 63, 403
Зедергольм К. 780
Зелинский Ф.Ф. 385, 389, 399-401, 499
Зиммель Г. 147, 165
Змеев Г.Я. 323, 333
Зольгер К.-В.-Ф. 84
Золя Э. 535
Зоргенфрей В.А. 830

Ибсен Г. 24, 117, 148
Иванов А.М. 53
Иванов В.И. 422, 506, 514, 527, 610, 648, 649
Иванов-Разумник Р.В. (И.-Р.; Р.В.; Холмский В.; Ivanov-Razumnik) 8, 15-19, 21, 24, 27, 29, 30-32, 35, 36, 38-42, 46-54, 56-73, 77, 78, 83, 86, 87, 117-121, 123-125, 149, 151, 152, 156, 159, 175, 184, 191, 196, 199, 207-209, 212, 214, 215, 220, 235, 236, 243, 251, 253, 268, 270, 272-274, 289, 291, 355, 356, 359, 360, 385, 387-390, 394, 395, 402-406, 410-413, 419, 452, 458-461, 464, 465, 474, 477, 478, 482, 484, 486, 491, 498-502, 588, 637, 659, 679, 683, 691, 692, 698, 700, 701, 703, 711, 712, 722, 730, 734-737, 749, 750, 752, 753-757, 764, 770-772, 774-789, 798, 805-812, 825, 828, 829, 834-838, 840
Иванова Е.В. 40, 51, 67, 124, 199, 212, 390, 412, 502
Иванова Л.Н. 11
Иванчин-Писарев А.И. 16, 21
Иоанн Скотт Эриугена (Ориген; Эригена) 153, 393
Ирецкий В.Я. 820, 821
Иссерлин Е.М. 505
Исупов К.Г. 11, 369

К.Р. 528
Кавелин К.Д. 152
Казачков С.В. 58
Казин А.Л. 413
Калтуния Б.Н. 35
Каменев Л.Б. 50
Каменева О.Д. 50
Камков Б.Д. 183, 458
Кампанелла Т. 271
Кан Г.С. 11
Кант И. 99, 135, 157, 177, 179-183, 271, 316, 317, 324, 328, 329, 335, 336, 347, 375, 376, 426, 671, 674-677, 701, 726
Каплан С.Н. 158
Караваджо М. 341
Карамзин Н.М. 129
Караччи 341
Карелин В.А. 32
Карсавин Л.П. 220, 385, 390, 392, 394, 499
Катенин П.А. 516
Катилина 47-49, 54, 58, 492
Катков М.Н. 599
Кеневич Ж. 120
Кеплер И. 224
Керенский А.Ф. 475
Клеман М. 816
Клюев Н.А. 16, 32, 54
Князева Н.Г. 30, 51, 74, 355, 501, 838
Коган П.С. 625, 822, 823
Коген Г. 157, 315
Колобанов 633
Коммиссаржевский Ф.Ф.
Кондильяк Э. 179
Кони А.Ф. 498, 499
Конт О. 171, 177
Короленко В.Г. 690
Корцов М.И. 333, 334
Котляревский Н.А. 500
Коялович Н.М. 281, 315, 323-333, 345-354, 588, 62 95, 798, 799
Краевский А.А. 171
Кранах Л. 623
Кранихфельд Н. 72, 73
Крачковский И.Ю. 35
Кристи М.П. 72-74, 251, 264, 275, 390, 398, 410, 501
Кропоткин П.А. 165
Крылов И.А. 212
Крюкова А. 191, 194
Кублицкая-Пиоттух А.А. 65
Кудрицкая 333
Кудряшева Н.В. 413
Кузнецов Н.Н. 727, 730, 732, 809
Кукушкина Т.А. 11, 807
Кунтце Ф. 346
Куприн А.И. 703
Кушнер Б.А. 16, 47-49, 51, 53, 55-59, 71, 77, 803
Кьеркегор С. 84, 85

Лабриола А. 166
Лавров А.В. 11, 31, 35, 41, 83, 87, 124, 191, 212, 333, 412, 413, 737
Лавров Н.С. 59, 255, 259, 262
Лавров П.Л. (Арнольди С.С.; Доленги А.) 78, 130, 147, 148, 155-189, 208, 361, 365, 404,
Лагардель Ю. 166
Лагутина И.Н. 57
Лажечников И.И. 728
Ланге Ф. 669
Ландино К. 386
Лапицкий В.В. 7
Лапуж Ж. 165
Лаппшин И.И. 315, 346, 359, 499
Ларин Б.Н. 727, 801, 802
Ласенер П.-Ф. 515, 516
Ласк Э. 157
Лацис М.И. 62
Лебедев П.М. 35
Лебедев-Полянский П.И. (Полянский В.) 190
Лейбниц Г. 260, 393
Лемке М.К. 63, 119, 124, 461
Ленин В.И. 193, 220
Леонардо да Винчи 470
Леонтьев К.Н. 498, 499, 502, 737-754, 756, 757, 760-768, 770-773, 776, 777-783, 785-800
Леонтьев Я.В. 11, 31, 32, 67-69, 404, 406, 465

Лермонтов М.Ю. 478
Лернер Н.О. 832
Лесаж А. 591
Лесков Н.С. 502, 542, 545, 727, 728
Лесман М.С. 30, 51, 74, 355, 501, 838
Липпи Ф. 308
Липский А.В. 157
Ллойд Джордж Д. 449
Ломоносов М.В. 34, 375, 507, 672
Лопатин Л.М. 360
Лоренцо Великолепный 386
Лосев А.Ф. 281
Лосский Н.О. 54, 248, 249, 346, 385, 389, 499
Луис П. 612, 820
Лукьянов С.М. 355
Луллий Р. 393
Луначарский А.В. 29-31, 35, 40, 42, 46, 47, 50, 51, 53, 56, 58-60, 62
Лундберг Е.Г. 16, 30, 32-36, 38, 47, 49, 50, 52, 53, 60-62, 67-72, 152, 153
Лунц Л. Н. 806, 807, 816
Лурье А.С. 47, 49, 53, 54, 88, 89, 191, 194

Магеровский Д.А. 31, 32
Магницкий М.Л. 8
Мадзини Д. 126
Майков А.Н. 533, 570, 689
Максимов Д.Е. 80, 82, 208, 403, 407, 410
Малевич К.С. 54
Мальмстад Д. (Malmstad J.) 41, 420
Маркс А.Ф. 623
Маркс К. 131, 136, 169, 200, 221, 230, 231, 719
Масанов И.Ф. 19
Матвей о. 796
Маттеуци (Маттеучи) К. 165
Маширов А.И. 242, 243, 245
Маяковский В.В. 54, 225, 625, 789, 825
Мебиус (Mobius) П. 628
Мейер А.А. 53, 56, 191, 196, 214, 217, 222, 227, 238, 240, 241, 355, 356, 359, 360, 368, 369, 498-502, 693, 698
Мейер Л.А. 400
Мейер Ю. 822
Мейерхольд В.Э. 44, 46, 47, 49-53, 58, 59, 64, 71, 458, 459, 460
Мелеин А.И. 819
Мемлинг Х. 344
Менделеев Д.И. 708, 822
Меньшиков М.О. 8
Мережковский Д.С. 79, 87, 124, 149, 429, 564, 634, 692, 703, 712
Меринг Н.М. 280, 281, 284, 285, 287, 288, 290, 292, 297, 305, 306, 309-312, 317, 323, 333, 334, 337-340, 345, 348, 354, 359, 364, 374, 375, 390, 400, 401, 404, 499, 500, 811, 837, 839, 842
Метнер Э.К. 430, 431
Микеланджело Б. 310-313
Милль Д. 171
Мининес 333
Мирский Д.П. 89, 90
Михайлов А.В. 57
Михайлов М.Л. 125
Михайловский Н.К. 8, 68, 110, 147, 148, 174, 175, 181, 182, 361, 836
Мищенко Л.Л. 257, 346
Модзалевский Б.Л. 599
Молешотт Я. 126
Мольер Ж. 526
Монтень М. 91
Монтескье Ш.-Л. 171, 537
Монье Ф. 386-388
Мор Т. 91
Морозов Н.А. 784
Мочульский К.В. 82, 83
Мстиславский С.Д. 16, 19, 21, 25, 47, 49
Мужоль 165

Нагродская Е.А. 343
Надсон С.Я. 225
Наполеон Бонапарт 558, 604
Наторп П. 315
Некрасов Н.А. 728, 825, 838
Нельдихен-Ауслендер С.Е. 283, 323
Нечаев С.Г. 599
Нива Ж. 18
Никитенко А.В. 8
Николаев А.С. 814
Николаев Н.И. 505

Николаев-Бергин Н.М. 632, 679, 683, 684, 691, 693, 698
Николай I 544, 791, 832
Нико-лай Кузанский 787
Нироп 821
Ницше Ф. 105, 130, 137, 140, 148, 157, 249, 285, 327, 415-417, 422, 551, 552, 607, 656, 664, 665, 690
Ноайль П. де 151
Новалис 84, 434, 520
Ньютон И. 174, 181, 796

Обатнина Е.Р. 11, 17, 748, 807
Одоевский В.Ф. 174, 177, 181
Ольденбург С.Ф. 86, 814
Орешин П.В. 16
Орлов В.Н. 38, 412
Осокин П.М. 290
Островский А.Н. 542, 545
Оуэн Р. 145
Оффенбах Ж. 788

Павлова М.М. *11, 429*
Павлович 721
Падеревский 343
Панченко О. 224
Парето В. 166
Пармели 165
Парменид 41, 396, 397
Паскаль Б. 106, 396
Паули Г. 626
Переверзев В.Ф. 35
Перикл 97
Перцов П.П. 53
Пестель П.П. 8
Петр I 149, 176, 177, 365, 507, 508
Петрарка Ф. 91, *115*
Петрицкий В.А. 410
Петров-Водкин К.С. 16, 47, 49, 51, 52, 54, 57, 58, 63, 71, 191, 198, 226, 360, 377, 385, 401, 461, 492, 809, 812, 837, 840
Пигулевский 248
Пико делла Мирандола Д. 91, 386
Пинес Д.М. 19, 72, 410, 411, 498, 499, 500, 632, 703, 727, 730, 733, 734, 736, 737, 776, 778, 793, 794, 809
Пиотровский А.И. 801
Писарев Д.И. 110, 148, 170, 514
Пифагор 626
Платон 41, 157, 179, 180, 257, 271, 281, 293, 374, 384-399, 401, 417, 418, 501, 502, 537, 603, 604, 626, 638, 642, 647, 649, 660, 663, 670-674, 677, 681, 682, 697, 746
Платонов С.Ф. 814
Плиний Старший 21
Плотин 387, 393
По Э. 108
Победоносцев К.П. 740
Познер В.С. 802
Покровский М.Н. 37, 60
Полонская Е.Г. 801, 802
Порфирий 387
Потапенко И.Н. 703, 835, 840
Потебня А.А. 803
Потемкин В.П. 35
Пришвин М.М. 16, 18, 748
Прокофьев С.С. 54
Протагор 258
Прудон П. 762, 763
Пуанкаре Ж. 622, 836
Пуже Э. 166
Пумпянский Л.В. 498, 499, 501, 505, 611, 612, 629
Пунин Н.Н. 53, 191, 197, 220, 233, 236, 240, 241
Пушкин А.С. 8, 23, 24, 110, 125, 149, 150, 176, 177, 209, 284-287, 365, 394, 408, 420, 437, 455, 478, 498, 505, 507, 508, 511, 513-515, 522, 530, 532, 533, 539, 540, 575, 619, 625, 681, 684, 711, 728, 809, 813, 814, 819, 832, 835, 839, 840
Пшибышевский С. 820
Пяст В.А. 410, 801

Рабинович Я.Л. 812, 840
Радищев А.Н. 8
Радлов Э.Л. 119, 124, 156, 159, 160, 346, 355-362, 374, 377, 814
Раппопорт Х. 178
Расин Ж. 512, 516, 524
Распутин Г.Е. 476

Ратцель Ф. 165
Рафаэль 321, 342, 432, 710, 718, 735, 820
Рачинский Г.А. 363
Реймер Н. К. 165
Рейснер М.А. 36
Рейхлин И. 91
Рембрандт Х. 293, 300, 314, 315, 323, 342
Ремизов А.М. 16-18, 63, 70, 461, 703, 748
Ренан Ж. 260
Ренувье Ш. 147
Рибейроль Ш. 150
Риккерт Г. (Rickert) 147, 840
Римский-Корсаков А.Н. 53
Римский-Корсаков Н.А. 53
Розанов В.В. 250, 537, 600, 601, 604, 631, 685, 690, 692, 712, 738, 741, 742
Розов С. 659, 668, 673
Рощин-Гроссман И.С. 35
Рубенс П. 294, 344, 831
Рунич Д.П. 8
Руссо Ж.-Ж. 171

Сабашникова М.В. 53, 58, 404
Саводник В.Ф. 832
Сакулин П.Н. 124
Салтыков-Щедрин Н.Е. 110
Санд (Занд) Ж. 42, 765
Свасьян К.А. 89, 415
Седенко Ф.И. (Витязев П.; Витязев Ф.И.) 156, 159, 160
Селевина (Романова) Е.К. 361
Семаш А. 11
Сен-Симон К. 141
Серафим Саровский 565
Сервантес С.М. де 589, 590
Серов П. 66
Сиверс 821
Сидоров И.И. 281, 323, 328, 333, 342-344
Сильвин М.А. 72
Симеон Столпник 779
Скотт В. 531
Скрябин А.Н. 300
Славин П. 81
Слонимский А. 410, 816
Слонимский М.Л. 801
Смирнов А.А. 730-732, 812, 839-842
Соколов П.П. 133
Сократ 266, 281, 399, 536, 603, 604, 642, 732, 779
Соловьев Б.И. 412
Соловьев В.Н. 40
Соловьев В.С. 110, 160, 177, 355-378, 382, 383, 400, 404, 422, 425-427, 429, 430, 445, 450, 456, 493, 560, 563, 564, 568, 569, 575, 581, 582, 583, 584, 644, 684, 685, 687-689, 692, 732, 733, 734, 738
Соловьев М.С. 430
Соловьев С.М. (историк) 357, 358
Соловьев С.М. 355, 356, 358
Сологуб Ф. 63, 84, 289, 442, 461, 703, 748, 798
Сорель Ж. 166
Сорокин П.А. 119, 156, 157, 159, 160, 499, 502, 632-635
Софокл 97, 602, 663
Спартак 220, 239
Спенсер Г. 157, 161, 171
Спиноза Б. 179 266
Спиридонова М.В. 458
Стеклов Ю.М. 823
Стендаль 529, 595
Стерн Л. 609
Стеценко 298, 323, 333, 344
Страхов Н.Н. 689, 692, 723, 729
Стрижак Т.Л. 58
Стриндберг А. 107, 446
Сугай Л.А. 280
Сю Э. 615
Сюннерберг К.А. (Эрберг К.; К.А.) 8, 16, 18, 29-35, 38-41, 43, 46-59, 61, 63, 64, 68-73, 77, 87, 159, 191, 220, 251, 253, 256, 262, 272, 274, 275, 280-285, 287-306, 309-333, 335-355, 359, 385, 390, 391, 395, 398, 410, 492, 499, 500, 541, 588, 622, 624, 625, 635, 703, 706, 710, 712, 713, 716, 724, 726, 737, 750, 775, 780, 782, 783, 788, 802, 803, 805, 808, 810, 812, 827-829, 837, 838

Тарасенков А.Т. 796
Татлин В.Е. 54
Тацит 101, 381
Терещенко Е.И. 486
Терещенко М.И. 486
Терещенко П.И. 486
Тиллих П. 283
Тихонов А.Н. 86
Тициан 236
Тодес Е.А. 809
Толстой Л.Н. 8 115 209 250 291 417 418 480 498 499 501 542 543 545 590 597 602 606 607 632-635 674 708 712 714 715 720 721 729 732 753 779 797 808
Толчинский А.А. 53
Томашевский Б.В. 801, 805, 810-812, 816, 842
Торквемада Т. 691
Троцкий Л.Д. 50, 480
Трубецкой Е.Н. 376
Трубников 47
Трутовский В.Е. 458
Тургенев И.С. 167, 281, 542, 545, 588, 591, 597, 599, 684, 700, 705, 729, 833
Тургенев Н.И. 8
Тынянов Ю.Н. 410, 588, 617, 619, 625, 626, 801, 808-811, 816, 824, 825, 827-831, 835, 840, 841
Тютчев Ф.И. 128, 284, 285, 287, 410, 475, 509, 534

Удальцов А. 31, 34, 36
Уланд Л. 532
Урицкий М.С. 265, 266
Устинов В. 61
Уханова А.В. 301, 333

Федин К.А. 88
Федоров В.С. 252
Федотов Г.П. 299, 804
Фейербах Л. 141
Ферма П. 290
Фет А.А. 284-287, 410, 42[illegible] 813
Фехнер Г. 582, 806
Фехнер Е.Ю. 333
Фидий 732
Философов Д.В. 250, 429
Фихте И. 84, 171, 179, 182, 320, 321, 376, 641
Фичино М. 386, 387, 398
Флобер Г. 108
Флоренский П.А. 725
Фолль К. 623, 838
Фома Аквинский 786, 787
Форш О.Д. 16, 36, 498, 499, 502, 679, 730-732, 734
Франк С. Л. 316, 321, 351, 786, 799, 800
Фридрих Великий 258
Фриче В.М. 35
Фриш О.А. 779, 788, 789

Халтурин С.Н. 48
Харитон Б.О. 410
Херасков М.М. 639
Хлебников А.Г. 724
Хлебников В. 225
Ходасевич В.Ф. 501
Холодковский Н.А. 25
Хомяков А.С. 8, 689
Хоффман С. (Hoffman S.) 11, 15, 17
Христиансен Б. 299, 304, 307, 324

Царькова Т.С. 11
Цинберг С.Л. 662, 668, 670-673

Чаадаев П.Я. 143, 177
Чебышев-Дмитриев А.А. 390, 395, 396, 400, 499, 502, 588, 667, 668, 698, 730, 731, 734, 735, 736, 770, 775, 777, 783, 785-787, 789, 790, 792, 793
Черепанов Д.А. 31, 32
Чернышевский Н.Г. 147, 148, 170, 361, 363, 365, 835
Чертков Д.К. 235, 809
Чехов А.П. 396, 422, 588, 732, 820
Чешихин В.Е. 359, 360, 363, 364
Чиж В. 545
Чириков Е.Н. 835
Чудаков А.П. 809
Чудакова М.О. 809
Чуднов Ф.Я. 64
Чудовский В.А. 802

Чуковская Е.Ц. 87
Чуковский К.И. 86, 87, 802
Чулков Г.И. 355

Шабалин И.А. 465
Шапиро Б.М. 248, 399
Шателен М.А. 796
Шварсалон К.С. 387
Шдрауф 285, 287, 288
Шевырев С.П. 618
Шекспир В. 110, 131, 204, 236, 299, 513, 526, 532, 590, 602, 705, 709
Шеллинг Ф. 130, 375, 376, 429, 604
Шерон Ж. 11, 30, 484
Шершеневич В.Г. 54
Шестов Л. 16, 32, 49, 52, 152, 612, 692, 712, 798
Шешковский С.И. 8
Шиллер И. 92, 93, 98, 112, 285, 509, 535, 630, 631, 802
Шимкевич М.А. 281, 298, 299, 301, 302, 319-321, 323, 333, 341-344
Шкловский В.Б. 84, 194, 220, 224, 235, 333, 499, 501, 502, 504, 588, 589, 602-609, 611-613, 615, 616, 618-632, 801-804, 808, 809, 815, 816, 824, 825, 827, 829, 837, 838
Шкловский Вл.Б. 801, 821
Шлегель Ф. 84
Шлецер Б.Ф. 85
Шмидт А.Н. 560, 568, 569, 581, 582, 732
Шопенгауэр А. 313, 422, 423, 628, 629
Шпенглер О. 89
Шпет Г.Г. 54
Шрадер О. 446, 447
Шрейдер А.А. 32, 67, 85, 207, 405, 406
Штейнберг А.З. (А.З.; Steinberg A.) 18, 34, 38-42, 44-47, 49, 51-59, 62-65, 70, 71, 74, 77-79, 89, 90, 116, 117, 119-123, 127, 133, 156, 158-160, 174, 191-194, 197, 220, 251, 252, 258, 262, 268, 280, 281, 291, 296, 334, 348, 350, 355, 356, 359, 364, 384, 385, 390, 394, 395, 398-400, 403, 404, 406, 407, 419, 456, 457, 474, 476, 492, 493, 500-502, 504, 505, 588, 601-608, 611, 614-616, 621, 622, 624, 625, 626, 631, 632, 634, 635, 637, 638, 645, 659, 663, 665-668, 676, 677, 679-687, 692-698, 700, 708, 712, 713, 715, 727 799 808-810
Штейнберг И.З. 64, 405, 458
Штейнер (Штайнер) Р. 57, 58, 322, 414, 418, 428, 433, 477
Штейнметц Р. 166
Штирнер М. 143, 232, 551, 607, 664

Щеголев П.Е. 124, 389, 403
Щербина Н.Ф. 333

Эйхенбаум Б.М. 410, 499, 501, 502, 727, 728, 801-805, 808-812, 815, 816, 821, 824, 827, 828, 832, 835, 836, 840, 841
Эмпедокл 424
Энгельгардт Б.М. 410
Энгельс Ф. 136, 200, 205, 719
Эразм Роттердамский 91
Эсхил 516, 535, 536

Юденич Н.Н. 73
Юркевич П.Д. 170
Юрьев Ю.М. 590

Якобсон Р.О. 816
Якубинский Л.П. 801, 810, 811, 816

Dobringer E. 15
Eisler R. 177

Указатель имен к книге II

Абрамович Д.И. 189
Абрамович Р.А. 258, 260
Абш Ю.П. 35
Аввакум 481
Августин Блаженный 110, 187, 502, 639, 703
Авенариус Р. 476
Авраамов А.М. 32
Адрианов С.А. 189
Азадовский К.М. 252
Айхенвальд Ю.И. 647
Алапин Е.Я. 37
Александр III 76
Александр Македонский 538
Александровская Н.В. 393
Александровский В.Д. 226, 269
Алексеев Н.И. 241
Ангарский Н.С. 292
Андерсон Е.Н. 35, 80,
Андреас-Саломе Л. 252
Андреева Г.А. 35
Андреев Л.Н. 24, 232, 292, 40[illegible] 494
Андреев П.Н. 404
Андреев Ф.К. 108
Андреева М.Ф. 15
Анисимов Ю.П. 226
Анисимова В.О. 200, 215, 2[illegible]
Анненков Ю.П. 513, 528
Анненский И.Ф. 204, 228, [illegible]
Анненский-Кривич В.И. [illegible]
Антокольский П.Г. 228, 53[illegible]
Апполоний Пергский 612
Арайс М.М. 35
Арбенина О.Н. 35
Аренс Л.Е. 369, 370
Аристотель 73, 568, 639
Аристофан 28
Аронсон Т.Н. 395
Арский П. 395
Архимед 28, 612
Асафьев Б.В. (Глебов И.) 229, 380-381
Аскольдов (Алексеев) С.А. 57, 77, 92, 94, 104, 108, 112, 114, 185, 189, 190, 416, 457
Асеев Н.Н. 536-537, 549
Ауэр С.В. 143
Ахматова А.А. 152-153, 360-361, 534, 548

Бабеф Г. 141
Байрон Д. 489
Бакрылов В.В. 13-14, 17, 22-26, 30-31, 39, 46, 49-50, 58, 60, 63, 67, 72, 80, 84-85, 90-91, 96, 105, 110, 112, 137, 143, 168, 175, 198, 208, 247, 350-351
Бакунин М.А. 142, 458
Балтрушайтис Ю.К. 271
Бальмонт К.Д. 271-272, 403, 533-534
Баранова-Шестова Н.Л. 285, 295, 307
Баратынский Е.А. 75, 532
Бараш С.С. 394
Барбюс А. 140
Барлах Э. 252
Бартенев П.И.
Барышева Л.А. 138
Батони П.-Д. 117
Батюшков Ф.Д. 14,

Баумгартен А. 641
Бахтин М.М. 194-195, 702, 709
Бачинский А.И. 209, 216, 217
Бедный Д. 268
Бекетова М.А. 366, 391, 396-398, 401, 405, 665
Белинский В.Г. 388, 390, 469, 538, 646
Белов С.В. 589
Белодубровский Е.Б. 373
Белоус В.Г. (В.Б.) 43, 110, 200, 214, 239, 388, 469, 473, 479, 482, 483, 499, 702
Белоцветов Н.Н. 258, 260, 318, 322, 346
Белый А. (Бугаев Б.Н., Belyj A.) 10, 16-17, 20, 24-26, 29-32, 39, 40-42, 44-47, 49-52, 56-58, 60-63, 65-66, 69-70, 76-79, 93, 104, 106, 112, 114-115, 118, 120-121, 125-126, 128-132, 134-136, 138, 139, 141, 143-145, 147, 151-155, 157, 159-161, 166-168, 184-191, 194-196, 199, 203-205, 207-213, 215, 217, 223, 225-228, 231-232, 235-237, 242-245, 247, 250, 252-258, 260, 262, 268-269, 271-277, 279, 290-291, 298, 300-301, 304-305, 307-309, 311, 315, 317-324, 327-333, 335-337, 341-343, 346-348, 350-353, 356, 358-359, 363, 366-368, 373, 377-379, 383, 385-387, 390-392, 394-395, 397-399, 401, 413, 416, 421-439, 441-445, 447, 449, 451-455, 457, 459, 460-463, 465, 472, 485, 489, 493, 498-499, 504, 508-509, 521, 524-527, 530, 532, 537, 539, 544, 547-549, 582, 588, 652-654, 662, 664-670, 672-675, 682-684, 686, 696, 701, 703-705, 709, 723, 740, 743, 750-752, 754, 761,772-774, 421-464
Бельше В. 646
Беляев В.А. 108
Бем А.Л. 473
Бендерский Г.А. 34,
Бенедиктов В.Г. 532
Бенедиктова А.Г. 35
Бенедиктова Е.Г. 35
Бенуа А.Н. 115, 252-253, 567-658
Бенуа П. 385, 570
Берг Л.С. 108
Бердяев Н.А. 68, 118, 120, 187, 195-200, 202, 207, 217, 229, 241, 257, 299, 347, 495
Берк Э. 640
Беркман (Bergmann) А. 124, 141
Берлович 124
Бернар Э. 574
Берт 166
Бетховен Л. 116-117
Бехтерев В.М. 80, 85, 90, 108, 112, 114, 185
Бинат Ф.Н. 394
Биркина Н.Л. 37
Бисмарк О. 411
Бланк Р.М. 258, 260
Блок А.А.12-13, 15-16, 22, 24, 31-32, 40, 44, 56-57, 61, 63, 68, 74-78, 80, 96, 100, 104, 106, 112, 115, 143-144, 150, 152-153, 160, 166, 171, 175, 177, 185-186, 189-191, 194, 198-199, 203-204, 227-229, 234-235, 242-243, 245, 252, 257, 259-260, 269, 279, 290-292, 301-302, 304-305, 307, 328, 342, 346-347, 350, 356, 360-361, 366-369, 373, 378, 383, 385, 387, 390-392, 395- 401, 404-405, 416-417, 433, 434, 460, 461, 465, 470, 472, 485, 489, 521, 528, 532, 534, 549. 588, 664, 675, 678, 692, 727, 768, 772
Блок Л.Д. 74, 204, 367, 427, 544, 547-548
Блонский П.П. 223
Бобрик А.А. 36, 48, 138, 140, 145,
Богданов А.А. 224, 267, 268, 270
Богоявленский Н.В. 217
Бокль Г. 295
Болдырев В.В. 108
Больцано Б. 188
Борджиа Ч. 411, 454
Борель Э. 406
Боричевский И.А. 65, 72, 78, 110, 139, 184, 186, 191
Борачевская М.В. 394
Боровой А.А. 201-202, 209, 216-217
Бородин И.П. 114, 392
Босацкий А.Н. 37
Брандес Г. 141

Браудо Е.М. 24, 85, 105, 185, 416
Браун Н.Л. 413
Браун Ф.А. 15, 251, 258, 260, 285, 298, 300, 321
Брент-Оллен 646
Броварская Е.Б. 393
Бруни Л.А. 97, 125, 127-128, 133, 135-137, 143, 187-188, 192, 371, 458
Бруно Д. 334
Брусилов А.А. 719
Брут 481
Брызгалов Н.А. 208, 210, 217
Брюллова-Шаскольская Н.В. 389
Брюсов В. Я. 271-272, 403-404, 520, 522, 532-533, 536, 582, 773
Буало Н. 640
Буковецкий А.О. 109
Букшпан Я. 369
Булгаков С. Н. 150, 151, 491, 498, 742
Бунин И.А. 262, 524
Бурже П. 372
Бурлюк Д.Д. 565
Бурлюк Н.Д. 571
Бутервек Ф. 642
Бухарин Н.Н. 224
Быховская С.Д. 394
Бэкон Ф. 640
Бюхер К. 645
Бюхнер Г. 43

Вагинов К.К. 375, 392
Вагнер Н.П. 383, 385, 392, [illegible]
Вагнер Р. 116, 160, 380-38[illegible]388, 390, 644
Вадимов А.В. 197
Вальков А.В. 37
Вальтер 296, 297
Вальтер В.В. 258, 260
Вальтер В.Г. 258
Вальтер Р., фон (Вальтер [illegible]43, 252, 256, 258, 260
Ван Донген К. 572
Василевский И.М. 332
Васильев А.В. 26, 28, 3[illegible]4, 96, 98, 102, 108, 109, 112, [illegible]46-147, 175, 185, 187, 19[illegible]395, 416, 458
Васильев Н.Г. 34,
Васильев П.Н. 217-218
Васин Н. 372
Введенский А.И. 15, 108
Вейссе 643
Векслер А.Л. 34, 38, 67, 72, 79-81, 83, 85, 87, 94-95, 101, 104, 112, 116, 121, 125-126, 129-131, 134-136, 138-139, 143, 150, 187-189, 192, 365, 371, 375, 377, 379, 383, 385-387, 390-393, 417, 661-669, 671, 673, 675, 679, 681, 683, 685, 687, 689, 691, 693, 695, 697, 699, 701, 741, 745, 754, 756, 766
Венгеров С.А. 14, 26, 46-47, 49, 57, 77, 299, 327, 455
Венгерова З. А. 155, 256, 258, 260, 290
Верди Л.Г. 37
Верлен П. 272
Ветрова-Книжник В.И. 39
Вергилий 175
Верфель Ф. 385
Веселовский А.Н. 538
Ветлугин А. 332
Вивьен С.С. 138, 140, 394
Викентьев В.Н. 217
Вико Д. 640
Виндельбанд В. 581
Винкельман И. 641
Винниченко В.К. 336, 344
Виноградов В.В. 416
Виссель Е.Ю. 35, 67, 72, 79, 80, 121, 136, 138, 144, 146-148, 379, 383, 385, 387, 391-393, 749, 756, 766, 770
Виссель М.Ю. 393
Витте С.Ю. 329
Вишняк-Шварц А. 334
Внуков В.А. 201
Волошин М. А. 413
Волынский А.Л. 14, 24, 30, 32, 189, 359, 363, 514
Вольский А. 326
Врубель М.А. 518
Второв С.И. 37
Вундт В. 645, 669
Вышеславцев Б.П. 198, 200, 209, 217

Гаврили Г.А. 39
Гаврилов А.Е. 34
Гаген-Торн Н.И. 139, 144-146, 248, 396, 428, 551, 713, 741, 751
Газе М.Ф. 394
Гайдебуров П.П. 14, 30-32, 57, 165, 203, 358, 373, 732
Галанина Ю.Е. 548
Галеви Л. 535
Галушкин А.Ю. 152, 197, 396, 400, 544, 666
Ганди М. 140
Ганзен А.В. 414, 415
Гарт (Зусман) С.С. 31,89, 108, 185, 450
Гартман Э. 73
Гауптман Г. 252
Гацкевич З.А. 34
Гегель Г. 102, 388, 591, 613-614, 616, 618-620, 630-633, 638, 643, 722, 731
Гей-Люссак Ж. 312
Геккель Э. 146
Генкель А.Г. 438
Гелевани 115
Геллер И.С. 108
Гельмгольц Г. 82
Гемстергюис 640
Гене-Вронский Ю. 46
Гепштейн Д. 372, 755
Гераклит 567
Герарди Н.И. 35,
Герасимов М. П. 226, 535
Гербарт И. 643
Гердер И. 531, 642
Гершензон М.О. 92-94, 184, 217, 257, 258, 270, 299, 357, 390
Герцен А.И. 25, 41, 57, 190, 199, 469, 581
Гессен И.В. 255, 258, 260, 279, 285-286, 289-290, 296, 316, 320-321, 330, 332-338, 340-341, 354
Гессен С.И. (С.О.) 241, 322, 324
Гессен Я. 384, 413, 415, 721
Гете И. 116, 158-159, 166, 186, 188, 191-192, 266, 317, 331, 412, 454, 459, 531, 641-642, 705, 746,
Гетчинсон (Хатчесон) Ф. 640
Гиддингс Ф. 165
Гидони А.И 17, 93-94
Гидони Г.И. 93-94
Гизе Э. А. 35
Гизетти А.А., 17, 26, 34, 35, 58, 64, 68, 77-78, 80, 92, 104, 110-112, 115, 139, 184-185, 190, 363-364, 369, 371, 375, 379-380, 382, 384-393, 397-398, 400-404, 406, 416, 424, 450, 451, 457, 486-487, 732, 750, 754, 758, 761-763
Гильберт Д. 147
Гинзбург И.З. 187
Гинзбург И.Н. 112
Гинзбург Л.Я. 711, 713
Гинцбург И.Я. 101, 104, 115
Гиорт Ю. 91
Гиппиус В.В. 14, 24, 30, 32, 111-112, 115, 176, 204, 229, 367, 375, 391-392, 397, 537, 548, 740, 758-759
Гиппиус З. Н. 13, 261, 317, 536
Гиринский Л.И. 35, 87, 121, 138, 187
Глез (Глеэз) А. 573-575
Гоген П. 576
Гоголь Н.В. 73, 192, 196, 226, 268, 433-434, 453, 524,538, 668, 675, 703, 706
Голететская Ю.Г. 39
Голичер А. 246, 252
Голлербах Э.Ф. 358-359, 363, 424-425, 427, 547, 740, 743
Головина М.Е. 34
Голосовкер Я.И. 200, 202, 210, 217, 220, 226
Гольдановский 17
Гольдман Э. (Godmann E.) 124, 141
Гомер 175
Гончаров И.А. 524
Гоон 640
Гордин Я.И. (Gordin J.) 359, 361, 365, 371, 375-376, 379-380, 385-390, 392-393, 395, 417, 720-723, 725, 746, 754-755, 720-725
Горлов В.Е. 35,
Горнфельд А.Г. 14, 249, 250, 252, 330, 387-388, 390
Городецкий С.М. 100
Горький М. 15, 25, 31, 57, 317, 345-346, 524, 527
Гофман Э. 226, 355, 389
Грабарь И.Э. 253

Грачева А.М. 290
Гребнев В.В. 34, 131,
Гревс И.М. 55, 176
Гредескул Н.А. 95
Гречишкин С.С. 423, 550
Гржебин З.И. 244-245, 346
Грибоедов А.С. 287, 512
Григорьев А.А. 538
Григорьев Г. 528
Грильпарцер Ф. 642
Гримм Э.Д. 15,
Гринберг З.Г. 15, 254
Гринберг М.Г. 37
Грифцов Б.А. 216-217
Гросс К. 645, 646
Грошиков Ф. (Копейкин С.) 95
Груздев И.А. 36, 382, 386, 390
Губер П.К. 86, 176
Гулливер В.М. 39
Гуль Р.Б. 547
Гумбольт В., фон 642
Гумилев Н.С. 62, 107, 152, 402, 533, 536
Гурвич И.М. 35, 416
Гурвич С.Я. 130-131, 136
Гуревич А.В. 259
Гуревич Л. Я. 14
Гуревич М.М. 258-260
Гуревич Я.С. 24
Гурлянд-Эльяшева Э.З. 17, 21, 30, 34, 36, 42, 85, 96, 98, 112, 114, 119-120, 125-126, 129, 133, 135, 138, 185-187
Гуро Е.Г. 228, 386, 391, 537, 543
Гуссерль Э. 199
Гутина Р.М. 23
Гюго В. 562, 563
Гойо Ж. 645

Давыдов Д.В. 539
Даль В.И. 689
Дальтон Д. 312
Даманская А.Ф. 276
Д'Амелия А. 334
Данзас Ю.Н. 66, 68, 77, 12, 176, 184, 185, 187
Данилевский А.А. 71
Данилевский Н.Я. 354
Данилевский П.Я., 79-8
Данте А. 169, 175-176, 189, 260, 301-302, 304-306, 417, 502, 664
Данько Е.Я. 228, 372, 375, 392, 537, 548, 752
Дарвин Ч. 27, 41, 77, 640, 646
Дегтяревский И.М. 226
Дейблер Т. 252
Дейч Л.Г. 49, 52, 57, 190, 416
Декарт Р. 449, 576
Демокрит 28,
Демчинский Б.Н. 86, 91, 100-103, 113, 184, 187, 190, 752, 755
Денисов В.А. 359, 361, 389
Державин Г.Р. 532
Дессуар М. 646
Дзержинский Ф.Э. 309
Дзеркал А. 334
Дидро Д. 640
Дизель Р. 579
Диккенс Ч. 527
Дильтей В. 613
Диоген 730
Дионесов С. 372
Дмитренко А.Л. 372
Дмитренко Н.В. 39
Дмитриев С.В. 15,
Добровольский Н.Г. 108
Добронравов Л.М. 514
Добужинский М.В. 551
Доливо-Добровольский А. 401, 402
Долинин А.С. 371, 667
Домагер Л.Л. 414, 415
Достоевский Ф.М. 24, 73, 86, 169, 176, 189, 191, 207, 209, 212, 216-217, 219-220, 223, 226, 257, 261, 277, 310, 314, 357, 371, 387-388, 390, 397-398, 401, 412, 416-417, 433-434, 453, 475, 488-489, 492, 524, 565, 581, 583, 586-587, 589, 648-649, 664, 668, 707-708
Друскин Я.С. 53
Дувакин В.Д. 195
Дудкин В.В. 252, 259
Дунаевский Л.Р. 223
Дункан А. 248
Дынник В.А. 202
Дюбо Ж.-Б. 640
Евдокс Книдский 28

Евклид 147, 554, 612
Евреинов Н.Н. 115
Еврипид (Эврипид) 112, 538
Егоров Е.А. 14
Егорова Н.Ф. 35
Екчмен Э. 224
Елисеев 41
Ермаков И.Д. 515
Ермаков К.Е. 38
Ерофеев В.В. 37
Ершов И.В. 71, 74
Есенин С.А. 210, 217, 232, 234, 242-243, 248, 367, 509, 534, 548
Ефрон А. 310

Жан-Поль 160, 642
Жебелев С.А. 14
Жемчужникова М.Н. 200
Женевская С.Д. 394
Жеребцов А.А. 36
Жирмунский В.М. 93, 115
Жихарев С.О. 15,

Заале В. 256, 258, 260
Задолит К.Ф. 335
Зайцев 524
Зайцева Е.Д. 244, 254, 259-260
Закс 292-293
Замятин Е.И. 187, 231, 396, 399-401, 513, 516-517, 522, 526
Замятина Л.Н. 396
Западалов Б. 406
Засыпкин 138
Зелинский Ф.Ф. 28, 85, 92-94, 98-99, 113, 175, 184-185, 187, 191, 416, 719
Зензинов В.М. 317
Зиммель Г. 613
Зеньковский В.В. 241
Зиновьев Г.Е. 47
Змеев Г.Я. 34, 71-72, 85, 94-95, 125, 138-139, 366
Знаменский А.П. 34, 39
Зольгер К. 643
Золя Э. 562, 563, 565
Зорин 47
Зотов Г.П. 371, 386, 726, 728, 729, 731, 733, 735, 737-738, 726-738
Зощенко М.М. 18, 36
Зульцер 641

Иванов А.И. 155
Иванов В.В. 518, 526-527
Иванов В.И. 92, 94, 112, 184, 194, 196, 226, 229, 258, 270, 299, 327, 328, 492, 499-500, 532, 533, 539, 619
Иванов Г.М. 34,
Иванов Е.П. 14, 359, 366, 375, 379, 385-387, 390, 761, 391-393, 396-398, 401, 404-406, 413, 766, 770
Иванов Л.Р. 35, 590
Иванов-Разумник Р.В. (И.-Р.; Р.В.; Холмский В.; Ivanov-Razumnik) 12-13, 16, 19-21, 24-25. 28-32, 40, 45-46, 49-52, 55-58, 60, 63- 67, 70-72, 74-81, 85-88, 95-101, 103-106, 108, 110, 113, 115, 118, 120-122, 124-126, 128-139, 141, 143-146, 148-151, 153-156, 159, 162.166-167, 175-179, 184-196, 198, 203-205, 207, 217, 225, 228-231, 234, 239, 242, 244-245, 247-249, 252-253, 257, 260, 291-292, 299-300, 314, 318, 327, 347-348, 350-354, 357-358, 360-361, 364-368, 371, 373-375, 379-380, 385-393, 395-398, 401, 403-404, 406, 415-417, 424, 429, 432-433, 435, 449, 451, 456-458, 464-491, 493-517, 519, 521-523, 529, 531, 533, 535, 537, 539, 541, 543, 545, 547-548, 582, 589-590, 650-654, 664-665, 667-668, 702-704, 709-710, 713, 721, 726, 728, 740-741, 743-744, 751, 753-755, 758, 760-765, 767-771, 773-774, 465-547
Иванова В.Н. 467, 762
Иванова Е.В. 11, 462
Иванова Л.Г. 394
Иванова Т.А. 34
Ивановский А. 404
Иванович С. 280, 287, 301
Игумнова Т. 228
Иероним 412
Ильин Н.Н. 373
Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) 474
Ионов И.И. 292-293

Иоф В.С. 108, 114
Исаков Е. 495
Иструм К.Г. 752

Йогансон Э.П. 35

Каган М.И. 194, 200, 202, 215, 217-221, 226, 386-387, 389, 390, 702
Каган Ю.М. (Невельская К.) 386, 702
Казанский Б.В. 108
Казаков А. 284
Казем-Бек Л.И. 393
Казин В.В. 226, 269, 270, 537, 548
Кайзер Р. 246, 252
Кайзерлинг Г. 376
Каминка А.И. 337-338
Камков Б.Д. 634
Кампанелла Т. 52, 190, 436-438, 440-442
Камю А. 475, 504, 733
Кан Г. 646
Кандинский В.В. 210, 217
Канкарович А.И. 71, 188, 192
Кант И. 73, 110, 116, 160, 175, 187, 192, 224, 226, 261, 450-451, 476-477, 480, 641-642, 673
Каплан С.Н. 138
Каплун К.Г. 394
Каплун С.Г. 35, 63, 259-260, 319, 346, 394, 751, 755
Карандашов П.В. 35
Каратыгин В.Г. 115, 359-360, 389
Кареев Н.И. 15, 109, 115, [illegible]
Карелин В.А. 194
Карсавин Л.П. 15, 109, [illegible]4, 185, 191, 229, 416
Кауфман А.Е. 354
Келлерман Б. 252
Кемаль Паша 344
Кибальчич В.Л. (Серж [illegible]57, 124, 139, 140, 141, 153-154, [illegible]89-191, 414
Кине Э. 617
Кипиани Г.Н. 38
Киреев Г.С. 334-335, [illegible]
Кириллов В. 226
Кирдецов Г.Л. 324
Кистяковский Б.А. 633-634
Клюев Н.А. 95, 189, 192, 232, 234, 243, 367, 508, 534, 548
Ключевский В.О. 648
Книжник-Ветров И.С. 25
Книпович Е.Ф. 34, 228, 400-401
Кнудсен Г. 252
Князев В.В. 268
Князева Н.Г. 121-122, 124, 147, 364
Княжнин В.Н. 367, 391.
Ковалевская Е.В. 39
Коген Г. 646, 720-721
Койген Д.М. 63, 241, 258, 260
Колбасьев С.А. 372, 375, 392
Колубовский И.Я. 108
Колубовский Я.Н. 108
Колчак А.В. 332
Кони А. Ф. 299, 317
Конфуций 447
Коперник 18, 600
Корд А.К. 37
Короленко В.Г. 226, 292, 298
Корсаков М.М. *38*
Корцов М.И. (Миша) 386, 416, 727, 751
Корчевский 451
Котельникова О.М. 108
Котляревский Н.А. 648
Коялович Н.М. 35, 66-67, 71-72, 79-81, 85, 94-98, 102, 113, 116, 119-122, *126, 138, 140, 147, 186, 187, 192, 416*, 752, 755
Крайский А.К. 51, 68, 72, 226
Крамской И.Н. 569
Красильников Н.Д. 177, 178, 727
Красин Б.Б. 217
Краузе К. 642
Кржижановский С.Д. 200, 202, 227, 228
Кристи М.П. 15, 90, 109, 155, 185, 193, 384, 406, 413, 415-416, 451, 721
Крогиус А.А. 114
Кромвель О. 562
Кронфельд 646
Кропоткин П.А. 82, 122, 141-142, 158, 186, 720
Кроленко А.А. 108

Кроль А.Е. 21, 24, 25, 30, 36
Кроче Б. 646
Круз 640
Крутиков Б.А. 114
Крученых А.Е. 565
Крушинский М.Ф. 726
Крылов И.А. 520
Крюкова А. 25,
Кублицкая-Пиоттух А.А. 368, 397, 404, 405
Кудько П.
Кузько П.А. 212, 217, 218
Кузнецов Н.Н. 394
Кузнецов П.В. 209, 217
Кузмин М.А. 62, 152, 534
Кузьмин Н.М. 372, 386, 400-401
Куклярский Ф.Ф. 732
Кукушкина Т.А. 739
Куприн А.И. 524
Курбе Г. 575
Курдиновский Б.Е. 34
Кусиков А.Б. 330
Кушнер Б.А. 12, 13, 16, 19, 20, 24, 32, 56
Кууль С.М. 34
Кюхельбекер В.К. 657

Лаврецкий А. 201
Лавров А.В. 203, 226, 300, 341, 367, 423, 465, 472, 550, 672
Лавров Н.С. 47-48, 77, 99-100, 102, 105, 113, 158, 184, 190, 196, 416, 439, 455
Лавров П.Л. (Арнольди С.С., Доленги А.) 41, 57 , 77, 95, 125, 190, 199, 388, 391, 416, 469, 611-618, 620-621, 623-637
Лавуазье А. 311
Ладыжников И.П. 310
Лазарев А.М. 241
Лазаревский Н.И. 107-109, 115
Лампрехт К. 273
Ланге К. 646
Лапшин И.И. 14, 61, 79, 81-83, 108, 113,114, 185, 416, 651
Ларионов Ф.Т. 37
Ларош А.Г. 37
Ласенер П.-Ж.
Ласк 450
Ласкер-Шюлер Э. 252
Лассаль Ф. 44, 411
Латернер Ф.Н. 414-415
Лацис М.И. 309
Левберг М.Е. 413
Левин В.М. 192
Левин И.М. 192
Левин О. 285, 321
Лебедев В. 394, 406
Лебедев-Полянский П.И. 268
Леже Ф. 572
Лейбниц Г. 475, 495, 612, 641
Лейкина В.Р. 39
Лемке М.К. 468
Ленин В.И. 237, 403, 476, 719, 771
Лентов 117
Леонов Л.М. 228, 529
Леонтьев В.В. 108
Леонтьев К.Н. 176, 189, 191, 417
Леонтьев Я.В. 167, 192, 198, 247, 471, 727
Лермонтов М.Ю. 453, 536, 538
Лернер Н.О. 359, 363, 370
Леруа Э. 187
Лесков Н.С. 417, 524
Лесман М.С. 121-122, 124, 147, 364
Лессинг Г. 641
Ле-Фоконье А. 572-574
Либкнехт К. 326
Лигский К.А. 245
Лисенко Е.Г. 37
Лисицкий Л. М. 252, 318, 330
Литче 644
Лихтенштадт В.О. 166
Ловцкая Ф.И. 307, 309
Ловцкий Г.Л. 307, 309
Лозинский М.Л. 62
Лозовой Н.Г. 383, 385, 392, 394
Локс К.Г. 226
Ломоносов М.В. 535
Лонгин 640
Лоран 617
Лосский Н.О. 14, 30, 32, 41-44, 47, 57, 58, 61, 63, 77, 85, 94, 104, 108, 113-114, 190, 223, 358, 365, 381, 451, 489, 747

Лошкарев П.П. 21, 30, 37, 118, 120-121, 187
Лукач Г. 107
Лукьянов С.М. 108, 399
Луллий Раймунд 82
Луначарский А.В. 72, 107, 196, 292
Лундберг Е.Г. 33, 56, 204, 234, 237, 238, 239, 242-244, 252, 254-256, 258, 260-261, 276, 278, 279-282, 285-289, 291-293, 295, 298, 300-302, 304-305, 307, 310, 315, 316-320, 329, 331, 335-341, 344-346, 405, 467, 471, 727, 774
Лункевич В.В. 483
Лунц Л.Н. 519, 665
Лупин И. 334
Лупул П.Н. 35,
Лурье А.С. 15, 24, 30-31, 33, 57, 78, 176, 356-359, 363, 389
Лурье С.А. 35
Лутохин Д.А. 354
Любарская Е.К. 394
Люблинский Б.И. 37
Лютер А.Ф. 259-260
Ляцкий Е.А. 341-343

Мавшин Д.И. 38
Магазинер Я.М. 109, 113, 115
Магницкий М.Л. 309
Маевская Э.Б. 34
Майков А.Н. 117, 532
Маймонид 721
Макарчук И.П. 34
Макридин Н.В. 385, 392
Максимов Д.Е. 470, 547-[illegible]703
Малевич К.С. 250, 252, 3[illegible]1, 391, 416
Малларме С. 272
Мальмстад Д. (Malmstad [illegible]), 236, 465
Мамардашвили М.К. 51[illegible]
Мандельштам О.Э. 228[illegible]
Маржецкий М.Н. 108
Маркович С. 644
Маркс К. 51, 72-73, 23[illegible]595, 632
Мартов Ю.О. 259-260
Матисс А. 572
Матюшин М.В. 30, 33, 150, 188, 192, 371, 386, 391, 459
Махно Н.И. 751
Машковцев Н.Г. 225-226
Маяковский В.В. 532, 534, 537, 549, 565
Меденников Д.М. 35
Межирицкий М.Е. 383, 385, 392-393
Мей Л.А. 532
Мейер А.А. 14, 21, 24, 27, 30-31, 33, 40, 47, 49, 50, 53, 55-57, 65, 68, 71-72, 77-78, 85-87, 96-98, 102, 104, 109, 113-114, 119-120, 122, 125, 138, 141, 147-150, 153, 156, 184-187, 189, 190-192, 357-358, 364, 374-375, 379-380, 385-387, 389-390, 394, 416, 424, 456, 459, 502, 717, 748, 750, 754
Мейер Л.А. 35, 138, 750, 752, 754
Мейерхольд В.Э. 33, 56, 76, 104, 217, 252, 253
Мейман Э. 645
Мейринк Г. 385, 391
Мейснер Б.А. 34
Мельяк А. 535
Менделеев Д.И. 82
Мендельзон Э. 252
Мендельсон М. 641
Мережковский Д.С. 165, 529
Меринг Н.М. 80-82, 84-85, 87, 95-96, 118, 125, 138-139, 143-144, 148, 394, 648-655, 657, 659, 751, 648-660
Метерлинк М. 272
Меценжэ Ж. 573, 574, 575
Мечников И.И. 224
Милль Д. 141
Милорадович К.М. 108
Милюков П.Н. 338
Минский Н.М. 256, 258, 260, 300-301, 304-306, 324-326, 330-331, 346
Мирау Ф. 334
Михайлов Д.Д. 158, 159, 166 , 186, 191, 318
Михайловский Н.К. 469, 617
Мицкевич А. 46, 412
Мищенко Л.Л. 67-68, 72-73, 80, 86-87, 151-152, 185, 190-191
Мовшенсон А.Г. 38, 69, 73

Можецкий 449
Мор Т. 436
Моргенштерн Х. 226
Мосягин С.П. 39
Мотренинская В.М. 38
Мотренинская С.Д. 38
Моцарт В.-А. 151, 532, 658, 747
Мстиславский С.Д. 125-126, 128-129, 167, 198, 200-205, 207-211, 215-221, 223, 226, 227, 229, 234, 257
Мудролюбов П.В. 34
Музиль Р. 465, 466
Мундр 644
Муратов П.П. 216-217, 252-253
Мухин А.Н. 35
Мюллер-Фрейенфельз Р. 645

Набоков В.Д. 317, 321, 328
Набоков Г. 285
Навашин А.А. 61, 71
Назаров П.В. 35,
Наполеон Бонапарт 147, 151, 153, 157, 185, 191, 459, 703, 717
Нарбурт В.М. 114
Науман 646
Недович Д.С. 217
Незеленов А.И. 541
Некрасов Н.А. 278, 532
Нельдихен-Ауслендер С.Е 62, 152
Немилов Л.А. 109, 115
Немирович-Данченко В.И. 253
Немцев И.В. 365
Нерон 308-309
Нива Ж. 581
Никитин Н.Н. 102-103, 176-177, 518, 526, 529
Николаев Н.И. 702, 708-709, 711, 713
Николаевский Б.И. 233
Николай I 434
Никон 746
Нилендер В.А. 207, 209, 211, 215, 217-219, 257
Ницше Ф. 95, 112, 179, 202, 213, 252, 272, 274, 310, 410-412, 426, 454, 465, 477, 498, 501, 583, 592, 644, 651
Новгородцев П.И, 241
Новикова Б.В. 38
Новомирский Я.И. 125, 139, 191, 198, 200, 207-211, 214-215, 217-220, 257
Новотенова Е.Р. 35

Обатнина Е.Р. 233, 239
Овербек Ф. 411
Овидий 536
Огарев Н.П. 469
Ольденбург С.Ф. 15, 93, 144, 145
Ольхеницкая-Пугавка Ф. 334
Оранский С.А. 58, 65, 78, 115
Орехов М.В. 49, 57
Орлов В.А. 37
Орлова В.Н. 394, 751, 772
Ортега-и-Гассет Х. 484
Ортлих А. 335
Осипов Д.Л. 39
Осокин П.М. 80, 94, 140, 394
Останков П.А. 108
Остроградский М.В. 82
Оттенс В.А. 34, 87
Оффенбах Ж. 535
Оцуп Н.А. 62

Павиль О.С. 36
Павлов И.П. 30, 108, 114
Павлова К.К. 520
Павлович Н.А. 62, 152-153, 202-203, 405
Панов Н.Н. 269
Парменид 581
Парнах В.Я. 330
Пархомовский М.А. 581
Парфенова Л.Ф. 113
Парчевский Ф.Я. 31, 46, 99, 105, 109, 113, 184-185
Пастернак Б.Л. 216-217, 228, 331, 535-536, 547-548
Пергамент М.Я. 115
Перелыгина А.В. 372
Перетяткович Б.Г. 381-382, 387, 390, 727
Петерс Я.Х. 309
Петр I 195, 347
Петрарка Ф. 656
Петров-Водкин К.С. 23, 30-33, 50, 56-57, 64, 72, 76-78, 99, 104, 109,

112, 115, 137, 143, 157-158, 185, 187, 190-191, 358-359, 375, 389, 394, 416-417, 727, 749, 754
Петровский А.С. 216, 217
Петровский Д.В. 229
Петровский 330
Петрункевич И.И. 321
Пигулевский 45
Пикар М. 252
Пикассо П. 572
Пильняк Б.А. 316, 319, 525, 547
Пинес Д.М. 125, 127, 137-139, 144-146, 151-152, 155, 158, 166, 203, 352, 359, 360-361, 363, 368, 369, 371-380, 382, 385, 388, 392-393, 396-397, 399, 401-402, 404-407, 413, 416, 665-667, 712-713, 721, 723, 740-741, 746, 754, 758, 769
Писарев Д.И. 628, 646
Пищулин В.Ф. 108
Платон 82, 110, 131, 185, 191, 261, 313, 410, 412. 416, 424, 436, 441, 449, 484, 492, 499, 501, 581, 639, 640, 648-649, 651, 705
По Э. 226
Победоносцев К.П. 76
Поварнин К.И.114
Поварнин С.И. 114
Погодин М.П. 656
Поддубный И.М. 750
Покровский М.Н. 107, 198
Полетаев Е.А. 15, 358, 47[illegible]65, 506
Полетаев Н. 269
Полетика Ю.П. 413
Поливка Й. 342-343
Полонская Е. Г. 37 , 372 [illegible]375, 391, 392, 752
Полоцкий С.А. 392
Поляков Г.П. 217
Поляков С.Л. 259-260
Поляков Ф. 341
Полянская Л. 50
Полянский Н.А. 200, 2[illegible]6
Понтий Пилат 484
Попов 34, 38
Порошин З.А. 35
Постников С.П. 291
Потебня А.А. 538, 673
Потапова А.П. 334
Потехина А.Д. 395
Потулов В.Н. 34
Пришвин М.М. 167-168, 204, 228, 231, 476-477, 493, 527, 530
Пришвина В.Д. 493
Птолемей 18, 600
Пуанкаре А. 82
Пуачников Д.П. 39
Пумпянский Л.В. 111, 113, 115, 119, 122, 133, 136, 147, 153, 156, 158-159, 166, 176, 185-189, 191-192, 356, 358-359, 389-390, 416, 452-453, 460, 702-719, 752, 755, 702-719
Пуни И.А. 290
Пунин Н.Н. 31, 33, 49, 57, 97, 115, 354, 358, 363, 369-371, 375, 389, 391, 405, 406, 470, 485, 506
Пушкин А.С. 76, 116, 268-269, 356-358, 360, 387, 390, 392, 417, 434, 453, 455, 515, 532, 538, 565, 654-659, 703, 747
Пушкина М.Д. 35, 160
Пэрна Н.Я. 111, 116-118, 185
Пэрна Н.П. 113
Пяст В.А. 93, 94, 110, 143-144, 152, 175, 187

Рабинович Я.Л. 410, 413, 755
Радлов А.Д. 152
Радлов Э.Л. 14, 24, 32-33, 37, 68, 108-109, 114, 185, 191, 295, 416, 648-649, 729
Радлов Н.Э. 115, 143, 156
Радлов С.Э. 115 , 185, 188
Радлова А.Д. 75
Раевская-Хьюз О. 233, 292. 474
Райков Б.Е. 17, 27, 34 ,41, 57, 77
Райнов Т.И. 388, 390
Ракшинский А. 179, 727
Рапопорт М.Ю. 35
Рассел Б. 107
Ратенау В. 316, 369
Рачинский Г.А. 179, 196, 216-217, 299
Рашковская А.Н. 402, 405-406
Редько А.М. 401-402

Рейфилд П.Д. 475
Рембо А. 272
Рембрант Х. 116, 477
Ремизов А.М. 13, 70-71, 73-74, 78, 113, 187, 232-234, 239, 256-258, 260, 262, 279, 290-291, 301, 315-317, 319-321, 334, 344, 348, 524-526
Ремизова-Довгелло С.П. 13, 256, 258, 260-261, 290, 315, 317, 320
Репин И.Е. 82
Рескин Д. 646
Реховский А.М. 38
Рибо Т. 646
Риккерт Г. 581, 610, 613
Рильке Р.-М. 252
Римский-Корсаков А.Н. 14, 24, 115, 469, 517-518
Рогаль А.Н. 35
Рогачевский А. 581
Роде (Род Э.) 411
Роде А.С. (Э.) 336, 344
Рождественский В.А. 62, 380, 392, 401-402, 413
Рожков Н.А. 109, 115
Розанов В.В. 168-169, 231, 358-359, 362, 363, 380, 386, 391, 426, 469, 582, 666
Розенталь Н.Н. 55, 58, 63, 65, 77, 113, 155, 184
Роллан Р. 140, 385, 391
Росс К.Ю. 35
Роттер С.Ф. 34
Рублев А. 157
Рукавишников И.С. 217, 299
Рура Р.В. 739
Русанов Н.С. 293
Русин П.И. 36
Руссо Ж.-Ж. 82, 324
Рыдлевский 390
Рязанов Д.Б. 284, 288
Рязанова Л.А. 477

Сабашникова М.В. 110, 113, 129, 131, 136, 138, 188, 192, 459, 461
Сабанеев Л.Л. 217, 252, 253
Савонарола Д. 155, 437
Садофьев И.И. 226
Сакетти Л. 381
Салтыков-Щедрин Н.Е. 524
Сальери А. 658, 747
Сартр Ж.-П. 475
Свасьян К.А. 479, 505
Сев Л.А. 284, 285, 288, 295, 296, 297
Сегалова М.Р. 259
Седенко Ф. И. (Витязев П.; Витязев Ф. И.) 26, 125, 141, 146, 186, 191, 355, 388, 472
Сезанн П. 571, 574
Сеземан В.Э. 108, 241,
Сенека 640
Сергеев-Ценский С.Н. 524
Серебреников В.С. 108, 114
Серова М.М. 406
Сидорова 138
Сизов М.И. 216, 217, 226
Сильвин М.А. 15
Скалдин А.Д. 405
Скарская Н.Ф. 203, 372-733
Сквозников С.Г. 34
Скворцов Н.В. 74
Скоромолотов 83
Скрябин А. Н. 380, 381
Слиозберг С.Г. 36
Словак Э.Д. 34
Слонимская Л.Л. 482
Слотердайк П. 730
Смирнов А.А. 416
Смирнова А.Е. 34
Смородин А.Н. 36
Смотрицкий П.Ф. 138
Собецкий М.Г. 158, 162-164, 184
Соковнин 330
Соколов М. 53
Сократ 112, 313, 445-446, 454, 639
Соловьев В.С. 19, 67, 72, 81, 85-86, 102, 185, 199, 284, 287, 295, 392, 399, 416, 426, 429, 445-446, 475, 532, 583, 647-648, 650-651
Соловьев С.М. 199, 200, 207, 209, 211, 215-216, 219, 223, 226-227, 257, 489
Сологуб Ф.К. 13, 24. 152, 232, 403-404, 478, 494, 523-524, 531-532, 764
Солонович А.А. 226
Сорокин Г.Э. 35,
Сорокин П.А. 15, 26, 49, 57, 108, 113,

115, 189, 365, 416, 752-753, 755
Софокл 538
Спасский Л.Л. 108
Спенсер Г. 646
Спиноза Б. 530
Срезневский В.В. 108
Станкевич В.Б. 259-260, 321-322, 324, 327, 337, 338, 340-341
Станкевич Н.В. 388, 390
Степун Ф.А. 200, 210, 216-219, 422
Стонов 64
Столович Л. 581
Столяров М.П. 198, 200, 202, 205, 207-212, 215-221, 223, 226-227, 257
Стоянов Б.С. 58, 78, 186, 190
Стравинский И.Ф. 518
Струве П.Б. 582
Сувчинский П.П. 259-260, 334-335
Сугай Л.А. 213, 421, 461
Султанова Е.П. 14
Сумбулов С.М. 35
Сумский С.Г. 290, 322-323, 332
Сутугина В.А. 739
Сыщиков С.В. 38
Сюннерберг К.А. (Эрберг К.) 12-13, 16-18, 20-21, 24, 28, 30-31, 33, 41, 46, 49-50, 54-58, 60, 62-64, 66-68, 71-72, 76-79, 81, 85-87, 95-96, 98, 100-102, 104-105, 108-109, 111, 113, 117-122, 124-133, 135-137, 143-144, 146, 148-150, 152, 177-178, 184-187, 188, 190-191, 194, 225, 229, 234, 248-250, 252-254, 257, 300-301, 360, 363-364, 371, 373, 375-377, 389, 393, 416, 422, 424-425, 427, 456-457, 500, 502, 548- 555, 557, 561, 563, 565, 567, 569, 571, 573, 577-579, 589-590, 609-610, 638, 649-650, 652-653, 662, 703, 709, 728, 740, 744, 747-749, 753, 754, 765, 768, 770, 548-580

Таганцев В.Н. 107
Тагор Р. 260, 269, 375.
Таиров А.Я. 253
Тан-Богораз В.Г. 354, 377-378, 389
Тареев М.М. 106
Тахтарев К.А. 109. 115
Тик Л. 643
Тимонов Г.Н. 34,
Тимофеевский Т.П. 35,
Тихонова А.П. 35
Тихонов Н.С. 372, 375, 392, 519, 535-536
Толстой А.Н. 259 , 260, 290, 330
Толстой Л.Н. 31, 57, 77, 100-101, 104, 142, 185, 187, 190, 235, 274, 292, 310, 324, 400-401, 443, 445-448, 453-455, 507, 521-522, 524, 565, 647, 667-668, 675, 678, 746, 752
Томашевский Б.В. 379, 387, 390, 416
Трапезников Т.Г. 216-217
Трегер В. 252
Троцкий Л.Д. 42, 508, 521
Трутовский В.Е. 193
Труфанов 391
Тубянский М.И. 375, 389, 402, 717
Тургенев И.С. 524
Тургенева А.А. 217, 300
Тынянов Ю.Н. 43, 45, 356-358, 372, 379, 387, 390, 416
Тьеполо Д. 117
Тэн И. 645
Тютчев Ф.И. 268-269, 532, 535, 654, 660, 747

Ульштейн 316
Успенский А.А. 39
Успенский Г.И. 515, 524
Уханова А.В. 37, 136, 138, 393, 751, 755
Уэллс Г. 260

Федин К.А. 519, 529
Федоров В.С. 58
Федоровский Н.М. 259
Фейербах Л. 379, 386, 390
Фельтен Н.Е. 100-101, 104, 109, 110, 113, 187
Фет А.А. 532, 648, 654, 659-660
Фехнер Г. 644, 755
Фехнер Е.Ю. 67, 79-80, 94, 121, 125, 136, 138-139, 300, 393, 750, 755
Фигнер В.Н. 47, 232

Филипченко Ю.А. 114-115
Фингерт Б.Я. 388
Финкельштейн А.Н. 35
Философов Д. В. 14
Фиркант 273
Фихте И. 475, 642, 644
Фишер Ф.Т. 643
Флейшман Л. 233, 334, 396
Флеккель-Гизетти Е.О. 36
Флобер Г. 226
Флоренский П.А. 202, 216-217, 362, 385, 391
Флоровский М.Н. 36
Фолькельт И. 645
Фома Аквинский 110
Форш О.Д. (Терек А.) 97, 100-102, 104, 109, 113, 118-121, 129, 133, 134, 135-137, 139, 143, 145, 147, 149, 151, 153, 164-166, 176, 185-189, 192, 228, 231, 360, 375, 379, 391, 403, 433, 467, 591, 652-653, 664, 740, 744, 748-749, 754, 757, 774
Франк Г.В. (Frank H.) 259-260, 331, 404, 417
Франк С.Л. 217, 229
Франковский А.А. 108
Франс А. 527
Фредрикс В.Д. 79
Фрезинский Б. 372
Фрейгина Н.Д. 35
Фрейд З. 252
Френкель 254
Фриче В.М 268
Фрог Е.М. 35

Хабуков Н.А. 37
Хайдеггер М. 477, 490, 498
Халатова Н. (Халатьян Н.) 97, 151, 187
Хармая А.Б. 36
Хвольсон О.Д. 79, 108, 114
Хлебников А.Г. 139
Хлебников В.В. 228, 249, 250, 369-371, 391, 537, 548-549, 565
Хмурая О.Ф. 394
Ховин В.Р. 168, 359, 363, 386, 391
Ходасевич В.Ф. 152, 345-346
Холодковский Н.А. 454
Хординайнен А.М. 35
Христиансен Б. 646
Хьюз Р. 233

Цветков И.Л. 36
Цвилин Я.Б. 34
Цезарь Юлий 705
Цейтлин Н.Л 34, 39
Цепзинг 644
Цешковский А. 199
Циглер 411
Циммерман Г. 644
Цинберг С.Л. 34, 39, 717

Чапыгин А.П. 204
Чебышев-Дмитриев А.А. 87, 95-98, 102, 113, 119-120, 122, 124, 128, 132, 134-136, 138-140, 144, 162, 185-189, 191-192, 371-373, 375, 391, 393, 401, 406, 416, 459, 741,742, 746, 747, 754, 756
Чернов В.М. 316, 324, 327, 346
Чернышевский Н.Г. 386, 391, 646
Чернявский В.С. 34,
Черепнин Н.П. 56
Чертков Д.К. 190, 401, 416
Чесноков П.Г. 381
Чеснокова А.Т. 35
Чехов А.П. 225, 260, 361, 524
Чешихин В.Е. 17, 18, 19, 27, 84, 185, 416
Чижевский Д.И. 241
Чижиков О.Л. 193
Чистяков П.П. 143, 517
Чистякова Э.И. 442
Чичерин Г.В. 333
Чубманс С.И. 395
Чугаев Л.А. 108, 114
Чуднов Ф. Я. 138
Чудновская Ф.Я. 36
Чуковский К.И. 316
Чулков Г.И. 202
Чхеидзе А.И. 335

Шабельский-Борк П. 338
Шагинян М.С. (Самойлов П.) 110 , 156, 159, 164, 187, 360

Шапиро Б.М. 42, 45, 394, 750, 755
Шариков И.К. 36
Шацкий Б.Е. 324
Шварц М.Н. 271
Шамполлион Ж. 82
Шекспир У. 18, 156, 230, 373, 475, 565, 600
Шелли П. 364, 390
Шеллинг Ф. 273, 642, 644
Шеманский А.В. 395
Шенберг А. 125, 141
Шерль 296
Шерон Ж. (Cheron G.) 237, 239, 388, 472, 473, 474
Шерон Л. 473
Шестов Л. 32-33, 76, 104, 237, 238, 239, 241, 256, 257-258, 260-261, 276, 278-280, 282-291, 293-298, 300, 302, 307, 309, 310, 318-319, 321, 329, 334-335, 343, 345, 347-348, 406, 478, 480, 494, 496-497, 551, 582
Шешковский С.И. 309
Шефтсбери А. 640
Шик Х.И. 385, 392, 394
Шиллер И. 412, 531, 641
Шимановский В.В. 143
Шимкевич М.А. 138, 144-145, 393, 751, 755
Шкапская М.М. 290
Шкловская Н.А. 37
Шкловский В.Б. 24-25, [illegible]7, 187-190, 249, 252, 356-358, [illegible]6, 544, 661, 668
Шлегели, братья 642
Шлейермахер Ф. 642, 6[illegible]
Шлецер Б.Ф. 234-235
Шмелев И.С. 524
Шмерельсон 392
Шмидт П.Ю. 111, 115
Шопенгауэр А. 73, 644
Шпенглер О. 213-214, [illegible]13, 380, 460, 546, 549
Шпет Г.Г. 146, 195, 19[illegible]15, 217-221, 226, 250, 2[illegible]99, 388, 390-391, 730, 7[illegible]
Шредер К.М. 66, 71, [illegible]
Шрейбер Я.С. 239, 3[illegible]
Шрейдер А.А. 198, 200, 207-208, 217-219, 234-235, 245-248, 250, 253, 256-258, 260, 283, 298, 302-304, 309, 318-319, 324, 330, 334, 471
Штейнберг А.З. (Steinberg A.) 12-13, 16-18, 21, 24-25, 27, 30-31, 33, 40, 44, 46, 49-50, 52, 54, 56-58, 60, 63-64, 67-68, 72, 76-81, 83, 84, 89, 93-96, 98, 101, 104, 107-108, 113, 115, 117-120, 122, 124-125, 127-128, 130-131, 133, 136-138, 141, 148, 151, 153, 156-166, 177-178, 184-187, 189-199, 203, 207-208, 230, 245, 247-248, 250, 253, 257, 300-301, 347, 350, 354-358, 360, 363, 365, 371, 373, 375, 376, 389-391, 394, 416-417, 423-424, 433, 435, 442, 449, 451, 456, 467, 474-475, 493, 496, 551, 581-589, 591, 593, 595, 597, 599, 601, 603, 605, 607, 609, 611, 613, 615, 617, 619, 621, 623, 625, 627, 629, 631, 635, 637-639, 641, 643, 647, 651-653, 664, 702, 709-712, 720-721, 726-728, 732, 744-745, 754, 756, 768, 581-647
Штейнберг И.З. 198, 200, 207, 215, 217, 218 , 221, 225, 257
Штейнер (Штайнер) Р. 147, 258, 276-277, 301, 323, 421, 423-424, 432, 463, 492-493
Штелин 747
Штигельглаз А.Н. 35
Штолль Е.Ю. 35
Шуберт-Зольдерн 476
Шубина В.А. 35
Шуман Р. 518
Шуппе В. 476
Шутаева А.В. 394

Щеголев П.Е. 20, 404
Щерба Л.В. 375

Эбериус В.А. 394
Эдисон Т. 82
Эдлер О. 334
Эйхенбаум Б.М. 14, 24, 115, 177, 189, 356-358, 379, 387, 390, 416-417, 544
Эйнштейн А. 107, 146-147, 274, 377-378

Эйчер Ю.Я. 37
Элиасберг А.С. 262
Эльснер 296
Эмпедокл 454
Энгельс Ф. 146,
Эпикур 110
Эренбург И.Г. 256, 258, 260-261, 290, 318, 330, 354, 527-529, 547, 372, 374, 391, 395
Эрнест Г. 252
Эсхил 18, 538, 600
Эфрос А.М. 252
Эфрусси П.О. 114

Юденич Н.Н. 332-333
Юлиан Отступник 55, 65, 77

Яковенко Б.В. 241, 450
Якубинский Л.П. 379, 390, 416
Якулов Г.Б. 201, 252
Янгиров Р. 341
Янковский Г. 474
Янковская В.П, 35
Янковские 473
Яновская Н.П. 35
Ярошевский Б.Г. 34
Ярышна А.Н. 34,
Ященко А.С. 237, 258, 260, 290, 300, 319, 336-341, 344, 471

Beyer T.R. 236
Riegner M.G. 581
Zech T. 334

Владимир Белоус. ВОЛЬФИЛА
[Петроградская Вольная Философская Ассоциация]:
1919–1924.
В двух книгах.
Книга II : Хроника. Портреты.

Модест Колеров и издательство «Три квадрата»
Москва 2005

ISBN 5-94607-023-1

Дизайн серии: Сергей Митурич,
верстка: Тамара Донскова, Татьяна Боголюбова,
корректура: Галина Элькина, *производство*: Елена Кострикина

Издательство «Три квадрата»
Москва 125315, Усиевича д. 9, тел. (095) 151-6781, факс 151-0272
e-mail: triqua@postman.ru

Подписано в печать 21.10.2005. Формат 70x100/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 25,25. Тираж 1000 экз.

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1940